КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ
ПО ИСТОРИИ
СРЕДНИХ ВЕКОВ

СОСТАВЛЕННАЯ КРУЖКОМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА
П. Г. Виноградова

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

Москва - 1899 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В третьем выпуске «Книги для чтения» соединены статьи по истории образования государств Западной Европы. Согласно условию, поставленному соискателям премии Петра Великаго, обращено значительное внимание на историю славянских народностей, относительно которых так трудно русскому читателю найти сведения в общераспространенных исторических сочинениях. Желанием полнее обставить этот отдел объясняется, между прочим, и помещение двух статей, любезно составленных для «Книги для чтения» чешскими учеными, докторами К. Гиблем и В. Новотным. Статья С. И. Анцыферова о Жанне д'Арк была доставлена несколько поздно и потому помещена вне очереди, в конце книги.

L. Завоевание Англии норманнами

Датчане и нормандцы

«Чтобы наказать народ англов, Всемогущий Бог замыслил против него двойное нападение, как бы военную засаду; с одной стороны он устроил вторжение датчан, с другой—возбудил козни норманнов, так что англичане, если и избавились от датчан, не могли ускользнуть от норманнов».

Так размышлял один благочестивый историк XII века, описывая несчастия Англии, и его слова верно изображают роль обоих народов в той борьбе, которую выдержала Англия и которая завершилась катастрофой 1066 г.—завоеванием ея норманнами.

Первые враги—датчане—были издавна грозой для англичан. Еще в VIII веке, когда по всем морям Европы, под предводительством викингов разбойничали шайки северных пиратов, Англия более других стран страдала от их нападений; пираты поднимались по устьям рек, жгли, убивали, грабили, забирали в плен и потом исчезали с захваченной добычей. Позднее характер набегов меняется, становится более мирным и прочным; пираты стали осаживаться на берегу, заводили здесь колонии, приобретали оседлость. Так, на севере Англии, они заняли обширную сплошную территорию, смешались с туземным населением, изменили его этнографический тип и тем вызвали племенную рознь между югом и севером Англии. Но наш историк говорит о третьем и последнем периоде этой борьбы с датчанами; в это время, в XI в., на севере Европы выделились три больших государства—Швеция, Норвегия, Дания; Англия опять борется с датчанами, уже не с отдельными шайками, а с целым организованным государством; борьба была упорна и несчастлива; датчане достигли полнаго торжества, их король сделался королем Англии; но эта победа оказалось непрочной, и плодами ея, как верно заметил наш историк, действительно воспользовались норманны.

Эти норманны, т. е. жители герцогства Нормандии, были, как и сами датчане, потомками прежних скандинавских пиратов. Берега Англии и Галлии переживали тогда одну и ту

Пособия: *A. Thierry*, Histoire de la conquete d'Angleterre par les Normandes; *E. Freeman*, The Norman conquest; *Stubb*, Constitutional history of England; *Green*, History of the English people.

же судьбу. Те же викинги, под предводительством которых пираты громили Англию, делали высадки и в Галлии; потом и здесь началась колонизация, появились поселения, которым покровительствовали сами французские короли, надеясь в осевших варварах найти защиту против их кочующих соплеменников. До нас дошли сведения о некоторых таких колониях; так, например, мы знаем о колониях Ингвара, о Гастингсе—грозе морей, который наводил ужас на всю Европу и, наконец, наскучив победами, потребовал и получил от французскаго короля титул графа и город Шартр в управление. Но колонии в Галлии были малочисленны, не занимали сплошной территории и не могли иметь того значения, как в Англии. За то блестящая будущность выпала на долю одной из них, основанной на самом севере Галлии, в бассейне реки Сены. Это и было герцогство Нормандия.

Герцогство Нормандия

Происхождение этого герцогства, как и следовало ожидать, украшено легендами. Разсказывали, что в X веке, когда французским королем был один из последних Каролингов, Карл Простоватый, однажды у устьев Сены высадилась шайка норманнов; ея викингом был Роллон, норвежский выходец, человек столь громаднаго роста, что не находил себе годной лошади и постоянно ходил пешком, получив за это прозвище Роллона-Ходока. Не встретив ни откуда сопротивления, так как король был в это время занят борьбой с одним из своих вассалов, норманны дошли до Руана, заняли его и решили здесь поселиться. Наконец, король выслал против них войско, и норманны сошлись с ним у притока Сены; при французском войске был и знаменитый Гастингс, тогда уже граф Шартрский; он посоветовал вступить в переговоры, прежде чем рисковать битвой, и, подъехав к реке против того места, где остановились норманны, закричал своим громким, слышным на другом берегу голосом: «Эй вы, храбрые люди, как зовут вашего господина?»—«У нас нет господина, отвечали норманны, мы все равны».—«Но зачем же вы пришли в эту страну и что вам нужно?»—«Выгнать отсюда ея жителей и завладеть землей,—было коротким ответом норманнов; но кто ты, который так хорошо говоришь на нашем языке?»—«Разве вы не слыхали, продолжал Гастингс, о Гастингсе, знаменитом викинге, который водил по морям столько кораблей и столько зла нанес этому государству?»—«Слыхали, отвечал Роллон; Гастингс хорошо начал, но кончил дурно; мы же никому не поддадимся, что завоюем, будет наше. Если хочешь, возвести это твоему королю». Старый Гастингс узнал самого себя в таком ответе норманнов; вернувшись, он посоветовал не отваживаться на битву, и сам покинул лагерь; но французы не послушались, на другой же день напали на норманнов и были совершенно разбиты.

16 лет после этого прожили норманны в Руане, воюя с соседями и постоянно увеличивая подвластную территорию. За это время успела несколько утихнуть их страсть к приключениям, и, когда король французский опять вступил в переговоры с ними, то Роллон оказался сговорчивее. Он согласился заключить с королем мир и стать его вассалом, если король уступит ему за это земли Бретани и Невстрии. Прежние враги съехались для заключения этого договора, и Роллон, взявши в свои громадныя руки руки короля, произнес обычную вассальную клятву. Передают еще одну характерную подробность. После клятвы по церемониалу новый граф должен был поцеловать ногу сюзерена. Роллон отказался исполнить сам этот унизительный обряд и поручил это одному из своих солдат; тот подошел к королю, схватил его за ногу, не сгибая колен, поднял ее к губам и повалил короля навзничь. И громкий хохот поднялся тогда среди грубых норманнов.

Так разсказывали о начале этого государства, которое по имени северных пришельцев и было названо Нормандиею. Но эти дикие люди, которым король уступал целую область, чтобы только они сидели спокойно, на почве Франции, смешавшись с ея населением, быстро поддались его влиянию; они принимают христианство, заимствуют французский язык, усваивают французскую культуру, и через несколько поколений в этих французских норманнах мы так же мало могли бы узнать прежних северных разбойников, как сами датчане, попадая в Нормандию, не узнавали в них соплеменников. Все здесь переменилось. Кочевники, не знавшие когда-то других жилищ, кроме лодок, сделались оседлым народом, полюбили удобства и роскошь, блеск и веселье придворной жизни и покрыли всю страну сетью массивных укрепленных замков; люди, не терпевшие прежде ничьей власти, завели у себя феодальный порядок с его цепью взаимных подчинений. Бывшие поборники всеобщаго равенства, они теперь больше, чем кто бы то ни было, кичатся знатностью, гордятся происхождением, изучают геральдику, и их герцог Ричард, как говорят, не допускал к себе лиц, не состоявших с его домом в законном или незаконном родстве.

Так переродились норманны. Но скандинавская кровь в них не пропала безследно. Казалось, что неукротимая отвага севернаго пирата, сочетавшись с галльскою живостью, породила какую-то особую расу, передовое племя Европы. Французские норманны явились самыми блестящими и типичными представителями этого рыцарскаго века. Усердные приверженцы своей новой религии, первые в делах благочестия, в подарках монастырям, в поломничестве, они в то же время славились и как лучшие воины Европы; они кидаются всюду, куда только можно, обнажают меч за чужие, самые различные интересы; то защищают восточную церковь от турецких нашествий, то теснят ее у нея же на родине. Но любя военное дело, они не отстают и в мирной государственной деятельности, основывают королевства в южной Италии и Сицилии и выставляют там ряд замечательных правителей. Не создав ничего новаго в мире наук и искусств, они все перенимали, улучшали, распространяли и, наконец, наводнили Европу своими учеными, поэтами, богословами. Из этого племени вышли крупнейшие люди того времени—и Вильгельм Завоеватель, и тот Роберт, который первый взошел на стены Иерусалима, и еще более могущественный Роберт Гюискар, перед которым обратились в бегство императоры востока и запада и, наконец, удивление современников и потомства, поэт, ученый, воин и законодатель, гроза и папства и ислама, проклинаемый одними как отступник Христа, а другими как отступник Магомета, веселый, храбрый, неутомимый п безбожный император Фридрих II. Таково было это даровитое и все еще безпокойное, получившее склонность к культуре, но и не утратившее страсти ни к приключениям, ни к завоеваниям племя, жившее на северном берегу Франции, в местности, богатой лесами и реками, только одним узким проливом отделенное от Англии, которую ему суждено было покорить.

Сношения Нормандии с Англией

Сношения нормандцев с Англией начались гораздо раньше завоевания. На рубеже X и XI века в Англии правил Этельред, один из худших ея королей, перешедший в потомство с презрительной кличкой «Неловкаго». Опасность со стороны датчан достигла крайняго напряжения. Два могущественных короля, Свен датский и Олаф норвежский, без устали громили Англию. Не будучи в силах защищаться, Этельред стал искать посторонней помощи, и его взоры естественно упали на соседний боевой народ норманнов. Тогда-то и завяза-

лись впервые сношения между Англией и Нормандией. Этельред обратился к норманнам за помощью и, чтобы обезпечить за собой их союз, предложил руку сестре норманскаго герцога, красавице Эмме; она приехала в Англию, и вместе с этим масса норманнов впервые появилась на главных должностях государства. Так открылась дорога норманскому влиянию, пролог к завоеванию начался; но датчане, которые послужили первой причиной к этому, добились сначала сами минуты полнаго торжества.

Норманская помощь не спасла Этельреда, и после 10-летней борьбы с Свеном он был низложен с престола и с женой и детьми бежал в Нормандию. Свен был выбран на его место, но скоро умер. Тогда датчане провозгласили королем его сына Канута, а англичане призвали назад Этельреда. Снова загорелась борьба Англии с датчанами. Героем ея явился молодой сын Этельреда Эдмунд, по прозвищу Железный Бок; сначала в качестве военачальника, а после смерти Этельреда выбранный королем, Эдмунд проявил нечеловеческую энергию: в течение 7 месяцев дал 7 больших битв, не раз отбивал осаду от Лондона, и успел вырвать из рук Канута юг Англии; после упорной борьбы, Канут и Эдмунд заключили мирный договор, по которому поделили Англию между собой течением реки Темзы. Но через несколько дней после этого договора Эдмунд внезапно скончался, и тогда Канут был выбран королем уже всей Англии. Так одержали датчане полную победу, и в Англии началось 18-летнее правление датскаго короля Канута Великаго.

Датское владычество оказалось для Англии счастливым временем; ничто не нарушало полнаго покоя: не было ни возмущений, ни междоусобных войн, ни вражеских нашествий. Канут-чужеземец не оскорблял національнаго чувства англичан; он искренно любил их родину; из 7 стран, входивших в состав его великой державы, он здесь всего охотнее жил, ее первою называл в своем титуле; даже резиденцию он выбрал не на датской полосе Англии, а на юге, в коренной саксонской области Вессексе. Он не стремился раздавать датчанам главных должностей в Англии, а напротив, англичанам открыл в Данию широкий доступ. Чтобы стать ближе к своему новому народу, он предложил руку вдове Этельреда Эмме, укрывшейся в Нормандии; Эмма согласилась и приехала в Англию, оставив своих сыновей от Этельреда, Эдуарда и Альфреда, попрежнему в Нормандии, которая, таким образом, стала для них второю родиной—факт маловажный сам по себе, но богатый последствиями.

Вся Англия в эту пору представлялась как бы союзом отдельных общественных групп, которыя соединялись во все более и более крупныя единицы.

Владычество Канута не внесло серьезных перемен в тот политически и общественный строй, который до него сложился в Англии, и о нем следует сказать несколько слов, чтобы видеть, какие порядки существовали в Англии перед ея завоеванием.

Саксонский строй

Самой мелкой такой группой являлось село; всеми делами в нем заведывал сход поселян, на котором лежали заботы хозяйственный и полицейская. Рядом с селом можно поставить город, в котором собрание горожан ведало торговую полицию и рыночныя дела. Несколько сел и городов объединялись уже в более крупное деление—сотню. Сотня также имела свое особое собрание, в состав котораго входили помещики, священники и затем выбранные люди от городов и сел; ведомство этого сотеннаго собрания составляли преимуще-

ственно судебныя дела. Несколько сотен образовали графство, главное деление Англии; графства не были произвольною административной единицей, а по всей вероятности, возникали сами собой по мере объединения Англии; некоторые из них до сих пор напоминают своими именами отдельныя племена или самостоятельныя королевства древней Англии. В ведении графства сосредоточивались все важнейшия местныя дела; подобно тому, как это было в селах и сотнях, эти дела лежали на особом собрании—вече графства, в которое входили помещики, должностные люди, судьи и затем выборные от каждаго города или местечка. Кроме этого собрания, в каждом графстве мы видим обыкновенно трех должностных лиц: епископа, графа (ёрла), должность котораго была выборной или наследственной, и, наконец, шерифа, представителя королевской власти, обязаннаго наблюдать за исполнением законов и управлением королевскими поместьями. Графство было самым крупным делением, союз их и составлял собственно Англию. И для дел всего королевства было свое особое собрание, в котором выражалось единство страны: это было высшее политическое учреждение государства, так называемый уитенагемот; в состав его входили, с одной стороны, представители отдельных графств, т. е. графы и епископы, а с другой—представители королевской власти, т. е. сам король, его товарищи и дружинники—тэны. Сфера ведения уитенагемота была очень широка. Он иногда присвоивал себе право низлагать короля или назначать ему преемника; утверждал проекты законов, разрешал объявление войны, заключение мирных договоров, участвовал в заведывании флота и армии и т. д. Таким образом, мы видим, что через все политическое устройство страны, с верху до низу, проходит коллегиальное начало—остаток германскаго быта; каждая из общественных групп, на которыя распадалась Англия, село, город, сотня, графство имеет свое особое собрание; и, наконец, для всей страны это завершается самым грандиозным собранием, уитенагемотом.

Но в то же самое время можно заметить в Англии и другия черты, которыя показывают, что этот общинный быт разлагается и переходит в другия формы; прежнее равенство постепенно само собой исчезает, и наоборот к отдельным, более сильным людям начинает мало-по-малу переходить политическая, государственная власть над другими.

Уже при Кануте существует так называемая комендация, которая состоит в том, что слабые люди для того, чтобы найти себе защиту и покровительство, добровольно подчиняют себя власти других более могущественных людей; государство не только допускает это подданство частным людям, но и передает таким патронам некоторыя свои права над их подданными—право суда, командования в войске и т. д.; на фоне политическаго равенства являются таким образом люди, наделенные особой политической властью. Существует и «сока», зависимость одного человека от другого в судебном отношении; в виде исключения хозяин, напр., мог судить своих домашних; с течением времени подобное право расширяется: государство дает помещикам право судить своих арендаторов; и хотя эти арендаторы остаются попрежнему свободными людьми, но подчинение их суду помещика уже является началом ограничения их гражданских прав, установлением для них политической зависимости. Затем короли стали награждать своих дружинников за службу земельными участками, и тем создали для них самостоятельное положение землевладельцев. Наконец, могущественнейшие графы приобрели в своих областях политическое положение почти самостоятельных князей. Таков был общественный строй, который существовал в Англии накануне ея завоевания; он представлял собою, очевидно, переходную ступень развития: королевская

власть слабеет, вечевое начало падает; более сильные люди присвоивают себе политическую власть над другими, единство королевства разрушается—словом, происходят все те процессы, которые постепенно приводят к установлению феодализма. Этим переходным состоянием Англии и объясняется в значительной мере легкая победа норманнов и ея последствия.

Отметим теперь некоторый изменения, введенный Канутом в государственном строе страны. Как полководец, завладевший Англией благодаря войне, он естественно обратил особое внимание на ея военную организацию. Канут первый образует хорошо вооруженный и обученный отряд королевских телохранителей—гускарлов, главную силу английскаго войска.

Ему принадлежит и другая реформа. Во главе каждаго графства Англии до него стоял особый граф; только Вессекс, старинная саксонская область, был в исключительном, привилегированном положении; он не имел отдельнаго графа, а считался непосредственною собственностью короля, так что его графом был сам король Англии. Но Канут, как правитель целой громадной державы, отказался от прямого заведывания какой-либо частью королевства, обратил Вессекс в обыкновенное графство и во главе его поставил особаго великаго графа, котораго сделал своим главным помощником в деле управления всем королевством. Эта реформа любопытна, между прочим, потому, что на новую должность великаго графа Вессекса и главнаго помощника короля Канут назначил человека, которому предстояла великая роль в истории родины—Годвина.

Годвин

Только очень темные слухи ходили о прошлом этого замечательнаго человека. Разсказывали, что во время отчаянной борьбы датчан с королем Эдмундом один из главных датских военачальников Ульф заблудился в лесу и, проплутав целую ночь, к утру встретил молодого пастуха, гнавшаго стадо овец. На его просьбу указать ему дорогу пастух сначала отказывался, но потом вместе с ним уехал в датский лагерь, где Ульф из благодарности поместил его на службу к датскому королю. Говорили, что этот пастух и был Годвин, так что будущий национальный герой, дважды избавивший страну от чужеземцев, начал свою карьеру изменой родине. Такова была молва о происхождении Годвина; но как бы то ни было, уже в первый год царствования Канута мы видим его в числе графов, а затем и на главной должности великаго графа Вессекса. Его личныя качества, впрочем, вполне оправдывали такое возвышение.

Изумительное красноречие, государственный ум, энергия, военныя дарования—делали его, по словам самого Канута, незаменимым человеком и на войне, и в совете. Это была одна из тех сильных, здоровых натур, которыя неотразимо внушают доверие; на него можно было положиться; он верил в свое дело, знал свои силы, и его так же мало могла подкупить милость и ласка, как испугать вражда и угроза. Во всю свою тревожную жизнь он остался верен самому себе, и, казалось, счастье не опьяняло его, как потом не сломило несчастье. Обязанный датчанам своим возвышением, приближенный короля-чужеземца, Годвин в то же время умел остаться и любимцем родного народа. Крупнейший человек своего времени, он стоял у всех на виду, приковывал общее внимание, был одним из тех народных вождей, к слову и примеру которых в дни тревоги и смуты с доверием и надеждой прислушивается страна.

Такое время наступило для Англии, когда в 1035 г. умер Канут; он не только завоевал Англию, но, что гораздо труднее, успел примирить ее с своим господством; его сыновья позаботились о том, чтобы это примирение оказалось непрочно. Между ними немедленно начались усобицы, которыя кончились тем, что Англия снова, как когда-то при Кануте, разделилась на 2 независимыя части: север признал королем Гарольда, юг—Гардиканута. Эта вражда среди датчан дала повод норманнам снова вмешаться в дела Англии; в Нормандии в это время проживали в изгнании два сына несчастнаго короля Этельреда, Эдуард и Альфред: слухи о распрях в среде победителей возбудили в них надежду вернуть себе силой утраченный престол, и младший брат Альфред во главе 900 норманских рыцарей высадился в Англии.

Но норманская экспедиция на этот раз кончилась очень плачевно. Альфред пошел было по берегу Темзы, встретил Годвина, имел с ним продолжительное совещание, но через несколько дней быль схвачен солдатами Гарольда, ослеплен и скоро умер; все норманны были замучены и перебиты.

Попытка норманнов не удалась, но датчане сами подрывали свое значение. Когда умер Гарольд и Гардиканут сделался королем всей Англии, для нея наступили тяжелые дни. Только теперь, казалось, хотели датчане дать почувствовать англичанам всю тяжесть своей победы. Иноземцы безнаказанно хозяйничали в Англии, распоряжались имуществом, жизнью саксов, и против них не стало ни суда, ни защиты. Сам король обложил Англию тяжелой контрибуцией в пользу победителей и заливал кровью всякую попытку к сопротивлению. Это положение немедленно принесло свои плоды; всюду росло недовольство, и уже зрело возстание, когда на счастье Англии неожиданно умер Гардиканут.

Долгое раздражение тогда прорвалось наружу; прежде чем датчане успели выбрать новаго короля, в стране началось сильное движение. Во главе народа стал на этот раз Годвин, долго и верно служивший датчанам, и тогда им не осталось спасения. Разбитые повсюду, теснимые из города в город, они бежали к северу и оттуда с большим уроном отплыли в Данию. А на уитенагемоте, куда сошлись англичане для выбора новаго короля, Годвин предложил пригласить из Нормандии последняго сына Этельреда, Эдуарда—и немедленно посольство, с самим Годвином во главе, отправилось в Нормандию. Так рухнуло дело Канута.

Долголетняя борьба с датчанами кончилась; однако она прошла не безследно. Во-первых, она понемногу разрушала единство королевства; уже датския поселения на северном берегу изменили этнографический состав половины Англии; теперь разделение пошло еще дальше. Англия не раз делилась на самостоятельныя части, которыя жили каждая особою политическою жизнью; так было при Кануте и Эдмунде, Гарольде и Гардикануте. Это разделение уничтожало сознание общности английских интересов, приучало каждую часть дорожить своей независимостью больше, чем благом всей страны—взгляд, имевший самые роковые результаты в борьбе с Вильгельмом. Нападения датчан вызвали и другия последствия: они постепенно втягивали в игру норманнов. Борьба со Свеном побудила когда-то Этельреда впервые пригласить норманнов на помощь; победа Канута заставила его детей искать убежища в Нормандии; норманны, наконец, пошли за Альфредом в его походе против Гардиканута. Так, благодаря датчанам сама собой завязывалась тесная и вначале дружественная связь Англии с ея опасным соседом.

Эдуард Исповедник

Избрание Эдуарда было радостно встречено народом. Сын природнаго английскаго короля, всю жизнь боровшагося против датчан, он приносил с собою, казалось, освобождение от иноземнаго влияния. Но жестоко ошибались те, которые подавали за него свой голос именно в этой надежде.

Самое прошлое новаго короля не предвещало в нем національнаго государя. Эдуард не знал и не мог любить Англии; король английский по происхождению, он был истый нормандец по воспитанию. Еще ребенком отвезенный сюда Этельредом, он прожил здесь всю свою жизнь; здесь получил он свои первыя юношескія впечатления, и сюда естественно тяготели его привычки и симпатии. Затем в зрелых годах это настроение еще более усилилось; норманны предложили свои услуги, чтобы вернуть ему отцовский престол, пошли с Альфредом в опасную экспедицию, а англичане и их главный вожак Годвин вероломно, как уверяли тогда, перебили Альфреда и его войско. Понятно, что Англия представлялась ему чужой и враждебной страной, и когда, избранный ея королем, он поехал туда, то для того, чтобы не быть одиноким в этой дикой родине, которую он не видал с самаго детства, он повел с собой туда много друзей из Нормандии.

Уже на торжестве коронации всех неприятно поразила их многочисленность; а между тем это было только началом: норманны все продолжали прибывать, приобретать все больше влияния. Эдуард находился всецело в их руках; он был один из тех слабохарактерных людей, которые непременно кому-либо подчиняются. И современники и потомки отдавали справедливость многим его личным качествам—приветливости, скромности, особенно благочестию, которое сохранило за ним в истории прозвище Исповедника. Но его настоящее место было все-таки не на престоле Англии, особенно в это трудное время. Позднее, уже после норманской победы, о нем любили вспоминать, как о последнем природном короле, идеализировали и его самого, и его время, чтили в нем не только святого человека, но и хорошего короля. Это была незаслуженная память: много зла принес он своей родине и много способствовал той самой катастрофе, ради которой его стали прославлять.

Благодаря симпатии и дружбе Эдуарда норманны быстро завоевывали господство в новой стране. Английский двор скоро стал простым сколком с норманскаго. Здесь всюду слышалась французская речь, носилось только норманское платье. Коренные англичане потеряли доступ к своему королю; Эдуард слушал советы только норманнов, им одним раздавал должности в королевстве. Он не останавливался ни перед чем; даже на место епископа Кентерберійскаго, старейшаго в Англии, к общему соблазну, вопреки выбору духовенства он назначил норманскаго монаха Роберта, личнаго недруга Годвина. Датское владычество, только что сброшенное кровавыми усилиями целаго народа, сменялось владычеством других чужеземцев-норманнов; это было завоевание постепенное, но не менее заметное, мирное, но еще более оскорбительное. Сам старый Годвин, на дочери котораго женился Эдуард, все более отстранялся на задний план; его особенно ненавидели норманны за неудачу Альфреда, за гибель своих соотечественников. И Годвин, давший Эдуарду корону, с грустью видел теперь, какому новому унижению подвергла Англию его собственная ошибка. Неожиданный случай ускорил развязку.

Дуврское дело

В числе лиц, навестивших Эдуарда в его новой стране, был и граф Булонский Евстафий, отец героя перваго крестоваго похода, перваго иерусалимскаго короля Готфрида. Надменный по природе, он возгордился еще более, когда увидел в Англии господство норманнов. Возвращаясь от короля, он остановился на ночлег в городе Дувре и распоряжался здесь, как дома, выгоняя жителей из их домов, ставя повсюду караулы и стражи. Это переполнило чашу. Какой-то горожанин заспорил с норманном, началась драка, все бросились к оружию, и через несколько мгновений девятнадцать из норманских рыцарей были убиты. Сам Евстафий насилу выбрался из города и, прискакав к королю, донес ему о случившемся. Дувр был городом Вессекса, той старинной саксонской области, где Годвин был графом. И вот Эдуард призывает Годвина и приказывает ему подвергнуть мятежных жителей военной экзекуции. Старый граф был не такой человек, чтобы покорно склонять голову перед подобным приказанием; он ответил королю, что надобно судить прежде, чем наказывать, что в дуврском деле виноваты сами норманны и что он, как граф города, зовет на суд Евстафия и его свиту. Затаенная вражда англичан и норманнов вырвалась наружу, и норманны ухватились за этот предлог, чтобы погубить ненавистнаго графа; они стали обвинять его в подстрекательстве Дувра, напоминали старыя подозрения об измене Альфреду и добились того, что Эдуард, забыв уже о Дувре, зовет к ответу самого Годвина, назначает уитенагемот для суда над ним и собирает большое войско. Годвин требует заложников; на это уверенный в победе Эдуард насмешливо отвечает, что Годвин может быть спокоен за свою безопасность, если возвратит живым Альфреда и его свиту. Ответ был ясен. Годвин вскочил на коня и вместе с сыновьями помчался из Англии; предосторожность была не напрасная: на другой же день уитенагемот, под давлением войска, заочно осудил его на изгнание.

Победа была полная; Годвин и его сыновья изгнаны, королева, дочь Годвина, заточена в монастырь, имения конфискованы. Никто после Годвина не смел более поднимать голос против норманнов, и они спешили этим воспользоваться. Сторонники Годвина изгоняются отовсюду, все места духовныя и светская переходят к норманнам, и без пролития крови они становятся непререкаемыми хозяевами в стране. И в это время, как будто для того, чтобы воочию убедиться в торжестве своих соотечественников, приехал в Англию новый гость, сам герцог норманский Вильгельм. Его путешествие было сплошным триумфом; везде встречал он своих подданных, всюду ему кланялись, как господину. И вид этой страны, уже подчиненной норманнам, породил тогда в предприимчивом уме Вильгельма тот смелый план, который он осуществил впоследствии.

Но норманны торжествовали слишком рано. Чем более усиливалось их господство, тем более росла к ним общая ненависть, и помыслы всех англичан обращались к старому графу, который первый возстал против них и ушел за это в изгнание. Имя Годвина стало символом борьбы с иноземцем. Живя в изгнании, он отовсюду получал просьбы вернуться, обещания поддержки и помощи. Сын его Гарольд, менее терпеливый, уже отплыл в Ирландию, и делал попытки силой пробить себе дорогу на родину. Но Годвин пробует сначала мирныя средства. Он шлет послов к королю и просит пересмотреть свое дело. Ответа не было, но норманны стали усиленно укреплять южный берег. Годвин понял тогда, что нет надежды на миролюбивое соглашение, берется за оружие и вместе с Гарольдом высаживается в Англии. С разных сторон радостно сбежались к нему навстречу, и во главе большого

войска Годвин поднялся по Темзе и бросил якорь у Лондона. Эдуард выступил против него, но исход борьбы не мог быть сомнителен. Лондон был за Годвина, подкрепления к нему постоянно стекались, а в войске Эдуарда не было ни единства, ни преданности делу. Однако Годвин и теперь не изменяет своей умеренности; он снова просит короля пересмотреть его дело. Эдуард отказал. Годвин с трудом сдержал негодование своих сторонников и, обращаясь опять к этому безразсудному королю, которому дал и с котораго так легко мог теперь снять корону, умоляет его не доводить дело до печальной развязки. Даже Эдуард понял, наконец, что борьба невозможна, и уступил: были обменены заложники, и назначен уитенагемот в Лондоне для второго суда над Годвином.

И как только стало известно это соглашение, встрепенулись норманны, понимая, что пришел конец их своеволию. Не дожидаясь суда, они бросились в бегство. Дорога, по которой еще так недавно спасался Годвин с сыновьями, покрылась норманскими временщиками. Даже первое духовное лицо королевства, епископ кентерберийский Роберт, бежал из Англии.

И наступил торжественный день суда над Годвином. Обе армии сошлись на уитенагемот. Окруженный четырьмя храбрыми сыновьями, Годвин предстал пред это судилище; и он, который один мог сдержать кровопролитие, простой слух о торжестве котораго заставил бежать всех норманнов, смиренно преклонил колени, положил булаву, знак графскаго достоинства, к ногам короля и просил позволения говорить в свою защиту. Легко представить впечатление от его речи. Полное оправдание, возвращение имений, изгнание норманнов было ответом собрания. Царство норманнов кончилось, и Годвин возвратился на прежнее место.

Он не долго пережил свою победу и на следующий год скончался. Но он довольно сделал, чтобы иметь право спокойно умереть: он оставлял родину в хорошем положении: на престоле Англии был природный государь, иноземцы—датчане и норманны—были дважды изгнаны им из страны. Национальное возрождение Англии казалось обезпеченным, и Годвин мог сказать про себя, что он не даром жил на земле. Это понимал весь народ, когда, в глубокой скорби, провожал на место погребения, в усыпальницу английских королей, тело своего великаго графа.

Гарольд

На его место, как графа Вессекса и, следовательно, главнаго правителя королевства, был назначен его сын Гарольд. Нельзя было сделать лучшаго выбора. Старший из детей Годвина, сподвижник отца в борьбе против норманнов и датчан, 32-хлетний Гарольд уже пользовался широкой популярностью в стране. Сам Эдуард не чувствовал к веселому, открытому Гарольду того инстинктивнаго отчуждения, которое ему внушал его суровый отец; он теперь так же был под его влиянием, как прежде под влиянием норманнов. Дом Годвина достиг вершины могущества; более половины всех земель находилось в руках его сыновей, а Гарольд, граф Вессекса, фактически управлял королевством. И он показал, что был достоин этого места, что интересами страны он не жертвовал для интересов фамилии. Родной брат его Тости, назначенный графом Нортумберланда, дурным управлением вызвал возстание и был изгнан; на его место собрание графства выбрало Моркера, одного из вождей возстания. Гарольд был послан водворить порядок, но, разобрав дело и убедившись в

виновности брата, отступился от него и одобрил выбор нортумберландцев. Он нажил этим опаснаго врага; Тости бежал во Фландрию и стал ждать случая отомстить. За то вся Англия восхваляла безпристрастие Гарольда. Все казалось благополучно. Англия имела впервые и национальнаго короля, и национальную политику; у бездетнаго Эдуарда был готов достойный преемник; беды Англии пришли, повидимому, к концу.

Но вот случилось событие, смутившее всех и прозвучавшее, как первое предостережение Англии.

В числе заложников, данных Эдуарду во время его распри с Годвином, были два родственника Гарольда; они давно скучали в Нормандии, и Гарольд стал просить короля позволить ему съездить за ними. Эдуард упорно его отговаривал. «Чувствую» говорил он, «что эта поездка навлечет какую-нибудь беду; я знаю Вильгельма: он ненавидит тебя, и не упустит случая причинить тебе вред». Но Гарольд ничего не боялся; веря в свою звезду, он отправился в опасный путь, как на веселую прогулку. Но несчастья начались сразу; противный ветер сбил его с дороги и выбросил на берег к устью Сены, где местный владелец немедленно заключил и Гарольда и его товарищей в тюрьму. Этот владелец был вассалом норманскаго герцога, и Гарольд послал последнему письмо, прося освободить себя и своих спутников.

Мы уже второй раз встречаем Вильгельма, главнаго героя нашего разсказа. Он был побочным сыном норманскаго герцога Роберта, прозваннаго Дьяволом за свой дикий характер. Отправляясь на богомолье в Иерусалим, Роберт назначил наследником престола семилетняго Вильгельма; из Иерусалима он не вернулся, и тогда его бароны, пользуясь малолетством Вильгельма, возстали против него; с детскаго возраста, таким образом, на долю Вильгельма выпала трудная борьба, из которой только после долгаго времени он вышел победителем. Такова была школа, в которой вырос Завоеватель; казалось, все типичныя черты истаго норманна воплотились в этом человеке. Богатырь по сложению, подобно героям Гомера, он стрелял из лука, котораго никто, кроме него, не имел сил натянуть, был лучшим бойцом в своем собственном войске; но, кидаясь сам в рукопашную схватку, он умел оставаться и искусным полководцем, хладнокровным, осмотрительным, и в то же время смелым и предприимчивым. Ранняя борьба с могучими вассалами закалила его характер; он привык не бояться рискованных планов, полюбил жизнь, полную тревог и опасностей, научился терпению и осторожности; дикая отвага древняго викинга сочеталась в нем с холодной разсчетливостью тонкаго политика; побывавши раз в Англии, он тотчас составил дерзкий план овладеть ею и таил его много лет, не спуская с нея глаз, зорко подмечая каждый промах врага. Хитрый и скрытный по натуре, он никому не показывал своей игры; до конца своих дней он призывал Бога в свидетели, что война против Англии—святое, правое дело, а перед смертью сознался сам, что притворялся и лицемерил всю жизнь. Не открывая другим своих целей, сам он ни на минуту не забывал о них; умел пользоваться всякими средствами, то подкупая разсчетливым великодушием, то даже современников поражая свирепостью. Никогда не торопясь, но и ни перед чем не останавливаясь, умел терпеливо выжидать, но за то и сразу решаться; он не упускал случая, который мог приблизить его к намеченной цели. Такому-то противнику в руки судьба отдавала Гарольда.

Он немедленно освободил Гарольда, отдал ему заложников, но, как радушный хозяин,

просил гостей не покидать его так скоро. Тут случилась война с соседней Бретанью, и англичане были рады отличиться на глазах у норманнов. Все время войны Гарольд и Вильгельм жили душа в душу, спали в одной палатке, не разставались целый день. И вот однажды, когда они ехали вдвоем, Вильгельм начал вспоминать об Эдуарде, о днях, проведенных ими вместе, и вдруг обратился к Гарольду с такою речью. «Эдуард, сказал он, обещал сделать меня своим преемником в Англии; я хочу, Гарольд, чтобы ты помог мне в этом, и тогда я сделаю для тебя все, что ты попросишь». Захваченный в расплох и чувствуя себя в руках Вильгельма, Гарольд думал отделаться неопределенным выражением согласия; но Вильгельм только этого и ждал. «Если ты согласен, продолжали он, то должен укрепить замок в Дувре и сдать его мне; должен отдать твою сестру в замужество кому-нибудь из моих баронов, сам жениться на моей сестре, а в обезпечение обещания вновь оставить у меня одного из двух заложников». Гарольд был вынужден согласиться и на это, и Вильгельм переменил разговор. По приезде в Байёсский замок, он назначил собрание своих баронов, а сам приказал собрать все мощи, какия только оказались в городе, и спрятал их под столом, покрытыми парчею. Открылось собрание; Вильгельм велел положить на стол крест и евангелие и снова обратился к Гарольду. «Гарольд, сказал он, прошу тебя в присутствии всех подтвердить клятвой твое обещание помочь мне получить после Эдуарда корону Англии». Первая ошибка влекла за собою другия; Гарольд не мог уже отречься от недавно даннаго слова; он протянул руки над столом и поклялся исполнить все, о чем сказал Вильгельм. «Да поможет тебе Бог», загремело в собрании. Тут откинули парчу, и Гарольд увидел мощи, над которыми клялся—самая страшная клятва по понятиям времени; при виде этого он переменился в лице и задрожал от ужаса.

Вильгельм добился своего; в его руках против Гарольда было теперь опасное оружие.

Смерть Эдуарда Исповедника

Когда Гарольд вернулся в Англию и разсказал Эдуарду об этом, последний грустно поник головой. «Не говорил ли я тебе, сказал он, что твое путешествие накличет беду на тебя, на меня и на всю страну. Пусть только не даст Бог увидать мне это при жизни». Последнее желание исполнилось. Жизнь Эдуарда быстро шла к концу. В январе 1066 года болезнь положила его в постель; язык отказался повиноваться, и боялись, что он умрет, не указав на преемника. Но через несколько дней обладание речью вернулось. Все великие люди Англии собрались у изголовья короля. Вдруг Эдуард заговорил: «Давно еще в Нормандии знал я двух благочестивых монахов; Господь теперь послал их мне в видении. Знай, сказали они мне, что за грехи тех, кто правит в Англии, за грехи графов, епископов Господь судил наказать Англию и отдать ее в руки врагов; не пройдет года и одного дня с твоей смерти, как враги пройдут ее из конца в конец, все истребляя и опустошая». Все молчали, пораженные этим зловещим пророчеством. Но оставался еще самый главный вопрос о преемнике. Эдуард понял это и, протянув руки к графу Вессекса, сказал: «Тебе, Гарольд, тебе, брат мой, завещаю я королевство», и, передав Гарольду свою последнюю волю, он затем тихо скончался.

Его смерть вызвала общую горесть. Все грехи Эдуарда искупились его последними минутами; он скончался не только как святой, но и как патриот. Эдуард, умиравший на руках Гарольда, завещавший ему королевство, за несколько мгновений до смерти терзавшийся опасениями за судьбу родины, был уже не тот покровитель норманнов, который когда то

привел в Англию чужеземцев и в угоду им изгнал самого Годвина. И это чувствовал английский народ, окружая могилу, куда опускали тело короля Эдуарда.

Еще тело покойнаго короля не было предано земле, когда в Лондоне собрался уитенагемот для выбора ему преемника. Разногласия быть не могло. Правда, у Эдуарда был родственник Эдгар, внук знаменитаго Эдмунда; но не этот юноша, воспитанный в Венгрии, мог быть соперником тому, на кого указывало и громкое имя его отца, и неслыханная популярность в стране, и испытанные таланты правителя, и, наконец, воля самого Эдуарда. Почти все голоса были поданы за Гарольда, и через несколько дней он был торжественно коронован на царство. Но 2 северные округа—Мерсия и Нортумберланд, которые издавна привыкли жить своей особенной жизнью, отказались признать этот выбор. Страна разделялась на части, и это было гибельно в эти минуты, когда положение Англии было небезопасно, когда против нея стояли два врага—обиженный Тости и герцог Нормандский Вильгельм. Но дело обошлось без междоусобной войны. С той смелостью, которая часто надежнее благоразумия, Гарольд без всякаго войска поехал сам на непокорный север. История не сохранила подробностей этой поездки; но мы знаем, что без войны и насилия он покорил эти области, привлек их на свою сторону. Графы Эдвин и Моркер, мечтавшие о независимости, потеряли сочувствие в народе и затаили злобу, чтобы припомнить ее в решительный день. А Гарольд, теперь уже действительный король всей Англии, вернулся в Лондон; он мог торжествовать; новое царствование хорошо начиналось, начиналось великой и мирной победой.

Все предвещало счастье, но зловещие признаки, которые любит подмечать народ в критическая минуты истории, уже показались и пугали англичан. Появилась громадная комета, от которой все небо казалось в пламени, неожиданно разражались бури, наступал мрак среди полдня. Все ждали беды, и скоро беда надвинулась из-за моря; пришло первое посольство Вильгельма. С той минуты кончилось мирное царствование Гарольда. Посольства, слухи о войне, приготовления к ней наполняют те шесть месяцев, которые отделяют нас от последняго акта великой трагедии.

Вильгельм Нормандский был на охоте около Руана, когда ему принесли весть о кончине Эдуарда и избрании Гарольда. Вестник застал Вильгельма в лесу за стрельбой из лука, отозвал в сторону и сообщил про важную новость. Охота была прекращена. Вильгельм вскочил на коня и молча, ни с кем не говоря ни слова, поехал назад. Давно его не видали в таком волнении. Вернувшись в замок, он долго ходил взад и вперед по залам, садился, снова вставал и не мог успокоиться. Никто не смел развлекать его внимания. Но вот вошел в залу его любимец, сенешал Фиц-Осберн. Он подошел к Вильгельму и сказал, что тот напрасно скрывает от них тревожную весть, полученную из Англии; всем им известно о смерти Эдуарда и воцарении Гарольда. «Да, ты прав, ответил Вильгельм, смерть Эдуарда и измена Гарольда огорчает меня».—«Так что же? возразил Фиц-Осберн, первому уж не поможешь, а второе в наших руках; за вами право; у вас хорошие рыцари, начинайте смело!»

Смелый шаг не останавливал Вильгельма; но он не торопился; минута осуществить давно лелеянный план теперь наставала; но ему был нужен помощник и он решил предварительно привлечь на свою сторону могучаго союзника—римскаго папу.

Вильгельм и папа

Вильгельм мог разсчитывать на помощь папы, так как у папы давно были свои основания быть недовольным Англией. Эта страна, получившая христианство непосредственно из Рима, меньше всех других подчинялась ему в управлении церкви. Целый ряд новшеств был в ней допущен. Наравне с латинским языком, и даже предпочтительно перед ним, употреблялся английский, светския лица вместе с духовными заседали в одних тех же собраниях, вместе с ними решали церковныя дела, так что для духовенства не было особых собраний, и оно подлежало общим законам. В самое последнее время появился еще новый повод к неудовольствию. Тот самый лондонский уитенагемот, который оправдал Годвина, низложил епископа Роберта и на его место выбрал Стиганда. Это нарушало привилегии папы, он не признал этого выбора и не дал Стиганду паллии[1]. Однако Стиганд не послушался, самовольно взял паллию Роберта и остался епископом; и такое явное неповиновение главе церкви происходило при Эдуарде, святом человеке, прославляемом за свое благочестие! Этого мало. Впоследствии Стиганд добился утверждения от другого папы, но сам папа был признан узурпатором, и таким образом к преступлениям Стиганда присоединилось новое, самое тяжелое, дружба с низложенным папою. Страна, где церковь решалась обходиться без папы, где духовенство подчинялось государству, было солидарно с народом, в глазах папы казалась опаснее иудеев и сарацин. И вот к услугам папы против нея по странной игре случая явились норманны, т. е. та самая сила, которая и в Италии всего более служила интересам римской курии. Обе стороны могли быть полезны друг другу. Вильгельм мог поддержать в Англии падающий авторитет римскаго престола, папа—освятить предприятие, представить его религиозным подвигом, шайку авантюристов превратить в миссионеров. И на обеих сторонах нашлись люди, которые сумели это понять: у Вильгельма—будущий организатор английской церкви, Ланфранк, ученый Павийской школы, от права перешедший к богословию, представитель новых веяний католицизма; у папы—человек громаднаго ума и энергии, знаменитый монах Гильдебранд, который через 10 лет, под именем папы Григория, восторжествует в Каноссе над императором.

Но папе, все-таки, не было прямого повода вмешиваться в распрю Вильгельма с Гарольдом. Король английский, избираясь народом, не нуждался в одобрении Рима. Тут-то и пригодилась клятва, которую Вильгельм так предусмотрительно вынудил у Гарольда. Он стал уверять, что сам Эдуард завещал ему королевство, что Гарольд признал это и даже клятвенно обещал свою помощь,—и обратился к папе, как к верховному судье в делах завещаний и клятв, с просьбой решить, кто из них двух законный наследник. Папа не уклонился от суда, передал дело на разсмотрение конклава и там, конечно, решили в пользу Вильгельма; папа издал буллу, в которой объявлял Гарольда узурпатором, норманскаго герцога—законным королем и благословлял его добывать свое право оружием; против Гарольда и его сторонников произнесено отлучение. Вместе с буллой папа послал Вильгельму освященное знамя и дорогое кольцо с мощами. Никогда еще столь неправое дело не получало такого торжественнаго освящения.

Сборы Вильгельма в поход

А Вильгельм уже готовился к войне. У него, как и у всякаго феодальнаго князя, не было постояннаго войска, а потому для экспедиции в Англию необходимо было добиться

1 Святительскую мантию.

добровольнаго согласия вассалов. Он созвал большое собрание в Лильбоне, но, несмотря на все увещания хитраго герцога, вассалы неодобрительно отнеслись к его плану. Завоевание Англии казалось им и ненужным, и рискованным, и невозможным, и они отказались за ним туда следовать. Тогда Вильгельм меняет тактику; не имея возможности увлечь за собой всех феодальных сил страны, он обращается к отдельным лицам, зовет их с собою; одних прельщает перспективой грабежа и приключений, других подкупает обещаниями, третьих пугает немилостью. Охотники на свой риск попробовать счастья понемногу находились, пример одних соблазнял других, и у Вильгельма мало-по-малу начала набираться рать добровольцев.

А тут как раз кончился в Риме конклав, прибыла папская булла и подарки его—и кольцо, и знамя. Характер предприятия сразу менялся, и тут обнаружилось, какую пользу принесло ему благословение папы. Все средства, которыми в то время церковь действовала на простодушие или лицемерие людей, были пущены в ход, чтобы собрать войско Вильгельму. Он разослал проповедовать святой поход по всей Франции, и сторонники стекались отовсюду. Войско Вильгельма быстро пополнялось; не феодальная сила одного княжества, а авантюристы всей Франции, и любители военных приключений, которым не сиделось дома, и люди, наивно верившие в святость задуманнаго дела, собирались итти на Гарольда. Под знаменами Вильгельма сходилась та же разношерстная, буйная толпа, которая через 30-ть лет по слову папы в религиозном экстазе пойдет на далекий Восток сражаться у Гроба Господня. Войско было готово; явился и полезный союзник: родной брат Гарольда Тости радостно ухватился за случай отомстить брату и с одобрения и с помощью Вильгельма отправился на север, чтобы еще раньше норманнов с другой стороны обрушиться на Англию.

Неожиданное препятствие встревожило Вильгельма. Граф соседней Бретани, Конан, видя Вильгельма вовлеченным в войну, решил воспользоваться моментом. «Отдай мне герцогство Нормандское, писал он, иначе я буду воевать с тобой, пока хватит сил.» Эта угроза испугала Вильгельма; всякая опасность дома была гибельна для него. Но он не привык останавливаться перед средствами, и через несколько дней Конан умер отравленным; яд был найден и в его охотничьем роге, и в перчатках, и в поводьях. Преемник Конана Ед уже не рискнул вторично грозить Вильгельму. Он заключил с ним союз, и многие из бретонских рыцарей отправились с войском Вильгельма.

Тогда стали готовиться к отплытию; армия Вильгельма сошлась к устьям Дивы; здесь было, как говорят, до 60,000 человек и 700 кораблей. Но начались неудачи: противный ветер долго мешал переправе; дождь, холод, трудность доставания припасов, трудность держать в порядке весь этот сброд авантюристов с первых шагов затруднили экспедицию. Положение становилось критическим; уже многие, наскучив дожидаться, шли назад; уже поговаривали в лагере, что дело Вильгельма неправо, что Бог отказывает ему в благословении; каждый день шли преувеличенные толки о смертности в войске, о количестве трупов выброшенных морем. Вильгельм ясно видел опасность; предприятие, так хорошо начатое, грозило разрушиться от противнаго ветра. Он всячески старался поддержать бодрое настроение; в изобилии доставлял в лагерь припасы и вино, тайком хоронил мертвых; но, несмотря на всю силу своего характера, он не мог скрыть безпокойства; каждый день его видели на молитве, каждый день, по выходе из церкви, он с надеждой устремлял глаза на флюгер. Но попрежнему хмурилось небо, попрежнему дул с севера ветер, и бежали из Ан-

глии морские валы.

И вот Вильгельм назначает торжественное молебствие; процессия духовенства с мощами святых прошла весь лагерь из конца в конец; все молились и давали подарки. И как будто услышав общую молитву, небо прояснилось, ветер утих; через день, 27 сентября, показалось солнце. Тотчас все поднялось в лагере; с новым жаром спускали корабли, и за несколько часов до захода солнца все 700 кораблей двинулись в море. Впереди ехал Вильгельм с папским знаменем и крестом на мачте. Настала ночь. Быстрый корабль Вильгельма унес его вперед, и когда разсвело, он увидел себя одним в открытом море; никто не следовал за ним. Опасаясь, чтобы тревога не распространилась среди экипажа, он распорядился подать роскошный обед, а между тем послал матроса на мачту смотреть на горизонт. Матрос не увидел ничего в первый раз; во второй заметил 4 мачты; когда же он влез в третий раз, весь флот норманнов развернулся пред ним, и он радостно вскрикнул: «целый лес мачт движется за нами».

Борьба Гарольда с норвежцами

Но что же делал Гарольд в то время, как против него плыл из Нормандии и этот лес мачт, и 60,000 войска, и их хитрый вождь, и папская булла, и мощи, и знамя?

С первых дней царствования Гарольд стал готовиться к войне. Он знал своих врагов. Защиту севера он поручил графам Эдвину и Моркеру, вождям того возстания, которое когда-то низвергнуло Тости, а сам на южном берегу приготовился встретить Вильгельма. Но его войско было еще хуже организовано, чем феодальныя войска континента. Гускарлы, стоившие лучших рыцарей Европы, были слишком малочисленны, чтобы защищать целый берег; а саксонское народное ополчение, охотно сходившееся на выгодное предприятие, не годилось для долгой стоянки. Те же ветры, которые приводили в отчаяние Вильгельма, сослужили ему важную службу. Гарольдово войско, дожидавшееся на противоположном берегу, хуже норманскаго выносило бездеятельность. Только личному обаянию вождя удалось продержать его на месте в течение 4-х летних месяцев; но наступал конец сентября—время жатвы, и Гарольд с ужасом видел, как в его руках разваливалось оружие, с которым он поджидал противника. Войско постепенно разбредалось, очищая берег. Новая весть ускорила разложение.

Мы видели, что Тости с помощью норманнов решил напасть на север Англии; он действительно высадился там, но был побежден и прогнан Эдвином и Моркером. Он ищет тогда новых союзников. Во главе Норвегии стоял в это время сын Сигурда Гарольд-Гардрода, один из тех северных викингов, время которых, казалось, уже невозвратно миновало. Сильный телом и духом Гардрода в течение своей бурной жизни перебывал всюду: то морской разбойник, то кочующий вождь, он служил и варягам, которые господствовали в славянских землях, и византийскому императору в качестве телохранителя, воевал в Африке, Азии, в Сицилии. И его боевая натура умела сохранить поэтический колорит северной саги: в минуты досуга он становился поэтом и воспевал сам свои победы и планы. К нему-то обратился Тости и, изменяя Вильгельму, предложил теперь Гардроде добыть себе корону Англии. Такой грандиозный план пришелся по натуре норвежскаго викинга; он позвал к оружию половину Норвегии, снарядил несколько сот кораблей. Разсчитывая остаться в покоренной стране, он забрал с собой и жен и детей; затевалось не военное предприятие, а це-

лое переселение народов. Давно уже такой флот не отплывал от берегов Скандинавии, как в это самое громадное и последнее из северных нашествий, когда-то столь тревоживших Англию.

Гардрода благополучно высадился в Англии, с ним соединился Тости и шотландский король Малькольм. Эдвин и Моркер были разбиты; столица Нортумберланда Йорк сдался и признал Гардроду королем; обменены заложники. Гардрода отошел от города и уже готовился с помощью севера двинуться к югу; но его торжество продолжалось недолго.

Гарольд английский стоял на южном берегу, когда ему донесли о высадке, опустошениях и успехах норвежской армии. Он оказывался между двух огней. Со дня на день мог явиться Вильгельм, котораго он ждал уже 4 месяца. Но медлить было нельзя. Опасный враг находился в стране; Нортумберланд уже покинут вождями. Его решение созрело в одну минуту. Самому явиться на помощь северу, сбросить в море норвежцев и вернуться навстречу норманнам—таков был план Гарольда. Во главе гускарлов, забирая подкрепления на пути, быстрыми переходами двинулся он по дороге, когда-то проложенной римлянами из Лондона в Йорк. Он подошел к Йорку, только что давшему постыдную присягу норвежцу. Его приняли с восторгом, но отдыхать было не время. Гарольд оставил Йорк и отправился к Страмфордбриджу, где расположилась соединенная армия Гардроды и Тости. Они стояли спокойно, без оружия, когда вдали показалось облако пыли и на ярком солнечном свете заблистали кольчуги и копья. «Что это такое?» спросил Гардрода у Тости.—«Что же может быть, отвечал Тости. как не англичане, которые приходят просить твоего союза и милости». Но масса приблизилась, и норвежцы увидели стройные ряды готоваго к бою войска. «Враги, враги!» закричали норвежцы. Все бросились к оружию; сын Сигурда развернул свое королевское знамя и объезжал ряды, возбуждая к последнему бою: «пойдем, говорил он, под удары мечей; на солнце блестят наши шлемы, этого довольно для храбрых людей».

Двадцать отборных тэнов приближаются к норвежцам. «Где Тости, сын Годвина?» спросил один.—«Здесь», ответил бывший граф,—«Если ты Тости, то твой брат шлет тебе привет и обещает мир, дружбу и прежний почет».—«Вот добрыя слова, которых я давно не слыхал; но что же будет моему верному союзнику, королю норвежцев».—«Он получит, было ответом, семь локтей английской земли, или побольше, так как он ростом больше других». —«Скажи брату, ответили Тости, чтобы он готовился к бою; никто не скажет впредь, чтобы сын Годвина покинул сына Сигурда». И бой начался. При первом столкновении пал викинг Гардрода. Тости принял начальство. Еще раз предложили ему мир. Но все норвежцы закричали, что предпочитают умереть, чем быть обязанными англичанам. Скоро пал мертвым и Тости. Кровопролитный, отчаянный бой кончился полной победой Гарольда. Много пало у него лучших гускарлов, но за то великое предприятие норвежцев потерпело совершенное крушение. Остатки разбитаго войска отплыли назад. Гарольд вернулся в Йорк. Как ни было дорого время, как ни были грустны потери, славная победа не могла обойтись без обычнаго торжества. Гарольд пировал с друзьями, когда появился гонец и принес страшную весть. Вильгельм, котораго безуспешно ждали целое лето, через несколько дней после ухода Гарольда с юга, высадился в Англии.

Гарольд и Вильгельм

Это была правда. 28 сентября, у Певенсея, на месте знаменитой в древности Андериды, пристал флот Вильгельма. Никто не помешал его высадке. Берег, еще недавно покрытый войсками Гарольда, был теперь совершенно пуст. Бросили якорь. Войска спустились с лодок и построились в боевом порядке. Одним из последних соскочил на землю Вильгельм и, поскользнувшись, упал. Суеверная тревога распространилась среди окружавших, но с непокидавшей его находчивостью он радостно вскрикнул: «чего вы испугались? предзнаменование отличное; обеими руками держу я теперь землю Англии». Не пролив ни капли крови, Вильгельм овладел Певенсеем и отсюда, по старой римской дороге, пошел на северо-восток, к городу Гастингсу, где и укрепился лагерем. Затем разослал во все концы за припасами и вместе с тем,—для того ли, чтобы вызвать на бой Гарольда, для того ли, чтобы удовлетворить жадность войска,—велел жечь, грабить и разорять ту самую страну, куда являлся, как законный правитель. Скоро пришла к нему весть о Гарольде. Вильгельм узнал, что предприятие Тости рушилось, что Гарольд одним ударом победоносно окончил северную войну и, во главе 100-тысячнаго, как говорили, войска, с неутомимой энергией, «как бешеный», шел на него с севера.

И Гарольд действительно шел. Едва услышав о высадке Вильгельма, он повел гускарлов и уцелевшее от битвы войско по той же дороге, по которой недавно пришел. Эдвину и Моркеру он поручил немедленно спешить к себе на помощь со всеми силами их округов. В несколько дней достигнув Лондона, он остановился и поджидал подкреплений; они, хотя и медленно, сходились. Но главная сила, на которую он разсчитывал, помощь севера, обманула его. Эдвин и Моркер, только что спасенные им от норвежцев, заботились больше о собственной выгоде, чем о благе Англии; близоруко надеясь, что при Вильгельме они будут самостоятельнее, чем при популярном Гарольде, они не пошли за ним, и Гарольд напрасно ожидал их в Лондоне.

Но вот опять явилось посольство Вильгельма. Монах пришел напомнить Гарольду о клятве и уговаривал его отречься от престола, подчиниться решению папы. Гарольд едва сдержался, слушая это настойчивое лицемерие. Корона Англии зависела от воли народа, и была ему вручена. Ни решение папы, ни клятва, которую вынудили у него обманом и хитростью, не могли заставить его теперь, в виду врага, уже разорявшаго землю, отказаться от защиты страны. Он не стал слушать предложений монаха. Этого и ждал Вильгельм. Во второй раз посылает он своего монаха, и тот сказал в лицо Гарольду и приближенным вождям: «Так как ты не хочешь покончить дело миром, то герцог объявляет тебе, что ты клятвопреступник и лжец, что все, кто тебя поддерживают, отлучены от церкви, что у него на это есть бумага от папы». Папское отлучение было страшно в те времена, и сподвижники Гарольда тревожно переглянулись. Многие из них, сам брат Гарольда, Гирта, котораго даже норманны рисуют героем, стали просить Гарольда, как связаннаго клятвой, избегать встречи с Вильгельмом, предлагали ему остаться в Лондоне, опустошать места, через которыя пришлось бы проходить Вильгельму, и собирать подкрепления. Они же, свободные от клятв и греха, выйдут Вильгельму навстречу. Совет был мудр—не ставить судьбы Англии на одну карту. Но натура Гарольда не мирилась с такой политикой: как останется он назади, когда другие будут сражаться, как будет разорять страну, которая избрала его защитником? И не медля долее, не дожидаясь помощи севера, надеясь так же быстро покончить с норманна-

ми, как он недавно покончил с норвежцами, Гарольд вышел из города и укрепился в 7 верстах от Вильгельма на Сенлакском холме.

Нормандское и саксонское войска

Два врага, наконец, стали друг против друга. Оба вывели за собой свои лучшия силы, но их силы были очень различны. Эта разница войска ясно отразилась на одном курьезном памятнике. Каноники Байёсскаго храма в Нормандии украсили стены своего собора коврами, на которых был изображен весь поход Вильгельма. Несмотря на всю каррикатурность вышитых фигур, это рукоделье удивительно наглядно изображает различие между норманнами и саксами. На стороне Вильгельма стояли закованные с ног до головы в кольчуги рыцари, те несокрушимые железные люди, которые потом на востоке в одиночку гоняли перед собою толпы арабов и сарацин. У Гарольда был один отряд таких же железных людей—гускарлы, заведенный Канутом. Но главная масса его войска, саксонское ополчение, представляло безпорядочный сброд, вооруженный, чем попало, кто стрелами, кто топорами, кто дубинами.

Это различие коренилось в самом общественном строе той и другой страны. Норманское войско соответствовало той системе феодализма, которая уже давно сложилась на континенте; развитие Англии несколько отстало: феодализм еще только намечался—и вот на ея стороне мы видим поголовное ополчение, безпорядочно и плохо вооруженное. Военное дело в Англии еще не успело сделаться специальностью наиболее богатаго и сильнаго класса, как в феодальных странах; несмотря на попытки Альфреда и его преемников, оно было еще основано главным образом на общей народной повинности, и такое войско, конечно, не могло равняться с феодальными войсками континента. Итак, не только два различных военных типа, но как бы два общественных строя сошлись у холмов Сенлака решать судьбу Англии. И битва разыгралась 14 октября в день св. Калликста.

Гарольд искусно выбрал позицию; он занял ряд холмов, защищенных самою природой, и укрепил их рвом и палисадником. Тесными рядами поместились за ними саксы. На главном центральном холме, где потом в память победы был воздвигнут монастырь, вокруг королевскаго знамени собрались лучшия силы Англии—сам Гарольд, его братья и, наконец, верные гускарлы. План сражения был ясен: Гарольд загораживал дорогу Вильгельму, и он должен был опрокинуть его, чтобы итти далее; твердо устоять против норманскаго натиска, не сдвинуться с места, не разстроить рядов, стоять неподвижно, как скала, о которую разбиваются волны,—таков был план Гарольда.

Битва при Сенлаке

Было 9 часов утра, когда норманны двинулись на первый приступ. Как будто для того, чтобы не лишить великой битвы красок средневековой доблести, впереди выехал минстрель Тальефер, вызывая на бой войско Англии. Он выпросил у Вильгельма почетное позволение умереть первым в этот день и теперь ехал вперед на верную смерть, напевая песнь о Роланде, и при этом кидал и ловил на лету свой тяжелый меч. И норманны подхватывали криком: «Diex ai, Diex ai!» («Бог в помочь!»). Приблизившись к врагу, он свалил двух англичан и тотчас пал под ударами. Тогда начался бой. Норманские стрелки пустили град стрел, и под прикрытием их пехота полезла на холмы, стараясь прорваться через палисадник. Страшная схватка закипела наверху. Саксы держались твердо, из-за ограды отбивая

нападающих топорами, копьями, стрелами. И в помощь пехоте понеслась конница, надеясь одним натиском раздавить врага. Но саксы устояли; никто не дрогнул, никто не отступил, и страшный натиск замер у палисадника. Норманны первые не выдержали; левое крыло попятилось назад, и через несколько мгновений, увлекая и топча друг друга, все войско побежало вниз, под гору, в паническом страхе. Битва казалась проигранной. Но Вильгельм и его сподвижники кинулись навстречу, угрозами, просьбами и увещаниями успели остановить бегущих; поредевшие ряды были снова построены, и Вильгельм лично повел их на вторую атаку. Она была еще ужаснее. Сам Вильгельм сражался в передних рядах; две лошади были убиты под ним, своею рукой поразил он Гирту, брата Гарольда. Кое-где был прорван палисадник, оба брата Гарольда пали, но приступ был все-же отбит, норманны опять в безпорядке бежали вниз, а англичане стояли там же, где были, не уступив ни пяди земли.

Но зоркий глаз Вильгельма уже подметил слабое место врага: он видел, что саксы, преследуя бегущих, выскочили из-за ограды, и на этом построил свой план—выманить их из-за укрепления и затем обрушиться на них со всех сторон. Началась третья атака. Опять вся масса войска ударила на палисадник, и после краткаго боя левое крыло норманнов отхлынуло назад. Саксы не утерпели. Три раза победоносно отражали они атаку и, увлеченные успехом, бросились из-за укреплений в след врагам. Этого и ждал Вильгельм. Мгновенно часть его войска окружила их внизу, а другая понеслась снова наверх и прорвалась за ограду. Хитрость удалась; враг был уже в лагере. Разстроенные ряды саксов дрались с безнадежным мужеством; но на чистом поле, с своими топорами и палками, они не могли устоять против закованных всадников, которые топтали, давили и рубили их отовсюду. Но главный бой кипел наверху. Вся масса норманнов теснилась там к центральному холму, где находился Гарольд и развевалось Королевское знамя. Тут был цвет саксонскаго войска, опытные в военном деле гускарлы; они не поддались хитрости Вильгельма, не сдвинулись с места, и об них, как и прежде, разбивались удары норманнов. Наступал третий час пополудни, усталость овладевала нападающими, а англичане все еще держались; попрежнему Гарольд с гускарлами загораживал дорогу Вильгельму. И вот Вильгельм придумывает новое средство: он велит своим стрелкам, которых стрелы понапрасну тупились о щиты и брони гускарлов, пустить их кверху. Эффект вышел потрясающий. Град стрел обрушился с неба, раздробил шлемы, переранил головы, шеи и руки. А главное, чья-то злополучная стрела попала в Гарольда, и он свалился к подножию штандарта. Тогда все было кончено. Ожесточенные сопротивлением, норманны с новою яростью бросились на дрогнувших гускарлов. Страшная резня завязалась вокруг павшаго короля. Норманнам удалось отбросить гускарлов, и четыре барона, овладевши Гарольдом, издевались и глумились над трупом. Сражение было проиграно, но бой продолжался; разстроенные, сбитые с места гускарлы продолжали бороться и в одиночку; никто не побежал, никто не просил пощады, и все они были изрублены до последняго человека: озлобленные норманны не могли остановиться; уже в темноте, когда только по голосу узнавали друг друга, догоняли, били, преследовали бегущих саксов. Только глубокая ночь положила конец этой бойне, и Вильгельм, въехав на главный холм, где давно замерло всякое сопротивление, преклонил колена и благодарил Бога за победу. Так кончилась знаменитая битва. Этот день на много лет остался в народной памяти, как день великой скорби, страшной беды. Самое место поныне носит лаконичное название:

«место сражения». И народное суеверие долго думало видеть на ней следы роковой катастрофы; говорили, что, когда выпадал дождь, выступали по всей земле кровавый пятна.

Окончательное завоевание Англии

Вильгельм с торжеством вернулся в свой лагерь при Гастингсе; битва была выиграна, неприятельское войско почти уничтожено, Гарольд убит. Казалось, одно сражение отдало Англию во власть Завоевателя. Все ожидали посольства с изъявлением покорности, но англичане не сдавались. Какое потрясающее впечатление ни произвела в Лондоне весть о катастрофе, там решили сопротивляться и собрали уитенагемот для выбора новаго короля. Это было трудной задачей; годных кандидатов не имелось в виду. Братья Гарольда пали, его дети слишком малы, Эдвин и Моркер, пришедшие с севера заявить свои права на престол,—нелюбимы на юге. Наконец, выбор пал на юношу королевской крови и родственника Эдуарда—Эдгара; за него говорило его происхождение, но не этот безхарактерный принц мог теперь вырвать победу из железных рук Вильгельма. Эдвин и Моркер, потерпев неудачу на выборах, ушли на север, чтобы там одним отстоять независимость; вторая измена общему делу, за которую они поплатятся оба! Так, в виду грознаго победителя, стоявшаго в Гастингсе, обнаруживалась разрозненность королевства. Вильгельм еще не скоро положит оружие, не раз встретит опасное, почти всегда геройское сопротивление; но это будут только местныя возстания; никто не умел объединить всю Англию для борьбы с чужеземцем с тех пор, как на холме Сенлака, сражаясь за нее, пал король Гарольд.

Напрасно прождавши 5 дней, Вильгельм вышел из лагеря. Широкой полосой опустошая все вокруг пути, он подошел к Лондону и остановился в графстве Герфорде. Но дело не дошло до боя. Слухи о жестоком разорении земли, неспособность Эдгара, измена Эдвина и Моркера навели панику на граждан. В виду врага, отрезавшаго Лондон от всех сообщений, никто не решался противиться. Сам начальник войска предложил признать Вильгельма королем, и упавший духом народ согласился. Потянулось посольство в лагерь Вильгельма. Он ласково встретил его, принял корону и вошел в Лондон, где спустя несколько дней, через 4 месяца после его высадки у Певенсея, на 25 декабря, праздник Рождества, была назначена коронация.

Не прошло года с тех пор, как в той же церкви при радостных кликах народа венчался на царство Гарольд. Другая картина представлялась теперь. От дворца до церкви густыми шпалерами стояло иноземное войско; церковь наполнена норманнами; норманские рыцари в полном вооружении ездят кругом; когда в церкви по обычаю епископ обратился с вопросом к народу, хочет ли он Вильгельма в короли и кругом загремело «да, да», стоявшие наружу норманны не поняли крика, сочли его призывом к возстанию и кинулись жечь окрестные дома, рубить и топтать беззащитную толпу. Паника проникла в церковь, все бросились вон; осталось лишь несколько монахов, и при них епископ благословил Вильгельма на новое царствование. Оно начиналось дурным предзнаменованием, но дело Вильгельма было почти выиграно: он был теперь не претендент, а законный и венчанный король Англии. Борьба против него отныне становилась мятежом непокорных подданных, а не защитой родины. Борьба предстояла, но ея исход был предрешен уже в Лондоне.

Вильгельм не остался в столице, а, построив здесь замок, будущую знаменитую темницу Тоуэр, ушел в лагерь в Эссексе; сюда к новому королю один за другим стали приходить с

изъявлениями покорности те графы, которые не участвовали в его избрании. Он знал цену этой покорности, но понимал также, что нельзя торопиться, нельзя сразу бороться со всею Англией. Он сделал вид, что всем поверил, всех ласково принял, успокоил и оставил на прежних местах. За то иначе поступил он в тех областях, где был настоящим господином, где ему нечего было бояться. Чтобы исполнить свое обещание и дать войску желанную награду, он начал ту знаменитую конфискацию земель и раздачу ея норманнам, которая идет через все его царствование, пока крепнет и растет его власть. Всюду шли конфискации, грабежи и насилия. Расхищались богатства церкви, драгоценности монастырей, масса золота, серебра, камней отправлялись в Европу, посланы папе в подарок. Наступило то тяжелое время, о котором перед смертью предсказал Эдуард. Выгнанные из домов мужчины попадали в рабство к норманнам, женщины становились добычей солдат. Повсеместное построение военных замков, поголовное отнятие земель, ограбление святынь, убийства, оскорбления женщин,—вот чем увенчался крестовый поход, поднятый с благословения папы во славу истиннаго христианства.

Сам Вильгельм недолго пробыл в Англии и уже в марте уехал на родину, захватив с собой всех видных людей, которые ему казались опасными; но в то время, как вся Нормандия торжественно чествовала победителя, пришли вести, показавшая, что победа действительно далеко не закончена. Власть Вильгельма не всюду проникла в Англии; западныя и северныя области, где подчинение новому королю было совершенно формально, заволновались, как только завоеватель уехал на родину; положение Вильгельма могло быть опасно; он был в обширной, чужой стране с небольшой кучкой войска; одна победа при Сенлаке не могла отдать в его руки такую большую страну, как Англия. Но на помощь ему пришла плохая организация этого государства; разрозненность ея отдельных частей вступила в свои права; после Гарольда никто уже не мог объединить ее для одного общаго дела, и возстания, которыя могли бы быть столь грозны, если бы были единодушны, раздробились, оказались лишь местными вспышками.

Сначала поднялся запад с многолюдным Экзетером во главе; прежде чем кто-либо собрался подать ему помощь, Вильгельм идет к городу, берет его, облагает контрибуцией и затем обычным способом укрепляет свое господство: строит замки, отбирает земли и отдает их верным норманнам. Он успел усмирить запад прежде, чем начались возстания севера.

Северная полоса, занятая когда-то колониями скандинавских пиратов, издавна привыкла к самостоятельности; она не помогла Гарольду в его борьбе за всю Англию, но тем отчаяннее отстаивала теперь свою собственную независимость. Победа Вильгельма не коснулась ея: войска севера не сражались при Сенлаке. Здесь все было покойно; но за то со всех концов сюда стекались беглецы, которым не было житья от норманнов, и приносили вести о том, что творилось на юге. Прибыли сюда Эдвин и Моркер, которых Вильгельм увез с собою в Нормандию и держал там в почетном плену, прибежал минутный король Эдгар; обещали свою помощь старинные враги Англии—датчане; неудовольствие против Вильгельма росло. Всем было ясно, что он не удовольствуется половиной Англии, и что над севером рано или поздно соберется гроза. Но Вильгельм предупредил своих врагов. Прежде чем кто-либо сдвинулся с места, он явился под Йорком, столицей севера, разсеял собравшееся войско, построил здесь свой первый замок для норманскаго гарнизона и затем, по обычаю, стал конфисковать и раздавать земли. Но он не успел отойти, как возстание вновь вспых-

нуло с большей силой и разлилось по всей области; укрепленный замок при Йорке еле держался. Вильгельм вернулся, разогнал мятежную армию, построил в Йорке второй замок. Когда же после его ухода Йорк поднялся в третей раз и, наконец, действительно получил помощь датчан, когда союзники разрушили оба замка и изрубили норманский гарнизон, тогда Вильгельм решил без пощады покончить с непокорною областью. Он снова двинулся туда, отогнал датчан, овладел городом и затем начал то страшное дело, которое даже в тот грубый век навело на всех ужас. Он со всем своим войском пошел по стране, убивая все живое; это было не разграбление, а мстительное, систематическое разрушение; люди были перебиты, дома сожжены, поля разорены, домашний скот перерезан. Все, что поддавалось уничтожение, было уничтожено. Много лет спустя в великой переписи положение северных графств повсюду характеризуется одним словом: пустырь; лет девять никто не пытался пахать землю, ни один город не уцелел между Йорком и Дёргемом. Но уничтожив всякую жизнь в стране, Вильгельм мог простить своих знатных противников, Эдвина и Моркера; они были безвредны; Вильгельм был теперь полным господином на севере, но господином над пустыней.

Последний враг был сломлен, но продолжалась мелкая, партизанская война, без всякой надежды для Англии и без опасности для Вильгельма. Отдельные люди, которые не мирились с новым положением вещей, бежали в леса, соединялись в шайки, подстерегали, грабили, убивали проезжавших норманнов, наводили ужас на мирных жителей. Норманны преследовали их, как простых разбойников, а народныя массы с сочувствием взирали на этих последних, своеобразных борцов за независимость. Среди подобных храбрецов особенно отличался герой легенд и сказаний, партизанский вождь Гервард. Ему удалось в одной глухой местности, защищенной лесами и болотами, создать очаг сопротивления, получивший поэтическое название «Острова убежища»; шесть месяцев отбивал он все нападения; сюда снова прибыли Эдвин и Моркер, злополучный Эдгар, снова переплыли датчане через пролив. Казалось, надежда улыбнулась Англии. Но все пропало, как только явился Вильгельм. Датчане заключили с ним союз, Эдвин и Моркер пали, наконец, жертвой того дела, которому изменяли столько раз, и только Гервард с горстью храбрецов прорвался через неприятеля и долго еще ходил грозой для норманнов, внезапно появляясь и также внезапно исчезая.

Но не такими подвигами можно было теперь спасти Англию. Влияние Вильгельма крепло с каждым часом. Сам Гервард явился с повинной; признал Вильгельма сюзереном и шотландский король Малькольм, все время тайно помогавший Англии; неудачный Эдгар вымаливает прощение и живет при норманском дворе. Все понемногу кладут оружие, и в стране водворяется спокойствие отчаяния.

Последния попытки поколебать власть Вильгельма вышли уже из среды самих победителей. Несколько рыцарей, во главе их бретонец Ральф и нормандец Рожер, в отсутствии Вильгельма составили заговор низвергнуть его с престола. Они убедили присоединиться к заговору и графа Вальтгефа, последняго английскаго графа, которому удалось сохранить свое звание ценой торопливой покорности. Раздор среди победителей мог быть спасителен для англичан, но теперь уже они сами изверились в спасении. Никто не присоединился к возстанию. и Вильгельм быстро раздавил его. Ральф бежал из Англии, Рожер навсегда посажен в тюрьму. Но на Вальтгефе, который и теперь путем ранней измены пытался спасти

свою голову, Вильгельм хотел дать страшный пример. Он приказал судить его, и услужливый суд приговорил его к смерти. Рано утром в темнице разбудили Вальтгефа и объявили приговор, который должен был быть исполнен немедленно; опасались, чтобы народ не вступился за своего последняго графа. Его вывели на холм; подымалось солнце. Вальтгеф просил позволения прочесть «Отче наш», и вслух начал молитву; едва дошел он до слов «не введи нас во искушение», как слезы заглушили его голос; но палач боялся долее медлить; он ударил топором, и голова, уже отделенная от тела, по преданию, дошептала слова: «и избави нас от лукаваго». Так умер Вальтгеф; все было кончено, когда проснулись в городе, и народ, который не успел защитить его при жизни, возвеличил его после смерти. Трагическая кончина Вальтгефа искупила все его вины, его раннюю покорность Вильгельму, нерешительность в борьбе за свободу родины, последнюю измену возстанию. Вальтгеф сделался самым популярным человеком; повсюду пронеслась молва о его святости, о чудесах на его могиле. Так побежденная страна заступалась за тех, кого не умела спасти.

Смерть Вильгельма

Эта смерть последняго графа была апогеем могущества Вильгельма, но и концом его блестящих успехов. Смутно проходят оставшиеся годы его жизни. Англия не делает попыток подняться, но мелкия небольшия войны то с издавними врагами Вильгельма во Франции, то с непокорным севером или возмутившимся братом не прекращались все время. И когда наступил 1087 г., год смерти Вильгельма, суеверный век опять, как 20 лет тому назад, перед смертью Гарольда, подметил обилие роковых предзнаменований—чуму, бури, пожары, неурожаи. И самую кончину завоевателя, столь счастливаго при жизни, судьба окрасила каким-то зловещим, мрачным колоритом. Вильгельм воевал с французским королем и в одном из припадков ярости, которые иногда находили на него, разорял его владения: жег дома и усадьбы, топтал нивы, вырубал деревья и виноградники. Войдя в город Мант, он велел спалить его дотла, и сам в каком-то изступлении скакал между огней, поощряя солдат. Смерть стерегла его на этом деле безсмысленнаго разрушения. Лошадь Вильгельма испугалась огня, опрокинулась, и седок, падая, был ранен в живот. Его перенесли в монастырь Святой Женевьевы подле Руана, и врачи объявили, что нет надежды на выздоровление. Близость неминуемой смерти переродила Вильгельма; казалось, только тут он понял то, что делал. Он выпускает заключенных, которые переполняли его тюрьмы, оделяет бедняков, велит возстановить сожженныя церкви; он признает теперь, что завоевание Англии было неправым делом, не осмеливается назначить себе преемника и вручает воле Бога страну, завоеванную с такою жестокостью. Зверское опустошение Нортумберланда представлялось глазам его во всем его ужасе. Так томился Вильгельм поздним раскаянием, пока 9 сентября, ранним утром, при звоне монастырских колоколов не закрыл на веки глаза.

И как только в Руане узнали, что Вильгельма нет более, то какая-то паника овладела городом; о смерти его не горевали, но всем казалось, что исчезновение этого могучаго человека не может пройти без последствий, что городу предстоит катастрофа. Жители поспешно укрепляли дома, запирали окна и двери; все были так перепуганы, говорит один древний историк, будто вражеское войско подступило под город. В этом паническом страхе они позабыли про короля, труп его был всеми покинут, и только несколько монахов пришли помолиться у него. Архиепископ руанский распорядился устроить погребение в Кане, но злополучное тело Вильгельма всюду несло за собой несчастие; едва его привезли в Кан, как за-

горелся один дом, пожар распространился по городу, все бросились тушить огонь, и опять, как некогда в день коронации, одни монахи остались с королем. И когда тело понесли уже в могилу, неожиданно выступил из толпы один горожанин и заявил, что земля, на которой стояли, принадлежала ему, была отнята у него покойным герцогом, и запретил погребать его в ней. Епископ был принужден за деньги купить эту землю. Опустили гроб, но могила, с таким трудом добытая, оказалась мала; гроб попробовали втолкнуть силой, он развалился, тело короля лопнуло, распространилось зловоние—и народ с отвращением разбежался. Так кончилось земное поприще победоноснаго завоевателя.

Последствия завоевания. Церковь.

Вильгельм умер, но его дело пережило его; завоевание оказалось не кратковременным эпизодом, а поворотным пунктом истории Англии. Смерть Вильгельма ничего не переменила, норманны навсегда остались в покоренной стране, и последствия завоевания продолжали сказываться до последних дней. Постараемся теперь оценить их и прежде всего посмотрим, что же выиграл от победы союзник Вильгельма, римский папа.

Мы видели, что во время завоевания епископом кентерберийским был Стиганд; чтобы не раздражать понапрасну народа, Вильгельм оставил его на месте и даже окружил всевозможным почетом; однако, едва окрепла его власть, как он меняет тактику. Стиганд и многие другие епископы были низложены, заточены по монастырям, и на свободную кентерберийскую кафедру приглашен знаменитый Ланфранк, посредник Вильгельма и папы в их заговоре против Англии. Теперь, когда Англия была побеждена, тот же Ланфранк с благословения папы поехал туда устраивать церковь.

Ланфранк был одним из убежденных представителей тех самых веяний католицизма, которыя нашли себе такого эффектнаго выразителя в лице Гильдебранда, идей теократии и аскетизма. Первой задачей и ближайшей целью его было освободить церковь из-под светской власти государства. Он начал с того, что массами без всякаго повода смещает английское духовенство и заменяет его французским. Это была очень решительная и богатая результатами мера. Она наносила удар национальности английской церкви, давно тревожившей папу, разрывала живую и тесную связь между духовенством и народом, так как норманны не могли хорошо относиться к пастве, которую презирали, как побежденных; в церковный обиход вводился снова космополитический, непонятный в Англии латинский язык. Местныя особенности духовенства уничтожались, церковь выделялась из народа, и уже благодаря одному этому возвращалась в лоно правовернаго католицизма. Но Ланфранк провел это выделение гораздо дальше. До него духовенство не составляло самостоятельнаго сословия; одни и те же собрания, где духовныя лица заседали вместе с светскими, ведали и светския и церковныя дела: духовенство подчинялось общим законам. Ланфранк положил этому конец. Духовенство было выведено из светских собраний, но за то для него были созданы особенныя, исключительно духовныя, в ведете которых перешла вся сфера церковных дел. Церковь стала таким образом независимым от государства, самостоятельным телом. Поставив ее на такое место, Ланфранк старался затем преобразовать ее в духе католическаго идеала—аскетизма: он неутомимо борется с распущенностью монастырей, не решаясь сразу требовать безбрачия от белаго духовенства, все-таки постепенно его вводит, не расторгает старых браков, но запрещает новые, переводит женатых священников из кафедральных соборов в деревенские приходы и т. д. Эти реформы как нельзя более согласо-

вались с тем движением, которое в то время поднял на континенте Гильдебранд. Но в политике Ланфранка любопытна другая сторона—его отношение к папе. Как это ни странно, но в Англии, при Ланфранке, единомышленнике и сподвижнике Гильдебранда, при Вильгельме, его любимом сыне, власть последняго была слабее, чем где бы то ни было в Европе. Ланфранк отстаивал независимость своей церкви не только от государственной власти, но и от папы, и от него еще более, чем от короля. Знаменитый спор об инвеституре, т. е. о праве светской власти давать духовным лицам окончательное утверждение, спор, который низвергал императоров на континенте, не проник в Англию: английское духовенство соглашалось, что король дает утверждение аббатам, и это после того, как папа в одной из своих булл всенародно объявил незаконными все подобныя назначения. Когда однажды папа Григорий прислал к Вильгельму жалобу на неаккуратную уплату подати св. Петра и вместе с тем потребовал признания себя сюзереном, Вильгельм распорядился немедленно уплатить недоимку, но на требование вассалитета в замечательном письме, с одобрения Ланфранка, ответил знаменитому папе, что подобной клятвы не давал ни один из его предков и не даст он, и что он не считает папу своим сюзереном. Вильгельм шел еще дальше. Он принял ряд характерных мер, в которых и тогда все видели нечестивыя новшества; так, он запретил публиковать без своей цензуры папския буллы, запретил без своего согласия отлучать от церкви, скреплял своею властью постановления духовных соборов и т. д.

Такова была политика Ланфранка; она носила двойственный характер: с одной стороны —своими мерами в пользу аскетизма, безбрачия, введением в службу латинскаго языка, освобождением церкви из-под власти светскаго собрания,—он, несомненно, сделал ее более католической и тем оправдал ожидания папы. Но за то, с другой стороны, Ланфранк отстаивал самостоятельность своей местной церкви от Рима, и тем шел в разрез с основною политикой папы. Этим стремлением Ланфранк противоречил и своему собственному идеалу теократии. Когда английская церковь благодаря его реформам была оторвана от церкви, выделена в самостоятельный орган, сделана государством в государстве—то этим был поставлен на очередь вопрос об ея отношения к светской власти. И в той борьбе, которая неминуемо ей предстояла, отчужденность ея от Рима лишала церковь Англии ея главной и единственной поддержки. Пока жив был Ланфранк—мир между государством и церковью не нарушался; он и Вильгельм во всем одобряли друг друга, конечно, не к чести Ланфранка; но при преемниках их борьба началась; и тогда церковь, предоставленная своим собственным силам, не смогла отстоять независимость; и борьба между государством и церковью кончилась здесь раньше, чем где бы то ни было, полной победой государства над ней. Таков был конец, который подготовлялся политикой Ланфранка.

Книга Страшнаго суда

Посмотрим теперь, какия изменения произвело завоевание в самом государственном и общественном строе страны. Чтобы судить об этом, у нас есть редкий, единственный в своем роде памятник. В последние годы своей жизни, в 1085 г., Вильгельм задумал произвести грандиозную перепись всего земельнаго хозяйства Англии. Он отправил во все округа комиссаров, которые отбирали и затем записывали показания; записывали, сколько земли в каждом графстве, кто владел ею при Эдуарде и затем при Вильгельме, сколько земля платила прежде и сколько платит теперь, записывались имена арендаторов и все мелочи хозяйства. «Стыдно даже сказать, а он не постыдился сделать, жалуется один летописец, не

осталось ни свиньи, ни коровы, которая бы не попала в его писания». На следующий же год получилась громадная статистическая опись, охватившая почти всю Англию, за исключением 4-х северных графств; норманны прозвали ее «Большим свертком», «Королевским свертком», саксы же дали ей выразительное название—«Книга Страшнаго суда», «потому что, говорили они, она никого не пощадила, как не пощадит и день Страшнаго суда». Так образовалась знаменитая книга Domesday Book, благодаря которой мы можем проникнуть в самое существо перемен, вызванных в Англии водворением норманских победителей.

Одна странность сразу бросается в глаза при чтении этого документа. Опись, сделанная после завоевания, ради завоевателя, как раз о них и не упоминает. Она как будто не знает, что над Англией разразилась великая катастрофа. Мимоходом, два, три раза упоминается о войне; мимоходом же говорится о приезде Вильгельма из-за границы, о вооруженном сопротивлении, о какой-то битве при Гастингсе. Но Вильгельм везде изображается, как законный, непосредственный преемник Эдуарда; опись не считает Гарольда королем, не знает никакого перелома в истории... Тот же взгляд она проводить и относительно частных владельцев. Одним из главных и наиболее богатых последствиями дел Вильгельма была массовая конфискация земли; но, хотя опись и занимается специально описанием земель, она и об этих конфискациях как будто ничего не знает. Правда, их следов невозможно скрыть. Мы можем видеть из нея же, что землями при Эдуарде владели не те лица, что при Вильгельме; что если иногда и нет перемены в мелких владениях, то она всегда на лицо в крупных, что при Эдуарде имена владельцев датския или английския, при Вильгельме норманския. Мы догадываемся, что между тем и другим королем произошла какая-то громадная передача земли из однех рук в другия; но опись рисует эту передачу делом естественным и мирным. Норманн, сидящий на хозяйстве сакса, назывался его преемником, сакс, выгнанный им, его предшественником!.. Норманн вступает во все права сакса, пользуется его прежними доходами; если он нарушает бывшия до него хозяйственный отношения, опись говорить о злоупотреблении и насилии. Этот курьезный язык, так мало отвечающий действительности, очень знаменателен: он показывает, как смотрел на свое дело сам Вильгельм. Произошла лишь замена людей, но не перемена порядков; Вильгельм стал на место Гарольда, норманны—на место саксов; но подобно тому, как Вильгельм уже в 1070 году возстановляет и опубликовываете законы короля Эдуарда, так и его норманны стремятся сохранить без перемены сложившияся раньше них поземельныя и личныя отношения. И в «Книге Страшнаго суда» не раз записываются и, следовательно, подтверждаются местные гражданские и уголовные обычаи. Таким образом, Вильгельм не имел намерения уничтожить старые порядки Англии; саксонское право не исчезло с завоеванием, а продолжает жить и действовать после него.

Но это, очевидно, только одна и при том менее важная сторона дела. Как бы бережно ни старались норманны охранять древние саксонские порядки, их приход не мог не иметь последствий; они принесли с континента новыя идеи, новый и вполне законченный строй отношений; разместившись в верхнем слое английскаго общества, они, естественно, глубоко повлияли на него; влияние облегчилось еще тем, что та общественная система, которую они принесли с собой,—феодализм—имел в Англии готовую почву. Здесь, как мы видели, уже давно развивались некоторые процессы, которые к нему приводили; благодаря завоеванию, эти процессы завершились, и феодализм установился в Англии; но завоевание, т. е. некото-

рая искусственность в создании новой организации, придало феодализму Англии своеобразныя черты. Опись дает достаточно материала, чтобы видеть и то и другое.

Она показывает прежде всего, что завоевание покончило с существованием в Англии свободной земельной собственности: всякая земля в ней от кого-либо зависит и кому-либо платит; принцип—nulle terre sans seigneur, не везде проведенный на континенте, в Англии торжествовал вполне. Собственником всей земли считался король; все остальные или получили землю непосредственно из его рук, или держат ее друг от друга. И так стоит дело не только относительно норманнов, которым король раздавал завоеванныя земли, но и относительно англичан, которые владели землей еще раньше завоевания; опись представляет дело так, как будто и они получили свои имения от короля либо в подарок, либо за выкуп, либо в виде милостыни. Выходило, что победа предоставила в руки Вильгельма всю земельную площадь страны, которую он и отдавал потом, кому хотел и на каких хотел условиях—представление, рельефно и схематично выражающее сущность земельных отношений феодализма.

Социальный строй

Посмотрим теперь, какие классы людей сидят на этой королевской земле. На самом верху общества мы имеем класс *рыцарей*— тысяч в 10 человек; из них 900—tenentes in capite —прямые вассалы короля, получившие свои земли прямо от него. Это все поголовно норманские пришельцы. Остальные—вассалы низших ступеней, держащие землю уже друг от друга, состоят как из англичан, так и из норманнов. При дворах всех этих вассалов, то в качестве свиты, то в качестве оруженосцев или телохранителей, разместились остальные вооруженные люди как норманны, так и англичане, не имеющие собственной земли и оттого не вошедшие в перепись. Весь этот класс, расположенный по последовательным ступеням иерархической лестницы, представляет верхний слой феодальнаго общества; правда, ея военная организация окончательно установилась позднее; в переписи еще не говорится ни о качестве вооружения, ни о количестве солдат, которые каждый мог выставить. Но основа этой организации, т. е. постепенная ленная зависимость, обозначается ясно. В это-то феодальное войско, устройство котораго норманны принесли с собою из родины, значительною долей входят и усидевшие на своих местах англичане; так принесенная норманнами система прикрыла их собою и разместила по-новому.

За рыцарями следует класс *просто свободных людей*—остатки прежняго свободнаго саксонскаго населения. Феодализм так же плохо мирился с существованием независимых людей, как и независимой земли, и завоевание имело последствием быстрое уменьшение этого класса. В переписи уже большую часть его составляют сокмены, т. е. люди, зависящие от других по суду; сокмены, как мы знаем, существовали и раньше, еще при Кануте; но тогда зависимость по суду не влекла за собой других ограничений: сокмены были свободны и владели землей. В переписи положение их значительно ухудшилось; перепись уже не признает за ними ни полной свободы, ни права безусловной собственности на землю; в некоторых округах она не делает различия между ними и вилланами, употребляя преимущественно последний термин. Это очень любопытное явление: мы видим, какое последствие имел этот феодальный взгляд на личную свободу, который победители принесли с собой с континента; применяясь к порядкам старой Англии, он влек за собою быстрое закрепощение стариннаго свободнаго населения. Сокмены, которые встарину были свободны, постепенно

отодвигаются в класс крепостного вилланства.

Эти *крепостные* вилланы были самым многочисленным и типичным для средних веков классом. В нем сплавились все те разнообразные общественные элементы, которые попали в одинаковое хозяйственное положение. Тут были и те же опустившиеся сокмены, и бывшие рабы, которых посадили на самостоятельное хозяйство. Все вилланы сидят на чужой земле, занимаются земледелием и платят в пользу помещика массу разнообразных повинностей—деньгами, натурой или работой.

Наконец, последний класс—*рабы*, только кое-где упоминается в переписи, в качестве дворовых людей, не имеющих своего хозяйства. Время этого класса кончалось, и уже в XII веке рабов в Англии не существует.

Таково типичное феодальное общество, которое образовалось в Англии после завоевания; и мы видим, в чем состояло влияние последняго. Оно устроило отношение в среде верхняго рыцарскаго слоя, задавило свободу простого населения, уничтожило независимость земельной собственности, словом, завершило все те процессы, которые были и в Англии и везде на континенте одинаково приводили к феодализму.

Политическия особенности

Но, как мы уже говорили, феодализм Англии представляет и некоторыя особенности. Прежде всего, мы не найдем в Англии таких могущественных князей, как, например, во Франции; никто тут не владеет громадными провинциями, в роде герцогств Нормандии и Бургундии; земельныя владения в Англии несравненно меньше и обыкновенно разбросаны по разным концам королевства. Только в некоторых местностях, граничащих с Шотландией и Уельсом, сохранились крупныя территориальныя единицы—палатинаты, например, Дёргем и Честер, но и те разлагаются быстро. Не трудно видеть последствия этого. Во-первых, это способствовало государственному объединение королевства. Старинное и роковое для Англии стремление ея отдельных частей к самостоятельности теряло почву с тех пор, как оне были разделены между многими лицами, розданы в разныя руки. Этим был нанесен решительный удар сепаратизму областей, например, традиционной независимости севера. Вторым и главным последствием этого было совершенно особое положение английских баронов: небольшия, к тому же разбросанный владения их не могли служить основанием значительной политической силы; оттого-то английский барон был гораздо больше крупным помещиком, чем политическим властителем, и никто в Англии не достигал такого значения в королевстве, как крупные вассалы континента. Эта относительная слабость их с самаго начала ставила английскаго короля в исключительныя условия: он не имел около себя тех опасных врагов, могучих соперников, борьба с которыми во французском королевстве в начале средних веков составляет главное дело и главную задачу королей. За то английские феодалы естественно стремились сплотиться в сословие и самым сплочением этим приобрели большую силу, чем разрозненные князья континента.

Но положение английскаго короля интересно сравнить с континентальным еще с другой стороны. Во Франции сам король был, как и его вассалы, владетелем отдельнаго княжества. Капетинги прежде всего князья территории Иль-де-Франса, и именно эта территория составляет основу их силы. Совсем другое мы имеем в Англии. Король ея, номинальный собственник всей земли, сам не имеет особаго княжества. Король имеет приблизитель-

но столько же, сколько и его главные вассалы; как и у них, его имения не образуют сплошной области, а раскиданы всюду. Они и у короля не могли служить основанием политической власти, и могущество его, следовательно, покоится не на владении землей, а на чем-то другом.

И в то же время могущество это было очень велико, выходило даже за пределы власти обыкновеннаго феодальнаго короля. Мы имеем на это поразительныя доказательства. Феодальный строй держится на признании неразрывности ленной связи. Никакая власть, не исключая короля, не могла стать между сюзереном и вассалом, не могла освободить последняго от его обязательств к сюзерену. А между тем именно это делает Вильгельм. В 1086 г. на уитенагемоте в Сольсбюри он потребовал, чтобы все бароны королевства, не только вассалы первых, но и дальнейших степеней, дали непосредственно ему клятву в верности. Это было неслыханным требованием, с точки зрения феодальных понятий. Обращаться таким образом к чужим вассалам через головы их сюзеренов, считать их своими непосредственными подданными, требовать от них верности и послушания независимо и, быть может, даже вопреки согласию их сюзеренов—значило разрывать ленную связь, подкапываться под самыя основания феодальной системы. Одна такая клятва уже в 1086 года ставила в Англии власть короля выше, чем много лет спустя после долгой борьбы она будет во Франции.

Все эти особенности, и слабость баронов, и сила короля, были в свою очередь одним из последствий завоевания. Благодаря ему феодализм родился здесь не на почве разложения государственной власти, распадения государства на части, а был сознательно введен под руководством сильнаго короля. Английский король не был, подобно королям континента, только одним из князей, котораго товарищи согласились бы признать королем. Для норманнов—он был военный вождь, для англичан—победитель; война между ними отнюдь не кончилась ни поражением при Сенлаке, ни даже смертью Вильгельма. Водворение норманнов разбило весь народ на два враждебных слоя, создало особенное положение, которое и послужило для королевской власти опорой. Это не трудно видеть на деле.

Прежде всего сами норманны, разместившиеся в стране, чувствовали себя в сильной тревоге. Если не прямыя возстания, то убийства, засады, грабежи грозили им отовсюду. Целый ряд постановлений вскрывает перед нами истинное положение победителей. Знаменитый закон об убийстве норманна, изданный Вильгельмом, требует, чтобы округ, в котором будет найден убитый норманн, весь целиком отыскивал убийцу или брал на себя ответственность сам, чтобы в каждом неизвестном или изуродованном трупе признавали норманна, пока свидетели не докажут противнаго. Эти усиленныя заботы о невредимости норманнов, опасение в каждом трупе найти жертву саксонской мести показывают, как безпокойно себя чувствовали норманны в покоренной стране. И когда завоевание окончилось и они, получив свои земли, разсеялись среди чужого и враждебнаго населения, они естественно не могли желать, чтобы ослабела та железная рука короля, которая покорила Англию и теперь одна могла держать в спокойствии страну.

Но если интересы самих победителей требовали силы короля, то в этом еще более нуждались саксы. Всего более бед они терпели не от короля, а от его вассалов. Норманны, засевшие в своих новых имениях, имели полную возможность притеснять побежденных, и

последние могли ждать защиты от одного короля. Отсюда и возникла близость между народом и его завоевателем. Она не раз обнаруживалась с чрезвычайной яркостью. Когда во время смут на престоле при одном из преемников Вильгельма королевская власть ослабела и его бароны, усилившись вследствие этого, настроили себе замков и всею тяжестью легли на народ, то в борьбе короля Генриха I с вассалами саксы оказались самыми надежными его союзниками. Таким образом, можно сказать, что благодаря завоеванию власть короля в Англии стала на новую, не феодальную основу; ея сила не в земельной собственности, а в том, что король—посредник между двумя враждебными лагерями, защитник одного из них против другого, что его могущество одинаково важно и одинаково желательно и для победителей, и для побежденных.

Но если завоевание и объясняет ту напряженность, которой достигла власть Вильгельма, то оно же имело другия последствия. Когда мало-по-малу стали изменяться условия, порождаемый этим завоеванием, стала сглаживаться разница и исчезать вражда между норманнами и саксами и они слились в один английский народ, тогда власть короля, которая одинаково давила и на тех, и на других, вызвала с их стороны общее и дружное противодействие. Эта общность противодействия и повела к тому, что здесь раньше, чем где-либо, сумели ограничить эту крепкую власть.

Таковы были результаты завоевания. Оно не лишило Англию самостоятельности, не подчинило ее Нормандии, и уже преемники Вильгельма на английском престоле перестали быть нормандскими герцогами; оно не изменило и ея этнографическаго состава, так как на почве Англии немногочисленные норманские победители так же полно переродились в английских лордов, как когда-то в них самих переродились скандинавские пираты. Но за то оно совершенно изменило общественный строй покоренной страны; победа норманнов была в сущности победой феодализма, как более совершенной формы государственности, над переходной стадией разложения, которую переживала Англия. Феодализм давно процветал на континенте; хотя медленно и постепенно, но развивался и в Англии; благодаря завоеванию он был внесен в нее сразу и решительно. Уже одно это было большим шагом вперед, но этого мало. Завоевание создало для образования феодализма особыя условия, которых не было на континенте и которыя, как мы видели, были благоприятны для его дальнейшаго развития; словом, это завоевание оказалось полезно для Англии. Это и придает всему этому событию его глубокий трагизм.

В истории не много таких драматических страниц, как девятимесячное царствование молодого Гарольда, которое так хорошо началось и так ужасно окончилось. В его геройской борьбе против Вильгельма вся наша симпатия, все наше сочувствие, конечно, на его стороне. Мы не можем радоваться успеху Вильгельма, успеху его коварства и хитрости, не можем не возмущаться тем злом, которое он сделал стране, той свирепости, с которой он усмирил побежденных. А между тем его жестокое дело оказалось полезно для Англии. О Гарольде мало-помалу забыли, а с именем Вильгельма связывают возрождение Англии; и потомки того самаго народа, за которого умер Гарольд, который когда-то так проклинал завоевателя, теперь прославляют Вильгельма, как одного из своих величайших королей.

В. Макланов.

LI. Происхождение парламента в Англии

ГЛАВА I. Короли и общество в Англии до 1215 г.

Политическия учреждения саксонской эпохи

Среди государственных учреждений различных европейских стран особенно славятся учреждения Англии. Они, во-первых, с давних времен, гораздо раньше, чем учреждения континента, сделали возможным влияние общества на управление страною, а, во-вторых, замечательны последовательностью своего развитая и стройным сочетанием отдельных элементов. На ряду с верховною властью народных представителей в государственном строе Англии сохраняет известное значение и власть короля. Этот строй обезпечивает в то же время могущество центральных учреждений и местную самостоятельность, подчинение всех одинаковым законам и личную свободу вместе с силою общественнаго мнения, независимость, могущество и благосостояние государства, самостоятельность и благо частных лиц. Конечно, государственный порядок, столь развитой и совершенный, не мог установиться сразу. Он слагался постепенно в течение веков[1]. Его создание стоило громадных жертв и тяжелаго труда. Необходимы были дружныя и постоянныя усилия всех сословий общества, чтобы создать подобный строй, и англичане в праве им гордиться. Изучая английскую историю, мы можем наблюдать отдельные моменты этой тяжелой общественной работы и проследить, как постепенно вырабатывался и из чего сложился этот законченный порядок.

Английское королевство образовалось к началу IX-го века из слияния мелких владений, основанных в Британии отрядами германских завоевателей: англов, саксов и ютов. Но это королевство не походило на современныя благоустроенный государства с сильною цен-

---

Пособия: *Stubbs*, Constitutional history of England, I, II. *Гнейст*, История государственных учреждений Англии; *Pauli*, Simon von Montfort; *Bundinger*, Vorlesungen ueber englische Verfassungsgeschichte; *П. Виноградов*, Лекции по истории средн, веков (литограф, курс); Лекции по государственному праву Англии (литограф. курс); Ясинский, История Великой Хартии в XIII ст.

1 Только в конце XVII в. завершилось создание этого строя, по крайней мере, всех основных черт его.

тральною властью и твердым порядком. Грубые и стремившиеся к обособлению и личной свободе германцы плохо слушались королевскаго правительства. Каждый заботился о личных выгодах и не хотел поступиться ими ради общей пользы. В таком государстве, кто был богат и силен[1], тот мог предписывать законы слабым. Что же касается последних, то многие из них, желая сохранить спокойствие и благосостояние, часто предпочитали добровольно отказаться от своей свободы и отдавались под покровительство людей могущественных и богатых. Король, с своей стороны, будучи еще не в силах обезпечить мир и благосостояние подданных, уступал таким могущественным лицам некоторыя из своих верховных прав. Знатные и богатые землевладельцы в округе: тэны, графы, епископы, получали, таким образом, ряд политических прав над более слабыми из своих соседей. Они могли защищать жизнь и собственность людей, отдавшихся под их покровительство (коммендировавших себя им), имели право привлекать таких лиц к своему суду и предводительствовали ими на войне. Таким образом, граф или епископ являлся одновременно и частным лицом, помещиком в округе, и правителем в своем поместье, во многих отношениях независимым от центральной власти. Кроме того, богатый землевладелец, занимая в области правительственное положение, мог принимать участие в обсуждении тех правительственных мер, которыя касались его области. Собравшись в королевском совете, витенагемоте (собрании мудрых)— кто по праву светскаго князя, представителя области, кто по вызову короля, как его дружинник, кто, как член высшей церковной иерархии,—эти знатные люди законодательствовали, решали вопросы о войне, мире и высшей администрации, влияли иногда на избрание короля и даже на его свержение, представляя из себя одновременно и королевскую думу и съезд князей, ограничивающей короля. Этот съезд, или витенагемот, и был тем зерном, из котораго вырос английский парламент.

Могущество аристократа вместе с общей грубостью германцев и их склонностью к обособлению, обычными свойствами варварских народов, мешали, таким образом, развитию сильной королевской власти в Англии и превращению английскаго королевства, образовавшагося из множества мелких владений, в тесно сплоченною целое. Вся Англия делилась на множество отдельных частей, и в каждой из них сохранялись следы их прежней самостоятельности. Самою мелкой из таких частей было село; во главе его стоял сельский сход, составлявшейся из всех лично свободных жителей села для ведения общиннаго хозяйства и решения мелких судебных дел. В укрепленных селах или, что то же, городах, пользовавшихся еще более широкою самостоятельностью, сельскому сходу соответствовали городския собрания. Следующим делением, объединявшим несколько сел и поместий, была сотня. В собрании сотни, куда, на ряду с крупными местными землевладельцами, являлись староста и четыре представителя от каждаго села, разбирались более важныя уголовныя дела или дела, касавшияся нескольких сел. Наконец, во главе целой области, или графства, стояли учреждения законодательныя, собрания *графств*, по своему составу однородныя с сотнями. Графства надзирали за жизнью всего округа; с ними иногда вели переговоры и представители центральной власти. Существование самостоятельной жизни в каждой отдельной местности также, конечно, служило препятствием для развития широкаго правительственнаго влияния в области, приучая в то же время английское общество к само-

1 То-есть владел большим количеством земли, так как в то время сила и богатство обусловливались величиною земельнаго владения.

управлению и политической деятельности. Какую важную и прочную силу представляли эти местныя учреждения, видно из того, что они сохраняли свое значение в стране даже во времена наибольшаго могущества центральной власти и, пережив века, продолжают в общих чертах действовать и в современной Англии, как наследие англо-саксонской эпохи.

Влияние норманскаго завоевания

В XI веке французские норманны завоевали Англию, и, хотя с этих пор условия жизни на острове во многом изменились, однако некоторый явления старой англо-саксонской эпохи сохранили свое значение. Норманны окончательно установили феодализм в Англии. Тем не менее поработить всех англо-саксов и уничтожить местную самостоятельность по своей малочисленности они были не в состоянии. Собрание графств и сотен продолжали заседать и действовать попрежнему; село, правда, признало власть барона, и в сельском сходе лорд, или его приказчик, явился председателем; однако власть последняго была ограничена деятельным участием в собрании крестьян. Стремясь оградить себя от притеснений завоевателей, саксы вступили в тесный союз с норманскими королями, охотно поддерживая преемников Завоевателя в их борьбе с непокорными норманскими баронами. Последние, в свою очередь, окруженные многочисленным враждебным населением, должны были теснее сплотиться вокруг короля, как естественнаго своего предводителя. Таким образом, благодаря взаимной вражде двух столкнувшихся на острове племен—норманнов-победителей и саксов-покоренных,—власть норманских королей сделалась чрезвычайно могущественною. Преемники Вильгельма I не были только первыми среди равных, подобно королям англо-саксонской эпохи, а явились истинными государями своей страны. Хотя в сущности норманские короли по количеству своих земельных владений мало превосходили баронов, но теоретически им принадлежал весь остров, так как вся страна перешла в руки не народа норманскаго, а герцога Вильгельма, опиравшагося на предполагаемое завещание английскаго короля Эдуарда Исповедника и на высший авторитет церкви. Самое войско Завоевателя состояло не из вассалов его, а из случайных норманских и французских авантюристов; поэтому норманские короли и на деле и по закону могли относиться к стране, как к личному приобретению. Все свободные люди королевства, и прямые вассалы, и подвассалы, приносили им присягу на верность. В областях также находились представители королевской власти, но то были уже не князья этих областей, а шерифы—чиновники короля. Норманские бароны, составившие сословие богатых землевладельцев Англии[1], в свою очередь, должны были признать могущество королевской власти и отказаться от многих из своих верховных прав, которыя были сильно ограничены Завоевателем и его преемниками. Но, как норманский феодализм был не в состоянии совершенно уничтожить местную самостоятельность в Англии, так королевская власть все-же не могла заставить баронов, еще не позабывших о своем могуществе на континенте, совершенно отказаться от притязаний на политическую власть; даже собрание светских и духовных магнатов Англии—витенагемот, сохранившее лишь номинально свои права, продолжало однако существовать, как постоянное учреждение, превратившись в феодальный съезд всех непосредственных вассалов коро-

1 Так как по большей части владения каждаго норманскаго барона в Англии не представляли округленнаго целаго, княжества, а были разбросаны по всей Англии, то бароны всегда оставались богатыми землевладельцами с некоторыми политическими правами, но никогда не могли сделаться князьями, подобно баронам на континенте. Так, в противоположность последним, английские магнаты не имели права частной войны.

ля. Съезд этот созывался три раза в год для совещания о податях и законодательных вопросах, когда король торжественно возлагал на себя корону на Пасхе в Уинчестере, на Троицу в Вестминстере и на Рождество в Глостере. Таким образом, норманское завоевание, сообщив необыкновенное могущество королям Англии, не уничтожило, с другой стороны, и тех местных сил и частных притязаний, которыя издавна существовали в этой стране. Поэтому, когда затихнул первый пыл вражды между норманнами и саксами и началось слияние завоевателей и покоренных (к концу XII века), тогда к идеям феодальной независимости присоединились старинныя саксонския идеи личной и общинной свободы, и из слияния двух племен образовалась сила, грозившая опасностью абсолютизму короля.

Могущественной союзницей этой народной силы явилась церковь. Вместе с норманскими завоевателями проникла в Англию масса французскаго духовенства. Заняв епископския кафедры и главныя места в аббатствах, пришельцы утвердили римское влияние в английской церкви. Латинский язык, отчасти вытесненный саксонским из обихода английской церкви в X и XI веках, и римския идеи о независимости церкви от государства, об отделении церковнаго суда от светскаго, о согласии церкви на подать,—возстановлены были в своих правах на острове. Стремление норманских королей подчинить церковь государству, стеснить развитие ея верховных прав, конечно, вызвали ея решительный протест. Церковь не только выставила ряд защитников своей самостоятельности, но приняла участие в борьбе всех англичан против чрезмернаго развития могущества королевской власти, при чем выступала всегда в первом ряду борцов.

Вильгельм Рыжий

Сосредоточивши в своих руках, вследствие условий завоевания, значительную силу, преемники Вильгельма I гораздо ранее, чем короли французские, могли предаться неразлучным с верховною властью заботам об общегосударственном порядке, о правосудии и спокойствии всех подданных, об усилении центральных учреждений. Но, исполняя свой долг по отношению к обществу, они не забывали и интересов личнаго обогащения. Уже первый преемник Завоевателя—Вильгельм Рыжий (1087—1100), стремясь доставить королевской власти возможность утвердить свое влияние в стране и желая обогатиться лично, старается найти необходимый для достижения этих целей денежный средства. Чтобы увеличить свои доходы, он пользуется правом пошлины, которая платилась королю при переходе феодальной собственности к новому владельцу (такия пошлины назывались релифами). Вильгельм с необыкновенною жестокостью взимает эти пошлины и требует нередко суммы, превышающия годовой доход с поместья. Он злоупотребляет принадлежащим сеньёру правом опеки над малолетними наследниками ленов, а при выдаче замуж или женитьбе опекаемых, берет с них громадныя деньги за свое согласие. Многочисленныя регалии, т. е. частныя привилегии короля, также давали ему повод к различнаго рода злоупотреблениям. К числу таких регалий принадлежало, например, исключительное право короля охотиться в некоторых лесах, и Вильгельм Рыжий с особенною строгостью преследовал нарушителей этого права. Главным сотрудником короля на поприще такой корыстолюбивой политики был некий клирик Ранульф Фламбард, занимавший должность великаго юстициария[1]. Изобретательность короля не знала границ, когда надо было найти новый

1 Великий юстициарий был наместником короля во время его отсутствия и верховным судьей, председателем придворнаго суда.

случай к наживе. Нередко он назначал чрезвычайныя судебныя собрания и созывал ополчения лишь для того, чтобы иметь возможность оштрафовать всех неявившихся или собрать с них выкуп. Однажды отдан был приказ о сборе ополчений во всех графствах, при чем предписывалось каждой сотне поставить ратника, снабдив его деньгами и оружием. Когда ополчения были созваны, шерифы отобрали деньги по приказанию короля и отпустили ратников домой. Но корыстолюбие и произвол Вильгельма достигли высшей степени по отношению к церковному имуществу. Чтобы пользоваться более долгий срок доходами с епископских вакантных кафедр, он оставлял некоторыя из них незамещенными в течение целых пяти лет. Против поборов такого рода, походивших более на грабительство, возстал примас английской церкви Ансельм кентерберийский. Проводя римский взгляд на церковь, как на учреждение, независимое от государства, Ансельм отказывался признать за королем право замещать духовныя вакансии и жаловать при этом кольцо и пастырский жезл (право инвеституры). Но Вильгельм Рыжий не уступил, и Ансельм принужден был бежать из Англии. Однако несправедливый и насильственный образ действий Вильгельма Рыжаго был очевиден для всех. Поэтому, уже преемник его, Генрих I (1100—1135), продолжавший борьбу с Ансельмом, был вынужден примириться с последним. На соборе в Лондоне (1107) противники пришли к соглашению. Определено было точно, что может требовать король от церкви, и признавалась свобода церковных выборов; королю было оставлено лишь право проверять последние и жаловать духовным лицам светские лены и связанныя с ними политическия права. Таким образом, церковь первая оказала сопротивление эгоистическим стремлениям королевской власти.

Генрих II

Смертью Генриха I прекратилась линия прямых наследников Вильгельма Завоевателя, и наступила эпоха смут (1135—1154), ознаменованная борьбою двух претендентов на престол, Стефана Булонскаго и Готфрида Плантагенета. Вновь воскресают в это время волнения и безпорядки в государстве, войны между вассалами и феодальный произвол. Смутный период оканчивается вступлением на престол Англии сына Готфрида Плантагенета—Генриха II (1154—1189). Первыми делом этого короля было возстановление авторитета центральной власти и порядка в стране. Опираясь на помощь и сочувствие саксонскаго населения, он разрушает замки феодалов, лишает их права частной войны, устанавливает систему податей, заботится об организации областнаго управления и суда. Особенное внимание обратил Генрих II на расширение своих судебных прав. Он отнимает целый ряд гражданских и уголовных дел у судов сотенных и феодальных и передает их на разрешение королевской курии (королевскому суду). Влияние королевскаго суда растет, главным образом, благодаря тому, что особенности этого суда в одном отношении возбуждают к нему сочувствие общества. Суд короля во многом отличался от суда сотни, графства или барона. В суде барона господствовали произвол, пристрастие и путаница, а разрешение дела сводилось к поединку тяжущихся сторон; в судах графств и сотен преобладали те же черты: в них также отсутствовал разбор дела по существу (предварительное следствие), а решающее значение имели присяга тяжущихся и указания ордалий (испытания водою или железом). Напротив, королевский суд стремится заменить местные различия правом общегосударственным, а судьи короля, принадлежа к числу знакомых с римским правом опытных юристов, которые с XII века появились в Англии, предпосылали своему решению разбор дела

по существу. Обыкновенно известныя дела в силу особаго указа короля (breve) переводились из суда барона или сотни в суд короля; дела эти или решались королевскою курией или особыми комиссиями королевских судей (justiciarii), которые ездили по областям и действовали в тесной связи с выборными[1] людьми от графств и сотен, т. е. в союзе с общественными силами. Прибыв на место, судьи вызывали сведущих людей из округа; так, например, от графства являлись 12 помещиков, рыцарей графства, как их называли. Эти 12 представителей от местности давали под присягою показания относительно обстоятельств и условий дела и устанавливали факты[2], после чего коронным судьям оставалось лишь произнести приговор и применить тот или другой параграф общаго для всего государства права. Постепенно образовался целый ряд определенных дел, которыя отнимались королевским судом у судов местных и феодальных; то были: дела о земельной собственности, дела, которыя барон отказался разбирать в своем суде, дела уголовныя: о возстаниях, убийствах, поджогах, грабежах и т. д. Несмотря на то, что королевский суд представлял громадный шаг вперед в области судопроизводства, он не был чужд и крупных недостатков. Во-первых, хотя юристы короля, воспитанные на каноническом и римском праве, были, подобно французским легистам XIII в., поклонниками централизации и общегосударственнаго права, однако они не проводили римскаго влияния в практику суда, как это делали легисты, но руководились варварскими и феодальными обычаями. Преобладание этих обычаев и слабость римскаго влияния были важным недостатком королевскаго суда: эти явления были причиною недостаточной гуманности его решений, его суроваго, жестокаго характера. Во-вторых, в деятельности королевских судей отразилась одна особенность внутренней политики Генриха II и его предшественников. Нуждаясь в денежных средствах, чтобы сообщить государственной власти ея настоящее значение и силу, Генрих II, подобно Вильгельму Рыжему, стремится увеличить доходы своей казны. Чтобы установить постоянный приток доходов, он требует от вассалов уплаты определенной подати, освобождая их за то от обязанности нести военную службу (эти подати назывались escuage—scutagia—щитныя деньги) и безпощадно собирает прямые налоги. Но при этом Генрих не отказывается и от прежних приемов наживы, создавших печальную известность Вильгельма Рыжаго. Поборы с аренд, инвеституры и регалии и произвольный захват последних (не довольствуясь количеством своих заповедных лесов, Генрих II налагал запрещение на леса других владельцев) получили широкое развитие в царствование Генриха II и ложились тяжелым бременем на общество. Особенно ненавистны были народу шерифы, которые, в качестве главных проводников королевскаго влияния в области, заведывали разными сборами, поступающими в казну короля. Их притеснения и лихоимство не раз вызывали народный протест и волнения. Стремясь увеличить число доходных статей, король, разумеется, должен был воспользоваться для этой цели и деятельностью суда, которая всегда связана с известною прибылью в пользу казны. Пошлины с тяжущихся сторон и штрафы за неявку в суд могли составить для скудной королевской казны довольно значительную сумму. И, действительно,

1 Так как практически *вся* сотня, *все* графство не могли давать своих показаний, ради которых собственно к ним и обращались justiciarii.

2 Участие местных представителей в суде короны позднее послужило основанием для суда присяжных, действующего теперь во всех государствах Европы. Постепенно из состава представителей, дающих только показания в судах графств и сотен, выделяются несколько помещиков, которые вызваны уже для того, чтобы разобрать представленныя доказательства, составить убеждение и решить дело по совести.

расширяя свое влияние в судебной области, Генрих II не столько заботится об установлении правосудия, сколько старается извлечь возможно более прибылей из этой доходной статьи. Особенно выгодно было для короля так называемое amerciamentum, т. е. штраф, который король, помимо суда, взыскивал с преступника за то, чтобы вновь принять его под свою защиту и покровительство (преступник, как говорили тогда, отдавал себя на misericordia regis—на милость короля). Эти штрафы подвергали безграничному произволу личность и имущество каждаго, так как число случаев, когда взимался amerciamentum, и размеры его были разнообразны до безконечности (amerciamentum угрожал даже той опекаемой владелице леннаго поместья, которая не последовала приглашению выйти замуж), и часто мир короля (misericordia regis) покупался за очень высокую цену. Как дорого стоил населению суд короля, как тяжелы были повинности, с ним сопряженныя, видно уже из того, что иногда при появлении королевских судей в местности все жители прятались в лес. Таким образом, если развитие сильной королевской власти в иных отношениях было выгодно для благосостояния народа, то с другой стороны, общество не мало терпело от произвола и эгоизма правительства. Особенно тяготились односторонним развитием королевской власти феодалы: в поборах, производимых королем, в его вмешательстве в область суда, они видели нарушение своих исконных прав, установившихся в силу обычая, признание котораго было обязательным и для сюзерена. Так постепенно подготовлялась почва для выражения общественнаго недовольства.

Фома Бекет

И во второй раз церковь в лице Фомы Бекета, архиепископа кентерберийскаго, выступает выразительницею этого недовольства и защитницею интересов народа. Непомерный финансовый гнет государства над обществом вызывает протест Бекета. Он отказывается от имени своей епархии и всего духовенства признать постоянною ту подать, которая уплачивалась на содержание шерифов; по мнению Бекета, для ея утверждения было необходимо каждый раз согласие всех вассалов. При этом Бекет настаивал, что церковь, во всяком случае, нельзя облагать без ея согласия. Отказ Бекета вполне отвечал заветным стремлениям всего феодальнаго общества. Но не одни произвольные поборы и подати вызывали сопротивление Бекета; еще энергичнее возстает он против влияния королевской власти в сфере суда. Отбирая дела у местных и феодальных судов, король также делал попытки ограничить и суд церковный. Но Бекет стремится отстоять судебную самостоятельность церкви, которая, будучи крупным феодальным владельцем и составляя особый мир в государстве, должна иметь право суда над духовенством и населением церковных земель. Кроме того, церковь заявляла претензию на разбор многих дел, возникавших между светскими лицами, напр., дел по семейному праву, по завещаниям, по нарушениям договоров, закрепленных клятвой. Однако, вначале он потерпел поражение в этой борьбе. Государственная власть не могла примириться с независимостью церковнаго суда. Церковь слишком снисходительно относилась к проступкам духовных лиц и своих подданных, а эти последние, чувствуя за собою могущественнаго покровителя, безнаказанно совершали уголовныя преступления и нарушения гражданскаго права. Чтобы прекратить такое положение дел, король созвал съезд в Кларендоне (1164 г.), с участием светских и духовных магнатов. Тщетно Бекет старался отстоять независимость и права церкви; оставленный архиепископом йоркским и лондонским, он вынужден был уступить и подписать так называемыя Кларендонския по-

становления. Эти постановления обезпечивали государственной власти ея влияние в церковном суде. Кроме того, постановления требовали, чтобы апелляция (просьба о пересмотре дела) в делах, подлежащих церковным судам, с этих пор направлялась не к папе, а к королю; в то же время строго воспрещался духовным лицам выезд из Англии без разрешения короля. Вскоре затем Бекет бежал во Францию. Но, обманувшись в надежде найти поддержку у папы[1], он примирился с Генрихом и возвратился в Англию. Прибыв в отечество, он тотчас заметил, что произвол и эгоизм королевской власти давно успели заронить во всех недовольство и объединили все классы народа для общаго сопротивления. При своем въезде в Лондон, он был торжественно встречен народом, как его главный заступник против корыстолюбия и произвола короля и его чиновников. Все помнили, что Бекет не только открыто и смело отказал королю в уплате налога для содержания шерифов, но и отстаивал суд, в котором господствовали принципы более гуманнаго каноническаго права, чем в суде государства. Опираясь на сочувственное отношение народа, Бекет и по возвращении продолжал свою борьбу с королем. Во время этой борьбы Бекет был убит людьми, желавшими услужить королю. Но смерть примаса была поражением для Генриха. Она вызвала взрыв національнаго негодования. Ореол мученика окружил Бекета; его представляли заступником народа против обид государства. Сам Генрих был так потрясен этим событием, что добровольно отказался от главной части Кларендонских постановлений, т. е. от права апелляции и запрещения выезда, удержав лишь право вмешательства в судопроизводство церкви. Так закончилось это вторичное столкновение государства и церкви, которая на этот раз, явившись выразительницею протеста общественнаго, опиралась уже на живое сочувствие всех классов общества.

Сыновья Генриха II

Таким образом, быстрое развитие власти английских королей, которые, вступив на путь государственнаго влияния, неизбежно должны были ограничить самостоятельность местных обществ и частных лиц и наносить ущерб материальным интересам последних, вызвало реакцию (обратное воздействие) со стороны общества. Эта реакция крепнет и развивается в царствование преемников Генриха II. Первый из них, Ричард Львиное Сердце (1189—1199), большую часть царствования провел вне Англии, сначала в крестовом походе, затем в плену, а в последние годы жизни, в борьбе с французским королем. Продолжительное отсутствие Ричарда значительно содействовало падению личнаго авторитета королевской власти и сделало ясным для общества, что порядок и исправное течение государственных дел (руководимых в отсутствие Ричарда его сановниками) зависят не столько от присутствия самой особы властителя, сколько от прочности и совершенства государственных учреждений. Эта мысль получила дальнейшее развитие в царствование брата Ричарда Иоанна Безземельнаго. В данном случае личная деятельность короля оказалась решительно вредною для благосостояния и чести страны. Как прежде, так и теперь впереди всех недовольных стояла церковь. Продолжая борьбу государства с церковью, Иоанн отказался признать архиепископом кентерберийским Стефана Лангтона, на избрании котораго настаивал папа Иннокентий III. Своим резким образом действий, отказом принять Лангтона, конфискацией церковных имуществ и изгнанием из Англии каноников кентерберийскаго капитула

1 Занятый борьбою с Фридрихом Барбароссой, папа Александр III не хотел ссориться с королем Англии, из боязни, чтобы последний не принял сторону императора.

(братства), избравших Лангтона, Иоанн навлек интердикт на страну. Церковныя требы не отправлялись, религиозное настроение тех, у кого рождались дети или умирали родные, было очень тягостным. Так продолжалось несколько лет. Наконец, в 1212 году папа, побуждаемый жалобами английских епископов, пригрозил Иоанну лишением трона и разрешил его подданных от присяги, известив о том его врага, французскаго короля Филиппа Августа. Тогда Иоанн решил смириться. Теперь он унижался настолько же безгранично, насколько прежде был крут, дерзок и высокомерен. В 1213 году он примирился с папою, принял Лангтона и признал Англию папским леном, обязавшись за себя и за своих преемников платить папе ежегодную дань в 1000 фунтов стерлингов. Таким образом, Англия испытала крайнюю степень унижения, благодаря своему королю. Принятие Иоанном Английскаго королевства в лен из рук папскаго прелата глубоко возмутило всю нацию. Так же неудачны были и все другия его предприятия и действия.

Вступив в борьбу с Филиппом Августом, который был сюзереном английских королей, так как последние имели владения во Франции, Иоанн потерял значительную часть своих французских ленов (Нормандию, Тюрэнь, Мэн, Анжу, Пуату), и все попытки воротить эти земли окончились неудачею. Эта война стоила Англии очень дорого. Почти ежегодно король требовал от своих вассалов разных сборов и пошлин, в случае отказа прибегая к насилиям. В 1200 году Иоанн собрал по 3 шиллинга с каждой обработанной гайды[1]. В 1203 году король, ссылаясь на то, что он потерял свои заморския владения по вине покинувших его баронов, предписал сбор седьмой части дохода с движимаго имущества вассалов. В 1204 г. бароны дают королю субсидию в $2^1/_2$ марки. В 1205 году король с значительным войском отплыл из Портсмута, но через три дня причалил к берегу Англии и потребовал от вассалов огромный сбор (pecuniam infinitam), за то, что они отказались ему сопутствовать. Так поступал он и в следующие года. Своими правами сюзерена он пользуется для различных злоупотреблений, действуя притом с таким произволом, который напоминает время Вильгельма Рыжаго. Многия знатныя фамилии были разорены или изгнаны, сыновья некоторых вассалов взяты, как заложники, в обезпечение верности их отцов, вдовы и девицы, наследницы ленов, продавались с аукциона клевретам короля. Такою политикой и таким образом действий Иоанн не замедлил вызвать общественное сопротивление.

Национальная оппозиция

К этому времени вражда норманской и саксонской национальности, создавшая когда-то могущество королевской власти, уже улеглась и затихла. Прожив совместно полтораста лет под руководством единой церкви, под единою королевскою властью, при общей системе управления, при одинаковом мире и под равным гнетом, обе национальности успели забыть разделявшую их прежде рознь и слились в одну могучую народность с преобладанием англо-саксонских элементов в составе языка, обычаях и народном характере, отличительными чертами котораго являются трезвость взгляда, стойкость и упорство, спасшия, по выражению одного из историков, свободу Англии[2]. Но не только все население сплотилось в

1 Гайда—земельная мера: участок такой величины, какой можно обработать в год при помощи плуга, запряженнаго восемью волами.

2 Разумеется, и норманский элемент оставил свой следе в народном характере: так склонность англичане к отвоеванию всякаго рода прав и их способность к энергичной борьбе ведут, быть можете, свое начало от воинственных стремлений норманскаго характера; влиянию норманскаго элемента приписывают, между прочим, и страсть англичан к спорам: сутяжничество и до сих пор представляет от-

один народ, каждое сословие почувствовало себя могущественным, самостоятельным целым. Как и в других сферах жизни, и здесь обнаружилось влияние основного явления этой эпохи европейской истории—крестовых походов. Эти походы распространили среди вассалов сознание важности тяжело-вооруженнаго рыцарства, укрепили в них рыцарский дух и выработали общия рыцарския понятия, которыя стали соединительным звеном для всех вассалов, независимо от степени их могущества и богатства, и побуждали противодействовать абсолютизму сюзерена. С другой стороны, торговые и денежные обороты, получившие большое развитие со времен крестовых походов, увеличили богатство, силу и самостоятельность многих городов Англии. Когда, таким образом, окрепли все части общества, тогда стал возможен союз их для борьбы с деспотизмом.

Во главе недовольных стали несколько баронов северной Англии. Они ждали только удобнаго случая, чтобы оружием принудить Иоанна отказаться от незаконных мер и возвратиться к порядку. Враждебное настроение баронов побудило Иоанна искать опоры в населении королевских сел и городов. Кроме обычных членов королевскаго съезда (витенагемота), баронов и непосредственных королевских вассалов, Иоанн в 1213 году вызывает на съезд в Сент-Альбансе старосту и четырех депутатов от каждаго королевскаго города. На следующем съезде, в Оксфорде, по вызову короля являются 4 рыцаря от каждаго графства. Эти рыцари графств далеко не все принадлежали к числу прямых вассалов Иоанна и, следовательно, являлись на съезд не как представители личной силы, а как выразители интересов земских, общественных, как представители всех свободных землевладельцев, к которым они сами принадлежали. Но попытка Иоанна сблизиться с средними классами общества не имела успеха, так как собрание в Альбансе прежде всего потребовало от короля прекращения различных злоупотреблений и возвращения церкви тех привилегий и прав, которых она лишилась во время борьбы короля с папою. В 1214 году Иоанн совершил неудачный поход на Францию. В этот поход он увел, кого только мог, из баронов. Войска его потерпели поражение при Бувине, но он, тем не менее, стал взыскивать escuage (щитовую подать) с тех вассалов, которые отказались участвовать в этом походе. Тогда общественное негодование достигло крайних пределов. Северные бароны собрались в Сент-Эдмундсе и открыли военныя действия против Иоанна. Не имея в своем распоряжении готоваго войска, Иоанн обещался вступить в соглашение и требовал отсрочки до Пасхи 1215 года. Бароны изъявили согласие и разошлись. Король между тем обратился к покровительству папы. Он подтвердил свою ленную зависимость от него и дал обет принять участие в крестовом походе. Желая поддержать Иоанна, папа пригрозил отлучением непокорным баронам и предписал уплатить в пользу короля щитовыя деньги. Тогда бароны снова взялись за оружие. К прежним врагам короля примкнули бароны средней и южной Англии, жители Уельса и шотландский король Александр. Возставшие объявили себя «войском Бога и святой церкви» и открыли военныя действия. Когда богатый город Лондон, столица всего королевства, присоединился к возставшим, и укрепленные города один за другим начали переходить в руки баронов. Скоро Иоанн был оставлен даже своими немногочисленными сторонниками. Глава королевской партии, лорд Пемброк, перешел на сторону противников и ограничился ролью посредника между двумя враждебными партиями. Еще раньше сторону возставших принял архиепископ Лангтон, бывший дотоле посредником между королем

личительную черту Французской Нормандии.

и баронами. Иннокентий III, назначив своего друга Стефана Лангтона архиепископом кентерберийским, думал утвердить влияние римскаго престола в Англии, но обманулся в своих ожиданиях. Истый англичанин и патриот, Стефан Лангтон явился противником властолюбивых и корыстолюбивых притязаний Рима и сторонником возстания баронов против Иоанна. Вопреки требованиям папскаго уполномоченнаго, он отказался отлучить от церкви возставших баронов. Наконец, Иоанн, покинутый почти всеми (при нем осталось только семь рыцарей), согласился удовлетворить противников. 15 июня 1215 года сошлись обе стороны в долине Реннимеда на Темзе, и король своею печатью скрепил требования баронов. На основании этих требований через несколько дней была составлена знаменитая Великая Хартия Вольностей (Magna Charta Libertatum), положившая первое формальное основание английской свободе и тем учреждениям, которыя являются ея выражением и обезпечением.

ГЛАВА II. Великая Хартия Вольностей

Законы Эдуарда Исповедника и грамота Генриха I

Еще прежде чем бароны взялись за оружие, архиепископ Стефан Лангтон на съезде в Лондоне (1213 г.) напомнил им обещание Иоанна соблюдать законы Эдуарда Исповедника, данное королем в Уинчестере во время примирения с папою, когда архиепископ снял с него отлучение. Кроме того, Лангтон указал баронам на давно забытую грамоту короля Генриха I[1], на основании которой они могли, по его мнению, требовать возстановления своих утраченных вольностей. Законы Эдуарда Исповедника не представляли на самом деле постановлений короля Эдуарда; под этим именем известны были составленные гораздо позднее (повидимому, в XII веке) частными лицами сборники англо-саксонскаго права, насколько последнее применялось в период норманскаго владычества. Если под законами Эдуарда Исповедника разумелось саксонское право, то грамота Генриха I была документом феодальнаго права. Генрих I незаконно занял английский престол, так как больше прав на него имел герцог нормандский Роберт. Чтобы отстоять свое положение против притязаний Роберта, Генрих должен был опираться на сочувствие своих подданных. Необходимость расположить их к себе заставила Генриха в начале своего царствования даровать вассалам грамоту, целью которой было прекращение произвола и злоупотреблений эпохи Вильгельма. Эта грамота представляла феодальный договор между вассалами и сюзереном. В нем обезпечивались мир и права церкви, ограничивался произвол короля при взимании релифа. Король обещал безпрепятственно давать согласие на браки наследниц, признавал, что вдова должна получать определенную часть владения и не может быть против воли принуждаема к вступлению в брак, что вассалы не будут подвергаться произвольным штрафам за проступки против сюзерена. Рыцарь, несший личную службу в войске, был признан свободным от уплаты военной подати. При решении судебных дел король обещал руководиться законами Эдуарда Исповедника в том виде, как установил их Вильгельм I со своими баронами. Замечательна одна особенность грамоты Генриха I: ограничивая короля по отношению к вассалам, она налагала те же ограничения и на баронов по отношению к подвас-

1 Возвращения к положениям этой грамоты требовал и съезд, созванный Иоанном в Сент-Альбансе в 1213 году.

салам. Очевидно, бароны уже сознавали, что для успешной борьбы с королем необходимо привлечь к своему союзу все общество и действовать безкорыстно, т. е. в свою очередь сделать уступки своим подчиненным.

Когда указанная Лангтоном грамота Генриха I была прочтена баронам, все с радостью поклялись, не жалея жизни, сражаться за такия права, и вскоре после съезда в аббатстве Сент-Эдмундсе (1214 г.) бароны потребовали от Иоанна возстановления законов Эдуарда и Хартии Генриха I (1215 г.). Итак, бароны, с одной стороны, желали, чтобы король соблюдал обычное саксонское право, которое действовало и во время его предшественников, хотя последние и склонны были его нарушать; с другой стороны, они требовали признания тех феодальных прав, которыя были дарованы им еще грамотою Генриха I. Эти стремления баронов являются исходными пунктами Великой Хартии Вольностей.

Великая Хартия представляет прежде всего феодальный договор, определяющий права вассалов и сюзерена. Она в значительной степени повторяет параграфы грамоты Генриха I. Однако в ней есть и особенности, каких мы не найдем в грамоте Генриха. Великой Хартии предшествовало столетие, во время котораго в противоположность *феодальным* условиям начали уже слагаться новая *государственныя* отношения. Впоследствии развитие государственности привело Англию к объединению и превратило разрозненное феодальное общество в однородную массу граждан, подчиняющихся одним и тем же законам. Хотя в XII веке эти новая отношения только что зарождались, однако их влияние уже отражается на составе Великой Хартии. Некоторые из ея параграфов были вызваны желанием положить предел тому произволу и злоупотреблениям, которые допускал король, развивая *государственный характер своей власти*. Эти параграфы не только не утратили своего смысла с исчезновением феодализма, но даже получили более широкое применение с развитием новых государственных отношений и стали основанием новаго *государственнаго* порядка.

Права церкви

Великая Хартия начинается обращением Иоанна к своим духовным и светским вассалам, шерифам, судьям и другим чиновникам. За этим обращением, в котором были перечислены все королевские титулы, следовало объявление от имени короля, что, по внушению Бога, он для спасения души своей и всех предшественников и преемников, ради славы Божией, величия святой Церкви и блага королевства, по совету своих духовных и светских вассалов (следуют их имена), жертвует Богу и навсегда подтверждает за себя и за своих преемников прежде всего, что английская церковь должна быть свободна и сохранить свои права и вольности. В этом случае Великая Хартия была сходна с грамотою Генриха I, которая точно также раньше всех других уступок обезпечивала права и мир церкви. Церковь, как самая могущественная часть феодальнаго общества, всегда стоявшая во главе недовольных, естественно, требовала освящения своих прав прежде всего. В параграфе первом Великой Хартии король обещается, что будет соблюдать ранее изданную им хартию (15 января 1214 года) о свободе церковных выборов. Согласно этой хартии, выборы высших и низших прелатов должны были производиться свободно во всех церквах, и король должен утверждать их, если только для отказа не будет основательной причины. Затем, в Великой Хартии следует ряд параграфов, которые касаются ограничения верховных прав сюзерена. Они расположены безпорядочно, но по своему содержанию могут составить четыре определенных группы: параграфы, касающиеся 1) феодальных повинностей, 2) судоустройства,

3) регалий, 4) прав, принадлежащих отдельным обществам.

Феодальныя повинности

Что касается феодальных повинностей, то Великая Хартия является подтверждением и продолжением грамоты Генриха I, т. е. устанавливает размер релифа (платы при передаче лена—с графа—100 фунт. стерлингов, с барона 100 фунт. стерл., а с рыцарских ленов—100 полновесных шилл.—ст. 2), затем требуется, чтобы сюзерен во время опеки держал в хорошем состоянии владения опекаемых (ст. 4 и 5), и подтверждается постановление грамоты Генриха о вдове вассала (ст. 7 и 8). Но особенно важно постановление Хартии о субсидиях (денежных пособиях) королю. За исключением трех обычных случаев: выкупа короля из плена, посвящения в рыцари его старшаго сына и выдачи замуж его старшей дочери, «всякия щитовыя деньги (scutagia) и субсидии (auxilia),—гласит параграф 12-й,—пусть назначаются в нашем королевстве только общим нашего королевства собранием (per commune consilium regni nostri)». Итак, необходимо согласие на подати со стороны тех, кто ею облагается. Это постановление чисто феодальное по своему происхождению. Действительно, средневековый вассал, обладая верховными правами, был государем в своем поместье; но ни одного государя нельзя обложить данью без его согласия. Поэтому, если сюзерену необходима была денежная помощь вассалов, он должен был созвать их и получить от них согласие на подать подобно тому, как предводитель союза может пользоваться силами своих союзников только с согласия последних. Вот почему в одной из следующих статей Великой Хартии—14-й приведено от имени короля такое обязательство: «При созыве же общаго государственнаго собрания для назначения субсидии... или щитовых денег приглашали бы мы[1] архиепископов, епископов, аббатов, графов и крупных баронов личными призывными грамотами за нашею печатью; а кроме того, через шерифов и наших баллифов[2] окружною грамотой приглашали всех тех, которые держат феоды непосредственно от нас, к определенному дню». Итак, достаточно держать феод (лен) непосредственно от короля, т. е. принадлежать к числу самостоятельных членов феодальнаго государства, чтобы иметь право голоса при обложении. Но этот *феодальный* принцип, изложенный в Великой Хартии, с развитием новых государственных отношений, сделался одним из главных *государственных* прав английскаго народа. Оно заключается в том, что английский народ уплачивает правительству лишь те подати, на которыя дали согласие народные представители, собравшиеся в парламенте.

Судопроизводство

Целый ряд статей Великой Хартии касается судопроизводства. Бароны признали благодетельное влияние королевскаго вмешательства в область суда и права. Они стремились только уничтожить произвольный характер этого вмешательства, определив в Великой Хартии законныя границы и формы для всего, что сделано было в этой области еще при Генрихе II. Прежде всего постановлено было, чтобы суд по гражданским делам не следовал, как это было в обычае, за двором короля; с этих пор он должен был превратиться в постоянное учреждение (ст. 17). Комиссии странствующих судей должны четыре раза в год объезжать провинции, чтобы при содействии местных представителей решать дела, подсудныя королю (при этом определялись и случаи подсудности) (ст. 18). Шерифам и местным

1 Т. е. король.

2 Низший чиновник в области по назначению короля.

чиновникам запрещено было решать дела, в которых замешаны интересы короны (placita coronae: делами такого рода считались уголовныя преступления, так как в этом случае нарушались интересы короля, как охранителя общественнаго порядка). «Никому мы[1] не продадим, не откажем и не отсрочим права и справедливости», сказано в 40-м параграфе Хартии. Хотя таким образом бароны признали значение королевских судов, однако Хартия сделала сравнительно мало для развития и упрочения этих судов в королевстве. Проявившиеся позднее эгоистические взгляды высших классов феодальнаго общества задержали развитие системы объездных судов, которые были окончательно устроены только статутами Эдуарда I и II. Уже при втором пересмотре Хартии (1217 г.) феодалы, стремясь сохранить свою судебную власть над подчиненным им населением, ограничили влияние короля в судебной области[2]. Из всех судебных параграфов Хартии особенное значение имеют параграфы 20-й и 39-й, так как они являются первоначальным выражением некоторых важных особенностей современной государственной жизни Англии. Параграф 20-й Хартии полагал предел системе amerciamentum'а (административных взысканий), требуя, чтобы штраф (amerciamentum) соответствовал размеру проступка, чтобы виновному при наложении штрафа были оставлены средства к содержанию: купцу—товар, крестьянину—земледельческия орудия и рабочий скот. Кроме того, в назначении штрафов должны были участвовать члены общины или (по § 21) пэры[3] провинившагося. Таким образом, стеснялся произвол королевских чиновников, заинтересованных в увеличении штрафа, и уничтожалась всякая возможность произвольных административных взысканий помимо суда—особенность, которая отличает и современную Англию. Подобным же образом параграфом 39-м ограничивается произвол короля и по отношению к свободе отдельной личности. «Ни один свободный человек,—говорится в этом параграфе,—не будет схвачен, посажен в тюрьму, лишен имущества, поставлен вне закона, изгнан или каким-либо образом подвергнут убытку; мы[4] не пойдем против него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору его пэров или по закону страны». Эта статья, представляя подтверждение старинных саксонских законов, также требовавших правовой охраны личности и имущества, является основанием гражданской свободы Англии. В XVII столетии из нея выработался знаменитый закон «Habeas Corpus», по которому каждый англичанин владеет своим телом, т. е. владеет гражданскою свободой, поставленною под охрану законов. Личная свобода граждан английскаго королевства охранялась и параграфом 42-м, который обезпечивал каждому право свободнаго передвижения и по воде и по суше, выезда из государства и возвращения в него.

Регалии и корпорации

К третьей группе относятся те статьи, которыя ограничивают регалии (привилегии короля). Хартия требует (§ 47), чтобы корпорации со всех лесов и рек, отобранных в правление Иоанна для королевской охоты, было снято запрещение (обыкновенно в отобранных местностях никому не дозволялось ни жать, ни охотиться). Стесняется право постоя и

1 Т.-е. король.

2 В 1217 году было постановлено, чтобы объезды судей вместо 4 раз, производились лишь один раз в год. Кроме того, многия дела были изъяты из ведения объездных судей и переданы другим учреждениям.

3 Пэры=равные: люди того же класса.

4 Т. е. король.

реквизиции, т. е. право королевских судей, явившихся в местность, требовать от населения хлеба, без немедленной уплаты денег, брать лошадей и подводы для разъездов или пользоваться лесом, без согласия хозяина (ст. 28, 30, 31).

Последняя группа статей Хартии утверждает права отдельных обществ (корпорации). Так, например, первый параграф касается прав церкви, параграф 13-й обезпечивает вольности и свободные обычаи Лондона и других городов, общин, бургов и портов. По параграфу 12-му поборы с города Лондона следовало взимать в том же порядке, как и с королевских вассалов. По параграфу 23-му ни один город и ни один свободный землевладелец не могут быть принуждаемы к постройке плотов и мостов, если такая обязанность не существовала раньше.

Наконец, один параграф Великой Хартии—61-й—имеет целью воспрепятствовать нарушению договора со стороны короля. Комиссия из 25 вооруженных баронов обязывалась параграфом 61-м следить за соблюдением договора и всячески преследовать короля в случае, если Хартия будет им нарушена.

Всесловность

Особенностью Великой Хартии, по сравнению с подобными же грамотами на материке, был всесословный ея характер, обезпечивавший ей дальнейшее существование и развитие. И на континенте, во Франции, например, общество вступало в XIV в. в договор с королем, однако оно не было в состоянии навсегда обезпечить свои политическия права, так как каждое сословие действовало отдельно, хлопотало только о своих интересах. Между тем как во Франции создаются сословныя грамоты, обезпечивающия права отдельных частей общества, в Англии появляется *Великая Хартия* Вольностей, т. е. договор, обезпечивающий права всей нации, по крайней мере ея свободной части. Различие результатов зависело в данном случае от особенностей английской жизни. В Англии не было резкой сословной розни, так как сильная королевская власть содействовала более тесному сплочению общества. Бароны, не сделавшись самостоятельными князьями, легко соприкасались с рыцарями; последние почти незаметно переходили в класс простых свободных, а эти своими низшими ступенями сближались с крепостными людьми. В то же время в Англии, в областях, на ряду с властью барона, продолжали действовать и местныя силы—собрания графств и сотен; естественно, что они должны были оказать свое влияние и на решение общегосударственнаго дела. Так как каждое сословие в отдельности чувствовало свою слабость перед сильною королевскою властью, то все англичане живо сознавали необходимость совместных действий. Та же особенность, которая отличает грамоту Генриха I, свойственна и Великой Хартии Вольностей. И в том, и другом случае бароны заботились не только о своих выгодах, но и о правах и привилегиях других классов: горожан, мелких свободных, крестьян, купцов[1] иногда даже в ущерб своим собственным выгодам. Как король обязывался соблюдать постановления Великой Хартии по отношению к своим вассалам, так и все духовные и светские сеньёры Англии параграфом 60-м обязывались соблюдать их по отноше-

1 Так, например, в интересах купцов была установлена одинаковая единица меры и веса во всем государстве (§ 35); по § 41-му купцы могут свободно торговать во всех государствах и по всей Англии и не должны подвергаться произвольному обложению податьми и пошлинами; в случае войны иностранные купцы будут задержаны, и с ними будет поступлено так же, как поступят враждебныя государства с английскими купцами.

нию к подвассалам. Всесословность Хартии выразилась и в составе той группы, которая договаривалась с королем: в нее входили не одни бароны, но также представители городов и церкви. Наконец, если Великая Хартия вначале касалась только прав «свободных» лиц, то это не помешало ей впоследствии приобрести значение для всей английской нации во всем ея составе, так как со временем, благодаря выкупу на волю, понятие «свободный» начинает обнимать все больший круг людей, который, наконец, сливается с пределами всей нации. Вследствие этого Великая Хартия теряет значение *феодальнаго* договора и приобретает новый смысл *государственнаго* акта, обезпечивающаго национальныя права и вольности, чтобы «все жители... королевства», по меткому и сильному выражению 63-го параграфа Хартии, «пользовались ими прекрасно и мирно, свободно и спокойно, вполне и неприкосновенно сами и наследники их, от нас и преемников наших—во всем и на всех местах, вечно, как выше было сказано».

Нарушение грамоты

Последний 63 параграф Хартии свидетельствовал, что король и бароны дали присягу добросовестно соблюдать все постановления Хартии. В действительности король Иоанн, давая присягу, совершенно не разсчитывал исполнять ее. В письме к папе он жаловался на возставших баронов. Иннокентий III, узнав о содержании Хартии, говорят, воскликнул: «Как! не думает ли английская знать, что она может низвергнуть с трона своего короля, который принял крест и поставил себя под защиту апостольскаго престола! Такое оскорбление не может пройти безнаказанным!» В особой булле папа освободил короля от данной им присяги, отлучил от церкви возставших баронов и суспендировал (лишил на время сана) архиепископа Стефана Лангтона. Соглашение баронов названо было в булле противозаконным, несправедливым и постыдным договором, а сами бароны объявлены еще более дурными людьми, чем сарацины. Под защитою буллы Иоанн, имея в своем распоряжении казну и укрепленные замки собрал наемную армию, с которой бароны не могли уже справиться. Отчаиваясь в успехе, они призвали на помощь французскаго принца Людовика, обещая избрать его на английский престол. Внезапная смерть Иоанна прекратила эту борьбу. Законным преемником Иоанна был его девятилетний сын Генрих III; за малолетством последняго во главе правления в качестве регента стал граф Пемброк. Новое правительство прежде всего объявило от имени короля амнистию (прощение) всем участникам возстания и позаботилось о замирении страны, воспользовавшись разногласием, возникшим среди баронов, часть которых была недовольна союзом с французами и поведением принца Людовика. В Бристоле бароны, представители новаго папы (Иннокентий III умер несколькими месяцами раньше Иоанна) и правительство пришли к соглашению, при чем состоялось первое подтверждение Великой Хартии (12 ноября 1216 г.). Но при этом подтверждении сделаны были некоторый изменения: между прочим, были выпущены статьи 12-ая и 14-ая—об общем сейме всех коронных вассалов, крупных и мелких, для назначения субсидий, и статья 61-ая—о вооруженной комиссии 25 баронов. Нуждаясь в деньгах для борьбы с крайнею партией возставших, правительство вычеркнуло стеснительныя для него статьи 12-ю и 14-ю тем более, что опущение этих статей было выгодно крупным баронам, стоявшим вместе с Пемброком во главе управления. В сущности бароны и прелаты не были расположены признавать права равенства за владельцами мелких ленов. Поэтому они охотно вернулись к старой системе—к съездам одних знатнейших вассалов, вызываемых личным приглашени-

ем короля. Кроме того, самая многочисленность крупных и мелких коронных вассалов являлась важным препятствием для осуществления 14-ой статьи. Трудно было собрать всех и в особенности мелких вассалов, которые созывались коллективным приглашением через шерифов; и если бы даже это было возможно, то все-таки такой сейм грозил бы обратиться в безтолковое и безпорядочное собрание. Что же касается параграфа о 25 баронах, то его исчезновение легко было предвидеть. Формальная обязанность баронов возстать против короля, в случае нарушения им присяги, не примирима с правильным течением государственной жизни, так как порядок и благосостояние страны нельзя обезпечить постоянною возможностью революции и междоусобной войны. В 1217 г., при окончательном замирении страны, Великая Хартия была снова подтверждена правительством с некоторыми изменениями. В царствование преемников Генриха III она пополнена была некоторыми статьями, но в основе ея всегда оставалась редакция, выработанная в 1217 году, при втором ея подтверждении.

Все предыдущее уже показывает нам, что Великая Хартия далеко не содержит в себе, как часто думают, всех тех государственных прав, которыми теперь обладает английский народ, но, служа выражением той идеи, что государственный строй должен быть основан на личной свободе и законной равномерной для всех защите личности и имущества, она всеже является основанием английской свободы. Поэтому, вместо прежняго подтверждения законов Эдуарда, население с этих пор постоянно требует подтверждения Великой Хартии. До конца средних веков она подтверждалась 38 раз.

Генрих III

Но с признанием Великой Хартии дело обезпечения народной свободы и прав далеко еще не было закончено. Очень скоро английскому обществу пришлось убедиться, что впереди предстоит еще трудная и продолжительная борьба и что одной присяги и приложения печати еще недостаточно для достижения свободы и благосостояния. Хотя Генрих III неоднократно подтверждал Великую Хартию, тем не менее он ни мало не затруднялся нарушать ее снова. Царствование этого безхарактернаго короля, старавшагося укрепить свою власть в стране путем родственных связей с Людовиком IX и Фридрихом II, было временем глубокаго унижения для Англии. Не находя себе опоры в плохо повиновавшемся классе баронов, Генрих III задумал создать новый дворянский слой из французских выходцев. Он систематически покровительствовал жадным провансальским родственникам своей жены, делая из королевства привлекательную добычу для чужеземцев, которые захватывали в свои руки высшия должности, доходные лены и королевские замки. Чтобы устранить в то же время неизбежное противодействие английских магнатов министрам короны и не назначать министрами представителей английской знати, Генрих III оставляет подолгу незамещенными три главныя должности: великаго юстициария, канцлера и казначея, поручая центральное управление многочисленным мелким чиновникам, что открывало широкую возможность для злоупотреблений всякаго рода и нарушения законов. Другим источником бедствий для Англии были отношения Генриха к папству. Сознавая, что английский народ не может одобрить склонности своего короля к чужеземным грабителям, слабодушный Генрих решился стать под защиту святого престола. Папский легат почти постоянно пребывал в стране, чтобы угрозами отлучений и интердиктов влиять на противников Генриха. Всевозможные сборы: 10-я, 5-я и 30-я деньга, широкою рекой потекли из Англии в Рим. В

передаче английских бенефиций корыстолюбивым итальянским духовным папа открыл неистощимый источник доходов, в которых он очень нуждался во время борьбы своей с императором. Опираясь на ленную присягу Иоанна, Иннокентий IV смотрел на Англию, как на свой домен. Обратив однажды внимание на красивый золотой позумент на одежде английских духовных, папа заметил: «Эта Англия—настоящий сад драгоценностей, неисчерпаемый источник богатств, но... кому много дано, с того много и взыщется».

К счастью, в противоположность этой политике Генриха, в лучшей части английской знати и высшаго духовенства все более развивается патриотизм и национальное самосознание, а вместе с тем растет и значение съездов представителей английской аристократии, ведущих свое начало еще от саксонскаго витенагемота. Хотя 14-й параграф Великой Хартии о собрании всех крупных и мелких вассалов был выпущен при ея подтверждении, так как осуществление его оказалось невозможным на деле, тем не менее постоянная нужда в деньгах побуждала Генриха III обращаться с просьбами о назначении чрезвычайных (кроме трех обычных случаев леннаго права) субсидий к английским магнатам, созывая для этой цели[1] такие же съезды последних, какие были в обычае до издания Великой Хартии. В царствование Генриха III эти съезды созываются с почти периодическою правильностью и приобретают новое название парламента (parliamentum от parler), так как в парламенте дела решались словесным обсуждением. Парламенты и были тем учреждением, которое одно было в состоянии, постепенно развиваясь, обезпечить свободу и независимость англичан. Нуждаясь в деньгах, король ничего не мог предпринять без согласия парламентов, а последние за то все громче поднимали свой голос против корыстолюбия римской курии и настойчиво требовали порядка в управлении финансами и удаления чужеземных любимцев короля и мелких чиновников от высших должностей в государстве. Постепенно слагается среди баронов сознание, что нарушения Великой Хартии и злоупотребления могут прекратиться в том только случае, если все управление страною будет отнято у короля и поставлено под надзор светской и духовной аристократии. Английская знать уже не довольствуется теперь своим правом собираться для назначения субсидии, а старается добиться права участия в управлении государством и надзора за правительственною деятельностью. Осуществление этой новой задачи должно было мало-по-малу превратить феодальный съезд для назначения чрезвычайных субсидий в современное конституционное собрание общественных представителей. Возрастающие с каждым новым парламентом неуступчивость и ропот баронов и прелатов переходят, наконец, в открытое возстание, когда во главе их становится предводитель, соединявший в себе практически гений государственнаго человека с способностью до конца стоять за свои убеждения. По странной игре случая, этим лицом, навеки обезпечившим английскому народу его национальныя права и вольности, был француз Симон де-Монфор.

1 Так как, по феодальным понятиям, без согласия баронов и прелатов король не мог получить от них субсидии.

ГЛАВА III. Симон де-Монфор и бешеный парламент

Молодость Симона де-Монфора

Дом Монфоров обязан своим именем родовому замку, возвышавшемуся на одном из холмов между Парижем и Шартром. Издавна установилась связь между Англиею и Монфорами. Один из Монфоров, будучи одновременно ленником короля французскаго и Генриха Плантагенета, вступил в брак с сестрою и сонаследницею графа Лестера из дома Бомон, владевшаго одною из обширнейших бароний Англии. Наследственныя права Амиции де-Бомон перешли ко второму ея сыну, грозному гонителю альбигойских еретиков, Симону де-Монфору. Но последнему не пришлось вступить во владение Лестерским леном. Король Иоанн Безземельный лишил Симона всех владений и должностей, недовольный тем, что Симон в войне между Франциею и Англией держал сторону первой и сильно теснил его родственника, Раймунда, графа Тулузскаго. Однако Симон удержал за собою титул графа Лестерскаго. Когда в 1224 году громадныя земли, завоеванныя Симоном в Южной Франции, отошли к французской короне, Монфоры стали стремиться возстановить свои отношения к Англии. Для этой цели был отправлен в Англию младший сын знаменитаго крестоносца, по имени также Симон. Едва ли можно было найти человека, более способнаго поддержать славу своего рода на чужой стороне. Симон де-Монфор младший родился, вероятно, около 1208 года. Он вырос в замке Монфор, на глазах своей матери, мужественной супруги южно-французскаго завоевателя, Алисы из рода Монморанси. После тщетных стараний добиться высокаго положения во Франции, 20-ти летний Симон покинул материк и, прибыв в Англию, нашел самый дружественный прием при дворе Генриха III. В 1231 году Генрих принял от него присягу на верность. Но от присяги до полнаго введения в Лестерский лен, принадлежавший некогда бабке Симона, и во все титулы и должности, связанныя с этим владением, было еще очень далеко. При национальных стремлениях Англии XIII-го века в ней был немыслим владетель, одновременно подчиненный двум королям. В виду этого Амори, старший брат Симона, чтобы дать последнему возможность устроиться в Англии, отказался навсегда от своих наследственных прав на графство Лестер. Однако нужда еще много лет теснила Симона, а долги и пенсии из доходов с Лестерскаго лена были главным средством его существования, пока, наконец, энергия и честолюбие, унаследованныя Симоном от отца, не помогли ему достигнуть цели, т. е. высокаго положения в обществе. Брак с какой-нибудь знатной наследницей мог быть верным путем к богатству и возвышению; и Симон пытал уже счастья во Франции, но двор французский, недовольный связями Монфора с Англиею, два раза разрушал его планы. Тогда он решился осуществить свое намерение в самой Англии. Судьба покровительствовала Симону. Его красота, таланты и рыцарския достоинства приобрели ему внимание и любовь младшей сестры Генриха III, Элеоноры, вдовствующей графини Пемброк. Принцесса отдала свою руку Симону, нарушив таким образом некогда произнесенный ею обет пострижения. Генрих одобрил выбор Элеоноры и дал новому родственнику место в королевском совете, но иначе посмотрели на этот союз бароны и прелаты страны, ненавидевшие Монфора за его иностранное происхождение. Чтобы успокоить ропот туземной знати, король принужден был удалить Симона из своего совета. Но, кроме того, надлежало предупредить другую беду, кару церковную, которую могло повлечь за собою нарушение обета пострижения, даннаго Элеонорою. Чтобы отвратить грозившую опасность, Монфор отправился в Рим. По дороге он промедлил некото-

рое время в Ломбардии, где в качестве вольнаго рыцаря помогал своему шурину, императору Фридриху II[1], в его борьбе с непокорными итальянскими городами. В благодарность за военныя услуги Симон был снабжен рекомендациями к папе. Эти рекомендации могли иметь значение в глазах папы Григория IX, так как последний еще не был в то время непримиримым врагом императора. Действительно, Григорий IX разрешил Элеонору от обета. Обрадованный Симон поспешно возвратился в Англию. 2-го февраля 1239 года Монфор был введен, наконец, во владение Лестерским графством и принят в число английских баронов и советников короля. Но луч счастья блеснул не надолго для графа: бедствие, вскоре разразившееся над ним, снова вернуло его к скитальческой жизни.

Ссора и примирение с Генрихом III

Однажды, во время торжественнаго выхода в церковь супруги Генриха III, королевы Элеоноры, король вдруг приказал графу и графине Лестер оставить собравшееся общество. Называя Монфора обольстителем графини Элеоноры, король уверял, что он подкупом добился незаконнаго разрешения от римской курии, что он навлек теперь на себя отлучение, так как папа узнал, наконец, всю правду. Безмолвный и негодующий покинул Монфор с женою английские берега, думая найти приют во Франции. Изгнание Монфора из Англии объясняется, повидимому, событиями на материке. Как раз в этом году (1239), в Вербное воскресенье, 20 марта, был отлучен от церкви император Фридрих II. Король английский, помогавши царственному зятю год тому назад и деньгами и войском, не решился теперь возстать против могущественнаго авторитета церкви. Подчиняясь влиянию папской партии при своем дворе, слабохарактерный Генрих мог пожертвовать даже честью своей сестры, чтобы только отделаться от Симона, присутствие котораго в королевском совете казалось теперь неудобным, в виду его дружественных отношений к императору в прошлом году. Во всяком случае в обвинениях Генриха не было и тени правды. Мы ничего не слышим о том, чтобы папа уничтожил данное им разрешение. Но всего более невинность графа и графини доказывается дружбою и свидетельством одного из достойнейших людей Англии того времени, Роберта Гросстета, епископа линкольнскаго. Мужественный поборник национальных прав английской церкви против корыстолюбия римской курии, Гросстет более всего заботился о нравственном воспитании общества; под его покровительством ученые францисканские братья, проповедники нравственных и социальных реформ, занимают кафедры Оксфордскаго университета. Линкольнский епископ, к епархии котораго принадлежало графство Лестер, был истинным другом Монфоров. И в эти тяжелые для изгнанников дни он не оставлял их без утешения. Применяя в письме к графу слова, составлявшия фамилию последняго, епископ высказывает надежду, что Монфор из своего унижения взойдет на вершину *крепкой горы* (in cacumen *montis fortis*), где на престоле царит Христос. Строгий прелат не только не считал виновным Симона, но и приложил все силы, чтобы примирить его с королем. Старания его увенчались успехом. В начале 1240 года Симон получил позволение вернуться в Англию. Вслед за тем, по примеру других английских магнатов, Симон принял участие в крестовом походе в Палестину. Своим умом и талантами Монфор скоро привлек к себе внимание всех на Востоке. Бароны и горожане Иерусалимскаго королевства просили императора Фридриха назначить его наместником Палестины. Но Восток не мог удовлетворить деятельную натуру графа Лестера, и вскоре он вернулся в Англию.

1 Фридрих II был женат на сестре Генриха III, Изабелле.

Между тем Генрих III, все еще не терявший надежды возвратить прежния владения Плантагенетов во Франции, затеял войну с Людовиком IX. Эта война окончилась неудачно для Генриха. В его войске находился и Симон де-Монфор. Во время похода Монфор имел случай присмотреться к положению дел в принадлежавших Англии аквитанских провинциях. Он тщательно изучал положение городов, изменчивое настроение общества и отношения своевольных, ненадежных вассалов к английской короне. Наблюдения эти, как увидим, пригодились ему впоследствии.

Монфор и францисканцы

По окончании войны граф Лестер в продолжение 5 лет жил с женой и детьми вдали от общественных дел в Кенильвортском замке, принадлежавшем Элеоноре. Как кажется, это были единственно спокойные годы жизни Симона, в котором никогда не умирал родовой тип Монфоров,—рыцарь-авантюрист, готовый отдать свои силы на служение великому делу или идее. Во время праздника Пасхи граф с женою и детьми посещал обыкновенно известные монастыри и принимал участие в божественной службе монахов. Благодаря дружбе его с Гросстетом, линкольнским епископом, между графом и францисканцами установилась такая же связь, как некогда между доминиканцами и знаменитым отцом его. Францисканские братья принадлежали к многочисленному сословию нищенствующих монахов. Храня завет основателя ордена, св. Франциска, они странствовали в грубой одежде, босые, терпя лишения и голод, жертвуя всем в пользу ближняго, появляясь в городах и местечках, на перекрестках и рынках, повсюду, где скоплялось много народа, или гнездилась беднота. Все несчастия, отвратительныя безобразия, ужасы и уродства человеческой природы должны были привлекать внимание братий. Короче, это были миссионеры, посланные в народ, чтобы облегчить его материальныя и нравственныя страдания. Естественно, что близкое знакомство с жизнью и нуждами бедняков развило в францисканцах так же, как и в низшем сельском духовенстве, склонность к идеям о социальных (общественных) реформах. «Все блага должны быть общими»,—говорили эти проповедники,—«мы все сотворены одинаково; рабство создано развратными тиранами; если бы Бог желал, чтобы на свете были рабы, Он при начале Мира сказал бы, кто будет рабом и кто—господином». Легко себе представить, как жадно внимал этим новым словам забитый и униженный простой народ, какою любовью, почтением и влиянием пользовались нищенствующие монахи в этой среде.

Францисканские идеалы смирения и унижения раскрыли сердце Симона для сочувствия страданиям низших. Он не был чужд стремлениям, отличавшим этот кружок реформаторов, а его дружба с покровителем их, Гросстетом, делала связь с ними еще более прочною.

Гасконь

Так протекала жизнь графа в беседах с духовными друзьями и в кругу счастливой семьи. Но прошло 5 лет, и мы снова видим графа Лестера занимающим в высшей степени трудный и ответственный пост. Король, всегда готовый воспользоваться способностями Симона, назначил его в 1248 году своим наместником в Гасконь на шестилетний срок. Трудная задача предстояла Монфору. Надлежало удержать под властью Англии последние остатки ея аквитанских владений. Дела в Гаскони были теперь еще хуже, чем прежде: во главе непокорнаго дворянства, угрожавшаго власти Плантагенетов, стоял виконт Гастон де-

Беарн, с юга провинции угрожал наваррский король Теобальд, а с севера—постепенный рост французской монархии. Но Монфор действовал с такою безпримерною энергией, что уже к Рождеству этого года мог сообщить своему двору о полном замирении провинций. Между тем Генрих III сам затруднял плодотворную деятельность своего наместника. Когда Монфор в 1249 году схватил виконта Беарна и отослал его в Англию, то король помиловал последняго и отпустил обратно, поверив его раскаянию. Освобожденный Беарн в союзе с своими сторонниками возобновлял возстания и в свое оправдание выставлял графа перед подозрительным Генрихом человеком, склонным к насилию, жестоким и жадным. Действительно, Симон, раздраженный вероломством гасконцев, отличался иногда чрезмерною строгостью, но, с другой стороны, не было недостатка в доказательствах его справедливости. Так, граждане Кастель д'Уза, имевшие дело с одним из сильных владетелей, впервые нашли управу у графа Лестера, тогда как прежние наместники оставались глухи к их просьбам. Тем не менее коммуны были так же недовольны твердым управлением графа, как и вассалы, владетели разбойничьих гнезд по склонам Пиренейских отрогов. Между тем затруднения росли, а средства, отпускаемый короною, были ничтожны. Граф давно уже наложил руку на собственные леса и тратил свои доходы на жалованье войскам, поправку дорог и поддержание основанных им крепостей. Ежегодно граф ездил в Англию, чтобы оправдаться перед королем от наветов и обвинений и побудить его к более энергичной поддержке. В одно из таких свиданий (1251 г.) Генрих сказал Монфору: «Клянусь Богом, ты говоришь правду, граф, и я намерен оказать тебе деятельную поддержку в виду твоей верной службы, но до меня дошли тяжкия жалобы, что ты ввергнул в тюрьму и даже лишил жизни людей, приходивших к тебе с мирными целями». Граф сослался на известную всем лживость своих обвинителей, и Генрих, в припадке расположения, помог ему тремя тысячами марок. Как раз в этом году, во время недолгаго пребывания графа на острове, возобновились сношения его с Гросстетом. Посредником в этих сношениях и лицом, дополнявшим союз друзей до триумвирата, был духовник графа, оксфордский профессор, францисканец Адам Марч. Много писалось и говорилось друзьями о знамениях времени и мировых событиях: о смерти великаго Гогенштауфена и несчастье Людовика IX при Мансуре, о возраставших затруднениях в церкви и государстве и собственных испытаниях графа. По возвращении в Гасконь, Симон продолжал получать письма от Адама Марча с сообщениями относительно настроения умов при дворе и советами о том, как вести себя. Когда граф жаловался на непостоянство Генриха, благочестивый францисканец ссылался на книги Иова и Соломоновы притчи, убеждая Симона смирить свой дух и умерить негодование. Между тем новые доносы гасконцев на графа успели вооружить против него короля. По поручению Генриха, государственный совет в Вестминстере должен был разсмотреть эти жалобы и обсудить поступки наместника. Граф Лестер и его обвинители, гасконцы, прибыли в Лондон, чтобы предстать на суде. При допросе противники графа путались в своих показаниях, напротив, ответы Симона расположили в его пользу судей. Они уже решились оправдать наместника, как вдруг на одном из заседаний король, подстрекаемый гасконцами против Монфора, вывел его из себя оскорблениями и вызвал на резкий ответ. «Сэр, сдержите ваши обязательства», сказал Монфор королю, «и вознаградите меня за издержки; благодаря вам, я сделался нищим на вашей службе».—«Слова, даннаго изменнику и проходимцу, я не обязан держать», отвечал король. Симон назвал короля лжецом, котораго только корона спасает от тяжелой расплаты за оскорбление; с своей стороны, Генрих выразил сожаление, что

дозволил Монфору явиться в Англию и стяжать здесь владения и почести. Эта сцена обнаружила ясно, что взаимное недоверие, давно зародившееся, теперь разрослось и исключало возможность мира между двумя столь непохожими друг на друга характерами. Дело Симона оставлено было без разрешения. Между тем Генрих издал указ о продлении мира в Гаскони до приезда его или сына его Эдуарда, которому он поручает провинцию. Тогда Симон, успевший еще раз оружием смирить гасконцев, счел себя свободным от всех обязательств по отношению к Генриху и, покинув Гасконь, вольным рыцарем прибыл во Францию. Непосредственно за отъездом Лестера вероломный Беарн и его сторонники передались королю кастильскому. Тут только понял Генрих, как необходимо присутствие Симона в стране. Последний между тем получил предложение от магнатов и принцев Франции помочь им при управлении страною во время отсутствия короля Людовика, но Симон отклонил эти лестныя предложения, сознавая, что между ним и второю его родиной, так слепо его оттолкнувшей, установилась тем не менее слишком тесная связь. С другой стороны, Гросстет, лежавший уже на смертном одре, прислал свой последний привет Симону, убеждая его смирить свой гнев, не помнить обиды и помочь королю в его затруднениях. Влиянию Гросстета и Адама Марча Генрих обязан был спасением богатых французских владений. Уступая убеждениям этих двух лиц, Симон, снова призванный королем, явился в Гасконь и окончательно усмирил провинцию (1254 г.).

Оппозиция против Генриха III

Вслед затем граф опять удалился в Англию, где и прожил несколько лет, вдали от общественной деятельности. Все это время отношения двора к Лестеру были лучше, чем в прежние годы; король щедро наградил его за убытки, понесенные им в Гаскони. В 1257 году Симон получил новый лен и позволение написать на свои имущества завещание, котораго король обещал никогда не оспаривать. Милости Генриха, без сомнения, проистекали из желания обезпечить себе помощь Монфора в предстоящей борьбе с сословиями. Борьба это подготовлялась давно. Бароны и высшее духовенство страны имели довольно причин осуждать политику Генриха. Покровительство чужеземцам продолжалось попрежнему, а безсовестные поборы курии удвоились с тех пор, как папа Иннокентий IV, желая искоренить последние отпрыски ненавистных ему Гогенштауфенов, предложил (1254 г.) Генриху III избрать на трон Сицилийскаго королевства его девятилетняго сына Эдмунда. Можно было подумать, что служение нуждам римскаго папы составляло историческое назначение Англии. С трудом удерживались сословия от выражений негодования, но для успешной борьбы с королем им недоставало единства. Часто король отрекался от своих обещаний, данных перед парламентом, иногда же входил в соглашение с отдельными членами его и обыкновенно получал от них то, в чем раньше встретил единодушный отказ всего собрания. Между тем как из государства выжимались все соки, а король поддавался влиянию чужеземных любимцев, новыя опасности, предвестники бурных событий, отовсюду стали грозить государству. Знатные роды Шотландии и Уельса возстали, чтобы отстоять независимость своих гор от притязаний и влияния Англии. Борьба с возставшими была неудачна. Все плоды прежних побед над этими народами теперь могли быть потеряны. В довершение несчастий в дожливое лето 1257 года пропала вся жатва, и в народе наступил голод. Бедняки умирали тысячами, голодные стекались толпами из деревень в города. Волнение этих темных масс могло быть очень опасным для государства. Правда, англо-саксонский крестьянин, с дет-

ства привыкший к труду, терпеливо выносил на своих плечах тягостный государственный порядок того времени. Но это настроение быстро могло смениться другим, если бы явился могучий руководитель, способный объединить все сословия в стремлении к общей цели, обезпечивающей благосостояние и мир для страны вместо горькой нужды и позора.

Таково было положение дел, когда граф Лестер снова вернулся к общественной деятельности и занял положение руководителя в национальном движении. Такая роль не может считаться странною или неожиданною для Симона. Все могли видеть, что, несмотря на родство с королем, Симон не стремился, подобно другим чужестранцам, к высоким должностям и богатым доходам. Сближению его с Генрихом мешали взаимное недоверие обоих и боязнь короля перед талантами подданнаго; старыя обиды также не могли быть забыты Симоном, который к тому же был кредитором своего короля. Кроме того, под влиянием идей францисканцев и собственных житейских странствований Монфор выработал себе более широкое мировоззрение, чем его сотоварищи; сочувствие Симона к страданиям простого народа и всех униженных и оскорбленных было в то время редким явлением среди людей его круга. Наконец, Монфоры всегда были склонны вдохновляться идеями религиозными и политическими. К сожалению смерть Гросстета (1253 г.) лишила графа его лучшей поддержки, а через 4 года умер и верный Адам Марч. Теперь уже некому было ограничить гордость, страстность и честолюбие Симона и удержать его от желания расплатиться за прежнее с Генрихом. Монфору было уже около 50 лет, когда он выступил в качестве одного из руководителей национальной оппозиции.

Бешеный парламент

Чтобы обсудить военныя затруднения с Уельсом и требования папы, грозившаго отлучением, если ему не будет уплачена стоимость сицилийской короны, бароны и прелаты собрались в 1258 году, как обыкновенно, через 14 дней после Пасхи, в Вестминстер. За негодующею речью Генриха, направленною против баронов, последовал резкий ответ Лестера. Граф обвинял короля в том, что он, покровительствуя иностранцам, разорил страну и сделал ее неспособною справиться даже с таким жалким врагом, как валисцы. Собрание единодушно порицало принятие сицилийской короны без согласия парламента и обещалось помочь королю только в том случае, если папа уменьшит требования и государственный строй Англии будет преобразовать. Напрасно пробовал Генрих обратиться к старому средству—просьбам о помощи у отдельных лиц: попытки его не увенчались успехом, и он принужден был согласиться на преобразование государственнаго порядка. Для обсуждения необходимых реформ бароны 11-го июня собрались в Оксфорде. Они явились в полном вооружении, готовые выступить в поход на Уельс, а также и мечем защищать права свои в случае возможной измены. Первым делом собравшихся было образование комиссии 24-х, из 12 представителей от короля и 12 от баронов (в числе последних был избран и Лестер), и правительственнаго королевскаго совета 15-ти, в состав котораго были избраны 10 противников короля во главе с графом Лестером; таким образом, партия короля, состоявшая из чужеземцев и низших чиновников, потерпела полное поражение на выборах. Основываясь на положениях Великой Хартии, еще раз подтвержденной Генрихом, комиссия 24-х, в числе которых находился и граф Симон, составила так называемыя Оксфордския постановления. Согласно последним, комиссии принадлежало назначение великаго юстициария, канцлера и управляющаго казначейством; королевские замки из рук чужеземцев переходи-

ли к туземным баронам, 3 раза в году должен был собираться парламент, в котором 12 представителей, избранных баронами из своей среды, могли бы вместе с советом 15-ти обсуждать государственныя дела. Реформа церкви была поручена первоначальной комиссии 24, а для обсуждения финансовых дел была образована вторая комиссия 24. Особым параграфом новое правительство старалось упрочить свое влияние и в областях: 4 рыцаря, избираемые в каждом графстве, должны были принимать жалобы населения на чиновников и шерифов и представлять их в ближайший парламент. Под страхом смерти и конфискации все должны были повиноваться решениям новаго парламента. «Поистине великое дело предприняли бароны», гласит письмо одного современника,—«безстрашно идут они вперед; дай Бог, чтобы к хорошему концу!» И однако, несмотря на то, что чужеземцы были изгнаны из страны и король стал послушным орудием в руках баронов, скоро обнаружились слабыя стороны новаго регентства. И первый предлог для возражений заключался уже в том обстоятельстве, что душою національнаго дела стал чужеземец Симон де-Монфор, руководство котораго, по словам врагов его, легко могло перейти в диктатуру. Запутанная система комиссий, при отсутствии яснаго разграничения дел, подлежащих ведению каждой, также составляла важный недостаток реформы. Самый образ действий новаго правительства не соответствовал духу времени. Так, например, возстановлено было преобладание бароніальнаго суда[1] над судом королевских ученых юристов. Между тем запутанный, невежественный суд баронов не в состоянии был заменить централизующей стройной системы, проводимой в жизнь королевскими судьями, знатоками римскаго права[2]. В то же время, обезсилив монархию удалением мелких чиновников, правительство лишило себя помощи опытных лиц, без которых управление грозило обратиться в хаос. Но главным недостатком оксфордской реформы был олигархический характер комиссий правительства и своекорыстный образ действий крупных баронов, которые соблюдали только личныя выгоды и, пользуясь своею силою в области, притесняли средний и низший класс населения. Уже из немногочисленнаго состава правительственных комиссий ясно видно, что оксфордский переворот был выгоден только для небольшого числа крупнейших баронов Англии. В данном случае оказалось, что, несмотря на все различие в характере английской и континентальной жизни, и на острове и на материке в сущности действовали родственныя условия (феодализм). Подобно тому, как во Франции начала XIV века, во время борьбы сословий с королевскою властью, обозначились эгоистическия стремления феодальной знати, так на оксфордском парламенте олигархическия стремления английских магнатов получили преобладание над всеми другими. Баронам, действительно, удалось захватить в свои руки все текущее управление и общий надзор за ним посредством учреждения совета 15, парламента 12 и назначения министров из своей среды, но они поступали при этом эгоистично, преследуя, как все олигархи, свои личныя цели и забывая об остальных классах общества.

Неурядицы и дурныя стороны их правления ясно доказывали, что произвол и злоупотребления исчезнут только тогда, когда в государственной жизни примет деятельное участие все общество. Эта мысль быстро развивается среди отдельных сословий английскаго

1 Немногочисленный состав новаго парламента (15 членов правительственнаго совета и 12 баронов) объясняется отчасти желанием феодалов сделать парламент одновременно и куриею баронов, имеющей значение высшаго судебнаго учреждения.

2 В XIII веке такие знатоки существовали почти во всех государствах Европы, а главным центром, где изучалось римское право, был университет в Болонье.

народа. Уже во время ближайшаго октябрьскаго парламента обнаружились притязания рыцарства, опиравшияся на воспоминание о старинных собраниях всех лично свободных людей в государствах германцев. Мелкие рыцари, так называемое communitas baccheleriae Angliae, вручили молодому Эдуарду, наследнику престола, протест, в котором они выражали сочувствие королю, подчинившемуся всем требованиям сословий, и обвиняли в то же время баронов в стремлении к собственной пользе и нерадении о пользе общественной. Когда, таким образом, оксфордския постановления не оправдали всеобщих надежд, противники баронов окрестили оксфордский парламент 1258 года язвительным прозвищем «бешенаго». Но еще более гибельная для реформы реакция возставала из разногласия самих баронов. Всем было ясно, что граф Лестер, руководитель движения, как государственный человек, стоял головою выше товарищей. Его превосходство было неприятно последним. Однажды король, застигнутый бурею на Темзе, нашел убежище в замке, где пребывал Симон. Обратившись к нему, Генрих сказал: «Я очень боюсь грома и молнии, но, клянусь Богом, тебя я боюсь больше всех непогод на свете». Не менее боялись графа Лестера и его сотоварищи. Его родство с королем, его вспыльчивость и повелительный, не терпевший противоречий характер, давали пищу их подозрениям. Мысль, что скипетр есть тайная цель честолюбия графа Лестера, не чужда была многим из них. Весьма вероятно, что сочувственное отношение графа к низшим сословиям также не нравилось знати, боязливо устранявшей из олигархических побуждений рыцаря и горожанина от общественных дел. Одним из главных врагов Симона был граф Глостер, предводитель олигархической партии. Недовольный Монфором, Глостер оставил союз с ним и предпочел, отказавшись от идеи реформы, соединиться вновь с королем. В весеннем парламенте 1259-го года Монфор, после бурнаго объяснения с графом Глостером, оставил собрание со словами: «Я не хочу иметь дела с такими лживыми и переменчивыми людьми». Вслед затем Симон поспешил во Францию, где присутствие его было необходимо для заключения мирнаго договора, определявшаго окончательно ленныя отношения королей французскаго и английскаго. Скоро для той же цели прибыл в Париж с разрешения баронов и Генрих III. Во Франции борьба между королем и Симоном возобновляется: король стремится вооружить Людовика IX против Монфора, выставляя последняго обманщиком и узурпатором, а Монфор спешит усилить свое влияние в Англии, пока Генрих медлит во Франции. С этою целью Симон тотчас по заключении мира возвратился в Англию, сопровождаемый, подобно самостоятельному властителю, довольно большим конным отрядом, привлекавшим всеобщее внимание. Монфор намеревался в случае нужды оружием защищать оксфордския постановления против Глостера и короля, который, лишившись власти, друзей и любимцев и окруженный бережливою скупостью, не мог, конечно, искренно примириться с своим положением и его главным виновником. Но партия реакции, благодаря раздорам баронов, настолько усилилась, что Монфор, покинутый большинством своих бывших союзников, уже не мог держать в своей власти Генриха. Король вернулся в Англию и, следуя указаниям искусных советников, стал готовиться к борьбе с сторонниками реформы. Поселившись с семейством в Тоуэре, он ревностно стал приводить в порядок оборонительныя средства этого замка. В Лондоне войска короля заняли все мосты и ворота и обязали жителей верностью. Скоро Генрих почувствовал себя уже настолько сильным, что начал при помощи своих наемников теснить великаго юстициария, избраннаго баронами, и собрал 14-го июня 1261 года парламент баронов в том виде, как он собирался раньше переворота 1258 года. На этом парламенте король появился с папскою

(Александра IV) буллой, разрешавшею его и всех, желающих следовать за ним, от присяги оксфордским постановлениям, так как присяга, говорилось в булле, не должна помогать разврату и преступлению. Но, несмотря на то, что Глостер и многие из баронов оставили своего предводителя и открыто стали на сторону короля, Монфор, склонный шире понимать дело реформы, отнюдь не считал его погибшим. Если бароны отступили от идеи реформы, то за нее было сочувствие низших классов. Монфор знал это и решил продолжать борьбу.

ГЛАВА IV. Парламент 1265 года. Парламент при Эдуардах.

Возстание Монфора

Летом 1261 года мы снова видим Симона во Франции. В народе говорили, что он уехал из Англии, предпочитая умереть в изгнании, чем изменить правому делу. В действительности же Симон, отправляясь во Францию, имел намерение привлечь на свою сторону Людовика IX, котораго Генрих III избрал третейским судьей в своих личных и политических отношениях к Монфору. Людовик IX, всегда питавший расположение к последнему, сообщил английскому королю, что, к сожалению, он не видит для него возможности примирения с Симоном. Тогда Генрих III сам поспешил в Париж, надеясь личным присутствием поправить дело и расположить в свою пользу Людовика. Между тем Монфор точно так же, как два года тому назад, воспользовался пребыванием Генриха во Франции и немедленно возвратился в Англию (1262 г.), чтобы там в отсутствие короля снова возбудить борьбу против него. Момент был выбран удачно. Как раз в это время (лето 1262 г.) умер главный противник Монфора, граф Глостер, и Симон остался единственным предводителем разделившейся партии. Недостатки и промахи сторонников реакции заставили многих баронов забыть свои разногласия и колебания и снова объединиться вокруг их бывшаго вождя. В особенности подчинялось влиянию талантливой, вдохновенной натуры Симона знатная рыцарская молодежь, среди которой находился даже племянник короля, принц Генрих, и сын графа Глостера, вследствие запрещения матери отказавшиеся присягать королю. Оставалось теперь привлечь к движению народныя силы, давно находившияся уже в брожении. Не только рыцари, горожане и клирики сочувствовали уничтожению гибельных следствий королевскаго и папскаго абсолютизма, но даже крестьянин жадно прислушивался к словам провозвестников новой лучшей эпохи. Идея помочь злу общими национальными силами пустила глубокие корни. Давно уже указывалось среди францисканцев и низшаго духовенства на необходимость нравственнаго перерождения и социальных реформ. Теперь эти представители церкви выступают как выразители мнения общества в резких, полных горькой сатиры, стихотворных памфлетах. Народный характер стиха облегчал распространение этих произведений в толпе, не умевшей читать. В лекциях францисканских ученых, занимавших оксфордския кафедры, провозглашались те же теории, которыя за несколько лет перед тем привели к созванию «бешенаго» парламента в том же Оксфорде. Но душою движения оставался все-таки Симон де-Монфор.

Заметив, что король тянет время в переговорах с баронами и не желает осуществить на деле оксфордских постановлений, граф Лестер поступил решительно.

В 1263 году собрал он к Троицыну дню своих сторонников в Оксфорде и во главе многочисленных масс двинулся вдоль границы Уельса против наследника престола Эдуарда, чтобы в качестве самостоятельнаго властителя вмешаться в борьбу, которую Эдуард вел с валисцами, нападавшими на подчиненныя ему (Эдуарду) области Англии. Эдуард не мог противостоять Монфору, который заключил союз с властителем Уельса и захватил несколько городов. С своим войском, все возраставшим от притока новых сил, Монфор прошел от запада к востоку через всю Англию и повернул к югу, угрожая главным крепостям короля. Наступил час давно желанной мести. Имущество знатных чужеземцев было разграблено, и сами они изгнаны из укреплений и городов, которые население сдавало возставшим. Скоро граждане Лондона, давно недовольные притеснениями двора и равнодушием правительства к развитию их заморской торговли, пристали к движению с мэром Томасом фиц Томасом во главе. Когда королева Элеонора, которую считали виновницею неуступчивости Генриха и господства чужеземцев в стране, покинула небезопасный Тоуэр, чтобы водою пробраться в Виндзор, где укрепился сын ея Эдуард, лондонская чернь остановила ее на мосту и, осыпая гнилыми яйцами, камнями и проклятиями, заставила вернуться обратно. В воскресенье 15-го июня 1263 года победитель Лестер торжественно вступил в Лондон при радостных кликах и колокольном звоне, прославляемый в народных песнях, как герой, под именем «Крепкой Горы». Оксфордския постановления были вновь подтверждены Генрихом; принц Эдуард также признал все случившееся.

Тем не менее торжество Лестера было непрочным. Все те, которые пострадали от грабежей и пожара во время возстания, или не могли примириться с полновластным и незаконным положением их предводителя, переходили на сторону его врагов и группировались вокруг их главы Эдуарда. Так, оставил Монфора королевский племянник Генрих, объявив ему, что он более не поднимет меча против своих родных, но обещает в то же время не сражаться и против Лестера. «Лорд Генрих», ответил ему Симон, «я огорчен не за меч ваш, но вашим непостоянством, а потому уходите и берите вновь ваше оружие,—я не боюсь его». Бароны Уельской марки, северных областей и несколько старших представителей знатных графских родов также готовы были вступиться за короля. Напротив, южане и младшие сыновья знатных фамилий составляли преобладающий элемент в войсках Монфора. Кроме того, его сторону держали епископы лондонский и урстерский и несколько представителей светской аристократии.

Амиенская миза

Уже в конце декабря Генрих и Эдуард снова открыли военныя действия; в то же время Лестер согласился на предложение Генриха повергнуть распрю на обсуждение Людовика IX и подчиниться его решению. Тотчас же после праздника Рождества Христова Генрих III и сын его с пышною свитой отправились в Амьен, где Людовик должен был разрешить вопрос. Граф Лестер также пустился в путь, но по дороге упал с лошади, сломал ногу и должен был вернуться домой; в Амьене его заменили уполномоченные от баронов. 23 января 1264 года состоялось решение Людовика, известное под именем «Амьенской мизы». Оксфордския постановления, уже раньше отвергнутыя папою, и всякое законодательство, на них построенное, Людовик объявлял вредным для королевской чести и власти, спокойствия церкви и государства, безопасности мирян и духовных, иностранцев и англичан; должно возстановить монархию, воротить королю укрепленные замки и предоставить ему

замещение должностей иностранцами и англичанами по усмотрению; силу сохраняют только те хартии и ограничения, которыя изданы раньше оксфордских постановлений. Все случившееся после 1258 года должно подлежать забвению и никому не вменяться в вину. Но даже сторонники короля, не говоря уже о Лестере и его партии, были возмущены подобным решением, грозившим снова вернуть владычество чужеземных паразитов и кровопийц в стране. Противники короля обвиняли Людовика в пристрастии к родственнику, говорилось даже о возможности подкупа и о тайном желании Людовика сеять раздоры в стране. «O, rex Francorum, multorum causa dolorum, judex non rectus, ideo fis jure rejectus» (о, король французский, виновник многочисленных бед, судья неправедный и потому по праву отвергнутый), восклицает автор одного из современных политических стихотворений. В действительности, подкуп, если и был, то состоялся в совершенно особой форме. А именно, 28-го июля 1269 года папа Урбан IV разрешил Генриха III от всех обязательств, связанных с сицилийскою короной, и последняя была предложена Карлу Анжуйскому, брату Людовика. С своей стороны папа вполне одобрил амьенскую мизу и еще раз напоминал англичанам, что всякий заговор и революция есть произведение дьявольских рук и потому безусловно осуждается святым престолом. Особым указом папа велел проповедовать крестовый поход против зачинщика возстания, который столь достойным проклятия образом отступил от примера своих знаменитых предков, более всего заботившихся о поддержании славнаго мира. Амьенская миза снова породила колебание между баронами, но граф Симон, который, по собственным его словам, даже среди неверных на отдаленном Востоке не встречал такого коварства и вероломства, как в Англии, вместе с остальными сторонниками продолжал угрожать королю. «Если даже все покинут меня»,—говорил он—«я буду держаться один с моими 4 сыновьями».

Битва при Льюисе

Когда таким образом Симон и его партия отвергли требования Амьенской мизы, борьба началась снова. Эдуард и Генрих избрали Оксфорд, удобный в стратегическом отношении, исходным пунктом своих военных действий. Но надлежало устранить одно затруднение: в Оксфорде, возвысившемся в то время на степень национальной школы, числилось около 15 тысяч студенческой молодежи, которая еще более увлекалась идеями нравственных и социальных реформ, чем сами проповедники этих идей, францисканские профессора. Эта масса молодых сил, способных носить оружие, внушала справедливыя опасения Генриху. 12-го марта 1264 года последовал на имя канцлера университета указ короля, повелевавший всем студентам оставить временно город и удалиться на родину во избежание всех неприятных столкновений, который могут иметь место вследствие ожидаемаго скопления вооруженных сил на предстоящем будто бы съезде сословий в Оксфорде. Указ этот, как и следовало ожидать, значительно усилил армию Монфора. Теперь в ея рядах появились студенты, которые храбро бились за общее дело под собственным знаменем. Битва близ аббатства Льюиса (в графстве Суссекс) разрешила борьбу. 12 мая граф Лестер с своими всадниками и 15 тысячами лондонских граждан расположился на лесистых высотах близ деревни Флетчинг, неподалеку от Льюиса. Отсюда бароны еще раз послали королю предложение, скрепленное печатями Монфора и Глостера, примириться и признать оксфордския постановления. Решительный отказ короля сделал неизбежным кровавое разрешение вопроса; 13-го оба войска стали готовиться к битве. Как в 1215 году собрались англичане в одну «Божью рать»

против тех же врагов. Их предводитель, подобно отцу своему, провел всю ночь на молитве. Епископ Вальтер Урстерский переходил от палатки к палатке, всех исповедуя и раздавая причастие. Белый крест на груди и спине каждаго воина был символом борьбы за священное дело. Но вот засерел восток. Граф Лестер поднялся и устроил полки. Лишь только солнце показалось из-за моря, как Симон преклонил колена, и все войско последовало его примеру и помолилось в последний раз. Затем граф ударом меча посвятил в рыцари молодого Глостера, и ряды в стройном порядке стали спускаться в долину. Между тем воины Генриха провели вечер накануне при звоне бокалов и звуках разгульных песен. Сигнальный призыв к бою внезапно встревожил их сон. Они быстро вооружались и становились в ряды. Как только британский дракон, старинное знамя английских королей, задрожал, высоко развернувшись в воздухе, войско бодро пошло в битву. Полный яростнаго желания мести, ринулся Эдуард против лондонских граждан, некогда оскорбивших королеву Элеонору, втоптал их в воду и с увлечением отдался преследованию, воображая, что уничтожил главныя силы Монфора. Между тем Симон, предоставив горожан Эдуарду, двинул против Генриха своих более искусных воинов. После жестокой битвы ряды короля были опрокинуты совершенно. Все, что спаслось от смерти, искало убежища в стенах аббатства или сдалось победителю. Генрих отдал свой меч графу Глостеру, а его брат Ричард, король Римский, спустился под градом насмешек с мельницы, на которой он тщетно искал спасения. С обеих сторон пало до 5000 воинов. Был уже вечер, когда принц Эдуард, не подозревая беды, возвращался назад, утомленный преследованием горожан. Так как город уже сдался Монфору, то Эдуарду оставалось только разделить участь своей семьи. Чувство радости и признательности овладело страною при вести об этой победе.

Господство Монфора

Пылкие приверженцы Симона сравнивали его с Моисеем, освободившим народ Израиля от гнета египетскаго. Следствием этой победы было предварительное соглашение баронов и короля (Льюисская миза). В обезпечение мира и верности оксфордским постановлениям до окончательнаго обсуждения реформы Эдуард и королевский племянник Генрих были в качестве заложников отведены в замок, охраняемый Генрихом, сыном Симона. Над королем был поставлен совет 9-ти, а в случае их разногласия комиссия трех, в числе которых находился, конечно, и сам протектор, как тогда уже назвали Симона его современники. При помощи немногочисленнаго состава этих комиссий Симон думал избежать путаницы оксфордских комиссий 1258 г., достигнуть большаго, чем прежде, согласия мнений и сосредоточения исполнительной власти[1]. Генрих III, лишенный теперь всякой воли, как пленник Симона, должен был повиноваться всем его предписаниям. Неслыханные исключительные размеры власти, которую присвоил себе Симон, увлекаясь столько же властолюбием, сколько желанием пользы государству, были гибельною, но неизбежною ошибкой. С одной стороны, он не мог освободить короля из боязни новой междоусобной войны, с другой стороны, нечего было и думать, чтобы все признали законным занятое им теперь положение. И действительно, враждебныя друг другу партии немедленно начинают оживленно высказываться за и против Монфора. Противники выставляли на вид властолюбие Симона, который хозяйничает в 18 больших баронiях и повсюду таскает за собою короля, как плен-

1 Властью исполнительной в отличие от власти законодательной, называется власть, которая заведует управлением (администрациею) страны и применяет законы к жизни.

ника. Сторонники, наоборот, указывали, с какою ревностью боролся Симон с злоупотреблениями монархической власти. В одном из современных стихотворений, автор которого был, очевидно, духовный, граф уподобляется новому Маттафии, который вместе с сыновьями возстал против неправды и ярости царя. Суд Божий при Льюисе доказал правоту графа. Автор проводит в своем стихотворении уже прочно утвердившуюся среди англичан идею о превосходстве закона над королем. Если король, увлеченный злою волей или придворными льстецами и жадными чужеземцами, ставит свою власть выше закона и на государство смотрит, как на свой домен, то на магнатах страны, по мнению автора, лежит нравственное и юридическое обязательство устранить зло путем реформы. «Нельзя»,—говорить автор,—«согласиться с мнением, будто король лишен теперь своей свободы и чести; не всякое ограничение лишает свободы, не всякое стеснение отнимает власть. К чему приневоливает короля закон свободы?—К тому, чтобы он не осквернял себя неправильным законом. Это ограничение не рабство, а умножение королевских добродетелей. Пусть же король изволит делать все хорошее, а дурного не смеет. Зло—дар Божий. Если король любит подданных и справедливо правит страною,—то и сам может требовать их любви и уважения. Когда же король заблуждается, то подданные должны призвать его к ответу. Если один король будет избирать, он легко ошибется, потому что не различить полезнаго от негоднаго. Пусть же дает совет население королевства, пусть узнают, чего хочет его совокупность, которой отлично известны законы земли. Не настолько глупы провинции, чтобы не знать лучше чужестранцев обычаев королевства, передающихся от предков к потомкам. Мы утверждаем, что закон управляет достоинством королей, потому что закон—тот свет, без котораго государь сбивается с дороги. Говорят обыкновенно: как хочет король, так идет закон (ut rex vult, lex vadit); по правде, иначе, потому, что закон стоит, а король падает (nam lex stat, rex cadit)». Мы видим, с какою ясностью высказана идея о взаимодействии сословий и короля под общим покровом святого закона. Этою идеей руководился даровитый Симон, но нелегко было осуществить ее на деле; для этого необходимо было всем постоянно обуздывать свой эгоизм, на что люди так мало способны.

Парламент 1265 года

Вскоре, после Льюисской победы, партия Симона попыталась убедить Людовика IX и папскаго легата признать мир, заключенный Генрихом и баронами. Однако, все старания послов, отправленных с этою целью на материк, были тщетны. Папский легат проклял графов Лестера и Глостера, город Лондон, 5 приморских гаваней[1], принимавших участие в возстании, и всех противников короля. Но когда английские епископы по приказанию легата привезли эту буллу в Англию, она была отнята у них пограничной стражей, разорвана на их глазах и брошена в море. Скоро, однако, и в самой Англии обнаружились среди баронов попытки поколебать неограниченную власть графа Лестера. Особенно ревностными сторонниками принца Эдуарда и короля выказали себя бароны Уельсской марки, бывшие союзниками Эдуарда еще в его борьбе с Уельсом и в Льюисской битве. Отвергнутый Францией и папою и неуверенный в баронах, Монфор еще теснее соединился тогда с народом. К 20-му января 1265 года созывает он указом короля для совещания об установлении мира и прочих делах государства парламент, необычайный состав котораго приобрел решающее

1 Гавани эти следующия: Сандвич, Довэр, Винчельзси, Ромней и Гит (Sanduich, Dover, Winchelsea, Romney, Hythe).

значение в развитии английских государственных учреждений. Можно сказать, что парламент 1265 года был первым английским парламентом в современном смысле этого слова. Наряду с баронами и прелатами в этот парламент были вызваны и представители от других сословий: депутаты от городов[1] (по два депутата от города и по 4 от каждой из 5 гаваней) и от мелкаго рыцарства, так называемых рыцарей графств (по два от графства). Кроме 23 баронов[2] и 13 епископов, вызвано было также множество приоров и аббатов в качестве представителей от монашеских орденов и низшаго духовенства. Незначительное число баронов, вызванных именным приглашением короля, показывало, что Монфор уже не мог попрежнему разсчитывать на их сочувствие. Напротив, громадное количество представителей от духовенства (107 аббатов), депутаты от городов и рыцари графств (последние в числе 74) были силою, на которую опирался протектор. Таким образом, сосредоточив *исполнительную* власть в тесных комиссиях 9-ти и 3-х, Монфор чрезвычайно расширяет в противоположность оксфордским постановлениям круг совета, облеченнаго *законодательною* властью, т. е. парламента, собираемаго для обсуждения и решения государственных дел. Основание для появления новых элементов в парламенте было уже давно подготовлено в самоуправлении городских общин и в искони существовавшей самостоятельной жизни английских областных делений. Выражением этой самостоятельной жизни областей и было представительство рыцарей графств. Подобно депутатам от городов, которые вызывались в качестве представителей от всего города, всех его жителей, рыцари графств были представителями не от одного только мелкаго рыцарства, но от графства, как самостоятельной области, от всех свободных людей графства, владеющих землею, рыцарей и не рыцарей. Еще прежде появления рыцарей графств в парламенте 1265 г., короли Иоанн Безземельный и Генрих III не раз совещались с ними на местных собраниях графств, обращаясь к последним с теми же просьбами о субсидии, как к съездам баронов и прелатов. Несколько раз выбранные графствами рыцари вызывались для тех же целей даже ко двору наряду с баронами и прелатами[3]. Но до сих пор короли совещались с баронами и рыцарями графств отдельно от городских представителей. Главная особенность парламента 1265 года заключалась в том, что в него впервые были созваны зараз представители *всех* частей английскаго общества и притом не для определения размера субсидии только или обсуждения отдельнаго вопроса, а для совещания о возстановлении мира и «других делах государства». Бароны явились в этот парламент, как представители личной силы, епископы, как высшие представители церковной иерархии, аббаты и приоры, как выборные представители от монастырей и духовенства, горожане и рыцари графств, как депутаты от городов и областей. Таким образом, в этом парламенте впервые собрались представители *всего* английскаго народа, всех его свободных сословий, причем среди членов собрания обозначались две главных группы: представители личной силы и представители местностей. Между последними особенно важное значение имели рыцари графств. Представляя отличительную особенность английскаго строя[4], рыцари графств стояли в резкой противоположности с узким сословным характером

1 От Йорка, Линкольна, 5 гаваней и других местечек (бургов), по всей вероятности и от Лондона, хотя известий об этом не сохранилось.

2 Позднее к ним придано было еще 10 баронов.

3 Рыцари графств вызывались не прямо в собрание, а только для появления «coram consilio nostro» (перед нашим советом).

4 Что касается депутатов от городов, то они созывались обыкновенно и в государствах континента.

средневекового представительства на континенте[1] и, являясь представителями от всей *совокупности* сословий графства, внесли в английский парламент новый оригинальный элемент, благодаря развитию котораго только и могла успешно разрешиться столетняя борьба английской нации за право участия в управлении страной. В этом случае заслуга Симона де-Монфора заключалась в том, что он шире баронов понял задачу реформы и воспользовался теми элементами общества и местными силами, которые, сложившись давно, все более и более выдвигались в эту эпоху, заявляя свои притязания на управление родной землей, законы которой «им отлично известны». Таким образом, в парламенте 1265 года он возстановил в новом виде то «commune consilium» (общее собрание), о котором говорит 12-й параграф Великой Хартии, заменив совещания с отдельными сословиями и олигархическими комиссиями собранием, в котором участвовали не только представители *каждаго* сословия, но и депутаты от *всех* сословий определенной местности, так сказать, всесословные представители Англии. Благодаря этой реформе, все английское общество получило возможность принять участие в управлении государством и обсуждение государственных дел.

На парламенте 1265 года решено было освободить принцев Генриха и Эдуарда, за что последний вместе с королем обязался соблюдать Льюисскую мизу, не вступать в союз с низложенными врагами народа и составить свой двор только из туземной знати. В залог соблюдения этих условий несколько бургов Эдуарда переходили в руки правительства. Обращение к помощи папы объявлялось равносильным измене. Эти постановления были оглашены к сведению всех английских, ирландских и гасконских подданных; 10 епископов грозили отлучением всем, кто изменит новым постановлениям. В дни этого парламента могущество Симона достигло наивысшей точки. Как бы в поисках за наружным его выражением он прибавляет к своему наследственному титулу сенешала Англии еще титул графа юстициария. Но, разумеется, партия роялистов (сторонников короля) не могла примириться с новым порядком вещей. Все громче раздаются против протектора обвинения врагов в корыстных и властолюбивых стремлениях. Кроме баронов Уельсской марки, на сторону короля переходят и те, кто, стремясь обогатиться во время возстания путем грабежа или взыскания громадных выкупных сумм за пленных, встретил противодействие сословий и Лестера. К числу таких лиц, покинувших Лестера, принадлежал и жадный граф Глостер, вспомнивший теперь о старинной вражде их домов. Когда сводные братья короля, эмигрировавшие во Францию, высадились с 120 вооруженными воинами в Уельсе, Глостер вступил с ними в союз, ближайшей целью котораго было освободить Эдуарда от власти протектора. Хотя со времени последняго парламента принц Эдуард уже пользовался большей свободою и обществом своих сторонников, однако, протектор все еще возил его за собою повсюду вместе с королем и принцем Генрихом. Однажды вечером Эдуард с окружавшими его молодыми людьми пробовал коней перед воротами замка Герефорд. Вдруг на соседнем холме показался всадник на сером коне, сделавший шляпою условный знак Эдуарду. Последний, только что севший на свежую лошадь, поскакал в сопровождении нескольких рыцарей к кустарнику, где уже поджидал его спрятанный отряд роялистов. В замке Ледлоу Эдуард уговорился с Глостером защищать старый порядок и в случае победы никогда не допускать иностранцев к делам государства. Два дня спустя после бегства Эдуарда, граф Лестер

1 Так, например, Генеральные штаты Франции представляли собрание представителей только *отдельных* сословий и поэтому вскоре исчезли с развитием сильной королевской власти, которая побеждала одно сословие, вступая в союз с другим.

указом короля велел всей ленной милиции собраться в Урстер.

Погибель Монфора

Между тем силы Эдуарда росли с каждым днем. Графства Честер, Шрьюсбери, Урстер и все местности по линии реки Северна примкнули к наследнику, который пытался, разрушив мосты на реке, запереть в Герефорде Симона и Генриха III, следовавшаго против воли за протектором. Неожиданным нападением при Кенильворте Эдуарду удалось разбить войска, которыя вел на помощь протектору его сын, Симон. Однако граф Лестер успел перейти Северн в 4-х милях южнее Урстера. 3 августа он достиг с своею армией аббатства Ившэм, где был дружественно принят монахами. На следующее утро, только что отслужили мессу, как на северо-востоке показались конные отряды; Симон обрадовался, думая скоро увидаться с сыном. Но когда с колокольни различили на знаменах леопардов Эдуарда, который, желая обмануть неприятеля, велел нести впереди войска кенильвортские трофеи, и когда показалось из-за холма все войско Эдуарда и Глостера,—граф Лестер понял всю опасность своего положения. Взглядом опытнаго вождя окинул граф с возвышения войска Эдуарда; они были втрое многочисленнее Монфоровых и подходили тремя колоннами, в которых и тени не было прежней горячности и безпорядка. «Клянусь десницею св. Иакова», закричал с гордостью граф,—«этому выучились вы от меня; да помилует Бог наши души, наши тела принадлежат вам». Епископ Урстерский едва успевал исповедовать и причащать воинов Монфора. При первом натиске Эдуард сбил в одну тесную толпу своих противников. Им осталось одно: сомкнув щит со щитом, возможно дороже продать свою жизнь; сдаться не хотел никто. На глазах Симона был убит его сын, Генрих Монфор, и многие из верных сторонников. Наконец, когда под ним закололи лошадь, старый боец, схватив меч обеими руками, умер, как герой, в борьбе за права и свободу нации. Смерть его покончила битву. Освобожденный король, едва не пострадавший в сумятице битвы, с триумфом препровожден был победителями в аббатство, в стенах котораго нашли себе вечное успокоение Генрих Монфор и многие из павших баронов; только тело Симона было отдано в жертву жестокой мести. Руки и ноги были отрублены и, как члены изменника, выставлялись на поругание в разных местах страны, а голова была надета на копье и отослана кровожадной жене одного из приверженцев короля. Самое тело ившэмские монахи с благоговением похоронили у нижней ступени алтаря, в церкви аббатства. Весть о смерти Монфора быстро облетела страну и во всех сословиях вызвала печаль и искреннее сожаление. Монахи, священники и прелаты прославляли благочестие, душевную чистоту графа и его верность данным обетам. Его тесная дружба с Гросстетом, линкольнским епископом, который будто бы завещал Симону во искупление грехов отдать жизнь за общее дело, сделалась неисчерпаемою темой бесед в дворцах богачей и в хижинах беднаго люда. Его кровавая смерть побудила народ без согласия короля и вопреки проклятию папы создать вокруг него ореол мученика, пострадавшаго за национальный мир, за благо церкви и государства. Из перваго чуда, совершившагося над останками этого политическаго святого, вырос целый каталог исцелений, числом до 212. До сих пор сохранилась молитва: Ora pro nobis, beate Symon! ut digni efficiamur promissionibus Christi (молись за нас, блаженный Симон! да сделаемся достойными обетований Христа). Метко сравнивается Монфор в народной балладе с кентерберийским мучеником. Подобно Бекету у него было много слабостей, сильное честолюбие и стремление к власти, но смерть его все искупила. Кровь его была для народа залогом проч-

ности того дела, которому он отдал свою жизнь. Действительно, торжество короля было только временным. Скоро Генрих III увидел перед собою новаго врага в лице графа Глостера, который по смерти соперника снова явился защитником национальных требований. 29-го сентября 1267 года по миру в Монгомери король и папа должны были признать национальную и церковную независимость Англии.

Парламент при Эдуарде I

Не погибло и самое главное из нововведений, связанных с именем Симона Монфора. Еще на памяти современников Ившэмской битвы, в царствование Эдуарда I (1272—1307), после некоторых колебаний окончательно утвердились в составе английскаго парламента депутаты от графств и городов. Ведя постоянныя войны с Уельсом, Шотландиею и Франциею, Эдуард I дорожил народным сочувствием и поддержкою и поэтому постоянно обращался за помощью к депутатам сословий. Года 1295 и 1297 приобретают особенное значение в истории английскаго парламента при Эдуарде I. В 1295 году военныя затруднения заставили Эдуарда созвать снова полный парламент с представителями от городов и графств. Собравшиеся представители потребовали, чтобы закон признал их право обсуждать государственный затруднения. «Что касается всех, должно быть обсуждено всеми, и общую опасность надо встретить сообща принятыми мерами», говорят депутаты 1295 года. Начиная с этого года, в состав английскаго парламента наравне с феодалами-аристократами уже обязательно входят и представители графств и городов. Когда в следующие года (1296 и 1297) Эдуард, побуждаемый теми же военными затруднениями, стал прибегать к незаконным поборам и отбирать у купцов шерсть и другие товары, он снова вызвал подобными мерами всеобщее недовольство и сопротивление сословий. Бароны взялись за оружие, и Эдуард был вынужден вступить с ними в переговоры[1]. Окончательное соглашение состоялось в 1297 году, когда баронам и представителям графств удалось добиться от короля подтверждения Великой Хартии Вольностей и добавления к ней новой статьи о том, что король ни в каком случай не может требовать субсидий без согласия представителей от всех сословий (не одних прелатов и баронов, но и общин)[2]. Так возстановлен был параграф о назначении субсидий (14-й), некогда вычеркнутый из Великой Хартии. Утверждая этот договор, известный под именем «Confirmatio Chartarum» (скрепление хартий), Эдуард I уступил вооруженному сопротивлению баронов, но, отличаясь от своих предшественников глубоким государственным умом, он понял также, что безполезно сопротивляться долее национальным стремлениям и решился честно исполнить принятия на себя обязательства. Действительно, до самаго конца своего царствования Эдуард не нарушал Confirmatio Chartarum. С этих пор английский государственный строй утвердился на прочных основах, которых не могло разрушить даже богатое смутами царствование Эдуарда II, сына и преемника Эдуарда 1-го. Будучи королем неспособным, малодушным[3], постоянно находившимся под влиянием различных любимцев (из них особенно известны Гавестон, а впоследствии Диспенсеры, отец и сын), Эдуард II возбудил против себя возстание баронов. Уступая их требовани-

1 Их предводителями были Роджер Бигод Норфолькский и Гемфрей Богён Герефордский.

2 Договор с баронами заключил сначала сын Эдуарда, котораго последний, отправляясь к войску на материк, назначил регентом в свое отсутствие, но вскоре и сам король признал требования баронов Хартией, подписанною в Генте 5 ноября 1297 года.

3 Благодаря своему малодушию, он утратил власть над Шотландиею, завоевание которой стоило таких трудов Эдуарду I.

ям, он согласился передать все управление особому совету, который состоял из 21 аристократа, носивших название ordainers (от ordo—порядок). Но чрезмерныя притязания новых олигархов и их политическия ошибки (союз против короля с ненавистными народу шотландцами) возбудили против них остальные классы английскаго общества. При помощи общин королю удалось в 1322 году свергнуть опеку ordainer'ов. В том же 1322 году на парламенте, созванном 2 мая в Йорке, был обнародован закон, что в делах, касающихся блага короны и государства, решения «должны постановляться и обсуждаться королем в согласии с прелатами, графами, баронами и общинами, как раньше было в обычае». Это постановление может быть названо основным, потому что, превращая старый обычай в закон, требовавший участия всех сословий в управлении государством, оно сделало невозможным возвращение господства олигархии в Англии.

Состав и права парламента

Таким образом в царствование Эдуардов английская конституция была твердо установлена, и народныя вольности обезпечены, вследствие чего организация и права английскаго парламента получают дальнейшее развитие. Постепенно представители в парламенте разделяются на две группы, или палаты. Представители личной силы, прелаты и бароны, или духовные и светские лорды, вызываемые личным приглашением от короля[1], образуют так называемую Верхнюю палату, которая является одновременно и королевским советом (древним витенагемотом) и высшим судебным учреждением (норманскою королевскою курией, разбиравшею дела лиц высшаго сословия и сделавшеюся впоследствии высшим судом в королевстве). В средние века в состав Верхней палаты входили, кроме того, ученые юристы, также вызывавшиеся королем в парламент[2]. Таким образом, в Верхней палате наряду с представителями силы заседали и представители знания. Другую группу депутатов, известную под именем Нижней палаты, или палаты общин, образуют все те, кто являются в парламент не в силу личнаго могущества, а в качестве представителей от местных обществ, т. е. графств и городов. К концу средних веков палата общин состояла из 74 рыцарей графств (от 37 графств) и слишком 200 депутатов, являвшихся представителями более 100 городов и местечек[3]. Такое разделение на две палаты произошло не по определенному указу, а совершилось само собою к половине XIV века (первый раз разделение можно заметить в 1332 году). С 1341 года прелаты и бароны окончательно соединились в одну палату, а горожане и рыцари графств образовали другую. Заключая в своих двух палатах представителей всех сословий и местных обществ страны, английский парламент во всей его совокупности получает, таким образом, значение истиннаго національнаго представительства.

Точно также со времени Эдуарда I и в течение всей новой истории продолжают разви-

1 Личное приглашение дает в наше время королю возможность пополнять палату лордов новыми членами.

2 В современной Верхней палате их преемниками являются так называемые судебные лорды, т. е. лорды-юристы, занимавшие прежде высшия судебныя места.

3 Что касается представителей низшаго духовенства, то они вышли из состава парламента уже с половины XIV в. Различие взглядов, интересов, материальнаго благосостояния и общественнаго положения мешало депутатам низшего духовенства объединиться с депутатами общин. Представители духовенства не желали обсуждать совокупно с мирянами налоги, платить которые они не считали для себя обязательным без приказания папы. Поэтому они удалились из парламента, предпочитая появляться на особых духовных соборах (конвокациях) в Йорке и Кентербери по приглашение архиепископа.

ваться и права парламента. Уже и в средние века парламент постепенно приобретает, кроме права разрешать налоги, право влиять на замещение высших должностей, право обвинять должностных лиц (в палате общин), право верховнаго суда (в Верхней палате), право участвовать в управлении государством путем петиций и предложений, вносимых в парламент, и, наконец, развившееся отсюда право участия в законодательстве. Таким образом, средневековая Англия делается правильно организованным государством по крайней мере двумя веками раньше, чем государства континента (например, Франция). На долю *новой* английской истории выпадают уже задачи другого рода. В эту эпоху полнее определяются и разрабатываются те основныя права, которыя приобрел английский народ еще в средневековый период, при чем проводится точное разграничение между правами короны и правами парламента. Чтобы вернее представить себе парламент средних веков, необходимо заметить одну особенность, которая отличает его от парламента нашего времени. Между тем как теперь представители политических партий употребляют всевозможныя усилия, чтобы быть избранными в депутаты, в средние века депутатство было тяжелою повинностью. Дурные пути сообщения, необходимость бросать дела, требующия надзора, превращали депутатство в такую трудную и дорого стоящую обязанность, что многие общины и города откупались от права посылать депутатов в парламент, а рыцарь графства, отправляясь в Вестминстер[4], не хотел тратиться сам и требовал денег на поездку от своих избирателей. Но, несмотря на отдельныя исключения, уже и в то время в обществе прочно утвердился взгляд, что право посылать депутатов в парламент надо всеми силами поддерживать и сохранять, как великое право, приобретенное путем продолжительной и трудной борьбы.

Оглянувшись теперь назад от эпохи Эдуардов к началу IX века, когда образовалось английское королевство, мы должны признать, что самым важным моментом этой трудной борьбы за права был 1215 год, когда составлена была Великая Хартия Вольностей. Ей обязаны англичане блестящими результатами всего движения, так как задачи и характер последняго определялись идеями, впервые ясно высказанными в Великой Хартии. Справедливо говорит один английский историк, что англичане, создав этот великий акт, сохранив и поддержав его, приобрели себе вечное право на уважение со стороны человечества. Тот же историк, признав Великую Хартию явлением более важным в английской жизни, чем Бэкон, Шекспир, Мильтон и Ньютон, заключает остроумно: «но скажут, может быть, еще с большим правом, что эти могучие умы только там могли появиться, где господствовало равенство перед законом, только там могли приобресть полную силу для деятельности, где господствовал дух, внушивший предкам великий акт свободы».

Н. Романов.

4 В Вестминстерском дворце в Лондоне заседают обе палаты парламента.

LII. Возстание Уота Тайлера

Поголовный налог

В ноябре 1380 года парламент, заседавший в Нортгемптоне, разрешил королю поголовный налог на военный нужны: столетняя война была во всем разгаре. Каждое светское лицо, как мужчина, так и женщина, с пятнадцати лет, за исключением нищих, обязывалось внести в королевское казначейство три грота (т. е. шиллинг: грот=4 пенсам). Люди состоятельные могли при этом помогать людям несостоятельным, но платить за других больше 60 гротов, а за себя и жену меньше одного грота никому не позволялось. Парламент надеялся собрать таким путем сто тысяч фунтов стерлингов. Духовенство, владевшее, по словам общин, третьей частью земли в королевстве, должно было выплатить треть этой суммы; остальныя две трети должны были быть собраны в два срока: к празднику св. Гилярия (13 янв. 1381 г.) и ко дню Пятидесятницы (2 июня 1381 г.). Сборщиками и контролерами как в селах, так и в городах и местечках, должны были явиться лица достаточныя, не присутствовавшия в парламенте, разрешившем налог.

Налог этот приобрел в английской истории громкую известность: он послужил поводом к неслыханному на земле бедствию, как выражаются современные летописцы, которое заставило на время безсильно умолкнуть всякое право, власть и закон.

Надежды правительства, повидимому, не вполне оправдались. Полученная сумма оказалась меньше той, которую разсчитывали получить. Королевский ключеносец Джон Легг и некоторые другие придворные предложили королю отдать им на откуп недоимку. Они внесли в казначейство откупную сумму, получили от короля письменныя полномочия и,

Пособия: Неизданные документы, хранящееся в *Public Record Office* в Лондоне. Печатные документы: *Rotuli* Parliamentorum, v. 3; *Statutes* of the Realm, v. 2; *Rymer Foedera*, v. III; *Wilkins*, Concilia, v. III; *Historia Anglicana*, v. 1—II. Ed.Th.Riley. London 1863—4; *Chronicon Angliae*, Ed. Thompson, *Chronicle of England* by John Capgrave; *Polychronicon* Ranulphi Higden; *Annales Monastici*, v. III; *Political Poem and Songs*; *Twysden*: Historiae Anglicanae Scriptores t. X; *Henrici Knigth*. Canonici Leycestrensis Chronica de Eventibus Angliae; Chronica; *Guill Thorne*: De Rebus gestis Abbatum Sancti Augustini Cantuariae, *Eklogium*. Ed by Hayden v. IX; Historia Vitae et Regni Ricardi II a Monacho quodam de Evesham. Ed Th. Hearnins; The Annals or General Chronicle of England *by John Stow*; Holinshed. Chronicles v. III. Oeuvres de *Froissart* publiees par Kerwyn de Lettenhove. Chroniques t. II.

запасшись военною силою, отправились в Кент и Эссекс и стали производить розыск и собирать недоимки, «безчеловечно обращаясь с народом и чиня ему многия обиды и тяготы», по единогласному утверждению хроникёров.

Возстание в Эссексе и Кенте

Результаты беззаконнаго поведения сборщиков не замедлили явиться. В начале июня в Эссексе начались безпорядки. Судебная комиссия, посланная королем произвести суд и расправу над виновниками волнений, не только не успокоила народа, но еще более возбудила его. Народ стал подыматься массами. Агенты Легга и его товарищей были перебиты; головы их были воткнуты на колья и носились перед толпами возставших.

Судьи в страхе бежали. Эссексцы разослали письма в Кент, Сэффелк, Норфолк, приглашая жителей этих графств помочь им «добыть свободу и изменить королевство и его худые обычаи», и, разбившись на несколько отрядов, разсеялись по Эссексу и стали расправляться со всеми, кого считали виновниками всех своих невзгод, а также с своими собратьями—крестьянами, не желавшими приставать к общему делу.

Кентцы не заставили себя долго ждать. По словам летописца, они давно мечтали о том, к исполнению чего звали их жители Эссекса. Судебная комиссия, посланная королем в Кент, встретила открытое сопротивление. Число кентских инсургентов все росло и росло. Они заняли все дороги, ведшия к Кентербери, останавливали всех богомольцев, отправлявшихся на поклонение гробу Фомы Бекета, и заставляли их давать клятву, что они будут хранить верность королю Ричарду и общинам, не станут признавать королем никакого Иоанна, явятся к ним по первому требованию, привлекут всех своих соседей стать с ними заодно и никогда не позволят взимать никакого другого налога, кроме пятнадцатой деньги, которую одну только знали их отцы, деды и прадеды. Податные списки и прочие документы, хранившиеся у королевских чиновников, предавались пламени на площадях городов, через которые двигались толпы возставших. Дома ненавистных народу лиц (то бывали в большинстве случаев представители провинциальной администрации) предавались разрушению и сожжению, а кто из таких людей не успевал скрыться, тому грозила злая участь. Через Дартфорд и Рочестер тысячи кентцев направились в Кентербери. В понедельник 10-го июня, с Уотом Тайлером из Эссекса во главе они явились в Кентербери. Все, заключенные в кантерберийском замке, были освобождены (то же было сделано и в Рочестере). Шериф кентскаго графства должен был дать клятву верности возставшим и, под угрозой смерти, выдал им все хранившиеся у него документы, и эти документы немедленно были брошены в огонь. Возставшие ворвались в городскую ратушу и заставили мэра и бэйлифов, а также всех горожан дать клятву, что они будут верны королю Ричарду и верным общинам Англии. Несколько горожан было убито; их дома, а также дома некоторых других жителей города подверглись разгрому. Явившись в аббатство св. Фомы Кентерберийскаго, инсургенты произвели здесь сильное опустошение; они проникли в покои архиепископа Симона Сэдбери, канцлера королевства, и безпощадно переломали и выбросили вон богатую обстановку примаса Англии. «Этот канцлер Англии», говорили они, «выгодно приобрел эту мебель. Он даст нам отчет в доходах Англии и в тех больших суммах, которыя он собрал со времени коронации короля». На другой день, разослав своих людей за Темзу в Эссекс, Стэффордшир и Бердфордшир объявить жителям этих графств, чтобы они двигались к Лондону, и увеличив свои силы пятью стами кентерберийцев, кентские инсургенты вышли из города.

На пути к Лондону в тот же день (11-го июня) они разгромили тюрьму в Мэдстоне и выпустили на свободу всех заключенных. В числе заключенных был священник Джон Болл (Ball), неоднократно подвергавшийся проклятию во всех церквах Англии, и не раз уже сидевший в тюрьме за свои еретическия заблуждения, которыя он сеял уже много лет в сердцах английскаго народа, как с церковной кафедры, так и на рыночных площадях и во всех людных местах, переходя из прихода в приход, из графства в графство и везде находя многочисленных слушателей, толпами стекавшихся услышать горячее слово «божьей правды» из уст пророка, безпощадно обличавшаго сильных мира сего, как светских, так и духовных, которые, забыв смысл Божьяго закона, предаются греху и угнетению простого человека.

В четырех милях от Лондона, на самом возвышенном месте поросшей кустарником равнины Блэкизс (Blackheath) собрались все возставшие кентцы. Число их, говорят летописцы, было неизмеримо и все увеличивалось вновь прибывавшими. Джон Болл произнес пламенную речь. По обычаю проповедников Болл начал с текста. Текстом он взял популярное среди народа двустишие:

«Когда Адам копал землю, а Ева пряла,
Кто был дворянином?»

Вначале все люди были равны, говорил Болл, такими их создала природа. Нечестивые люди стали несправедливо угнетать своих ближних, и таким образом явилось рабство, противное воле Божьей: ведь если бы Богу угодно было создать рабов, то Он бы еще в начале мира определил, кому быть рабом, а кому господином. Пришел назначенный Богом час сбросить многовековое иго и получить давно желанную свободу. Болл убеждал своих слушателей действовать мудро, подобно доброму хозяину, вырывающему плевелы на ниве своей. Нужно стереть с лица земли всех важных господ, судей, законоведов и всех тех, кто может быть вреден простому человеку. Только, когда у всех будет равная свобода, равная знатность и равная власть, только тогда народ будет наслаждаться миром и безопасностью. Слова эти встретили живой отклик в сердцах многотысячной толпы, и Болл был провозглашен будущим архиепископом и канцлером королевства на место Симона Сэдбери, изменника королю и общинам, котораго нужно разыскать во что бы то ни стало и казнить немедленно.

С северо-востока к Лондону надвигались эссексцы. Главным их вождем был Джон Строу (Strow). Они остановились в местности Майл-Энд (Mile-End), невдалеке от столицы.

Взятие Лондона

Король был в Уиндзоре. Услышав, что грозныя толпы возставших надвигаются на столицу, он поспешил в Лондон и вместе с архиепископом кентерберийским, приором госпитальеров, занимавшим в то время пост казначея королевства, с епископом лондонским, графами Бэккингэмом, Кентом, Аранделом, Уорриком, Сэффолком, Оксфордом, Солсбэри и другими представителями знати и джентельменами скрылся в Тоуэр.

В среду, накануне праздника Тела Господня (2 июня), к королю явились посланные от инсургентов. Они передали королю желание людей, собравшихся на Блекгизсе, видеться с ним и говорить с ним. Королю нет оснований бояться их: все, что они делают, все это для него, чтобы оградить его от его изменников, которых они решили истребить всех до одного.

Король изъявил согласие на просьбу инсургентов. Было снаряжено несколько лодок. В одну из них вошел король с своим советом, в других разместилась свита, и они двинулись от Тоуэра вниз по Темзе в направлении к Гриничу. Подъезжая к Ротерит, они увидели огромную толпу народа. Это была часть инсургентов, спустившаяся с Блэкгизса навстречу королю. С берега раздался приветственный крик десяти тысяч человек. Казалось, что все дьяволы преисподней были с ними, замечает летописец. Канцлер и казначей посоветовали королю не высаживаться на берег к этим «босоногим разбойникам»; было бы великим безумием, говорили они, явиться среди этих остервенелых людей. Лодки остановились на середине реки. Король спросил инсургентов, чего они хотят. Те потребовали выдачи им головы Джона, герцога Ланкастерскаго, архиепископа кентерберийскаго и канцлера королевства Симона Сэдбери, казначея королевства приора госпитальеров, Роберта Гелза, епископа лондонскаго, хранителя тайной печати Джона Фордгэма, главнаго судью Роберта Белкнэта, сэра Роберта Плессингтона, главнаго барона казначейства, Джона Легга и др., всего пятнадцать человек. Король предложил инсургентам явиться к нему в Уиндзор в следующий понедельник: там он даст им ответ на все их требования. Лодки повернули и унесли короля и его свиту обратно к Тоуэру. С криками «измена! измена!» инсургенты двинулись к Лондону, разрушая на пути дома аббатов, законоведов и придворных. К вечеру они заняли предместье Лондона Саутуарк, разбили тюрьму Маршалси, освободили всех заключенных, разрушили дом Джона Имворта, маршала тюрьмы, и дома всех законоведов.

Утром следующаго дня кентцы разбили дома близ Лондонскаго моста и подступили к мосту с намерением проникнуть в город. Мост был заперт. Еще ночью мэр и городской совет нарядили всех олдерменов сторожить мост и все ворота столицы. На лондонском мосту стоял олдермен Уолтер Sybyle, вооруженный с ног до головы. С ним было всего лишь несколько горожан. Всех, предлагавших ему свою помощь, он отсылал со словами: «Вам нечего здесь делать. Ступайте в свои собственные кварталы и стерегите там свои дома. Никто не должен мешаться в дела моего квартала. Я сам с моими товарищами справлюсь здесь и без помощи мэра и все, что нужно будет, сделаю». Некоторые слышали и такия слова олдермэна: «Эти кентцы—люди добрые и наши друзья. Запирать от них ворота и делать им затруднения не годится». Вход был открыть, и кентцы с Уотом Тайлером, Джоном Боллом, Аланом Тредером (Thredre), Уилльямом Гоуком (Hawk) и Джоном Стакпуллом (Stakpull), с распущенными знаменами, вступили в город.

В это же время через северо-восточныя ворота вошли в столицу жители Эссекса. Их впустил олдермен Уилльям Гопде.

Немедленно к возставшим присоединились жители Лондона. С криками: «к Савою! к Савою!» направилась толпа ко дворцу герцога Ланкастерскаго на Стрэнде. Дворец был подожжен со всех сторон. Все богатства герцога погибли. Все было изломано, изрублено. Золотыя и серебряныя вещи, драгоценные камни были истерты в порошок. Кто-то вздумал было спрятать за пазуху кусок серебра. «Мы—ревнители правды и справедливости, а не воры и разбойники», закричали заметившие это его товарищи, и уличенный был брошен в огонь. В богатом герцогском гардеробе инсургентам попалось на глаза особенно драгоценное одеяние герцога, так называемый на языке того времени «джэк». Чтобы не пропустить случая нанести герцогу лишнее оскорбление, разсказывает летописец, инсургенты повесили этот наряд на укрепленном копье и сделали его мишенью для своих стрел. Насла-

дившись потехою, они сняли его и изрубили в куски. Человек тридцать проникли в погреб герцога, разбили несколько бочек вина и стали пить его с песнями и шутками. Выйти во-время из погреба они уже не были в состоянии; здание рухнуло и погребло их под своими развалинами. Семь дней слышны были стоны и крики несчастных. Отсюда инсургенты двинулись к Темплю. Некоторыя из его зданий были разрушены, с других сняты были крыши. Ящики, в которых хранились книги и документы, были разломаны, сами документы были изрублены топорами и сожжены на площади. Красивая улица Флит-Стрит сильно пострадала; тюрьма Флит была разбита, заключенные освобождены; много частных домов было сожжено и разрушено. Тюрьма Ньюгэйт и уэстминстерская тюрьма подверглись той же участи. Последним в этот день было сожжено помещение рыцарей св. Иоанна (госпитальеров) в Клеркенуэлле. К вечеру часть инсургентов заняла площадь св. Екатерины возле Тоуэра и осадила короля и всех, находившихся с ним, с твердым намерением не покидать своей позиции, пока не явится король и не выслушает их требований.

Рано утром осаждавшие подняли сильный шум. Если король не выйдет из Тоуэра, заявляли они, и не выдаст им архиепископа, приора и прочих изменников, Тоуэр будет разрушен, и никому не будет пощады. Народ ожидает короля на Майл-Энде; туда он должен явиться тотчас же без всякаго вооружения. Король решил пожертвовать своими советниками. Ворота Тоуэра были открыты. Из них верхом на лошади выехал король в сопровождении некоторых лордов, многих рыцарей и сквайров, лондонскаго мэра Томаса Уолуорта (Walworth) и знатнейших горожан столицы; мать короля, вдова Чернаго принца, ехала в экипаже. Весь этот кортеж отправился на Майл-Энд.

Стоявшая на площади св. Екатерины толпа ворвалась в Тоуэр и с криками: «где изменники?» стали разыскивать архиепископа и приора по всем комнатам. Архиепископа нашли в капелле. Он надеялся, что его оградит святость места и священный характер его сана; он думал, что интердикт, грозящий всей Англии, в случае его насильственной смерти может остановить его преследователей. Толпа закричала, что не страшен ей папа, и не боится она интердикта. Нет пощады изменнику короля и общин, разорителю простого народа. Архиепископа вывели на холм возле Тоуэра и с каким-то особенным страшным криком, повторявшимся, по словам летописцев, при всех убийствах во время возстания, обезглавили. Той же участи подвергся казначей королевства, приор рыцарей св. Иоанна, Роберт Гелз, Джон Легг, францисканец Уилльям Апелдор, бывший домашним врачем у герцога Ланкастерскаго, и еще человек пятнадцать. Головы их воткнули на копья, с торжеством понесли по улицам и выставили на лондонском мосту, как головы изменников. На голову архиепископа надели красную шапку и прибили ее гвоздем.

После этого началась расправа с другими: знаменитый своими крупными мошенническими сделками с королевским казначейством в последние годы царствования Эдуарда III-го, Ричард Лайэнс, осужденный Добрым Парламентом, а потом прощенный, был вытащен из своего дома и обезглавлен на базарной площади. Всех, встречавшихся на пути, толпа спрашивала: «Вы за кого»? и если спрошенный не отвечал, «за короля Ричарда и верныя общины», с него со страшным криком срывали шапку и отсекали голову. Особенно много погибло фламандцев. Их узнавали по дурному произношению слов «хлеб» и «сыр». Многие из них искали убежища в церквах, но их оттуда вытаскивали и убивали. На улицах, возле объятых пламенем домов, валялись груды обезглавленных тел.

Обещания короля

Между тем король и его свита прибыли на Майл-Энд. Робко и заискивающе приветствовал король тысячи угрюмо глядевших на него лиц. Из толпы выделились несколько человек и изложили ему требования собравшагося народа.

Все крепостные, какие только есть в королевстве Англии, должны быть освобождены от всякой зависимости и рабства и должны стать людьми свободными, так чтобы впредь не было в стране ни одного виллана. Всем своим подданным король должен простить всякаго рода совершенный против него кем бы то ни было преступления, как-то: возстания, битвы, измены, вымогательства и даровать им, всем и каждому, свой крепкий мир.

Всем подданным короля должно быть даровано право свободно покупать и продавать во всех городах, местечках, селах, где производится торговля, и во всех других местах в пределах королевства Англии.

Ни за один акр земли, которую до сих пор держали на вилланском праве, не должно с этого времени взимать платы выше четырех пенсов; а которая земля и прежде того платила деньгами и при том меньше четырех пенсов, такая земля и впредь должна платить то же, что платила раньше, и никак не более того.

До сих пор король находился под руководством дурных советников: впредь этого не должно быть. Все это было выражено на бумаге, и бумага эта была вручена королю. Желанное король должен был сделать законом. Только под этим условием он может свободно возвращаться в столицу.

Король согласился на все. Он предложил народу мирно разойтись по домам. Пусть от каждой деревни останется по три человека; им будут выданы грамоты за королевскою печатью, подтверждающия все предъявленныя королю требования. Король испросил у народа позволение удалиться и возвратился в Лондон. В тот же день графу Аронделу вручена была большая печать. Более тридцати человек клерков было занято изготовлением королевских патентов о вольностях народа, и эти освободительныя грамоты были вручены оставленным эссексцами депутатам.

Свидание в Смитфильде

В Лондоне оставались кентцы с Уотом Тайлером, Боллом и другими вождями. Они оставили без внимания предложение короля последовать примеру жителей Эссекса и мирно разойтись по домам. Король выражал готовность согласиться на все условия, какия они ему предложат. Уот Тайлер заявил, что условия эти он сам продиктует. Было решено договориться обо всем этом на следующий день. Король должен явиться на Смисфильд (Smithfield). Там его будут ждать кентцы.

Утром следующаго дня (была суббота, 15-ое июня) король в сопровождении лордов и рыцарей и небольшого отряда конных горожан Лондона отправился в Уэстминстерское аббатство. У монастырских ворот его встретила процессия монахов в богатых облачениях с аббатом во главе. Король и его свита сошли с коней. Ричард преклонил колена и набожно, со слезами на глазах, поцеловал поднесенное ему распятие. Затем все прошли в церковь. В то время, как король и все бывшие с ним усердно молились у гроба св. Эдуарда, прося у короля-исповедника заступничества в деле, в котором, как говорит летописец, обыкновенный

слабый ум человеческий был безсилен, в церковь шумно ворвалась толпа народа, схватила распростертаго в молитве перед гробницею святого короля Ричарда Имворта, маршала королевской тюрьмы Маршалси, и с криком повлекла его за собою от церкви, чтобы обезглавить на базарной площади. Из Уэстминстерскаго аббатства король и его свита отправились на Смисфильд. Здесь ждали его толпы кентцев, построенныя в боевом порядке. Перед ними развевались знамена. Король и бывшие с ним остановились возле госпиталя св. Варфоломея. Начались переговоры. Три редакции грамоты одна за другою посылались к Тайлеру, и ни одной из них он не принял. Тогда король послал одного из своей свиты, чтобы тот пригласил Тайлера для личных переговоров.

К королю верхом на коне, с кинжалом в руке, с покрытою головой подъехал вождь кентцев. В дополнение к тому, что было дано народу на Майл-Энде, Тайлер требовал, между прочим, полной свободы как для беднаго человека, так и для богатаго охотиться в заповедных лесах и ловить рыбу в прудах и реках; все эти угодья должны быть объявлены общим достоянием. Тайлер говорил с большим умом и красноречием, сопровождая свою речь энергичными телодвижениями. Разстояние между ним и королевским отрядом все уменьшалось. Сам того не замечая, он очутился возле самаго короля. В один из самых сильных моментов своей речи он безсознательно схватил за узду королевскаго коня. В ту же минуту лондонский мэр Уилльям Уолуорт поразил его кинжалом в шею. Тайлер упал. Плотною цепью окружили его королевские люди и нанесли ему несколько смертельных ударов. Со стороны кентцев раздались грозные крики: «Убит наш вождь. Изменнически умерщвлен. Отомстим за него!» И они натянули свои луки, готовясь пустить в короля и его свиту тучи стрел. Смелость и находчивость юнаго короля спасла его. Он быстро подъехал к толпе. «Я ваш король, я ваш предводитель. Следуйте за мною, и вы получите все, что желаете», вскричал он, и все последовали за ним в открытое поле.

Между тем лорд-мэр с одним слугою помчался в город и поднял тревогу. Король находится в смертельной опасности. Кому дорога его жизнь, пусть спешит к нему на помощь. Быстро составился вооруженный отряд в тысячу человек и под командою сэра Роберта Нолесса (Knolles) поскакал за город. Кентцы были окружены. Смерть вождя внесла разстройство в их ряды. Они совершенно растерялись. Рыцари хотели броситься на них с прибывшим отрядом и произвести избиение, но их удержал король. Возставшие получили освободительныя грамоты за королевской печатью и отступили в глубь страны. Король и все бывшие с ним к великой радости возвратились в город. Король отправился прямо в Tower Royal, носивший название Queen's Wardrobe, где пребывала его мать, вдовствующая принцесса Уэлсская, терзаясь страхом и отчаянием за участь своего сына. «Радуйтесь теперь и благодарите Бога», сказал ей Ричард, «сегодня я возвратил себе свое наследие, королевство Англию, которое я было потерял». Голова Уота Тайлера была выставлена на лондонском мосту. В тот же день на улицах Лондона был прочитан королевский приказ, чтобы до захода солнца из города вышли все нежители Лондона, а также все те, кто не прожил здесь целаго года. Всякий, кто вздумает противиться королевскому повелению, будет считаться изменником короля и поплатится головою. Суд общих тяжб был на время закрыт.

Сцена на Смисфильде имела решающее значение. Пораженный кинжалом лорда-мэра и падая с лошади на землю, Уот Тайлер впервые пробудил в английском рыцарстве, почти мертвом от страха, надежду отразить коммонеров, говорит летописец. Гроза еще не кончи-

лась, но смертельная опасность уже миновала. Момент полнаго отчаяния, парализовавшаго всякую способность деятельности для защиты и нападения, прошел. К совершенно обезумевшим от страха людям вернулось сознание и дало им возможность собрать растерянныя мысли, прийти к ясному представлению о реальной действительности и подумать о мерах против несчастья, застигшаго их совершенно врасплох. Гроза еще не прошла.

Волнения в провинциях

Возстание вспыхнуло одновременно во всей стране. В то время, когда в Лондоне происходили описанныя нами сцены, повсеместно отряды возставших громили дома ненавистных народу лиц, заставляли лиц привилегированных классов присоединиться к ним и давать клятву верности королю и общинам, жгли документы, безпощадно убивали законоведов, не давали пощады королевским чиновникам и владельческим министериалам, повсюду стремясь искоренить источники правительственных злоупотреблений и основы крепостного права. Повсюду они заявляли, а многие и вполне искренно верили, что все это они делают по воле короля и истребляют изменников его, забывших о благе народа и думающих только о своих выгодах, ради которых они угнетают простой народ. Но, кроме общих для всех целей, возставшие преследовали свои частныя цели, сводили свои местные и личные счеты. Это становится вполне ясным, когда от центральных сцен, поражающих своей грандиозностью, производящих впечатление грозной революции, готовой ниспровергнуть весь государственный и общественный строй Англии, мы переходим к местным возстаниям, из Лондона переносимся в отдельныя графства, в отдельные города.

Местный возстания менее всего носят политический характер. Если столичное население и жители соседних с Лондоном графств Эссекса и Кента, близко стоявшие к очагу политической жизни, нередко даже принимавшие в ней участие, и уж во всяком случае знакомые со злобами дня и имевшие возможность составить себе определенное мнение о ходе управления и о главных фигурах на политической авансцене, если они ставили на своем знамени искоренение злоупотреблений правительства, то провинциалы, жившие только интересами своей сельской или городской общины, более всего были чувствительны к тому, что имело непосредственное отношение именно к этим интересам. Поэтому, лишь только явились к ним эмиссары из центра движения и оповестили им волю возставшаго народа, они немедленно стали принимать меры к тому, чтобы улучшить свое положение среди данных условий, чтобы стряхнуть с себя бремя феодальной зависимости от светских и духовных сеньёров, чтобы возвратить себе права, узурпированныя, часто еще на памяти отцов, этими сеньёрами, будут ли то общинныя права на пахотную землю, луга, леса, на рыбныя ловли, или права свободно управляющейся городской общины.

Замечательно при этом то обстоятельство, что действия возставших в этих случаях вовсе не отличались разрушительным характером; напротив, инсургенты часто поражают нас своею легальностью. Они, «не воры и не разбойники, но ревнители истины и справедливости». Читая богатые подробностями разсказы летописцев о возстаниях горожан или крестьян против какого-нибудь монастыря, можно подумать, что присутствуешь при судебном разбирательстве гражданскаго иска. Обе стороны ссылаются на документы, делаются чрезвычайно кропотливыя справки в прошедшем, словом, пользуются всеми средствами, которыя закон предоставляет человеку, отстаивающему свои права. Правда, мирное впечатление, повидимому, нарушается тем обстоятельством, что за спиною у истцов стоит вооружен-

ная сила, что разбирательство происходит в присутствии огромной толпы народа с распущенными знаменами, с луками и стрелами. Но не нужно забывать, что только такия условия и возвращали аргументам истцов их законную убедительность, которую в мирное время отнимали у них сила и могущество феодальной аристократии. И нужно сказать, что этими условиями истцы редко злоупотребляли, хотя, конечно, не обошлось без резких проявлений не вполне обузданных страстей, не редких и в более цивилизованном обществе и у более благоприятно обставленных людей.

Доскажем конец возстания.

Подавление возстания

После того, как кентцы получили освободительныя грамоты и вышли из Лондона, король разослал по графствам приказ, чтобы все, кто любит короля и дорожит его честью, конные и вооруженные спешили к столице. И вот, в течение трех дней в Лондоне собралось, по словам хроники, около сорока тысячи прекрасно вооруженных всадников. Семнадцатаго июня в лондонском гильголле заседала уже судебная комиссия с лордом-мэром во главе и чинила суд и расправу над схваченными инсургентами. Восемнадцатаго числа был разослан по графствам королевский патент, в котором король доводил до всеобщего сведения, что мнение, распространеное возставшими, будто они действуют по его королевской воле и повелению, совершенно ложно, приказывал шерифам, мэрам и бэйлифам и всем остальным своим верным подданным вооруженною рукою и всеми иными зависящими от них средствами отражать возставших, а самим возставшим предписывал оставить сборища и мирно разойтись по домам под страхом смерти и конфискации имущества.

Решительность и энергия, обнаруженныя правительством, ободряющим образом подействовала на общественные элементы, против которых направлено было возстание. Общими силами большия массы возставших были разсеяны, народ был приведен к покорности и начался суд и расправа. По всей Англии были разосланы судебныя комиссии. «Тогда»,—говорит современная летопись,—«были воздвигнуты виселицы там, где их прежде не было, и их было недостаточно для тел осужденных... Ужаснулся народ при виде такого множества тел, висевших при свете дня, и опечалился он, видя, что многие, как изгнанники, покидают родную землю».

30-го июня король разослал по графствам приказ, чтобы все держатели, как вилланы, так и свободные, без противоречия, ропота и сопротивления исполняли своим господам все лежащия на них и на их землях повинности, которыя они исполняли пред возстанием, не уменьшая их и не заявляя притязаний ни на какия вольности и привилегии, не бывшия у них до возстания, под страхом конфискации всего, что король может у них конфисковать. Всех, кто после этого оповещения окажется противящимся королевскому приказу, велено было арестовать и препровождать в тюрьмы и держать там, пока король не пришлет распоряжения об их наказании. На третий день после этого (2-го июля) королевским патентом, разосланным по всей Англии, были признаны недействительными выданныя королем вилланам освободительныя грамоты; король повелевал всем, у кого имелись освободительныя грамоты, под страхом конфискации всего, что король может конфисковать у них, немедленно доставить их ему, королю, и его совету для уничтожения. Парламент, собравшийся в Уэстминстере 3-го ноября, признал отмену королем изданнаго им во время возстания ма-

нифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости законною; как прелаты и сеньёры светские, так и рыцари и представители от городов и местечек единогласно заявили, что освобождение вилланов не могло быть сделано без их согласия, что они не согласились бы на него ни добровольно, ни каким-либо иным образом и никогда не согласятся, что они скорее готовы умереть все в один день, чем поступить таким образом. На этом же парламенте была объявлена от имени короля общая амнистия. Амнистия была дарована королем по специальному ходатайству невесты короля Анны, дочери Карла, бывшаго императора Священной Римской империи. Амнистии не получили лица, явившияся зачинщиками и вождями возстания, а также жители городов Кентербери, Эдмондсбери, Беверле, Бриджуотера и Кэмбриджа, но впоследствии она была распространена и на эти города.

Победители старались изгладить все следы своего поражения. По постановлению парламента, все кому бы то и кем бы то ни было выданный во время возстания обязательства и документы на владения и все акты завладения были признаны недействительными; все, у кого имелись этого рода документы, должны были к известному сроку представить их в королевский совет для передачи тем, кто их выдал. Все те, у кого во время возстания были сожжены или иным образом уничтожены разнаго рода документы, могли явиться в королевский совет, представить доказательства, что у них действительно были эти документы, и король и его совет найдут средства возместить нанесенный этим лицам ущерб.

Так кончилось это возстание, стоившее Англии, по расчету летописцев, более семи тысяч человеческих жертв.

Д. Петрушевский.

LIII. Филипп II Август

Борьба с Англией

Филипп II родился в 1165 г. и по обычаю Капетингских королей был коронован еще при жизни отца, Людовика VII, в Реймсе в 1179 г. Он сделался таким образом на 15-м году соучастником отца в делах правления в качестве rex designatus, как тогда назывался коронованный наследник престола. Впрочем такое двоецарствие продолжалось не долго, так как Людовик VII вскоре после коронации сына занемог и умер (1180 г.). Более чем сорокалетнее царствование Филиппа II заслуживает особеннаго внимания историка Франции.

Правда, нет ничего резко выдающагося, чем бы король Филипп отличался от целаго ряда своих предшественников, представителей Капетингскаго дома: он прошел свое историческое поприще в том самом направлении, в каком проходили его предки и которое сделалось уже обычным для этой династии. Задолго до него стал складываться тип Капетинга, короля-собирателя земли, отважнаго борца с непокорными феодалами в открытом поле, когда был верный расчет на успех, и ловкаго хитреца-интригана, когда нельзя было разсчитывать на успех в открытой борьбе, короля, умевшаго долго и терпеливо поджидать благоприятный случай и не брезгавшаго никакими средствами для захвата своей добычи, раз этот благоприятный случай подвернулся. Задолго до него, еще при его прадеде Филиппе I, началась эта объединительная деятельность Капетингскаго дома. Филипп Август мало внес новаго в эту деятельность, но именно в эпоху его царствования, в первый раз вскрываются ясно результаты работы целаго ряда деятелей, и поэтому здесь историку развития королевской власти и образования государства во Франции удобнее всего сделать первую остановку, и прежде чем продолжать дальнейший путь, подвести итоги деятельности четырех поколений.

Самым блестящим успехом в объединительной деятельности Филиппа было возвращение *Нормандии*, находившейся во владении английских королей с тех пор, как один из нормандских герцогов, Вильгельм Завоеватель, приобрел английскую корону. Владея Нор-

---

Пособия: *Luchaire*. Histoire des institutions monarchiques. *Michelet*. Histoire de France. *Guizot*. Histoire de la civilisation de France.

мандией, английский король был, правда, вассалом французскаго, но что значила такая ленная зависимость для вассала, который из Тоуэра повелевал целым королевством и который, владея в самой Франции, может быть, даже большим количеством земель, чем Филипп, был на деле более французским королем, чем сам французский король, живший в Париже? Ленную зависимость от французскаго короля герцог нормандский мог иногда, когда это было ему выгодно и угодно, проявлять пустыми торжественными обрядами, требовавшимися феодальным обычаем, но не имевшими никакого действительнаго значения. Разорванную связь Франции с Нормандией и удалось возстановить Филиппу. Давно уже он алчно посматривал на это богатое и близкое владение. Вернувшись из Палестины, куда он отправлялся вместе с английским королем Ричардом Львиное Сердце, во главе третьяго крестоваго похода, Филипп усердно поддерживал Иоанна Безземельнаго в его поползновениях захватить английский престол в отсутствие брата, попавшаго в плен на возвратном пути из Св. Земли, поддерживал, конечно, с тем, чтобы, раздувая междоусобие братьев, ослабить английское могущество и усилить свое влияние в Нормандии. По смерти Ричарда, Иоанн, сделавшийся королем, все время враждовал с своими вассалами, а французский король с зоркостью ястреба наблюдал за этою борьбою и ухватился за первый подвернувшийся повод, чтобы броситься на добычу. По обычаю всех государей-собирателей этот хищнический захват был облечен в самыя безспорныя юридическая формы. В борьбе с своим вассалом и племянником Артуром Бретанским Иоанн захватил его в плен, в котором тот и умер, отчего—неизвестно. Молва приписала его смерть руке английскаго короля. Этою молвою, быть может, им же самим созданною, ловко воспользовался Филипп. Вполне согласно с феодальными обычаями, он пригласил своего вассала на суд двенадцати пэров по обвинение в убийстве Артура. Иоанн, разумеется, не явился; тогда Филипп тотчас же повел войска на Нормандию и захватил ее (1204). При этом и *Бретань*, за государя которой он вступился, признала его теперь своим непосредственным сюзереном, помимо английскаго короля. Вместе с этим были захвачены также *Анжу* и *Пуату*, лены, которыми английский король владел по наследству от деда, Готфрида Плантагенета (отца Генриха II графа анжуйскаго). Со времени этого захвата Филипп вступает в непрерывную борьбу с английским королем, ища случая добить его окончательно и тем упрочить за собою свои новыя приобретения. Как раз в это время отношения Иоанна к Риму дали Филиппу повод к столкновению. Иоанн поссорился с папою Иннокентием III по поводу назначения архиепископа кентерберийскаго. Отыскался необыкновенно услужливый исполнитель папских повелений—Филипп Август, который однако, перед тем сам подвергшись интердикту за незаконный развод с нелюбимой женой, не очень торопился примириться с папой. Ему то и было поручено исполнить над королем Англии приговор преемника Св. Петра. Был объявлен крестовый поход против Иоанна. Филипп собрал для этой благочестивой экспедиции настолько внушительную армию и флот, что Иоанн счел за лучшее покориться папе, и признал Англию леном св. Петра. Таким образом столкновение его с Филиппом было предотвращено. Этому последнему было однако очень досадно понапрасну распускать собранное войско, и, потеряв надежду на добычу в Англии, он, с благословения находившагося при нем легата св. престола, бросился на Фландрию, которую жестоко опустошил: св. престол давно уже косо посматривал на вольныя убеждения Фламандских ткачей, а герцог Фландрский был одним из самых непокорных вассалов французскаго короля (1212).

Иоанн, примирился с положением папскаго ленника, а чтобы иметь возможность ежегодно отправлять в Рим денарий св. Петра, всеми правдами и неправдами собирал деньги с баронов и лондонских евреев, при чем этим последним для возбуждения их щедрости, король приказывал своим слугам выдергивать зубы. Гораздо труднее было примириться ему с потерею значительной части французских владений. Не теряя надежды возвратить их когда-нибудь вооруженною рукой, английский король искал постоянно к этому случая, и ему удалось, наконец, составить целую коалицию против своего врага. В эту коалицию вошел племянник Иоанна, германский император Оттон IV, так как Филипп в угоду Иннокентию III поддерживал соперника Оттона, Фридриха II Гогенштауфена. К ним примкнули также раздраженные могуществом и задорною политикою Филиппа его северные соседи и вассалы, так или иначе от него пострадавшие: граф Булонский, у котораго он отнял пять графств, граф Фландрский, от опустошенных земель котораго Филипп отхватил также немалый клок, и некоторые другие. Зимой 1214 г. Иоанн переправился через пролив и вошел в устье Луары в то самое время, когда его союзники напали на Филиппа с северо-востока. Но поражение, нанесенное Филиппом императору в известной битве при Бувине (27 августа 1214 г.), разстроило все планы союзников. Графы Фландрский и Булонский были взяты в плен в этой битве. Иоанн, начавший было с успехом военныя действия по Луаре и взявший уже Анжер, должен был поспешно удалиться с континента. Закрепив за собою этою победой отнятия им английския владения, Филипп Август сделал первый значительный шаг в борьбе с англичанами. После этого еще возможен был спор о владениях по западному берегу Гаронны; но земли до Гаронны с тех пор прочно сливаются с ядром владений французскаго короля. Правда, долгое время впоследствии будет тянуться борьба за них между двумя великими западноевропейскими нациями, но вся задача французских королей будет сводиться к тому, чтобы отстоять в этой борьбе приобретения, сделанный Филиппом Августом.

Лангдок

В то время как на севере в борьбе с англичанами французский король гнался за успехом и приобретениями, стоившими не мало труда и усилий, на юге успех и приобретения шли ему навстречу сами, без всяких с его стороны усилий. Тяжелым, физическим трудом на севере он приобретал тот капитал могущества и влияния, который легко давал хорошие проценты на юге, не доставляя никаких хлопот своему обладателю. На юге Франции, в Лангдоке, государями котораго были графы Тулузские, процветала в то время альбигойская ересь. Можно себе представить, каким бельмом на глазу для святых римских отцов должен был быть этот Лангдок, как сильно должно было их угнетать отчуждение от католической церкви такого большого и цветущаго края, каким была эта часть Франции. Между тем крестовые походы против неверных, живших за морем, в далекой Палестине не удавались, и ряд этих неудач, заставив оглянуться на то, что происходило дома, вызвал ту простую и утешительную для средневековаго благочестия мысль, что вовсе незачем ходить против неверных далеко в чужия страны, когда у себя дома их было более чем достаточно для того, чтобы их избиением проложить себе путь в царство небесное. «Eja, Christi milites, eja, strenui militiae christianae tirones!» взывал папа к графам и баронам, побуждая их к крестовому походу на альбигойцев. На призыв святейшаго отца откликнулось немало тревожимых совестью грешных людей, желавших в крови неверных омыть свои загрязненныя

души и еще того больше благочестивых воинов христовых, жаждавших получить свою долю в предстоящей богатой добыче. Крестоносцами руководил закаленный в битвах с неверными в Палестине барон Симон де-Монфор, «человек очень усердный в делах Божьих», по выражению одного современника. В данном случае он действительно очень усердно исполнил «дело Божие», тем более, что разгромить мирное южное население было нетрудно. Крест—символ страдания за других и любви к ближним послужил здесь не в первый и не в последний раз знаменем насилия и убийства. Крестоносцы одержали полную и блестящую победу, отправив не один десяток тысяч неверных душ в ад, а верных в рай, так как в пылу увлечения резней, били иногда и католиков заодно с еретиками, ссылаясь на то, что некогда разбирать их теперь и что, все равно, их разберут на том свете. Когда Лангдок был завоеван, население вырезано, а города обращены в груды развалин, Монфору пришлось на этих развалинах устраивать новый политически порядок. Разумеется, это новое устройство получило феодальный характер. Вся завоеванная земля была разделена на 430 ленов, верховным сюзереном которых был, конечно, Монфор. Филипп-Август не принимал участия ни в походе, ни в устройстве завоеванной страны. Монфор сделался совершенно самостоятельным и независимым от севернаго южным французским королем. Но вскоре обнаружилось, как непрочно было здание, которое он строил на рыхлой, влажной еще от крови избитых южан почве из такого непрочнаго материала, как его разнузданное войско, способное бить и грабить, но неспособное примириться с каким бы то ни было, хотя бы и феодальным порядком. Уже сын его Амори, к которому по смерти Симона (1218) перешли по наследству завоеванныя области, почувствовал, что не в силах справляться и с врагами, которыми были окружены завоеватели и с собственными своими вассалами; в виду этого он обратился за помощью к северному могущественному соседу и отдал ему завоевания отца, признав Филиппа Августа своим сюзереном. В 1222 г. папский легат и южные епископы на коленях просили Филиппа II принять Амори Монфора и его владения под свое покровительство. Этот факт всего лучше показывает, каким значением пользовался французский король в то время.

Центральная администрация

Итак приобретение Нормандии, Анжу (с Меном и Туренью) и Пуату; более тесная зависимость Бретани и Фландрии; вассалитет юга; расширение границ Франции на юго-западе до Гаронны и на северо-востоке до Шельды—таковы были результаты царствования Филиппа II. Значение их для развития королевской власти очень осязательно выражается сравнением цыфр ежемесячнаго дохода, притекавшаго в королевскую казну при Филиппе II, с тем, который получался при его отце. Dotavit regnum, говорит о Филиппе один из его современников, et auxit ultra quam credi possit; quiacum Ludovicus rex pater suns non dimiserit ei in redditibus, sicus officiales regni deferebant, mensem 19 milia librarum, ipse dimisit Ludovico (VIII) filio suo *qua libet die* 1200 libras parisiensium in redditibus (т. е. в месяц около 36 тысяч парижских ливров)[1]. Следовательно, благодаря деятельности Филиппа II королевская казна получала почти вдвое более дохода, чем при Людовике VII. С другой стороны, успехи Филиппа II важны тем, что они знаменуют собою два неразрывно связанные друг с другом процесса, или, вернее, две стороны того процесса, который составляет переход от средних веков к новой истории. Именно: во-1-х, возникновение французской

1 Luchaire. Hist. des institutions monarchiques. I. 126.

национальности, отличной от английской и потому не мирящейся с английским владычеством; во-2-х, *территориальное объединение* этой национальности. Как скоро все отдельные этнографические элементы стали сливаться в однообразную народную массу, так и на земле, на которой они жили, стали сглаживаться и исчезать межевыя грани. Этнографическое объединение неразрывно было связано с территориальным, потому что народное чувство национальнаго единства, которым все более проникались массы, сносило все препятствующия его стремлениям перегородки и постепенно складывало все крупныя и мелкия территориальныя дроби в одно целое. Вместе с тем выступала и третья сторона этого процесса, которая впервые достаточно ясно заметна при Филиппе II. Это—*политическое объединение* Франции. Вместе с образованием национальности не только объединялась территория, но и складывалась единая государственная власть, устанавливалось однообразное управление всею этою территорией. Феодальный строй, в котором государственная власть дробилась между многими лицами, независимыми друг от друга, хотя и стоявшими один относительно другого в определенном иерархическом подчинении,—постепенно уступает место новому порядку, при котором государственная власть, сосредоточиваясь в руках одного государя, действует посредством целой иерархии вполне от государя зависимых, им назначаемых и увольняемых чиновников, наделенных определенною по размерам и по качеству долею власти. В последнем случае государственная власть не дробится на отдельныя самостоятельныя целыя, по качеству совершенно подобныя первоначальному целому, а логически расчленяется на свои составныя части, не препятствующия целому быть целым. Итак, в государстве единая государственная власть действует посредством иерархии от нея зависящих чиновников, т. е. посредством администрации. Ко времени Филиппа II и слагается впервые—после феодальнаго распадения Каролингской монархии—довольно определенная, хотя и очень своеобразная королевская администрация и в центре и в областях; это обстоятельство уже само по себе знаменует успех в развитии государственнаго порядка во Франции; с другой стороны—королевская администрация служит лучшим средством для дальнейшаго развития этого порядка, так как она является сильным орудием против феодализма. Конечно, в эпоху Филиппа эта администрация очень неуклюжа и нестройна; от нея так и отдает ея происхождением. Происхождение же свое она ведет от частнаго королевскаго *хозяйства*: чиновники, ее составляющие, не более как личные случаи короля. Но из их обязанностей по личному услужению государю, именно потому, что их частный хозяин в то же время и государь, развиваются прямо государственныя обязанности и, ведая различныя части королевскаго хозяйства, они вместе с тем разделяют между собою различныя отрасли государственных дел. Самыя их названия выдают их происхождение. Главною фигурой центральнаго управления является сенешал (*senechal*)=senex scalcus, т. е. старший слуга, дворецкий короля. Прежде он заведывал только королевскою прислугой и столом короля (почему и называется также *dapifer*), но постепенно он сосредоточивает в своих руках важнейшия государственныя обязанности. Заведуя королевским столом, он естественно делался главным управляющим королевским хозяйством, которое доставляло продукты для стола, т. е. королевским доменом, как назывались частныя имения короля, которыми король владел непосредственно, как хозяин (сеньёр), а не через вассалов, как сюзерен. Но так как большая часть доходов королевской казны получается именно из этих королевских имений, и так как эти частные королевские доходы служат вместе с тем и государственными средствами, то заведующий ими сенешал становится все более и более похожим на министра

финансов и государственных имущества. Из обязанностей его, как министра финансов, развивается и другой род дел, подлежащих его ведению. Огромная часть королевских доходов тратилась в то время на приобретение наемнаго войска. Как феодальный сюзерен, король имел право пользоваться военными услугами своих вассалов. Но, во-первых с вассалами было трудно ладить, очень часто они забывали эту свою феодальную обязанность относительно короля, да и право короля пользоваться войсками вассалов ограничивалось определенным сроком, именно сорока днями в году. К тому же, вступая в королевское войско короля, они не могли действовать особенно усердно, так как главное назначение этого войска состояло в том, чтобы бить их же феодальную братию. Все это побуждало королей чаще и чаще обращаться к наемному войску, а так как средства, необходимыя для найма, находились в руках сенешала, то естественно, что в его руки попадало распоряжение и предметом найма, т. е. самими наемными войсками, и будучи министром финансов, он в то же время делался и военным министром, главнокомандующим армии: Princeps militiae Francorum. Благодаря такому соединению в своих руках двух таких важнейших родов государственных дел, как финансы и войско, сенешал, этот королевский дворецкий (major regiae domus), стал важнейшим лицом в центральной администрации, с очень пышным титулом: Segni Franciae procurator.

Рядом с ним получает значение важнаго государственнаго сановника и другой личный слуга короля—*канцлер* (cancellarius, chancelier). Первоначально это—личный секретарь короля, его писец, составляющий грамоты и прикладывающий к ним королевскую печать (carligraphus, signator). Он ведет письменную часть в королевском суде. С течением времени дела, разбираемыя королем, вместе с расширением территории, подвластной королю и усложнению условий человеческаго общежития, увеличиваются в числе и усложняются в качестве. Королю, человеку военному, едва грамотному, становится не под силу разбирать самому тонкие и запутанные юридические казусы. Здесь канцлер, обыкновенно духовное лицо, при том изучавшее римское право, выступает, как очень деятельный советник—при разборе и как суфлер—при решении дел. В судебной области, потребовавшей прежде других образования и специальных познаний, король раньше, чем в других, сделался только символом, передав самое дело в опытныя руки. Тяготясь, однако, быть только пустою декорацией, король, при том часто отвлекаемый войнами, перестает сам председательствовать при разборе судебных дел и поручает эту свою обязанность канцлеру. Таким образом, в руках канцлера сосредоточивается третья важнейшая отрасль государственных дел—суд; он делается постепенно министром юстиции, председателем верховнаго трибунала.

Таким же придворно-государственным характером отличались и остальные чины центральнаго управления эпохи первых Капетингов: 1) *коннетабль* (constabularius, connetable)—первоначально только королевский конюший; впоследствии командир феодальнаго ополчения, доставляемаго королю баронами в силу их феодальных обязательств. Это ополчение было всегда конное, и поэтому королевский конюший сделался его командиром. 2) *Чашник* (buticularius, bouteiller)—заведывал королевскими виноградниками. Так как эти последние служили значительным источником доходов королевской казны, то buticularius принимает также, вместе с сенешалом, участие в управлении государственными финансами. 3) *Camerarius* (chambrier, постельничий)—управляющий королевским дворцом, сокровищницами и архивом—magister regis domus,—получает характер министра двора. Все эти

лица в совокупности и составляли центральное управление—ministerium regale.

Королевская курия

Но, кроме этих личных административных органов, ко времени Филиппа II складывается важный коллективный орган, получающий все более и более определенныя очертания и заслоняющий собою значение перечисленных выше сановников. Это так называемая curia regis—административный совет короля, все более заменяющий собою торжественные феодальные съезды первых Капетингов. Предки Филиппа II имели обычай перед каждым значительным предприятием военным, законодательным, а также для разсмотрения важных церковных дел (напр., по поводу ереси) и для разбора выдающихся судебных процессов, собирать вокруг себя большое число своих вассалов светских и духовных. Эти вассалы на собрании давали королю consilium et auxilium (совет и помощь). Король совещался с ними о каком-нибудь решении, и присутствие вассалов на съезде должно было быть ручательством поддержки с их стороны королю в исполнении принятаго съездом решения (по крайней мере, со стороны согласных с решением). Ни определеннаго времени, ни определеннаго места эти съезды не имели. Они собирались туда, где находился в данное время король, и всегда были экстренными, хотя и приурочивались обыкновенно к большим праздникам Рождества, Пасхи, Пятидесятницы и пр. Вообще эти съезды бывали очень часто, никак не менее трех раз в год. Само собою разумеется, они были неудобны для светских и духовных вассалов: они должны были отрывать их по нескольку раз в год от собственных дел, заставляли их тратиться иногда на очень далекий переезд до королевской резиденции, в особенности когда приходилось везти с собою для поддержания достоинства большую свиту. Нередко при этом переезде надо было искусно лавировать между землями противников, так как феодальные владетели постоянно дрались друг с другом. Между тем отказ явиться на такое королевское приглашение без уважительных причин нередко считался за casus belli. И для короля такой совет с течением времени становился все более и более неудобным. Одною из главных задач, выпавших на долю Капетингской династии, была борьба с феодальными баронами, и очень естественно, что для совещаний о делах такого рода менее всего были удобны сами феодальные бароны.

Кроме того, при постепенном увеличении числа дел по мере развития деятельности королевской власти, приходилось обращаться к съездам так часто, что съезд должен был бы заседать постоянно. Наконец, при возрастающей сложности государственных дел феодальные бароны, храбрые воины, но плохие законоведы становились все более и более безполезными, так как их consilium становился менее и менее нужен королю; а обширныя средства его казны сделали ненужным и их auxilium. Королю не приходилось уже заручаться содействием вассалов, когда он получал все большую возможность ими повелевать. Все это и заставляло короля все чаще и чаще обращаться, вместо торжественных феодальных собраний, к тесному придворному совету, состав котораго наполнял собою покои королевскаго дворца, и который мог быть созван ежедневно. В него входили очень разнообразные элементы. Тут были мелкие феодальные владетели и рыцари, по ограниченности средств предпочитавшие безопасность придворной жизни житью в своих замках, где их могли теснить крупные соседи. Тут были и духовные (clerici), носившие звание королевских капелланов, не имевшие никаких духовных мест и никогда не совершавшие никаких церковных служб. Ими-то была наполнена королевская канцелярия, подведомственная канцлеру. Со времени

Людовика VII сюда стали попадать лица даже из низших классов общества. Были, однако, две черты, общия всем этим разнообразным элементам, имевшия огромное значение для развитая самой curia regis. Во-первых, все эти curiales (члены курии в противоположность optimates, как назывались члены феодальных съездов) были люди образованные, иногда прошедшие университет и изучавшие римское право, постоянною практикой приобретавшие опытность в государственной деятельности. Следовательно, они обладали как раз теми качествами, которых недоставало баронам. Во-вторых, все это были люди мелкие, неважные и бедные, иногда даже совсем темнаго происхождения. Они держались только королем и поэтому ревностно поддерживали короля всеми правдами и неправдами. Везде, где только было можно, где только дело попадало им в руки, они стояли за короля в его постоянной борьбе с баронами. В значительной, впрочем, степени преданность их королю могла происходить из иного, более теоретическаго источника: люди, проходившие курс римскаго права, невольно усвоивали себе монархическия идеи этого права и в своей деятельности проводили эти идеи, на которых были воспитаны. Отличаясь этими двумя качествами: образованием и монархическими стремлениями, королевская курия скоро стала главным и постоянным органом королевской власти. С нею король обсуждал законодательныя и административныя меры, она окружала его при разборе судебных дел. Накопление дел, подлежавших этому органу, вызвало даже его разделение на судебную и счетную палаты. Отдельные члены курии отправлялись королем в провинции, как доверенныя лица, ревизовать чиновников местнаго управления.

Местное управление

Местное управление в эпоху Филиппа II настолько уже представляется организованным, что его можно представить в довольно определенной схеме. Разсматривая эту схему, не надо упускать из виду, что вся территория Франции того времени делится на две неравныя части, каждая из которых имеет особое отношение к королю. Для большей части он только сюзерен; эта часть раздроблена между герцогами, графами и баронами, его прямыми и посредственными вассалами. Это земля—in feodo regis. Вторая, меньшая, но быстро увеличивавшаяся в размерах на счет первой, составляет королевский домен, частныя имения короля, не представляющая территориальнаго целаго, разбросанныя там и сям, но в главной массе сосредоточенный в Иль-де-Франсе и Орлеанэ. Для этого рода земель король есть сеньёр, хозяин-собственник. Это земля—in alodio, dominium regale. Домен короля населен его крепостными людьми различных видов, живущими как в деревнях, так и в городах. Земли домена король эксплуатируете, как землевладелец-хозяин. Управлять отдельным имением домена он сажаете особое уполномоченное лицо—prevot (praepositus); этот prevot первоначально только приказчик короля, хозяйничающий в имении и получающий в вознаграждение не определенное жалованье, а часть из доходов с управляемаго имения. Как приказчик на отчете, он собирает и доставляет хозяину разнообразные доходы с управляемаго имения, все эти безчисленные виды средневековых денежных и натуральных повинностей с крепостного населения, которыми оно обязано своему землевладельцу и барину, оброчную плату за пользование лесами, рыбными ловлями и иными угодьями имения, которыя он сдаете в арендное пользование. Если часть имения обрабатывается барщиною, он наблюдаете за распределением этой последней между крепостными. Ему же принадлежит полицейская и судебная власть над крепостным населением имения: он судит его по всем

делам, начиная от порубок и потрав до грабежа и убийства включительно. Первоначально его власть пределами королевскаго имения и ограничивается. Но с течением времени, параллельно тому как в центре придворные слуги становятся государственными чиновниками, в области то же превращение происходит с prevot. Прежде всего, по мере того как растет пространство королевскаго домена, самое число этих prevot увеличивается, так что в конце концов вся Франция оказалась окутанной сетью королевской администрации. Затем меняется и самый характер прево: из частнаго приказчика он все более делается государственным чиновником, подобно тому как и самый домен, которым он управляет, теряя характер частной королевской собственности, приобретает характер государственной территории. Такое превращение было тем более легко, что будучи еще частным приказчиком короля, prevot обладал некоторыми функциями государственной власти, например, судебной и полицейской. Главную роль в этом превращении играла именно судебная власть prevot. Понемногу она начинает расширяться за пределы управляемаго им именья: так, в случае столкновения подведомственных ему королевских крепостных с крепостными какого-нибудь мелкаго соседняго феодальнаго сеньёра или духовнаго учреждения, дело разбирается у prevot. Постепенно он начинает привлекать к своему суду и самих соседних феодальных землевладельцев. Это право призывать их к своему суду prevot очень часто основывает только на своей силе, с которой не по плечу было бороться мелкому феодальному соседу, раз за prevot стоит всегда сам его могущественный хозяин; но из таких отдельных случаев призыва слагается путем повторения право prevot призывать к своему суду феодальных сеньёров, так что округ его компетенции выходит уже за пределы королевскаго именья, и из судьи над крепостными prevot превращается в судью и над свободными людьми королевства. Всего скорее должны были утрачивать свой прежний характер приказчика те prevots, которые управляли городами. Здесь само население скоро теряло крепостной характер, здесь не было непосредственной хозяйственной эксплуатации, как в сельских имениях, и здесь очень часто в руках prevot сосредоточивалась имеющая чисто государственный характер военная власть: командуя замком города и его гарнизоном, он был его комендантом и защитником во время осады.

Эти prevots деятельно работали для создания королевскаго могущества, к чему побуждало их положение, очень напоминающее положение curiales: это были также люди с очень незначительным именем, без всяких средств и поэтому вполне зависимые от короля. Эта зависимость их от короля, тесная связь их собственных интересов с его интересами и вызывала с их стороны не только горячую преданность королю, но иногда даже рвение, хватавшее через край. Но ко времени Филиппа II одни prevots оказались уже недостаточными проводниками в провинции королевской власти. Именно благодаря незнатности своего происхождения prevot, полный хозяин над крепостным населением королевскаго домена, гроза для мелких соседних феодальных землевладельцев, не мог иметь никакого влияния на знатный феодальный класс провинциальнаго общества. Он не мог привлечь к своему суду знатнаго барона, потому что сам был незнатный человек, а средневековое право требовало, чтобы каждый судился себе равным. И как раз ко времени Филиппа II относится успех королевской власти в распространении ея действия и на этот высший феодальный класс. Для суда над баронами были учреждены при Филиппе так называемые *бальи* (baillis), сами назначавшиеся из баронов. Суд их был вполне еще средневековым: они созывали пэров подсуди-

маго и сами только председательствовали в этом суде. Но само собою разумеется, какое преобладающее влияние должны были иметь на суде эти председатели, за которыми стоял король, и как должны были они приучать феодальное общество к покорности королевской власти.

М. Богословский.

LIV. Генеральные штаты во Франции в половине XIV-го века

Первые Валуа

Во второй половине XIV века внешния и внутренния дела Франции были в полном разстройстве. В 1328 году с прекращением династии Капетингов на французский престол вступила династия Валуа. Валуа были одним из самых блестящих домов французскаго рыцарства, но, как короли, они не оказались на высоте своего призвания. Два первых представителя этой династии, Филипп VI и сын его Иоанн Добрый, и на троне являлись скорее смелыми витязями, чем государями обширной страны. Они отличались большою личною отвагой в битвах, но имели мало желания вникать в скучныя подробности управления и предоставляли последнее своим любимцам. Вследствие этого положение Франции было очень печально. Высшие государственные посты находились в руках недостойных людей. В стране не стало спокойствия и безопасности. Лихоимство и продажность, бывшия недавно язвою королевских судов и чиновничества, усилились до последней степени. Феодальная аристократия, пользуясь слабостью королевской власти, возвращалась к привычкам времен своей полной независимости и подчас отказывала королю в повиновении, а деньги, собиравшияся с народа, или шли на прихоти правителей или же расхищались их приближенными. При таких условиях не могла итти счастливо и внешняя борьба, в которую были вовлечены Валуа вслед за своим вступлением на престол (Столетняя война). Англичане заняли Кале, утвердились на юге и в нескольких крупных сражениях подорвали военное могущество французскаго королевства.

Ошибки и неудачи первых Валуа помимо общаго разстройства, которое они вызывали в государстве, влекли за собою серьезныя осложнения для самой королевской власти. Последние Капетинги были почти неограниченными монархами во Франции. Опираясь на сочувствие низшаго безправнаго народнаго слоя и на горячее содействие городских общин, они умели сдерживать своеволие и непокорность своего могущественнаго дворянства, а не-

---

Пособия: *Thierry*, Histoire du tiers etat; *Michelet*, Histoire de France; *Desjardins*, Etats generaux; *Picot*, Histoire des etats generaux.

довольство, возникавшее в среде последняго, быстро успокоивалось под влиянием блестящих внешних успехов старых королей, дававших удовлетворение национальной гордости всех французов. Таким образом представители прежней династии сумели сплотить вокруг себя все классы своего народа. Иначе пошло дело при новых королях. Начавшаяся неурядица тяжелее всего отражалась на низшем классе феодальнаго общества, на городском сословии, и вызывало в нем глубокое раздражение. Как наиболее слабые, горожане сильнее всех страдали от произвола судей и гнета чиновников. Другой специальной причиной негодования являлись для буржуазии финансовыя мероприятия королей. Нуждаясь в средствах, но не желая назначать новых налогов (для чего всегда, по общему феодальному порядку, требовалось согласие плательщиков), короли часто прибегали к так называемой «порче» монеты. Они начинали чеканить монету худшаго качества, с меньшим содержанием ценнаго металла («более слабую», как говорили тогда), выпуская ее, однако, по ея прежней стоимости. Таким образом, казна получала значительную выгоду, потому что из одинаковаго количества металла можно было изготовить больше монеты того же достоинства. Но эта мера вносила большую путаницу во все торговое обращение: цена товаров каждый раз изменялась, а так как перечеканки происходили часто, то и всякая правильная торговля становилась невозможною. Уже при Филиппе Красивом перечеканки возбуждали ропот. Первые Валуа пользовались ими в сильнейшей степени. Например, в течение одного 1355 года перечеканка была произведена 18 раз. Таким образом, новые правители теряли опору в том сословии, в котором их предшественники имели наиболее верных подданных. К горожанам присоединялись многия лица из высших классов, которых оскорбляло господство любимцев и безславие французскаго оружия. Те и другие желали реформ, которыя более обезпечивали бы права отдельных лиц и лучшее ведение государственных дел. Из неосторожных и неосмотрительных поступков королей возникало стремление к ограничению королевской власти.

Генеральные штаты

Ко времени Иоанна Добраго движение это было уже очень значительным. Оно нашло себе место в действиях штатов. Штатами или чинами назывались во Франции сословия, а вслед за тем и собрания сословных представителей. В XIII веке, когда рядом со старинными феодальными классами образовался новый класс горожан, появляются и эти собрания. Депутаты городских общин участвуют в них вместе с духовенством и дворянством в качества третьяго сословия (tiers etat). Первоначально сословные сеймы возникают по отдельным областям (областные штаты). В начале XIV века, с объединением почти всей Франции под властию королей, создаются два более обширных сословных собрания,—одно для областей севернаго наречия (Langue d'Oil'я), другое для юга Франции (области Langue d'Oc'a). Первое из них, как более важное и влиятельное, получило название генеральных штатов или государственных чинов (Etats generaux). Всякие новые сборы в виде временных «подмог» (aides) или субсидий (subsides) король мог взимать лишь с согласия чинов. Генеральные штаты поддерживали Филиппа Красиваго в его патриотической борьбе с папою. При Валуа в настроении сословных представителей наступила перемена. Филипп VI и Иоанн Добрый должны были особенно часто собирать их, потому что война вызывала постоянную нужду в деньгах. Теперь штаты почти каждый раз заявляют свое недовольство ходом дел и порядками управления. Наконец, в 1355 году, видя, что жалобы безплодны, они решили

принять более энергичныя меры для излечения правительственных зол. Государственные чины этого года постановили дать королю просимую субсидию лишь с тем условием, чтобы сбор субсидии и ея расходовало было поставлено под контроль уполномоченных от штатов; для этой цели выбрана комиссия из 9 членов, по 3 от каждаго сословия. Мы не знаем, как взглянул на требование штатов безпечный Иоанн Добрый, но субсидия была собрана. Через год обстоятельства поставили сословных представителей в еще более исключительное положение. 19 сентября 1356 года произошла битва при Пуатье.

Поражение при Пуатье привело Францию на край гибели. Король Иоанн Добрый был взят в плен,—военная сила государства уничтожена, юг и запад подпали окончательно под власть иноземцев. По стране разлились, грабя и опустошая все на своем пути, дружины (compagnies) наемных солдат, отпущенныя англичанами после победы. Во главе государства, в качестве королевскаго наместника (lieutenant du roi), остался дофин Карл, носивший титул герцога Нормандскаго, юный возрастом и духом, как называет его французский историк Фруассар. Он не имел ни войск, ни денег и был совершенно безпомощен. Государство могло ждать своего спасения лишь от самого народа. Дофин поспешил собрать 15 октября в Париже государственные чины. На деле штаты оказались полными распорядителями судеб Франции в эту минуту. Из 800 прибывших депутатов 400 принадлежали к третьему сословию. Но не только численное, а и нравственное преобладание в собраний оказалось за буржуазией. Народный голос приписывал неудачу при Пуатье измене дворянства, и высшие классы примолкли перед упреком в неумении защитить страну в нужное время. На собрании также отразилось разстройство, охватившее Францию. Рядом с городскими депутатами всплыли на верх элементы, прямо враждебные правящей династии. В числе претендентов, с которыми пришлось бороться Валуа при их утверждении на престоле, был Карл, король Наваррский (прозванный злым, le Mauvais), происходивший, как и Валуа, по боковой линии от Капетингов и женатый притом на дочери Людовика X, одного из последних государей стараго дома. Кроме маленькаго королевства Наваррскаго, он имел значительныя владения в Нормандии и являлся столь серьезным соперником для Валуа, что Иоанн Добрый насильственно захватил его и заключил в крепость. Теперь его сторонники подняли голову.

Начав совещание, штаты первыми долгом назначили уполномоченных, чтобы произвести ревизию всего управления и разъяснить, куда делись те огромныя суммы, которыя с такими тягостями платила страна в предшествующие годы. Но никто не мог дать им отчета. Обнаружены были большия хищения и злоупотребления среди лиц, наиболее приближенных к престолу. Тогда собрание выработало свои решения: представители сословий хотели просить дофина, чтобы он отдал под суд семь главных государственных сановников, правил впредь не иначе, как с помощью комиссии, назначаемой штатами, и наконец, чтобы он освободил Карла Наваррскаго.

В двух первых пунктах постановлений заключались знакомыя принцу пожелания буржуазии, но в третьем дофин мог совершенно справедливо видеть посягательство на целость и безопасность короны. Смущенный настроением чинов, герцог поспешил распустить их раньше, чем ходатайства были ему оффициально представлены, и попытался иным путем выйти из своего стесненнаго положения. Собрание штатов Лангедока, менее революционно настроенное, дало ему некоторыя средства. Вскоре последовал указ о перечеканке монеты.

Депутаты генеральных штатов послушно разошлись по приказанию принца. Но едва зашла речь о возобновлении ненавистнейшей меры, как правительство очутилось перед открытым возмущением. На защиту требований штатов неожиданно выступила совершенно новая сила, которой суждено было играть не малую роль в дальнейших событиях. Против дофина поднялась его собственная столица.

Этьен Марсель

Депутаты Парижской общины уже на заседаниях государственных чинов были главными поборниками преобразований. Теперь они намеревались своими силами продолжать борьбу за дело всего сословия. Во главе Парижа в эту пору в звании купеческаго старшины (prevot des marchands) стоял очень решительный человек, по имени Этьен Марсель. После того как указ о перечеканке монеты появился, Марсель заявил протест от имени города и запретил парижским торговцам принимать новую монету. Когда же это не помогло, и указ не был отменен, он пригрозил народным возстанием, приказал всем цехам прекратить работу и велел им взяться за оружие. Неподготовленный двор дофина не пошел на открытую борьбу. К 5 февраля 1357 года в Париже, по настоянию Марселя, были созваны вновь генеральные штаты, которые и ввели требуемую реформу.

Семь прежних и пятнадцать новых королевских сановников были отданы под суд. При короле учреждена комиссия из 34 уполномоченных от штатов. Она была составлена из 11 прелатов, 6 членов от дворянства и 17 горожан и должна была вперед являться ближайшим советом монарха во всех делах управления. Затем были установлены также три следующих крупных преобразования, о которых еще в 1355 году ходатайствовали чины; регулярный созыв штатов, два раза в год, в определенные сроки, неизменяемость монеты и сбор субсидий через посредство сословных депутатов. Решения февральскаго собрания были предъявлены дофину и подтверждены еще отдельно Марселем от имени вернаго города Парижа. Дофин согласился и подписал указ, названный la grande ordonnance и заключающий в себе, вместе с некоторыми другими актами, изданными одновременно, упомянутыя преобразования.

Новый порядок был немедленно введен в действие. В комиссию вошли все главные творцы реформы,—купеческий старшина с некоторыми из членов (echevins) парижской ратуши и епископ ланский Робер Лекок. Последний в недавнем прошлом был ближайшим доверенным лицом и советником Иоанна Добраго, теперь же являлся горячим сторонником новых требований и был самым видным вождем духовенства на собрании штатов. Комиссия энергично принялась за работу. Прежде всего она сменила и отрешила от должности почти весь личный состав высших государственных учреждений—парламента и счетной палаты, сократив и самое число членов в них. Однако чиновников счетной палаты пришлось на другой же день вернуть назад, так как лица, вновь назначенныя, были совершенно не в состоянии разобраться в ея запутанных и сложных делах. Так первый же шаг новаго правительства был неудачен. Его положение осложнялось еще тем, что герцог Нормандский не имел никакого желания примириться с навязанными ему сотрудниками и искал только случая, чтобы от них избавиться. Случай скоро представился. 23 марта дофину удалось через своих приближенных заключить перемирие с англичанами без ведома комиссаров. Он оповестил об этом по всей стране и вместе опубликовал от имени короля, своего отца, распоряжение, в котором тот запрещал подданным повиноваться правительству шта-

тов и платить субсидию, собираемую их уполномоченными. В Париже Марсель и Робер Лекок, узнав о действиях дофина, подняли возстание и заставили принца издать от себя новый указ в опровержение королевскаго. Но в стране объявление произвело другое действие. В некоторых местах недоумевали, кого слушать. В Лангедоке королевский наместник, думая, что повинуется дофину, повесил нескольких горожан за то, что они отказывались платить субсидию в пользу правительства штатов: в общем же провинции склонились на ту сторону, которая освобождала от налога, и едва десятая часть субсидии была собрана. Карл мог думать, что настроение страны не в пользу реформаторов. В самой комиссии началось разложение: более умеренные стали явно переходить к наследнику престола, из привилегированных в ней остался почти только один Робер Лекок. Все это давало герцогу Нормандскому надежду на полную победу. Сначала он возвратил должности многим из тех, кого удалила комиссия; потом (в половине августа) призвал Марселя и заседавших в комиссии членов ратуши: Жилля Марселя (брата старшины), Шарля Туссака и Жана де-Лиль, и объявил им, что, желая править без опекунов, он не позволит им более вмешиваться в дела управления. Робер Лекок также принужден был удалиться. Комиссия была распущена.

Дофин также покинул Париж, чтобы за пределами мятежной столицы окончательно утвердить свою независимость. Но только тут он мог убедиться, насколько было призрачно его торжество. Он не нашел в областях поддержки, на которую надеялся. Всюду царила полная анархия. Стране было в эту минуту в сущности не до общегосударственных дел, когда почти каждый город или замок видел врагов у своих стен и едва успевал отстаивать собственное существование. Вне Парижа дофин лично рисковал попасть в руки разбойничьих шаек. Поэтому не прошло и месяца, как он сам послал спросить Марселя, будет ли ему оказано уважение, должное по его сану, если он вернется в город. Марсель гостеприимно звал наследника назад, обещая, что впредь принц никаких неприятностей терпеть не будет. Тогда Карл возвратился, и таким образом открыто признал себя побежденными. Грамоты, разосланныя от его имени по городам, имели на себе печать купеческаго старшины.

Карл Наваррский

Вожди третьяго сословия одержали верх, но они не могли ни на минуту ошибаться относительно своего положения. Предыдущее ясно показывало, что дофин лишь до тех пор готов сносить их преобладание, пока чувствует себя не в силах бороться. Чтобы держать принца всегда в руках, нужно было иметь против него более внушительныя средства, чем собственный случайный успех. Поэтому Парижская ратуша решила добиваться освобождения Карла Наваррскаго. 7-го ноября под непосредственным воздействием Марселя и депутатов от дружественных Парижу городов были созваны опять генеральные штаты. Они собрались в неполном составе, ибо представителей от дворянства не было совсем, и почти не было представителей от духовенства. В самом третьем сословии не существовало полнаго единодушия. Депутаты некоторых областей (Шампани и Бургундии) явились в Париж, но поспешили его покинуть до начала заседаний, узнав о замысле коноводов. Собрание в своем первом и почти единственном постановлении потребовало свободы для короля Наваррскаго. Дофин уступил перед решением, которое выдавали за волю всей страны, и послал приказ выпустить узника. Однако оказалось, что принц уже раньше был похищен из крепости своими сторонниками.

Получив свободу, Карл Злой явился в Амьен, потом в Париж. Везде он вел себя так, чтобы снискать расположение третьяго сословия: в Амьене произнес речь и пригласил мэра к себе откушать, в Париже также произнес «слово» (как выражаются летописцы, потому что в эту эпоху речи светских лиц были очень похожи на духовныя проповеди) и был торжественно введен в одно из предместий населением всего города, которое высыпало ему навстречу. Обращаясь к парижанам, Карл Наваррский ставил их судьями между Иоанном Добрым и собою, оправдывался от обвинений в измене и заявлял себя французом по крови и чувствам; речь затянулась так долго, что в Париже поужинали, когда он кончил. На следующий день представители ратуши отправились к герцогу Нормандскому и просили его от имени верных городов возвратить свою милость королю Наваррскому. Принцы свиделись и дружески обнялись на глазах у парижан. Карл Злой требовал у дофина уступки некоторых земель и замков в возмещение обид, нанесенных ему королем Иоанном. Переговоры должны были начаться немедленно. Когда совет дофина был занят этим вопросом, в заседание явился Марсель с некоторыми из товарищей. По предложению Р. Лекока, котораго теперь никто не смел ослушаться, они тоже были приглашены к обсуждению. Таким образом деловые счеты двух венценосцев были улажены под надзором и при ближайшем участии парижских старейшин.

Но примирение соперников было непродолжительным. Соглашаясь на требования Карла Наваррскаго, дофин одновременно посылал комендантам уступленных крепостей тайные приказы не сдавать их приверженцам принца. С другой стороны король Наваррский раздражал дофина своим вызывающим поведением.—Он продолжал дружить с горожанами: прибыв в Руан, он торжественно похоронил тела своих друзей, захваченных вместе с ним и казненных Иоанном Добрым; брат его, граф Филипп де-Лонгевилль, не включенный в мирный договор, продолжал с 12 тысячами солдат опустошать страну. Все это вместе скоро повело к открытому разрыву. Карл Наваррский собрал своих наемников и повел их к Парижу. Так наступил январь 1358 года.

Революция в Париже

Между тем в Париже раздор между двором и городом дошел до последней степени. Уже ранее Марсель дал городу совершенно революционное устройство. В каждом квартале все жители, способные носить оружие, были соединены в десятки и полусотни с выборными во главе. Последние подчинялись начальникам кварталов (quarteniers) и через них ратуше, которая таким образом имела возможность быстро и энергично проводить в народ свои решения. Теперь для всех сторонников городской партии был создан особый отличительный знак—шапка, на половину красная, на половину темно-синяя (цвета города Парижа), на которой была надпись: «в знак союза на жизнь и на смерть с купеческим старшиной против кого-бы то ни было (contre toutes personnes)». Кроме того, на все население непосредственно Марсель действовал при помощи одного из церковных братств, именно братства Парижской Богоматери, которое он очень расширил, и на заседаниях котораго обсуждались не одни дела благотворительности и религиозные вопросы, но и те, которыя касались злобы дня. Некоторые города, как например, Лан и Амьен, тоже приняли шапку Марселя.

Видя рост революционнаго движения, дофин сделал попытку бороться с ним на его же почве и решил сам снизойти до роли народнаго оратора. 11 января он собрал на рынке народ, произнес речь и имел успех. Но на следующий день Марсель созвал свое собрание.

Карл также явился на него. Дофину первому было предоставлено слово. Принц повторил сказанное накануне, заверял в своей любви к парижанам и возводил вину в несчастиях, испытываемых страною, на тех, кто не дает ему действовать. Вслед за дофином поднялся Шарль Туссак. Но едва он начал говорить, как увидали, что дофин отъезжает, как бы считая ниже своего достоинства выслушивать возражения. Толпа была возмущена, и Марсель легко возстановил свой поколебленный авторитет. Отношения с обеих сторон до того были обострены, что каждую минуту дело грозило перейти в кровавую расправу. В конце января произошел следующий случай. Один из церковных людей, по имени Perrin Marc, бывший учеником у менялы, продал от лица своего хозяина 2-х лошадей дофину, но не получил за них платы. Однажды на улице Neuve-Saint-Merry он встретил личнаго казначея принца Жана Баллье и стал требовать деньги. Казначей отказал, ссылаясь, вероятно, на то, что государь имеет право даром брать нужные для него предметы (droit de prise). Поднялась ссора. Перрен Марк убил Жана Баллье, и сам бросился искать убежища в церкви. Но люди дофина во главе с Робером де-Клермон, маршалом Нормандии, вытащили его силой из церкви, привели в Chatelet, отрезали руки и повесили. В защиту церковной неприкосновенности возвысил свой голос епископ парижский. Он потребовал выдачи тела казненнаго и торжественно похоронил его у церкви Saint-Merry. Марсель и весь город присутствовали на отпевании, между тем как дофин в то же время провожал тело Баллье.

При этих обстоятельствах в Париже явился посол короля Наваррскаго, чтобы снова добиваться обещанных уступок. Первым движением герцога Нормандскаго было отказать. Но Робер Лекок, присутствовавший при переговорах, перебил дофина и сказал, что принц подумает. Вожди столицы горячо взялись за дело своего союзника. Многочисленныя депутации от граждан стали осаждать дофина. Их тон становился все более и более дерзким. К городу присоединились университет и духовенство Парижской епархии. Все три корпорации послали вместе своих уполномоченных к наследнику престола. Монах, говоривший от их лица, заявил принцу, что *решено*, чтобы король Наваррский еще раз предъявил свои требования, а об остальном город и университет разсудят. Другой оратор добавил: «Вы не все сказали! Скажите еще, что, если его светлость или король Наваррский не будут держаться того, что постановлено, то мы объявим себя против него».

В то время, как парижское население хочет сделаться, таким образом, вершителем судеб страны, в областях мало-по-малу возникает движение совершенно иного рода. Соединение парижан с Карлом Наваррским, заведомым врагом династии и другом англичан, оживило, наконец, чувства преданности законному государю, заглохшия среди общей разрозненности и бедствий последняго года. Генеральные штаты, собравшиеся в январе, несмотря на то, что они состояли почти только из одних горожан, желая дать средства дофину, разрешили ему даже столь непопулярную меру, как перечеканку монеты. 11-го февраля чины собрались вновь. На этот раз среди них опять появились представители дворянства. Штаты назначили дофину крупную субсидию и провозгласили его регентом. Парижские революционеры видели, что только какой-либо решительный шаг может возвратить им господствующее положение.

23-го февраля Марсель собрал у церкви св. Ильи городские цехи с оружием в руках. В 9 часов толпа эта встретила на улице одного из советников принца, королевскаго адвоката, по имени Реньо Даси, который возвращался из дворца домой. Она бросилась на него. Са-

новник кинулся в лавку булочника и был там поражен на смерть, не успев даже испустить крика. Между тем Марсель, сопровождаемый толпою в двуцветных шапках, направился во дворец дофина. Войдя в покои, он резко заявил принцу, что на нем лежит обязанность внести порядок в дела королевства; что так как Франция будет в конце концов принадлежать ему, то дофин должен и охранять ее от разбойничьих шаек, которыя опустошают страну. Карл, находившейся среди своих обычных советников, маршалов Шампани и Нормандии, отвечал с большею твердостью, чем обыкновенно: «я охотно исполнил бы свой долг, если бы у меня были средства. Но охрана королевства лежит на том, кто пользуется всеми правами и выгодами». Они обменялись еще несколькими жесткими словами, и Марсель воскликнул угрожающим тоном: «Государь, не удивляйтесь тому, что вы сейчас увидите. Что суждено, то должно случиться». И, обратившись к людям, которых он привел с собою, сказал: «Делайте живо то, для чего вы пришли сюда». Тотчас же они бросились на маршала Шампани и убили его у кресла дофина. Маршал Нормандии убежал в другую комнату. Те преследовали его и также убили. Дофин думал, что пришел его последний час; кровь убитаго брызнула на его платье. «Спасите мне жизнь», сказал он купеческому старшине. Марсель сказал ему, чтобы он ничего не боялся. Он обменялся шапкою с дофином и прикрыл его, таким образом, цветами города. Весь этот день Марсель носил головной убор дофина. Народ ждал его на Гревской площади. Марсель обратился к нему с речью из окна, сказал, что убитые были изменниками, и спросил народ, будут ли они его поддерживать. Несколько человек крикнуло, что берут на себя ответ за все его действия и готовы с ним умереть, как жили. Марсель вернулся во дворец с вооруженною толпой, которую на этот раз оставил во дворе. Он нашел дофина в страхе и отчаянии. «Не огорчайтесь, государь», сказал он: «то, что совершилось, сделано было, чтобы избежать величайшей опасности, и *согласно с народной волей*». И он просил его одобрить совершившееся. Дофину ничего другого не оставалось и делать. На следующий день перед гражданами, в оправдание кроваваго поступка, произнес речь ученый богослов и член университета Робер де-Корби (R. de Corbie).

Ужасная расправа над приближенными дофина дала полное торжество революционерам. Немедленно была возстановлена прежняя правительственная комиссия. Марсель, Шарль Туссак, Жан де-Лилль и Робер де-Корби введены даже в ближайший, личный совет дофина. В областях все дворянские депутаты по сбору субсидии заменены горожанами. Заговорщики призвали в Париж Карла Наваррскаго и заставили написать в благоприятном для себя духе письмо к городам и дворянам его владений. Но только очень немногие в стране сочувствовали последним событиям. Из городов на стороне Парижа оказались лишь Амьен, Руан, Бовэ, Санлис и Лан. Насилие, которому подвергся дофин, еще более привлекало к нему сердца, и дело, долженствовавшее упрочить положение парижских демагогов, роковым образом влекло их к гибели.

Междоусобная война

В половине марта дофину удалось бежать. Страна встретила его на этот раз иначе, чем осенью. Областные чины Пикардии и Бовэзи, которых дофин собрал первыми на своем пути, высказали ему свою полную преданность и требовали наказания столичных мятежников. На собрание штатов Шампани Марсель послал для защиты своих действий двух уполномоченных Р. Лекока и Р. де-Корби. Но они потерпели полную неудачу, и только духовное звание спасло их от смерти. Карл быстро утвердился, занял Мо и Монтеро-сюр-

Ионн, 2 крепости, господствовавшия над Сеною, Марною и Ионною, и грозил отрезать Парижу подвоз съестных припасов. Марсель также не дремал. Он укреплял Париж, овладел артиллериею Лувра и послал в Авиньон нанять солдат. Обе стороны готовились к смертельному бою. 18-го апреля купеческий старшина отправил дофину письмо, «полное дурных, резких и неуважительных слов». Одновременно письмо это было разослано городским общинам. Оно должно было служить как бы манифестом революционной партии. Обращаясь к дофину, Марсель высказывал принцу упрек в том, что он не исполняет своих верховных обязанностей; что вместо того, чтобы защищать государство от внешних врагов, наместник короля направляет свое оружие против мирных и верных подданных; первый долг короля —оказывать защиту и покровительство подданным; а они за то обязаны воздавать ему почет и послушание; если же король не делает перваго, то и подданные ничем перед ним не связаны. Так, в пылу борьбы парижская буржуазия провозглашала теорию общественнаго договора, которая пять веков спустя должна была служить орудием для деятелей великой французской революции.

4-го мая в Компьене собрались генеральные штаты; Карл мог убедиться, что вся страна за него. Но, осуждая *действия* парижских бунтовщиков, чины в то же время невольно отдали справедливость их *стремлениям*: чины желали сохранить почти все преобразования, из-за которых боролись вожди столицы. Штаты просили дофина, чтобы установлена была постоянная монета, чтобы сбор субсидий совершался чрез посредство сословных депутатов, чтобы король решал дела по совету с опытными и добросовестными лицами.

Компьенское собрание дало дофину большия средства для борьбы с мятежниками. Положение города становилось критическим. Но внезапно на сцене появилось новое действующее лицо, которое отвлекло регента от осады и отдалило неминуемую развязку. Началось крестьянское возстание.

Жакерия

Если буржуазии и высшим классам приходилось тяжело во время бедствий последних лет, то хуже всех жилось крестьянству. Города и замки, защищенные стенами, могли менее бояться вражескаго нашествия, но деревни становились добычею самых малых неприятельских отрядов. Когда англичане уходили, на их место являлись дружественный войска и также грабили, чтобы жить, а остальное у крестьянина брали сеньёры, которым приходилось укреплять и снабжать припасами свои замки или платить выкуп за себя, за друзей, за родственников. Вилланы обеднели совершенно, земледелие в иных местах прекратилось, начались дороговизна и голод; между тем взыскания оброков совершались с прежней безпощадностью, потому что и сеньёры более нуждались в средствах. Среди дворянства господствовало убеждение, что Жак-простак (Jacques Bonhomme, как насмешливо называли крестьян) платит лишь в том случае, если его прижать хорошенько. К притеснениям сеньёров присоединялись неистовства наемников, которые остались без дела с прекращением военных действий, но не думали бросать свое выгодное ремесло. В числе предводителей разбойничьих шаек, наводнявших страну, попадались люди с очень громкими рыцарскими фамилиями. Таков был, например, Arnaud de Cervoles, француз по происхождению, из дома Talleyrand-Perigord, прозванный протопопом (Archipretre) по поводу духовнаго лена, которым он владел. Он заставил одно время дрожать перед собой самого папу в Авиньоне и вынудил у него выкуп и отпущение грехов для себя и всех своих товарищей. Страна из

конца в конец была наполнена подобными искателями легкой наживы. На ряду с английскими солдатами в ней свирепствовали свои, французские грабители, валлийцы и немцы. Все это вместе воспитывало в крестьянском сословии глухую ненависть к высшему дворянскому классу. В средине мая 1358 года разразилось возстание. Фруассар так разсказывает о начале Жакерии.

В области Бовэзи собралась толпа крестьян, без вождя. Их было сначала не более 100 человек. Они сказали, что дворяне королевства Франции, рыцари и их слуги позорят и предают королевство, и что было бы очень хорошо от них избавиться. Каждый говорил: «правда, правда, позор тому, кто воспротивляется уничтожению дворян». Они отправились к ближайшему замку, не имея иного вооружения, кроме палок с железными наконечниками и ножей, разбили его, убили рыцаря, его жену и детей, больших и малых, и дом сожгли. То же сделали они еще с несколькими замками. Сила жаков росла. Скоро их было около 6000. Всюду начали повторяться самыя ужасныя сцены. Жаки убивали мужчин, наносили оскорбления женщинам, бросали в огонь детей и оставляли за собою одни пожарища и развалины. Движение имело совершенно стихийный характер. Когда крестьян спрашивали, зачем они делают это, они отвечали, что сами не знают, но поступают так потому, что видят, как другие так делают. «Этим путем они думали уничтожить дворян всего света, чтобы ни один не остался», прибавляет Фруассар. Вскоре вся страна на север от Сены и до границ Фландрии была охвачена движением. Возставших было более 100 тысяч. Жаки выбрали себе короля, некоего Гильома Калля, крестьянина из области Бовэзи. Дворянство без различия партий бросилось подавлять народный бунт, и началась война без жалости и пощады.

Марсель должен был с радостью смотреть на неожиданных союзников, которых посылала ему судьба. Он вступил в сношения с Гилльомом Каллем и пытался вместе с ним придать больше порядка и правильности действиям жаков. Городския дружины рука об руку с крестьянскими отрядами разрушили несколько замков в окрестностях Парижа, при чем не было допущено ни одного безцельнаго убийства. 9-го июня они сделали попытку взять обратно крепость Мо. Здесь в эту минуту нашли себе убежище жена дофина, его сестра и много других знатных дам и девиц. Население города приняло сторону жаков, и благородныя дамы подвергались большой опасности. Но оне были спасены двумя странствующими рыцарями, возвращавшимися из крестоваго похода против пруссов, которые подоспели вовремя и прогнали жаков. Вскоре главныя силы крестьян были разбиты Карлом Наваррским, а предводитель их захвачен изменническим образом в плен и предан мучительной смерти.—Другия, более мелкия шайки были разсеяны дофином и отдельными рыцарями. К половине июня возстание кончилось. За ним последовало мщение над виновными и невинными, отличавшееся неслыханными жестокостями.

Погибель Марселя

Марсель остался снова один. Напрасно желал он побудить Карла Наваррскаго к более деятельной поддержке, признав открыто его права на престол. Карл Злой медлил, тянул время и вступал в переговоры с дофином. Не видя выхода, Марсель послал отчаянный призыв к городам свободной Фландрии и просил, чтобы «хоть они выступили на защиту народа, честных земледельцев и честных торговцев против дворян, этих убийц, разбойников и злых врагов Бога и веры». Помощь не приходила и оттуда. Дофин стоял уже у ворот горо-

да. Чтобы спасти последний призрак независимости, нужно было без оглядки покоряться недавнему союзнику. Марсель решил сдать Карлу Наваррскому Париж. Но оказалось, что сам купеческий старшина потерял уже власть над населением, которое слепо подчинялось ему доселе. Неудачи борьбы и бедствия осады заставили парижан совершенно потерять голову. Они боялись регента, но в то же время не желали короля Наваррскаго, котораго считали теперь врагом родины и другом англичан. На улицах говорилось, что Карл привел своих наемников для того, чтобы предать Париж англичанам. Марселя тоже называли изменником, потому что мать его была иностранка. Несколько солдата короля, находившиеся в Париже, были схвачены и растерзаны толпою. Марсель едва успел спасти остальных и ночью вывел их из города. Народ требовал, чтобы купеческий старшина шел вместе с ним против Наваррца. Марсель должен был повиноваться. Произошла стычка; несколько горожан было убито. Это еще более разожгло страсти. В то же время сторонники дофина искусно пользовались обстоятельствами. Можно было с минуты на минуту ждать, что они возьмут верх и впустят регента в Париж. Городское управление хотело лучше разделить свою судьбу с королем Наваррским и решило сдать ему город, хотя бы вопреки воле населения. Марсель отправил доверенных лиц к Карлу Злому, чтобы предложить ему корону. Последний в это время был занят переговорами с англичанами о разделе Франции. Приняв посольство парижской ратуши, он поспешил прервать переговоры. Было постановлено, что в ночь с 31 июля на 1 августа Марсель вручит королю ключи города. План этот должен был храниться в строгой тайне. Но приверженцы дофина, вероятно, догадались о намерениях купеческаго старшины. В числе их был один из ближайших сотрудников Марселя, член ратуши, Жан Мальяр. Фруассар так повествует о событиях роковой ночи.

Около полуночи Мальяр и двое других людей его партии пришли к воротам St.-Denis и нашли там купеческаго старшину с ключами в руках. Первый к нему обратился Мальяр со словами: «Этьен, Этьен, что делаете вы здесь в этот час?» Старшина отвечал: «А вам что за дело, Жан? Я здесь, чтоб охранять город, управление которым принадлежит мне».—«Нет, ей Богу»,—отвечал Мальяр,—«это не так. Вы здесь в такой час не за добром. Смотрите»,—сказал он окружающим,—«вот у него в руках ключи, чтобы продать город». Купеческий старшина шагнул вперед и сказал: «Вы лжете».—«Нет, ей Богу, лжете вы, изменник», отвечал Мальяр. Тотчас он бросился на него и сказал своим: «Смерть, смерть ему и всем его сообщникам, так как они все предатели!» Тут произошла жестокая свалка. Купеческий старшина рад бы был бежать, если бы мог, но с ним очень скоро покончили. Жан Мальяр поразил его топором в голову, свалил на землю, хотя был ему кум, и не отошел от него, пока не был убит он и еще шестеро из тех, которые там находились, а остальные были отправлены в тюрьму. По другим разсказам, Марсель был убит в стычке, которая произошла у С.-Антуанских ворот. Карл Наваррский, подошедший к городу, был отбит. Убийцы пошли по улицам, крича и поднимая народ.

Утром все были собраны на рынке, и Мальяр произнес речь. Он разсказал, что в эту ночь город был бы взят и разорен, если бы Бог не поднял его с несколькими друзьями и не поведал им об измене.

На следующий день в Париж входил дофин. Цветныя шапки исчезли. Население знаками восторга встречало принца. Только один гражданин крикнул, когда дофин проезжал мимо него: «Клянусь, государь, если бы меня послушали, вас бы здесь не было. Но в конце

концов вы здесь едва ли чего добьетесь». Один из приближенных, граф де-Танкарвиль, хотел пронзить дерзкаго, но хладнокровный Карл спокойно остановил его руку и сказал с улыбкою: «Вам не поверят, сударь». Затем началось наказание мятежников. Главнейшие приверженцы Марселя, не убитые накануне, были казнены, другим дана амнистия, и город был умиротворен. Карл сильно ограничил власть парижскаго купеческаго старшины.

Причины неудачи штатов

Таков был исход распри между королевской властью и сословиями, которая поднята была в штатах 1355 и 1356 года. Начавшись в собрании представителей страны, она почти тотчас стала делом одного сословия, потом делом почти только одного Парижа. В конце концов верх одержал король. Вожди движения не достигли главной цели, к которой они стремились. Им не удалось утвердить за штатами постояннаго места в государственном устройстве. Таким образом мы видим, что во Франции борьба за политическую свободу привела как раз к противоположным результатам, чем подобная же борьба, происходившая в Англии полтора века назад и приведшая к ограничению королевской власти.

Чем объяснить различный исход борьбы в той и другой стране? Главная причина неудачи французов заключается в том, что у них в проведении реформы был, строго говоря, заинтересован только один общественный класс,—буржуазия, тогда как в Англии все сословия тесно стояли заодно. Во Франции дворянство в ту пору было само еще слишком могущественно и независимо, чтобы желать каких-либо перемен в управлении, и потому оно в массе или осталось равнодушным, или было прямо враждебным к движению, а горожане, опираясь на свои только силы, не смогли обезпечить свое торжество. Чтобы добиться успеха, вожди буржуазии с легальнаго пути принуждены были перейти на путь революционный, соединились с врагами правящаго дома. На этой почве за ними не захотели следовать даже их собственные сторонники. Национальная связь, олицетворявшаяся для Франции в законном короле и добытая долгими трудами и усилиями, была для страны приобретением, не менее ценным, чем хорошее внутреннее устройство, и когда оказалось, что достигнуть свободы возможно лишь с расторжением национальнаго единства, то большинство предпочло сохранить последнее, хотя бы и отказавшись от свободы.

Однако смуты 1356—58 годов не прошли для Франции безследно. Почти все улучшения, которых требовали мятежные штаты, были потом введены сверху, самими королями. Наученный опытом пережитых волнений, дофин Карл, впоследствии Карл V Мудрый, покинул политику рыцарских приключений, которой следовали его отец и дед, и вступил снова на путь, установленный еще Капетингами для французских королей,—на путь *внутренняго объединения и устроения* Франции. Последнее еще надолго сделало прогрессивною силой власть французских монархов и обезпечило за нею вековое господство и вековую преданность подданных.

С. Маслов.

LV. Людовик XI

Qui nescit dissimulare, nescit regnare.

Франция после Столетней войны

1453-й год, год взятия Константинополя турками и утверждения их на востоке Европы, —на западе ея считается годом изгнания англичан из пределов Франции, где за ними осталось только Кале, годом окончания Столетней войны. Но положение Франции, несмотря на изгнание англичан, было весьма печально. Нерешительный, безсердечный, хотя и нелишенный ума, Карл VII, возведенный на престол предков Жанной д'Арк, или лучше сказать национальным сознанием Франции, сделал только первые шаги для внутренняго успокоения государства. Отряды наемных войск, грабивших страну, (ecorcheurs) были уничтожены; учреждение постоянной конницы—gens d'armes, и попытка устроить пехоту вольных стрелков—francs archers, сделало короля менее зависимым от феодалов и обезпечивало защиту Франции. Решение генеральных штатов 1439-го года—установление всеобщаго налога, taille, давало королю постоянный доход для государственных нужд. Деятельность Жака-Кера, этого перваго банкира Франции, заботившагося о развитии торговли, показала новое направление к развитию экономических сил страны.

Но бедность и разорение страны, как следствие Столетней войны, были чрезвычайны, так что доходы короля были ничтожны. Дворянство возвратило себе большинство привилегий, потерянных при последних Капетингах. Карл VII всем был обязан дворянству: он должен был вознаградить его раздачей должностей и имений, предоставить ему, так называемой Прагматической Санкцией, почти исключительное право назначения на духовныя должности. Он должен был образовать вокруг себя совет из вельмож, решениям котораго подчинялся; но что еще важнее, он усилил могущество герцогов, помогавших ему в войне с Англией. Эти герцогства или так называемыя apanages—уделы были прежде раздаваемы королем своим родственникам и служили средством для усиления королевскаго дома и ослабления древних феодальных владетельных домов. Династии Капетингов удалось таким путем расширить владения на востоке и юге Франции. Той же политики держались и коро-

Пособия: *Philippe de Commines*, ed. Chantelauze; *Michelet*: Histoire de France, и *H. Martin*: Histoire de France.

ли династии Валуа во время Столетней войны. Но когда англичане овладели всей западной Францией, королям приходилось захватывать земли на других окраинах и отдавать управление ими своим родственникам, в которых они надеялись видеть опору своего дома и своей власти. Такова была особенно политика Карла V Мудраго. Он отдал обширное Бургундское герцогство своему брату Филиппу Смелому, который посредством брака присоединил еще графство Бургундское (Franche Comte) и богатую Фландрию. Приобретя такия владения, Филипп Смелый сделался почти независимым и стал вести вполне самостоятельную политику. Король, вместо союзника, приобрел врага. Кроме этого герцогства, в разное время появились на смену древних феодалов родственные уделы герцогов бурбонских, анжуйских—в центре Франции, на востоке Лотарингия, на юге Прованс, а Бретань оставалась совершенно независимой, и владетели ея писались «Божиею милостью».

Бургундское герцогство

Из всех этих владений стало особенно усиливаться Бургундское герцогство, благодаря своему положению на границах между Францией и Германией, в области важнейших притоков Рейна. События во Франции также способствовали его усилению. Так при Карле VI, во время его сумасшествия и новых побед англичан, сын Филиппа Смелаго, Иоанн Безстрашный, делается одно время правителем государства. Затем, вступив в союз с англичанами, он помогает возведению на престол Франции английскаго короля. Правда, он погибает, в свою очередь, изменически убитый по приказанию дофина на знаменитом мосту Монтеро. Но это убийство навсегда разорвало родственную связь между бургундскими герцогами и французскими королями. Гибель Жанны д'Арк, виновником чего был бургундский герцог Филипп Добрый, преемник Иоанна, показало затем, насколько интересы Франции были чужды бургундцам.

Тем не менее, король Карл VII и при такой вероломной политике своего врага должен был, для окончательнаго изгнания англичан, примириться с своим врагом, покаяться в убийстве его отца и, по знаменитому Аррасскому договору 1435-го года, признать вассальную независимость бургундскаго герцога и уступить ему Пикардию. Таким образом владения герцога подходили к самому Парижу, охватывая как бы кольцом владения короля. Кроме того, Филиппу Доброму удалось увеличить и объединить свои северныя Нидерландския провинции: от своей родственницы Жакелины он приобрел Голландию, Зеландию, Геннегау; а после умершаго родственника наследовал Брабант и Лимбург, так что вся богатейшая область нижняго Мааса и Рейна находились теперь в его власти. От юго-восточных владений эти области отделялись лишь некоторыми свободными или епископскими городами, как Люттих, Кельн, Трир, и Лотарингией.

И если бы эти области были присоединены к Бургундии, то образовалось бы могущественное, так сказать, рейнское государство, которое господствовало бы над раздробленными Германией и Францией, причем последняя оказалась бы в таком положении, в каком находится Португалия по отношению к Испании. Такая страшная опасность грозила Франции, только что освободившейся от английскаго владычества, ея самостоятельности и значению в Европе. Для устранения этой опасности Карл VII не имел ни способности, ни времени; это выпало на долю его сына Людовика XI.

Молодость Людовика

Редкому государю приходилось воспитываться при таких тяжелых условиях и выступать так рано на общественную деятельность, как Людовику. Он родился в 1422 году в самую тяжелую эпоху для его отца, когда большая часть Франции признавала королем англичанина. Мы не имеем сведений об его детстве, которое совпало с национальным возрождением Франции и деятельностью Жанны д'Арк. О воспитании его также не сохранилось известий; но мы знаем, что пятнадцатилетним юношей, вместе с отцом, он уже находился при взятии крепости Монтеро, при чем будущий тиран просил своего отца пощадить пленных. Затем, молодой дофин, по приказанию отца, участвует или даже руководит несколькими предприятиями против наемных отрядов и мятежных дворян. Но недолго продолжается согласие между отцом и сыном. Людовик желает во что бы то ни было самостоятельности и 17-ти лет он уже становится во главе мятежных дворян против своего отца. Это так называемое Praguerie—союз вельмож, вызванный запрещением дворянам держать наемные отряды и недовольством их против любимцев короля. Этот заговор, осмеянный современниками, был легко разстроен королем, и вельможи, один за другим, явились к Карлу с повинной. Но характерно поведение дофина и отношение к нему отца при этом случае. Он является одним из последних и просит смело за некоторых заговорщиков. Король отказывает и запрещает им являться на глаза. «Так и мне уйти, ваше величество?» говорит разсержен-ный сын. «Людовик, если ворота для вас узки, то я прикажу проломать стену», отвечает король. Это было началом враждебных отношений между Карлом и его наследником. Еще шесть лет проходит без открытой вражды с той и с другой стороны, и Людовику представляется некоторая самостоятельность: он управляет своей провинцией Дофине. Но он недоволен своим положением, тем, что не имеет голоса в совете, что отец находится под влиянием любимцев, и снова затевает интригу, входит в сношения с бургундским герцогом с целью свергнуть отца с престола. Открыв и этот заговор, Карл приказывает ему удалиться в Дофине, и тогда наступает полный разрыв; отец и сын более не встречаются. В течение десяти лете (1446—1456), Людовик самостоятельно управляет своей провинцией, думая создать из нея как бы особое государство: он образует довольно значительное войско, основывает отдельный верховный суд—парламент в Гренобле и университет в Валансе; во всей своей деятельности он обнаруживает совершенно новое направление: главным образом заботится о горожанах, раздавая многим из них дворянское звание и утверждая городския привилегии.

Интриги против отца продолжаются: многочисленными письмами дофин хочет заинтересовать в своей судьбе, привлечь на свою сторону и принцев крови, и членов совета, и епископов, выставляя их как бы своими сторонниками. Выведенный из терпения этими интригами, Карл идете против сына с войском, требуя, чтобы тот явился к нему лично с оправданием в своих поступках. Людовику все изменяют. Не доверяя отцу и его советникам, которые убеждали короля передать право наследства второму сыну, Людовик, оправдываясь опасением за свою жизнь, бежит во владения бургундскаго герцога, прося у него защиты. Напрасно отец требовал у герцога выдачи сына—тому нравилась роль охранителя будущаго короля Франции; напрасно Карл обращался прямо к сыну, умоляя его возвратиться и обещая безопасность,—Людовик не верил уже отцу и, может быть, считал более выгодным для себя наблюдать за событиями со стороны. «Ну, хорошо же», говорил раздра-

женно Карл, «пусть герцог кормит эту лисицу, пока она не съесть у него всех кур». Последния пять лет правления «победоноснаго, как его иногда называли, короля были отравлены тяжелым чувством одиночества и страхом за свою жизнь. Карл умер от голода, опасаясь принимать пищу.

Людовик XI и Карл Смелый

Филипп Добрый принял бежавшаго принца с большим почетом, назначил ему для пребывания брабантский замок Женапп, дал ему богатое содержание. В то время бургундский двор был самым блестящим в Европе, и герцог считал себя представителем европейскаго рыцарства. Незадолго перед тем, им был учрежден знаменитый орден Золотого Руна, куда допускались лишь вельможи, доказавшие в четырех поколениях свое благородное происхождение; члены этого ордена судились только своим трибуналом, председателем котораго был сам герцог. Главною целью ордена был предполагаемый поход на турок, к чему постоянно побуждал папа «великаго герцога запада», считая его наиболее способным и достойным совершить это предприятие, в глазах современников важнейшее для спокойствия Европы. Но Людовика не занимали ни блестящие придворные праздники и увеселения, ни грандиозный поход на врагов христианства, он обратил все свое внимание на раздор между любимцами Филиппа и его сыном. При бургундском дворе происходило то же, что и при французском; Людовик видел здесь повторение недавно пережитых им самим положений: граф Шароле, будущий Карл Смелый, ненавидел любимцев своего отца, добивался самостоятельности и требовал, чтобы престарелый герцог отдал ему при жизни все управление. В этой ссоре, притворяясь примирителем, Людовик принял сторону любимцев отца, герцогов де-Кроа, разсчитывая в них иметь постоянных агентов при бургундском дворе. Разумеется, Карл Шароле уже в это время сделался его непримиримым врагом. Эти два человека сходились только в одном—в ненасытном честолюбии, в жадности к приобретению, во всем же остальном представляли полную противоположность. Людовик, и по внешнему виду, и по внутренним свойствам, как бы родился стариком. Его худая, сутулая фигура, с некрасивым лицом простого мещанина, одетая в длинный суконный камзол и серую шляпу, обвешанная оловянными образками святых, представляла контраст с резкими чертами и надменным, детски несдержанным выражением лица Карла, который одевался всегда великолепно, в шелк и бархат, шляпа котораго была украшена страусовыми перьями и огромной ценности алмазом. Насмешливый и скрытный Людовик носил, как говорили, всех советников «на спине своего коня»; Карл имел любимцев, с которыми советовался, и ни перед кем не скрывал своих мнений. Людовик, нуждаясь в ком-нибудь, заискивал, даже унижался или льстил—и никогда не жалел денег на подкуп; его соперник был очень скуп, надменен с низшими и самоуверен с равными. Однажды он отвечал послу Людовика, когда тот уже был королем, на его жалобы: «Мы, португальцы (мать его была португальская принцесса), имеем обыкновение считать врагов наших друзей—нашими собственными врагами и посылаем их ко всем дьяволам». Карл считал себя первым рыцарем Европы, военные походы и турниры были его главным развлечением. Людовик любил только охоту, предпочитал худой мир доброй ссоре; над рыцарством даже подсмеивался: своего любимаго цирюльника он сначала сделал дворянином, а потом графом; послал однажды герольдом (для чего в средние века требовалась известная подготовка и дворянство) переодетаго лакея. Во время пышнаго турнира, после коронации, в самом Париже, он нанял простого рыцаря—силача и

любовался, как тот побеждал знатнейших вельмож. Жестокость Людовика вошла в пословицу; но она редко носила личный характер—и почти всегда смягчалась политическим расчетом. Карл был безумен во гневе. При взятии маленькаго городка Нель (Nesle), он въехал на коне в главную церковь, куда спаслись жители; увидавши сцену страшнаго избиения, Карл воскликнул: «вот так бойня! прекрасные у меня ребята.» Основная черта характера Людовика была склонность к интриге: он день и ночь, как говорили, задумывал новыя мысли (subtilisant jour et nuit novelles pensees); он нередко сам запутывался в собственных сетях. Мы знаем, что отец называл его лисицей; но еще более к нему подходит данное ему хроникером прозвище «всеобщаго паука» (l'araignee universelle). В характере его противника преобладала дерзкая самоуверенность и почти детское упрямство;—в отношении к первому качеству его сравнивали с волком; в отношении ко второму—с оленем, который бежит стремглав в одном направлении, несмотря ни на какая препятствия. Девиз бургундских герцогов—«спешу» (je hate) был по преимуществу его девизом. Эти два несходные характера поставлены были политическими условиями того времени в положение постоянной вражды и соперничества; их политическия задачи, их общественныя симпатии были диаметрально противоположны: Карл был носителем идей отживающаго феодализма и рыцарства; Людовик был представителем нарождающагося національнаго государства и абсолютной монархии. Отметим главные моменты этой борьбы, которая составляет важнейший факт не только истории Франции, но и истории западной Европы во второй половине XV века.

Лига общественнаго блага

Узнавши о смерти своего отца, Людовик поспешил во Францию и везде был принимаем торжественными депутациями, которыя обращались к нему с речами. Но на эти приветствия он отвечал резко: «будьте короче». Главный его враг Дамартен был сослан, другие любимцы отца—удалены; но принцы крови были утверждены в их владениях. Однако, вельможи чувствовали, что прошло их время. «Пусть каждый думает о себе», говорил старый Дюнуа. «Видно было сразу», замечает Коммин, главный историк этого времени, «что новый король будет королем простого народа, а не королем вельмож». Коронация Людовика происходила при необыкновенных условиях. В Реймс явился с огромной свитой или, лучше сказать, войском прежний покровитель короля, Филипп Добрый, как будто и тут желая оказывать королю защиту. Во время церемонии коронования Филипп играл выдающуюся роль: он возвел короля в рыцарское достоинство, подводил к алтарю, подал корону, так что король казался вассалом своего дяди. Особенно это было заметно, когда он со своей блестящей свитой явился в Париже, как бы вводя в столицу ново-поставленнаго короля. Людовик чувствовал себя глубоко униженным и постарался, как можно вежливее и скорее, освободиться от присутствия слишком обязательнаго дяди, осыпавши при этом своего будущаго врага, графа Шароле, подарками и почестями. Первые шаги новаго царствования были прямы и смелы: Людовик объявил себя врагом дворянства. Надевши свой костюм пилигрима, он предпринял необычное путешествие по своему государству; раздавал на пути множество привилегий городам, запрещал дворянам охотиться на крестьянских полях, уничтожил береговое право, требовал от дворян непосредственной присяги. Королевския подати и право верховнаго суда он распространил и на владения принцев. Учредивши парламент в Бордо, он подчинил весь юг его юрисдикции. Уничтожение прежняго договора с

папой, так называемой Прагматической Санкции, имело целью лишить принцев патроната и доходов с церковных земель и обратить эти доходы в казну. Такия распоряжения вооружили против него всех феодалов. Но каплей, переполнившей чашу, была его политика относительно Филиппа Добраго. Подкупив любимых советников герцога—де-Кроа, он за деньги выкупил Пикардию и присоединил ее к короне. Тогда граф Шароле прогнал любимцев отца, примирился с ним и взял правление в свои руки. Раздраженный действиями короля, Карл вступил в обширный заговор с другими принцами крови и феодалами. «Я так люблю Францию, что хочу наградить ее шестью королями», говорил он. И действительно, герцоги бретонский, бурбонский, орлеанский соединились с бургундским и привлекли крупных феодалов—Сен-Поля, Немура, Дамартена. Они объявили, что правление короля вредит интересам государства, свой союз называли «Лигой общественнаго блага» и выставили претендентом на престол 19-ти летняго брата короля, герцога беррийскаго, ничтожнаго юношу, которым распоряжались по своему желанию. Король, узнавши о заговоре, собрал совет вельмож, объяснял свои действия, уговаривал их не принимать участия в заговоре. «Если бы я роздал им (принцам) побольше пенсий, то они не подумали бы об общественном благе», говорил король. Но убеждения короля не подействовали: немногие остались ему верны, большинство стало на сторону принцев. Приходилось вести войну. У Людовика было готовое войско, он собрал свои compagnies d'ordonnance и, уверенный в поддержке со стороны городов, разсчитывая на верность столицы, открыл поход первый и завладел землями герцога бурбонскаго. В это время Карл Бургундский, с другими принцами, двинулся прямо к Парижу, на пути присоединяя отряды феодалов. Король должен был вернуться для защиты столицы, ибо с потерей Парижа для него было бы все потеряно. Произошло нерешительное сражение при Монлери. Каждая сторона приписывала себе победу; однако, король не был уверен в своих предводителях, и, хотя Париж остался ему верным, но Нормандия была отнята бретанцами. Тогда он, отчаявшись в успехе, заключил позорный для королевской власти мир. Он возвратил Пикардию и дал несколько городов в центре Франции бургундцам, своему брату уступил Нормандию на правах самостоятельнаго владения; за другими принцами были утверждены прежния их области. Феодалам были розданы высшия должности и пенсии: Сен-Поль, например, сделался коннетаблем, Немур—губернатором Парижа, Дамартену возвращены были его имения. Несмотря на такия уступки, в этом случае ясно высказалась слабость союза феодалов, отсутствие между ними солидарности: каждый хлопотал отдельно для себя, не требуя определенных прав или гарантий для всего сословия, не ограничивая самаго принципа королевской власти. Таким образом, во Франции не могло образоваться привилегированной, сомкнутой аристократии, как в Англии; но была еще опасность, что образуется несколько феодальных государств. Людовик чувствовал эту опасность—и изменил свою тактику. Не вступая в открытую борьбу, он, с одной стороны, возбуждал против Карла фландрские и валлонские города, обещая им поддержку против притеснений Карла; с другой стороны, ссорил между собой принцев и льстил постоянно бургундскому герцогу, между прочим обещая ему руку своей двухлетней дочери с областью Шампань, как приданым. Но в этой вероломной игре Людовик нередко сам запутывался и должен был играть унизительную роль. Особенно замечателен в этом отношении поступок короля с городом Люттихом и другими валлонскими городами. Люттих был в то время самым богатым и процветающим из городов по Маасу. Хотя бургундские герцоги считались верховными сеньёрами этого города, но управление городскими

делами находилось в руках городского совета, а суд—в руках епископа. Символом этой свободы служила бронзовая колонна, на главной площади города, так называемая Peron. В то время епископ, из фамилии Бурбонов, был сторонником Карла Бургундскаго. Во время Лиги общественнаго блага, люттихцы, побуждаемые агентами Людовика, объявили себя независимыми от епископа и Бургундии и перешли на сторону Франции. После Монлери—Людовик должен был отказаться от Люттиха, и Карл наказал город, лишив его права самоуправления и взявши огромную сумму денег. В это время король, воспользовавшись удалением Карла, отнял у своего брата Нормандию и этим нарушил прежний договор. Карл составил новый союз с феодалами и английским королем и не скрывал своего намерения лишить короля власти, возведя на престол его брата. Людовик тогда обратился в первый и единственный раз к народу. В 1468 году он созвал генеральные штаты в Туре. Несмотря на свои жалобы о тягости налогов, штаты высказались за короля против принцев, и, опираясь на это решение, Людовик созвал войска и начал готовиться к войне с Карлом, который в это время праздновал свою свадьбу с сестрою английскаго короля. Однако, эта война окончилась неожиданно. Многие приближенные короля были подкуплены Карлом и посоветовали миролюбивому и склонному к интриге королю устроить дело личным свиданием и переговорами. Людовик разсчитывал своею ловкостью опутать Карла и, вполне полагаясь на его рыцарскую честь, назначил местом свидания замок Перонну во владениях Карла, в Пикардии. Получивши согласие и письменное удостоверение в полной безопасности, Людовик с небольшою свитой отправляется в этот замок. Карл сначала принимает короля с почетом и вступает в переговоры; но вдруг к нему приходит известие о новом возмущении Люттиха, вызванном подстрекательством короля; ему говорят, что схвачены королевские агенты, что епископ города, его друг, убит мятежниками. Вне себя от гнева Карл приказывает отвести короля в башню, окружает его стражей и держит в тесном заключении, советуясь с приближенными, непримиримыми врагами короля об его судьбе. Некоторые предлагают отделаться от короля совсем—путем убийства. Но рыцарское чувство, а еще более боязнь возбудить мщение войска и общественную ненависть, заставили Карла отказаться от этой мысли. За то Карл решился вытребовать у короля самыя унизительныя условия освобождения. Король должен был под клятвою над священным крестом обещать вознаградить своего брата, отдавши ему Шампань, утвердить всех принцев в их владениях и сопровождать Карла в походе на Люттих, который должен был поплатиться за измену. И действительно, король Франции должен был участвовать при разрушении города, выставившаго на стенах своих французское знамя; должен был посылать свой отряд против людей, которые кричали: «да здравствует король Франции!» Так, лисицу перехитрил волк, и насмешливые парижане выучили попугаев и сорок кричать «Peronne», при проезде короля.

Погибель герцога бургундскаго

Это было, однако, последнее унижение. Осмеивая короля, общественное мнение обратилось все-таки в его пользу; все стали ненавидеть не только надменнаго и жестокаго, но и вероломнаго Карла. Людовик, перенося довольно хладнокровно насмешки, обратился к стране—в лице нотаблей, т. е. сословных представителей, и нашел опять поддержку против принцев,—даже помирился с братом, который вскоре после того умер и этим окончательно развязал королю руки, так как принцы лишились возможности выставлять претендента на престол. Напрасно Карл, заключивши союз с английским королем, еще раз грозил Фран-

ции вторжением англичан, обвиняя короля в убийстве брата: Людовик отвлек престарелаго и лениваго английскаго короля, Эдуарда IV, от союза—большой суммой денег, а с Карлом он повел опять-таки новую тактику. Он обещал не вмешиваться в его отношения к Германии и уступить ему Лотарингию. Это было новой и самою лестной приманкой для бургундскаго герцога, которая совершенно отвлекла его внимание от Франции и доставила королю возможность погубить своего врага. Победоносный герцог, унизивши французскаго короля, подчинивши Фландрию и Пикардию, обратил свою энергию на другую цель: он хотел захватить теперь те области, которыя пересекали его владения, именно захватить Лотарингию, Гельдерн, прирейнские города, Эльзас и получить титул короля из рук германскаго императора Фридриха III. Тут Карл поставил себя в безвыходное положение, создавши себе множество врагов. Он силою захватывал германские города и области, а в то же время торговался с императором, обещая за титул короля отдать руку своей дочери Максимилиану, сыну императора. Во время этих переговоров и личнаго свидания, Карл и бургундцы держали себя так надменно, что император ушел со своею свитой тайком, и ни свадьба, ни коронация не состоялись. Раздраженный Карл захватывает Эльзас и не скрывает своих намерений овладеть всем течением Рейна. Тогда образуется союз из рейнских владетелей и швейцарцев, поддерживаемый французским королем. Узнавши об этом союзе, герцог решается прежде всего отмстить швейцарцам; он предпринимает свой знаменитый поход, начало конца, несмотря на мирныя предложения горцев. Собравши армию в 40 тысяч с тяжелою артиллерией, с громоздким обозом, захватив все драгоценности, он двигается в суровыя, трудно проходимыя горы и, как слепой, идет к своей погибели. В узкой долине, при Грансоне, обойденный непобедимыми швейцарцами, он должен был бросить пушки, обоз, драгоценности и убежать с войском, объятый паническим страхом. Но это поражение еще более подстрекнуло его самолюбие и упорство. Он наполняет свои войска английскими и итальянскими наемниками, переливает колокола в пушки и двигается опять в Швейцарию. Здесь он осаждает маленький городок Муртен; но ополчение швейцарских кантонов является на выручку, и, несмотря на храброе сопротивление, он теряет большую часть войска и едва спасает свою жизнь. Это второе поражение совершенно роняет его авторитет: союзники его оставляют, его собственные подданные отказываются платить налоги и выставлять войска; Лотарингия, недавно им завоеванная, приглашает своего законнаго герцога, Рене, которому помогает Людовик. Узнавши о потере Лотарингии, Карл, не выжидая удобнаго времени, с несколькими тысячами наемников бросается осаждать Нанси, столицу этой области. Людовик подкупает главнаго начальника наемников, итальянскаго кондотьера Кампо-Бассо, которому Карл доверился, и помогает Рене организовать 20-ти тысячную армию, которая идет на выручку Нанси. Карл и не думает отступать перед превосходными силами: он вступает в неравный бой, который быстро кончается погромом его отряда, истощеннаго голодом и ослабленнаго изменой итальянских наемников. Сам Карл погиб, неизвестно, от чьей руки; его замерзший, обезображенный труп был найден в болоте, лица его нельзя было различить,—так оно было искажено ранами; его узнали только по некоторым приметам. «Вы нам доставили много горя и забот, Бог вас да простит, кузен», сказал молодой лотарингский герцог, смотря на искалеченный труп. Десять лет «бургундский лев» внушал своими предприятиями ужас и соседям, и подданным; но почва, на которой он действовал, была очень зыбкая, личный характер его и способ действий не соответствовали цели. Нельзя было создать государства из мелких разноплеменных владений, опираясь

только на рыцарство, без всякой национальной основы, действуя насилием, вымогательствами, уничтожая вольности и самое существование цветущих городов. Как же Людовик отнесся к гибели своего врага? Благодаря учреждение королем постоянной почты, он весьма скоро узнал о катастрофе бургундскаго герцога. Не скрывая своей радости, он богато одарил гонца, привезшаго ему эту весть, пригласил всех вельмож к себе на обед и с таким торжеством разсказывал о смерти Карла, что, как говорит Коммин, ни один из них не мог съесть и половины своего обеда. Действительно, радость Людовика была горем феодалов, потерявших в герцоге главную опору. Но как воспользовался король наследством герцога? Тут ему представлялось два пути—или мирно склонить бургундския провинции и Нидерланды к подчинению французской короне, или силою захватить эти области. Король предпочитал первый путь; но не оставил и второго, а кроме того, действовал часто интригой. Он не мог достигнуть цели вполне. Правда, ему удалось завладеть Пикардией и Бургундией, так как по праву apanage они не переходили по женской линии (у Карла была одна дочь, Мария) и должны были возвратиться к королю. Но Нидерланды Людовик не мог приобресть таким путем. Он хотел, взявши под опеку дочь своего погибшаго вассала, путем брака ея с дофином присоединить к Франции и эти владения. Но такому плану помешала и разница лет (дофин был ребенок, а Марии было 18 лет) и собственныя интриги короля, который в одно и то же время вел переговоры и с принцессой, и с подчиненными ей городами, сманивая последние прямо перейти под его власть. Интриги эти были открыты, и разсерженная Мария вступила в брак с Максимилианом, будущим германским императором. Нидерланды, таким образом, были потеряны для Франции и перешли к Габсбургам, хотя впоследствии Людовику удалось таки заключить брачный союз дофина с дочерью Марии Маргаритой и он мог разсчитывать на присоединение к Франции провинции Артуа, как приданаго.

Какая же судьба постигла других принцев крови, которые почти всегда были в союзе с бургундским герцогом? Из всех этих владений одна Бретань осталась независимою; остальныя же различными средствами были или присоединены, или привязаны к интересам короны. Владения Анжу король присоединил, как выморочныя. Бурбоны были привязаны посредством брака, так как Людовик выдал свою старшую дочь Анну за наследника бурбонскаго дома—Боже; орлеанский принц, воспитанный королем, 12-ти лет должен был жениться на другой дочери короля, 9-ти летней Жанне. Кроме того, Людовик овладел Савойею, Провансом, большею частью, как выморочными уделами: смерть, вообще, много помогала его планам.

Борьба с феодалами

Уничтожив уделы или лишив их прежняго значения, Людовик, конечно, не оставил в покое и феодалов, неродственных королевскому дому, которые считали себя почти независимыми и вредили спокойствию Франции, особенно в эпоху Столетней войны. Из таких феодалов самыми опасными были Сен-Поль—на севере Франции и на юге ея—Арманьяки. Сен-Поль был родственником многих королевских особ; он изменой достиг звания коннетабля Франции. По своему личному положению и по положению своих владений, он играл большую роль в постоянной распре между королем и герцогом и показал себя ловким интриганом. Притворяясь другом короля и Карла в одно и то же время, он хотел добиться полной самостоятельности и вступил в сношения даже с Англией. Людовик, имея всюду

шпионов, давно знал об измене Сен-Поля, но не мог захватить коннетабля, пока на это не согласился Карл. Удобный момент представился тогда, когда Карл, поддерживавший Сен-Поля по родству и из расчета, был занят завоеванием Лотарингии и нуждался в короле, желая, чтобы тот не мешал ему. Людовик грозил войною, если Карл не выдаст ему Сен-Поля. Несмотря на свои рыцарския претензии, Карл пожертвовал своим родственником, и коннетабль, после торжественнаго парламентскаго процесса, был казнен.—Арманьяки, могущественные феодалы южной Франции, принесли ей страшный вред своими грабежами, так что их имя оставило печальную память в истории, особенно их неистовства в Париже при Карле VI. При Людовике XI фамилия их разделилась; но они не оставили своих традиционных обычаев и все относились враждебно к королю. Людовику удалось совершенно уничтожить этих мятежных баронов, и все имения их были конфискованы. Наиболее могущественный и опасный, герцог немурский, был захвачен только после смерти Карла; он был заключен в железную клетку, вытерпел жестокую пытку («il faut le gepenner bien etroit, le faire parler clair», писал Людовик своему палачу, знаменитому Тристану Пустыннику) и под конец публично казнен. Такому же заключению в клетке, площадь которой равнялась человеческому росту, подвергся и сам изобретатель ея, кардинал Балю, безсовестный интриган, возвышенный Людовиком и всем ему обязанный, но изменивший королю и присоветовавший известное свидание в Перонне. Людовик, несмотря на протест папы и высокое звание кардинала, держал Балю в клетке 10 лет и освободил его только во время своей предсмертной болезни.

Таким образом Людовик торжествовал над своими врагами. Но отношение его к окружающим становилось все тяжелее, его характер и настроение духа делались мрачнее и суровее. Гибель многих современных государей, умерших насильственною смертью, заговоры в Италии, особенно заговор Пацци в 1478 году, частыя измены приближенных (Балю, Сен-Поль, Дамартен)—все это болезненно отражалось в его безпокойном уме, и он стал крайне подозрителен и изысканно жесток. В роскошной долине Луары, в этом саду Франции, он укрепил мрачный замок Плесси ле-Тур и избрал его своим постоянным местопребыванием. Людовик окружил его глубокими рвами, засадами и другими препятствиями. Никто не смел без позволения подходить к замку: за этим наблюдало 40 наемных стрелков, расположенных в четырех угловых башнях и обязанных стрелять при малейшей тревоге. Кругом замка постоянно можно было видеть висевшие на деревьях трупы ослушников королевских повелений, казнью которых занимался доверенный палач короля Тристан. Король, запиравший своих врагов в клетку, под конец жизни сам заключил себя в такую же клетку: он постоянно почти находился в узкой галлерее за железными решетками и изредка дозволял себе охотиться по мрачным залам замка за крысами, так как охота была единственным любимым его развлечением. Немногие приближенные оставались при нем; слуг он постоянно менял. Самым близким лицом к нему был его цирюльник, Оливье Лань, хитрый льстец, которому король вполне доверял. При короле находился и умный Коммин, его историограф, который прежде служил бургундскому герцогу, но, убедившись в превосходстве короля, добровольно перешел в 1472 году к нему и нередко помогал королю своими советами. Людовик не допускал к себе и родственников: дофина он воспитывал в Амбуазе, и только иногда допускалась его любимая дочь Анна со своим мужем Боже. В 1481 году короля внезапно поразил удар апоплексии: он лишился языка и не мог понимать окружающих, но показы-

вал вид, что понимает все и можете заниматься делами. Через несколько дней умственныя силы к нему возвратились, но физическое существование его сделалось невыносимым. Несмотря на то, что ему было только 60 лет, он едва двигался, не владел правою рукою и исхудал, как скелет: это была ходячая смерть. Но умирать этой деятельной натуре было не под силу: ему хотелось жить и уверить других, что он жив. Он нарочно интересовался мелочами, делал различныя ненужныя покупки, собирался путешествовать, великолепно одевался, устраивал торжественные приемы послов. Его медик, некто Коактье, сделался его тираном: почти каждый день он требовал у короля денег или почестей, грозя, в противном случае, оставить его без помощи. Прежде суеверный и набожный, может быть, в видах популярности, теперь Людовик довел эту склонность до крайности: держал при себе множество мощей, выписанных даже из отдаленных стран; окружил себя образами и изваяниями святых, выписывал из Италии благочестивых монахов, желая получить от них исцеление; посылал богатейшие дары в особенно чтимые монастыри. Наконец, он выпросил у папы позволение еще раз принять помазание миром из святой чаши (ampoule), думая этим продлить свои дни. Однако, прежде, чем он это исполнил, его поразил второй удар паралича. Тогда врач и Оливье прямо и резко сказали ему, чтоб он готовился к смерти. Несмотря на крайне болезненное состояние, здравый смысл и политически ум короля сказались в эти последния, тяжелыя минуты. «Он был счастливее других государей», говорит Коммин, «ибо умер, в полной памяти и сделавши все приготовления, хотя при жизни из 20-ти дней едва ли и один имел счастливый». Людовик призвал сына, дал ему руководство, сущность котораго формулировалась словами: «qui nescit dissimulare, nescit regnare», завещал не начинать войны до совершеннолетия дофина, не переменять назначенных им советников и отношений к другим государям.

Результаты деятельности Людовика XI

Так умер в 1483 году Людовик, первый политик своего времени и типичный представитель века; король, в котором практический ум и глубокое знание людей соединялись с нерешительностью воли и неразборчивостью в выборе средств, циническое равнодушие к нравственности—с лицемерною набожностью и искреннею боязнью смерти. Он своею жизнью, без сомнения, дал материал для создания того типа государя, который является у почти современнаго великаго мыслителя Макиавелли. Коммин так оценивает заслуги Людовика: «Он был выше других государей, потому что имел больше качеств правителя, чем они»—и в другом месте: «Правда, он угнетал своих подданных, но не позволял угнетать их никому другому, ни своему, ни иностранцу»[1]. Огюстен Тьери говорит: «Людовик не был тираном-эгоистом, но безжалостным реформатором»[2]. Хотя нельзя вполне согласиться с этим взглядом, но действительно, идея государственной пользы была для его современников, а, может быть, и для него самого высшим нравственным оправданием часто жестоких и низких поступков. Главными результатами его царствования надо считать окончательное укрепление монархической власти, исчезновение уделов, определение границы государственной территории.

Если мы обратимся к внутренней, законодательной деятельности Людовика, то не увидим здесь тех глубоких задач, того правильнаго плана, каким отличалась его внешняя по-

1 Comm., изд. Chantelauze, стр. 473, 485.

2 Essais sur l'histoire du tiers etat, стр. 65.

литика. Экономическия меры короля были безсистемны и отличались насилием и захватами. Он увеличил прямую подать втрое и довел ее до 4,700,000 ливров. Коммин говорит, что в конце царствования «государство стало громадным по пространству, но крайне истощенным (maigre), особенно от разбоев наемных отрядов», которыми Людовик из боязни заменил прежния compagnies d'ordonnance. Он выдвигал вперед два сословия: судейское и буржуазию и опирался главным образом на них. Но и в этом отношении он не сделал никаких существенных изменений. Правда, он объявил судей несменяемыми, но часто нарушал свое собственное распоряжение, продавая судейския должности. Правда, он дал много привилегий отдельным городам и горожанам; заботился о развитии промышленности и торговли, учредил ярмарки; но никаких общих нововведений, никаких особых прав городам он не дал и не задумывался деспотически уничтожать свободныя городския общины, например, Аррас. Коммин говорит, что он хотел учредить для всего государства одну общую меру, один вес, издать однообразный сборник законов. Но он не успел этого привести в исполнение. Дворянство, против преимуществ котораго была направлена вся деятельность Людовика, он лишил берегового права; но не мог ограничить даже права охоты. Генеральные штаты он созвал, как мы знаем, только один раз, в виду крайней необходимости. Он основал новые парламенты в Бордо и Гренобле, но не давал им никакой самостоятельности. Парижский университет, игравший такую роль в эпоху Столетней войны, король не любил, как и вообще схоластиков: известен его указ, которым он запрещал одной схоластической партии —номиналистам преподавание и пропаганду их учения. Кардинала Вессариона, знаменитаго ученаго грека, присланнаго папою, говорят, Людовик встретил крайне презрительно и насмешливо, сказавши ему:

Barbari Graece genus retinent quod habere solebant,

т. е., что Франция не нуждается в греках. Но, понимая дух времени, он не мешал развитию наук,—даже распространял практическая знания; например, при нем утвердилось во Франции занятие хирургиею. Изобретение книгопечатания заставило его основать много типографий и поддерживать их, что способствовало распространению итальянскаго гуманизма. Во всяком случае, внутреннее управление, хотя оно по своим результатам и крайнему произволу не соответствовало внешнему, но отличалось такою же кипучею энергией, и огромные налоги, взимаемые королем путем вымогательства, разорившие почти страну, шли все-таки на государственныя потребности, истинныя или мнимыя, а не на особу короля и содержание двора. Людовик единственным своим ремеслом считал управление государством, единственными нужными расходами—расходы для расширения пределов Франции, так что после его смерти, несмотря на жалобы, на обвинения в жестокости, в растратах, генеральные штаты 1484 года, может быть, невольно выразили покойному королю благодарность, смело утверждая, что с его времени regnum dignitas est, non hereditas.

М. Владиславлев.

LVI. Арабы в Испании

Влияние мусульманскаго завоевания на Испанию

Завоевание Пиренейскаго полуострова в VIII веке и утверждение мусульманскаго владычества на юго-западе Европы на целыя столетия является, несомненно, одним из наиболее крупных фактов средневековой истории: это событие обусловило перенесение на европейскую почву арабской цивилизации и повлекло за собою вековую религиозную борьбу между туземным христианским населением и магометанами-пришельцами,—борьбу, имевшую такое решительное влияние на весь склад національнаго характера испанцев: отсюда объясняются черты религиознаго рвения, доходящаго до мрачнаго фанатизма, и одушевление рыцарскими идеалами, благодаря которым средневековая Испания представляется взору историка народом, состоящим из монахов и рыцарей. Как Филипп II, Торквемада и Лойола выросли на почве испанскаго католицизма, не знающаго никаких уступок и сделок, так и безсмертный Дон-Кихот, запоздалый рыцарь без страха и упрека, истинно национальный герой, представитель целой стороны в развитии своего народа. Одностороннее увлечение идеями аскетизма и рыцарства явилось результатом вековой борьбы во имя веры, при чем вера и народность отождествлялись: оно наложило свою печать на всю последующую историю страны почти до новейших времен. Вторжение арабов в 711 г. и последовавшее затем быстрое крушение королевства вестготов с перваго взгляда является событием случайным, неожиданным и поражает тою легкостью, с которою совершилось, поражает изследователей не менее, вероятно, чем самих завоевателей, полководцев халифа Валида, думавших на первых порах ограничиться одним грабежом и военными разведками. Но случайными могут быть только ближайшие, внешние поводы к историческим событиям, причины же основныя, внутренния, влекущия за собою те или другия последствия, всегда кроются глубже, чем доступно первому взгляду, и всегда имеются на-лицо. Так и в данном событии: случайным является то обстоятельство, что последний король испанских вестготов Родриго нанес кровную обиду и безчестие Юлиану, наместнику города Сеуты (на африканской стороне Гибралтарскаго пролива), города, причислявшагося к Византийской

Пособия: *Dozy*, Histoire des musulmans en Espagne.

империи, но поддерживавшаго тесныя связи с соседнею Испанией, особенно в виду опасности со стороны грознаго халифата, уже захватившего всю северную Африку вплоть до океана. Известно, что именно жажда мщения побудила оскорбленнаго Юлиана вступить в сношения с африканским наместником халифа, Муса-ибн-Носайром, и соблазнить его возможностью легкаго и выгоднаго завоевания Испании. Случайно, пожалуй, и то, что Родриго был узурпатором престола, свергшим своего предшественника, и потому имел опасных врагов в собственном лагере в лице братьев и сыновей прежняго короля, которые в минуту решительной битвы, 19 июля 711 г., умышленно обратили тыл перед неприятелем и тем облегчили ему победу. Случайно, наконец, и то, что Родриго пал или, по крайней мере, исчез безследно в сражении, вследствие чего страна оказалась без главы в то время, когда всего более в нем нуждалась: это в свою очередь ускорило распадение королевства. Но помимо этих случайностей, были и более глубокия причины, по которыми обширное государство явилось настолько слабым, что двенадцатитысячнаго войска врагов оказалось достаточно для его сокрушения.

Королевство вестготов

Подобно большинству германских государства, возникших на развалинах Западной Римской империи, королевство вестготов носило в себе зародыш быстраго разложения. Оно сохранило в своем общественном строе все язвы римской эпохи,—сосредоточение земельной собственности в немногих руках, прикрепление к земле горожан, обязанных нести повинности по городскому управлению в качестве куриалов, членов городского совета,—такое же закрепощение земледельцев, обязанных обрабатывать поля и уплачивать известный оброк в пользу землевладельца,—закрепощение, известное в римском праве под именем колоната,—наконец, крепостничество в громадных размерах, причем крепостные (servi) считались полною собственностью своих господ наравне с домашним скотом и, по германскому обычаю, должны были отправлять определенныя службы, переходившия по наследству от отца-раба к его детям, в виде, например, обработки земли, рыбной ловли, пастьбы стад, плотничьяго, кузнечнаго ремесла и т. п.

К этим внутренним недугам еще присоединялись религиозныя преследования, жертвою которых в VII веке были евреи, настолько многочисленные в Испании, что, по некоторым известиям, более 90,000 из них обратилось к христианству, разумеется, неискренно, из страха пред гонением,—и эта крупная цифра представляла еще меньшинство иудейскаго населения страны. Понятно, что самыя суровыя меры, направленныя к насильственному обращению евреев в христианство,—лишение имущества и свободы, отобрание детей для воспитания в христианском духе, телесныя наказания и изгнание,—не могли привести к желаемому результату; по всей вероятности даже, подобные указы, исходившие от вестготских королей и от соборов вестготских епископов, не могли приводиться в исполнение во всей точности; тем не менее эти жестокия гонения обостряли вековую вражду, озлобляли значительную массу населения и без нужды увеличивали и без того черезчур большое число недовольных существующим порядком, даже доводя гонимых до попыток открытаго восстания. Неудача таких попыток, во-время предупрежденных, вела за собою только еще большее ухудшение участи евреев в вестготском королевстве.

Итак, обедневшие, разоренные горожане, рабы, евреи,—все это были непримиримые враги угнетавшаго их государства, и, конечно, не на эту массу населения последнее могло

разсчитывать в борьбе против иноземнаго вторжения. Кто же мог послужить опорою для этого, так быстро износившагося, государственнаго организма? Немногочисленный сравнительно класс привилегированных аристократов-землевладельцев, уже успевших утратить свой прежний воинственный дух и привыкнуть к бездеятельной, изнеженной жизни на счет труда колонов и крепостных; эти землевладельцы обязывались в случае войны выставлять известное количество своих крепостных в ряды войска, и характерно то, что вестготским королям приходилось уже жаловаться на малочисленность выводимых в поле отрядов и требовать путем указов вывода определенных контингентов, известной части всего количества слуг, каким располагали собственники.

Численность войска могла таким образом быть повышена, но его боевыя качества мало от того выигрывали: число рабов в войске далеко превосходило число свободных людей, и таким образом защита государства вверялась именно тем, на чью верность и преданность это государство всего менее могло положиться.

Завоевание арабов

Таковы были причины, обусловившия торжество арабов в Испании. Несмотря, однако, на внутреннюю несостоятельность вестготскаго королевства, экспедиция чрез море, попытка завладеть целым обширным государством представлялась со стороны рискованным предприятием, и завоеватели проявили значительную осторожность и постепенность в своем образе действий: очевидно, внутренния язвы, разъедавшия Испанию, не бросались прямо в глаза постороннему наблюдателю. Подстрекаемый оскорбленным Юлианом, Муса, наместник халифа Валида, сперва испросил полномочий у своего повелителя, который приказал ему ограничиться пока одною военною рекогносцировкой при помощи легких войск, не подвергая целой армии опасности заморскаго похода. В исполнение этого приказа Муса отрядил одного из подчиненных ему полководцев, Абу-Зора-Тарифа, всего с 400 воинами и 100 лошадьми по ту сторону пролива; переправившись на четырех судах, доставленных Юлианом, это небольшое войско высадилось в Испании в 710 г. и, пограбив окрестности Альгезираса, вернулось в Африку. За первым шагом последовал второй в следующем 711 г. Пользуясь отсутствием короля Родриго, занятаго на севере полуострова усмирением возстания басков, Муса послал в Испанию начальника своих передовых полков, Тарика-ибн-Зияда, уже с 7000-м войском.

Соединив свои войска на высотах, с тех пор носящих имя арабскаго полководца (Гибралтар: Джебель-аль-Тарик, скала Тарика), Тарик отрядил часть своих сил для взятия близ лежащаго города Картейа, овладев которым, двинулся дальше вглубь страны и тут узнал о приближении короля Родриго во главе большого войска. Отступление было трудно, так как Тарик имел всего четыре корабля, на которых перевез свои полки из Африки в несколько приемов; поэтому он обратился к Мусе с просьбою о подкреплении; последний исполнил его желание, и таким образом войско возросло до 12,000. В сравнении с армиею Родриго это было немного, но победа была одержана, несмотря на личное мужество короля и твердость, с какою держался некоторое время предводимый им лично центр его войска; мы уже указали выше на обстоятельства, облегчившия победу магометан, между прочим— на измену личных врагов Родриго во время боя. Поражение и исчезновение короля повели за собою общую анархию: крепостные не хотели сражаться за своих господ, евреи поднялись повсеместно и стали на сторону завоевателей, и королевство, с самаго начала стоявшее

на глиняных ногах, рухнуло сразу от перваго сильнаго толчка. Пользуясь благоприятными условиями, Тарик пошел дальше вопреки приказу Мусы и, одержав еще вторую победу, начал без труда забирать крупные города полуострова один за другим—Кордову, Толедо, столицу вестготских королей, где евреи своим переходом предали город с его христианским населением во власть арабов. Среди охватившей всех паники высшее духовенство и вестготские патриции искали спасения в бегстве или в заключении по возможности выгодных договоров с победителями. Немногие города пришлось брать силою; дольше других держалась крепкая, многолюдная Севилья: потребовалась осада в течение нескольких месяцев для принуждения ея к сдаче. Сам Муса лично прибыл в Испанию летом 712 г. во главе 18,000 арабов, для окончательнаго завоевания страны, которое и совершилось в скором времени без большого труда: весь Пиренейский полуостров стал добычею халифата, за исключением некоторых северных областей.

Несмотря на такой блестящий, неожиданный исход предприятия, Муса был недоволен Тариком, вероятно, из зависти к своему подчиненному, на долю котораго выпали главная слава и главная добыча: когда при встрече Тарик почтительно преклонился пред своим начальником, разгневанный Муса несколько раз ударил его бичем и сделал ему строгий выговор за ослушание, т. е. за поход внутрь Испании, когда ему велено было вернуться в Африку.

Так совершилось завоевание. Из Испании поклонники пророка успели проникнуть в южную Галлию, и только мечу франков на полях между Туром и Пуатье в 732 г. удалось положить предел дальнейшему распространению арабскаго владычества. Немного спустя, в 755 г., когда Аббасиды восторжествовали над Омайядами, единственный уцелевший представитель павшей династии, Абдеррахман, нашел себе убежище в Испании и положил основание самостоятельному Кордовскому халифату; от него начинается длинный, непрерывный ряд испанских Омайядов.

Последствия завоевания

Посмотрим теперь на последствия завоевания, на положение страны под властью новых господ и на взаимныя отношения различных частей смешаннаго населения. В материальном отношении завоевание не было слишком большим несчастием для покоренных. Правда, в начале господствовала безурядица, как и в эпоху вторжения германских племен,—грабежи, убийства, сожжение и разорение городов; но эти безпорядки и жестокости скоро были подавлены правительством, и по возстановлении спокойствия оказалось, что материальное положение жителей скорее улучшилось, и что арабское господство по малой мере столь же сносно, как было вестготское. Завоеватели предоставили завоеванным судиться по их законам у их собственных судей, ставили туземцев наместниками и правителями, возлагая на них обязанность взимания податей и наблюдения за порядком. Земли в областях, покоренных оружием, равно как и принадлежавшия церкви или крупным землевладельцам, спасшимся бегством, подверглись разделу между завоевателями, при чем крепостные, сидевшие на этих землях, остались там попрежнему, как люди, более знакомые с условиями и приемами местнаго земледелия, тем более, что это занятие гордые завоеватели считали для себя лично унизительным. Итак, крепостные, как и прежде, должны были обрабатывать поля и выплачивать своим новым господам-иноверцам $^{4}/_{5}$ жатвы и прочих земледельческих произведений; жившие на землях самого государства (таких было много, потому что

государственныя имущества включали в себе пятую часть захваченных земель) уплачивали только $^1/_3$ своего урожая, при чем первоначально эта подать шла прямо в казну, а потом в руки военных владельцев, наделенных участками или уделами, которые были отмежеваны из части государственных земель. Что касается до свободнаго, городского христианскаго населения, его положение определялось договорами, какие отдельным общинам удалось заключить с победителями, и некоторые из этих договоров были очень выгодны. Так, жители Мериды, находившиеся в городе при его сдаче, сохранили все свое достояние, уступив только церковныя имущества и украшения. Христиане провинции, заключавшей в себе, между прочими городами, Лорку, Мулу, Оригуэлу и Аликанте, не лишились из своего имущества ничего, обязавшись только заплатить дань, частью деньгами, частью натурою, в силу договора, заключеннаго правителем этой провинции, Теодергиром, с Абдал-Азизом, сыном Мусы. Вообще христиане сохранили в своих руках большую часть своих имуществ, получив при том право отчуждать их, право, котораго не имели владельцы в эпоху вестготов. За то они были обложены в пользу государства поголовною податью в размере 48 диргем для богатых, 24 диргем для людей средняго достатка и 12 диргем для живших трудом своих рук; эта подать уплачивалась по частям, в двенадцать приемов, к концу каждаго лунаго месяца; от нея освобождались женщины, дети, монахи, калеки, слепые, больные, нищие и рабы. Кроме того, собственники должны были платить еще в казну так называемый *харадж*, налог на продукты, видоизменявшийся сообразно со свойствами почвы различных местностей, но обыкновенно взимавшийся в размере 20 со 100. *Харадж* платили одинаково собственники мусульмане и христиане, тогда как поголовная подать существовала только для последних и принятие исламизма освобождало от нея: важная привилегия, предоставленная господствующей религии. Что касается собственно до области веры, то арабы вообще отличались своею терпимостью и не только не принуждали никого к принятию магометанства, но даже кордовские государи неохотно смотрели на добровольные переходы христиан в их веру, именно потому, что казна много теряла, от таких обращений, и вообще арабское правительство лишь в исключительных случаях обнаруживало избыток религиознаго усердия. В силу этого христианское население на первых порах не было недовольно своим положением, так что в течение всего VIII в. хроники упоминают только об одном случае возмущения.

Даже представители церкви, более других имевшие причин к недовольству, не особенно его выказывали: так, автор хроники, писанной в 754 г. в Кордове, член клира, хотя и называет господство арабов *efferum imperium*, относится к ним сравнительно благосклонно; оплакивая бедствия своей родины, он в ея завоевателях ненавидит скорее людей чуждаго племени, чем иноверцев, и спокойно, без негодования сообщает, например, о браке вдовы короля Родриго с Абдал-Азизом, сыном Мусы, как о деле обыкновенном,—отношение, немыслимое у церковнаго писателя другой эпохи. Можно даже сказать, что в некоторых отношениях арабское завоевание было благом для Испании: оно произвело важный переворот в отношениях общественных классов и устранило значительную часть зол, от которых страна страдала в течение целаго ряда веков. Именно, с одной стороны, раздел захваченных земель между очень большим числом лиц раздробил крупную собственность на более мелкие куски; это было одною из причин цветущаго состояния земледелия в Испании в эпоху арабов и, вместе с тем, уменьшило, почти уничтожило могущество привилегированных сословий,

духовной и светской аристократии. С другой стороны, завоевание улучшило положение несвободнаго населения. Магометанская мораль благоприятствовала освобождению рабов в большей степени, нежели воззрения епископов вестготскаго королевства, приводивших в оправдание рабства цитаты из Аристотеля и Цицерона (Исидор Севильский). Магомет дал рабам разрешение выкупаться на волю; освобождение раба считалось добрым делом, способным искупить несколько грехов. Поэтому рабство у арабов не было ни тяжко, ни продолжительно: часто раб отпускался на свободу после нескольких лет рабства, особенно, если он становился мусульманином. Также улучшилось положение колонов: они до известной степени стали в положение фермеров и пользовались некоторою независимостью, тем более, что их господа сами не входили в их земледельческия занятия.

Для рабов и крепостных, поселенных на землях христианских владельцев, теперь явилось очень легкое средство к приобретению свободы: для этого им стоило только перебежать на землю мусульманина и произнести слова: «Нет Бога, кроме Бога, и Магомет пророк Его!» С этого момента они уже считались правоверными и «освобожденными Аллаха», по выражению пророка,—второе важное преимущество для последователей государственной религии. Таким путем множество рабов приобрело свободу, и легкость, с какою эти люди изменяли своей вере, поражает только при поверхностном наблюдении. Дело в том, что, несмотря на неограниченныя полномочия, какими было снабжено духовенство в королевстве вестготов, христианство не успело еще пустить особенно глубоких корней в Испании: страна была почти сплошь языческою в эпоху Константина Великаго и так долго оставалась верна старыми верованиям, что даже в эпоху арабскаго завоевания христианство и язычество еще оспаривали почву друг у друга, и епископы еще были вынуждены принимать строгия меры против почитания ложных богов[1].

Вообще христианство было воспринято более внешним образом: потомки римлян сохранили долю религиознаго скептицизма и индифферентизма своих предков; готы были также в значительной степени равнодушны к вопросам религии, чем объясняется легкий переход их от арианства к католицизму, как только был подан к тому пример сверху королем Рекаредом. Епископы, занятые догматическими тонкостями и делами государственными, преследованием евреев и еретиков, не имели ни досуга, ни охоты учить невежественную массу основным началам веры, довольствуясь одним внешним исполнением обрядов. Не удивительно поэтому, что многие из народа оставались еще язычниками, по крайней мере в душе; не удивительно и то, что эти люди, одинаково мало имевшие понятия о христианстве и мусульманстве, теперь не могли устоять против искушения купить себе свободу ценою перехода из одной веры в другую, в сущности не принадлежа ни к одной. Одно только для них было ясно и понятно: возможность улучшить свое тяжелое положение. Но не одни невежественные поселяне или рабы оказывались отступниками: так поступали даже многие люди из высших сословий, отчасти желая избавиться от поголовной подати или сохранить свое состояние, когда арабы с течением времени стали нарушать первоначальные договоры, отчасти, быть может, и по убеждению.

Церковь под владычеством арабов

Таковы были выгодныя для населения последствия арабскаго вторжения. Но завоева-

1 Об этом говорится еще в постановлениях 16-го Толедскаго собора, в 693 г. В конце VI в. Мазон, епископ Меридский, обратил в христианство многих язычников.

ние представляет также и последствия противоположнаго свойства, тяжелыя и унизительныя, отразившаяся главным образом на положении христианской церкви и ея служителей. Самая вера, как мы видели, не подвергалась гонению, но церковь была не свободна, напротив, подвержена тяжкому и постыдному рабству. Право созвания церковных соборов, равно назначения и смещения епископов, перешло по преемству от вестготских королей к арабским султанам (как на севере к королям Астурии), и это право в руках врагов христианства сделалось для церкви источником зол и оскорблений. Если находились епископы, не желавшие присутствовать на соборах, султаны заставляли заседать на их местах мусульман или евреев; они продавали епископское достоинство тому, кто больше за него давал, так что христианам нередко приходилось вверять свои наиболее дорогие и священные интересы людям продажным, развратным, еретикам, даже прямо неверующим, искавшим только обогащения и желавшим только выслужиться пред иноверным правительством. С другой стороны, арабы, соблюдавшие заключенные договоры в первое время, когда их господство в стране представлялось еще шатким, впоследствии, почувствовав более твердую почву под ногами, стали действовать более безцеремонно, позволять себе захваты, что пришлось испытать христианам между прочим в самой Кордове,—где они по договору удержали за собою соборную церковь св. Викентия, тогда как все прочия церкви были разрушены. Спустя некоторое время, когда вследствие прироста мусульманского населения кордовския мечети оказались тесными, христиане принуждены были уступить половину своего собора под мечеть, как это практиковалось в Дамаске и других городах халифата. Но нарушение договора было затем проведено и далее: в 784 г. Абдеррахман I потребовал, чтобы христиане продали ему и остальную половину собора; те упорно отказывались войти в предлагаемую сделку, представляя, что в таком случае у них не останется ни одной церкви для богослужения. Абдеррахман однако настоял на своем, и христиане уступили ему свой собор за 100,000 динариев, получив взамен разрешение вновь выстроить разрушенныя церкви. Здесь дело обошлось еще довольно полюбовно, но не всегда бывало так: тот же султан отобрал вопреки договору земли у Ардабаста, одного из сыновей предпоследняго короля вестготов, единственно на том основании, что нашел его владения слишком обширными для христианина. Другие договоры также видоизменялись по произволу, так что к IX в. от первоначальнаго порядка вещей осталось мало следов. Также с течением времени христиане неоднократно облагались множеством чрезвычайных поборов, настолько тяжелых, что во многих городах христианское население обеднело и разорилось, как, например, в Кордове, где однажды христиане были обложены сбором в размере 100,000 динариев. Такое обременение участи «неверных» должно было, по толкованию фанатичных магометанских богословов, доказывать ревность к своей вере. Вообще в Испании, как и в других странах, завоеванных арабами, их господство из мягкаго и гуманнаго постепенно выродилось в несносный деспотизм, и уже с IX века испанские повелители следовали правилу халифа Омара: «мы должны *пожирать* христиан, и наши потомки—их потомков, пока будет существовать ислам». От времени до времени издавались приказания, глубоко оскорблявшия религиозныя чувства христиан, например, приказ об обязательности для них обрезания наравне с мусульманами. Правда, в то же время многие из кордовских христиан служили в армии султана или занимали доходныя места при дворе: не изменяя своей вере, они тем не менее подвергались сильному влиянию арабской культуры в ея светлых и темных сторонах, подражали своим повелителям иногда даже в многоженстве, открыто устраивая гаремы; люди,

более образованные и одаренные изящным вкусом, не могли не увлекаться блеском богатой и разносторонней литературы арабов, говорили и сами писали на языке своих завоевателей —иногда лучше их самих, относясь с высокомерным презрением к средневековой латыни, литературному языку тогдашняго христианства, и к самым произведениям христианской письменности, предпочитая чтение арабских поэм и романов даже ближайшему изучению Священнаго Писания. Такие люди, близко стоявшие к самому центру арабской цивилизации и сами ставшие арабами на половину, если не более, конечно, не очень тяготились иноземным и иноверным владычеством. Но не во всех угасли чувство национальнаго достоинства и приверженность к вере своих отцов; не все одинаково равнодушно сносили чуждое иго, особенно когда оно давало себя чувствовать, как мы видели, иногда весьма осязательно. В особенности тяжко было, как уже замечено выше, положение христианскаго духовенства: если образованность и политический расчет не дозволяли мусульманам более или менее высокопоставленным прямо и умышленно глумиться над христианскою религией, то мусульманская чернь нередко давала волю своей нетерпимости, и жертвою подобных выходок чаще всего делались священники, при появлении которых на улице раздавались ругательства и насмешки: на них указывали пальцем, как на сумасшедших, бросали камнями и грязью при проходе погребальных шествий, обзывали лжецами, обманщиками, хулили христианскую религию, призывали проклятия Аллаха на неверных, вообще всячески выказывали им презрения и омерзение. Можно себе представить, что должны были чувствовать служители церкви, принужденные молча переносить подобныя оскорбления и еще помнившие то время, когда христианство было господствующею религией в стране и духовенство пользовалось обширною властью и окружалось уважением! Чтобы возможно реже подвергаться оскорблениям, оставалось одно средство: показываться на улице только в случае крайней необходимости, сидеть взаперти дома или искать убежища за стенами монастыря; приходилось вести жизнь по преимуществу созерцательную, таить в себе жажду мщения, развивать религиозную экзальтацию и на время отказаться от активной деятельности. Такое положение вещей не могло продолжаться долго: накипевшия на душе чувства должны были рано или поздно вырваться наружу и вырвались действительно; но еще прежде, чем дело дошло до открытых возстаний, до борьбы за веру с оружием в руках, экзальтированные, нафанатизированные умы изобрели другой вид протеста против угнетателей: это было добровольное мученичество за веру; люди, наиболее энергичные и пылкие стали прямо навязываться на истязания и смерть ради мученическаго венца за гробом: для этого нужно было только открыто похулить Магомета, назвать его обманщиком, лжепророком, за что мусульманский закон назначал смертную казнь. Раз был подан пример подобнаго мученичества, подражатели нашлись в таком количестве, что само правительство пришло в недоумение и нашло себя вынужденным обратиться к авторитету церковнаго собора для обуздания распаленных фанатиков. Представителями и умственными вождями этой части своего народа были две замечательныя по силе характера и убежденности личности, священник и подвижник Евлогий и его друг Альваро, богатый человек знатнаго происхождения, не попавший в ряды клира, но всею душой преданный интересам церкви.

Следует заметить, что причины ненависти духовенства и вообще наиболее ревностных христиан к мусульманами заключались не в одних только оскорблениях и притеснениях, какия приходилось претерпевать, но также в тех крайне извращенных представлениях о

личности Магомета и его учении, какия Евлогий, Альваро и их единомышленники, жившие среди арабов, черпали, однако, не из самаго источника,—что было бы для них легко,—а из различных латинских памфлетов, повторявших всевозможныя басни, разсчитанныя на то, чтобы внушить отвращение к мусульманской религии и ея основателю. Цель достигалась вполне: обличителям мусульманства даже представлялось, будто Магомет учил обо всем диаметрально противоположно учению Христа, и такая противоположность казалась умышленною, например, празднование шестого дня недели (пятницы), дня страданий и смерти Спасителя, посвящаемаго христианами посту и скорби. Особенно некоторыя черты учения Магомета, «противника Христова», должны были возмущать строгий аскетизм средневекового христианства, именно учение о наслаждениях в загробной жизни и практика многоженства. Вообще в глазах благочестивых христиан того времени исламизм был ничуть не выше идолопоклонства: оба одинаково считались изобретением дьявола. Уже самый национальный характер арабов, склонный к светлому взгляду на жизнь, к веселости и утонченным наслаждениям, был противен мрачному мировоззрению предков будущих инквизиторов.

Нельзя не признать, в виду такого положения вещей, что владычество мусульман в Испании было построено на шатком основании: при резкой противоположности в складе национальнаго характера, при непримиримой религиозной вражде, завоеватели никогда не могли слиться с завоеванными, далеко превосходившими их своею численностью.

Ренегаты

Положение представится еще затруднительнее, если принять в соображение, что не одни христиане тяготились своим игом: был еще другой, весьма многочисленный разряд недовольных, которые еще раньше христиан начали открытую борьбу против кордовских властителей, принимавшую по временам весьма опасный оборот для последних. Мы говорим об испанских ренегатах, принявших магометанство, которых чистокровные поклонники пророка называли «усыновленными». Их материальное положение было лучше положения христиан: им не приходилось ни терпеть от произвольных поборов, ни подвергаться притеснениям и оскорблениям за веру, и тем не менее даже те из них, которые перешли в ислам добровольно и искренно, были недовольны своим положением: настоящее арабы относились к ним с нескрываемым презрением, сомневались в искренности их обращения, устраняли их от государственных должностей, лишая тем и почести и дохода, называли их рабами или детьми рабов, так как в действительности весьма многие из ренегатов происходили, как мы видели, от рабов, купивших свободу отречением от христианства, хотя между ними же встречались и богатые собственники, люди знатнаго происхождения. Еще невыносимее было положение ренегатов неискренних, так называемых «тайных христиан» (Christiani occulti), принявших чужую веру по малодушию, по слабохарактерности, из корыстных видов, и потом раскаивавшихся в своем отступничества. Но возврат был невозможен: мусульманский закон неумолимо карал смертью за переход из ислама, и раз человек произносил известное нам краткое исповедание магометанской веры, он уже считался правоверным навсегда, при каких бы обстоятельствах он ни обратился, и как бы мало доверия ни внушало его обращение. Дети таких обращенных также должны были волею-неволею оставаться мусульманами по закону, нести ответственность за вину своих отцов. Таким несчастным оставалось или весь век терзаться угрызениями совести и скрывать свою истин-

ную религию, или итти на верную смерть, искупать отступничество мученичеством.

Возстания

Ряд возстаний против арабскаго господства открывается уже с самаго начала IX века именно испанскими ренегатами, впоследствии ренегатами и христианами, действующими заодно. Это была борьба жестокая, безпощадная с обеих сторон; заговоры и возмущения подавлялись кровавыми избиениями; не раз владычество мусульман казалось висящим на. волоске, но пока еще им удавалось успешно выпутываться из затруднительнаго положения при помощи отваги или хитрости или искусства лиц, занимавших престол или заправлявших делами государства. С течением времени, однако, эта постоянно возобновлявшаяся борьба должна была все более и более подтачивать силы халифата Омайадов и мало-помалу вести к его распадению, особенно по мере того, как расширялись независимыя христианския королевства на севере полуострова, в Астурии, Леоне, Наварре, Каталонии, служившия точкою опоры для возмущавшихся подданных Кордовы. Неменьшую опасность представляли независимыя владения ренегатов в Арагонии (фамилия Бени-Кази) и на самом юге, в ближайшем соседстве столицы: Ибн-Мерван, основавший свое владение в Бадахосе, и в особенности Омар-ибн-Хафсун, усевшийся в Бобастро (в Андалузии) и широко распространивший свою власть, непримиримый враг Омайядов,—были страшными, опасными противниками, соединявшими под своими знаменами ренегатов и христиан во имя единой народности против общаго неприятеля; для торжества над этими врагами или для мирной сделки с ними султанам приходилось напрягать все силы своего государства и все свое дипломатическое уменье. Но не одни порабощенные испанцы, христиане или ренегаты, угрожали престолу Омайядов: у него были враги арабской крови и магометане по происхождению,—главы и члены могущественных, влиятельных родов, составлявших цвет арабской аристократии, каковы были роды Ибн-Хаджадж и Ибн-Халдун.

Наконец, была еще одна сила, смотря по обстоятельствам, дружественная или враждебная, но во всяком случае заставлявшая носителей власти считаться с собою: это были факихи, ученые богословы и правоведы, знатоки и толкователи мусульманскаго закона, строгие блюстители благочестия, влиявшие своим авторитетом на народную массу. Значение этих людей в магометанском государстве соответствовало влиянию епископов и вообще духовнаго клира в христианских странах средневекового запада. Султан Абдеррахман I был слишком властолюбив для того, чтобы позволять факихам вмешиваться в дела управления и ограничивать его власть; но в краткое царствование его набожнаго и добродетельнаго сына Хишама, бывшаго образцом милосердия и деятельной любви к ближним, особенно страждущим и нуждающимся, эти стражи закона приобрели сильное влияние, которое хотели сохранить и впредь. Наиболее энергичным и честолюбивым из факихов был Яхья-ибн-Яхья, родом бербер, ученик и ревностный последователь знаменитаго мединскаго ученаго Малика, основателя целой богословской школы. Яхья и его сподвижники не могли примириться с характером новаго султана Хакама, благочестиваго мусульманина, но не отшельника и подвижника на престоле, какого желали бы видеть суровые аскеты-богословы, неприязненно (как и их христианские собратья) относившиеся к наслаждению жизненными благами. Притом Хакам, любивший охоту и даже позволявший себе пить вино, был ревнив к своей власти и не желал делиться ею ни с кем, что всего более и побудило Яхья и его друзей стать в открытую оппозицию к правительству, обратиться в демагогов: они начали явно

подстрекать народ против закоренелаго грешника на престоле и, когда попытка поднять мятеж окончилась неудачей, задумали свергнуть ненавистнаго султана путем дворцовой интриги, думая привлечь на свою сторону предложением престола одного из родственников Хакама, но попали при этом в ловушку, и 72 заговорщика, в числе которых было шесть представителей высшей кордовской знати, поплатились жизнью, другие, в том числе Яхья, успели спастись бегством. Впоследствии, по смерти Хакама, в царствование его сына, добраго и слабохарактернаго Абдеррахмана II, этот самый Яхья, примирившийся с правительством, пользовался громадным влиянием, господствуя над волею султана, тщетно пытавшагося иногда выбиться из-под его опеки, заправляя всеми делами и деспотично устраняя всех с своей дороги.

Двор

Таковы были силы, с которыми приходилось бороться кордовским государям. К этой разнохарактерной борьбе присоединились еще дворцовыя неурядицы и интриги: здесь также шла борьба за преобладающее влияние и за материальныя выгоды, образовывались враждебный партии, являлись всемогущие любимцы. В этом отношении наилучшую иллюстрацию представляет картина кордовскаго двора именно при упомянутом Абдеррахмане II: никогда еще до него двор не блистал такою пышностью, и никогда так ярко не обнаруживались и светлыя и темныя стороны этого придворнаго блеска. Султан, подражавший во всей своей роскошной обстановка халифам-Аббасидам, желавший сделать из своей столицы второй Багдад и не жалевший для этого расходов на великолепныя постройки,—мечети, дворцы, сады, каналы мосты и проч.,—окружал себя поэтами и занимался сам поэзией (как и его отец Хакам). Но именно этот блестящий государь был орудием в руках четырех лиц, мало похожих друг на друга, из которых мы уже знаем одного—Яхья, представителя религиознаго начала. Другим фаворитом был знаменитый музыкант, певец и поэт Зириаб, родом из Багдада, очаровавший всех своими талантами настолько, что про него шла молва, будто он получает вдохновение непосредственно от духов во сне. Этот артист был одарен громадными богатствами; султан жил с ним в тесной дружбе, и люди, желавшие просить своего повелителя о чем-нибудь, обращались к посредству Зириаба. Впрочем, в политическия дела последний не вмешивался, предоставляя область всяческих интриг султанше Таруб, черствой, жадной, безсердечной эгоистке и интриганке, и ея ближайшему сподвижнику, вполне подходившему к ней по характеру, евнуху Насру. Это был человек жестокий и безчестный, ренегат, ненавидевший христиан со всем жаром отступника.

Особенно широкое поприще открывалось для борьбы придворных влияний при решении вопроса о том, кому быть преемником царствующаго султана. Подобно всем восточным государствам, арабско-испанская монархия не знала престолонаследия, урегулированнаго законом; в претендентах же не могло быть недостатка при существовании многоженства. Обыкновенно султан сам назначал себе преемника из своих сыновей; если же он умирал, не успев этого сделать, возведение на престол зависело главным образом от придворных сановников и военной силы, причем иногда приходилось принимать в расчет и настроение массы народа. Так между 45 сыновьями Абдеррахмана II двое спорили за престол, Мохаммед и Абдаллах,—последний от Таруб, которому султанша и старалась доставить престол, подкупая и располагая в его пользу дворцовых евнухов; она однако не успела склонить своего мужа к объявлению Абдаллаха наследником: Абдеррахман умер внезапно, не распо-

рядившись своим завещанием (852). Немедленно после его смерти евнухи собрались для обсуждения дела, и сперва было все высказались за Абдаллаха, но потом решили иначе в виду крайней непопулярности этого принца в народе и по зрелом размышлении возвели на престол Мохаммеда, приняв при этом все необходимыя предосторожности. Но еще до смерти султана эта борьба за престол ознаменовалась злодейством: Таруб, при всем своем влиянии не могшая убедить мужа передать престол ея сыну, задумала отравить султана; ея пособник Наср заказал известному в Кордове врачу сильно действующий яд, который потом отрекомендовал султану, как хорошее лекарство; но врач изготовивший яд, угадал намерение Насра и предупредил Абдеррахмана, который и приказал своему любимцу как бы для пробы предлагаемого лекарства выпить его самому. Наср принял затем по совету того же врача противоядие, но было уже поздно, и он умер в мучениях, сделавшись жертвою собственнаго замысла. Подобное же злодейство, но с другим исходом, совершилось позднее, в 888 г., когда брат султана Мондира, Абдаллах (II), желая занять престол, подкупил хирурга, который, пуская кровь Мондиру, причинил ему смерть при помощи отравленнаго ланцета. Сын этого самаго Абдаллаха, Мотарриф, умертвил по приказу отца своего брата Мохаммеда. Произвол, отсутствие закона влекли за собою неизбежно злодейския попытки, заговоры, убийства, коварство и насилие всякаго рода. Силы народа истощались в непрерывной борьбе, благосостояние падало, а внутренния неурядицы действовали деморализующим образом на умы населения.

Все изложенныя условия мало по малу расшатали могущество арабской монархии и подготовили будущее торжество христианских династий, укрепившихся на севере Пиренейскаго полуострова. Уже в XI в. последовало соединение королевств Кастилии и Леона при Фернандо Великом. К эпохе этого короля и его сыновей относятся подвиги знаменитаго Сида, националнаго героя Испании в победоносной борьбе с маврами. В начале XII в. мусульманское господство на юге страны было вновь закреплено на время завоеванием Андалузии прибывшими из Африки Альморавидами; борьба затянулась еще на несколько веков, пока соединение королевств Арагонии и Кастилии в 1469 г. не объединило сил христианской Испании. В один год с открытием Новаго Света перед королем Фердинандом и королевою Изабеллой отворились ворота Гренады, и господство магометан на юго-западе Европы разрушилось почти одновременно с падением Золотой Орды и объединением Руси на востоке и с утверждением мусульманскаго полумесяца на развалинах Византийской империи.

Н. Аммон.

LVII. Господство Медичи во Флоренции

Положение Флоренции

История Италии во вторую половину средних веков отмечена развитием городской жизни и городских интересов, торговых и промышленных. Свободныя городския общины преобладают в северной и средней Италии. Их господство, ограниченное сначала городскими стенами, постепенно распространяется на окружающия местности; более сильныя и счастливыя общины подчиняют себе окрестные города,—несколько городских округов соединяются таким путем в одно государство. Но в то же время, с постепенным ростом внешняго могущества отдельных городов, свободныя демократическия учреждения приходят в упадок. Иногда богатыя фамилии захватывают власть при помощи наемных войск, иногда сами предводители этих войск становятся государями. Только в немногих местах сильная власть вырастает естественным путем, без больших волнений и без явнаго насилия, не разрушая старинных учреждений, но постепенно подчиняя их себе. Таково было господство Медичи во Флоренции.

На первый взгляд положение Флоренции совсем не обещало, что здесь будет богатый торговый город. Расположенная в стороне от большой торговой дороги с запада на восток, из Европы в Азию,—дороги, пробитой для европейцев крестовыми походами,—Флоренция в то же время почти совершенно отрезана от моря. Река Арно, на которой она стоит, летом слишком мелка; весною и осенью, когда в ней много воды, течение ея слишком быстро: для правильнаго судоходства она не может служить. К тому же морская торговля Тосканы издавна находилась в руках Пизы,—крупнаго торговаго центра уже в то время, когда история Флоренции еще не начиналась.

Но у Флоренции были свои сильныя стороны. По большой торговой дороге северной Италии проходили не одни купеческие караваны: здесь же шли немецкия полчища, столько раз опустошавшия Ломбардию; положение Тосканы, прикрытой стеною Апеннин было,

Пособия: *Reumont, A. v.* Lorenzo de Medici il Magnifico. *Perrens*, Histoire de Florence depuis la domination de Medicis, t. I. *Machiavelli*, Le Istorie Fiorentine. *Pohlmann*, Die Wirtschaftspolitik der florentiner Renaissance. *Ranke*, Savonarola (Historisch-biographische Studien), *Villari*, La storia di Girolamo Savonarola.

сравнительно, безопаснее. Затем через Флоренцию тоже шла большая дорога, более торная, пожалуй, чем ломбардская,—дорога в Рим. Церковная столица средневековья была средоточием громаднаго хозяйства: со всей западной Европы папа собирал дань; тысячи пилигримов ежегодно приносили сюда свои сбережения. Флоренция стояла на берегу этого золотого потока; недаром здесь именно особенно развилась торговля деньгами, банковое дело. Зависимость от Рима выразилась в постоянном почти преобладании Гвельфской партии на берегах Арно. Только на короткое время (в XIII столетии) городом овладели Гибеллины,—но и это пошло на пользу Флоренции. Многия гвельфския семьи переселились во Францию, не потеряв, однако, связи с своей родиной: через них Флоренция завязала торговыя сношения с за-альпийскими странами, особенно развившияся в XIV—XV веках.

Климатическия условия средней Тосканы так же благоприятны, как и ея географическое положение. «Хорошо укрытая от холодных северо-восточных ветров Апеннинским хребтом, средняя Тоскана открыта со стороны Тирренскаго моря, откуда дуют теплые и сырые ветры тропическаго происхождения. Они не приносят с собою, однако, слишком много влаги: часть ея они оставляют на пути, задерживаемые сначала горами Корсики и Сардинии, затем невысокими горными отрогами, которые тянутся впереди Апеннин, между главною цепью и морем. Климат Тосканы умеренный и мягкий, свободный от тех резких перемен, которыя свойственны климату долины По. Веселый и ровный характер тосканцев, их тонкий вкус, свежее поэтическое чувство, их воображение, живое и в то же время не увлекающееся,—все это, без сомнения, в значительной степени объясняется климатом их прекрасной страны»[1]. Климат или историческия условия тут виною, но у флорентинцев образовался особенный склад ума—чисто деловой, практический. Несмотря на платоновскую академию и проповеди Савонаролы, Флоренция не стала центром философскаго или религиознаго движения. За то флорентинцы были отличными хозяевами и охотно занимались хозяйством. В Тоскане легко вызревают оливки и виноград; почва, хотя и требует труда, за то вознаграждает труд очень хорошо. Но в этой стране, сдавленной между горами, вообще немного земли, годной для обработки; рабочих рук было больше, чем нужно: население скоплялось в городах, где этот избыток рабочей силы уходил в фабричную промышленность.

Промышленность

Первые шаги на этом пути были сделаны под покровительством церкви, вообще имевшей сильное влияние на судьбу Флоренции. Около 1240 года флорентийский епископ призвал из северной Италии монахов-гумилиатов, славившихся своими шерстопрядильными мастерскими. Монастыри в то время были почти единственными капиталистами, и нет ничего удивительнаго, что обрабатывающая промышленность нашла себе приют в их стенах. Скоро святые отцы нашли себе искусных подражателей среди туземнаго населения. К началу XIV столетия во Флоренции производились уже самыя тонкия сукна, расходившияся по всей Италии и далеко за ея пределами. Светская промышленность очень умело воспользовалась теми связями, которыя оставили ей в наследство гумилиаты: главными поставщиками шерсти для Флоренции были богатые монастыри Англии и Шотландии, державшие огромныя стада овец. Впоследствии не одна шерсть, но и грубыя шерстяныя ткани стали отправляться во Флоренцию, где оне ловкими мастерами превращались в тонкая сукна. Эта

1 Реклю.

переделочная промышленность так развилась, что для нея был основан особый цех (в 1338 г.), имевший конторы повсюду за границею, главным образом во Франции. Около 1350 года число мастерских, занятых изготовлением сукон, доходило до 200, выпускавших от 70 до 80 тысяч штук материи на сумму 1,200,000 флоринов[1], около 16 милл. рублей на наши деньги. Почти такие же размеры имела выделка шелковых тканей, единственная отрасль флорентийской промышленности, сохранившая значение до наших дней. По сумме сбыта Флоренция занимала совершенно исключительное положение в ряду средневековых городов. Но ея европейское значение основывалось все же не на этом: Флоренция-банк совершенно затмевала собою Флоренцию-фабрику.

Банки

Торговля деньгами была национальным промыслом флорентийцев: им приписывали самое изобретение векселя. В этом случай они круто разошлись с теми нравственными понятиями, которыя постоянно поддерживала католическая церковь. В средние века не понимали, что деньги, золото—только орудие обмана, только, так сказать, представитель капитала, а не самый капитал; что, давая взаймы золото, дают, в сущности, известную производительную силу, которая может быть приобретена на это золото путем обмана, и, будучи употреблена, как следует, непременно даст доход. Всего этого процесса не сознавали, обращали внимание только на самыя деньги, и так как металл, сколько бы он ни лежал, не увеличится и не уменьшится, то происхождение процента оказывалось совершенно непонятным. В сущности, платя проценты, должник только делится с заимодавцем тем доходом, который и без того принес бы капитал при производительном употреблении; проценты становятся лихвою, вымогательством только в том случае, когда они превышают возможный доход.

Для средневекового человека всякий рост был вымогательством, делом безнравственным, заслуживающим наказания. Каноническое право неуклонно проводило эту точку зрения; ее разделяли лучшие представители общества того времени, и постановления против «ростовщиков» перешли в светское законодательство многих средневековых государств. Но в торговых городах Италии потребности коммерческаго оборота брали верх над предписаниями церкви; попытки бороться с законами хозяйственной жизни народа приводили только к лицемера. Запрещали брать рост,—в долговую расписку включали обязательство «поблагодарить» заимодавца, при чем «благодарность» нередко составляла 20—30% данной взаймы суммы. Само государство не гнушалось обходить закон. Флорентийская республика не раз занимала у своих граждан деньги для военных целей: в Италии того времени войны велись, по большей части, наемными солдатами. Путем таких займов образовался государственный долг (Monte commune), разумеется, не безпроцентный: Monte давал 5% в год. В 1362 году, во время войны с Пизой, когда Флоренция была в очень затруднительном положении, за 5% никто не соглашался рисковать своими деньгами. Один нотариус нашел средство помочь горю: он предложил—платить попрежнему 5%, но за 100 флоринов выдавать расписку на 300. В действительности это был совершенно ростовщический % даже с нашей, современной точки зрения; за то на бумаге закон был соблюден. Само собою разумеется, что подобное поведение государства никак не могло увеличить безкорыстие граждан.

1 Цену золотого флорина *Мюнц* принимает в 12 с небольшими франков, при чем прибавляет, что цена продуктов с тех пор повысилась в 3 или 4 раза. Я принимаю минимальный расчет Мюнца: 1 флорин=(по цене прод.) 36 франкам, около 14 рублей по *курсу*.

Дороговизна кредита, развившаяся отчасти именно благодаря запрещениям, делала грех еще более соблазнительным. Уже во времена Данте флорентийцы всех сословий,—даже из стараго дворянства,—занимались ростовщичеством. Великий средневековой поэт дает страшную картину наказания флорентийских ростовщиков в аду (Ад, XVII, 43—78), не называя их по имени; но описание гербов на кошельках, привязанных на шею грешникам, ясно дает понять, что мы имеем перед собою представителей лучших фамилий Флоренции. В 1422 г. в городе было 72 банкирских конторы,—считая, впрочем, тут и простыя меняльныя лавки. Сумма наличных денег, находившихся в обращении, достигала 2 миллионов флоринов,—по теперешнему курсу это составило бы около 28 миллионов рублей. Сумма сделок на товары и другия ценности не поддается исключению. По всей Европе была раскинута сеть флорентийских контор; короли Англии и Франции были главными должниками. Когда Эдуард III отказался платить свои долги (1346 г.), флорентийские банкиры потеряли почти полтора миллиона флоринов; тысячи флорентийцев, принимавших участие в их операциях в качестве пайщиков, разорились вследствие этого; но влияние города было уже так прочно, что даже подобное несчастие не пошатнуло положения Флоренции, как денежнаго рынка Европы.

Торговый класс

Нельзя было ожидать, чтобы люди, которым удалось приобрести такое значение за пределами Италии, удовольствовались вторым местом у себя на родине. Одновременно с развитием промышленности и торговли растет политическое значение торгово-промышленнаго класса. До XIII века управление Флоренциею находилось в руках дворянства средней Тосканы; в течение этого столетия начинают возвышаться торговые и ремесленные *цехи*, сначала «старшие», обнимавшие высшие классы городского населения; их было 7. Здесь мы видим представителей денежнаго капитала, купцов и менял (Cambio); господствующей отрасли промышленности, в лице ткачей шерстяных и шелковых материй (Arti «della Lana» и «della Sete»); наконец—средневековая особенность—представителей научнаго образования, юристов и врачей, организованных на подобие ремесленников. Значение цехов в жизни города подкреплялось городским ополчением, устройство котораго было тесно связано с цеховым устройством. В этом был уже важный шаг вперед—военная защита Флоренции не была исключительно делом дворянскаго, рыцарскаго войска: рядом с ним самостоятельное место занимает корпус горожан. Скоро эти последние заявили притязание на такую же самостоятельность в городском управлении. Совет «четырнадцати», где преобладало дворянство, был заменен советом «приоров», которые выбирались из всех классов населения,—с важным ограничением, однако,—чтобы избранный непременно принадлежал к одному из цехов (1282 г.). Из учтивости членов совета называли «синьорами» (господами): отсюда и новое учреждение известно под именем *синьории*, «совета господ». Дворянство не хотело уступить без борьбы, но на стороне горожан были все преимущества: и богатство, и военная сила, и сознание своей правоты, сознание того, что власть в городе должна принадлежать его населению, а не окрестным землевладельцам.

Ряд столкновений привел лишь к тому, что дворянство было вовсе устранено от участия в управлении: было постановлено, что не принадлежащие к цехам не могут ни выбирать, ни быть выбираемыми ни в одну из высших государственных должностей. Совет приоров получил председателя с широкими полномочиями, непременно «человека из народа»—

popolane. Новый магистрат носил название gonfaloniere di giustizia—«знаменосца справедливости»; гонфалоньерами назывались начальники отрядов городского ополчения: это имя как нельзя лучше обрисовывало характер новой должности—охрану вооруженною рукой народных прав от покушений со стороны знати (1293 г.). Впрочем, у горожан были теперь под руками более мирныя и, в то же время, более надежныя средства борьбы. Неограниченно господствуя над законодательством, буржуазия провела целый ряд постановлений, мало-по-малу отнявших у дворянской партии ея материальныя средства. Было отменено крепостное право во всех его видах; лишившись даровой рабочей силы, дворяне-землевладельцы по большей части должны были заложить свои земли городским капиталистам, которые стали постепенно хозяевами не только внутри городских стен, но и во всем «графстве» (городском округе), а скоро и во всей средней Тоскане. В XIV—XV веках борьба старых партий уже мало заметна: двойной—иногда даже тройной—налог с дворянских семейств был ея последним следом. Но скоро начался раздор среди самих победителей.

Борьба в среде цехов

Переворот конца XIII столетия был делом старших, более древних цехов, которые поспешили им воспользоваться, прежде всего, для себя: вновь образовавшияся ремесленныя корпорации—к прежним семи с течением времени прибавилось еще 14—должны были довольствоваться вторым местом. Еще ниже стояло множество рабочих, вовсе не имевших голоса в цеховом управлении. Увеличение размеров производства делало неизбежным разделение труда; вся подготовка шерсти для тканья—чесанье, мытье и проч.—находилась в руках не мастеров-шерстопрядильщиков, а особых рабочих, не имевших своего цеха, но приписанных к Arte della Lana. В таком же положении находились красильщики и многие другие. Все это были люди зависимые и притом искусственно удерживаемые в зависимом положении: им не разрешали устроить особый цех, чтобы сохранить все преимущества за старою корпорацией, к которой они были приписаны. Внутри самих цехов не было и не могло быть согласия. Средневековой промышленный строй был разсчитан на мелкое производство; цеховой «мастер» того времени ближе всего походит на небогатаго ремесленника наших дней. Совсем не таков был флорентийский «меняла», имевший конторы в Лондоне и в Антверпене, или «суконщик», который держал сотню рабочих. Во Флоренции, собственно, уже была налицо крупная промышленность, с ея обычным следствием—сосредоточением капитала в немногих руках. Мастера цехов при удаче становились крупными фабрикантами, а при неудаче спускались до уровня простого рабочаго на чужой фабрике. Последнее случалось настолько часто, что правительство должно было издавать особые законы, запрещавшие обращаться с мастерами, как с простыми рабочими.

Все это объясняет крайне враждебное отношение рабочаго населения к зажиточным гражданам, стоявшим во главк цехов. Здесь мы видим оборотную сторону блестящаго промышленнаго развития Флоренции: накопленными богатствами воспользовались далеко не все флорентийцы. Но это была еще не вся беда: нужно припомнить, что цехи в то же время правили городом, что люди, стоявшие во главе цехов, были, таким образом, законодателями и судьями остального населения. Народ, «popolo», во имя котораго велась борьба с дворянством, в сущности был устранен от всякаго участия в управлении. Но по форме оно продолжало быть народным: народ продолжал считаться господином города, хотя и не был им в действительности. Это противоречие постоянно подбавляло пищи недовольству низших

классов населения: рабочая масса, плохо понимая отдаленныя экономическия причины такого положения вещей, жила в твердом убеждении, что можно одним ударом «возстановить справедливость», т. е. свергнуть господство богатых. Уже в 1342 г. этим воспользовался кондотьер Готье де Бриенн, герцог афинский, который, опираясь на рабочие классы, попытался установить во Флоренции нечто в роде античной тираннии. Тридцать лет после того, как он должен был удалиться из города, партийная вражда между самими членами правящей олигархии послужила поводом к новому, гораздо более опасному взрыву. Народ, Ciompi («оборванцы»), как его презрительно называли богатые купцы, на этот раз поднял мятеж от своего имени и потребовал уступок прямо в свою пользу. Нецеховые и члены младших цехов добивались большинства в синьории и успели провести одного из своих вождей в гонфалоньеры. Но толпа оказалась совершенно неспособною к последовательной политике. Синьория не посмела отказать народу в его справедливых и разумных требованиях: были устроены новые цехи, куда вошли прежние «приписные» рабочие. Но когда чернь стала самовольно расправляться с теми, кого уличная молва ославила, как врагов народа, тогда более умеренные и разсудительные отделились от возставших, произошел раскол среди народной партии, и олигархия воспользовалась этим, чтобы снова забрать власть в свои руки.

Олигархия купцов

Под влиянием такой ожесточенной, нередко кровавой борьбы складывался государственный строй Флоренции. Управление купеческой олигархии могло быть только деспотическим: подчинить население города против воли ничтожному меньшинству можно было только при помощи страха. Отсюда идет частое применение исключительных мер—чрезвычайных судов и проч. Для этой цели пользовались учреждениями и обычаями, оставшимися от времен борьбы Гвельфов с Гибеллинами. В половине четырнадцатаго столетия особое значение получили «вожди гвельфской партии—capitani di parte guelfa—магистратура, в свое время направленная против Гибеллинов, а теперь, за неимением их, против всех врагов олигархи. Некогда Гибеллины были устранены от общественных должностей, вместе со всем своим потомством: особенность тогдашних юридических понятий состояла в том, что политическая кара распространялась на все семейство; с образчиком подобнаго осуждения целой фамилии мы встретимся впоследствии, в очень позднюю эпоху, после заговора Пацци (1478 г.). В половине XIV столетия стали применять этот закон к наиболее опасным противникам господствующей партии, под тем предлогом, будто они—потомки Гибеллинов; это называлось *ammonitio*. Но исключительными мерами нельзя было пользоваться постоянно, оне раздражали народ: недовольство «капитанами гвельфской партии» было одною из самых главных причин возстания Ciompi. Нужно было учреждение, которое бы действовало правильно и постоянно,—притом не так заметно и не нарушая слишком явно народных интересов. Этой потребности удовлетворяло то, что итальянцы называли lo stato (собственно «государство», но здесь это технический термин) и что, нужно заметить, существовало не в одной Флоренции. Задача была такая: требовалось сохранить выборное начало, но при этом не допускать к высшим должностям ни одного сомнительнаго лица,—сомнительнаго с точки зрения олигархии, конечно. На первый взгляд это было очень трудно: власть принадлежала вечу, parlamentum,—собранию всех граждан, довольно случайному по своему составу, как все подобныя собрания. От настроения случайно собравшейся толпы

зависело дело: необходимо было подобрать настроение, и достигалось это следующим путем. Выбирали удобную минуту,—обыкновенно после только что подавленнаго возстания или заговора,—созывали parlamentum, где в такую минуту преобладали, конечно, сторонники олигархии—и выбирали синьорию сразу на несколько десятков сроков вперед (приоры сменялись каждые два месяца). Имена избранных, в числе которых, разумеется, не было ни одного неблагонадежнаго человека, помещались в особый мешок, и каждые 2 месяца по жребию вынимали столько имен, сколько было нужно. Таким образом, состав правительства был заранее определен, правящее меньшинство на много лет вперед получало в свои руки все законныя средства управления республикой—не было необходимости на каждом шагу прибегать к силе. Но по временам все же дело не обходилось без тираннических средств: казни и ссылки были обычным явлением, особенно после возстания «оборванцев». Деспотизм, создание котораго часто приписывается Медичи, в сущности был уже готов к концу XIV столетия.

Альбицци и Медичи

Обычай fermare lo stato, закреплять государственное управление за властным и богатым меньшинством, стал роковым для Флоренции. Это уже было не партийное правительство, а правление одной партии. Нечего было и думать о том, чтобы добиться законным путем каких-нибудь преобразований. Масса населения постепенно привыкла к мысли, что общественныя дела ея не касаются. После ожесточенной политической борьбы XIII—XIV веков наступило затишье; политический кругозор сузился—борьба партий превратилась в соперничество влиятельных семейств между собою. Мало-по-малу народ приучился возлагать все надежды на перемену лиц, а не направления,—на то, что среди самой олигархии появятся люди, расположенные к народу. Надежда не замедлила оправдаться; само собою разумеется, что среди купечества не оказалось безкорыстных народолюбцев: но нашлись люди, которые поняли, что народ—сильное оружие в борьбе за власть, и воспользовались этим оружием. Правящая олигархия далеко не была однородна по своему составу: рядом с обыкновенными богатыми купцами здесь были люди, занимавшие по своему богатству и влиянию совершенно исключительное положение. После возстания 1378 г. преобладающее значение получила семья Альбицци: они стояли во главе, когда шла борьба с народною партией, им купечество было обязано своею победой,—естественно, что stato составилось, главным образом, из их родственников и друзей. Но Альбицци не были настолько сильны, чтобы вовсе устранить от участия в управлении другия влиятельныя фамилии. Среди них скоро стала выделяться одна, к которой народ видимо был больше расположен, чем к прочим членам stato. Это были Медичи.

Уже в XIV столетии самые богатые банкиры Флоренции, они приобрели колоссальное состояние с тех пор, как в их руки перешли денежныя дела римской курии. Первый раз они выдвигаются в ту решительную минуту флорентийской истории, о которой уже не раз приходилось упоминать,—во время возстания Ciompi. В начале движения громче всех раздавалось имя Медичи. Глава фамилии, Сальвестро, тогда «гонфалоньер справедливости», разойдясь с большинством правящей партии, первый созвал народ на площадь, обещая освободить город от тираннии «немногих могущественных людей». Он не сумел справиться с вызванною им самим бурей, но у народа навсегда осталось представление о семье Медичи, как о защитниках народных интересов. Когда, 15 лет спустя, рабочие вновь поднялись,

выведенные из терпения злоупотреблениями, толпа прежде всего отправилась к дому тогдашняго главы семьи, Вьери де-Медичи. Но, наученные горьким опытом Сальвестро, Медичи стали хладнокровнее: Вьери воспользовался своим влиянием только для того, чтобы успокоить волнение.

В начале следующаго столетия видное положение в государстве заняло потомство дальняго родственника Сальвестро,—Аверардо де Медичи. Констанцский собор составил счастье этой ветви фамилии; как у многих великих событий мира, здесь была своя, малозаметная для публики, денежная сторона. Пока решался вопрос о судьбе Гуса и реформе церкви, папские банкиры решали свои дела. К концу первой четверти XV века, Джованни, сын Аверардо, стал одним из самых богатых людей в Европе. Естественно, что ему не нравилось подчиненное положение и что он, если не прямо враждовал с Альбицци, то, по крайней мере, держался от них в стороне; так же естественно, что народ больше сочувствовал ему, представителю популярной фамилии, нежели вождям олигархии. С своей стороны, Медичи не пропускал случая увеличить эту популярность: удобный повод представила внешняя политика Альбицци.

В то время как Медичи опирались на реальную, действительную силу капитала, Альбицци держались, главным образом, своими способностями и удачей. Чтобы сохранить за собою власть, они постоянно должны были доказывать, что они нужны и полезны, что без них олигархия не обойдется. Отсюда ряд смелых, блестящих предприятий, приобретение земель и городов, частью оружием (Пиза, 1406), частью покупкой (Ливорно, 1421): при Альбицци было положено прочное основание территориальному объединению Тосканы под властью Флоренции. Внешнее могущество республики отчасти заставляло народ забывать об утрате политической свободы, но здесь же была и обратная сторона: такая политика требовала много денег; пока она шла удачно, их еще платили безропотно. Но война, начатая в двадцатых годах с Миланом из-за Романьи, кончилась поражением,—и Альбицци сразу стали терять доверие даже в рядах своей партии. Число сторонников Медичи быстро росло, а в народе начался глухой ропот на—действительно невыносимую—тяжесть налогов. Главным образом, при участии Джованни была проведена податная реформа,—в каком духе, это покажут несколько цифр. По новой системе обложения (catasto), гражданин платил тем больше, чем он был богаче: сообразно с этим, один из влиятельнейших друзей Альбицци, Никколо да-Уццано, вместо 16 флоринов, которые он вносил прежде, стал платить теперь 250. В то же время 8,000 беднейших граждан были совсем или отчасти освобождены от налогов.

Дальнейшия события были совсем не таковы, чтобы поправить пошатнувшееся положение Альбицци: война с Миланом возобновилась, и без всякаго успеха для Флоренции; еще чувствительнее была несчастная осада Лукки: в этой соседской войне со старинным врагом Флоренции пострадало столько же самолюбие, сколько казна республики. Чем больше падал авторитет правительства, тем больше росло влияние Медичи. Становилось все очевиднее, что столкновение неизбежно: но бороться с Медичи было не так легко. Они теперь не звали народ на площадь, как некогда Сальвестро, но их влияние чувствовалось всюду; в первый раз олигархи должны были почувствовать всю невыгоду своей системы управления. То, что при свободных учреждениях происходило бы открыто и допускало открытую борьбу, теперь творилось во мраке, за кулисами: до наступления решительной минуты не-

льзя было узнать, кто за, кто против Альбицци. Тактика Медичи была очень проста, и в то же время наверное достигала цели. Располагая громадными денежными средствами, они раздавали деньги направо и налево, стараясь приобрести как можно больше личных друзей; множество флорентийцев, особенно средняго класса, были им обязаны,—и, конечно, готовы были стоять за них в минуту опасности. На этой почве Альбицци не могли с ними соперничать; правда, их сторону держал другой флорентийский богач, Палла Строцци, но он был больше гуманист и меценат, чем политик. Во главе их противников, напротив, скоро стал безспорно самый выдающийся государственный человек, каким тогда обладала Флоренция: сын Джованни, Козимо де-Медичи.

Козимо де-Медичи

Когда умер его отец (в 1429 г.), Козимо было уже 40 лет; на его глазах и при его непосредственном участии составилось громадное состояние семьи. С ранней молодости он был посвящен во все дела своего отца и в борьбе с своими противниками на бирже научился с несравненным искусством владеть тем оружием, которое должно было теперь доставить ему победу в борьбе политической. На его стороне было то преимущество, что он не был принужден лично мешаться в дело: его деньги делали все, что нужно; действовать и совершать ошибки Козимо предоставлял своим противникам. По наружному виду это был самый безобидный из граждан Флоренции. Слабый и хилый,—подагра была наследственной болезнью Медичи,—скромный и учтивый в обращении, он проводил большую часть времени на своей вилле, в обществе своих друзей-гуманистов или за работою в своем саду, повидимому, не заявляя притязаний на первенство даже в своей партии: вождем сторонников Медичи все считали некоего Пуччьо Пуччи,—который, само собою разумеется, не имел никакого значения.

Враг надвигался на Альбицци медленно и незаметно, но неуклонно, с каждым годом захватывая все больше почвы. Никакая плотина не в силах была остановить поток медичейских капиталов. В отчаянии, вожди олигархии решились прибегнуть к насилию,—единственное, что нужно было, чтобы дать поведению Медичи полное нравственное оправдание. Грубость средства, которое было пущено в ход, ясно показывала, что Альбицци и их друзья потеряли самообладание. В числе кандидатов в синьорию—мы знаем, что они были заранее известны,—находился некто Бернардо Гваданьи, человек хорошей семьи, но разорившийся, вечный недоимщик перед государственным казначейством. Альбицци заплатили его недоимки; за это он должен был, когда дойдет до него жребий, употребить свою власть против Козимо Медичи. В сентябре 1433 г. он стал гонфалоньером и приступил к делу. Козимо вызвали в город под предлогом совещания о государственных делах; когда он прибыл во дворец синьории, он был внезапно арестован по обвинению в измене, якобы учиненной им во время войны с Луккой;—это была явная, для всех очевидная ложь. Тем временем народ был созван на площадь,—оцепленную вооруженными друзьями Альбицци, для выбора «балии», комиссии с чрезвычайными полномочиями,—обычное средство флорентийских государственных переворотов. На этот раз целью балии был суд над Козимо,—по обычной форме, прибавлено было и преобразование государственнаго управления, но, конечно, не в этом было главное дело. Сидя в одной из башен дворца синьории, Козимо мог слышать шум народной сходки, смешивавшийся с бряцанием оружия и звоном вечевого колокола, созывавшаго членов балии. Не раз ему казалось, что все кончено; но деньги и здесь одержали

победу над открытою силой. Сторож его тюрьмы явился первым его пособником: через него Козимо вошел в сношения с человеком, от котораго зависела судьба пленника. Гваданьи, за деньги согласившийся осудить Козимо, не затруднился за деньги отпустить его на волю: когда гонфалоньер положил в карман тысячу флоринов, балия нашла, что изгнание будет достаточным наказанием для подсудимаго. Это была бы тяжелая кара для всякаго другого флорентийца, но не для Медичи, три четверти капиталов котораго были помещены за границей. Все окончилось тем, что Козимо должен был уехать из Флоренции; он отправился в Венецию, где его приняли не как изгнанника, а как государя. Само флорентийское правительство нуждалось в услугах опальнаго банкира: все время синьория вела с «изменником» правильную переписку. Дело приняло характер комедии, в которой самая благородная роль досталась Козимо, а самая некрасивая пришлась на долю Альбицци.

Число их сторонников быстро уменьшалось, между тем как противная партия росла. Вожди олигархии, повидимому, отчаялись в своем успехе: по крайней мере, целый почти год они оставались в бездействии. Наконец, синьория оказалась переполненной друзьями Медичи: тогда их враги вышли из оцепенения, но только для того, чтобы сейчас же перессориться между собою. Между тем как одни,—и во главе их Ринальдо Альбицци, представитель семьи, требовали насильственных мер,—Палла Строцци и его друзья находили дальнейшую борьбу безполезною. Покинутый всеми, Ринальдо должен был искать убежища под кровом папы Евгения IV, проживавшая тогда во Флоренции Ему удалось спасти свою жизнь, но не свое положение: почти в полном составе недавно правившая партия должна была пойти в изгнание. Каждому был указан для жительства особый город, котораго он не смел оставить под страхом конфискации всего имущества, и не было почти ни одного города Италии, где бы не жили флорентийские изгнанники. Многим из них не пришлось снова увидеть родину: все более или менее разорились. Приговор, состоявшийся относительно Козимо, был уничтожен, и он приглашен вернуться обратно. Толпы народа всюду встречали его, начиная от самой тосканской границы; все население Флоренции вышло на Via Larga, где он должен был ехать. Но Козимо скромно пробрался в город окольным путем, почти никем не замеченный, и прежде всего отправился во дворец синьории, чтобы засвидетельствовать свое почтение законному правительству.

Тиранния Козимо

В действительности, правительство помещалось в его собственном доме: с этих пор (сентябрь 1434 г.) до его смерти (1 августа 1464) ни одно государственное дело не совершалось без его согласия. Внешняя политика была в его исключительном заведовании, так что для иностранцев Козимо Медичи представлял собою Флоренцию. Банкирский дом Медичи сам по себе был превосходной дипломатической организацией; своими безчисленными разветвлениями он охватывал всю Европу. В Лондоне и Брюгге, в Женеве и Авиньоне, в Лионе, в Милане, в Венеции были его отделения: везде он держал в своих руках нерв всякой политики—государственный кредит. Когда король неаполитанский заключил с Венециею союз против Флоренции, Медичи закрыли для них свои кассы, и, несмотря на военное превосходство союзников, они должны были просить мира. Но и военная сила приобретается на деньги: особенно в ту эпоху наемных войск, число солдат точно соответствовало числу флоринов, которыми располагало государство; лучшие кондотьеры Италии,—Сфорца впереди других,—были к услугам Флоренции, благодаря медичейскому банку. Его влияние чувство-

вали на себе самые могущественные государи Европы. После небольшой флорентийской республики король Людовик XI встречал, с блестящею свитой, за две версты от города, и все время разговора стоял без шляпы, потому что флорентийский посланник не хотел накрыться[1]. Для флорентийцев это не было только удовлетворением пустого тщеславия: интересы множества граждан зависели от тех отношений, в каких Флоренция была к другим государствам. В 1469 г. во Франции считали 24 флорентийских фирмы, в неаполитанском королевстве 37, в Турции не менее 50, и у каждой было, конечно, не мало вкладчиков. Очевидно, Флоренция не могла найти лучшаго министра иностранных дел, чем Козимо; влияние на международныя отношения было всегда самым прочным устоем господства Медичи: с утратой этого влияния пала их власть. Во внутреннем управлении Козимо был гораздо менее самостоятелен: здесь положение дел немногим изменилось со времен Альбицци, только люди были другие. В новой олигархии было больше дисциплины, она больше зависела от Медичи, чем старая от Альбицци, но все-же это была олигархия. Выборы в высшия государственныя должности сначала были поручены особой комиссии (accopiatores), но потом вернулись к старой системе образования stato: во всяком случае, Козимо мог влиять на замещение приоров и гонфалоньера только косвенно. Нужно было особенное искусство, чтобы при таком устройстве, приспособленном к правлению *партии*, проводить свою *личную* волю. Козимо обладал этим искусством: по своему обыкновению незаметно, не выдвигаясь вперед, он умел безследно уничтожать своих врагов и крепко держал в руках друзей. Для этого ему нужно было только не выпускать из-под своего влияния распределения налогов. Он усовершенствовал систему раскладки, проведя еще дальше начало прогрессивности, как теперь говорят, т. е. относительное повышение налога по мере увеличения средств плательщиков. Все граждане были разделены на 14 классов: низший платил 4, высший $33^1/_3$% своего дохода. Повидимому, дело шло о том, чтобы облегчить бедняков, но применялся новый закон так, что последствием было разорение богатых противников Козимо. В итальянских городах того времени,—как и в городских общинах античнаго мира,—власть государства над личностью была очень велика: интерес отдельнаго гражданина не принимался в расчет, когда дело шло об интересе общины,—по известному афоризму: «salus populi suprema lex». Оттого при определении облагаемаго податью имущества больше всего заботились об увеличении государственнаго дохода, а не о справедливости. Какой произвол здесь допускался, видно из слов одного современника Медичи, написавшаго около 1430 г. наставление своему сыну о том, как жить на свете и устраивать свои дела. Перечислив разныя средства избавиться от несправедливаго обложения, автор советует, если они не помогут,—не платить вовсе и возмутиться против общины. «Старайся,—говорит он сыну,—так распорядиться твоим имением, чтобы у тебя не могли его отнять... закопай деньги в землю, или пусти в заграничную торговлю, или зашей в платье и перевези в Венецию или Геную и там помести под вексель. Устрой так, чтобы отделаться потерею $^1/_3$ или $^2/_5$ своего состояния». Последния слова особенно характерны: они показывают, до каких невероятных в наши дни размеров мог доходить налог. Представим себе теперь, что комиссия, ведавшая раскладку податей, состояла из людей зависевших от Медичи,—что не трудно было устроить: нам будет понятно, какою громадною властью располагал Козимо. Он не стеснялся ею пользоваться. Джаноццо Манетти, гуманист и государственный человек, употребив-

1 Самый факт случился несколько лет после смерти Козимо—но так как речь идет не о его личном влиянии, а о влиянии банка, то мы считаем возможным указать этот факт теперь же.

ший всю жизнь на службу республике и научныя занятия, осмеливался держать себя слишком самостоятельно: его обложили так, что в несколько лет он должен был заплатить 135,000 флоринов (почти полтора миллиона рублей на наши деньги), и из богача превратился в нищаго.

Деятельность Козимо во Флоренции

Держа в своих руках кошельки всех граждан, открывая широкий кредит тем, кто был на его стороне, безжалостно разоряя всех, кто был хоть сколько-нибудь подозрителен, Козимо мог продолжать свою любимую политику,—никогда не выступая лично, всегда давать чувствовать свое влияние. Став почти государем Флоренции, он вел такой же скромный образ жизни, как прежде. Он был все так же учтив и предупредителен; сам человек уже пожилой, он на улице всегда уступал дорогу людям старше себя. Живя больше на вилле—деревенский воздух был полезен для его слабаго здоровья,—он по утрам работал в своем винограднике или фруктовом саду, сам прививал и подрезывал деревья, и толковал с местными крестьянами о разных хозяйственных делах. У него была чисто флорентийская страсть хозяйничать и строиться: в городе он продолжал,—в больших размерах, конечно,—делать то же, чем занимался в своем имении. Он канализировал Арно, развел сады на городских пустырях—Флоренция была застроена не особенно плотно;—воздвиг целый ряд монументальных сооружений: церковь св. Лаврентия, монастырь св. Марка, аббатство Фиезоле, множество приделов и капелл в других церквах отстроены частью им, частью при его главном содействии. Тут, впрочем, действовали и другое мотивы, кроме страсти к постройкам. Один из его биографов разсказывает, что Козимо постоянно мучили укоры совести: ему казалось, что богатства приобретены им не вполне угодными Богу путями. Употребив часть своих капиталов для благочестивых целей, он надеялся этим очистить свою душу. Но Козимо не было чуждо и более глубокое, более серьезное отношение к нравственным вопросам. Под старость часто видали его задумчивым; иногда он по целым часам не произносил ни слова. Его жена, наконец, спросила его, почему он все молчит? «Когда ты переезжаешь в деревню, ответил Козимо, ты две недели обдумываешь все, о чем тебе нужно позаботиться: неужели тебе кажется, что меньше забот у человека, который собирается переселиться в другой мир?» Едва ли не в этих мучительных размышлениях о том, что ждет его за гробом, лежит причина его интереса к платоновской философы,—интереса, во всяком случае, неожиданнаго в деловом человеке. Любопытно, что деловыя привычки вполне совмещались с серьезным настроением сердечно сокрушеннаго человека: увлекаясь Платоном, он и здесь поступает, не спеша и обдуманно, с полным сознанием цели и средств, которыя нужны для ея достижения; приискивает молодого человека, обещающаго быть хорошим профессором философии—известнаго Марсилио Фичино—заботится о его образовании, составляет для него план занятий на несколько лет, словом—неутомимо, в течение долгаго времени, преследует свою цель и, наконец, под старость становится внимательным слушателем своего молодого воспитанника. В более грубой форме тот же контраст можно наблюдать при его благочестивых постройках: желание очистить свою душу нисколько не мешало Козимо быть экономным и разсчетливым до скупости. Материал, особенно дорогия краски—ультрамарин и золото, выдавались художникам в пределах крайней необходимости. Сохранилось письмо (1459 года) одного живописца—Беноццо Гоццоли—к Пьеро Медичи, сыну Козимо: художники слезно выпрашивает у Пьеро, очевидно, не решаясь обратиться к самому стари-

ку,—выдать ему 50 флоринов и купить ультрамарину: робкий, боязливый тон письма ясно показывает, что такая щедрость была не в обычае у Медичи. Нужно, впрочем, заметить, что художников в то время не отличали от простых ремесленников; в лучшем положении были литераторы. Их больше уважали—уже потому, что от них зависели слава или забвение в потомстве; а славой в ту пору,—в эпоху сильнейшаго влияния античнаго мира и его воззрений—очень дорожили. К голосу литературы внимательно прислушивались; ея представителей старались иметь на своей стороне, а потому к ним были гораздо щедрее. Личные вкусы Козимо также влекли его в эту сторону: оттого здесь отношения были более близкия и дружественныя. Когда знаменитый гуманист Никколи нуждался в деньгах, Козимо велел своему флорентийскому банку выдавать ему за свой собственный счет столько, сколько тот спросит. Не жалел он денег и на удовлетворение другой потребности ученых и писателей, особенно дававшей себя чувствовать в то время: на устройство библиотек. Это было самое полезное для европейской культуры проявление хозяйственных наклонностей Медичи: редко где так кстати были его способности дельца-организатора. В наши дни книги достаются относительно легко, и мы с трудом можем себе представить, что стоило собрать порядочную библиотеку в те времена. Книгопечатание явилось лишь в самом конце жизни Козимо, а рукописи были страшно дороги. Никколи завещал свое собрание книг государству с тем, чтобы доступ к ним был открыт для всех,—это была первая в Европе публичная библиотека. Флорентийцы, конечно, не замедлили в точности сосчитать и оценить книги: оказалось 800 манускриптов, всего ценою на 6,000 флоринов; средним счетом каждая рукопись стоила, следовательно, $7^1/_2$ флоринов:—около 105 рублей; но особенно тщательно переписанныя или украшенныя миниатюрами стоили гораздо дороже, порой несколько тысяч рублей. Иногда покупка была совсем невозможна,—существовал, например, только один экземпляр, с которым владелец не желал разстаться: при отсутствии правильнаго книгоиздательства это случалось сплошь и рядом. Тогда оставалось одно,—заказать новую копию, т. е. найти достаточно образованнаго человека,—особенно, если дело шло о переписке греческой рукописи,—отправить его туда, где хранился оригинал, содержать там его на свой счет, пока он не кончит работы, да еще заплатить ему порядочное вознаграждение. Понятно, почему иным небогатым ученым,—в том числе и Никколи,—казалась удобнее самим списывать сочинения, если их не было в продаже. Только Козимо Медичи мог держать целую канцелярию переписчиков, 45 человек, которые в 22 месяца приготовили для него 200 томов. Только с его средствами можно было основать целый ряд богатых и прекрасно устроенных библиотек: San Giorgio в Венеции—в благодарность за радушный прием в дни изгнания, а во Флоренции—в монастырях Сан-Марко и Фиезоле, им обстроенных. В первую из двух флорентийских поступили и рукописи Никколи, помещенныя в обширном зале, открытом для всех желающих. Нужно сказать, что время тогда было чрезвычайно удобное для таких предприятий: оживленныя сношения с Византией, благодаря переговорам о соединении церквей, открыли для западной Европы книжныя сокровища Константинополя. С другой стороны, Констанцский собор был целой эпохой в книжном деле: итальянские гуманисты, принадлежавшие к папской курии, имели здесь случай познакомиться с библиотеками немецких монастырей. Особенно прославился своими открытиями на этом поле близкий с Медичи Поджио Браччиолини. Книжный рынок быстро наполнился,—тому, кого не стесняли издержки, оставалось только выбирать. Книжное собрание Козимо,—особенно множество манускриптов древних классиков, до сих пор привлекает во Флорен-

цию ученых филологов. Устав основанной им библиотеки Сан-Марко, написанный Томазо де-Сарцано,—будущим Николаем V, гуманистом на папском престоле, а в то время скромным ученым,—стал образцом для всех подобных учреждений Италии. Другия библиотеки, напр., знаменитая урбинская, наполнялись копиями с медичейских рукописей.

Вероятно, Козимо никогда не думал, что его библиотека будет самым прочным воспоминанием о Медичи. Его современники во всяком случае больше ценили то, что он сделал для роднаго города, нежели то, что он сделал для всех образованных людей. По постановлению синьории на памятнике Козимо было вырезано, что флорентийский народ назвал его «отцом отечества» (Cosmus Mediceus decreto publico pater patriae). Трудно сказать, любили ли действительно флорентийцы своего некоронованнаго государя. Реформой налогов он осуществил одно из главных требований народной партии в 1378 г. Но мы видели, что облегчение бедняков не было действительной целью этой реформы: она была направлена против богатых, не желавших подчиняться власти Медичи. Многие были лично обязаны Козимо,—и в этом он сам видел главную поруку своего господства; не раз говорил он, довольно цинически, что сделал в своей жизни лишь одну ошибку—начал раздавать деньги слишком поздно. Как бы то ни было, за тридцать лет его управления народ привык видеть Медичи во главе города, многие привыкли также пользоваться их поддержкой в торговых делах. Этого было достаточно, чтобы масса населения была на их стороне: принимать непосредственное участие в управлении низшие классы уже давно отвыкли. Не так легко было удовлетворить членов stato. Пока был жив Козимо, его авторитет как перваго делового человека Флоренции, признавался всеми. Но чем старше становился глава семьи, тем больше обнаруживалось, что уважение относилось к личности, а не к установившейся форме управления. В предвидении близкой кончины Козимо, его ближайшие помощники явно готовились занять первое место и устранить от власти его потомство. С другой стороны, Медичи смотрели на свое политическое влияние, как на такую же собственность своей фирмы, как и торговый кредит: заняв место своего отца на денежном рынке Европы, Пьеро Медичи считал своим правом занять его место в городе. Эта борьба двух противоположных течений, которыя можно назвать олигархическим и монархическим, сменяет теперь борьбу олигархии и народа, наполнившую собою предшествующее столетие флорентийской истории.

Пользуясь своим влиянием на государственное управление, Медичи приспособляют учреждения Флоренции к своим потребностям и стараются наполнить их своими людьми, которые принадлежали бы к stato не в силу своего общественнаго положения, а по милости главы государства. Все выборы в государственныя должности стали происходить при участии особой комиссии 10 accopiatori: в ея состав входили наиболее близкие к Медичи люди (впоследствии, при Лоренцо, и сам представитель фамилии); они были ея членами пожизненно,—между тем, как синьория менялась каждые два месяца: легко понять, кто был сильнее. Другая комиссия—otto di guardia,—представляла собою судебно-полицейский трибунал: с помощью ея не трудно было исправить ошибку аккопиаторов, если бы они пропустили в синьорию неудобнаго человека. О политической борьбе при таких условиях нечего было, конечно, и думать: держа обе комиссии в своих руках, Медичи были обезпечены от той судьбы, которая постигла Альбицци. Но здесь была своя обратная сторона: крупное купечество не так легко было отучить от самоуправления, как простой народ. Люди, несколько поколений под-ряд правившие городом, чувствовали себя такими же законными

хозяевами Флоренции, как и сами Медичи. В исключительном преобладании одной семьи они видели нарушение своих прав, насилие,—и более горячие не стеснялись сами употреблять в отпор насилие. XIV век был для Флоренции эпохой народных возстаний (tumulti); в XV—их сменяют заговоры.

Уже сыну Козимо пришлось иметь дело с подобным заговором флорентийской знати, во главе котораго стояли самые влиятельные после Медичи члены stato,—Лука Питти и Дитиосальви Нерони. Затеянное ими дело не удалось, но это не послужило уроком для олигархии: двенадцать лет спустя была сделана новая попытка свергнуть власть Медичи; это был известный во флорентийской истории «заговор Пацци». Хотя он был вызван чисто личными мотивами и не внес ничего новаго в историю политическаго развития Флоренции, тем не менее на нем стоит остановиться, как на типическом, характерном случае политической борьбы в эпоху Медичи.

Заговор Пацци

Пьеро, постоянно страдавший подагрой, только на 5 лет пережил отца. Из двух его сыновей, внуков Козимо, старшему, Лоренцо, было всего 21 год; если и при таких условиях власть осталась за Медичи, это показывает, до какой степени stato было уже переполнено лично им преданными людьми. На собрании сторонников Медичи, тотчас после смерти Пьеро, прямо было заявлено, что Флоренции необходим правитель, который бы один вел все дела синьории; возражать никто не решился. Первое время, разумеется, правили все-же старшие члены партии. Но скоро Лоренцо дал почувствовать свою личную волю. Как и его дед, он не делал строгаго различия между своими частными делами и делами флорентийской республики. В денежном отношении это было, по большей части, выгодно для города. Лоренцо с гордостью указывает в своих «записках» (Ricordi), что с 1434 по 1471 год его дом издержал на пользу Флоренции 663,755 флоринов (почти $9^{1}/_{4}$ миллионов рублей). Пока, если не считать мелких недоразумений,—в роде того, что медичейский банк платил Сфорце его жалованье малоценной монетой, за что синьория должна была слушать нарекания,—в общем дело шло хорошо, с финансовой стороны. Но тут была и другая сторона: конкурренты банка имели против себя все силы флорентийскаго государства; при смешении частнаго и общественнаго интереса со стороны Медичи, их противники легко переходили от торговаго соперничества к политическому заговору. Пацци были самыми богатыми флорентийскими банкирами после Медичи. Центром их операций был Рим. Когда Сикст IV, стараясь обезпечить одного из своих непотов (Джироламо Piapio), хлопотали о покупке города Имолы,—он натолкнулся на противодействие со стороны Лоренцо Медичи. Соображения последняго были политическия, государственныя, а не своекорыстныя: он преследовали любимую идею флорентийской политики, идею «равновесия», сыгравшую такую видную роль впоследствии в Европейской дипломатии, куда ее перенесли итальянцы. Усиление папы, как итальянскаго государя, хотя бы и через непотов, было невыгодно для других итальянских государств и прежде всего для ближайших соседей церковной области, в том числе и для флорентийцев. Лоренцо уговорил флорентийских банкиров не давать Сиксту IV денег;—Пацци одни не послушались: папа купил Имолу при их помощи и в благодарность отдал в их управление денежныя дела курии, которыми до тех пор заведывали Медичи. Здесь начинается личное столкновение. Мстя счастливому сопернику, Лоренцо прежде всего употребили в дело обычное средство—налоги. Потом ему представился случай

наказать Пацци еще чувствительнее: благодаря его всесильному влиянию они не получили одного чрезвычайно крупнаго наследства, которое должно было перейти в их род. Наконец, глава римскаго дома, Франческо Пацци, получил приказание синьории явиться во Флоренцию,—что не предвещало ничего добраго. Было очевидно, что Медичи решили употребить все средства, чтобы разорить своих противников,—и не было никакого законнаго способа помешать им. Отчаянное положение и личный характер Франческо одинаково хорошо объясняют, почему ему пришла мысль—просто уничтожить своего врага. В Риме он без труда нашел пособников, в лице обиженнаго Лоренцо непота, Джироламо Piapio, и даже, если верить некоторым свидетельствами, в лице самого папы. Достоверно, что войска, находившияся на папской службе, должны были играть не последнюю роль в готовившемся предприятии. Среди флорентийской знати не трудно было найти недовольных; к заговорщикам примкнули такая видныя лица, как архиепископ города Пизы, из флорентийской фамилии Сальвиати. Долго выжидали удобнаго случая; трудность заключалась в том, что нужно было поразить обоих братьев, Лоренцо и Джульяно, вместе; смерть одного ни к чему бы не привела, потому что другой стал бы на его место. Наконец, решили воспользоваться праздненствами, которыя устраивали Медичи в честь гостившаго тогда во Флоренции другого родственника папы, Рафаэлло Сансони, двадцатилетняго студента, только что возведеннаго Сикстом IV в кардиналы. Заранее тщательно распределили, кому что делать; кондотьер, который сначала взялся убить Лоренцо, отказался, когда узнал, что местом преступления выбрана церковь; тогда нашли двух духовных, которые,—как объясняет один современник,—«привыкли к священному месту и потому не боялись». Это спасло жизнь старшему Медичи, так как духовныя особы, хотя и были храбрее кондотьера, но не умели владеть оружием. Для нападения был выбран тот момент обедни, когда священник произносит: «ite, missa est» («с миром изыдем»): тут молящиеся начинают выходить из церкви, так что в суматохе нетрудно было совершить покушение; в то же время, колокольный звон, сопровождающий обыкновенно эти слова, должен был служить сигналом для заговорщиков, находившихся вне храма.

26 апреля 1478 года Santa Maria del Fiore, обычное место всех церковных торжеств Флоренции, была полна народом; заговорщики с нетерпением ожидали появления Медичи,—как вдруг Лоренцо пришел один: у Джульяно заболела нога, и он остался дома. Все грозило разстроиться. Двое заговорщиков отправляются тогда в дом Медичи, где они были своими людьми; Пацци приходились даже родственниками и, несмотря на деловую вражду, в частном быту отношения были близкия. Джульяно уговорили выйти; один из будущих убийц шутя обнимает его,—и тщательно ощупывает, нет ли на нем панцыря. Затем все в дружеской компании отправляются в церковь. В назначенную минуту один из заговорщиков нанес смертельный удар младшему Медичи; несчастный упал,—тогда Франческо Пацци бросился на лежавшаго и стал колоть его кинжалом с такой силой и таким бешенством, что тяжело ранил самого себя. Между тем, Лоренцо без труда отбился от своих неловких убийц и, отделавшись легкой раной, укрылся за прочными бронзовыми дверями ризницы. В это время пизанский архиепископ по сигналу, данному колоколами собора, с отрядом вооруженных людей поспешил ко дворцу синьории. Но неудача всюду преследовала заговор: пока Сальвиати пошел к приорам, его спутники спрятались в канцелярии синьории; когда они прикрыли за собою дверь, самодействующий замок заперся сам собою, и спрятавшиеся

оказались в плену. Не видя своих товарищей, архиепископ так смутился, что выдал себя своим взволнованным видом и безсвязными речами. На его беду гонфалоньер Петруччи, преданный Медичи всей душой, оказался человеком бывалым, уже испытавшим подобную передрягу при Пьеро Медичи. Он сейчас же распорядился арестовать Сальвиати и, захватив из кухни вертел за неимением другого оружия, храбро напал на остальных заговорщиков, во главе своих товарищей-приоров. Несмотря на неподходящее вооружение, энергия и смелость синьоров взяли верх над потерявшими присутствие духа противниками.

Тем временем весть о покушении разнеслась по городу. Толпы народа, с криками Palle! Palle! (шары! шары!) бросились к собору, к дому Медичи, ко дворцу синьории. «Никто не крикнули «Marzocco!» с грустью замечает один современник-противник Медичи: шары были в их гербе, а Marzocco назывался гербовой лев Флоренции. В критическую минуту все помнили только о Медичи, никто не заботился о республике. Слишком большая самоуверенность заговорщиков оказалась для них вредна: вполне разсчитывая на успех, они совсем были сбиты с толку неожиданной неудачей. Самый влиятельный из них во Флоренции, Якопо де-Пацци, бежал из города с двумястами вооруженных людей, которых было бы достаточно, чтобы изменить судьбу всего дела, потому что у народа были только палки и камни. Паника распространилась среди сторонников Пацци. Борьба скоро превратилась в дикую травлю. Народ хватал заговорщиков, убивал их, рвал в куски; голова одного из них, насаженная на копье, служила знаменем толпе черни, собравшейся против дома Медичи. Казни продолжались несколько дней, без суда и следствия. Архиепископа пизанскаго не спас его священный сан: он был повешен вместе с Франческо и Якопо Пацци; последняго задержали почти на самой границе Тосканы крестьяне, как и городское простонародье, державшее сторону Медичи. Были казнены и ни в чем неповинные члены семьи, только потому, что они тоже Пацци; всего погибло до 100 человек. По оригинальному флорентийскому обычаю, казнь была увековечена на особой картине, в назидание потомству; для большаго позора—или в насмешку,—осужденные были нарисованы висящими вниз головой. Гербы Пацци были везде тщательно истреблены; «перекресток Пацци» должен был переменить свое название. Немногие спаслись бегством, но и за границей они не были в безопасности. Влияние Медичи достигало так далеко, что один из заговорщиков был арестован в Константинополе и, по приказана Магомета II, выдан флорентийскому правительству: современный хронист наивно объяснил это тем, что султан был очень возмущен попыткой убийства в церкви.

Папа Сикст IV был во всяком случай меньше возмущен святотатством, чем турецкий султан. Первым следствием народной расправы с друзьями папы было церковное отлучение, наложенное на Флоренцию: самовольная казнь архиепископа послужила хорошим предлогом. Но в XV в. уже мало было одного духовнаго оружия: король Фердинанд неаполитанский, союзник римскаго престола, должен был на деле показать виновным все значение папскаго гнева.

Тиранния Лоренцо

Положение Лоренцо было трудное, но, как и 26 апреля, казалось, сама судьба была на его стороне. Путем личных переговоров с Ферранте в Неаполе ему удалось лишить папу главнаго союзника: война привела даже к расширению флорентийской территории, и, что было важнее для Медичи,—еще усилила любовь народа к Лоренцо. Нельзя было не ценить

его самопожертвования, когда он, среди войны, смело отправился в самую пасть зверя,—в Неаполь, чтобы склонить короля к миру. Это был, действительно, риск—вероломство самое грубое было тогда заурядным делом, Ферранте мог захватить и даже убить Лоренцо: но здесь нужно принять в соображение и то, что король не мог обойтись без медичейскаго банка.

Во внутреннем управлении заговор Пацци ничего не мог изменить: оно и так уже было близко к монархическому, насколько это совместимо с республиканскими формами. Смерть Джульяно только усилила монархический элемент, избавив Лоренцо от соправителя, в начале еще очень послушнаго, но который мог стать неудобным впоследствии. Кроме того, после измены Пацци Лоренцо стал гораздо тщательнее следить за членами самой правящей партии. Бдительный надзор не ограничивался одной политической областью, но захватывал и частныя, даже семейныя дела: ни одна крупная сделка, ни один брак не совершались без разрешения Медичи. Их сторонники, даже занимая высшия государственныя должности, не смели забывать, что они только орудия в руках Лоренцо. Один гонфалоньер, не спросив его, лишил политических прав,—аммонировал—за какой-то проступок одного из членов городского управления. Лоренцо был крайне раздражен такой неслыханной дерзостью, и, по его настоянию, смелый гонфалоньер был сам «аммонирован», лишь только истек срок его службы. Олигархическия учреждения готовы были стать такою же пустой формой, какой уже давно стали демократическия. Никогда еще власть Медичи не была, повидимому, так прочна, как после заговора Пацци. Никто бы не сказал, что она накануне падения, что она и на три года не переживет Лоренцо «Великолепнаго».

Принципат Медичи во Флоренции представлял собою, прежде всего, силу капитала,—главную движущую силу этого города капиталистов. Господство Медичи естественным путем выросло из условий, созданных вековою историей Флоренции. Во главе всеевропейскаго банка должен был стоять банкир: таким и был Козимо Медичи, «счастливый купец»,—чем особенно гордился его сын Пьеро. Его внук воспитывался, как принц, а по природным наклонностям был гуманист, поэт и художник, был представителем медичейскаго блеска, но не медичейской деловитости. Благодаря Лоренцо, Медичи заняли почетное место в истории поздняго «Возрождения», но ценою такого же места в истории своего родного города.

Лоренцо как меценат

История возрождения классической древности неразрывно связана с историей Флоренции XIV—XV веков. Первый человек новаго времени,—и в тоже время величайший писатель средних веков,—Данте был флорентинец. Один из патриархов гуманизма, Джованни Боккаччьо, жил здесь постоянно; другого, Петрарку, флорентинцы очень желали видеть у себя, но он к ним не поехал. Они, однакоже, нашли другое средство показать, что имеют некоторое право на передовое место в начинавшемся литературном движении. Основанный ими в 1348 г. университет стал, под влиянием Боккаччьо, одним из главным очагов гуманизма. Здесь была основана кафедра греческаго языка раньше, нежели где бы то ни было в Италии, раньше даже, чем можно было найти подходящаго профессора[1]. В числе преподавателей мы встречаем большинство людей, чем-нибудь известных в литературной истории того времени, своих, туземных и приезжих, чаще всего греков, искавших здесь убежища и

1 См. статью «Греки в Италии».

заработка. Гуманистов привлекал сюда не один университет. При возрождении античнаго мира возродилась и классическая латинская речь: стыдились употреблять кухонную латынь, даже в деловых документах, предназначенных для публики, требовали цицероновскаго стиля,—тем более в официальной истории и в речах, произносившихся тогда при всяком торжественном случае. Для всего этого нужны были латинисты;—Флоренция, при своем богатстве, могла купить услуги самых лучших. Они занимали в городе, конечно, служебное, но все-таки очень почетное положение; некоторые, как Колуччьо Салютати, Поджио Браччиолини, Марсуппини, были канцлерами республики; других мы встречаем в качестве «ораторов» флорентинских посольств в разных государствах. Принятые в домах флорентийской аристократии, они поддерживали здесь литературные вкусы, возбужденные некогда Боккаччьо и его современниками. В начала XV-го века аудитории Studio были полны флорентинцами из высших классов общества, не стыдившимися сидеть рядом с бедными гуманистами, которые приходили сюда учиться со всех концов Италии. Здесь можно было встретить не только молодежь, но и пожилых людей; для некоторых,—как уже упомянутые Джаноццо Манетти и Палла Строцци,—литература стала серьезными занятием. Медичи не составляли исключения: Поджю был в их доме свой человек, так же, как Марсуппини и Никколи. Когда Козимо должен был удалиться из Флоренции,—в 1433 г.—политическая борьба отразилась и в литературе: на него обрушился его озлобленный противник Филельфо, с которым, в свою очередь, вступили в бой гуманисты—друзья Медичи. Сам глава дома был человек мало образованный,—Макиавелли называет Козимо просто «неученым», senza dottrina,—но любил читать. Мы знаем некоторыя литературныя работы, исполненныя по его почину: например, биографии философов Диогена, Лаэрция для него перевел Амброджио Траверсари, ученый монах камальдульскаго ордена, большой друг Медичи, которому они помогали деньгами и книгами. В семье скоро нашлись свои поэты: Лукреция, невестка Козимо и мать Лоренцо, писала стихотворения религиознаго содержания. Не было недостатка и в представителях искусства: Козимо любил общество живописцев и скульпторов,—которым он постоянно давал так много работы;—особенно близок к нему был знаменитый Донателло. Их отношения настолько своеобразны, что стоит привести разсказ одного современника, близко знавшаго обоих,—Веспасиана да-Бистиччи, историка и книгопродавца в одно и то же время. Донателло, как и большая часть художников всегда и везде, мало обращал внимания на свою одежду, что не нравилось Козимо, который любил во всем порядок. Он придумал сшить скульптору костюм по своему вкусу и подарить; Донателло принял подарок, но не стал носить,—«не то,—говорил он,—люди подумают, что я совсем избаловался».

Искусства, как и литература, принадлежали, таким образом, к домашней обстановка, в которой рос маленький Лоренцо. От своего деда он унаследовал живой и ясный ум; те способности, наклонности и вкусы, которыя не могли развиться в Козимо, вследствие условий его жизни, у его внука, благодаря тщательному воспитанию, достигли почти размеров таланта. Ему были доступны все отрасли искусства; в архитектуре он считался во Флоренции,—и сам себя считал,—особенным знатоком. Когда город объявил конкурс на постройку фасада S-ta Maria del Fiore, в числе представленных проектов был и принадлежавший Лоренцо. Церковь от этого, впрочем, не выиграла: комиссия, разсматривавшая проекты, не согласилась с предложением Лоренцо, но, боясь его обидеть, не решилась принять какой-

нибудь другой проект, так что фасад остался недостроенным. Замысел Лоренцо не был, однако, совсем неудачным: впоследствии им воспользовались. Когда папа Лев X,—Джованни Медичи, сын Лоренцо,—торжественно въезжал в город, S-ta Maria del Fiore украсилась временным фасадом, построенным по рисунку его отца. Как бы то ни было, художники считали Лоренцо своим собратом, и на этом основании не стеснялись с ним в обращении. Разговаривая с ним об украшении мозаикою купола той же церкви, один художник заметил, что трудно найти мастеров-мозаичистов. «У меня достаточно денег, чтобы нанять мастеров», гордо возразил Медичи. «Э, Лоренцо,—перебил его собеседник,—не деньги создают мастеров, а мастера деньги».

Лоренцо мог бы на это с большим правом привести в пример самого себя, как доказательство, что деньги могут создать гораздо больше самого мастера. Его собрание произведений античнаго искусства, конечно, больше имело значения, чем все его собственныя работы. Собирать вообще, в том числе и памятники искусства, было наследственною страстью Медичи: у Козимо было богатое собрание античных ваз, монет, медалей и гемм, стоившее ему до 30,000 флоринов. «Кто хотел угодить Лоренцо», говорить его биограф, Никколо Валори, «тот посылал ему замечательныя по своей работе монеты, бронзовыя вещи и вообще всякаго рода древности, какия только существовали во всех частях света. Возвращаясь из Неаполя на родину, я послал ему бюсты императрицы Фаустины и Африкана[1], вместе с несколькими другими, прекрасно изваянными, мраморами. Я не могу передать, с каким радостным лицом он их принял. Все, что он отовсюду собрал, он тщательно хранил у себя дома. Не всякому показывал он это, но только знатокам; лишь в дни торжественных пиров произведения искусства выставлялись на стол, чтобы оказать почет гостям. Когда герцог Федериго Урбинский увидел у Лоренцо все эти драгоценности, он удивлялся не только материалу и художественной работе, но и невероятному числу предметов. Говорят, он сказал Лоренцо: «как много могут терпение и любовь! Я вижу здесь царское сокровище, но такое, какое ни один король не соберет при помощи денег или военной силы».

Кроме художественных остатков античнаго мира, Лоренцо продолжал приобретать рукописи классических авторов; он значительно увеличил библиотеку своего деда, которая и получила свое название—Laurentiana от имени младшаго Медичи. Но и в этом случае он обнаружил более глубокий и сознательный интерес, нежели Козимо. Лоренцо не был только читателем или слушателем чужих произведений,—он сам был писателем, не особенно крупным или оригинальным, но тем более любопытным для историка, потому что его произведения отражают в себе настроение не одного человека, а всего общества. Он жил в то время, когда еще преклонялись перед классическою древностью, но уже не удовлетворялись ею одною, искали новых путей в литературе,—«когда вечерняя заря сливалась с утреннею», по картинному выражению одного немецкаго историка. Как дань этому новому направлению, мы находим у Лоренцо горячую апологию итальянскаго языка, почти вытесненнаго из литературнаго употребления латинскою речью. Теперь несколько странно читать доказательства того, что язык Данте и Боккаччьо не унизит литературы,—но мы знаем из других источников, что мода на латынь приводила почти к полному забвению Данте: даже язык «Божественной комедии» был многим непонятен. Защита Данте вовсе не была не-кстати, при том защита очень остроумная: Лоренцо выходит из совершенно вернаго по-

1 Вероятно, Сципиона Африканскаго.

ложения, что совершенство языка состоит в его способности выражать наши мысли и чувства, и доказывает, что Данте легко выражал по-итальянски самыя отвлеченныя понятия и самые тонкие оттенки ощущений. Он заключает свой маленький трактат пророчеством будущего величия Флоренции и ея родной тосканской речи: пророчество исполнилось на половину, потому что тосканский язык действительно стал литературным языком всех итальянцев.

Лоренцо как поэт

В собственных поэтических произведениях Лоренцо видна двойственность вкусов его времени. Здесь есть небольшия идиллии мифологическаго содержания, напоминающия эклоги Вергилия, есть и поэмы чисто народнаго характера, рисующия жизнь тосканских крестьян, и по содержанию, вероятно, заимствованный из народных песен. В лирических стихотворениях перед нами открывается странное соединение, почти можно сказать—странная путаница чувств. Некоторые сонеты дышат глубоким разочарованием: «Коварная судьба смеется надо мною», говорит поэт в одном месте, «я тоскую и не могу успокоиться, постоянныя перемены раздражают мой ум, утомляют мою волю и оставляют только одно впечатление: что мы, люди, очень мало знаем... Что обещало быть прочным—разрушается, что казалось нам твердым склоняется под каждым порывом ветра: одна смерть господствует всегда и везде». Рядом с этим есть вещи, сплошь посвященныя философским размышлениям во вкусе возрождавшагося платонства,—как и нужно ожидать от ученика Марсилия Фичино и председателя платоновской академии. Все указывает, повидимому, на душевное состояние серьезное, даже мрачное: но сейчас же мы встречаем бурные взрывы веселости, наивной и непосредственной до безстыдства. У Лоренцо есть поэма, нарочито посвященная описанию одной шумной попойки; поэма так и называется «Пьяницы» (i Beoni). Но пальма первенства в этом случае принадлежит карнавальным песням (canti carnacialeschi): здесь Лоренцо считался особенным мастером. О них один новейший итальянский писатель выразился, что, если бы теперь кто вздумал пропеть такие стихи ни улице, то неминуемо был бы привлечен к суду по обвинению в нарушении общественных приличий[1]. В то время их никто не стеснялся: лучшее флорентийское общество, воспитанное на классической литературе, слушало такия песни, каких теперь постыдилось бы простонародье. Карнавальныя праздненства были любимым развлечением всей Флоренции; Медичи особенно поощряли подобныя удовольствия, так как они давали им случай выказывать свою щедрость и поддерживали веселое настроение в народе: два обстоятельства, очень важныя для тех, кому нужно было иметь на своей стороне народныя массы. Устраивались пышныя шествия со множеством участвующих, с колесницами, эмблемами, аллегорическими фигурами, шествия, в которых отражалась художественная натура флорентийцев, наряду с влиянием классической древности. Одно из подобных шествий изображало триумф Павла Эмилия; другой раз сюда примешивались отголоски средневекового рыцарства.

Праздненства

Во Флоренции долго вспоминали торжество, устроенное Бартоломеем Бенчи в честь дамы его сердца—Мариетты Строцци. «Восемь молодых людей из знатных семейств,—Пуччи, Альтовити, Веспуччи, Джиролами и др., были участниками. Вечером, в день карнавала, они собрались к жилищу Бенчи, в парчевых камзолах, в серебре и бархате, с позолоченны-

1 P. Villari, Savonarola, I—38.

ми копьями в руках, на конях, покрытых шелковыми чепраками; с каждым всадником было 8 конных слуг и 30 факелоносцев. После ужина все шествие направилось к дому Строцци; сзади поезда несколько человек несли беседку из ветвей лавра, тиса, кипариса и других вечно-зеленых деревьев, со множеством аллегорических изображений, представлявших торжество любви; на верху всего возвышалось пылающее кроваво-красное сердце, из котораго поминутно вылетали ракеты. Кругом—флейтщики и конные пажи, одетые в зеленое, под цвет беседки. Бартоломей Бенчи с позолоченными крыльями за плечами ехал на великолепном коне, покрытом дорогим чепраком, окруженный свитой из 15 юношей хороших фамилий и 150 факелоносцами. Перед окнами Строцци он снял с себя крылья и бросил в беседку, которая в ту же минуту была охвачена пламенем, при чем масса ракет разлетелась по всем направлениям. Когда кончился фейерверк, кавалькада удалилась; хозяин празднества уехал, осаживая лошадь понемногу назад, чтобы не стать спиною к своей даме. Затем процессия объехала весь город; уже под утро вернулась к дому Мариетты и устроила ей серенаду (mattinata). Было совсем светло, когда вся компания вернулась в дом Бенчи, где празднество закончилось, как и началось, пиром». Самое реальное воспоминание об этом карнавале осталось у флорентийской полиции: все служители синьории, охранявшие в эту ночь порядок на улицах, получили от Бенчи в подарок пестрые чулки цветов его дома.

Нет надобности говорить, что правитель Флоренции не отставал от простых граждан, когда дело шло о таких забавах. На турнире, который Лоренцо Медичи устроил в 1469 г. в честь Лукреции Донати, он и его брат Джульяно явились в сопровождении громадной свиты, в одежде, усыпанной жемчугом и драгоценными каменьями; алмаз на щите Лоренцо ценили в 2,000 дукатов; все празднество обошлось Медичи в 10,000 (около 140,000 рублей на наши деньги). Само собою разумеется, что победителем на турнире оказался хозяин праздника; подвиги его со всей подробностью были воспеты в длинной поэме, сочиненной одним из «придворных» стихотворцев дома Медичи. Вообще, здесь уже издавна привились придворные нравы,—в том числе и лесть, довольно грубая для этого общества, на первый взгляд так утонченно-развитого и образованнаго. О шестилетнем Лоренцо воспитатель писал его отцу, что мальчик составляет предмет восторженнаго удивления для всего города. Разсказывая, как он, со своим воспитанником посетил проезжавшаго через Флоренцию герцога Иоанна Анжуйскаго, ученый гуманист, после напыщенных похвал костюму и наружности ребенка, прибавляет: «многие в нем обманулись, так как его серьезность, непривычная для французов, показала им, что он— Лоренцо».

От мальчика не могло укрыться, что окружающие относятся к нему не так, как к другим детям,—и он сам привык смотреть на себя, не как на обыкновеннаго человека. Когда, несколько лет спустя, неаполитанский король прислал ему в подарок породистаго коня, Лоренцо послал в ответ такие богатые дары, что один из приближенных заметил ему: «Вам дешевле стоило бы купить такую лошадь». «Разве вы не знаете», возразил юноша, «что это —царский подарок, и что по-царски—никому не уступать в щедрости». Из вежливости членов семьи Медичи даже титуловали, как членов царствующаго дома: обращаясь к ним, их называли «Ваше Великолепие», Vestra Magnificenzia, а в третьем лице «великолепными», magnifici. Для Лоренцо этот титул стал прозвищем, в котором слилось представление о его властном положении с воспоминанием о блеске и роскоши его праздников и турниров.

Два поколения гуманистов

Эти новыя отношения отразились и на гуманистах, попрежнему наполнявших дом Медичи. Прежняго духа равенства, отличавшаго флорентийское общество, уже давно не было. Старшее поколение друзей Козимо перемерло: он их всех пережил. Это были люди, по большей части, самостоятельные, державшие себя с достоинством: Траверсари был впоследствии генералом своего ордена, другие, как Поджио, зависели от республики, а не от Медичи. Теперь Медичи и республика совпадали; в доме Лоренцо был источник всяких милостей, и среди его литературных друзей нашлись люди, для которых их таланты и знания были только средством, чтобы получить эти милости. Вырабатывался тип придворнаго гуманиста, сочинителя хвалебных од на безукоризненном латинском языке. Иногда такую унизительную роль брал на себя человек действительнаго дарования,—в роде Анжело Полициана (латинизированное Montepulciano). Бедный сирота, воспитывавшийся на чужой счет, он нашел себе приют в доме Медичи, и занял здесь при Лоренцо положение—среднее между другом и доверенным служителем. В своих звучных и красивых стихах он воспевал подвиги своего покровителя на турнирах, его любимаго скакуна, его испанскую собаку, дерево, им посаженное в саду. Но он не всегда умел угождать. Приглашенный воспитывать сына своего хозяина, он поссорился с женой Лоренцо,—и его просто-на-просто выпроводили из дому. Как опальный, проживал он,—зимою, на одной из дач, принадлежавших Медичи, осыпая просительными посланиями Лоренцо и его мать; она, как мы знаем, сама была писательницей, и от нея Полициан мог ожидать больше участия, чем от кого-либо другого. Только с трудом ему удалось добиться прощения, после целаго ряда писем, где гордая самоуверенность писателя, знающаго себе цену, странным образом смешивается с просительным тоном человека, живущаго на хлебах из милости.

Под влиянием новых нравов стало складываться новое направление в поэзии. Классические сюжеты, которые были в ходу в раннюю пору гуманизма, скоро надоели светскому обществу. В погоне за более разнообразным и занимательным материалом, придворные поэты стали разрабатывать богатый запас средневековых рыцарских романов. Таким путем возник романтический эпос, исключительно итальянский, развивавшийся рука об руку с придворной жизнью. Самым знаменитым его представителем был Ариосто, но возник он еще при дворе Лоренцо Великолепнаго; один из друзей последняго, Пульчи, был автором поэмы «Morgante Maggiore»,—ряда романтических приключений, названных так по имени одного великана, который играл в них главную роль.

Это возрождение средних веков в литература не должно нас удивлять. Средние века были гораздо ближе к флорентийскому обществу времен Лоренцо, чем это можно подумать. Например, в домашнем быту осталось еще много такого, что напоминало добрыя старыя времена, воспетыя Данте,—когда умывались редко и за столом не знали вилки. За исключением торжественных случаев, стол в семье «Великолепнаго» был очень простой, даже скудный. Когда Лоренцо выдал дочь за одного из племянников папы Иннокентия VIII, папский непот был поражен переменою, которую он заметил. Он раньше не один раз бывал в доме, как гость, и его угощали роскошными обедами: теперь на стол подавали одно—два блюда. Он высказал свое удивление Лоренцо. «Тогда вы были чужой», ответил тот, «а теперь вы мой сын и будете жить так, как мы все живем». При всем своем уме, Медичи, в сущности, очень наивно признался, что живет напоказ, что та утонченность и изящество,

которым удивлялись посторонние, только для посторонних и существуют, а сами хозяева в них вовсе не чувствуют потребности. Пока дело шло об удовольствиях стола, в этом еще было много хорошаго, но иногда простота нравов давала себя знать в очень непривлекательных формах. О грубых карнавальных шутках уже было упомянуто; вот другой случай. У Лоренцо был врач, маэстро Мананте, любивший выпить и в пьяном виде служивший предметом потехи для хозяина и его гостей. Однажды, в веселую минуту, Лоренцо придумал сыграть с ним следующую шутку. По его приказу, замаскированные люди схватили беднаго доктора, когда он спал, отвезли в незнакомую ему местность за городом и там оставили. В городе между тем распустили слух, что Мананте умер. Можно себе представить ужас и удивление домашних, когда живой мертвец нашел таки дорогу в город и вернулся домой. Дома от него бегали и открещивались, долго его не пускали в его собственное жилище, пока сам автор шутки не разсказал, в чем дело.

Противоречия флорентинской жизни

Рядом с такими забавами, достойными полуграмотных ремесленников, странное впечатление производят заседания Платоновской академии, где те же самые люди занимались решением самых сложных и трудных вопросов отвлеченнаго мышления. Приглядываясь ближе, не трудно увидать, что здесь также было больше показного остроумия, чем действительнаго интереса к философии,—и еще меньше действительнаго понимания ея. Платона не умели отличать от ново-платоников, а от последних не стеснялись заимствовать самыя грубыя заблуждения, в роде того, что весь мир населен невидимыми существами, духами, которые могут быть полезны и вредны человеку и которых человек может подчинить своей воле. На практике это оправдывало всякое колдовство—и, действительно, Полициан, повидимому, не на шутку верил в существование ведьм. Поджио серьезно разсказывает о том, как в Адриатическом море однажды всплыл тритон, и тому подобное. Миросозерцание простого народа было вполне средневековое. Когда после казней в апреле и мае 1478 г. долго не прекращались дожди, флорентинцы приписали это тому, что тело «изменника» Якопо Пацци похоронено в городе, и выкинули его в Арно. Проповедники из нищенствующих монахов ходили по всей Италии, и народ везде принимал их с энтузиазмом. Они бичевали все, что составляло гордость Возрождения: искусство, «языческую» литературу, удобства и роскошь личной жизни; на кострах, которые устраивались их фанатическими поклонниками, горело все, что было признаком новаго направления культуры,—от картин и изданий «Декамерона» до женских нарядов включительно. И Возрождению нечем было на все это ответить,—кроме насмешки, всегда безсильной против народнаго одушевления. Средневекового религиозно-нравственнаго идеала Возрождение не признавало; но поставить на его место цельное, разумное, вполне сознательно выработанное мировоззрение оказалось выше его сил; эта задача досталась нашему времени. Религиозное чувство было не удовлетворено, а тысячи мелких суеверий продолжали опутывать и портить жизнь. Немногие пытались создать новую религиозную систему на основе ново-платоновской философии или даже еврейской каббалы, как Пико-делла-Мирандола, но и он кончил тем, что вернулся к традиционной вере и умер в рясе доминиканскаго монаха. Стоило явиться проповеднику, который сумел затронуть лучшия стороны средневекового человека, чтобы в столице итальянскаго гуманизма началось религиозное движение, живо переносящее нас ко временам Бернарда Клервальскаго. Мелкия, с перваго взгляда, противоречия в жизни флорентинскаго обще-

ства потому и заслуживают внимания, что они нам объясняют возможность такого крупнаго историческаго противоречия, каким было господство Савонаролы во Флоренции конца XV-го века.

Финансовое крушение

Одинаковый кризис переживала вся Италия: во Флоренции он выразился ярче, чем где бы то ни было, потому что к нравственному перевороту здесь присоединился политический. У него были свои причины, независимыя от перваго: толчек был дан с другой стороны, из того центра, около котораго вращается история Флоренции в течение всего столетия. Медичейский банк господствовал над жизнью города; с падением этого банка пала власть Медичи, пал и тот порядок вещей, который они установили. При всех разносторонних дарованиях, которыми обладал Лоренцо, у него не было одного,—того самаго, которое дало в руки его деда управление республикою. Ясный и трезвый взгляд на вещи, необходимый человеку, ведущему большия денежныя дела, который составлял отличительную особенность Козимо, не мог развиться у его внука—просто от недостатка упражнения. Княжеское положение, котораго добились Медичи, было очень вредно для Лоренцо: всеобщая угодливость, отсутствие отпора с чьей бы то ни было стороны,—особенно после неудачи Пацци,—заглушали потребность разсчитывать, проверять самого себя, что на каждом шагу должен был делать человек, власть котораго опиралась на его кредит в денежных делах. Лоренцо сам сознавал, что эти дела все более и более запутываются, и старался найти для своих капиталов более надежное помещение, покупал земли, может быть, считая сельское хозяйство более «царским» занятием, чем банкирское дело. Но земли давали мало дохода, а издержки росли, турниры и праздники, пиры и постройки требовали громадных сумм; еще дороже обходилось удовлетворение княжескаго тщеславия; трудно и вычислить, что стоило Лоренцо назначение кардиналом его сына Джованни (будущаго Льва X): правда, что за то он был единственным пятнадцатилетним кардиналом в Курии. Всевозможныя средства пускались в ход, чтобы достать денег: Лоренцо не стеснялся даже продавать свою фирму менее известным банкирам. Но дела его собственнаго банка шли год от году хуже. Как обыкновенно бывает, слуги стали подражать своему господину: заведующие заграничными конторами дома Медичи старались походить на своего «Великолепнаго» хозяина; последствием было то, что нисколько медичейских контор прекратили платежи. Чтобы спасти свой кредит, нужно было во что бы то ни стало уплатить долги; дела банка давно безвыходно переплелись с государственными, естественно было искушение позаимствовать—на время—из казенных денег. Никакого контроля не было, потому что все высшее финансовое управление издавна было в руках преданных Медичи людей. Скоро обыкновенных государственных доходов не стало хватать, пришлось обратиться к чрезвычайным средствам: здесь больше всего пострадало доброе имя Медичи. Во Флоренции издавна существовала так называемая «девичья касса», или «касса приданых» (monte delle fanciulle, или delle doti). Каждый отец семейства делал туда ежегодные взносы: за это его дочери, выходя замуж, получали от государства приданое, пропорционально взносам. Благодаря Козимо, касса была в образцовом порядке; решились воспользоваться ея капиталами для покрытия дефицита медичейских банков. Последствия скоро обнаружились; началось с того, что лишь часть приданаго выдавали деньгами, а на остальное давали расписку; скоро стали ограничиваться одними расписками, которых никто не брал. Множество флорентинских девушек из средняго круга, для ко-

торых касса была единственным подспорьем, вдруг стали безприданницами. Быть может, бедствие и не было так велико, как описывают взволнованные современники, но, несомненно, велико было негодование, которое охватило все флорентийское общество. Недовольство, прежде ограничивавшееся членами олигархии, распространилось теперь на очень широкий круг; затронуты были интересы лучшей, зажиточной части населения, где прежде у Медичи было столько сторонников, благодаря дешевому кредиту. Вера в медичейскую добросовестность и в медичейское богатство исчезла сразу.

8 апреля 1492 года умер Лоренцо, всего сорока двух лет от роду. Незадолго перед кончиной он велел призвать к себе приора Сан-Марко,—единственнаго человека во Флоренции, осмеливавшагося не повиноваться Медичи. О чем умирающий говорил с Савонаролой,—навсегда, конечно, останется тайной. Но среди монахов Сан-Марко ходил легендарный разсказ об этой беседе, передающий ее если и не так, как она происходила, то так, как она могла происходить. Монах потребовал от Лоренцо, чтобы он воротил все, чем он неправильно завладел, особенно, чтобы он вознаградил несчастных девушек, которых он лишил приданаго,—Лоренцо изъявил на это согласие; затем, чтобы он вернул Флоренции свободу: в ответ на это, больной молча повернулся лицом к стене. Тогда Савонарола ушел, не дав ему причастия. Если под свободой он разумел падение власти Медичи, то его желание исполнилось скорее, чем, может быть, он сам ожидал. С небольшим год после того, как похоронили Лоренцо, французский король Карл VIII явился с войском в Италию, чтобы отнять у арагонскаго дома наследие герцогов анжуйских—Неаполь. Предстояло тяжелое испытание заграничному влиянию Медичи, одному из самых крепких якорей, на которых держалась власть Козимо. Якорь сорвался. Пьеро, сын Лоренцо, заключил союз с Неаполем; но прошли времена, когда флорентийские банкиры были страшнее целой армии. Французы безпрепятственно дошли до границ Тосканы. Захваченный врасплох, Пьеро должен был вступить в переговоры и согласился на капитуляцию, крайне унизительную для Флоренции. Когда он вернулся в город, он уже не был в нем господином; скоро он должен был бежать. Не раз потом возвращались Медичи обратно. Еще двести лет (до 1737 г.) великогерцогская династия этого имени правила Тосканой. Но это были уже другие Медичи, и основания их власти были другия.

М. Покровский.

LVIII. Прибалтийские славяне

I. Быт прибалтийских славян

Страна

По южному побережью Балтийскаго моря, на всем его пространстве между Эльбой и Вислой, на тех землях, которыя теперь являются главной составной частью Прусскаго государства, в средние века жили славяне, как вполне самостоятельный народ. Эта отрасль славянскаго племени, принадлежа к группе западных славян, к которой относятся чехи и поляки, по своему положению у берегов Балтийскаго моря, известна под именем славян прибалтийских. Когда пришли сюда славяне, и как достались им земли, которыми они владели, об этом мы достоверно не знаем. Наши сведения о них относятся к более позднему времени, когда сильная монархия Карла Великаго, постепенно расширяясь в своих пределах, пришла в столкновение с своими восточными соседями—славянами.

Начиная с этого времени летописцы с неослабевающим интересом следят за ходом ожесточенной борьбы, завязавшейся на несколько веков между германцами и славянами. Они разсказывают о походах немцев в славянския земли, о возстаниях славян, но быт племени не представляет для них существеннаго интереса, и все подробности, какия передаются ими о жизни славян, носят случайный характер. Тем не менее, прежде чем передать историю захвата немцами прибалтийских земель, можно собрать кое-какия черты быта погибшаго народа.

Природа страны всегда оказывает сильное влияние на быт ея обитателей. Она не только обусловливаете характер разселения народа, но и дает направление его деятельности, предоставляя ему различныя средства к поддержанию собственнаго существования. Такого рода влияние можно заметить и в жизни славян прибалтийских. Обширный край, занятый

Источники: *Helmold*, Chronicon Slavorum. **Пособия**: *L. Giesebrecht*, Wendische Geschichten; *Гильфердинг*, История балтийских славян; Котляревский, Древности юридическаго быта балтийских славян; *Lamprecht*, Geschichte des deutschen Voltes.

ими, отличался первобытной дикостью, почти нетронутой руками человека. Окаймленная с севера морем, страна и внутри была богата водой, которая или неслась в безчисленных, протекавших по различным направлениям, реках и речках, или стояла в виде больших озер и топких болот. Непроходимые буковые и дубовые леса, тянувшиеся по окраине и внутри страны, еще более затрудняли сообщение между ея отдельными частями, на которыя делили ее реки, озера и болота.

Балтийские славяне заняли только те земельные участки, которые легко было возделывать; топи, болота, лес, кустарник, вообще земля, неудобная под пашню и простиравшаяся иногда на большое разстояние, способствовала племенной раздробленности балтийских славян. Среди множества отдельных племен можно однако отметить три главныя племенныя группы: поморян, ободритов и лютичей. Поморяне населяли Балтийское побережье между Одером и Вислой до Варты и Нетцы на юге. Обширный край, замкнутый в указанных границах, составлял особое самостоятельное целое, и народ, его населявший, не знал того дробления, которое существовало у его западных соседей—лютичей, занимавших земли до реки Варты и живших далее на запад от ободритов. К последним нужно отнести и вагров, поселившихся в пограничном северо-западном углу, в восточной части нынешней Голштинии.

Политический строй

С тех пор, как начинаются наши известия о прибалтийских славянах, быт народа является со всеми чертами прочной оседлости, установившейся, повидимому, с очень давняго времени. Как народ земледельческий, славяне жили преимущественно поселками или деревнями.

Родовой строй, составлявший главную форму общественной жизни у всех арийских народов в отдаленную пору, среди славян прибалтийских успел уже видоизмениться. Место рода, как большого соединения лиц, связанных между собой происхождением от одного родоначальника, заступила семья. Отдельныя семейства, жившия в деревне могли и не принадлежать к одному роду. Разложение родового быта оказало влияние и на владение землей, которая перестала быть общею собственностью племени или рода. Деревенское население большею частию не имело своей собственной земли. Почти вся земля была сосредоточена в руках племенной знати, которая и отдавала земельные участки в пользование крестьянам за оброк или за службу.

Несколько сельских общин составляли целую область, носившую название жупы. Средоточием такой области был город. Жупа была наиболее крупным соединением, в котором проявлялась общественная жизнь народа. Каждая область чувствовала себя вполне самостоятельной и решала свои дела на собраниях всех свободных. Руководство общественными делами принадлежало знати, пользовавшейся среди балтийских славян большим значением. Из ея среды выходили управители отдельных областей (жупаны). Но эти области до самаго последняго времени, когда балтийские славяне окончательно потеряли свою самостоятельность, не могли слиться в одно государство. Впрочем, бывали случаи, что один из жупанов под влиянием опасности со стороны внешних врагов, возвышался над другими, подчинял себе несколько соседних областей, и таким образом возникала княжеская власть. Но она существовала не всегда и не у всех балтийских славян. Только у ободритов, которым

прежде всего пришлось выдерживать натиск германцев, мы постоянно слышим о княжеской власти, начиная с конца VIII в. и до окончательнаго водворения в их земле немецкаго господства.

Там, где появлялась княжеская власть, князь считался главным предводителем на войне, тогда как жупаны предводительствовали отдельными отрядами. В его руках находилась и высшая судебная власть, ему же, как главному хозяину земли, принадлежало право производить денежные поборы с подвластнаго населения (земельная подать, соляная, рыночная, сборы за право содержать мельницу, за проезд через мост или через заставу и др.).

С другой стороны, опасность, грозившая со стороны внешних врагов, заставляла отдельныя племена собираться в союзы, где руководство делами принадлежало какому-нибудь одному племени. Среди славян полабских выдающееся положение на западе занимали бодричи, а на востоке вильцы или лютичи, что и дает возможность разбить все племена, жившия между Эльбой и Одером на два союза—лютицкий и бодрицкий.

Язычество

То обстоятельство, что у славян не было государства с сильною властью, которая могла бы оберегать славянския земли от завоевательных стремлений западных соседей—немцев, гибельно отозвалось на их судьбе. Оно вполне объясняет, почему славяне прибалтийские, несмотря на свое храброе и упорное сопротивление в течение нескольких столетий, все-таки не могли отстоять своей независимости. Но было и другое важное обстоятельство, которое ускорило печальный исход. Славяне упорно держались языческой старины и продолжали чтить своих древних богов. Между тем их западные соседи—германцы усвоили себе христианское просвещение. При той религиозной ревности, которая господствовала в средние века, было весьма естественно, что немецкие императоры всеми силами старались обращать в христианство язычников-славян и для более успешнаго распространения христианскаго учения предпринимали походы в славянския земли.

Религия славян прибалтийских[1] имела много общаго с религиями других арийских народов. Общеарийския основы славянскаго язычества—почитание явлений природы, солнца, грозы, дождя и т. д. развились в новом отечестве славян под влиянием местных условий в определенныя верования. Земледельческий быт славян дал определенную форму и значение богам, которые «одевали туком поля и зеленью леса, во власти которых были плоды нив, деревьев, скота и все, что служит на пользу людям, поклонникам богов».

Славяне почитали богиню Живу (Zywia), как источник жизни и всякаго плодородия. Яровит был бог весны. В Арконе на острове Рюгене, где находилось главное его святилище, всегда ждали указаний относительно будущаго урожая от Святовита. Кубок, который он держал в правой руке, ежегодно наполнялся медом, и если в течение года убавлялось хотя сколько-нибудь меда из кубка, то, по народному поверью, предстоял голодный год, и, наоборот, нужно было ждать хорошаго урожая, если кубок оставался полным до краев. Были у славян прибалтийских и другия божества, но определить их смысл и значение большею частью представляется весьма затруднительным.

С течением времени близкое к природе славянское язычество видоизменилось и осложнилось. Продолжительная и ожесточенная борьба, особенно с сильным западным врагом,

1 См. статью «Религия славян» в I вып.

прибавила к религии земледельца свои особыя черты и придала некоторым божествам воинственный характер. Мирный бог земледельца, бог весны, Яровит мало-по-малу превратился в грозное воинственное божество, бога войны и битв. На стене его храма висел большой щит, окованный золотом. В мирное время никто не осмеливался до него дотрогиваться, но как только открывалась война, его выносили из храма и брали с собой в надежде, что присутствие щита в войске даст возможность победить врага. Тогда же и Святовит отождествился в представлении славян с богом войны. Предметами поклонения, наряду с ручьями и рощами, стали служить такие символы богов, как заржавленная пика, торчавшая из столба или различныя знамена.

Позднее появились изображения богов в виде человека, выделанныя из дерева, а иногда из золота. Некоторые боги изображались с несколькими головами на одном туловище или с несколькими лицами при одной голове. Святовит имел четыре головы, из которых две были обращены в одну сторону, а две другия в противоположную и притом так, что одна из каждых двух была обращена лицом вправо, а другая влево. В правой руке бог держал рог, отделанный металлом, а левая упиралась в бок. Он был одет в плащ, спускавшийся до колен, ноги помещались на подставке, врытой в землю. Другое божество, почитавшееся в Штетине, имело три головы и потому называлось Триглавом. Руявит изображался с одной головой, но с семью лицами, на поясе у него висело семь мечей, осьмой он держал обнаженным в правой руке.

Изображения богов, как и их символы, помещались обыкновенно в особо устроенных храмах, которые находились или в городах, или в укреплениях, не имевших постояннаго населения и посещавшихся только в праздничные дни. Таковы были храм Святовита в Арконе на острове Рюгене или храм Радигаста в стране ратарей. Укрепление Ретра, где находился этот храм, было окружено глубоким озером. Сюда вела деревянная плотина и на ней стояли одни за другими девять ворот со столькими же подъемными мостами.

Устройство храмов вообще было довольно простое: четыре столба поддерживали деревянную крышу, а бока или затягивались полотном, или забивались досками. Впрочем, славяне заботились об украшении своих храмов, красили крышу (в Штетине пурпуровою краской), а стены покрывали резными изображениями. В Штетине стояли четыре контины, и одна из них, главная, была отделана с большим художеством. Стены ея внутри и снаружи были покрыты разными изображениями людей, птиц и зверей, сделанными так живо и согласно с природою, что их можно было принять за живыя существа.

Богослужение

В них совершалось служение богам, а служителями считались особо назначенные для того жрецы. Они были посредниками между людьми и богами и истолкователями их воли. Богослужение прежде всего состояло в принесении даров, части добычи тому или другому божеству, или в принесении в жертву живого существа. Чтобы умилостивить какого-нибудь бога, ему приносились в жертву бык, овца и даже человек. Особенно приятною для богов считалась кровь христианских пленников, и в Арконе хотя один раз в год приносилась такая жертва. Впрочем, не всем богам приносились в жертву живыя существа, что зависело от взгляда славянина на значение жертвы. Если приносили богу кровную жертву, то тем самым хотели умилостивить его гнев, возбужденный людскими грехами. Между тем,

учили жрецы народ, одно божество—Триглав—не обращало внимания на грехи людей, почему его глаза и губы были покрыты золотою повязкой. Но раз народ верил, что нельзя возбудить гнев Триглава никакими греховными поступками, то в таком случае ему и не нужно было приносить кровной жертвы.

Принесение даров и жертвоприношения совершались преимущественно в праздники, которые или приходились в определенныя времена года, имевшия значение в жизни земледельца, или же справлялись в дни, назначавшиеся жрецами по воле богов посредством жребия. В марте начинался у славян год, и тогда же происходило торжество по случаю прекращения времени владычества богини зимы—Смертницы. В средине апреля справлялись празднества в честь Яровита, а в мае в честь богини Живы. Праздники справлялись с большим веселием. Вот что говорит одно из жизнеописаний Оттона Бамбергскаго о празднике летняго солнцестояния в крепости Пырице, приходившемся на первыя числа июня: «Когда мы (т. е. миссионеры с еп. Оттоном во главе) приближались к княжьей крепости Пырице, то еще издали заметили, что там из всей области собралось более четырех тысяч народа. Был какой-то языческий праздник, который безумный народ справлял играми, пиршеством, пением и оглушал нас громкими криками. Поэтому, как несвоевременным гостям, нам показалось безполезным и неосторожным появиться среди толпы, разгоряченной питьем и разгулом».

Все эти празднества, а также принесение даров или кровной жертвы в честь богов, одним словом, культ был установлен потому, что славяне были уверены в постоянном влиянии богов на ход жизни людей. Домашняя жизнь каждой семьи находилась под покровительством особых божеств, домовых. Некоторые боги были, так сказать, племенные, т. е. какое-нибудь божество особенно чтилось у того или другого племени, которое и обращалось к нему во всех случаях, касавшихся его общественной жизни. «Кроме лесов и пенатов, которыми были переполнены поля и города,—говорит немецкий летописец Гельмольд,—самыми главными и наиболее важными были Прове (правосудие)—бог провинции Альденбурга (вагры), Жива—богиня полабов, Радигаст—бог земли ободритов. Для них были назначены жрецы, и установлены жертвенныя возлияния и самый разнообразный культ».

Значение некоторых богов выходило далеко за пределы племени, и они одинаково почитались всеми племенами балтийских славян. Это были их национальные боги, от воли которых зависала не только частная жизнь отдельных лиц, но и существование целаго народа. Таким значением пользовался прежде всего Святовит. Его знамя внушало к себе большое уважение, и перед ним склонялся даже сам князь. Другим важным аттрибутом Святовита была белая лошадь, которая употреблялась для гаданий, хотя то же животное было посвящено и другим божествам—Радигасту и Триглаву. Таким образом, Ретру, Арконе или Штетину можно назвать национальными оракулами, к которым народ обращался во всех затруднительных случаях. Впрочем, лошадь Святовита или Радигаста служила для гадания преимущественно тогда, когда шел вопрос о войне или мире. В других случаях прибегали к другим способам гадания. Так, на острове Рюгене сидели женщины у очага и чертили без счета на пепле; счет же производился после и четныя цифры обозначали счастие, нечетныя—неудачу. Но если вопрос касался войны, счастливаго или неудачнаго ея исхода, то за разрешением его обращались непременно к одному из общенародных богов и гадали по лошадям. Так, в Штетине клали рядом девять копий, каждое в разстоянии локтя одно от

другого. Затем жрец выводил священнаго коня и трижды проводил его взад и вперед через копья. Если лошадь проходила, не задев ногами за копья, то нужно было надеяться на удачный поход, и войско выступало, в противном же случае грозила неудача.

Как национальныя божества, Святовит и Триглав пользовались громадным уважением всего народа. На это указывает, между прочим, и богатство их храмов. В них стекались добровольныя пожертвования со всей славянской земли. В Аркону отовсюду присылались всякаго рода подарки в честь бога, а на самом острове была установлена даже особая подать в пользу святилища с каждой души без различия пола. Жрец этого бога пользовался большою властью в стране и, можно сказать, стоял выше князя и всего народа. Народ подчинялся словам жреца, так как верил, что через него говорит само божество. Жречество и общенациональныя святилища поддерживали связь между отдельными славянскими племенами и воодушевляли их на борьбу с западными христианами. Только, когда во второй половине XII века Аркона была разрушена и уничтожен храм Святовита, а вместе с тем и последняя опора славянскаго язычества, решен был вопрос о самостоятельности балтийских славян, а владычество немцев и христианство окончательно утвердились в их земле.

Земледелие и промыслы

Богатая и разнообразная природа Прибалтийскаго края давала возможность его обитателям сравнительно легко поддерживать свое существование. Земледелие составляло главное занятое балтийских славян, самую важную основу их экономическаго быта. Этому нисколько не мешало то обстоятельство, что в стране было не мало пустошей и болот: славяне старались занять участки земли с плодородными нивами и удобными пастбищами. Обработанныя плугом поля, по свидетельству немецких летописцев, производили в изобилии рожь, пшеницу, овес и лен. Снятый серпом хлеб служил земледельцу не только для питания в течение года, но и средством для уплаты податей князю или иному правителю. Земледельческия занятия не ограничивались, впрочем, обработкою полей и возделыванием хлебных растений. Была развита и более высокая земледельческая культура—огородничество и садоводство, так что производились всякаго рода овощи и плодовыя деревья.

Но не везде почва была одинаково плодородна, и не всегда можно было разсчитывать на хороший урожай. Приходилось искать других средств к жизни, и вот скотоводство, рыболовство в море (особенно ловились сельди в ноябре месяце около острова Руяны) и в многочисленных реках и озерах, а также пчеловодство и охота в обширных лесах служили важным подспорьем для деревенскаго населения. Рыба, ловившаяся в большом количестве, обыкновенно готовилась впрок, для чего необходима была соль. Поэтому добывание соли получило у славян балтийских важное промысловое значение, и соляныя варницы находились во многих местах, хотя наибольшею известностью по количеству производимой соли пользовался город Колобрега.

За всеми этими занятиями ремесла среди балтийских славян не могли получить широкаго развития и все, какия существовали, предназначались для удовлетворения главных жизненных потребностей, как, например, постройка жилищ, судостроение, тканье полотен, выделка кожи и т. д. Но за то все, чего славяне не производили сами, они получали из чужих стран, особенно с запада, благодаря значительно развитым торговым сношениям.

Торговля

Вследствие срединнаго положения балтийских славян, служивших соединительным звеном между западом—германцами, севером—скандинавскими землями, востоком—Русью, Литвою и пруссами и, наконец, югом— Чехиею и Польшей, они с давних пор вовлечены были в торговыя сношения не только с соседями, но и с отдаленными странами. Найденныя в прибалтийских странах арабския монеты, из которых ранния относятся к VIII в., а самыя поздния к началу XI в., показывают, что уже ко времени Карла Великаго торговля велась с отдаленным Востоком. Трудно предположить, чтобы торговыя сношения совершались с ним непосредственно; несомненно, тут были посредники, и таковыми служили Русь, хозары и болгары. Западная торговля, шедшая главным образом на Бардовик, велась в обширных размерах и заставила Карла Великаго издать относительно нея ограничивающее постановление. Торговля с славянами поощрялась, но крайне было нежелательно, чтобы немецкие купцы продавали восточным врагам оружие. Капитулярий 805 г. запрещает купцам продавать славянам оружие всякаго рода, особенно брони. Контрабандная торговля этим товаром грозила купцу опасностью потерять все свое состояние, которое могли конфисковать в случае, если бы преступление открылось.

Более подробныя сведения относительно западной славянской торговли имеются к началу XI в., когда уже ясно обозначились и торговые пути. В это время торговля со славянами шла по Эльбе через три пункта, служившие местом переправы, а именно на Магдебурга, на Белогоры или на Мейссен. Такие же передаточные пункты существовали и на Одере (Глогау, Кроссен) и служили воротами из славянской земли в Польшу. Начиная от этих пунктов, и шли дороги в различных направлениях из одной местности в другую, от одного города до другого. Путешественник необходимо должен был держаться установившейся дороги и беда, если он сбивался с нея: легко можно было или заблудиться в непроходимом лесу, какие, например, тянулись по южной и западной окраине Поморья, или завязнуть в болоте.

Таким образом намечались внутренние торговые пути, и по ним шла торговля с западом и югом. Но наиболее удобною дорогою служило, конечно, Балтийское море. Главными средоточием балтийской торговли в XI в. был город Волынь или Юмна, откуда и развозились товары по различным направлениям. Немецкий хронист XI в. Адам Бременский в таких словах рисует торговое значение Волыни: «За пределами лютичей, которые иначе зовутся вильцами, протекает Одра, богатейшая река земли славянской. При устье этой реки, впадающей в Скифское море (Scythicae paludes), весьма известный город Юмна для окрестных варваров и греков (русских) часто служить местом стоянки. Я считаю нужным разсказать немногое, достойное описания, об известности этого города, так как о нем ходит очень распространенная и едва вероятная молва. Несомненно, он величайший из всех европейских городов, и его населяют славяне и другие народы, как греки, так и варвары. И пришлые саксы пользуются одинаковым правом жительства под условием не распространять здесь христианской веры. Город богат товарами всех северных народов, в нем есть все интересное и редкое. Отсюда в короткий срок можно доехать до Дымина, лежащаго у устья реки Пены, там же, где живут руяне; из него в Семландию, которою владеют пруссы. Сухим путем от Гамбурга или Эльбы на седьмой день можно дойти до Юмны, а чтобы доехать до нея морем, нужно отправляться из Шлезвига или Альтенбурга. На четырнадцатый день можно из него

добраться до Острогарда на Руси». Приведенное место немецкаго хрониста весьма наглядно показывает, какое широкое развитие получила торговля в XI в.: путь от одного города до другого был точно высчитан в днях. Из него же видно, какою известностью пользовался один из славянских торговых городов. Юмна был не единственный торговый город; кроме него, известны еще несколько городов, которые также вели обширную торговлю.

Города

Нужно заметить, что городская жизнь вообще не была особенно развита среди славян. Славянские города в первоначальном своем виде были не что иное, как укрепленныя убежища, и находились в каждой области. Выгодныя условия местоположения (на возвышенности или на берегу моря или судоходной реки) дали возможность некоторым из них разрастись в обширныя поселения. Развившийся таким образом славянский город сохранил, однако, следы своего происхождения. Древнее укрепление, или кремль, составлял центр, вокруг котораго и располагался самый город, обнесенный оградою, валом или рвом. За этим новым укреплением селились новые пришельцы, и новое поселение, совершенно открытое или мало защищенное, составляло пригород. Некоторые из городов были очень многолюдны и хорошо устроены. Городския улицы для удобства обывателей иногда были покрыты деревянными помостами. Внутри города имелись более или менее обширныя площади, которыя служили и местом собраний для совещаний о делах, и для торговых целей. Внутренняя торговля производилась на рынках, устраивавшихся на площадях в определенные дни. В самой крепости, где обыкновенно находились святилище и княжеский двор, помещался военный элемент, городской гарнизон, а в городе и пригороде жили торговцы, ремесленники и вообще все главное население.

Наиболее многолюдные и наилучшим образом устроенные города лежали на севере страны, большею частью у устья реки или прямо на берегу моря. Открывавшийся отсюда удобный путь в соседния земли давал им возможность развивать свои торговыя сношения и приобрести значение торговых центров. Этого недоставало городам, лежавшим внутри страны, и потому они оставались малоизвестными укреплениями или только средоточием общественной жизни области.

Слава Юмны, как «величайшаго из городов Европы», была непродолжительна, так как в начале XII в. город разрушили датчане. Значение ея всецело перешло теперь к Штетине, которая и стала величайшим и самым знаменитым городом на севере. Она считалась метрополиею поморской земли и матерью остальных городов. Город был расположен на трех холмах. На самом высоком из них, посвященном языческому богу Триглаву, стоял его идол. На одном из холмов находился княжий дворец. В городе была обширная торговая площадь, на которой в определенные дни происходил базар, на ней же собиралось и вече. На ней стояли большия, деревянныя «степени», откуда вестники и власти обыкновенно говорили народу. В городе находились четыре здания, называемый континами. Главная из них представляла храм, а три другия, уставленныя скамьями и столами, служили для собраний граждан. Относительно количества населения наши источники передают, что в нем жило девятьсот отцов семейств, не считая жен, детей и множества простого народа.

Кроме названных уже Юмны и Штетины, пользовались известностью еще следующие славянские города, если итти по берегу Балтийскаго моря от востока на запад: Колобрега и

Белгород на р. Персанте, Камина у устья Одера—у поморян, Дымин, Гостьков и Волегощ—у лютичей, Микилин—у ободритов, Старигард— у вагров. В этих северных приморских городах иногда все население состояло исключительно из торговаго люда, в известное время покидавшаго город и уходившаго по своим делам в море. Тогда город оставался пустым, и таким нашел Колобрегу епископ Оттон Бамбергский, когда в 1125 г. пришел сюда с христианскою проповедью.

Что же служило предметами торговли? По словом Адама Бременскаго, в Юмне сходились товары со всего севера, следовательно, привоз иноземных товаров в славянскую землю был значительный. При слабом развитии ремесл местное производство не могло удовлетворить всех потребностей. Более всего приходила на помощь соседняя Саксония, которая и поставляла свои произведения, особенно тонкия и художественныя вещи, на славянский рынок. Возьмем, например, костюм славянина: национальное одеяние состояло из небольшой шляпы, исподней рубашки и верхней одежды. Обувь—лапти или сапоги—была настолько необходимою принадлежностью костюма, что ходить без обуви считалось признаком крайней бедности. Материал как для исподней одежды, приготовлявшейся из полотна, так и для обуви был местнаго производства. На верхнюю одежду шла шерстяная материя, большею частью тонкое сукно, с выделкою котораго не были знакомы славяне. Поэтому тонкия сукна привозились из Саксонии, расходились в большом количестве в славянской земле, где за них платили дорогую цену. Оружие всякаго рода также шло из Саксонии. Предметами вывоза служило все, чем была богата страна: вывозили соль, вяленую и соленую рыбу, меха и кожи и, наконец, рабов. Торговля велась не исключительно меновая, товары также покупались. Еще в XII в. для ранов меновым знаком служило полотно, хотя было в употреблении серебро и золото, и монету заменяла масса металла на вес. Но на материке, среди ободритов и лютичей, уже во времена Оттонов оказывается в ходу монета определенной ценности.

В связи с торговыми предприятиями следует упомянуть еще и о таком важном явлении в жизни балтийских славян, как пиратство. Близкое соседство с морем и постоянные разъезды по нем сделали из славян отважных мореходцев, а дерзкия предприятия скандинавских пиратов, от которых страдали берега западной Европы, особенно в IX в., увлекли и славянских моряков на тот же путь легкой наживы посредством грабежа. Они имели свой довольно многочисленный флот, служивший им для торговых целей и для разбойничьих набегов, особенно в Данию и на принадлежавшие ей острова. По словам Адама Бременскаго, острова Фембра и Руяна были полны пиратами и свирепейшими разбойниками, которые никому из проходивших мимо не давали пощады. Пиратство вместе с торговлею составляли главные источники обогащения народа.

II. Борьба прибалтийских славян с германцами за независимость

Карл Великий

Историю ожесточенной борьбы между германцами и балтийскими славянами, борьбы, имевшей для последних столь печальный исход, приходится начинать с очень отдаленнаго времени. Много веков прошло с тех пор, как славяне, подвигаясь на запад, заняли земли по

Эльбе и Заале, который стали границею германскаго и славянскаго мира. Понятно, что это движение на запад сопровождалось постоянными войнами между двумя народами. Борьба шла, главным образом, между балтийскими славянами и саксами, которые успели вытеснить славян из области по нижнему течению Эльбы. Со времени Карла Великаго положение славян значительно ухудшилось. Его политика по отношение к восточным соседям была ведена с большим искусством: он пользовался раздробленностью балтийских славян и, располагая преданностью одних племен, действовал против остальных. Когда Саксония вошла в состав франкскаго государства и владения Карла Великаго оказались в близком соседстве с славянами, то необходимо было установить с ними известныя отношения. Бодричи были его союзниками, а велетам первым пришлось испытать на себе силу франкскаго оружия. С сильным войском, в состав котораго входили и славяне, в 789 г. Карл проник в самую глубь страны велетов. Драговит, князь велетов, поспешил заключить мир, дал заложников и признал свою зависимость от франкскаго государя. Несомненно, что это был только вид подчиненности, на самом же деле велеты при первой возможности давали чувствовать свою самостоятельность. Поднимались ли саксы против Карла Великаго или выступали датчане против его объединеннаго государства, велеты, а иногда и племена бодрицкаго союза (смольняне или глиняне) пользовались случаем и примыкали к его врагам. Поэтому от времени до времени приходилось предпринимать походы в славянския земли, а с другой стороны, чтобы сдерживать случайный нападения велетов на пограничныя области, Карл выстроил две крепости на левом берегу Эльбы. Кроме того, он положил начало оборонительной линии, которая шла от Линца на Дунае до Кильскаго залива (limes Sorabicus). Эти заботы о безопасности восточной границы показывают, что подчинение велетов и других племен было крайне непрочное, и уже во всяком случае нужно видеть лесть в словах придворнаго биографа Карла Великаго, будто этот государь покорил все народы, жившие между Рейном и Вислою и сделал их своими данниками. При слабой зависимости балтийских славян не могло быть и речи о постоянной дани. Дань платилась случайно, обыкновенно после того, как франкское войско совершало удачный поход в славянския земли. Среди балтийских славян только бодричи подпали большей зависимости со стороны Карла Великаго. Будучи сначала только его союзниками, они, так сказать, превратились в его вассалов, особенно с тех пор, как на 32-м году борьбы с саксами, Карл вывел саксонское население из областей по нижней Эльбе и страну северных саксов отдал бодричам. Впрочем, она не долго находилась во владении бодричей; здесь, недалеко от устья Эльбы, Карл построил в 810 г. крепость Эзефельд для прикрытия Саксонии от норманских набегов и населил ее военными колонистами. Предназначенная первоначально совершенно для других целей, эта крепость потом послужила опорным пунктом, откуда германцы стали оттеснять славян обратно к востоку. Что же касается до велетов, то походы Карла Великаго в их земли мало изменили их положение, и они сохранили свою независимость. Тем не менее, деятельность Карла Великаго имела для балтийских славян важныя последствия. Он принял императорскую корону и вместе с тем глубоко проникся идеею Римской империи, к которой должны принадлежать все народы, а тем более соседние славяне. Эта мысль жила также и среди его преемников и, руководя в их отношениях к восточным соседям, весьма гибельно отозвалась на положении балтийских славян.

Впрочем смуты, наступившия в наследии Карла Великаго после его смерти, на целое

столетие остановили успехи германскаго оружия за Эльбою. В это время полабские славяне не только отдыхали от тягостей, испытанных ранее, но и сами являлись грозою для немцев, при всяком удобном случае переправляясь за Эльбу и нарушая спокойствие соседних немецких областей. Даже бодричи, верные союзники могущественнаго императора, стали опасными врагами для его преемников. Дела германцев на их восточной границе постепенно ухудшались, пока герцог саксонский Генрих I не был избран на королевский трон Германии.

Генрих I

В лице Генриха I Германия получила после продолжительных внутренних неурядиц воинственнаго и энергичнаго государя, который напомнил славянам тяжелыя для них времена Карла Великаго. Правда, первое время нападения мадьяр,—с одной стороны, и заботы о внутреннем благоустройстве немецкаго государства, особенно борьба с герцогами, не желавшими подчиниться королевской власти,—с другой, не позволили Генриху свободно действовать против славян. Но как только обстоятельства изменились, водворилось спокойствие внутри, а с мадьярами было заключено перемирие на девять лет, борьба против славян приняла решительный оборот. Готовясь положить конец нападениям мадьяр, Генрих предпринял ряд военных мер: усилил конные отряды, а пограничную линию покрыл цепью укреплений. «Мы не в силах,—говорит один летописец,—изобразить, какия благоразумныя меры предпринимал Генрих для охранения страны и как он настойчиво теснил варварские народы». Среди этих варварских народов славяне были первые, на которых он испытал значение своих мер. Генрих предпринимал походы в глубь славянской земли против бодричей и лютичей, дошел до Гавеля и, завладев крепостью гаволян—Бранибором, тем самым заставил их покориться. Поход против гаволян был совершен в зимнее время, потому что доступ к Бранибору, лежавшему среди болот, летом был чрезвычайно затруднителен. Затем он проник во владения лужицких сербов и заставил их подчиниться своей власти. Генрих построил здесь укрепленный замок Мейссен, на месте разрушеннаго укрепления Яны, и для того, чтобы следить за подчиненными сербами, поставил маркграфа. Так возникло среди славянскаго племени немецкое маркграфство.

Эти успехи германскаго короля привели в безпокойство балтийских славян. Сначала возстали ратаре и разрушили немецкое укрепление на левом берегу Эльбы, а за ними поднялись и другия племена велетскаго союза. Возстание не принесло никакой пользы славянам. Против славянскаго укрепления Ленчино были отправлены немецкия войска, которыя удачно переправились через Эльбу, разбили мешавшия переправе славянския дружины и самую крепость принудили к сдаче. С побежденными поступили крайне жестоко: все население сдавшейся крепости, не исключая женщин и детей, было перебито немцами на другой день после победы. Таким образом, при Генрихе не только Эльба стала пограничною линией, разделявшею два народа, но немецкое влияние снова переступило за эту реку.

Оттон I

Отношения к славянам особенно обострились при Оттоне Великом[1]. При нем борьба на восточной границе приняла еще более широкие размеры, чему много способствовала деятельность двух маркграфов, которым Оттон поручил охрану восточной границы. Внутрен-

1 Ср. статью «Оттон Великий» во II вып.

ния дела немецкаго государства были настолько сложны, что среди них саксонскому герцогу, избранному немецким королем, было бы слишком трудно самому охранять саксонския земли от вторжений славян. Поэтому он назначил герцогом одного из саксонской знати, именно Германа Биллунга, с правом наследования герцогской власти в его роде. Родовыя владения Биллунгов лежали близко к славянской границе. Несомненно, при назначении Германа герцогом Оттон имел в виду, что собственные интересы Биллунгов заставят их не только быть постоянно настороже против славян, но и заботиться об их подчинении. Действительно, Биллунги оказались самыми непримиримыми врагами славян и в течение двух столетий трудились над распространением немецкаго владычества в их земле. Город Люнебург, известный еще при Карле Великом, как пограничный торговый пункт, стал оплотом против них и постоянным местопребыванием саксонскаго герцога. Другое лицо, которому Оттон Великий обязан своими успехами в борьбе с славянами, был маркграф Герон. Оттон поручил ему наблюдение за покоренными славянами по среднему течению Эльбы и поставил во главе северной марки, в состав которой входили первоначально славянския земли между левым берегом Эльбы и рекою Салою и часть южной Саксонии. Назначение маркграфом Герона и выбор Германа Биллунга были сделаны как нельзя более удачно: именно таких энергичных и деловых людей требовало серьезное положение, какое наступало тогда на восточной границе. Славяне, воодушевленные ненавистью к общему врагу, единодушно возстали на защиту своей свободы. Герон никак не мог справиться с ними в открытом поле, и только пущенная Оттоном в ход тонкая хитрость решила дело в его пользу. В Саксонии содержался в плену славянский князь Тугумир, захваченный еще Генрихом в деле при Ленчино. При помощи денег и разных обещаний удалось уговорить его предать своих соотечественников. Тугумир явился в Бранибор, объявив, что бежал из саксонскаго плена; народ поверил его разсказу и признал его своим князем. Тогда по уговору Тугумир подчинил Оттону город и всю землю гаволян, а вслед за гаволянами около 939 г. и все остальныя славянския племена до Одера признали свою зависимость от императора и обязались платить ему дань.

Однако страна далеко еще не была замирена. Чтобы сохранить за собою сделанныя приобретения, победители по необходимости должны были держать пограничныя и покоренныя области на военном положении. Еще Генрих построил на славянской границе ряд укреплений, а теперь славянския крепости в покоренных областях послужили против их прежних обладателей. Повсюду в них были размещены военные отряды под начальством особых лиц, носивших теперь общее название маркграфов. Начальство же над всем немецким ополчением, которое могло выступить в поход в случае возстания, лежало на двух главных маркграфах—Германе и Героне. В числе их обязанностей нужно отметить сбор наложенной на побежденных дани, которая платилась отчасти деньгами, отчасти натурой.

Таким образом, немецкое владычество за Эльбой становилось для славян довольно чувствительной тяжестью. Понятно, что возвратить себе свободу было их главным желанием, однако в славянской земле наступило затишье более, чем на десять лет. Истощенные предшествующими войнами, подавленные вооруженною силою и находясь под зорким наблюдением маркграфов, славяне принуждены были на некоторое время покориться судьбе. Затишье продолжалось до 955 г., но за то после борьба возгорелась с большим ожесточением. Сигналом к ней послужил поход Герона в область укран, доставивший немцам возмож-

ность утвердиться на берегах Одера.

В это время против герцога Германа возмутились его племянники Вихман и Эгберт, жалуясь на то, что дядя лишил их отцовскаго наследия. Не найдя себе удовлетворения у короля, оба брата решили действовать при помощи славян и бежали за Эльбу. Понятно, что они нашли здесь самый радушный прием, и уже весною 955 г. велеты под предводительством Вихмана в большом числе вторглись в пределы саксонскаго герцогства. Они осадили крепость Кокаресцем. Герман при многочисленности неприятеля не разсчитывал на победу, а потому приказал войску и населению, спасавшемуся за стенами крепости, сдаться. Исполняя приказание герцога, осажденные сдались на условии, что они сложат оружие и безпрепятственно выйдут из крепости с женами и детьми; только полусвободные и рабы, а также имущество должны были сделаться добычею победителя. Но когда крепость сдалась славянам, и они вступили в нее, один из них признал в жене сакса свою невольницу и потребовал ея выдачи. Во время спора славянин пал под ножом сакса. Тогда славяне сочли договор нарушенным и перебили всех саксов, пощадив только женщин и детей, но и их увели в плен.

Весть о вторжении славян в Саксонию и об их вероломном поступке дошла до Оттона. Но он не мог тогда помочь стесненному герцогу, потому что сам должен был отражать нападение мадьяр, вторгшихся в Баварию. Только покончив с ними, он мог явиться в Саксонию, куда прибыли и славянские послы. Они заявили Оттону, что славяне готовы платить ему дань, но ни в каком случае не потерпят чужого вмешательства в свои внутренния дела. Оттон не мог, конечно, согласиться на такия условия мира и потребовал от славян удовлетворения за поступок в Кокаресцеме, а те не признавали себя виновными.

Не видя другого исхода, все славянские народы, жившие между Эльбою и Одером, дружно возстали, и возстание грозило быть чрезвычайно опасным для немецкаго господства в этих областях. Но маркграф Герон сумел найти себе союзников среди славян и склонил на свою сторону жителей острова Руяны. Славяне оказались стесненными с трех сторон: с юга через области гаволян и укран выступил маркграф Герон, с запада через Эльбу переправился Оттон, а с севера двинулись ране. Трудно было славянам справиться с такою силой неприятеля. К тому же и военное искусство славян стояло не особенно высоко: мало отличаясь от немецкаго войска по своему вооружению (только конница не имела полнаго тяжелаго вооружения немецкаго всадника, вооружение же пехоты состояло в мечах, секирах, дротиках и луках), славянское войско далеко уступало ему в военной тактике. Оно обыкновенно действовало вразсыпную и любило прибегать к военным хитростям, засадам или неожиданным нападениям. По тем же причинам оно предпочитало защищаться за стенами своих укреплений.

Так случилось и теперь, когда на них напали с трех сторон немцы и их союзники—ране. Только войско велетов под начальством князя Стойгнева встретило неприятеля при переправе через одну реку, но потерпело страшное поражение. Маркграф Герон тайком переправился через реку и напал на славян. Стойгнев был убит, а его голову выставили на открытом месте, и около нея перерезали семьсот пленных. Неудача, постигшая славян, заставила Вихмана и Эгберта бежать во Францию.

Волнения среди славян и походы против них не прекращались в течение всего царство-

вания Оттона. Народ никак не мог разстаться с своею свободой, и его всегда легко можно было поднять на борьбу с угнетателями. Против ратарей совершались походы четыре года под ряд (957—960), но и после они более всего занимали внимание императора и его маркграфов. «Не нужно давать им покоя,—писал Оттон маркграфам в Саксонию уже после смерти Герона,—вы знаете, как часто они нарушали верность и сколько они причинили вреда. Употребите все усилия, чтобы, поработив их, положить конец делу. Если у вас сил не станет, мы отправимся против них сами».

Но напрасно думал Оттон сразу, одним ударом меча поработить народ, в котором жил еще дух свободы. Помимо безпрестанных походов, для этого требовалось еще влияние более высокой немецкой культуры. Важную услугу в этом отношении оказало величие возрожденной Оттоном императорской власти. Весьма знаменателен тот факт, что на торжественном сейме, созванном в Кведлинбурге по возвращении Оттона из последняго итальянскаго похода, в числе посольств от различных народов были представители и от славян балтийских. С тех пор славянские послы часто являлись в Кведлинбург и приносили наложенную на них дань.

Проповедь христианства

С другой стороны, немецкое влияние стало проникать к славянам вместе с христианством, о распространении котораго за Эльбою заботился Оттон. Хотя еще при Карле Великом учреждена была епископская кафедра в Гамбурге для распространения христианства среди народов Севера и Востока, но успехи проповеди были крайне незначительны. Только со времени Оттона I сделан был важный шаг вперед, и для введения христианства принимались обширныя меры. С этою целью, после того как славянския племена между Эльбою и Одером признали свою зависимость от немецкаго императора, Оттон устроил епископства в Гавельберге и Бранибope. Бодрицкая земля получила своего особаго епископа, который поселился в главном городе вагров— Старгарде. Для распространения христианства среди сербов лужицких основаны три епископства в мейссенском маркграфстве (в Мейссене, Мерзебурге и Цейце). Уже в первые годы своего царствования Оттон замышлял основать архиепископство в Магдебурге для большаго успеха христианской проповеди среди славян, сделать его метрополией славянских земель. Но только в 968 г. ему удалось достигнуть цели, и с тех пор верховная власть над восточными славянскими епархиями принадлежала архиепископу магдебургскому.

Но, несмотря на столь решительныя меры, предпринятый Оттоном Великим, христианство не могло с успехом распространяться среди язычников-славян. Этому препятствовали два обстоятельства. С одной стороны, трудно было разсчитывать на успех немецких проповедников за Эльбой после двухвековой ожесточенной борьбы славян с германцами. Религия предков, священная сама по себе, получила в глазах славян еще иное значение. Оставить своих богов и принять новое учение, по их мнению, значило потерять свою независимость. Кроме того, церковныя учреждения, вводившияся вместе с христианством, на деле убеждали славян, что все клонится к их порабощению. Едва только учреждены были епископства и народ не успел даже познакомиться с новым учением, как он должен был уже платить в пользу епископа церковную десятину на устройство приходов. С известнаго количества пахотной земли земледельцу приходилось уплачивать ежегодно в пользу церкви одну меру хлеба, сорок мотков льна и тринадцать марок чистаго серебра, из которых одну

получал церковный сборщик. Понятно, что христианство, сопряженное с такими тягостями, не только не могло расположить к себе язычников, но и было встречено с явной ненавистью. Ненависть к новому учению была тем более сильна, что народ не понимал его внутренняго смысла. Да и как он мог с ним ознакомиться, когда никто из проповедников не владел славянскою речью и самое богослужение совершалось на непонятном для народа языке. Титмар, епископ Мерзебургский, приводит в своей хронике разсказ о том, к каким мерам должен был прибегать его предшественник, епископ Бозон, чтобы удобнее просвещать вверенное ему стадо. Он написал славянскими буквами «Kyrie eleison» и заставил петь эти слова, объясняя, что так можно снискать милость Божию. Но безразсудный народ насмешливо перековеркал слова и пел «Wkriwolsa», что значит «в кусте стоит ольха», прибавляя еще: «так говорил Бозон».

Во всяком случае, царствование Оттона Великаго было важным моментом в истории борьбы германцев со славянами. После целаго ряда походов все славянския племена между Эльбою и Одером оказались в большей или меньшей зависимости от немецкаго короля. В то же время ими были приняты важныя меры для введения христианства среди балтийских славян, и тем самым приобретено новое средство для распространения немецкаго влияния за Эльбой.

Реакция при Оттоне II и Оттоне III

Два обстоятельства помешали дальнейшим успехам и задержали их на некоторое время. Прежде всего важное значение имело то, что преемники Оттона Великаго слишком увлеклись идеею Римской империи и, отвернувшись от восточной границы немецкаго государства, устремили свои взоры на Италию и ея древнюю столицу. Славяне воспользовались этим временем и еще раз сделали попытку сбросить с себя ненавистное немецкое иго. Их жрецы никак не могли примириться с введением христианства, князья не могли забыть своей самостоятельности и не желали платить дань; наконец, сюда присоединились притеснения со стороны маркграфов—Тиадриха, преемника Герона, и Бернгарда, сына Германа. Поражение, которое потерпел Оттон II в южной Италии, вывело славян из спокойнаго состояния. Снова закипало возстание по всему протяжению Эльбы, и на этот раз народная ненависть обрушилась прежде всего на духовенство. Мы слышим о разрушении церквей и об истреблении их служителей. Возстание началось в земле гаволян, и там прежде всего были разрушены соборныя церкви в Браниборе и Гавельберге. Браниборский епископ уцелел от народной ярости, но соборный клир погиб весь. Бодрицкая земля не замедлила, конечно, примкнуть к общему движению, но так как здесь христианство сделало большие успехи, чем среди лютичей, и бодрицкий князь Мстивой сам принял крещение и женился на сестре старгардскаго епископа, то здесь пока не было тех жестоких сцен, какия совершались среди гаволян. Дело ограничилось тем, что Мстивой напал на Гамбург, сжег и разграбил этот город. Но по смерти Мстивоя обстоятельства переменились. Сын его Мечислав желал быть вполне народным князем и объявил себя врагом христианства и немецкаго господства. И вот в его земле повторилось все то, что раньше произошло у гаволян: христианския церкви повсюду были преданы огню, шестьдесят священников погибли среди мучений, а епископ старгардский едва спасся бегством. Очевидно, возбуждение славян приняло серьезные размеры. Нужно было энергичное вмешательство самого императора, чтобы сразу водворить среди них спокойствие. Но оба Оттона часто уходили в Италию, оставляя сла-

вян на попечение своих маркграфов. Много раз саксонские маркграфы совершали поход за Эльбу, особенно в пределы гаволян, много раз они захватывали их главную крепость Бранибор и затем теряли ее снова. Результат подобнаго ведения дела был тот, что к 1000 году полабские славяне сбросили с себя всякую зависимость от империи, возвратились к своим богам и даже успели расширить свои пределы, захватив земли по левому берегу Эльбы.

Другим важным обстоятельством, задержавшим успехи немецкаго оружия за Эльбою, было усиление Польскаго государства. Польский князь Болеслав Храбрый собственными усилиями создал обширное государство, простиравшееся от берегов Балтийскаго моря до Карпат. Река Одра составляла западную его границу. В голове Болеслава зародилась мысль сплотить славянския силы, чтобы сообща противодействовать немецкому влиянию. Он занял Мейссен, завладел большею частью восточной марки, наконец, и Чехия вошла в состав его государства. Полабские славяне, конечно, входили в расчеты Болеслава; они должны были усилить объединенное славянское государство, но на деле вышло иначе. Лютичи не только упустили благоприятный случай обезопасить себя от притязаний немецких императоров, но и явились помехой к осуществлению великих замыслов. Генрих II, избранный немецким королем, сразу понял опасность, которая грозила ему со стороны Польши, и поставил себе задачей помешать дружбе полабских славян с польским князем. Разрешение задачи оказалось легче, чем можно было ожидать. Послы лютичей явились к Генриху вскоре после его избрания в Кведлинбург (1003 г.), были приняты очень ласково и, завлеченные подарками и обещаниями, склонились на дружбу с немецким королем. Заручившись союзниками, Генрих начал войну с Болеславом, и так как силы противников были почти равны, то борьба тянулась около четырнадцати лет. Тем не менее Генрих достиг главной цели. По миру в Будышине (1018 г.) Болеслав сохранил все свои завоевания, кроме Чехии, и Эльба снова стала границею немецких владений, но за то лютичи не вошли в состав польской державы.

Лютичи напрасно льстили себя надеждою в качестве союзников императора сохранить свою самостоятельность. Преемники Генриха, Конрад II и Генрих III, продолжали политику своих предшественников и требовали покорности императорской власти. Внешнее выражение этой зависимости они видели в уплате определенной дани и обложили ею как ободритов, так и лютичей. Что же касается до распространения христианства в славянских землях, то на это они обращали мало внимания.

Готшальк и Круто

Тем не менее христианство, а вместе и немецкое влияние продолжали распространяться помимо стараний императоров. При Генрихе III явился у ободритов князь Готшальк, положивший много сил на то, чтобы спасти свою родную землю и павший жертвою своих стремлений. Воспитанный с молодых лет в правилах христианской веры и проведя затем много времени в Дании, Готшальк явился на родину в полном убеждении, что только христианство может спасти ее от гибели. Какая нужда, думал он, будет германским императорам теснить славян, если они станут христианами? В виду этого, сделавшись князем бодрицкой земли, Готшальк приложил все свои заботы к распространению христианства среди своих соплеменников. При этом он старался, чтобы христианство не принималось только внешним образом, но чтобы принимавшее крещение вникали в смысл новаго учения. Часто случалось, что после проповеди священника или епископа он сам начинал объяснять наро-

ду на родном языке смысл таинств. В короткое время владения Готшалька покрылись христианскими церквами, появились даже мужские и женские монастыри. Возстановлено было уничтоженное со времени Мечислава бодрицкаго епископство в Старгарде, а в Мекленбурге и Ратиборе были учреждены новыя епархии. Однако Готшальку не удалось довести своего дела до конца. Большая часть народа не сочувствовала стремлениям князя и видела в распространении христианства измену родине. В 1066 г. язычники подняли возстание и убили Готшалька в городе Ленчино. Народная ярость не пощадила ни христианских церквей, ни духовенства: епископ Иоанн Мекленбургский был принесен в жертву. Восторжествовавшие язычники признали своим князем Круто, происходившаго из княжескаго дома ранских славян.

Круто крепко держался древних славянских обычаев и считал язычество главным оплотом против немецкаго влияния. Понятно, что при нем борьба с немцами возгорелась с новою силой. Сыновья убитаго Готшалька пытались было возвратить себе отцовское наследие при содействии саксонскаго герцога, но попытка не имела успеха. Бодрицкий народ воспользовался теми внутренними волнениями, которыя происходили в Саксонии и были направлены против Генриха IV. Славянская месть постигла саксонския земли по нижнему течению Эльбы, и Гамбург два раза был разграблен. Области на север от Эльбы после походов Круто признали его власть и согласились платить ему дань.

Но этот подъем духа бодрицкаго народа продолжался не долго. Около 1090 г. сын Готшалька, Генрих, свергнул Круто. Народная партия, придерживавшаяся старины и не доверявшая сыну Готшалька, напрягла свои последния силы. Генрих призвал на помощь саксонскаго герцога, и на Смиловом поле, где язычники потерпели поражение, христианская пария восторжествовала. Генрих царствовал тридцать лет и распространил свои владения до Руяны. Ему платили дань все славянские народы, жившие между Эльбою и Балтийским морем до пределов Польскаго государства. Ободриты, вагры, полабы, хижане, черезпеняне, лютичи, поморяне и все племена славянския до Польши служили ему, говорит Гельмольд. Вследствие обширности владений Генриха его называли даже королем.

Но это усиление балтийских славян было случайным, и объединение большей части племен под властью Генриха оказалось временным. Оно создалось и держалось средствами, которых не могли одобрить истинные патриоты. Генрих опирался на саксонскаго герцога и часто призывал к себе на помощь саксонския войска. Как только не стало Генриха, перестало существовать и государство, которое ему удалось создать. Снова прибалтийские славяне остались раздробленными на племена. Среди них выдавались теперь два князя, из которых один, Витекинд, правил в Гавельберге, а другой, Прибислав, в Бранденбурге. Но ни тот, ни другой не думали о борьбе с немцами, тем более, что тогда для балтийских славян наступили тяжелыя времена. Опасность грозила не только с запада, со стороны немцев, но и со стороны Польши. В это время польский князь Болеслав III, как и Болеслав Храбрый, трудился над созданием сильнаго Польскаго государства. Он успел покорить поморян и при помощи Оттона, епископа бамбергскаго, распространить среди них христианство. Болеслав стал теснить также ободритов и лютичей, и значительная часть последних подчинилась его власти. Польское государство простиралось при нем от Вислы до рек Пены и Гавеля. Это тяжелое положение балтийских славян, стесненных польским князем, облегчило саксонскому герцогу Лотарю, избранному в то же время немецким королем, завоевание

славянских земель. Он вторгся в землю лютичей и разрушил их главное святилище Ретру, а на ободритов наложил дань.

Альбрехт Медведь

Так положено было начало целому ряду новых успехов немецкаго оружия за Эльбою, которые окончательно решили судьбу прибалтийских славян. Новыя завоевания, носившия несколько иной характер сравнительно с предшествовавшими, оказались более прочными. До сих пор императоры имели в виду главным образом заставить славян признать себя подданными империи и взимали с них дань, как выражение этого подданства. Поставленные на границах маркграфы содействовали императорам в том, чтобы держать в повиновении покоренных. Но со времени Лотаря преемники пограничных маркграфов изменяют свою политику. Они начинают вести борьбу с славянами из-за личных целей, стремятся к тому, чтобы основать на захваченных славянских землях собственныя владения. Настоящими основателями немецкаго владычества за Эльбою являются два немецких князя XII века—Альбрехт Медведь и Генрих Лев.

Альбрехт Медведь принадлежал к древней швабской фамилии Асканцев, начало которой теряется во мраке средних веков. Родовыя владения этого дома лежали в теперешнем Ангальте. Асканцы принимали всегда самое близкое участие во всех делах немецкаго государства. Так, Альбрехт Медведь изъявил свое притязание на герцогство саксонское по пресечении там династии Биллунгов. Он поссорился даже с другом своего отца императором Лотарем II, когда тот отдал герцогство не ему, а своему зятю, баварскому герцогу Генриху Гордому. Впрочем, Асканцы были слишком осторожны, чтобы заходить далеко в ссоре с императором. Альбрехт вскоре забыл обиду и последовал за Лотарем в Италию против сицилийскаго короля Рожера. В награду за эту услугу он получил северо-саксонское маркграфство. Но самым важным деянием Альбрехта Медведя было основание среди владений лютичей *бранденбургской марки*, откуда стало распространяться немецкое влияние на соседния земли. Основание бранденбургской марки было положено тем, что Альбрехт отнял у Витекинда его область, куда призвал целый ряд саксонских родов, а область Прибислава перешла к нему после смерти этого князя по завещанию. Предание разсказывает, что Прибислав, по крещении Генрих, имел своим восприемником маркграфа, а затем сам был восприемником его сына. Вследствие этих родственных отношений Генрих признал Альбрехта своим наследником в Бранденбурге. Тем не менее занятие бранденбургской области не обошлось без борьбы. Родственники Генриха вовсе не желали уступать право на наследство немецкому князю, и один из них завладел Бранденбургом. В то же время и Альбрехт не думал отказаться от доставшагося ему наследства. Поход императора Фридриха I против Польши, с целью заставить ее признать над собою верховную власть империи, доставил ему возможность силою оружия поддерживать свои права. Сторону Польши принял бранденбургский князь Яссо. В то время как Фридрих отправился с большим войском на Одер, Альбрехт бросился на Бранденбург и завладел им. С этих пор он и стал называться маркграфом бранденбургским, и славянския области, носившия впоследствии названия Миттельмарка, Пригница и частью Неймарка, сделались владениями немецкаго князя.

Генрих Лев

Между тем как Альбрехт Медведь действовал таким образом среди лютичей, такие же

захваты славянских земель происходили и на севере в стране ободритов. Саксонский герцог Генрих Лев стремился занять земли по берегу Балтийскаго моря, начиная от Эльбских низменностей. Но начало немецкому влиянию и здесь положено было Альбрехтом Медведем. Во время непродолжительнаго обладания саксонским герцогством (когда Фридрих Барбаросса отнял его у Генриха Гордаго и отдал Альбрехту Медведю), Альбрехт поручил управление Голштиниею Генриху Бадевиде. Граф Генрих оказался заклятым врагом славян и предпринял в славянскую землю несколько опустошительных походов. Во время одного из них он завладел передовою славянской крепостью Плуною, откуда мало-по-малу захватил всю Вагрию. Когда саксонское герцогство досталось Генриху Льву, то новый герцог отдал Голштинию и всю вагорскую землю графу Адольфу Шауенбургскому в ленное владение. Но нельзя было обидеть и прежняго законнаго обладателя этой области Генриха, которому Генрих Лев должен был отдать Полабию с городом Ратибором.

Таким образом, немецкия владения придвинулись к стране ободритов. В это время у них правил князь Никлот. Стесненный с запада графами вагорским и полабским, он счел за лучшее выказывать по отношению к ним и к самому саксонскому герцогу полную предупредительность, думая, хотя таким образом, сохранить свою самостоятельность. «Я был, —говорит однажды Никлот вагорскому графу,—твоим оком и ухом в твоей славянской земле, чтобы ты не имел неприятностей от славян, которые владели некогда Вагриею и которые теперь жалуются на то, что они несправедливо лишены наследия своих отцов». Но даже дружба с немецкими графами не могла спасти бодричей от той участи, какая постигла вагров. Генрих Лев, поставивши своею задачей завоевание славянских земель, должен был рано или поздно занять их область. Уже в 1147 г., когда был предпринят крестовый поход против славян-язычников, крестовое ополчение, в котором находились Альбрехт Медведь и Генрих Лев, опустошило, между прочим, и страну ободритов. Никлот принужден был защищаться за стенами одной из своих крепостей. Только благодаря тому, что крестоносцы вообще действовали крайне вяло, они ничего не достигли. Никлот остался бодрицким князем и отделался одним обещанием крестить свой народ.

Вскоре однако Генрих Лев принужден был снова выступить против Никлота. Он надеялся, завоевав страну ободритов, прекратить разбои славянских пиратов, затруднявших торговлю на Балтийском море. Поход сопровождался обычными опустошениями; ободриты сами сожгли свои укрепленныя места и отступили внутрь страны. Смерть Никлота лишила их последней надежды на успешное сопротивление, и сыновья убитаго князя сочли за лучшее оставить страну в распоряжение неприятеля. Генрих Лев поделил завоеванную землю между своими ближайшими помощниками.

Впрочем, один из сыновей Никлота, Прибислав, сделал в 1164 г. попытку вернуть себе отцовское наследие. Он нашел себе поддержку со стороны померанских князей и поднял возстание в бодрицкой земле. Попытка удалась, и Прибислав получил обратно страну ободритов. Только этот новый бодрицкий князь должен был принять крещение и признать себя вассалом саксонскаго герцога тем более, что одна из областей бодрицкой земли (зверинская) осталась в руках немцев, и во главе ея стоял приближенный Генриха, Гунцелин.

Подчинив себе ободритов, Генрих Лев устремил взоры на Рюген и Померанию. Он желал также подчинить ранов и поморян, но исполнить желание было нелегко, так как при

этом задевались интересы датчан. Датские короли с давних пор старались утвердиться в Мекленбурге и Померании, а также на прибрежных островах.

Уже в 1160 г. король Вальдемар обложил данью жителей острова Руяны. Через восемь лет датский флот снова появился у берегов острова, и датское войско осадило главный оплот славянскаго язычества, святилище Святовита, Аркону. Предприятие окончилось разрушением Арконы, жители острова были обложены тяжкою данью и дали обещание креститься. Занятие острова датчанами являлось помехою для планов Генриха; оно раздражило его и заставило принять с своей стороны меры. Набеги славянских пиратов, главным образом, обрушивались на датские берега. После похода на Никлота эти набеги прекратились, но теперь, когда интересы Генриха столкнулись с интересами датчан, он позволил приморским славянам возобновить морской разбой. Мера оказалась самою действительной. Не тратя собственных сил, Генрих добился того, что датский король уступил ему часть острова Руяны и поделился с ним добычею, захваченной во время последняго похода.

Утвердившись на Рюгене и ограничив влияние датчан на южном берегу Балтийскаго моря, Генрих мог разсчитывать на полное осуществление своих планов, если бы он не затеял распри с императором Фридрихом. Тем не менее он успел добиться некоторых результатов и относительно Померании, князья которой признали свою зависимость от империи и сделались вассалами саксонскаго герцога. Вместе с тем и христианство окончательно утвердилось среди поморян.

Если припомнить, какие успехи сделало в последнее время немецкое оружие среди славян, то увидим, что они были очень значительны. Альбрехт Медведь основал Бранденбургское маркграфство среди южных племен балтийских славян. Расширяясь на счет соседних славянских земель и подвигаясь все далее на восток, маркграфство разрослось в сильное Прусское государство. Точно также и на севере одне области (Вагрия, Полабия) совершенно утратили свою самостоятельность, другия (ободритов и поморян) принуждены были признать некоторую зависимость от саксонскаго герцога. Почти четырехвековое сопротивление балтийских славян было сломлено, и немецкое господство за Эльбою утвердилось окончательно. Вместе с тем в обширных размерах началась германизация завоеванных славянских земель.

III. Колонизация Прибалтикой страны

Опустошение славянских земель

Положение славян в завоеванных областях было крайне тяжелое: они находились в рабстве у победителей и должны были платить тяжелую дань. «Наши князья,—жаловались славяне вагорской земли,—притесняют нас с такою жестокостью, что благодаря дани и самому тяжкому рабству, смерть для нас лучше жизни. Вот, например, в этом году мы, обитатели этого ничтожнейшаго уголка, заплатили герцогу тысячу марок и столько же центенарий (centenaria) графу... Как мы можем обратиться к новой религии, строить церкви и принять крещение, когда каждый день нам напоминает о бегстве. И хотя бы было место, куда мы могли бы убежать. Стоит нам перейти Траву, такия же бедствия нас ожидают там, если же направиться к реке Пене, то и здесь они существуют. Что же нам остается, как

только оставить землю, направиться в море и жить там среди пучин?» Действительно, славяне целыми массами стали покидать свои земли и разбегались в разныя стороны. Во время борьбы Генриха Льва с Прибиславом немецкое войско прошло славянския земли ободритов и поморян до Столпе, опустошая все на своем пути. Вся земля ободритов и соседния области, прилегающия к княжеству ободритов, вследствие постоянных войн, особенно же благодаря последней, превратилась в пустыню, говорит Гельмольд.

Остатки славянскаго населения оказались в самом жалком положении: «поля были заброшены, почему обнаружился недостаток в средствах пропитания, и наступила такая голодовка, что славяне принуждены были массами выселяться в Померанию или Данию, а там их без всякаго сожаления продавали полякам, сербам или чехам». В некоторых областях немцы не только обращались с покоренными крайне сурово, но и прямо их истребляли: так, начальник зверинской области Гунцелин приказывал ловить их и вешать без всякаго сожаления. Таким образом, мало-по-малу славянское население почти совсем исчезло в землях за Эльбою. Жалкие остатки его или были оттеснены к морю на крайний север, или же разселились внутри страны по берегам рек, где и влачили жалкое существование, занимаясь рыболовством.

Вызов колонистов

Однако, завоеванныя области не долго оставались пустынными. Немецкие князья, создавшие собственныя владения за Эльбою, стремились к тому, чтобы сделать их возможно более доходными и поднять их благосостояние. Достигнуть этого можно было легко и скоро, если дать областям способное и трудолюбивое население. Князья предприняли в обширных размерах колонизацию завоеванных славянских земель немецкими пришельцами. В охотниках покинуть свою родину и поселиться в чужой стране в Германии не было недостатка, так как переселенцы получали землю на льготных условиях и пользовались такими правами, каких не имели у себя дома. Обыкновенно являлся предприниматель (так назыв. locator), который действовали на свой страх. Он получал землю, достаточную для основания новаго поселения или же славянскую деревню, оставленную прежними обитателями, и затем подыскивали охотников войти в новую общину. Вся земля, принадлежавшая селению, делилась на участки (гуфы), из которых от двух до четырех получал предприниматель, два уделялись церкви, а остальная земля делилась между членами общества. Предприниматель получал должность судьи, которая оставалась наследственною в его роде, он же должен был нести военную службу в войске маркграфа на коне и в полном вооружении. Крестьяне составляли свободную общину и по истечении известных лет, когда они не несли никаких повинностей, платили только десятину в пользу церкви и оброк в пользу хозяина земли. Прежде всего стали заселяться северный области—Вагрия и Полабия. После походов графа Генриха Вагрия походила на пустыню: почти все прежнее население или разбежалось, или было истреблено. Преемник Генриха граф Адольф стал приглашать поселенцев из соседних стран Германии. «Придите,—велел говорить он своим гонцам,—переселяйтесь с вашими семействами, вам достанется земля отличная, обширная, плодородная, изобилующая и рыбою, и скотом, и пастбищами». На призыв Адольфа потянулось до десяти тысяч переселенцев, которые и разместились по всей Вагрии. К северо-востоку от голштинцев Даргунскую жупу заняли вестфалы, от них на север, ближе к морю, в Утинской волости поселились голландцы и почти у самаго моря к востоку от вестфалов, в низменной

местности Сузельской волости—фризы.

«Так,—говорит Гельмольд,—стали заселяться пустыни вагорской земли, и число ея обитателей постоянно умножалось». Весьма важное значение для успеха немецкой колонизации имело то, что вскоре появился и центр, откуда исходило немецкое влияние. Таким средоточием области сделался город Любек, построенный Адольфом на месте стараго славянскаго города Буку,—там, где река Трава сливается с Вохницею. Этот город, обладавший прекрасною гаванью, не только сделался важным торговым пунктом, но и открывал удобный выход к южным берегам Балтийскаго моря, по которым быстро стала распространяться немецкая колонизация.

Вслед затем стала заселяться Полабия и страна ободритов. Вот как говорит относительно этого Гельмольд: «В то время наступило спокойствие по всей славянской земле, и укрепления, которыми владел граф по праву завоевания, стали заселяться пришлыми народами, которые и пришли в эту землю, чтобы владеть ею. Во главе этой области стоял Гунцелин, храбрый муж и друг герцога. Далее, Генрих, граф города Ратибора, находящагося в земле полабов, привел большое количество народа из Вестфалии, чтобы заселить страну полабов и поделил между ними всю землю...»

Около 1160 года начинается настоящая колонизация и тех областей, которыя принадлежали Альбрехту Медведю. После попытки возвратить себе самостоятельность, сделанной в 1157 году и окончившейся неудачею, славяне потеряли право собственности на землю и она вся была раздана завоевателям, которые и вызвали колонистов из Германии. «Всю землю брижан, стодорян и многих племен, обитающих по Гавелю и Эльбе, он (Альбрехт Медведь) покорил и наказал тех из них, которые возстали. А так как славян было мало, то он послал в Трир, в прирейнския земли, наконец—к тем, которые живут у океана и должны бороться с натиском моря, т. е. к голландцам, зеландцам, фламандцам, призвал оттуда большое количество народа и поселил его в городах и укреплениях славян».

Промышленные успехи

Таким образом, за Эльбу во все славянския области хлынуло громадное количество немецкаго населения, и эти пришельцы заводили на новых местах жизнь со всеми порядками, какие существовали на их родине. Прежде всего они приложили известные им усовершенствованные способы к обработке земли и стали возделывать даже неудобную почву, местности, покрытый болотами или лесом, пропадавшия у славян без всякой пользы. Железный плуг помог немцам окончательно завладеть землею, которую доставило им их оружие. С другой стороны, с приливом немецкаго населения в славянския земли развилась и торговля, которая шла главным образом по Эльбе и ея притокам и средоточием которой сделался Любек.

Усилившиеся торговые обороты, в свою очередь, способствовали развитию городской жизни. До XII века в Бранденбургской области было только три города (Гавельберг, новый и старый Бранденбург), после же начинают появляться новые города, жизнь которых устраивалась по магдебургскому праву. При основании городов, как и при основании сельских общин, большую роль играл тот же предприниматель. Как глава предприятия, он становился фогтом и получал треть судебных доходов, рыночных пошлин и треть сборов с гостинаго двора. Обыкновенно город строился таким образом, что средину занимала го-

родская площадь, где помещалась городская ратуша и гостиный двор, а от нея уже расходились городския улицы по различным направлениям.

Особенно сильно стала развиваться городская жизнь, начиная с XIII века. Тогда же возникли и такие важные города Бранденбургскаго княжества, как Кельн и Берлин, при чем первый возник несколько раньше. Он являлся пограничным пунктом, до котораго дошла немецкая колонизация по левому берегу Шпрее. Здесь на одном возвышении построена была церковь в честь св. Петра, покровителя рыбаков. Когда же завоевания перешли за Шпрее, рядом с Кельном возник и Берлин. На правом берегу реки построена была церковь в честь св. Николая, покровителя мореплавателей и купцов. Оба эти места получили городское устройство (Кельн получил магдебургское право в 1244 г.) и сделались важными центрами завоеванных земель. Когда колонизация стала проникать далее на восток, то и там, на берегах Одера, возникли новые города. Так, в 1253 году основан был Франкфурт, а через четыре года получил начало Ландсберг на Варте.

Христианство

Вместе с приливом немецкаго населения за Эльбу там быстро стало распространяться христианство. Оно, в свою очередь, способствовало германизации славянских земель: с одной стороны, латинская церковь прочно связывала их с остальною Германией, а с другой—духовенство наряду со светскими лицами призывало колонистов на отведенныя ему земли. До того времени христианство распространялось очень медленно, и существование возникавших христианских общин постоянно подвергалось опасности со стороны язычников. Хотя еще Оттон Великий основал епископства в Бранденбурге и Гавельберге, но христиан в этих областях было очень мало. Даже последние правившие здесь славянские князья не уничтожили поклонения языческим богам—Геровиту и Триглаву. Да и в войнах немецких князей с славянами на первом плане стояла выгода, а не распространение христианства.

Гельмольд так характеризует раннюю деятельность Генриха Льва: «Среди различных походов, какие он совершал еще в молодости в славянскую землю, не было и мысли о распространении христианства, но только корыстные расчеты. Еще и тогда славяне приносили жертвы божествам, а не истинному Богу, и совершали разбойничьи набеги в землю датчан.»

Прежде всего христианство сделало успехи во владениях Альбрехта Медведя. Едва только он завладел Гавельбергом, как епископ Ансельм после долгаго отсутствия получил возможность возвратиться в свой город и принялся за устройство епархии. «И сильно поднялись,—говорит Гельмольд,—от прихода переселенцев епископства бранденбургское и гавельбергское, так как умножилось число церквей и возрос громадным образом доход от десятины.» И не только возросло число церквей, но изменился и характер их постройки: до сих пор встречались церкви, построенныя довольно грубо из местнаго камня песчаника, со времени же основания бранденбургскаго маркграфства постройка производилась из обожженнаго кирпича, и церкви по своей архитектуре стали походить на нидерландския церкви тех времен.

Христианство утвердилось и в северных областях. Архиепископ Бременский поставил отдельных епископов в Старгарде и Ратиборе, а в 1155 г. был посвящен особый епископ и для Мекленбурга.

Когда Генрих Лев подчинил, наконец, ободритов и разделил их земли между своими ближайшими помощниками, тогда же он позаботился и об устройстве христианской церкви. Местопребывание епископа старгардскаго было перенесено в Любек, как главный немецкий город в славянской земле. Все три епископа признали над собою покровительство саксонскаго герцога. Генрих в награду за это предписал всем славянам, какие оставались в земле вагров, полабов, ободритов и хижан, платить епископам с каждаго плуга три меры ржи и двенадцать ходячих монет, переселенцы же (homines teutonici) должны были платить в пользу церкви десятину.

Монашеские ордена

Большое участие в германизации славянских земель принимали монашеские ордена—премонстрантов и цистерцианцев. Основателем перваго ордена был архиепископ магдебургский Норберт (1126—1134) и главным центром этого ордена был монастырь св. Марии в Магдебурге. Отсюда они разсылали миссионеров в славянския области, где и возникали новые монастыри. Эти монастыри имели тем более важное значение, что они не только являлись религиозными центрами, но и представляли из себя образцовыя земледельческия колонии, заселенныя немецкими переселенцами. Особенною славой пользовался основанный премонстрантами недалеко от Магдебурга монастырь Лычково (Leizkau, 1139 г.). Он возник в местности, где служение языческим богам было уничтожено силою. Здесь пребывали бранденбургские епископы, пока епископство бранденбургское не было возстановлено.

Около 1170 г. выдвигается другой монашеский орден—цистерцианцев, который своею деятельностью совершенно затмил премонстрантов. Цистерцианцы, или «серые монахи», как называли их за их серое одеяние, обращали столько же внимания на исполнение своих священно-служительских обязанностей, сколько вообще на работу ради христианства. Ora et labora—вот был их главный принцип. Они отличались необычайною простотой жизни, протекавшею в крайней бедности, и обладали важными знаниями, относящимися к обработке болотистых местностей. Понятно, появление цистерцианских монастырей в славянских землях как нельзя более содействовало их германизации. «Можно живо представить себе этих монахов; аббат водружает среди первобытнаго леса крест в знак того, что земля занимается во имя религиозной идеи; одни из монахов валят деревья, другие вырывают корни, третьи их жгут, и таким образом получается светлое пространство, откуда идет уже дальнейшая обработка земли. Монахи отделяют поле от леса, особенно они были искусны собирать воду в пруды или отводить посредством каналов, так что болото превращалось в луг и даже в сад. Они не уходили из главнаго монастыря, не захватив с собою семян овощей в свои новыя учреждения. Та же взаимная связь монастырей способствовала и разведению фруктов. Пример монастырей, распространяясь по всей стране, служил для нея побуждением»[1].

Первый цистерцианский монастырь, возникший на славянской земле, был Цинна (Zinna); его основание относится к 1171 году. Он расположился на холме, возвышавшемся среди болотистой местности, по которой протекала река Nuthe. Но гораздо большею известностью пользовался построенный при содействии маркграфа Оттона I монастырь Ленин (Lehnin). Германизация славянских земель, проводимая при помощи самых разнооб-

1 Ranke, Zwolf Bucher Preussischer Geschichte. B. I. 13.

разных мер, шла быстрыми шагами. Так, бранденбургская марка до Шпандау уже в начале XIII столетия не имела следов прошлаго владычества славян и стала совершенно немецкою страной. Одинаково быстро совершалось дело и на севере, так что Гельмольд мог сказать в своей хронике под 1171 годом: «вся страна славян, начиная от Эйдара и до Зверина, до сих пор бывшая весьма опасною вследствие неожиданных нападений врагов и почти пустынною, теперь при помощи Божьей замирена и превратилась как бы в одну колонию саксов».

Быстрый ход онемечения славянских земель не ограничивался только теми областями, которыя находились под властью немецких князей. Оно также быстро распространялось и на земли, во главе которых стояли славянские князья. С течением времени Померания и Мекленбург точно также превратились в немецкия области, какими и являются они в настоящее время. В них происходило то же самое, что и во владениях Генриха Льва или Альбрехта Медведя. Князья померанские и мекленбургские призывали на свои земли немецких колонистов. В то же время здесь возникали монастыри, которые являлись центрами, откуда распространялись среди славян немецкий язык и немецкие обычаи. Так, Прибислав мекленбургский основал в Доберане цистерцианское аббатство, и вокруг него возникла цветущая страна. И в Померании было построено несколько монастырей: померанский герцог Болеслав основал цистерцианскую обитель в Оливе, а ранее премонстранты построили на Узедоме свой монастырь.

Таким образом немецкое влияние распространилось по всем землям, расположенным между Эльбою и Вислою и, продолжая затем действовать в течение многих веков, совершило удивительную работу. Ея результат на лицо: совершенно исчезло с лица земли громадное славянское население, обитавшее некогда в этих местах, и преобразованная страна превратилась в немецкую область.

В. Розанов.

LIX. Бранденбургское маркграфство при первых Гогенцоллернах

Германия после междуцарствия

Эпоха «великаго междуцарствия» была для Германии расплатою и прямым последствием тех увлечений, которыя клонились к поддержанию величественнаго призрака Римской империи, а вместе с тем и к всемирному господству. Немецким императорам, желавшим быть такими же повелителями в Италии, как и в Германии, и постоянно сталкивавшимися с папами, по необходимости приходилось приобретать помощь немецких князей ценою разных уступок и в ущерб своим правам. В результате получилось то, что в то время как на западе, во Франции и в Англии, постепенно складывалось из феодальнаго хаоса государство с прочною центральною властью, Германия в эпоху междуцарствия дожила до исчезновения всякаго порядка и установления «кулачнаго права». С избранием Рудольфа Габсбургскаго на императорский престол в 1273 г. настал конец междуцарствия, но последствия пережитого были настолько значительны, что надолго определили характерныя особенности политическаго быта Германии, ея политическую раздробленность и отсутствие сильной центральной власти. Правда, притязания империи остались прежними в теории, но на практике представители ея отказались от их осуществления. На деле императорская власть стала совершенно ничтожною, так как император не имел ни постоянных доходов, ни армии, на которую он мог бы всегда разсчитывать, ни безспорной судебной власти. Рядом с ним стояли несколько сотен владетельных князей, почти совершенно самостоятельных, и могущественные союзы городов, стремившихся также к самостоятельности и, благодаря своему богатству, игравших важную роль. Такой порядок приводил к упорной борьбе различных классов населения между собою, так что последующая история Германии знаменуется опустошительными междоусобными войнами. Золотая булла, изданная Карлом IV, окончательно закрепила установившийся партикуляризм, превратив Германию в конфедерацию мелких государств, лишив императора всякаго значения и предоставив гро-

Пособия: *Droysen*, Geschichte der preussischen Politik, t. 1 и 2. *Ranke*, Zwolf Bucher preussischer Geschichte, t. 1, и *Berner*, Geschichte des preussischen Staates.

мадное влияние владетельным князьям. Таким образом, средневековая императорская власть не могла уже быть элементом объединения раздробленной Германии: теперь перед носителями императорской короны раскрывались иныя цели, и всякий немецкий князь, котораго выбирали императором, очень мало внимания обращал на империю, но спешил воспользоваться выгодами своего положения в интересах своего дома и своих наследственных владений. Очевидно, что объединения своего Германия могла ждать только от того из княжеств, государи котораго сумеют возвысить его среди других немецких владений и прежде всего установить у себя прочный государственный порядок. С этой точки зрения представляет большой интерес история Бранденбургскаго маркграфства при первых курфирстах из дома Гогенцоллернов, так как при них были положены прочныя основы тому Прусскому государству, глава котораго в XIX веке явился объединителем Германии. Дело не обошлось без борьбы, и прошло не мало времени, прежде чем Гогенцоллерны утвердили свою власть в стране, сделались настоящими ея государями и заставили все сословия, забыв свои личные счеты и интересы, служить интересам государства. С другой стороны Бранденбургское маркграфство, выдвинутое на восточной границе для защиты империи от славян, и при первых Гогенцоллернах продолжало свято исполнять свою задачу, и курфирсты бранденбургские этого времени не раз должны были и оружием и дипломатическим путем разрешать опасные для Германии вопросы, возникавшие на востоке.

Бранденбург при Асканцах

Продолжительная и упорная борьба между германцами и славянами прибалтийскими завершилась в половине XII века окончательным водворением немецкаго господства за Эльбой[1]. Альбрехт Медведь, принадлежавший к древней фамилии Асканцев и владевший северо-саксонским маркграфством, около этого времени захватил славянския области Бранденбург и Гавельберг. Таким образом, он положил основание новому немецкому княжеству и стал именоваться маркграфом бранденбургским. Деятельность целаго ряда даровитых правителей из рода Асканцев была направлена к тому, чтобы создать из новых владений сильное государство и, действительно, Бранденбургское маркграфство к началу XIV в. разрослось в своих пределах и достигло своего политическаго величия. Оно обнимало собою и древнюю область, откуда началось покорение соседних славянских земель— Альтмарк, а также и Миттельмарк, Укермарк, Пригниц и Неймарк. К нему принадлежали еще обе Лузации, многия области маркграфства Мейссенскаго, епископство Лебус, а кроме того оно пользовалось верховными ленными правами над Померанией, Мекленбургом и другими землями. Сила Бранденбургскаго княжества заключалась уже в том, что это создание Асканцев представляло единое целое. Земли, находившаяся некогда во владении славян, теперь как по внешнему строю, так и по внутренней жизни стали вполне немецкими областями. В них утвердилось немецкое управление и немецкая феодальная система. Дворянство и духовенство, получившия наибольшее количество земель, являлись самыми влиятельными сословиями. Но по мере распространения немецкой колонизации возникли города, благоденствие которых возрастало, благодаря заботам маркграфов. При их содействии города заключали договоры с соседними государями и с Ганзой и тем обезпечивали себе свободную и выгодную торговлю. В городах развивались ремесла, росли богатства и городския общины стали чувствовать себя важными членами княжества. Они стали даже

1 См. статью «Прибалтийские славяне».

ради общей выгоды составлять союзы. Таков был союз городов в начале XIV ст., в состав котораго, между прочим, входили Кельн (на Шпрее), Берлин, Франкфурт на Одере, Зальцведель и др. Между тем счастливым временам Бранденбургскаго маркграфства вскоре наступил конец. Разсказывают, что еще в начале XIV ст. близ Ратенау собралось девятнадцать человек из дома Асканцев, а в 1320 году умер последний представитель этого дома, маркграф Генрих, и с ним совершенно прекратилась Асканская династия в Бранденбурге.

Пресечение династии, как и следовало ожидать, вредно отозвалось на могуществе и благосостоянии Бранденбургскаго маркграфства. За отсутствием законных наследников многие из соседних князей бросились, как на хорошую добычу, на бранденбургския области и старались приобрести себе хотя какой нибудь клочек земли, подкрепляя свои притязания или родственными отношениями с вымершей династией, или каким-нибудь завещанием, а больше просто надеясь на свое оружие. В это время императором германским был Людовик Баварский из дома Виттельсбахов: ему принадлежало верховное право распоряжаться свободным маркграфством. Интересы собственнаго дома заставили его передать Бранденбургское княжество вместе с саном эрцкаммергера (на оффициальных обедах курфирст носил кружку и салфетку короля) своему старшему, но еще малолетнему сыну Людовику. Вскоре и внутри маркграфства начались волнения. Население не могло забыть своих прежних государей, с которыми связана была слава и благоденствие княжества. С особенною любовью вспоминал народ одного из последних маркграфов Асканскаго дома, Вальдемара, и превозносил его, как національнаго героя. Вот почему измышленный потомок Альбрехта Медведя, а на самом деле мельник Яков Ребок, принявший имя Вальдемара, с ликованием был встречен в бранденбургских областях и долго с успехом выполнял принятую роль. Появление ложнаго Вальдемара еще более и надолго расшатало внутренний порядок страны. Она не могла возвратиться к прежнему своему состоянию и тогда, когда маркграфство перешло при Карле IV к Люксембургскому дому. Почти целое столетие маркграфство Бранденбургское оставалось лишенным сильной власти, способной положить конец всем невзгодам, пока оно не перешло в руки Гогенцоллернов.

Гогенцоллерны

Гогенцоллерны принадлежат к древнейшим княжеским фамилиям Германии. Они владели землями в Швабии, а на одной из скалистых вершин швабской Юры стоял их замок Цоллерн. Происхождение этой княжеской фамилии в точности неизвестно; древнейшие, исторически достоверные предки Гогенцоллернов относятся к XI веку. В конце XI в. их род распался на две линии, из которых одна имела свои владения в Швабии, другая получила бургграфство Нюренбергское и некоторыя швабския и австрийския имения[1]. Бургграфы нюренбергские впоследствии через императорския пожалования, наследства и покупки распространили свои владения настолько, что у них образовалось два отдельных княжества —Байрейт и Аншпах. Достоинство имперскаго князя получил только бургграф Фридрих V от императора Карла IV на сейме в Нюренберге. Сыновья Фридриха V поделили между собою владения своего отца: Иоанн управлял Байрейтом, а Фридрих VI—Аншпахом. Этому последнему и суждено было стать родоначальником курфирстов бранденбургских из дома

1 Бургграфы нюренбергские при Гогенштауфенах были правителями всех королевских имений во Франконии. Но не все отрасли управления находились в их руках; существенными их правами была судебная власть и командование войсками.

Гогенцоллернов. Гогенцоллерны не имели никаких прав на Бранденбургское маркграфство; оно досталось им совершенно случайно, благодаря только дружбе с Люксембургами и тому значению, каким они пользовались среди немецких князей, Влияние бургграфов основывалось, главным образом, на хорошем состоянии их хозяйственных дел, при чем важную роль играли доходы с приисков в горах Фихтель.

Когда императором Германии был избран Венцель из дома Люксембургов (1378 г.), который вскоре выказал полную неспособность справиться со всеми затруднениями, какия тогда возникли в Германии, то повсюду стали раздаваться голоса недовольства императором, и поднимался вопрос об его низложении. Борьба за немецкую корону подняла всех князей Германии, разделила их на партии, и каждая партия старалась провести своего кандидата. Бургграф Фридрих VI также принял участие в этой борьбе: он явился в числе недовольных Венцелем и много содействовал избранию в немецкие короли пфальцграфа Рупрехта. Впрочем, Рупрехт был слаб и не мог приобрести авторитета. Это охладило к нему бургграфа Фридриха. Когда же Рупрехт умер и вопрос о носителе немецкой короны выступил снова, Фридрих на этот раз принял сторону Люксембургов и всеми силами старался провозгласить королем Сигизмунда. За те услуги, какия оказал Фридрих VI Сигизмунду при избрании его в немецкие короли, он и был награжден Бранденбургским маркграфством.

Бранденбургския области в это время находились в состоянии полнаго безпорядка. Сигизмунд среди постоянных войн весьма нуждался в деньгах и, чтобы достать их, закладывал и перепродавал то одни, то другия свои области. Так, в 1402 г. целая область Неймарк перешла в залог Немецкому ордену. Некоторыми областями на севере маркграфства завладели герцоги померанские и мекленбургские. Все остальныя части Бранденбургскаго маркграфства Сигизмунд заложил своему родственнику Иосту, маркграфу моравскому. Только по смерти Иоста маркграфство снова досталось Сигизмунду. В это время он был уже выбран немецким королем. Депутация от бранденбургских чинов, явившаяся по требованию Сигизмунда в его лагерь в Офене для принесения ему присяги, как новому маркграфу, жаловалась на страшные безпорядки, какие утвердились в стране, особенно при Иосте. Корыстолюбивый Иост от себя перезакладывал местному дворянству и городам отдельные земельные участки и крепкие замки. Дворяне, скрываясь за их стенами, безнаказанно грабили города и селения. Торговля и промышленность в городах, благодаря небезопасности дорог, пришли в упадок. Наиболее видные бранденбургские города составили союз для самозащиты от нападений рыцарей. Особенно была страшна своими разбойничьими предприятиями не только внутри страны, но и для соседних владений фамилия Квицовых. Жалуясь на все эти безпорядки, депутаты просили Сигизмунда приехать в маркграфство и водворить там спокойствие.

Сигизмунд слишком был занят общенемецкими делами и не имел возможности приехать в Бранденбург. В то же время он помнил и об услугах, какия оказал ему нюренбергский бургграф Фридрих. Передать ему управление Бранденбургским маркграфством казалось лучшею наградой; Сигизмунд так и поступил. В грамоте, обращенной к бранденбургским подданным, он рекомендовал Фридриха, как своего наместника. Он передал ему все свои государственныя права—административныя, военныя и судебныя, удержав за собою только титул курфирста. Передача Бранденбургскаго маркграфства Фридриху обставлена

была особенными условиями. Управление маркграфством должно оставаться в потомстве Фридриха и в обезпечение того, что оно не будет отнято, Сигизмунд признал себя должником бургграфа, определив размер долга в 100 тысяч гульденов. Цель подобнаго обязательства заключалась в том, чтобы дать возможность Фридриху заботиться о маркграфстве, как о своей земле, и не жалеть сил и средств для поднятия благосостояния страны. Таким образом, Фридрих сделался полным хозяином Бранденбургскаго маркграфства.

Фридрих I

Первою и главною его задачею было возстановление в стране внутренняго порядка и спокойствия. Он мог отправиться в Бранденбург только летом 1412 года и явился прямо в Берлин. Не без расчета явился Фридрих в этот город. Он знал, что встретит в распущенной стране множество всяких затруднений, если только захочет утвердить свой авторитет. Наместник, котораго послал он в Бранденбург тотчас по назначении своем правителем маркграфства, не был принят страной. Города отказывались повиноваться распоряжениям бургграфа и возвратить заложенныя им земли. Но Фридрих умел искусно воспользоваться тем положением, в которое поставлены были города со стороны дворян. Он обещал им помощь против дворянства, если они исполнят его требования и будут способствовать возстановлению государственнаго авторитета. Берлин первый склонился на сторону маркграфа, а за ним и остальные города принесли ему присягу, как законному правителю страны. В союзе с городами Фридрих мог уже решительнее приняться за возстановление внутренняго порядка в стране. Прежде всего нужно было усмирить распущенное дворянство и положить конец разбоям, стеснявшим торговлю. Наиболее безпокойной оказывалась фамилия Квицовых—с нея и пришлось начать Фридриху. Квицовы выразили свой протест против назначения бургграфа правителем маркграфства тем, что отдались под покровительство штетинскаго герцога Свантибора. Фридрих понимал трудность своей задачи. Его силы были незначительны и состояли главным образом из франконскаго рыцарства. Первыя столкновения с Квицовыми и их союзниками были несовсем удачны и стоили больших потерь. Правда, города и дворянство Альтмарка и Пригница перешли на сторону Фридриха, но вожаки продолжали еще грозить спокойствию страны. Только когда архиепископ магдебургский и курфирст саксонский, одинаково много терпевшия от Квицовых, пришли на помощь Фридриху, а Сигизмунд пригрозил изгнанием померанскому герцогу, если он будет держать сторону мятежников, спокойствие водворилось в области. На собрании дворянства, духовенства и представителей городов земский мир был объявлен законом, нарушитель котораго являлся врагом бургграфа и всей страны Так счастливо окончил Фридрих борьбу, которая на первых порах смущала его своей трудностью. Многие недовольные примирились теперь с новым правителем. Полному умиротворению страны особенно способствовало одно обстоятельство, которое имело место вслед за важными событиями в Германии. Хотя Сигизмунд и был избран римским королем, но ему нужно было еще короноваться, чему всеми силами старались помешать его противники. Без коронации власть его не имела под собою почвы; без нея он не мог приняться за государственныя и в особенности церковныя дела, которыя вследствие раскола пришли в совершенный безпорядок. Бургграф Фридрих в 1414 г. оставил бранденбургския области и явился на помощь Сигизмунду. Он дал ему возможность преодолеть все препятствия и короноваться, а затем помог разрешить и церковныя затруднения. Благодаря содействию бургграфа, Сигизмунду удалось для разрешения

этих затруднений созвать собор в Констанце. В признательность за все оказанныя услуги Сигизмунд решил пожаловать Фридриха Бранденбургским маркграфством и вместе с тем званием курфирста. Осенью 1415 года Фридрих возвратился в бранденбургския области с жалованною грамотой как на маркграфство, так и на курфиршеское достоинство. Всюду его встречали уже, как законнаго государя, и давали присягу ему и его наследникам, маркграфам бранденбургским. Объезжая страну для принятия присяги, Фридрих имел случай совершенно ее успокоить. Он подтвердил все права и вольности сословий и даже милостиво обходился с теми из мятежников-дворян, которые оказывали ему повиновение и возвращали заложенныя крепости и города.

Официальное пожалование Фридриха саном курфирста произошло в 1417 году среди торжественнаго собрания на площади Констанца. Император занимал место на высоком троне; по обеим сторонам его находилось избранное духовенство. Между тем присутствовавшие в Констанце владетельные князья привели маркграфа. Из их среды выделились курфирсты пфальцский и саксонский, один со скипетром, другой с мечем в руке, и, высоко держа эти регалии, стали на трибуне рядом с королем. Затем вошел маркграф Фридрих среди двух знаменосцев. Они преклонили колена в первый раз, когда поднялись на самую верхнюю ступень и затем вторично—прямо перед королем. Канцлер вслух прочитал грамоту, в которой перечислялись права курфирста и обязанности, которыя на него налагались этим саном.

«Курфирст священной римской империи»,—сказал затем король,—«любезный друг, желаешь ли ты дать в этом клятву?

«Могущественный король, весьма охотно»,—ответил Фридрих и принес присягу.

Тогда король взял знамена Бранденбурга и Нюренберга из рук рыцарей и передал их маркграфу. Затем, взяв скипетр эрцкаммергера и державу, король вложил их в руки Фридриха. На этом кончилось торжество пожалования саном курфирста, который ставил Фридриха в ряды высших князей немецкаго государства. Не удивительно, что по смерти Сигизмунда курфирсты предлагали ему корону империи, от которой он, впрочем, отказался.

Итак, Фридрих сделался курфирстом бранденбургским, население принесло ему присягу, но эта присяга не означала еще, что власть маркграфа могла считаться прочною и сильной. Фридриху удалось водворить внешний порядок, но он не успел собрать вокруг себя все сословия страны и заставить их действовать во имя общих интересов. Дворянство уже в правление Фридриха примирилось с новою династией, оставалось подчинить духовенство и сломить силу городских общин. Разрешение этой задачи выпало на долю ближайших преемников Фридриха, его двух сыновей—Фридриха II (1440—1470) и Альбрехта Ахилла (1470—1486).

Фридрих II

Фридрих II вскоре после того, как получил власть в маркграфстве, имел случай подчинить себе города. Берлин и Кельн вместе составляли тогда значительную общину, к которой примыкало до двадцати окрестных деревень. Эта община за своими крепкими стенами пользовалась полною самостоятельностью. Вся власть как административная, так и судебная находилась в руках городского совета, члены котораго избирались таким образом, что $^1/_3$ мест принадлежала Кельну и $^2/_3$ Берлину. Когда-то члены городского совета избирались

из всей общины, но потом мало по-малу вошло в обычай избирать их из небольшого круга патрицианских родов. Маркграф являлся гостем в городе, и если желал в нем остановиться, то мог въезжать лишь в сопровождении свиты, численность которой устанавливал совет. Как только маркграф въезжал, ворота запирались, и ключи каждый вечер относились на хранение в городской совет. Понятно, что полное господство городского совета или, лучше сказать, нескольких патрицианских родов над общиною было для последней не особенно приятно. Часто возникали неудовольствия, высказывались мнения против соединения обоих городов. Эти неудовольствия дали возможность Фридриху II ограничить городскую свободу, когда граждане Кельна и Берлина обратились к нему за помощью против городского совета. Уже и раньше, принимая присягу от сословий при первом своем появлении в стране, он дал городам понять, что не намерен им делать никаких послаблений. Теперь, призванный горожанами, он явился в город с значительною вооруженною силой, заставил городской совет передать ему ключи от городских ворот и произвел реформу городского управления в демократическом духе. Члены совета, по новому положению, должны избираться из всей общины, а их утверждение находилось в зависимости от маркграфа. Затем, городская свобода была ограничена тем, что город лишился права заключать какие бы то ни было союзы внутри маркграфства и с соседними государями. Правосудие перешло в руки маркграфа, который получил право назначать и сменять судей по своему усмотрению. Значение реформы, произведенной в Кельне и Берлине, было громадно. Вместе с Берлином и другие города маркграфства чувствовали себя стесненными в своей прежней свободе. В ответ на приглашение в собрание представителей Ганзы город Зальцведель писал в 1443 году: «В другое время они охотно явились бы к своим обязанностям и оказали послушание, теперь же не могут быть в виду важнаго происшествия с ними приключившагося,—о чем они готовы откровенно разсказать представителям, если бы только могли прийти к ним,—так что им нельзя ставить это в вину».

В 1448 г. соединенный город сделал попытку возвратить свою самостоятельность; дело дошло до вооруженнаго столкновения между горожанами и маркграфом, но оно ни к чему не привело. Берлин-Кельн снова должны были подтвердить данныя раньше маркграфу обязательства. Фридрих приступил к постройке цитадели на отведенной городом земле и для безопасности поместил в нем гарнизон. Теперь городская свобода была совершенно подавлена, так что преемник Фридриха II мог уже поднимать вопрос об обложении городов особыми налогами.

Власть Фридриха, как государя страны, должно было признать и духовенство. Прежде всего ему удалось, наконец, уничтожить ленную зависимость от магдебургскаго архиепископа, в которую поставили маркграфство Асканцы еще в XII столетии. Затем, весьма важное значение имело подчинение власти маркграфа трех местных епископов. Случилось это благодаря перемене в направлении церковных дел, какая наступила в то время. Базельский собор открылся с целью произвести реформу церкви, а между тем папа снова приобрел значение, и сам император Фридрих III стоял на его стороне. Папа Николай V всеми силами старался задержать деятельность собора. Дело кончилось заключением конкордата, смысл котораго не соответствовал первоначальным идеям собора. Но при этом папа должен был сделать кое-какия уступки. Маркграф Фридрих, как курфирст римской империи, имел значение при разрешении церковных неурядиц, и папа счел за лучшее иметь его на своей сто-

роне. Он уступил ему право выбора кандидатов при замещении трех епископов маркграфства. Это право не только возвышало маркграфа, как государя страны, но и давало ему возможность через епископов произвести реформу местной церкви, поднять нравственность духовенства и устранить некоторыя злоупотребления. Фридрих уже и раньше стремился ограничить влияние духовенства в стране и отнять у него те права, какия должны составлять неотъемлемую собственность государя. Давно уже было спорным вопросом, как далеко должны простираться права духовнаго суда, и часто раздавались жалобы на его злоупотребления. Наконец, на съезде в Берлине в 1445 году маркграфу удалось положить конец этим злоупотреблениям и разграничить права духовнаго и светскаго суда. Он решительно запретил светским лицам относиться к духовному суду по обыкновенным гражданским делам.

Альбрехт Ахилл

Альбрехт Ахилл с перваго появления своего в стране после смерти брата стал держать себя властно. Во время поездки для принятия присяги он требовал денег за подтверждение городских и сословных привилегий, о чем раньше маркграфы не могли думать. Эта статья дохода дала Альбрехту сразу свыше двух тысяч гульденов, тогда как, по его мнению, «в иных королевствах не получают постольку». Правда, страна с неудовольствием смотрела на эти поборы, но исполняла требования. Новый маркграф показал, что он настойчив в своих требованиях, когда возникло недоразумение с городами по вопросу о праве маркграфа устанавливать налоги.

В январе 1472 года Альбрехт созвал сейм в Берлине; здесь, между прочим, предстояло решить вопрос, как поступить с долгом, который сделал Фридрих II во время войны с Помераниею. Маркграф прямо заявил, что долг сделан в заботах о благе страны, и потому она должна принять его на себя; в виду этого он считает нужным установить налог на пиво и вино на четыре года. Духовенство и дворянство—два сословия, которыя уже приучены были подчиняться власти маркграфа, согласились принять долг. Не так поступили города. Узнав, что маркграф желает получить сто тысяч гульденов, они просили подумать и получили отсрочку. Впрочем, их смущала не сумма, а им не нравился способ уплаты. Они отлично понимали, что здесь дело идет о праве маркграфа устанавливать налоги. В назначенный день они дали ответ, что готовы принять на себя часть долга, но только с условием, чтобы его уплата была произведена каким-нибудь иным способом, а не при помощи налога на напитки. Маркграф стоял на своем, ссылаясь на то, что право возвышать прежние налоги и устанавливать новые еще раньше подтверждено за ним императором. Волнение в стране стало усиливаться; наконец, Альбрехт решил дело следующим образом. Он предложил поделить долг, который теперь определялся в 124 тысячи гульденов, на несколько частей. Одну его долю—в 50 тысяч гульденов должны принять на себя города, другую—в 30 тысяч гульденов обязаны уплатить дворянство и духовенство, а остальныя 44 тысячи Альбрехт брал на себя. Эту сумму он обязывался выплатить наиболее удобным и наименее убыточным для страны способом. Сейм на это согласился. Но какое волнение произошло в стране, когда через некоторое время на новом сейме Альбрехт заявил, что император дал ему право установить новый налог для уплаты его части долга. Сейм решительно возстал против новаго налога и ссылался на привилегии страны. Альбрехт не обратил никакого внимания на эти заявления и послал чиновников для сбора новаго налога. Волнение росло все более; го-

рода Альтмарка и Пригница отказывались участвовать в уплате долга, пока новый налог не будет отменен. Чтобы успокоить страну, Альбрехт решил выяснить вопрос, в праве ли был он с разрешения императора взимать налог, и предложил передать его на суд императора, курфирстов или представителей местных сословий. Города предпочли последнее, и созванный третейский суд решил дело в пользу маркграфа. Он признал за ним право устанавливать налоги, а города обязанными уплатить принятый на себя долг. Оба эти решения суда были подтверждены императором. Таким образом, маркграф вышел победителем из этой борьбы, он мог теперь требовать безусловнаго выполнения решений, подтвержденных императором. Но обстоятельства не позволили ему довести дело до конца.

Вообще свойства характера Альбрехта и его положение служили не малою помехой для его все же властной политики и не позволяли ему проводить ее со строгою последовательностью. Его брат Фридрих, спокойный от природы, прежде всего имел в виду быть хорошим управителем страны, которая досталась ему от отца. Когда на первых порах явились к нему уполномоченные от немецкаго ордена и напомнили об уступчивости, какую выказывал его отец в спорах с орденом, то Фридрих отвечал: «У него было много земель, у меня же только одна»—и этой земле он решил посвятить свои силы. Альбрехт по самому характеру был иной человек. Это был настоящий средневековой рыцарь, участвовавший на всех больших турнирах и почти всегда выходивший победителем. Он отличался необыкновенными военными способностями, а храбрость и уменье владеть оружием утвердили за ним прозвание Ахилла. Эти его способности находили себе приложение повсюду в Германии, которая тогда страдала от мелких войн и междоусобий. И не только по своим личным качествам Альбрехт не походил на брата, он занимал к тому же иное положение. Фридрих был обладателем единственной земли—Бранденбургскаго маркграфства, а Альбрехт по смерти братьев явился наследником всех земель, принадлежавших его отцу, и всех новых приобретений, какия были сделаны после него. Понятно, что он предпочитал оставаться в родных франконских владениях, откуда было удобнее следить за общенемецкими делами, чем жить в отдаленных бранденбургских областях. Он передал управление маркграфством своему сыну Иоанну, а сам появлялся здесь только изредка.

Тем не менее Альбрехт успел занять положение действительнаго государя страны и собрать вокруг себя все ея сословия. Те же города, с которыми велись споры по вопросу о налогах, готовы были при случае поддерживать маркграфа не менее, чем дворянство и духовенство. Они высылали во время войны ему на помощь свои городския милиции и доставляли артиллерию.

Заключительным актом, обезпечившим внутренний порядок в бранденбургских областях и упрочившим власть маркграфа, является изданный Альбрехтом в 1473 г. фамильный закон о наследовании. Альбрехт выступил против обычной в то время в Германии системы уделов и желал положить конец дроблению княжеских владений между наследниками. Закон Альбрехта (Dispositio Achillea) был подписан им самим, его женою и сыновьями за себя и за своих потомков. В нем было обращено особенное внимание на то, как должны быть поделены области в случае, если окажется несколько наследников мужского пола. Если на лицо будет два наследника, то старший должен получить маркграфство, а младший —франконския области. Но, ведь, могло быть и трое наследников, тогда старший все-таки получал маркграфство, а франконския области подлежали дележу. Таким образом, закон

устранял возможность дробления для Бранденбургскаго маркграфства, но и делению франконских владений был поставлен предел: и здесь не должно править более двух князей. Когда Альбрехт умер в 1486 году во Франкфурте на Майне, куда он ездил, верный Габсбургскому дому, чтобы способствовать избранию Максимилиана в римские короли, то закон 1473 года вступил в силу. Старший сын его, Иоанн, наследовал ему в Бранденбургском маркграфстве, а младшие сыновья, Фридрих и Сигизмунд, получили франконския владения.

Маркграфы и империя

Работа, какую выполнили первые Гогенцоллерны при водворении внутренняго порядка в стране и создании сильной государственной власти, тем более замечательна, что ее приходилось производить среди серьезных затруднений, какия подчас ставила маркграфам внешняя политика. Выше уже было сказано, что в начале XV в. Бранденбург снова получил для Германии значение марки, как оплота против внешних врагов. Такими врагами империи на востоке в данное время были славяне. Если до XIV в. германцы продолжали неослабно бороться со славянами и подвигались все далее на восток, то, начиная с этого времени, вместе с ослаблением империи, какое обнаружилось тогда вследствие всякаго рода церковных и политических неурядиц, наступление закончилось. Немецкий орден, этот передовой оплот немецкаго влияния на востоке, к началу XV в., в особенности после поражения, какое нанес ему Витовт при Танненберге, впал в полное безсилие. Напротив, славянския народности стали яснее сознавать свое национальное единство, и славянския государства готовы были подать друг другу руку помощи для того, чтобы вступить общими силами в борьбу с германцами и отвоевать обратно у империи те земли, какия были отняты ею у славян в предшествующее время. Понятно, что эта опасность, грозившая господству германцев на востоке со стороны славян, сделалась руководящею нитью во внешней политике бранденбургских маркграфов. Она же определила и отношения маркграфов к империи.

Первые Гогенцоллерны, получившие Бранденбургское маркграфство из рук императора, всегда оставались верными слугами империи и убежденными сторонниками порядка и сильной императорской власти. Они видели в империи ту спасительную силу, которая могла обезпечить спокойствие для немецкаго народа, в особенности со стороны грозившей с востока опасности. Современное положение империи было таково, что постоянно втягивало маркграфов в общенемецкия дела и заставляло их становиться на защиту императора и имперскаго порядка. Фридрих I не только способствовал избранию Сигизмунда в императоры, но и потом не раз приходил к нему на помощь в затруднительных случаях. Он доставил Сигизмунду возможность короноваться, несмотря на то, что противники его всеми силами старались воспрепятствовать этому акту, утверждавшему его власть. Тот же Фридрих помогал Сигизмунду и советом и делом в разрешении опаснаго для Германии гуситскаго вопроса. Преемники Фридриха с таким же усердием служили ставшему после Сигизмунда во главе империи дому Габсбургов и всеми силами содействовали им завладеть Венгриею, а в особенности Богемией, что могло значительно ослабить опасность, грозившую империи со стороны славян.

Нельзя, конечно, утверждать, что внешнею политикой маркграфов руководили только те обязанности, какия лежали на них, как на защитниках интересов империи на востоке. В данном случае играли важную роль и интересы маркграфства. Фридрих I мог получить

бранденбургския области только в том объеме, в каком владел ими в то время Сигизмунд, т. е. Альтмарк, Миттельмарк и часть Укермарка. Но в грамоте пожалования ему передавались и все права маркграфства, какия оно имело на соседния земли. Таким образом, новой династии давалась возможность собрать под своею властью все земли, какия были потеряны в тяжелый для бранденбургских областей времена. Гогенцоллерны должны были вернуть Бранденбургу Неймарк, остававшийся в руках Немецкаго ордена, Лузацию и возстановить верховныя ленныя права над Померанией, Мекленбургом и другими землями. Но все эти личные интересы маркграфов роковым образом тесно сплетались с общенемецкими интересами на славянском востоке.

Славянский вопрос

Тотчас же по получении Бранденбургскаго маркграфства Фридриху I пришлось стать лицом к лицу с грозным славянским вопросом. В грамоте пожалования признаны были верховныя ленныя права Бранденбурга над Мекленбургом и Померанией. Между тем штетинский герцог (Померания) нимало не желал признать это императорское решение и ленной зависимости своих владений от Бранденбурга. Отношения обострились, и дело дошло до возникновения сильнаго союза прибрежных князей, в который вошли герцоги шверинский, брауншвейг-люнебургский, саксен-лауэнбургский, князь Верле, а также примкнули Дания и Польша, грозившая Немецкому ордену и господству немцев в Богемии. Курфирст бранденбургский появляется на мекленбургской границе, берет несколько городов, уничтожает опасность, грозившую со стороны союзников, но ему не удалось решить померанский вопрос.

Вторично опасный славянский вопрос выступил на сцену при том же Фридрихе I во время начавшагося гуситскаго движения. Движение это было не только религиозным, но и национальным движением славянства против германцев. Сторону чехов готовы были принять Польша, Померания, Мекленбург и даже Дания. Тогда же создавался план брачнаго союза померанскаго герцога с наследницей польскаго престола. Чехи предложили корону Владиславу-Ягелло Польскому. Какая опасность создалась бы тогда на востоке для Бранденбурга и даже для всей Германии! Фридрих старается устранить опасность мирным путем: он советует отделить политическую сторону движения в Богемии от религиозной. В то же время в противовес померанским брачным планам он старается устроить брак своего второго сына Фридриха с тою же наследницей польскаго престола. Базельский собор постановил вступить в мирные переговоры с гуситами и возложил это трудное дело на Фридриха, а тот удачным выполнением возложеннаго поручения спас маркграфство от опасности стать снова славянскою страной.

Этот славянский вопрос не сходил с политическаго горизонта и при преемниках Фридриха I. Неурядицы, происходившия в земле Немецкаго ордена, и раздоры между правительством ордена и его подданными грозили существованию ордена в Пруссии. Большая часть этой страны передалась польскому королю Казимиру. Фридрих II сумел воспользоваться таким положением дела и, чтобы спасти Неймарк, находившийся во владении ордена, для Германии, выкупает эту область за 40 тысяч гульденов. Затем он спешит дать удовлетворительное решение померанскому вопросу и заключает условия с Мекленбургом и Померанией, по которым, в случае если вымрет правящая династия в том или другом герцогстве, право наследства должно перейти к Гогенцоллернам. Действительно, в 1464 г. уми-

рает последний померанский герцог в Штетине, и герцог вольгастский на правах родства, не обращая внимания на договор, занимает освободившееся герцогство и отдается под покровительство польскаго короля Казимира, который был уже господином в землях Немецкаго ордена. В это же время во главе Венгрии и Богемии стояли два сильных государя: Матвей Корвин и Юрий Подебрад. Император, побуждая в своих видах Матвея Корвина против Подебрада, заставил и последняго примкнуть к Польше. Новая гроза надвигалась с востока. Фридрих II осадил Штетин, но осада была неудачна. Померанские герцоги в свою очередь вторглись во владения маркграфства и опустошили Неймарк. Эти-то неудачи и заставили Фридриха покинуть Бранденбург и передать управление областями своему брату Альбрехту Ахиллу.

Померания

Маркграф Альбрехт явился в Бранденбург с намерением расширить бранденбургския области. Поэтому он тотчас же принялся за померанский вопрос, на котором Фридрих II потерпел неудачу. Альбрехт потребовал от императора Фридриха III, с которым был в самых близких отношениях, новаго подтверждения ленных прав Бранденбурга над Померанией. Герцоги померанские подчинились воле императора и согласились принять герцогство от Альбрехта в качестве лена. На этом, по-видимому, вопрос кончался, но на самом деле нельзя было и думать, чтобы померанские герцоги примирились с таким его решением. Понятно, что они воспользовались первым удобным случаем, чтобы сбросить с себя ленную зависимость. Случай этот представился, когда Альбрехт приобрел себе новаго врага в лице венгерскаго короля Матвея Корвина.

Борьба за корону Венгрии и Богемии поставила друг против друга Матвея Корвина, польскаго короля Казимира и императора Фридриха III. Эти враждебныя отношения стали еще хуже, когда Матвей Корвин был избран королем венгерским и надеялся приобрести для себя Богемию. Будучи твердо убежден в необходимости столкновения с Польшей, Матвей думал найти себе союзника в курфирсте бранденбургском. Но Альбрехт никак не мог согласиться помогать врагу императора Фридриха, своего ближайшаго друга. Вот первая причина, почему Матвей Корвин явился врагом курфирста бранденбургскаго и принял под свою защиту Немецкий орден, который возобновил теперь свои притязания на Неймарк. Кроме того, обнаружился и другой повод для раздора между ними, когда возник вопрос о герцогстве глогауском в Силезии.

Альбрехт отдал свою дочь Варвару за герцога Генриха глогаускаго. По условию, в случае смерти Генриха, герцогство должно было перейти к вдове в обезпечение ея приданаго. Как раз в 1476 г. герцог Генрих умер. Тогда его двоюродный брат Ганс, герцог саганский, заявил притязания на владения Генриха. Началась война между ним и сыном Альбрехта Иоанном, во время которой Ганс завладел Глогау. Общее мнение было таково, что он завладел Глогау для Матвея, а это еще более усиливало вражду между венгерским королем и маркграфом бранденбургским.

Герцоги померанские поспешили воспользоваться этой враждой и, войдя в соглашение с Матвеем Корвином, решили уничтожить ленную зависимость Померании от Бранденбурга. Таким образом, маркграф был поставлен в необходимость с оружием в руках защищать свои права на Померанию. Он предпринял поход, воспоминание о котором надолго оста-

лось среди населения маркграфства. Это было предприятие, по своим размерам далеко превосходившее предприятие первых курфирстов бранденбургских. Альбрехту удалось преодолеть затруднения, которыя встречал его отец, и соединить военныя силы своих франконских владений и войска маркграфства в одну большую армию. В его распоряжении находилось до 20 тысяч конницы и пехоты—цифра, для того времени значительная. С другой стороны, поход против Померании может служить показателем того успеха, какой сделали Гогенцоллерны в маркграфстве Бранденбургском. Они успели занять положение действительных государей страны и собрать вокруг себя все сословия. На сейме в Кельне (на Шпрее), на котором решено было всеобщее участие в предприятии, участвовали представители дворянства, духовенства и даже городов. Города готовы были теперь поддерживать маркграфа не менее, чем дворянство и духовенство. Они выслали на помощь маркграфу свои городския милиции и отдали их в непосредственное его распоряжение. Города же доставили ему и артиллерию, которая лучше всего обезпечивала успех предприятия. Приготовившись к походу со всем старанием, Альбрехт через Неймарк двинулся на владения померанскаго герцога Богислава и скоро заставил как его, так и его родственников признать себя ленниками маркграфа бранденбургскаго и оставить союз с Матвеем Корвином. Так окончилась война с Померанией. Отношения же маркграфства к венгерскому королю и в особенности к герцогу Гансу саганскому пришлось улаживать сыну Альбрехта Иоанну, так как обстоятельства не позволяли оставаться Альбрехту в маркграфстве. Иоанн поспешил уладить свои отношения к тому и другому противнику мирным образом, хотя Матвей Корвин завладел Силезией и Лузацией. Герцог Ганс саганский по договору 1482 г. утвердил за собою герцогство глогауское, но за то Иоанн приобрел города Кроссен, Швибус и Цюллихау, как залог до уплаты приданаго Варвары.

Такова была деятельность первых маркграфов бранденбургских из дома Гогенцоллернов. Они были бойцами за немецкую национальность на востоке против славянства в XV в., отстаивая немецкие интересы, с одной стороны, непосредственно силою оружия, с другой стороны, создав на востоке на место потерявшаго значение Немецкаго ордена новый и могучий оплот в Бранденбурге. Страна эта под их управлением разрослась в своих пределах, а полное внутреннее спокойствие давало возможность развиваться местной, в особенности городской жизни. Лучше всего можно составить понятие о состоянии страны из того впечатления, которое произвела она на Альбрехта еще во время его поездки для принятия присяги. «Прекрасная большая страна,—писал он после архиепископу майнцскому,—там много замечательно больших главных городов и не менее ста городов величиною с Швабах. Страна имеет около 60 миль в длину, 40 миль в ширину... Говорят, что Бранденбургская марка имеет 400 городов и замков. Брат наш Фридрих прибавил к этому так много, что все приходится ценить гораздо выше. Если бы все было устроено так, как в стране франков, то это стоило бы вдвое дороже. Но мы желаем, если Богу угодно, день ото дня все улучшать». С исходом XV столетия миновала серьезная опасность, какая грозила немецкому господству на востоке со стороны славян, и силы маркграфства уже не отвлекались более в эту сторону. С этого времени начинается новая эпоха для Бранденбурга, эпоха внутренняго мирнаго развития, и, действительно, преемники Альбрехта, все улучшая, не менее, чем Великий Курфирст, подготовили почву для будущаго Прусскаго королевства.

В. Розанов.

LX. Город Кельн в средние века

Обзор

Наряду с феодальными отношениями эпоха средних веков характеризуется постепенным развитием и подъемом торгово-промышленнаго сословия в западной Европе: являются крупные городские центры, приобретающие мало-по-малу значение политических единиц, развивается сословное городское самоуправление с его ремесленными корпорациями,—гильдиями и цехами,—города ведут борьбу с враждебными им силами феодальнаго рыцарства и князей-епископов, борьба кипит и внутри городских стен, между отдельными слоями населения, развитие совершается и путем мирнаго историческаго процесса, и при помощи насильственных переворотов, революций и следующих за ними реставраций. Такова в общих чертах история крупных средневековых городов, и весьма наглядный, характерный пример этой постепенной выработки внутренняго городского уклада в ея последовательных стадиях представляет нам история города Кельна в эпоху с XI по начало XVI столетия. Исторические условия содействовали тому, что именно здесь должны были ярко проявиться наиболее характерныя черты средневековой борьбы политических и общественных интересов: Кельн—одно из древнейших, наиболее насиженных средоточий городской жизни в Германии: его возникновение восходит к первым временам Римской империи; расположен он на нижнем Рейне, на одном из важнейших рынков западно-европейскаго мира; как резиденция одного из могущественнейших прелатов католической церкви, архиепископа-избирателя Священной Римской империи, Кельн неизбежно должен был подчиняться его церковно-политическому влиянию и по мере развития городской самостоятельности бороться с этим влиянием и высвобождаться из-под него. Неравномерное распределение накопленных богатств внутри города передало, как и в других местах, руководящую роль в ведении общественных дел купеческой аристократии, городскому патриациату; низшие слои городского населения с течением времени вступают в борьбу против господства немногочисленных родов с целью придать городскому управлению более демократически характер.

По Гегелю: Verfassungsgeschichte von Coln im Mittelalter.

I

Архиепископское управление

В X—XI веках мы еще не находим в Кельне никаких явственных следов городского самоуправления: город управляется архиепископом и его администраторами; со времен св. Бруно (953—965) кельнские архиепископы обладают герцогскими правами в пределах своей епархии; в их руках сосредоточиваются державныя права (регалии),—отправление суда, взимание пошлин, чеканка монеты. Архиепископ управляет, опираясь на совет своих вассалов, духовных и светских; к первым принадлежат *настоятель* (*пропст*) и *каноники соборнаго капитула*, также *настоятели прочих церквей и монастырей*, ко вторым: 1) свободные и знатные вассалы (laici nobiles),—*графы*, *бароны*, *рыцари*, 2) *министериалы*, т. е. слуги (servientes) архиепископа. В жизнеописании архиепископа Ганно (1056—1075) все эти советники являются под именем *магнатов*, *магистратов*, *priores*, *majores*. Между светскими вассалами выделяются почетные сановники, должности которых отличаются от служебных повинностей министериалов; к этому разряду принадлежат, так называемый *vicedominus* (*наместник*), *соборный фогт* (defensor domus, advocatus domus), *фогты* других церквей города Кельна и всего архиепископства, наконец, что особенно важно, кельнский *бургграф* (burgicomes, urbanus comes, urbis praefectus) с помощником в лице *вице-графа* (secundus comes),—прежний граф кельнскаго округа (Gau, pagus), представитель королевской власти еще со времен франкской монархии, но в X—XI вв. уже свободный вассал архиепископа. Между министериалами, помимо разных придворных чинов, главное место занимает *городской фогт* (urbis advocatus)—и при нем помощник (secundus advocatus),—на обязанности котораго лежало отправление суда над прочими министериалами и над горожанами от имени архиепископа. Так образовались три разряда более или менее подчиненных архиепископу лиц,—*высшее духовенство* (priores), *благородные и свободные* (nobiles, liberi), они же свободные вассалы (milites), и *министериалы*, (servientes, familia S. Petri),—три *чина*, или сословия, с которыми архиепископ советовался в делах управления, согласием которых он заручался в важных случаях, и которые закрепляли своею подписью издаваемыя им грамоты. Лишь в немногих актах и не ранее первых годов XII в. наряду с этими тремя чинами появляются со своими подписями *граждане* Кельна,—urbani, cives, de civitate (акты 1106, 1119, 1099—1031 гг.), позднее *burgenses*. Из этих грамот мы еще ничего не узнаем о значении кельнскаго гражданства, кроме того, что в Кельне уже в ту эпоху были богатые граждане, вполне свободно распоряжавшиеся своим наследственным имуществом, и что, след., вся совокупность граждан отнюдь не находилась в положении зависимых плательщиков (censuales) архиепископа, сидящих не на своей земле, хотя, с другой стороны, как сам архиепископ, так и прочия духовныя власти владели значительными земельными пространствами в самом городе и в черте городской территории, отдавая эти владения в пользование за арендную плату (census, Zins).

Первая борьба между архиепископом и горожанами, первая попытка самостоятельнаго, совместнаго действия со стороны последних отмечена хрониками под 1074 г., когда архиепископский престол Кельна занимал гордый и могущественный Ганно, знаменитый воспитатель юнаго императора Генриха IV. Повод к вооруженному возстанию был подан захватом корабля, принадлежавшаго одному богатому кельнскому купцу, с целью отвезти по Рейну домой епископа мюнстерскаго, бывшаго в гостях у архиепископа по случаю празд-

ника Пасхи. Неизвестно, было ли требование поставки судна для этой цели само по себе нарушением городских вольностей, или неудовольствие было вызвано насильственным способом, каким это требование было приведено в исполнение; очевидно однако, что единичный акт насилия не мог бы привести всех граждан без различия состояний в такую ярость, что они, согласно повествованию хроники, единодушно порешили схватить и умертвить архиепископа: такое озлобление свидетельствует о тягости господства Ганно вообще, при которой достаточно было одного повода, чтобы произвести общий взрыв. Повидимому, Ганно считал себя неограниченным властелином города, имеющим власть над жизнью и имуществом граждан; при начале возмущения он стал грозить мятежникам достойным наказанием, между тем как городской фогт напрасно старался утишить волнение народа. Вожаком возстания явился сын богатаго купца, связанный родством со знатными горожанами (primores civitatis); последние сошлись на совещание, тогда как простой народ (vulgus) стал прямо призывать всех к оружию. Министериалы, малочисленные в сравнении с народною толпою, успели увести архиепископа из дворца в собор, где заперли двери, затем помогли своему господину спастись бегством из города; дворец его подвергся разграблению. Избавившись от опасности, Ганно призвал к оружию своих вассалов (milites); к ним примкнуло по призыву архиепископа и сельское население (provinciales). Во главе этого ополчения Ганно явился на четвертый день перед городом и потребовал покорности, обещая прощение готовым покаяться и смириться. Горожане упали духом и вышли к архиепископу без обуви и в одежде кающихся грешников, моля о помиловании. Тем не менее 600 купцов, повидимому, наиболее замешанных в возмущении, сочли за лучшее для себя ночью перед вступлением архиепископа в город покинуть Кельн. Эта предосторожность оказалась не напрасною: после заявления покорности города Ганно, распустив по домам поднявшихся за него провинциалов, отправил перед собою в город своих вассалов и министериалов, которые учинили безпощадную расправу над беззащитными горожанами: дома были разграблены, жители все без разбора подверглись насилиям; зачинщики мятежа были ослеплены, другие биты розгами, изгнаны; все участники возстания обложены тяжкими пенями и обязаны к вражде против выселившихся. Кельн, многолюднейший и после Майнца важнейший из городов Германии того времени, сильно опустел и упал после этих печальных событий. Напрасно сам Генрих IV, нарочно потом прибывший в Кельн, вступался за изгнанных граждан и требовал от архиепископа снятия с них отлучения: Ганно упорно стоял на своем, довел дело даже до открытой битвы с императором, который, наконец, уступил архиепископу. Из этого подробнаго, характернаго разсказа мы составляем понятие о некоторых чертах внутренней жизни Кельна в XI в. Знатные граждане (primores) и богатые купцы (число которых 600, уже указывает на развитие торговой деятельности города), возвышающиеся над простонародьем (vulgus),—преобладающий элементе, ядро будущаго городского самоуправления и городской магистратуры. Вероятно, и в описываемую эпоху в Кельне уже существовали как родовые союзы, так и сообщества или братства религиознаго, ремесленнаго или местнаго (соседскаго) характера; но не видно еще настоящей городской корпорации, постояннаго, узаконеннаго, скрепленнаго присягою единения граждан, которое противостояло бы архиепископу с притязаниями на самоуправление. Когда Ганно, как мы видели, покинул город, в последнем тотчас же сказалось отсутствие какого-либо признаннаго авторитета, какого-либо руководства, почему и продолжительное сопротивление оказалось невозможным, и растерявшиеся граждане, предоставленные самим себе, через

три дня покорились своему грозному владыке и его администрации, к которой привыкли. Имея в руках оружие и защищенные крепкими городскими стенами, они только призывают помощь королевской власти. Самое возстание направлено против личности архиепископа, но не против архиепископскаго господства над городом вообще, и нет еще речи о какой-либо попытке устроить свое, городское правительство.

Начатки независимости

Но вскоре обстоятельства сложились так, что граждане получили возможность действовать независимо от архиепископа и даже вопреки его политике, опираясь на светскую, императорскую власть, и, смотря по ходу дел, выбирать между враждующими сторонами. Когда молодой Генрих V в союзе с Римом отпал от своего отца, кельнский архиепископ Фридрих, до тех пор верный Генриху IV, последовал примеру большинства своих собратий, покинувших стараго императора. Но город Кельн не пошел за своим архиепископом; напротив, когда Генрих, низложенный с престола императорскими князьями, обратился к кельнцам за поддержкою, они поклялись сохранять ему верность, и укрепленный город с успехом сопротивлялся осаде его войсками Генриха V, без архиепископа, который сам был изгнан. Граждане продолжали сопротивление и по смерти стараго императора (1106), пока не примирились с его преемником, уплатив ему денежную пеню.

Раз отрекшись от авторитета архиепископа в политических делах, гражданство, очевидно, пришло к сознанию своей силы. Под 1112 г. местные анналы сообщают краткое, но важное известие о заговоре в Кельне во имя свободы (*conjuratio* Coloniae facta est pro libertate), при чем самый термин *conjuratio*, вероятно, означает не кратковременный заговор, а более прочное соглашение, единение, скрепленное клятвою; здесь, повидимому, должно видеть зародыш городской автономии, и это предположение подтверждается обнаруживающимся с этого времени все более и более независимым образом действий города в делах внешней политики.

В 1114 г. мы видим кельнских граждан в союзе с архиепископом и в отрытой войне против Генриха V, навлекшаго на себя папское проклятие. Кельнское юношество, подкрепленное отрядом стрелков, защищало крепость Дейц (против Кельна) и помогло архиепископу и его союзникам в победоносной схватке при Андернахе против императорскаго войска. Но в 1119 г., в то время, как архиепископ Фридрих продолжал держаться союза с князьями, враждебными Генриху V, граждане торжественно приняли императора, прибывшаго в их город, и тем навлекли на себя архиепископский интердикт. В 1122 г. кельнцы опять заодно со своим архиепископом осаждали и разрушили императорский замок Керпен. Несколько позднее, в 1138 г., город был в открытой войне против архиепископа Арнольда, и последний даже осаждал Кельн, повидимому, без успеха. Во всех этих колебаниях мы не видим устойчивой, последовательной политики, но самостоятельность последней относительно архиепископа заставляет предполагать, что город в ту эпоху имел уже свое независимое управление, однако наши сведения о формах этого управления, о возникновении и постепенном образовании городского организма крайне скудны до второй четверти XII в., когда гражданство с его союзами и братствами, с выборными представителями во главе этих союзов, является как бы внезапно уже сложившимся.

Эпоха Гогенштауфенов и последующее время до начала XIV века представляет длин-

ный ряд столкновений кельнских граждан с архиепископами, постоянную борьбу за городския вольности; государственныя смуты и усобицы, в которых принимали деятельное участие обе спорящия стороны то в союзе, то порознь, служили хорошею политическою школою для городских общин, поставленных между императором, архиепископами и крупными и мелкими имперскими князьями; если города нуждались в союзе других политических сил, то и последния должны были привлекать их на свою сторону, опираться на их содействие и поддерживать их стремление к автономии. Граждане приучались все более сознавать свое политическое значение, заявлять свои требования и добиваться их осуществления, привыкали действовать на свой страх, выбирать себе союзников и, втягиваясь в обширную политическую борьбу, усвоивали более обширный политический кругозор. В безчисленных распрях с архиепископами, главным образом из-за вопросов о суде, а также о таможнях, пошлинах и прочих доходных статьях,—неоднократно приходилось прибегать к решению спора третейским судом, к посредничеству и сделкам, компромиссам на основании обоюдных уступок и обоюднаго признания старых, обычных прав и отношений. Императорская власть подтверждала привилегии обеих сторон, города и архиепископа, обыкновенно в общих выражениях, не разграничивая их, так что недоразумения всегда оставались возможными и на будущее время. В результате этого долгаго сложнаго процесса городу удалось отвоевать себе полную внутреннюю автономно.

Некоторые эпизоды из истории Кельна за указанные века очень характерны, давая ясное понятие о той роли, какая могла выпадать на долю граждан в тогдашней политической борьбе, и о мотивах, руководивших городом в его действиях. Так, в 1202 г. возник сильный спор у архиепископа Адольфа с императором Оттоном IV; при посредничестве папскаго легата состоялся договор, за соблюдение котораго поручились четыре знакомым уже нам сословия архиепископства—духовенство, рыцарство, министериалы и *граждане Кельна*,—при чем эти поручители поклялись сохранять верность архиепископу лишь до тех пор, пока он сам останется верен императору; тогда же была устроена третейская комиссия из 12 присяжных, по три представителя от каждаго чина, для разбора могущих возникнуть разноречий между обоими высокими соперниками. Несмотря на этот договор, Адольф уже в 1205 г. перешел на сторону противника Оттона, Филиппа Швабскаго, вследствие чего кельнцы отпали от своего архиепископа, имея на этот раз союзника в самом папе: Иннокентий III отрешил Адольфа, и духовенство избрало другого архиепископа. В возгоревшейся из-за этого войне кельнцы счастливо сражались на водах Рейна, имея свои корабли, и отстояли свой город, осажденный Филиппом, за что папа изъявил благоволение шеффенам и гражданам Кельна и утвердил все дарованныя городу ранее вольности. Не меньшую благодарность выразил Кельну Иоанн Безземельный Английский за помощь, оказанную его родственнику и союзнику Оттону: он обещал свое покровительство торговле кельнских купцов вином и другими товарами в Англии, пока граждане будут верны Оттону. Несомненно, что эта выгодная торговля определяла политически симпатии Кельна. Однако, поражение Оттона изменило картину: кельнцы подчинились победителю и обязались вновь принять прежняго архиепископа в случае разрешения папы; договор был скреплен присягою 2000 граждан. Затем, после убийства Филиппа Швабскаго, Кельн опять твердо примкнул к Оттону, за что удостоился новых милостей и привилегий от последняго и от короля Англии; даже после несчастной битвы при Бовине (1214) Оттон, всеми оставленный, нашел последнее

прибежище в Кельне, и город пробыл из-за этого почти полтора года под церковным запрещением.

Конрад фон-Гохштаден

Значение самостоятельной силы, приобретенное кельнским гражданством, должно было вызвать энергическия попытки к подавлению этой силы со стороны сильных и властолюбивых личностей, занимавших архиепископский престол. Особенно резкий характер приняла борьба за верховныя права архиепископа при энергичном Конраде фон-Гохштадене (1238—1261). Сначала он действовал в согласии с «*судьями, шеффенами и городскою общиною*» и утвердил привилегию, в силу которой кельнский гражданин, совершивший преступление в пределах городской судебной черты, не должен привлекаться к архиепископскому суду иначе, как в самом Кельне; затем, Конрад отказался от представленной ему императором пивной пошлины с граждан,—сперва наполовину, потом вовсе,—и обещал также не требовать пошлины с вина. В то же время (в 1247 г.) Вильгельм Голландский, выставленный оппозициею против императора Фридриха II, не только подтвердил прежния привилегии города Кельна, но сверх того обещал никогда не вводить в него войск, не созывать в нем своего двора и не принуждать граждан к помощи в походах или к каким-либо повинностям. Городская автономия, таким образом признанная в обширных размерах привилегиями светской и духовной власти, стала наглядно сказываться и во внешних отношениях: судьи, шеффены и граждане Кельна с ничем неограниченными полномочиями вели войны и заключали договоры с другими городами, например, с Гентом, и с соседними графами и герцогами. При такой широкой независимости столкновение с архиепископским авторитетом было неизбежно: в 1248 году Конрад еще раз заявил свое благоволение гражданам, но в том же году наложил отлучение на шеффенов за неправильности при выборах в их коллегию, затем, опять снял свое наказание и утвердил свободу выборов. Но примирение было недолговременно: в 1252 г. возник спор о державном праве архиепископа на чеканку монеты, и дело дошло до войны: граждане вооружились и нашли союзника против архиепископа, который без успеха осаждал город. Третейский суд решил, что архиепископ имеет право чеканить новую монету и отменять старую только при избрании и посвящении в сан, также при возвращении из похода из-за Альп. Неправильно введенныя по приговору суда пошлины подлежали отмене. Решение вместе с привилегиями города было утверждено папою Иннокентием IV. В 1254 г. политическое значение Кельна еще усилилось вступлением его вместе с Вормсом и Майнцем в большой союз рейнских городов, первоначальный характер котораго изменился через принятие в него также светских и духовных князей, между прочими и архиепископа Конрада: это был общий союз политических сил для охраны «земскаго мира» (Landfriede). В 1257 г., в эпоху междуцарствия, Кельн еще раз получил подтверждение своих привилегий от номинальнаго императора Ричарда Корнваллийскаго и при том в самом расширенном объеме, так что из всех державных прав за императором осталось едва ли не одно право совершать суд в Кельне, произнося приговор согласно с решением городских шеффенов,—право, в такой же степени принадлежавшее архиепископу. В том же году Конрад воевал против города вследствие личной ссоры одного из родственников архиепископа с одним из знатных граждан, но победа в сражении осталась за городом, и в 1258 г. состоялся мирный договор, по которому пошлина на пиво была продлена на 10 лет с предоставлением одной половины ея архиепископу, другой—городу; обиженный родствен-

ник архиепископа должен был получить удовлетворение, и город вновь принести присягу на верность. Но в виду того, что между обеими враждебными сторонами накопилось много спорных вопросов (более общаго и важнаго характера), пришлось прибегнуть и на этот раз для их разрешения к третейскому суду пяти кельнских духовных сановников. Архиепископ жаловался на многия злоупотребления в суде шеффенов и в городском управлении, на захваты городских судов в области церковной юрисдикции, притеснение беднейших граждан правящими родами, произвольные поборы и насилия бургомистров, притязания так называемаго «*братства богатых*» (Richerzeche или Richerzechheit), издание постановлений (статутов) без архиепископскаго утверждения, выборы в самостоятельный городской совет помимо издавна установленных присяжных шеффенов, умаление верховных прав архиепископа, заключение договоров и союзов к его вреду и т. д. С своей стороны граждане жаловались на нарушение своих привилегий, насилие архиепископских сановников, стеснение светских судов духовными, порчу монеты и введение несправедливых пошлин, построение замков и укреплений к ущербу города. Обоюдныя притязания были, как видим, заявлены решительно, спорные вопросы поставлены ребром; но третейские судьи, выслушав обе стороны, благоразумно уклонились от принципиальнаго решения спора на основании отвлеченной теории права и, соблюдая безпристрастный нейтралитет, постарались устроить соглашение на почве практической действительности. Приговор, объявленный 28 июня 1258 г., вполне устанавливая верховную судебную власть архиепископа в духовных и светских делах и сферу действия духовных судов, в то же время признал самостоятельную юрисдикцию за городскими судьями и право бургомистров, избираемых «братством богатых», блюсти за исполнением статутов; стремясь к устранению злоупотреблений в суде и управлении путем целесообразных постановлений касательно выбора шеффенов и бургомистров, а также контроля над городскими доходами и расходами, судьи, однако, признали существующие органы городского самоуправления с его сообществами, равно как оспариваемое архиепископом право граждан на избрание из своей среды городского совета. С другой стороны, за архиепископом признано право на вмешательство в пользу притесняемых бедных граждан и иностранцев против судей, бургомистров и знатных граждан, равно как принятие жалоб по апелляции со стороны обиженных. Но этот приговор не мог удовлетворить архиепископа, стремившагося к возстановлению прежняго полнаго господства над городом, и он воспользовался внутреннею рознью в общине между знатными и богатыми ея членами и низшею массою, находившеюся в положении клиентов правящаго слоя, нередко терпевшею насилия, страдавшею от неправосудия, угнетаемою поборами,—рознью, которую явственно вскрывает перед нами приведенный третейский приговор. После неудавшейся попытки войти в сделку с «богатейшими» с целью разделить с ними власть над городом, (попытки, отклоненной под предлогом, что такой союз был бы направлен против городских вольностей),—Конрад обратился к ткачам и общине вообще и, опираясь на смертельную ненависть массы против патрициата, в 1259 г. произвел революционный переворот в городе: сперва он заставил корпорацию монетчиков смириться переде ним и выдать ему свои привилегии; затем по жалобам граждан, требовавших наказания бургомистров и шеффенов за их насилия, неправосудие и избирательные подкупы, архиепископ отставил одного бургомистра и всех шеффенов, кроме одного; также были лишены должностей и исключены из всех городских учреждений члены «братства богатых» и приходских советов, не удостоившиеся одобрительнаго отзыва от общины. Однако, третейский приговор 1258 г.

был признан сохраняющим силу; архиепископ не уничтожил городской автономии, но удовольствовался радикальною переменою лиц, назначив 24 новых шеффена на пожизненный срок, за немногими исключениями из простых ремесленников; придав таким образом автономии демократически характер, Конрад в лице созданных им властей нашел подходящее орудие для окончательнаго подавления патрициата. Побежденные городские аристократы, не вынося новаго правительства, действовавшаго, разумеется, в пристрастном, партийном духе, взялись при первом же случае за оружие, но, несмотря на их большую сравнительно с ремесленниками привычку к военному делу, потерпели неудачу и подверглись новым наказаниям со стороны архиепископа, а некоторые из пойманных даже смертной казни по приговору шеффенов. При вторичной попытке Конрад при помощи предательства захватил 20 глав знатных родов и заключил восемь из них в своих замках в качестве заложников мира. Свой союз с новым городским управлением архиепископ закрепил в 1260 г. договором, по которому обе стороны обязались дозволять возвращение в город опальных граждан не иначе, как по взаимному соглашению, еще более дележом конфискованнаго имущества опальных поровну между городом и архиепископом.

Позднейшие столкновения

В 1261 г. умер Конрад фон-Гохштаден, и его преемник, Энгельберт II, продолжал держаться той же политики непримиримой вражды против патрициата, но он с самаго начала совершил крупную ошибку, оттолкнув от себя народную массу попыткою установить военное господство; вследствие этого народ примирился с патрициями и в союзе с ними вооруженною рукою занял городския башни на Рейне, выгнав оттуда архиепископские гарнизоны. В 1262 г. был заключен первый мир в общем на основаниях, установленных при Конраде, но с дозволением знатным родам вновь вступить в городския должности по воле общины. Этим актом в сущности возстановлялось правление патрициата, но устойчивость и сила этого правления зависела исключительно от согласия с массою населения. Намерение архиепископа по примеру своего предшественника захватить знатных граждан не удалось, и сам архиепископ попал со своими вассалами в плен; граждане, над которыми он изрек отлучение, усилили себя союзами с соседними магнатами, которым предоставили право гражданства в Кельне и ежегодные денежные платежи взамен их военной службы городу. Вторично заключил архиепископ мир с городом в 1263 г., но соглашение последовало не сразу, лишь в 1265 г., после целаго ряда посреднических приговоров. Вскоре новыя таможенныя и дорожныя пошлины возстановили против архиепископа не только граждан Кельна, но и рыцарей архиепископства и повели к опустошительной войне. На этот раз Энгельберт воспользовался уже не враждою различных общественных классов городского населения, но соперничеством между двумя могущественными родами, рознью в среде самого патрициата. Один род соединился с архиепископом, стараясь переманить на свою сторону всю общину обещаниями свободы; другой пользовался поддержкою врага архиепископа, графа юлихскаго, у котораго Энгельберт побывал в плену, освободившись лишь через несколько лет за большой выкуп; последняя партия одержала верх в битве, изгнала своих противников и потом вытеснила их из города вторично, когда они пытались овладеть Кельном при помощи герцога лимбургскаго и других магнатов; на этот раз городские цехи поспешили на помощь восторжествовавшему роду против внешних врагов. Опять заключили мир в 1271 г., при чем архиепископ подтвердил свободу города от пошлин в пределах ар-

хиепископства, все городския вольности, акты о принятии в гражданство союзных магнатов и декреты об изгнании побежденной партии. Но и этот договор не положил конца упорной вражде Энгельберта против города: граждане заручились обещанием помощи со стороны безвластнаго императора Ричарда на случай нарушения мира архиепископом; последний выхлопотал у папы Григория X разрешение от всех обещаний, данных им при освобождении из плена графу юлихскому и его союзникам. Не менее разсчитывал архиепископ на поддержку только что избраннаго на престол Рудольфа Габсбургскаго, котораго Энгельберт короновал в Ахене 24 окт. 1273 г. и который тогда же дал обещание архиепископу помирить его с гражданами и поддержать его права перед городом. Однако Рудольф скоро передумал и заверил кельнских граждан в своей защите против какого бы то ни было насилия, особенно со стороны архиепископа.

Следующий архиепископ (преемник Энгельберта II), Зигфрид фон-Вестербург (1274—1297), установил более мирныя отношения к горожанам. Несмотря на это, в 1288 году кельнские граждане примкнули к противникам архиепископа, герцогу брабантскому и его союзникам. 5-го июня 1288 г., в день св. Бонифация, произошла кровавая битва при Воринген, в которой архиепископская партия потерпела полное поражение, и Зигфрид попал в плен к графу бергскому.

Столкновения граждан с архиепископами происходили и позднее по поводу все тех же вопросов о суде и о пошлинах, вообще об отношении державных прав архиепископа к городским вольностям (напр., в 1317—1320 гг. по вопросу об уничтожении новых городских и возстановлении старых архиепископских пошлин или в 1369—70 гг. по поводу спора об обложении акцизом продажи вина и других жизненных припасов в пользу города, при чем этот акциз требовался и с духовенства); попрежнему в подобных случаях прибегали к третейским судам, апеллировали к папе, получали утверждение и расширение привилегий со стороны верховной светской власти, вступали друг против друга в политические союзы и т. д.,—но в общем борьба могла уже считаться конченною; городская автономия уже приобрела значение безспорнаго факта, и мы теперь обратимся к разсмотрению тех форм, в которых эта автономия выражалась, и отметим главные моменты в ея последовательном развитии, отчасти мирном, отчасти насильственном.

II

Бургграф и фогт

Зародыш будущаго городского самоуправления существовал в Кельне с самаго начала в лице *свободнаго гражданства*: как уже выше упомянуто, с IX и по XII в. грамоты нередко приводят нам примеры свободнаго распоряжения своим наследственным имуществом, особенно путем дарения его церкви, со стороны граждан, мужчин и женщин; далее кельнские граждане не смешиваются с зависимыми цензуалами, составляющими отдельный разряд населения, незаметно следов каких-либо личных или натуральных повинностей по отношению к архиепископу—вспомним захват корабля Ганно в 1074 г. и вызванное этим действием волнение; наконец, тот же факт существования свободнаго гражданства подтверждается наличностью в городе независимой от архиепископа судебной власти *бургграфа*, а также коллегии *шеффенов*, о которой речь пойдет несколько ниже. Второй факт, который должен

быть отмечен: с самаго начала из среды этого гражданства выделяется зерно будущей автономии,—*аристократия богатых, влиятельных родов*; уже в разсказе о возстании 1074 г. мы видели руководящую роль богатаго купечества, primores civitatis, стоящих над массою народа (vulgus). Эти самые primores являются в актах XII в. под разными именами,—лучших, почетных, умнейших и пр.,—meliores totius civitatis, viri illustres ac probatissimi, burgenses honoratiores, prudentissimi, optimates civitatis, на старинном немецком языке gude Lude, т. е. добрые или лучшие люди. С середины XII в. появляются постоянныя фамильныя прозвища, и роды через это явственно обозначаются. Эти «лучшие» до конца XIV в. держали исключительно в своих руках все общинное управление, можно сказать, представляли собою общину, тогда как «люди низшаго разряда» (inferioris ordinis) не имели доли в управлении, были безгласны и вполне зависимы от «богатых и сильных» (divites et potentes), как жаловался в 1258 г. архиепископ Конрад, заступаясь в своих видах за притесняемый безпомощный народ (populares et impotentes). Такое социальное разделение, обычное внутри каждой крупной городской общины, и в Кельне, как везде, было результатом первоначальных различий между элементами, из которых составилось городское население: не говоря о различии по рождению между свободными и лично зависимыми людьми, различались по происхождению—давнишние, исконные жители города от позднейших пришельцев, по роду деятельности—купцы, ремесленники, хлебопашцы, виноделы, наконец, по состоянию—богатые от бедных,—различие, наиболее яркое и наиболее важное в торговых общинах. Аристократия старинных и богатых городских родов составила из себя патрициат, управляющий общественными делами, и господство этого патрициата удержалось в Кельне до 1396 г., несмотря на попытку архиепископа Конрада в 1259 г. заменить его более демократическим строем. Но эта, если можно так выразиться, аристократическая конституция вырабатывалась постепенно и сформировалась окончательно не ранее XIII в., при чем самая выработка шла обычным средневековым путем, не по общему стройному плану, составленному a priori, а по частям, надстройками и пристройками к первоначальному зданию, так что с перваго взгляда нелегко разобраться в этом причудливом целом с его частями, между которыми почти невозможно провести пограничную черту, определяющую правомочия каждаго органа. Старое не отменялось, а продолжало существовать наряду с новым; отсюда масса имен, должностей, общественных союзов. Мы укажем главнейшие моменты в истории кельнской общинной жизни до начала XIV в.; далее мирный ход развития заменяется революциями.

Государственная власть передала державныя права архиепископу: суд, монетное дело, пошлины составляли регалии последняго; общественная земля, не находящаяся в частном владении, принадлежала ему. Архиепископ осуществлял свои верховныя права через назначенных им сановников; таким образом городския должности и правительственныя корпорации, поскольку оне касались заведывания регалиями, были архиепископскими, владельческими; поскольку оне относились к городской автономии,—городскими в руках городской аристократии; с течением времени гражданство постепенно завладевает также державными правами и приобретает значение правительства. Важнейшею регалиею было судопроизводство, и в качестве судей в городе являются *бургграф*, из свободных вассалов архиепископа (см. выше), и *городской фогт*, архиепископский министериал, оба со своими заместителями (subcomes, subadvocatus). Если архиепископ Конрад в 1258 г., считая себя

верховным судьею как в духовных, так и в светских делах, утверждал, что в Кельне не должно быть судебной власти, которая не исходила бы от него, такая теория была вполне правильна относительно фогта, отправлявшаго суд от имени архиепископа, своего господина, но неверна относительно бургграфа, судившаго самостоятельно, на равном праве с архиепископом; судебная власть вручена обоим от государства (quod una nobiscum bannum judicii *ab imperio* tenet), и бургграф, хотя и светский вассал духовнаго князя, является однако представителем государственной власти в Кельне. Если суд под председательством архиепископа решает покончить тяжбу судебным поединком, последним распоряжается бургграф своею властью без архиепископскаго фогта; в случае окончания дела штрафом, архиепископ получает $^3/_4$, бургграф $^1/_4$ судебной пени (смесный суд). Представителем же архиепископа в городских судах обыкновенно является фогт, с которым сообща бургграф и вершит суд; но на регулярном графском суде (Wizzigding), отправляемом правильно трижды в год (tria legitima placita), и по делам о наследствах председательство на суде и судебные доходы принадлежат одному бургграфу. Уже в XII в. эта важная должность стала наследственною в благородном роде фон-Арбергов; в XIII в. бургграф, очевидно, уже утратил свое значение: по крайней мере, он ни разу не является в это время лицом влиятельным; современные акты даже вовсе не упоминают о нем в тех случаях, когда этого именно можно было бы ожидать, напр., при изложении споров между гражданами и архиепископами, при описании внутренних междоусобий в среде патрициата. Этим упадком роли бургграфа объясняется и вышеприведенное заявление архиепископа Конрада: если он не был прав теоретически, то практика, пожалуй, оправдывала его слова. Последний бургграф Иоанн фон-Арберг в 1279 г. уже называл себя ленником и *чиновником* кельнской церкви (ligius homo et *officiatus* ecclesiae Coloniensis), обязанным в качестве такового помогать архиепископу оружием, и в том же году окончательно перепродал за 1000 марок серебра свою должность или то, что от нея осталось,—вместе с бургграфским домом, тюрьмою и судом с различными доходами,—архиепископу Зигфриду и его преемникам. Таким образом произошло слияние двух властей в одну, и с этих пор епископ в качестве бургграфа стал утверждать в должности избранных шеффенов; своим заместителем во вновь приобретенном сане он назначал вице-графа (vicecomes) или *греве*, постоянно из среды крупных граждан; такой же порядок соблюдался и раньше, когда своего заместителя назначал сам бургграф. Равным образом, как греве был не рыцарем-вассалом архиепископа, а гражданином, и вице-фогт не был министериалом, как назначавший его фогт, а также всегда выбирался последним из патрициата, что наглядно указываете на значение этого городского элемента. Что касается должности фогта, то она первоначально замещалась ежегодно, пока архиеп. Филипп в 1169 г. не передал ее в наследственный лен рыцарю Герварду фон-Эппендорфу в награду за его верную службу. Разумеется, при одновременных обязательствах перед архиепископом и городом положение фогта должно было быть двойственным и весьма затруднительным при частых столкновениях обеих сторон. Фогт Рутгер, напр., в борьбе между городскими родами примкнул к партии, поддерживавшей архиепископа, и погиб; его сын Гергард был сперва врагом города, но в 1288 г. возобновил обязательства своего отца перед «шеффенами, советом и гражданами»—быть верным гражданином, делать все, что ему прикажет городской совете, и держать в тайне решения последняго, если он будет призван в его заседание. Характер городского управления подчеркивается заявлением о неизменной верности городу и в особенности правящим родам (fidelis et favorabilis erimus eisdem ciribus Coloniensibus et

praecipue progeniebus). Подобное торжественное обещание фогт дает как раз перед битвою при Воринген, когда город вступает в союз с врагами архиепископа для войны с последним! Так радикально изменилось положение бывшаго главнаго архиепископскаго министериала: подобно другим рыцарям, он сделался гражданином Кельна, подчиненным городскому совету, из вернаго слуги архиепископа обратился в вернаго слугу города. Архиепископ Зигфрид приобрел для себя власть бургграфа,—и мы видели, что это приобретение не было важным выигрышем в виду упадка названной власти, а также в виду установившагося обычая назначать вицеграфа из граждан,—за то у того же архиепископа была вырвана из рук некогда вполне зависевшая от него должность городского фогта. Очевидно, в выигрыше остался город, тем более, что и вице-граф, и вице-фогт—оба граждане, могли быть отрешаемы от должности за дурное ея отправление своими непосредственными начальниками, т. е. бург-графом и фогтом, *на основании приговора шеффенов, а в случае нужды* также архиепископом, по предварительном увещании подлежащих властей, не исполняющих своей обязанности (третейский приговор 1258 г.).

Шеффены

Но и бургграф, и фогт с их заместителями были *судьями* (judices) лишь в тесном смысле—в смысле председателей на суде, приводящих в исполнение его приговоры, тогда как *суждение по делу, произнесение приговора* лежало на обязанности часто упоминавшихся у нас *шеффенов* (scabini), коллегии, существование которой относится еще к эпохе франкской монархии и основывается на франкском праве. Архиепископ Конрад в 1258 г., объявляя себя единственным источником судебной власти в Кельне, подтверждает, что ими, т. е. шеффенами, искони управляется город, но только с согласия архиепископа. Судьи и шеффены представляли собою городское правительство; постоянною формулой, выражающею совокупность городской магистратуры и гражданства, является «judices, scabini et universi cives (ceterique cives)», по-немецки—«richtere, scheffenen inde gemeinliche de burgere van Colne», часто также «scabini et populus Coloniensis», «scabini et universi cives» без упоминания судей, judices, но никогда без упоминания шеффенов. По старинному франкскому праву, на обязанность кельнскаго бургграфа возлагались проверка правильности выборов шеффенов и утверждение их в должности: бургграф (следовательно, с 1279 г. сам архиепископ) должен был проверять, происходят ли шеффены от законнаго брака, достигли ли они требуемаго 24-летняго возраста, не имеют ли какого-нибудь выдающагося телеснаго недостатка, не идет ли про них дурная молва, и не избраны ли они при помощи подкупа. Самое избрание шеффенов представлялось самой же коллегии, имевшей, таким образом, право самовосполнения. Трудно сказать, каково было нормальное, законное или обычное число шеффенов: повидимому, оно колебалось, но по некоторым примерами наиболее установившимся числом их можно предположить 25 или 24. Шеффены избирались не на срок, а *пожизненно*, почему новые выборы производились лишь в случае смерти одного из них; смещение архиеп. Конрадом всей коллегии и назначение новых шеффенов в 1259 г. было революционным актом, который Конрад оправдывал соображениями общаго блага и неудовлетворительным составом шеффенов; с этой точки зрения он удержал за собою право удалить, если понадобится, по той же причине и новых шеффенов, также назначенных им на пожизненный срок. Вообще, стремясь сломить господство патрициата с помощью низшаго населения, Конрад обратил свои главныя усилия против тогдашних шеффенов, заме-

щая коллегию простыми ремесленниками: очевидно, обладая правом самовосполнения, эта коллегия обратилась в замкнутую аристократическую корпорацию, внутри которой должность шеффенов (officium scabinatus) сделалась почти наследственною собственностью немногих родов.

От действительных шеффенов, scabini, отправляющих свою должность, отличались fratres scabinorum, чрезвычайные члены коллегии, кандидаты на освобождающияся вакансии, присутствующие при судебных заседаниях, но без права голоса. Председательство в коллегии принадлежало сперва, как кажется, одному избранному из ея среды *старшин* (magister scabinorum, Schoffenmeister), позднее двум, менявшимся через семь недель. Шеффены, отправлявшие эту почетную должность, образовали из себя внутри коллегии еще теснейший кружок заслуженных шеффенов, officiales scabinorum, которые в качестве старейших и почетнейших сочленов определяли статутами внутреннюю жизнь коллегии и имели право принимать в ея состав новых кандидатов, Schoffenbruder.

Под председательством судьи,—бургграфа или фогта или их наместников, или, наконец, самого архиепископа, даже самого короля, шеффены производили суд по незначительным делам немедленно, по более трудным не долее, как в трехдневный срок. Как судьи вообще должны были судить во все дни недели, исключая праздников, так и шеффены обязывались посещать все заседания для отправления суда и текущих дел. Область суда шеффенов простиралась на все уголовныя и гражданския дела; не подлежали их суду только духовныя лица и их имущества, а также дела о ростовщичестве, клятвопреступлении, нарушении супружеской верности и вообще относящияся к брачным отношениям,—дела, предоставленныя духовному суду (Sendgericht). Архиеп. Конрад в 1258 г. хотел отнести к ведомству последняго также дела о неверных мерах и обманных покупках (Meinkauf), но посредники признали такия дела, как и некоторыя другия (напр., о драках в праздничные дни), подлежащими смешанному или общему суду. На приговор шеффенов дозволялась апелляция к архиепископу, и в таком случае происходило вторичное разсмотрение дела во дворце последняго (in curia), при чем шеффены, постановившие первый приговор, не должны были участвовать в произнесении второго.

Но деятельность шеффенов не ограничивалась одним отправлением суда: в своих ежедневных заседаниях они должны были не только вершить суд (judicium exspectare), но и вести дела (negotia expedite); клятвою, которую они приносили архиепископу, шеффены обязывались защищать и охранять права церкви и города советом и действием; они представляли собою гражданство в качестве его постояннаго магистрата не только перед архиепископом, но и во внешних сношениях, напр., при заключении договоров; одним словом, шеффены образовали первый *городской совет*, и в этом смысле в актах XII в. они называются также нередко *сенаторами*.

Монетчики

Подобно тому, как судьи и шеффены отправляли свои судебныя обязанности от имени архиепископа и в то же время заведывали городскими общественными делами, такое же двойственное положение занимали и архиепископские чиновники, заведывавшие монетным делом и пошлинами. Во главе управления этими двумя регалиями стоял министериал, —*казначей* (camerarius), но ближайшим образом заправляли названными статьями *монет-*

чики (monetarii, Munzer) и *таможенники* (telonarii, Zollner). Первым вверены были надзор за чеканкою монеты, закупка металла и особенно операция денежнаго размена. Монетчики составляли корпорацию, называвшуюся Hausgenossen; подобно шеффенам, эта корпорация восполнялась по собственному выбору и уже с начала XIII в. усвоила себе характер наследственности, так что в случае смерти одного из ея членов место умершаго занимал его сын, и только при отсутствии такового производилось избрание. Архиепископ назначал только старшину корпорации (magister monetae, Munzmeister); но уже архиеп. Конрад обещал не распоряжаться замещением этой должности без воли и согласия самих Hausgenossen. Несомненно, что эта корпорация состояла из полноправных граждан Кельна и при том из знатных родов; ниспровергая правление последних в 1259 г., Конрад, как мы видели, направил первый удар против монетчиков. Но положение вещей, созданное его переворотом, не продержалось долго, и корпорация существовала и впоследствии в прежнем аристократическом виде, и в числе ея членов мы нередко находим шеффенов и рыцарей, принятых в состав гражданства.

Братство богатых

Администрация архиепископских судей и коллегии шеффенов, вместе с местными корпорациями по приходам, является первою, исходною ступенью в развитии городской автономии Кельна. К концу XII в. ясно обозначается второй фазис этого развития,—более законченное сформирование господства патрициата: наместники обоих городских судей выходят из состава последняго, монетное и пошлинное дело также в руках патрицианских корпораций монетчиков и таможенников (monetarii и telonarii, Munzer, Zollner); наконец, рядом с коллегиею шеффенов появляется замкнутое братство (fraternitas), облеченное особыми полномочиями по городскому управлению. Это уже упоминавшееся у нас «*братство богатых*»,—Richerzegheide, Richerzechheit или Richerzeche,—союз крупных граждан, cives по преимуществу, представительство старинных и богатых городских родов, орган патрициата. Основу этого союза составляют те «лучшие граждане» (meliores civitatis), которые нередко являются наряду с судьями и шеффенами при решении важных городских дел еще ранее, чем выработался специальный термин, указывающий на правильную организацию братства. Представляя собою городскую аристократию, Richerzeche в то же время или тем самым является представительницей *всего* гражданства: в качестве высшаго братства, этот «цех» стоит во главе ремесленных союзов, организует их, вырабатывая для них уставы (статуты) и даруя им цеховое право; цехи обязываются повиноваться «братству богатых»; последнее назначает из своей среды старших мастеров (Obermeister) цехов и взимает в свою пользу часть вступных денег при приеме новых членов в цехи и часть штрафных сумм при нарушениях цеховых распорядков. Тому же братству принадлежит право принятая новых граждан в состав кельнской общины. Из своей среды Richerzeche избирает *бургомистров* (magistri civium), обыкновенно двух, являющихся главами корпорации и вместе с тем общегородскими магистратами; по примеру коллегии шеффенов из ея сочленов, officiales, выделяются «заслуженные», т. е. отбывавшие должность бургомистров; заслуженные оффициалы,—опять аналогично с шеффенами,—составляют внутри корпорации особый привилегированный разряд, заправляющий ея делами. Таким образом выработалась настоящая олигархия полноправных чиновников корпорации правящих родов; эти олигархи, кроме ежегоднаго избрания бургомистров, также пополняют состав корпорации принятием новых

членов. Мы не имеем ближайших сведений об условиях этого принятия; видно только, что не все члены родов, мужескаго пола, достигшие совершеннолетия, через это самое становились по праву членами Richerzeche: принадлежность к последней считалась своего рода должностным званием (officium), которое могло быть и потеряно. Во всяком случае число членов корпорации было велико: количество незаслуженных оффициалов в XIV в. показано при одном случае 361, тогда как заслуженных в 1297 г. было, повидимому, всего 16, между ними 4 рыцаря. Архиепископ Конрад в 1258 г. между прочими жалобами указывал на то, что оффициалы Richerzeche, заседающие в городском доме (in domo civium) составляют статуты по своему усмотрению; в 1375 г. архиепископ Фридрих признал за ними, как старинное право, право распоряжения по делам купли-продажи и издания постановлений на пользу города.

Бургомистры и заслуженные оффициалы Richerzeche имеют право приложения большой и малой городской печати к своим актам; вместе с шеффенами они хранят городския привилегии и документы, выдают грамоты на поземельное владение и удостоверяют судебныя действия по делам этого рода. Бургомистры председательствуют на собраниях оффициалов; ближайшия сведения об их полномочиях и образе действий сообщает третейский приговор 1258 г., так как жалобы архиепископа Конрада на притеснения мелких граждан крупными прежде всего имеют в виду бургомистров: они присвоивают себе непринадлежащую им судебную власть, налагают денежныя пени на невинных и вообще вымогают деньги для вознаграждения за расходы, связанные с избранием в должность, нарушают духовную подсудность и духовный иммунитет, т. е. свободу от пошлин, они построили собственную тюрьму и производят в ней уголовныя наказания; наконец, они же вместе с шеффенами берут на себя решать, подсудно ли спорное дело духовному или светскому суду, тогда как решение этого вопроса должно принадлежать духовному судье. Из этого видно, что деятельность бургомистров была судебно-полицейскаго характера; в этом смысле признали ее и третейские судьи 1258 г., приняв только меры к устранению подкупов при выборах, в чем, по мнению судей, заключалась главная причина дурного управления бургомистров. После того мы видим, что главная деятельность последних направлена на выполнение и охрану полицейских постановлений, издаваемых заслуженными оффициалами Richerzeche; особенно бургомистры являются агентами полиции рыночной и ремесленной, карая за нарушение уставов, относящихся до производства в городе торга и ремесл. Формула XII в, —«судьи и шеффены» в XIII в. может быть заменена формулою—«бургомистры и шеффены»; на деле, правда, текст формулы остался прежний: judices, scabini et cives universi, но под *judices* разумеются уже главным образом бургомистры. Их не следует смешивать ни со старшинами коллегии шеффенов (Schoffenmeister), ни с *председательствующими в городском совете* (Ratsmeister), о которых еще будет речь; они—выборные представители «братства богатых», управляющие по его уполномочию заодно с кружком заслуженных оффициалов той же корпорации. Впрочем, одним из двух бургомистров постоянно должен быть шеффен.

Городской совет

Итак, коллегия шеффенов и судьи, из архиепископских постепенно обращающуюся в городской совет; затем выступают вперед Richerzeche и бургомистры,—таковы две последовательныя стадии в развитии кельнскаго городского самоуправления. Наконец, третья ста-

дия характеризуется появлением *постояннаго городского совета* (consilium civitatis или consules). Этот новый орган автономии впервые возникает уже в XIII в., по крайней мере, под своим настоящим именем. Характерная жалоба Конрада гласит, что граждане сами избирают совет, управляющий городом, и что члены этого совета не приносят, подобно шеффенам, клятвы послушания архиепископу, исключая нескольких случайно выбранных в совет шеффенов (ipsi cives suos concives eligunt in consilium civitatis ut spretis aliquibus scabinis juratis de consilio non juratorum civitas ipsa regatur). Оффициалы Richerzeche продолжали существовать отдельно, не сливаясь и не смешиваясь с городским советом, как и бургомистры с ратсмейстерами. В 1259 году, предпринимая свой переворот, архиепископ Конрад действовал против бургомистров и шеффенов, согласно с желаниями *совета* братств, цехов, гильдий и пр. союзов, общины и вообще всей совокупности граждан, consules, fraternitates, populus communitatis et generaliter tota universitas civium). Городской совет, по крайней мере, в идее, должен был именно представлять собою не одни только знатные роды, но *общину*, communitas civium, в обширном смысле, хотя на деле вышло, что и в него попадали преимущественно члены того же родовитаго патрициата. В XIII в. число членов совета, *консулов* или *ратманов*, было невелико: в 1265 году их было 13; в 1297 г. один акт подписан, кроме 2 бургомистров, 16 шеффенов и 16 оффициалов Richerzeche, 8 консулами, из которых двое являются ратсмейстерами (magistri consilii), как и в числе шеффенов фигурируют два шеффенмейстера. В 1305 г. названы 15 годичных советников,—qui in hoc anno in consilio civitatis nostro consederunt,—между ними 5 рыцарей и 3 шеффена,—кроме того, два казначея (Rentmeister) и два бургомистра (из них один — шеффен), не входящие в состав совета. Цифра 15 является в XIV в. нормальным числом членов в так называемом *тесном* совете, consilium *artum*, составленном из патрициата, тогда как в *обширном* или *общем* совете (consilium *amplum*, *generale*) заседали выборные представители приходских общин (Kirchspiele), в числе 82, при чем это число весьма неравномерно распределялось между отдельными приходами (от 1 до 15 выборных), равно как колебалась и цифра представителей от одного прихода в разные годы. Весьма может быть, что такая система двух советов не развилась постепенно, а существовала с самаго возникновения совета вообще; но до 1370 г. *общий* совет играл подчиненную роль и созывался лишь в тех случаях, когда его согласие считалось нужным, *тесным* советом, которому собственно и принадлежит в XIV в. руководство всеми городскими делами. Не сливаясь ни с коллегиею шеффенов, ни с «братством богатых», городской совет тем не менее находился в тесной связи с обеими корпорациями, так как в его состав, повидимому, нередко входили и некоторые шеффены и оффициалы Richerzeche, и все три союза представляли собою совокупность граждан в суде и управлении.

Город и пригороды

Но кельнская городская община образовалась через слияние в одно целое *стараго города* (Altstadt) с его приходами и городских предместий, *пригородов*, и эти первоначальныя составныя части общины, как живые члены одного органическаго тела, жили своею жизнью, имели свое самостоятельное местное управление, свои приходские суды с подсудностью, ограниченною ценою иска, своих оффициалов и старшин (magistri parochiarum), в некоторых случаях даже своих графа, фогта и приходских шеффенов из местных обывателей, вообще свои уставы. Политическая самостоятельность этих мелких единиц относи-

тельно целаго города была неодинакова, основывалась на старине, на издревле установившихся отношениях. Это местное самоуправление, как уже сказано, является довольно точным снимком в миниатюре обще-городского склада: то же различие между оффициалами заслуженными и незаслуженными (deserviti, indeserviti),—те же старшины, обыкновенно двое, по избранию или по жребию, и т. д.,—тот же процесс выделения замкнутой кучки привилегированных правителей, стоящей во главе общины. Также точно по подобию Richerzeche, как главнаго по значению братства, в разное время организовались многочисленныя братства и сообщества с целями религиозными, ремесленными и сельско-хозяйственными, по которым раздробились различные классы населения и которыя все представляли собою обособленные организмы. Сюда относятся (не говоря о религиозных сообществах) *купеческия гильдии*, в особенности так называемое fraternitas vini, товарищество виноторговцев, и *ремесленные цехи*, часто весьма обширные союзы, соединявшие в одно целое представителей нескольких тесно связанных производств, напр., суконнаго, полотняннаго и собственно портновскаго дела (в целом—Gewandschneider). Все эти союзы получали свою организаций и уставы от «братства богатых», стоявшаго во главе их.

В таком виде сложилось господство патрициата в Кельне к началу XIV в. Высокое общественное положение этой городской аристократии сказывается в том, что уже в XIII в. императоры, утверждая городския привилегии, называли жителей Кельна *благородными гражданами* (nobiles burgenses Colonienses), а самый город *das elede Coln*. Конечно, этот эпитет относился именно к правящему патрициату, члены котораго сами называли себя в официальных документах «*господами*» (Herren), в отличие от мелкаго гражданства. Эта аристократия, в одно время родовая, землевладельческая и торговая, купеческая, была также ядром городской военной силы, и через ратную службу многие члены патрициата достигали рыцарскаго звания, не переставая быть гражданами и купцами. В конце XIII и еще чаще в XIV веке мы видим рыцарей в составе Richerzeche, между шеффенами, монетчиками, даже суконщиками и портными. С другой стороны, было уже отмечено, что нередко рыцари по рождению принимались в кельнское гражданство и служили городу своими военными силами, получая условленную плату и пользуясь также вооруженною поддержкой города в случае надобности. Такия личныя отношения с течением времени приобретали даже характер наследственных ленов.

III

Начало борьбы между патрициями и цехами

Новыя движения внутри города, которыя должны были мало-по-малу видоизменить сложившуюся физиономию городского управления, обнаруживаются в Кельне со второй половины XIV века. Под 1364 г. мы читаем отрывочное, но знаменательное известие: *господа*, т. е. патрициат, и ремесленный союз ткачей стали с оружием в руках друг против друга. Это враждебное столкновение, причины котораго нам неизвестны, удалось уладить мирным путем, но не надолго.

В 1370 г., когда в других рейнских городах, от Базеля до Майнца, господство родов было уже сломлено и ремесленные цехи добились участия в правлении или даже вполне присвоили его себе, как в Страсбурге с 1332 г., наступила пора такого же перелома и для

Кельна.

Давнишнее недовольство цехов и их озлобление против правящих родов усиливались постоянно новыми поводами, наприм., введением новых пошлин, недостаточною охраною общественной безопасности со стороны городских властей: в 1369 г. те же ткачи добились выдачи из-под стражи пойманнаго грабителя и казнили его без приговора шеффенов. Когда затем городской совет покончил невыгодным, по мнению большинства граждан, миром тяжелую распрю города с другим разбойником-рыцарем, ткачи заодно со всею общиною потребовали ареста трех, потом еще восьми советников, что и было исполнено. Обезсилив таким образом совет, революционеры изменили его состав: тесный совет из 15 членов был сохранен и сохранил свой прежний аристократически характер, но обширный совет из 82 членов от приходов был заменен новым, из 50 членов, принадлежавших к ремесленникам, главным образом к ткацкому цеху. Richerzeche не была пока уничтожена, но лишена своих политических преимуществ. Этот переворот, совершенный 2 июля 1370 г., однако, был только началом дальнейших смут; порядок, созданный им, продержался недолго, менее года и пяти месяцев: за это время новое демократическое правительство успело устроить примирение с архиепископом и духовенством, удовлетворив требования последняго для укрепления своего положения, и наложит новый акциз на вино, особенно затрогивавший интересы крупнаго гражданства. Но уже 20 ноября 1371 года новый порядок вещей неожиданно рухнул: один ткач, принимавший участие в войне между Юлихом и Брабантом вопреки запрещению совета,—так как город соблюдал нейтралитет,—был приговорен шеффенами к смерти, но на самом месте казни вырван из рук судьи своими сотоварищами по цеху. Хотя совет в его тогдашней форме представлял собою народную партию, однако он решил не допускать подобных актов насилия со стороны городской толпы; большие купеческие союзы и другия сообщества соединились с советом, взялись за оружие и принудили ткачей к бегству. Последовала жестокая расплата за кратковременное господство: смертныя казни захваченных на месте противников, заточение, тяжкия пени, конфискация имуществ, осуждение бежавших на изгнание. Патрициат, возстановив свое прежнее положение, вознамерился упрочить его на будущее время ослаблением цехов. Городской совет—конечно, прежняго характера—вытребовал у всех сообществ их привилегии и уставы под предлогом их пересмотра и исправления, но, спустя несколько времени, объявил уничтожение привилегий, упразднение больших союзов между ремесленными корпорациями, запрещение цеховых сходок и пирушек (Zechgelage), разоружение ткачей и других участников возстания 1370 года, ограничение числа ткацких станков 200 и, наконец, назначение старшин (Obermeister), по два на каждый ремесленный союз, с целью надзора за ними и взимания штрафов с виновных. Затем последовало изменение в самом строе совета, по старому обычаю скрепленное присягою и внесенное в так называемую *присяжную книгу* (Eidbuch), с сохранением в силе на десять лет: тесный совет—попрежнему, из 15 членов, обширный не из 82 и не из 50, а из 31 члена; последние выбираются от *всей общины*, независимо от их оседлости в той или другой части или приходе города. Во всяком случае этот совет является более самостоятельным органом, чем прежний совет 82, созывавшийся лишь по усмотрению совета 15. Эта новая конституция вступила в жизнь 22 февраля 1372 г.

Война шеффенов

Три года спустя, в 1375 г., когда граждане только-что покончили распрю с архиеп. Фри-

дрихом III из-за вечно спорных вопросов о пошлинах, постройке крепостей и духовном суде, вспыхнуло небывалое до тех пор столкновение внутри города, между двумя корпорациями патрициата,—между советом и шеффенами: насилие совета над судьею, исполнявшим повеление архиепископа, побудило судью и шеффенов сложить с себя свои обязанности; совет привлек заодно шеффенов к ответу, старался заставить их отправлять суд, даже выбрать судью из своей среды по принадлежащему им праву, в силу привилегии 1349 г., но без успеха: большинство шеффенов (13) покинули Кельн и отправились к архиепископу в Бонн, а совет назначил комиссию из 12 членов, уполномочив ее вести дело против шеффенов. Этот раздор пришелся как нельзя более кстати архиепископу: шеффены документально признали за ним все его верховныя права относительно суда, чеканки монеты, всевозможных пошлин и пр.; архиепископ в свою очередь подтвердил привилегии шеффенов и обещал им свою помощь при возстановлении их прав. Союзники обратились к императору Карлу IV и заручились его поддержкою: имперский суд присудил граждан к уплате архиепископу 200,000 марок золотом, объявил над Кельном государственную опалу и лишил город некоторых важнейших привилегий. За то архиепископ подвергся церковным карам, даже смещению со стороны папы. Дело дошло до войны; попытка архиепископа овладеть городом при помощи нечаяннаго нападения не удалась, так как цехи на этот раз соединились с советом и отбили вторжение, после чего борьба приняла жестокий характер. Эта война, известная под именем Schoffenkrieg, в течение которой император объявил кельнских граждан мятежниками, врагами государства, стоящими вне закона, а город, лишенный всех привилегий, подвергся церковному интердикту, кончилась примирением в 1377 году, по которому покинувшие Кельн шеффены, за исключением двух, были возстановлены в своих правах.

Устав 1396 года

Победа, одержанная аристократиею в 1371 г., с последовавшею за нею резкой реакцией, конечно, не могла устранить глубокой розни между верхом и низом городского общества, но еще обострила отношения: стремление патрициата к полному подавлению цехов не могло не вызвать озлобления, особенно в виду того, что совет этим самым цехам был обязан своим торжеством над одним из них—над ткачами. В минуту опасности от внешних врагов цехи поддержали совет, но политика последняго не сделалась более благоприятною для народной массы, не утратила своего узкаго стремления к господству во что бы то ни стало, к проведению не только партийных, но даже чисто личных интересов. Это последнее обстоятельство неизбежно вело за собою распадение самой правящей группы на враждебныя партии и ускорило кризис. В 1395—96 гг. разыгралась междоусобная война между двумя такими аристократическими партиями, с одною из которых соединились шеффены. Последняя партия в конце концов одержала верх при содействии общины и учинила жестокую расправу над побежденными противниками; при этом народу, в благодарность за его содействие, совет обещал возвратить прежния вольности. Но обещание осталось неисполненным, и граждане, соединившись в союзы (Gaffeln), решили добиваться вольностей силою; овладев городским знаменем, они захватили в плен шеффенов и их друзей, вооружившихся было против народа, и стали господами в городе. Так совершилась в Кельне безкровная революция 18 июня 1396 г., окончательно и навсегда опрокинувшая господство немногих родов. 14 сентября того же года было введено новое демократическое управление, основныя

черты котораго мы здесь отметим. В основание новаго порядка было положено разделение всей общины на *22 политических корпорации*, Aemter или Gaffeln, при чем каждый из этих союзов вмещал в себе несколько родственных цехов, и каждая корпорация избирала из своей среды членов в городской совет, по одному или по два (так называемый «шерстяной союз», Wollenamt, избирал даже четырех); таким порядком выбирались 36 ратманов, и они затем дополняли свой комплекта собственным выбором «остатка» (Gebrech), так что в общем получалось число 49 советников; состав последних изменялся по полугодиям на половину; те союзы, к которым принадлежала выбывавшая половина, выбирали новых советников. Союз (Gaffel) мог временно отказаться от своего права выбора, и тогда это право переходило к самому совету; избранный лишь в случае крайней нужды мог уклониться от возлагаемых на него обязанностей, за уклонение же без уважительной причины подлежал тюремному заключению на год. Незаконное рождение, несвободное состояние, церковная кара и подкуп при избрании являлись препятствием к вступлению в совет. Таким образом, управление перешло в руки цехов-общины, и последняя оставила за собою верховную власть по отношению к совету, вышедшему из ея недр: вопросы, касающиеся объявления войны, заключения союзов с кем бы то ни было, наследственных рент и распоряжения суммами, превышающими 1000 гульденов, совет должен был решать не иначе, как с ведома и согласия общины, которая в таких случаях избирала *особую комиссию из 44 членов*, по два от каждой корпорации, и эта комиссия решала дело, соединившись с советом, по большинству голосов. Но в то же время корпорации обязывались подчиняться авторитету избраннаго ими совета и помогать ему, особенно в случае каких-либо смут; по новой конституции самые цеховые статуты выдаются бургомистрами и советом; старая Richerzeche, уже в 1370 г. лишенная своих преимуществ, хотя и получила их вновь в следующем году, уже отжила свое время: в 1382 г. у Richerzeche было отнято издавна принадлежавшее ей право принимать новых членов в состав гражданской общины и товарищества виноторговцев; с потерею права организовать ремесленные союзы она утратила и право надзора за их деятельностью: сам совет, как мы видели, стал назначать старшин или главных мастеров (Obermeister) для цехов. Наконец, и избрание бургомистров перешло к совету, и Richerzeche, не уничтоженная формально, потеряла всякое политическое значение. Бургомистры являются уже представителями не привилегированной корпорации богатых граждан, а всей общины; старая формула: «судьи, шеффены и совет» иногда еще употребляется, но уже не соответствует действительности и чаще всего заменяется новою: «мы, бургомистры, и совет». Также была оттеснена на задний план и старая корпорация шеффенов: мы уже видели столкновение их с советом в 1375 г.; хотя дело и окончилось возвращением эмигрировавших шеффенов в Кельн, но их прежнее значение уже не было возстановлено; совет, в XIII в. сперва разделявший с шеффенами городское управление, потом всецело присвоивший его себе, в XIV в. стал постепенно урезывать и судебныя функции шеффенов, захватывая в свои руки полицейскую власть, издавая в форме закона постановления о наказании отдельных граждан, соперничая с шеффенами в решении гражданских дел в качестве посреднической инстанции. В особенности совету принадлежало право карать за нарушение статутов и постановлений самого совета. В конце концов появляются специальные судьи, избираемые советом из его среды,—два так называемые *Richter von den Gasten* (для гостей, т. е. чужих), призванные разбирать споры, особенно долговые между гражданами и сторонними лицами, а затем также и некоторые споры между гражданами, при чем допус-

калась апелляция к совету, и два Richter von der Gewalt по делам о всякаго рода насилиях, убийстве, грабеже, нанесении ран и т. п. При этом однако суд шеффенов не отменялся, а, напротив, удерживался: шеффены судили за преступление по существу и доставляли удовлетворение потерпевшему лицу, совет в лице своих судей карал лишь за нарушение общественнаго мира и порядка. Судьи von der Gewalt в качестве полицейской власти налагали штрафы за нарушение распоряжений совета во всех случаях, где последний не находил нужным сам вступаться в дело.

Совет ежегодно избирал из своей среды двух ратсмейстеров, поочередно председательствовавших на его заседаниях, а также различных других должностных лиц, также по два, напр., кроме названных выше судей, также надзирателей за исправным содержанием сухопутных дорог и водных путей, за монетным делом и т. д., наконец, как мы видели, одно время—старшин цехов, но это полномочие, унаследованное советом от старой Richerzeche, оказалось ненужным при уставе 1396 г., когда новый совет, представлявший собою не знатные роды, а цехи, взял на себя непосредственный надзор за последними, гарантируя им внутреннюю автономию и помощь бургомистров и совета в случае неурядицы внутри самого цеха. Также с установлением новаго порядка изменились взаимныя отношения цехов, соединенных в обширные союзы, ранее основанные на подчинении нескольких цехов одному главному: так, напр., распалось на отдельныя части отличавшееся аристократическим характером сообщество Gewandschneider. Новые союзы цехов, Gaffeln, построенные на начале большей равноправности, отличались от прежних своим политическим характером, представляя собою не только самоуправляющияся корпорации ремесленников, связанных общностью занятий, но и коллегии, избирающия городской совет и, след., влияющия на ход всех общинных дел.

Конституция 1396 г., как мы видели, ограничила компетенцию совета в важнейших делах политических (война, договоры) и финансовых содействием особо избираемаго комитета 44 представителей, и это было важною переменой против прежняго порядка, при котором все дела подобнаго рода решались исключительно советом, до 1370 г. даже, вероятно, одним тесным советом. Вообще совету принадлежала высшая власть законодательная и исполнительная, и он имел возможность распоряжаться имуществом, свободою и жизнью граждан почти без всякаго контроля с их стороны, налагать кары в виде отобрания имущества, изгнания, пожизненнаго заточения и смертной казни. В этом отношении полномочия совета были мало сужены и уставом 1396 г., равно как относительно распоряжения городскими доходами от пошлин, акцизов и т. п. и контроля за их поступлением, наложения пошлин налогов и общественных повинностей. Совет издает статуты, касающиеся общаго и частнаго права граждан, производства суда, торговли, ремесл, домашней жизни, общественных церемоний и увеселений и т. д.,—словом, регулирует весь ход политической и общественной жизни Кельна; он же составляет на каждое десятилетие «присяжныя книги», которыми возобновляется на новый срок или видоизменяется самое устройство совета и городского управления.

До переворота 1396 г. при обсуждении важнейших дел (союзы и договоры, военные походы, наложение и снятие акцизов, наследственныя ренты, внесение статутов в присяжныя книги или выключение их оттуда) к совещанию привлекались, кроме наличных советников, также бывшие члены совета *двух предшествовавших годов* (vor-und nachgesessene

Rathe); дело в том, что вторичное избрание одного и того же члена в совет допускалось лишь по истечении двух лет на третий год,—как для теснаго, так и для обширнаго совета,—и, так как обыкновенно избирались одни и те же лица, когда наступала их очередь, то сам собою установился правильный трехгодичный оборот, заранее дававший возможность предвидеть состав будущаго совета. Действительно, новые выборы имели место лишь в особых случаях—смерти или выхода по какой-либо причине одного из членов совета. Таким образом, право избрания обратилось в пустую формальность, фикцию, и такой порядок, конечно, представлял большия удобства для партии, достигшей власти, обезпечивая за нею прочное господство. Эта очередь в отбывании должности городского советника сохранилась и в XV в., при новой организации совета, вследствие чего он опять принял своеобразно-аристократический характер замкнутой корпорации, только представляющей собою не патрициат, как прежде, а цеховые союзы. Это обстоятельство в соединении с весьма широкими полномочиями совета, открывавшими достаточно обширное поприще для злоупотребления властью, вызвало новую революцию уже в 1481 г.

Но прежде, чем перейти к этому событию, следует отметить еще одно столкновение, по примеру 1375 г., между советом и шеффенами. Последние, хотя и сильно урезанные в своих прежних функциях, все еще представляли собою известную силу; в качестве коллегии, считавшей свое существование многими веками, отличающейся аристократическим, родовым характером и при том все-таки присягавшей на верность архиепископу, как его высокое судилище под председательством назначеннаго им греве,—шеффены стали во враждебное отношение к новому демократическому совету, не желали ему подчиняться и вообще иметь с ним дело; при новых условиях вражда проявилась еще резче, чем при старых. В 1427 г. по приказу шеффенов был арестован один гражданин на площади перед ратушею; совет увидел в этом нарушение своего иммунитета и привлек шеффенов к ответу, требуя для себя не только права предварительнаго разследования при аресте виновных граждан, но и права подвергать судебную деятельность шеффенов своему обсуждению. Один из шеффенов был заперт в башню, и совет в полном составе и при содействии 44 депутатов от общины обязал 5 остальных шеффенов клятвою не отлучаться из дома, пока они, наконец, подчинились и выдали арестованнаго гражданина. Затем в виду общих жалоб на крайне недостаточное число шеффенов, далеко не достигавшее нормы, совет постановил, чтобы шеффены произвели дополнительные выборы, и чтобы имеющие право быть избираемыми в коллегию шеффенов не избирались в городской совет в видах безпрепятственнаго замещения коллегии. В 1440 г. возникла ссора в среде самих шеффенов: один из них был выключен из коллегии своими сотоварищами и обратился с жалобою к архиепископу; последний приказал принять исключеннаго вновь в коллегию, но последняя отказалась повиноваться и апеллировала к Базельскому собору. Деятельность шеффенов в Кельне совершенно приостановилась, и совет напрасно пытался устроить примирение между враждебными сторонами; наконец, спустя уже восемь лет, архиепископ, по примеру Конрада фон-Гохштадена, назначил своею властью новых шеффенов на место непокорных, оставив за собою право довести их число до нормы, т. е. до 25, с тем, чтобы на будущее время они, как прежде, сами пополняли свой состав; но если бы они не стали заботиться о замещении открывающихся вакансий, то архиепископ брал эту заботу на себя. Один из смещенных шеффенов жаловался, но безуспешно, императору на архиепископа, затем также на бурго-

мистров и совет; на этот раз жалобщик нашел поддержку в императорском суде, но так как некому было привести в исполнение приговор этого суда, то бывшему шеффену пришлось в 1457 г. покорно просить бургомистров и совет о прощении. Совет торжествовал над шеффенами и вообще достиг вполне независимаго положения; но в том же XV в. как он, так и шеффены нередко стали чувствовать себя стесненными, когда или весь город, или отдельные граждане призывались к ответу перед тайными судилищами (Vehmgerichte). Город ссылался на свою старинную привилегию, запрещавшую вызов кельнских граждан к суду вне их города; относительно Вестфальских тайных судилищ эта привилегия была утверждена папою Мартином V и архиеп. Дитрихом. Но эта привилегия связывалась с условием, чтобы в случае жалоб сторонних лиц им действительно оказывалось в Кельне правосудие, что, вероятно, нередко не соблюдалось, почему вызов к экстренному суду не мог считаться прямо противоречащим городским привилегиям.

Переворот 1481 года

Как мы уже видели, конституция 1396 г. придала кельнскому городскому строю демократический оттенок более в идее, чем в действительности, так как самые выборы в городской совет опять заменились регулярным переизбранием одних и тех же лиц по известной очереди. К тому же упомянутый выше комитет 44, содействие котораго было обязательно для совета в известных случаях, не выработался в прочное учреждение и, как кажется, почти вовсе не функционировал в действительности. Осенью 1481 г. цеховые союзы (Gaffeln) начали проявлять громко свое недовольство; поясной мастер Геммерсбах стал во главе движения; к поясному цеху присоединился башмачный, затем и прочие цехи; 29-го сентября все они собрались вместе и избрали от каждаго союза по 6—8 депутатов для заявления своих жалоб и требований совету на словах и на бумаге. Любопытно, что между избранными находились также некоторые—правда, немногие—члены старинных родов, в роли защитников интересов общины против совета. Первое требование было направлено на отмену вновь введенных или повышенных акцизов; но раз дело дошло до устнаго объяснения с советом, выступили на сцену и другие вопросы. В виду угрожающаго положения массы граждан совет должен был согласиться на все. Избранные от цехов депутаты составили большой комитет (Schickung) при совете, сверх котораго затем появился еще малый, в лице также выборных представителей от Gaffeln, по *два* от каждаго, «для содействия совету» в городских делах. Так был осуществлен на практике принцип 1396 г., но в гораздо обширнейшем размере: малый комитет захватил в свои руки все управление, и совету оставалось только исполнять его распоряжения. Самый устав 1396 г. был изменен в том смысле, что тем союзом, которые прежде избирали в совет лишь по одному члену, отныне предоставлялось выбирать по два, через что число недостающих членов (Gebrechsherren), прежде простиравшееся до 13 (49—36), сократилось до трех, и этот ничтожный остаток предоставлено было уже пополнять самому совету. Но этот новый порядок просуществовал не долее полугода. В среде гражданства, особенно крупнаго, скоро обнаружилась реакция в пользу восстановления единаго совета со всеми его полномочиями на место трех органов управления; в этом смысле кельнские купцы изложили свои пожелания перед советом. В то же время требование со стороны революционной партии письменнаго обязательства с приложением городской печати и печатей своих союзов, в силу котораго никто из членов большого и малаго комитетов не привлекался бы за это со временем к ответственности и наказанию,—это

требование встретило открытое сопротивление в самих союзах. Однако это предостережение не внушило сторонникам совершившагося переворота большей осмотрительности; напротив, опасаясь за свое положение, они готовы были пуститься на крайний риск для его обеспечения. Но и совет поднял голову, получая заявления сочувствия со стороны других городов и дружественных владетелей, предложения посредничества со стороны архиепископа, духовенства и университета, особенно же видя поддержку значительной части самого гражданства: многие союзы, более аристократическаго характера (Ritterzunfte), к которым принадлежали зажиточнейшие из граждан, уже высказались в пользу отозвания своих депутатов из большого и малаго комитетов. В ответ на это революционеры решили действовать силою, и 18 февраля 1482 г. двинулись на ратушу и вынудили у совета выдачу многих советников и городских чиновников, числом 31, которые были заточены. Но торжество победителей было непродолжительно: на другое же утро оказалось, что настроение общины изменилось вполне в пользу совета, и сами союзы помогли последнему освободить своих захваченных сочленов, после чего вожаки переворота были захвачены сами и в тот же день, без допроса и суда, после краткой исповеди обезглавлены в числе шести; из них Геммерсбах и еще один принадлежали к поясному цеху, остальные были рыботорговцы, ткачи и т. п. Спустя несколько недель был казнен также один из членов старинной аристократии родов, Вернер фон-Лискирхен, принявший жезл бургомистра из рук Геммерсбаха. После этой расправы, сопровождавшейся обычными изгнаниями и конфискациями имущества, устав 1396 г. был возстановлен в прежней силе, и авторитет совета еще усилился после подавления возстания.

Революция 1512 г.

Но возстановление власти совета в 1482 г. не было вместе с тем возстановлением единодушия между советом и общиною, и в 1512 г. разыгралась новая революция, более кроваваго характера, чем предыдущая. Жалобы на дурное управление, на тяжкие поборы, на нарушение личной свободы граждан не прекращались; совет обвинялся в множестве злоупотреблений и если он даже карал иногда своих собственных агентов за растрату общественных сумм и нарушение устава, своих сочленов за подкупы при выборах, то эти меры не удовлетворяли общественнаго мнения, а только подтверждали дурную репутацию всего городского правительства и оправдывали общее недовольство. Правители более всего заботились о сохранении за собою мест в совете и связанных с ними доходных должностей, и напрасно глас народа требовал от них публичнаго отчета в ведении городского хозяйства. Зловещие признаки приближающейся грозы заранее давали себя чувствовать: совету уже не раз приходилось издавать постановления, запрещавшия замыслы, совещания и соединения против него, или принимать меры к защите себя против нареканий. Степень озлобления против совета наглядно определяется тем фактом, что несколько лиц задумали прямо умертвить наиболее выдающихся «господ совета» и поджечь самый город. Исполнение этого плана не удалось, но скоро представился случай ускорить развязку: в 1512 г. при выборах цехового мастера в цехе каменотесов дело дошло до ссоры и драки; совет приказал отвести в тюрьму некоторых виновных, другие же бежали и укрылись в женском монастыре. Городские судьи (Gewaltrichter) вместе с несколькими советниками, в сопровождении вооруженной стражи, ворвались в пределы церковнаго убежища и осквернили его кровью, так как дело не обошлось без сопротивления. Такое нарушение личной неприкосновенно-

сти граждан в собственных жилищах и даже за церковными стенами возмутило всю общину, и цеховые союзы собрались на совещание. На этот раз совет тщетно пытался перемanить на свою сторону шерстяной союз (Wollenamt) и золотых дел мастеров: не довольствуясь словами, требованиями законных избраний в совет, понижения акцизов, представления отчета и т. д., цехи приступили к делу. С оружием в руках, захватив склад оружия и городския ворота, они осадили совет в ратуше и заставили его освободить арестованных каменотесов; затем цехи выбрали из своей среды новый «надзиравший» совет из 178 членов, скоро забравший в свои руки всю власть. Прежнему совету пришлось безусловно согласиться на все требования. В этой революции выступает на сцену низший элемент городского населения, буйная, озлобленная чернь, из которой преимущественно составился еще особый кружок или род комитета; массы разнуздались, начались насилия над членами павшаго правительства. Впрочем порядок был скоро возстановлен, и 7 января 1513 г. состоялись законные выборы новаго совета. Но дело еще не было кончено: последовал кровавый суд над бывшим советом, акт не правосудия, а жестокой партийной мести; суд был краткий, и признание вынуждалось пыткою; в одну неделю были казнены семь человек по приговору шеффенов за оскорбления и притеснения граждан, растраты, подкупы и пр. Казнены были оба бургомистра, три члена совета, бывший Gewaltrichter и казначей, пять раз бывший бургомистром. Новыя казни последовали еще позднее, и общественное настроение явствует из того, что ни один голос не поднялся в защиту казнимых; в народе ходило даже ни на чем не основанное подозрение, будто городские старейшины замышляли предать Кельн в руки французов, вследствие чего о них не только не жалели, но видели в их смерти Божию милость, избавившую город от большого несчастия. Новый совет, разумеется, был избран из лиц, угодных народу, и первым его делом было понижение акцизов, взамен чего была введена общая пошлина с имуществ в размере 100-го пфеннига со всех граждан. Городу пришлось уплатить большия деньги императору Максимилиану, который объявил казнь должностных лиц, совершенную без его утверждения, превышением власти и поручил имперскому суду преследование кельнскаго совета. Пришлось также удовлетворить некоторых родственников казненных, заявивших о своих правах перед императором, возвращением захваченных имуществ.

Результатом революции было *дополнение к уставу 1396 г.* в видах улучшения последняго. В силу этой дополнительной грамоты (трансфикс), которая 15 декабря 1513 г. была скреплена присягою и печатью, опять возстановлялся установленный в 1396 г. и затем сам собою исчезнувший комитет 44 депутатов, по два от каждаго союза, для содействия совету в важных случаях, и права этого комитета были расширены и выпукло выражены. Но мало этого: в некоторых случаях, напр., при введении новых и повышении прежних акцизов, требуется прямо согласие не представителей цехов, а их самих, вообще всей общины; за каждую четверть года денежные отчеты представляются особой депутации от цехов, по одному человеку от каждой Gaffel, и эти депутаты не должны быть членами совета; городская печать должна храниться под 23 ключами,—на каждый союз по одному и один в руках совета,—и употребление печати дозволяется только с согласия всей общины. Вообще грамота. 1513 г. развивает в более демократическом направлении принципы конституции 1396 г., стараясь обезпечить личную свободу и права граждан и установить контроль общины над советом, вследствие чего последний почти подчиняется цеховым союзам, тогда как в силу

прежняго устава существовало обратное отношение. Так, если в совете состоится пристрастное решение ко вреду отдельных граждан, то член совета, принадлежащий к заинтересованному союзу, если не приостановит решения своим протестом в совете, имеет право перенести дело на обсуждение своего союза, хотя, конечно, неосновательное обвинение совета и могущия возникнуть отсюда волнения признаются подлежащими наказанию. Также каждый гражданин, потерпевший от совета насилие или не добившийся от него правосудия, может обратиться с жалобою к своему союзу и, если это средство не поможет, ко всем союзам, которые тогда сообща решают, что нужно делать, и действуют сообразно необходимости. Наконец, тут же мы находим постановление, вполне соответствующее знаменитому английскому Habeas Corpus Acte 1679 г., именно: кельнский гражданин ни днем, ни ночью не может быть захвачен ни на улице, ни в своем жилище иначе, как после предварительнаго допроса (исключение допускается в случае, если факт преступления общеизвестен); после ареста обвиняемаго не должно силою вести в тюрьму, но должно приказать ему итти туда самому под клятвою. Только если содеянное преступление карается смертью или телесным наказанием, или если человек, которому приказано итти в тюрьму, забывает свою клятву, или же будет захвачен прямо на месте преступления, судьи совета немедленно могут арестовать его, но не иначе («und sonst anders nicht»). Но и после ареста человека нельзя держать в тюрьме долее, чем до ближайшаго заседания совета, на котором после допроса, произведеннаго тюремными смотрителями (Thurmmeister), дело решается по справедливости.

В таких чертах установилось городское управление в Кельне к началу XVI в. и в таком виде, без существенных изменений, продолжало действовать в XVI, XVII и XVIII вв. Несмотря на постепенный, прослеженный нами процесс *демократизации* городского самоуправления и на громадные, повидимому, успехи этой демократизации, выразившиеся в уставе 1396 г. и особенно в «трансфиксе» 1513 г., и в последующее время при демократических формах вновь возродился и удерживался прежний аристократический характер; благодаря правильному чередованию лиц при выборах, постоянно образовывался тесный кружок граждан, державших правление в своих руках; такая *олигархия* устанавливалась и в совете, и в политическо-ремесленных корпорациях и влекла за собою все те же неразрывно связанный с нею злоупотребления.

В похвальном слове Кельну Эгидия Геленуса (de admiranda magnitudine Coloniae), писанном в 1645 г., мы находим картину общественнаго и административнаго строя этого города в середине XVII в.: во главе республики стоят *6 бургомистров*, регулярно чередуясь в течение трех лет таким образом, что двое из них в течение года председательствуют в совете, а две прочия пары стоят во главе двух казначейств (Rentkammern). Совет попрежнему заключает в себе 49 членов, обновляемых на половину по полугодиям и выбираемых союзами цехов, исключая 7, составляющих остаток (Gebrech), избираемый самим советом (вместо прежних 13). Комитет 44 уже не упоминается; за то являются *22 знаменоносца* (Bannerherren), пожизненные предводители союзов, составляющие вместе особый совет (Bannerrath). Геленус называет их *народными трибунами*; они являются посредниками между советом и общиною и имеют право надзора за городским управлением вообще. Перечисление многочисленных городских должностей, судебных и административных, из коих важнейшия отбывались членами самого совета, дает понятие об обширной юрисдикции и полицейских

полномочиях последняго. Однако его судебная власть не простирается на университет, имеющий свои особыя привилегии, и на тяжкия преступления, влекущия за собою наказания «an Leib und Leben», т. е. телесное повреждение (в роде, напр., ослепления или отрезания языка), битье плетьми и смертную казнь; такия дела остаются подведомственными *суду шеффенов*, совет же наказывает тюремным заключением, денежными пенями, конфискациею имущества и ссылкою из города. Шеффены,—попрежнему в качестве светскаго суда архиепископа над гражданами, под председательством назначеннаго архиепископом вице-графа (греве), соединившаго в своей особе старыя должности бургграфа и городского фогта,—стоят независимо от совета, по крайней мере de jure, если не de facto. Греве и шеффены, как встарь, присягают перед архиепископом, и он утверждает шеффенов в их должности; число их уже не превышает 10 (с конца XV века),—но попрежнему им принадлежит право самопополнения. Гелениус, дающий нам это обстоятельное изображение городской конституции Кельна в середине XVII в., восхваляет ея мудрость и гармонию частей всего механизма; но эта хвала представляется весьма сомнительною при внимательном отношении к фактам: уже в период 1679—1686 гг. вновь вспыхнули в Кельне тяжкие внутренние раздоры из-за дурного управления и повели за собою кровавую катастрофу, напомнившую события 1513 года, и, спустя столетие, на самом рубеже новой эпохи в жизни Европы, в 1777 г. те же самыя причины вызвали хронический разлад между советом и гражданами, при чем первый неоднократно обращался за решением спора к императорской власти. Так продолжалось, пока наконец, французская революция не нанесла смертельнаго удара всем остаткам средневекового строя с его феодальною путаницей отношений, с его замкнутыми союзами и корпорациями, основанными на частных правах и привилегиях. Конец XVIII в. является и для Кельна концом средневековых порядков, на которых была построена его общинная жизнь.

Н. Аммон.

LXI. Ганза

Торговля Средиземнаго моря

Во второй половине средних веков торговля в западной Европе развилась в таких обширных размерах, что города с их купеческим и ремесленным населением заняли в обществе и государстве одно из выдающихся мест. До крестовых походов западная Европа была страной исключительно земледельческою. Сельское население отличалось самым простым, незатейливым образом жизни. Помещики, феодальные дворяне, безгранично господствовали на всем ея пространстве, и только в немногих местах зарождались незначительные городские центры, жители которых робко проявляли свое стремление к самостоятельному существованию. Только на окраинах нашей части света, преимущественно на юге, в нескольких пунктах, благодаря особым условиям, развилась более оживленная промышленная и торговая деятельность. Византийская империя, с ея столицею Константинополем, пользуясь Днепром и Дунаем, служила посредником между азиатскими странами и внутренними землями европейскаго материка; ту же роль играли богатыя культурныя поселения и государства арабов в Сицилии и на Пиренейском полуострове.

Крестовые походы нарушили установившийся строй западно-европейскаго феодальнаго общества. Сначала мирныя паломничества, а потом военныя предприятия привели в дви-

---

Пособия: Die Recesse und andere Akten der Hansetage von 1256—1430. B. I—II. 1870—1872. *Sartorius, G. F.*, Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hansa. Herausgegeben von I. M. Lappenberg. 2 B-de. Hamburg. 1830. *Barthold, F. W.*, Geschichte der deutschen Hansa. 3 Theile. Leipzig. 1854. *Schafer, Dietrich*, Die Hansestadte und Konig Waldemar v. Danemark. Hansische Geschichte bis 1376. Jena. 1879. *Falke, Iohannes*, Die Hansa als deutsche See-und Handelsmacht. *Schlozer, Kurt v.*, Verfall und Untergang der Hansa u. des deutschen Ordens in den Ostseelandern. 1853. *Denicke H.* Von der deutschen Hansa. Eine historische Skizze. 1885. *Schafer D.* Die Hansa und ihre Handelspolitik. Vortrag. Iena. 1885. *Iunghans, Wilhelm*, Ueber Schutzbundnisse und Wehrkraft der Hansa in 13 und 14 Iahrhundert. Historische Zeitschrift herausgegeben von H. v. Sybel. XIII B. 1865. *Gierke. Otto*, Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft. 1868. *Vanderkindere, Leon*, Le siecle des Artevelde. Bruxelles. 1879. *Riesselbach, Wilhelm*, Der Gang des Welthandels und die Entwicklung des europaischen Volkerlebens im Mittelalter. 1860. *Schwebel, Oskar*, Deutsche Burgerthum. 1883. *K. Th. von Inama-Sternegg*, Deutsche Wirtschaftsgeschichte. 2-er B. 1891. *Ianssen, Iohannes*, Die allgemeinen Zustande des deutschen Volkes beim Ausgang des Mittelalters. 1883.

жение всех западных европейцев. Страны восхода солнца, Левант, с их естественными богатствами и своеобразною культурой, произвели сильное впечатление на людей Запада и развили новыя потребности среди простодушных сельских жителей самых дальних уголков Англии, Франции, Германии и Скандинавии. Торговля и промышленность, с полными кипучей жизни городскими центрами, получили во время крестовых походов сильный толчек к более разностороннему развитию. Дело торговаго обновления начали итальянские города: Венеция, Генуя, Пиза, обратившиеся, минуя Константинополь, к тем приморским пунктам Востока, которые при помощи караванов имели непосредственную связь с Дамаском и Багдадом и получали произведения дальней Индии.

Вскоре итальянския конторы появились на берегах Чернаго моря, при устьях Днепра, на Крымском полуострове и на Азовском море; там велась торговля с южною Россией, Кавказом, Арменией и Персией. В Африке мусульманские повелители Египта, Туниса, Алжира и Марокко открыли для итальянцев рынки своих владений. Прилив разнообразных произведений роскошной природы и высоко развитой промышленности Азии и Африки возбудил соревнование. Барселона, Нарбонна, Монпелье, Марсель последовали заманчивому примеру своих итальянских соседей, и Средиземное море сделалось средоточием обширной и оживленной торговли. Продукты Севера и Юга стали обмениваться на приморских рынках Италии, Франции и Испании, и дух промышленной предприимчивости пробудился в западной Европе, распространяясь все дальше и дальше по направлению к морям Северному и Балтийскому с их суровою природой и не менее суровыми обитателями. Эти моря, столь чуждыя античному Югу, начали постепенно выступать на первый план и получили в конце эпохи крестовых походов всемирное значение.

Торговля Балтийскаго моря

Балтийское море во второй половине средних веков приобрело в торговых сношениях народов важность не меньшую, чем Средиземное. Хотя оно уступало своему южному сопернику в обширности, в богатстве прилегающих земель и в благорастворенности климата, но зато обладало и весьма серьезными преимуществами. Могучия реки, орошающия десятки тысяч квадратных миль плодородной земли, изливали в него свои воды и служили прекрасными путями сообщения: жители его побережий принадлежали к числу самых трудолюбивых и предприимчивых обитателей Европы; на судах, плававших по Балтийскому морю, перевозились грузы, состоявшие из предметов первой необходимости, потреблявшихся в больших количествах и потому дававших значительныя выгоды как производителю, так и купцу. Хлеб, лес, металлы, рыба, воск имели важность не только для соседних народов, но и для самых отдаленных стран Юга и Востока.

Сношения между Югом и Севером велись различными путями, как на море, так и на суше. Обе главныя дороги европейской торговли, направлявшиеся от запада к востоку, т. е. моря Балтийское и Немецкое на севере и Средиземное на юге, связывались несколькими промежуточными путями, из которых главный соединял Германию со Средиземным морем. По этой дороге немецкие купцы, отправившись из Венеции, важнейшаго складочнаго пункта, пройдя Бреннер, пересекали Альпы, и потом одни из них ехали по Изару и Дунаю в Вену, другие по Леху направлялись к Аугсбургу и Нюренбергу, богатым промышленным центрам Германии, откуда дорога вела по Рейну через Кельн в Нидерланды и Фландрию с их могущественными фабричными городами. Другой, более удобный путь, хотя и менее по-

сещаемый, шел от Лионскаго залива, по Роне и Соне, на север, потом он разделялся на несколько ветвей; самая важная из них залегала по течению Мозеля и Рейна и оканчивалась у Немецкаго моря; главнейшим городом на ней был богатый Кельн. Кроме отмеченных выше речных и сухопутных дорог, существовала и морская от Гибралтарскаго пролива по океану и Ламаншу. Брюгге во Фландрии был главным узлом, в котором тогда сосредоточивались торговыя дела почти всех стран западной Европы; он лежал на пороге Германии и Франции лицом к лицу с Англией и был посредником между южными и северными странами. Итак, наша часть света уже в те отдаленныя времена была покрыта целою сетью дорог, пересекавшихся под прямым углом, и по ним двигались со своими товарами, завоевывая себе независимое положение, новые люди, выдающиеся представители средняго сословия, оборотливые и неутомимые купцы.

Средневековой купец

Купец средних веков резко отличался от торговаго человека нашего времени. Стоит вспомнить, с какими затруднениями и препятствиями ему приходилось бороться: дороги отличались крайне дурными качествами; о содержании их почти никто не заботился: так, английский король Эдуард III сам признает, что в окрестностях Лондона почти невозможно было проехать по главной дороге; через многия реки приходилось переправляться, за отсутствием мостов и паромов, вброд; везде купцам угрожали опасности со стороны разбойничавших дворян; каждый владетель на своей земле устраивал заставы для сбора различных пошлин, от которых часто не спасали даже пропуски, данные королями и самим императором; некоторые феодалы придумали особое средство для увеличения поборов: они навязывали купцам вооруженную охрану под видом защиты от грабителей, но, разумеется, за хорошую плату. Всякое судно, потерпевшее крушение на берегу моря или реки, всякая повозка, колесо которой сломалось на улице чужого города, становились вместе с товарами собственностью владельца той территории, где случилось несчастье. Не удивительно, что средневековой купец становился энергическим, воинственным и неутомимым человеком и преследовал свои личныя дела с жестокостью и исключительностью. Он не останавливался ни перед чем, чтобы сохранить за собою плоды чрезвычайных усилий. С оружием в руках купцы странствовали по дорогам, образуя иногда целые караваны и сражаясь с врагами не менее искусно, чем самые закаленные в боях рыцари. При подобных условиях торговые люди того времени не были в состоянии вести мелкие обороты, и только крупные купцы могли устоять в борьбе с препятствиями и, таким образом, пользуясь значительными барышами, накопляли громадныя богатства. В средние века эти могущественные двигатели торговли господствовали в городах и часто приобретали значительное политическое влияние. Но как купцы, так и города для осуществления своих промышленных задач и для защиты своего благосостояния, не находя поддержки в крайне слабой государственной власти, прибегали к самозащите и соединяли отдельныя силы для общаго дела, образуя купеческие общества и союзы городов. Из всех средневековых городских союзов особенную известность приобрел так называемый ганзейский, оказанной громадное влияние на жизнь западноевропейскаго общества.

Происхождение Ганзы

Если взять Новгород на востоке, Лондон на западе, Берген в Норвегии на севере, то, на всем пространстве между этими тремя пунктами, в XIV и XV столетиях, влияние союза

нижне-немецких городов, известнаго под названием Ганзы, чувствовалось не только в делах торговых, но даже и в политических. Вдоль Немецкаго и Балтийскаго морей по низовьям Рейна, Эмса, Везера, Эльбы, Одера, Вислы и Западной Двины, кончая устьями Наровы, и при том довольно далеко внутрь страны, многочисленные города входили в состав торговаго братства, гордившагося господством на морях и на суше. Ганзою называлось купеческое товарищество, известным образом организованное, и это наименование показывает, что купцы руководили неограниченно делами этого союза, направляя его действие на преследование исключительно торговых целей. Среди ганзейских городов, управляемых могущественным и богатым купечеством, особенно выдавались: Амстердам, Кельн, Бремен, Гамбург, в области Немецкаго моря, и Любек, Вендские города, Данциг, Рига, Висби на острове Готланде, в бассейне Балтийскаго моря, и Магдебург с Бреславлем в глубине германской земли.

В XIV столетии во время полнаго упадка центральной государственной власти, когда раздробленная Германия утратила всякое влияние в западной Европе, северные немецкие города образовали грозный союз, состоявший более, чем из 90 городских общин, и приобрели таким образом всемирно-историческое значение. Происхождение знаменитой купеческой федерации не может быть точно определено, оно не приурочивается ни к какому известному году или событию; связи, соединявшия многочисленные города нижней Германии, для достижения торговых выгод, росли и крепли незаметно; но с особенною силой могущество Ганзейскаго союза проявилось в последния два столетия средних веков, начиная со времени борьбы этого купеческаго братства с королем датским Вальдемаром IV. Если нельзя указать хронологической даты, когда возникла Ганза, то можно с достоверностью определить, каким путем создался столь славный в истории немецкий торговый союз. Ганза произошла из слияния двух, первоначально самостоятельных, течений. В средние века для защиты слабых от притеснения сильными единственным средством служило соединение слабых в прочно организованныя общества. Торговая и промышленная деятельность для охраны своих интересов стремилась к учреждению двоякаго рода союзов. Так, немецкие купцы на чужбине основывали тесно сплоченныя товарищества, носившия названия гильдий или ганз, а на родине, у себя в Германии, устраивали городские союзы; когда общества купцов и городские союзы всей северной Германии сблизились и, тесно соединившись, составили одно целое, тогда на почве западной Европы появилась Великая Немецкая Ганза.

В четырех важнейших торговых центрах северной Европы утвердились богатыя Ганзы нижне-немецких купцов. Лондон, Брюгге, Висби и Новгород издавна привлекали предприимчивых торговцев, преимущественно из Германии. Прежде всего немецкие купцы основали свои конторы в Лондоне, на западе, и на острове Готланде, на востоке, и уже потом в двух остальных пунктах. Для уразумения начальной истории Ганзейскаго союза эти поселения немцев за пределами родины возбуждают большой интерес, знакомя нас с особенностями характера людей, основавших знаменитое купеческое братство.

Стальной двор в Лондоне

В законах англо-саксонскаго короля Этельреда, около 1000-го года, мы встречаем упоминание о подданных римскаго императора, прибывших на собственных кораблях в Англию. Лондоне. Этим пионерам немецкой торговли король даровал значительныя льготы. Почти одновременно с германскими купцами явились в Лондон и нидерландские торговые

люди и тоже там утвердились. В этих двух чужеземных поселениях на английской почве преобладали горожане Кельна и Брюгге. Фландрская ганза не могла соперничать с немецкой, и торговая колония немцев, так называемый Стальной двор в Лондоне, сделалась средоточием всей торговли Англии с другими землями Европы. Пока в Лондон приезжали купцы исключительно с берегов Севернаго моря, первенства Кельна никто не оспаривал, но в XIII столетии принимают участие в торговле с Англиею города, лежащие на Балтийском море, в особенности Висби и молодой предприимчивый Любек. Сначала балтийские немцы получили отдельныя привилегии, но скоро, благодаря сознанию общих интересов, отбросив все соперничества, горожане Любека, Гамбурга, Висби, Кельна и других немецких торговых центров соединились вокруг Гильдейской палаты, основанной кельнскими горожанами и упоминаемой еще в 1157 году. Большое поселение, получившее—неизвестно, почему—название Стального двора, впоследствии приобрело прочное устройство и составило на берегу Темзы правильно организованное товарищество немецких купцов; до нас дошли уставы Стального двора, которые рисуют яркими красками процветание немецкой колонии в Лондоне. Строго обособленный Стальной двор в Англии напоминал маленькое самостоятельное государство и представлял своеобразное общество людей, подчиненных строгой, почти монашеской дисциплине. В амбарах и узких переходах, в отдельных залах и комнатах Гильдейской палаты и прилегающих к ней зданий толпились хозяева и приказчики, принадлежавшие к различным городам Германии; через узкия ворота под их наблюдением, мимо вооруженной стражи, тянулись обозы с товарами, предназначенными для помещения в громадных складах немецкаго двора. На далеком разстоянии вдоль берега стояли прикрепленные канатами и цепями многочисленные морские корабли. Число купцов было так велико, что вокруг Гильдейской палаты образовались многие переулки, заселенные немецкими торговцами. «Большая Зала» служила местом собрания всех купцов; там же совершались их общия трапезы; «Советская комната» была предназначена для старшин, творивших суд. В башне хранились грамоты, привилегии и драгоценности. Крепкия стены окружали Стальной двор с его богатствами и оживленной деятельностью. Во главе общины стоял старшина—ольдермен, избиравшийся ежегодно из числа немецких купцов; он решал дела в обществе с 2 заседателями и 9 выборными. Этот совет двенадцати вершил дела без всякаго вмешательства английских судов, не руководствуясь английскими законами.

Ганзы в Брюгге, Висби и Новгороде

Немецкие купцы добыли себе во Фландрии первыя привилегии в 1252 году. Они основались в Брюгге, главном торговом центре тогдашней Европы,—переговоры вели с графинею Маргаритой любекской советник Герман Гойер и гамбургский нотариус совета Гордан фон-Бойценбург, действовавшие в качестве уполномоченных от лица всех купцов Римской Империи, торговавших в Брюгге. На время успехи германской ганзы в Брюгге задержались столкновением иноземных купцов с богатым городом, но потом наступило примирение, и Ганза, пользуясь широкою свободой и благосклонным покровительством своих хозяев, образовала могущественную корпорацию. Торговая община в Брюгге делилась на 3 части: горожане саксонские и вендские группировались под охраной Любека, уроженцы городов Вестфалии и Пруссии подчинялись руководству Кельна, а немцы с острова Готланда и из Ливонии признавали преобладание города Висби. Ежегодно немецкое купечество в Брюгге избирало для управления делами 6 старшин-ольдерменов.

При первом взгляде на карту, легко заметить, что остров Готланд лежал в самом средоточии торговой части Балтийскаго моря. Почти в равном разстоянии от него находятся устья рек Травы, Невы, Вислы, проток, ведущий в озеро Мелар, пролив Зунд и Рижский залив. Мореплаватели того времени, боязливо придерживавшиеся берегов и страшившиеся далекаго открытаго моря, должны были постоянно наталкиваться на этот срединный остров и заходить в его безопасные заливы. Таким образом, Готланд и его могущественная столица Висби получили господство над всем Балтийским морем. Громадные остатки церковных построек и крепостных сооружений, сохранившихся от средних веков в окрестностях современнаго Висби, ясно показывают, каким значением пользовался встарину этот город. С давних пор рядом со шведским населением утвердились на Готланде и немецкие колонисты; совет Висби состоял из готов и немцев, языки готский и немецкий пользовались в северной общине равными правами. Главная церковь города была построена немцами. За первыми колонистами последовали купцы из разных германских городов и основали крепкое товарищество, отличавшееся энергичной деятельностью. Ганза Готланда проникла далеко на восток, заключала договоры со смоленскими князьями, прошла по старинному скандинавскому пути через Неву, Ладогу и Волхов в Великий Новгород близ Ильменскаго озера и основала там немецкий двор.

Городские союзы

В самой Германии началось другое движение: там параллельно с выселениями купцов на чужбину замечалось стремление городов к образованию союзов. Разбойничьи набеги соседних дворян, междоусобия князей и другия причины, скрывавшияся в неустройстве государственной и общественной жизни, заставляли города заключать между собою договоры и союзы. На всем пространстве обширной германской низменности, от Эстляндии до Голландии, в XIII и XIV столетии возникали в разных местах отдельные городския группы, сначала слабо связанныя и легко распадавшияся. В этих местных соединениях городских общин можно видеть первыя попытки сближения; горожане привыкали понемногу обсуждать общия дела на особых съездах и устраивать общия предприятия. На дальнем запада, в Голландии, входившей тогда в состав Германскаго королевства, группа нидерландских городов, в числе которых были Девентер, Утрехт, Амстердам и другие, связала себя договорами. Несколько далее внутри страны предприимчивые рейнско-вестфальские города образовали весьма деятельный союз: стоит вспомнить имена Кельна, Дортмунда, Мюнстера и других, чтобы признать важность этих городов, удаленных от моря, но сильно влиявших на развитие немецкой морской торговли. На нижнем течении Везера и Эльбы поместились так называемые вендские города: Росток, Висмар, Штральзунд и Грейфсвальд, к которым можно причислить также и Бремен, Гамбург и Любек. За приморскими вендскими городами следовали внутри страны незначительныя городския поселения Бранденбургской марки, как, например, Берлин, и дальше более богатые саксонские города Магдебург, Ганновер, Гильдесгейм, Гослар и Брауншвейг. На востоке быстро возвышались в Пруссии городские центры тевтонскаго ордена, особенно Торн, Данциг, Эльбинг и Кенигсберг и, наконец, в Лифляндии и Эстляндии Рига, Дерпт, Ревель и Пернов. Из всех договоров, заключенных городами, особенно важен подписанный 1241 году уполномоченными Любека и Гамбурга, этих представителей торговых интересов морей Балтийскаго и Севернаго.

Общая ганза вокруг Любека

В конце XIII века были отдельныя ганзы, существовали частныя соединения городов в известной местности, но не было одной общей немецкой Ганзы. Процесс образования знаменитаго союза городов нижней Германии связан с возвышением Любека, оттеснившаго от руководительства и Кельн и Висби. Кельн являлся представителем интересов купцов, торговавших на Северном море в Лондоне и Брюгге, Висби приобрел на Балтийском море такое же влияние. Оба города опирались на деятельность купеческих общин, основавшихся за пределами Германии; Любек поддерживал стремление тех городов, из которых купцы направились за границу. В интересах Любека было усилить влияние городов, и под руководством выдающихся вождей Любека отдельные союзы городов слились в один общий союз, подчинивший все ганзы вне Германии своему контролю; некогда вольныя общества немецких купцов, превратились в ганзейския конторы, и немецкая торговля приобрела господство во всей северной половине Европы. Ганза покрыла целою сетью договоров, заключенных в течение XIV и XV столетий, обширное пространство от Пиренейскаго полуострова до гранитных берегов Финляндии. Эти договоры отличались различными свойствами, как по содержанию, так и по своей обязанности, но все они были проникнуты одним стремлением открыть немецкому купцу новые пути к мирной и выгодной торговле. Вначале даются незначительныя права; владелец гарантирует безопасность личности и товаров от разбойничьих нападений, обещает со стороны законов страны охрану и отменяет различныя стеснения, которым в средние века подвергалась торговля. Понемногу права ганзейцев расширялись, и конечною целью городской торговой политики являлось прочное поселение купцов, возникала ганзейская контора. В результате оказывалось, что ганзейский купец в чужой страна пользовался большими правами, чем все остальные чужеземные и туземные купцы. Во второй половине средних веков Балтийское море сделалось ганзейским морем; корабли скандинавов исчезли, русские, приезжавшие на остров Готланд и в Любек, перестали туда появляться; англичане и шотландцы не решались больше проникнуть через Зунд.

Молодой союз уже в XIV столетии доказал свою жизнеспособность, и члены его могли тогда убедиться в полезности соединения в одно могущественное целое отдельных сил, слабых в разрозненном виде. На берегах Балтийскаго моря появился враг, в высшей степени опасный для ганзейской торговли; это был король датский Вальдемар IV, получивший престол при помощи ганзейских купцов. Подобно Казимиру Великому в Польше, Карлу IV в Чехии, Карлу V Мудрому во Франции и Эдуарду III в Англии, этот энергический и честолюбивый их современник занялся возрождением своего государства и возстановлением прежняго могущества. В своем стремлении к господству на Балтийском море Вальдемар столкнулся с могущественною Ганзой, и война между соперничающими сторонами разгоралась с большим ожесточением. Первоначально победа склонялась в пользу Дании, и Вальдемар IV покорил остров Готланд. Под давлением неблагоприятных событий ганзейские города сознали необходимость единения, сплотились крепче, и союз их получил тогда ту организацию, которая отличала его от других городских союзов средних веков. 19 ноября 1367 года в большой зале ратуши города Кельна собрались, по предложению нидерландских и вендских городов, представители 77 членов союза. Кельнская конфедерация постановила вести с Вальдемаром решительную войну, и все города были обложены значитель-

ным денежным сбором и обязывались выставить определенное число кораблей и воинов. Дания была подвергнута торговой блокаде, и каждый город, не исполнявший требований конфедерации лишался всякаго общения с другими городами, утрачивал все права и привилегии, которыми пользовалось немецкое купечество. Кельнская конфедерация окончательно закрепила ганзейский союз, и Вальдемар IV, побежденный немецкими купцами, должен был смириться. Ганза добилась не только свободы торговли для своих членов, но даже временнаго политическаго преобладания на Севере Европы. Через 10 лет после смерти великаго датскаго короля, сломленнаго судьбою, утратившаго надежду на исполнение своих заветных планов, на большом ганзейском сейме в Любеке мы встречаем его дочь, королеву Маргариту, знаменитую объединительницу скандинавских государств, короля шведскаго Альбрехта, герцога Эриха Саксен-Лауенбургскаго и послов герцога Бургундии и графов Фландрии и Голландии. Все эти государи, князья и послы искали поддержки и содействия всесильной Ганзы.

Состав Ганзы

Могущественный городской союз, добивавшийся неограниченной власти в торговых сношениях на 2-х морях, по своему устройству не представлял однако чего-нибудь прочнаго, строго оформленнаго; Ганза не имела писаных законов, отдельные ея члены не были связаны формальными договорами. Основою всех общих действий Ганзы была свободная воля ея членов; каждый город мог безпрепятственно отрешиться от союза, и никто не мог заставить непокорнаго члена этой своеобразной федерации подчиниться общим требованиям. Единственным принудительным средством, единственным наказанием было исключение из союза. Членами ганзейскаго союза были все те общины, которыя желали к нему присоединиться и получали на это согласие всей Ганзы. Первоначально носителями преданий и духа объединяющаго союз, были купеческия гильдии, потом, в эпоху процветания Ганзы, происходит дружное и тесное соединение гильдий и городов и, наконец, во время упадка, когда живое дело стало устраняться, единственными решителями судеб сделались города.

Но во все времена ни один ганзеец не мог с достоверностью сказать, из скольких членов состоит его союз в данный момент, потому что, когда Ганза процветала, она не отличалась стремлением к исключительности и заботилась о большем расширении союза; она причисляла к нему все нижне-немецкие города, всех горожан саксонскаго и фризскаго племен. Могущественные центры торговли и промышленности и самые незначительные города обладали равными правами, как на родине на сеймах, так и за границей в пользовании добытыми Ганзой вольностями и привилегиями. Сначала даже не было формальнаго принятия в члены союза; только к концу XV столетия вступление в союз было обставлено известными формальностями, и замечалось стремление ограничить число его членов и даже произвести разверстку существующих членов, разделив их на полноправных и неполноправных, при чем последние не принимали участия в сеймах. Благодаря такому характеру союза, рядом с большою Ганзой существовали отдельныя группы городов по местностям, преследовавшия свои местный цели, отличавшияся более частным характером. Итак, очевидно, что даже кельнская конфедерация, вызванная логикой событий и требованиями неотложных интересов, имела значение чисто-фактическое, и Ганза могла существовать, только пока эти интересы не прекратились и пока не изсякли выгоды, доставляемым единением.

Съезды и постановления

Прусские города весьма точно охарактеризовали связь, существовавшую между членами Ганзы, в своем ответе на предложение заключить более тесный союз вместо кельнской конфедерации, срок которой истекал: «Во всем, что касается купечества и мореплавания, союз между городскими общинами должен продолжаться десять или более лет. Каждый город обязан заботиться о благе своих соседей, как это постановлено в Кельне. Если бы, да сохранит от этого Господь, между городами, пользующимися общими купеческими правами, возникли раздоры, то распря должна быть примирена советом соседних городов». Хотя и после кельнской конфедерации трудно говорить о правильном устройстве управления Ганзы, но во всяком случае со времени удачной войны с Данией жизнь Ганзы приобрела более прочныя формы. Общия собрания происходили в известные сроки; ежегодно, а иногда и чаще, начали съезжаться представители, если не всех, то по крайней мере вендских городов. Летния собрания в Иванов день сделались обычным съездом представителей всей Ганзы, прибывавших из разных стран. Понемногу города, лежавшее не у морского берега, отстали, и вестфальские города, прежде игравшие значительную роль, были заменены на съездах прусскими, лифляндскими и нидерландскими. Число членов часто менялось и колебалось от 70 до 100. Во главе стоял Любек. Все города делились вначале на три трети, а потом на четыре четверти; к первой принадлежали вендские и некоторые другие ближайшие города, ко второй—нидерландские, и вестфальские под предводительством Кельна; третья четверть была составлена из городов саксонских и бранденбургских; тут первое место занимал Брауншвейг. Данциг стоял во главе прусских и лифляндских членов союза. Ганзейские города управлялись родовитою аристократией. Во главе общины стоял совет из 12—24 ратманов. Совет сам избирал своих членов из знатных родов. Бургомистры назначались советом из его среды числом от 2 до 4. При этих условиях Ганза относилась крайне враждебно ко всем демократическим цеховым движениям, волновавшим города в XIV веке. Представителями отдельных городов на съездах могли быть только ратманы (члены городского совета), т. е. самые выдающиеся деятели; чаще всего являлись бургомистры. В исключительных случаях их заменяли городские писцы—секретари, но они, присутствуя при совещаниях, не имели права голоса для решения дел. Вследствие значительных издержек и трудностей дальняго путешествия, не было почти ни одного съезда, на котором бы присутствовали депутаты от всех участников союза. Часто представитель одного города получал полномочия от нескольких соседних. На съезде обсуждались все вопросы, касавшиеся общих дел нижне-немецкаго купечества. Благодаря обширности торговой области Ганзы, кругозор этих городских политиков был весьма значителен, и в разработке сложных вопросов они не уступали ни одному правительству того времени. Всякое решение было обязательно даже для всех отсутствовавших, поскольку оно касалось общих купеческих дел, но политические договоры, заключаемые союзом, не могли налагать никаких определенных обязательств на отдельных его членов. Ганза, как целое, приобретала привилегии, издавала распоряжения, касавшияся торговли, регулировала дела всех купцов, к ней принадлежавших, как в Германии, так и за границею, назначала ограничения торговых сношений во время военных действий, но ни разу она не объявляла и не вела войны от имени всего союза. Каждый отдельный город заключал договоры и воевал самостоятельно. Участие в общих действиях было добровольное; только в торговых репрессалиях все обязаны были участвовать. Кто не соглашался подчиниться в этом отношении решениям ганзейских сеймов, тот

мог быть исключен из союза.

Постановления ганзейских сеймов записывались в виде вначале краткаго, а впоследствии более подробнаго протокола заседаний. Со второй половины XIV века эти записи назывались рецессами. С самаго начала Ганзы и до конца ея существования первое место принадлежало вендским городам; они руководили политикою, созывали съезды, определяли вопросы, но подготовка дел, при личном участии тех или других граждан, нам мало известна. Яков Плескоф и Брун Варендорп в Любеке, Арнольд Крепелин в Ростоке, Бертрам Вульфлам в Штральзунде, повидимому, пользовались влиянием, но мы не можем их представить себе как ярко очерченныя, вполне определенныя личности; имена их постоянно встречаются в протоколах, но без всяких характеризующих их деятельность деталей. Город на Траве почти всегда был местом общих собраний, и потому Любек вел значительную часть переписки, сохранял в своих стенах ганзейский архив и считался главою союза. Хотя главенство Любека имело чисто фактическое основание и возбуждало протесты со стороны могущественнаго Кельна, но руководство его было настолько выгодно для прочности союза, что все безпрекословно ему подчинялись. В сознании ганзейцев Любек не только на деле, но и по праву, считался главным городом; подобное же положение занимали города, вокруг которых группировались трети или четверти.

Финансы составляли слабую сторону в организации союза. Отдельные города и округи собирали, хранили и расходовали суммы, причитавшияся по разверстке на их долю; общей ганзейской казны не было. Результатом такого хозяйства были запутанные расчеты и невозможность определить, что принадлежало Ганзе и что было собственностью ея отдельных членов.

Образ жизни

Для охраны общих торговых интересов ганзейские купцы как во время плавания, так и во время пребывания на чужбине жизни, подвергались самой строгой дисциплине. Не только в Стальном дворе в Англии, но даже в бергенской конторе в Норвегии, одной из менее обширных, купцы жили отдельными дворами, которые составляли два церковные прихода. Каждый двор был окружен забором или стеною и заключал в себе, кроме главнаго здания, еще товарные склады. Каждый имел свое особое название и особую вывеску, на каждом дворе жило пятнадцать семейств или застольных товариществ. В состав семейства входили: купец-мастер, приказчики и ученики. Домохозяин пользовался в семье неограниченною властью, распоряжался слугами, работниками, ремесленниками, заботился об их содержании и отвечал за их поведение. Общими делами двора заведывал выборный старейшина. В длинных зданиях помещались: в нижнем этаже—лавки и склады, в верхнем—жилыя комнаты и спальни. Особый каменный дом, расположенный в глубине двора в нижнем этаже заключал в себе кладовыя для дорогих товаров, в верхнем же находилась общая зала, в которой зимою проводили время и собирались все семейства. Вдоль стен залы расположены были очаги отдельных семейств, на них готовилось кушанье, они же согревали всю залу. На ночь каждое семейство возвращалось в свою спальню. Для охраны от воровства двор оберегали вооруженныя стражи и огромныя собаки, которых вечером спускали с цепи. В этих купеческих поселениях все было строжайшим образом урегулировано: время для работы и для отдыха, для еды и для питья, для собраний; всякий, нарушавший правила, подвергался строгой каре. Всех дворов считалось 21, и во второй половине XV

века в конторе жило 2-3 тысяч мужчин. Ни одна женщина не допускалась в контору и всякий, вступавший в брак, лишался навсегда права быть членом конторы.

Чтобы сделаться полноправным гражданином этой купеческой республики, нужно было прожить не менее десяти лет в Бергене и проделать всю суровую школу, начиная со звания ученика. В постоянной борьбе с негостеприимным морем, среди неприветливой горной страны, под гнетом строгих законов и тяжелаго труда, воспитывались в бергенской конторе те неутомимые торговые дельцы, которые доставляли немецкому купечеству господство на всем Севере.

Предметы торговли

Для того, чтобы вполне уразуметь влияние Ганзы на жизнь средневековой Европы, следует несколько остановиться на главной деятельности ганзейцев, обратить внимание на то, что составляло сущность помыслов и стремлений нижне-немецких купцов, т. е. на ганзейскую торговлю. Из двух главных путей, по которым двигалась эта торговля, первое место занимал тот, конечными пунктами котораго были Брюгге и Новгород. Из России немецкий купец через Новгород вывозил дорогие меха—бобров, соболей, горностаев, кожи, медь и воск; предметом ввоза были шерстяныя и шелковыя ткани, полотно, обувь, пиво, металлические и галантерейные товары. В Брюгге во Фландрии шли товары, при посредстве ганзейцев, из северных стран: из Швеции лес, камни для построек и железо, а также часть меди, добываемой из фалунских рудников, разрабатывавшихся любекскими горожанами; из остзейских земель на ганзейских кораблях привозился хлеб; из Норвегии и Скании сельди и треска. В обмен на произведения северной природы при посредстве Ганзы развозились из Брюгге по землям, прилегавшим к Балтийскому морю, дары Юга и Востока: прованское масло, вина, пряности, благовония, шелковыя ткани и различные предметы роскоши; сама Фландрия отпускала ганзейцам знаменитыя в средние века сукна, произведение ея больших фабричных городов.

Другое течение ганзейской торговли заканчивалось в Лондоне. Туда ганзейцы перевозили на своих кораблях французския вина, венецианския шелковыя материи и различныя произведения нидерландских и немецких фабрик; Англия производила тогда только сырье; а на обратном пути нагружали суда английскою шерстью, добывавшеюся в громадном количестве; эта шерсть попадала в Фландрию и перерабатывалась в тонкая сукна. Меньшею важностью отличались сношения с Шотландией и Ирландией, с Брабантом и Францией, хотя знаменитыя ярмарки ея ганзейские купцы правильно посещали.

Хотя ганзейские города преимущественно служили посредниками между различными европейскими государствами, однако этим обменом чужеземных произведений торговля их не ограничивалась; она должна была повлиять на развитие в нижне-немецких городах местной промышленности. В Любеке было в то время вдвое больше булочников, чем теперь. Пивоваренные заводы вырабатывали громадное количество пива, в особенности славилось пиво гамбургское и ростокское. Почти все города от Ливонии до устьев Везера были окружены обширными насаждениями хмеля, в одном Гамбурге в XIV столетии было 500 пивоваров; из них 126 изготовляли пиво исключительно для Амстердама. Не только представители изящной промышленности, как-то: золотых дел мастера, живописцы, скульпторы доставляли ганзейским городам славу и богатство, но и многие более грубые ремесленники,

как, например, сапожники и столяры, сбывали произведения немецкаго труда на дальний Север с его неискусным в ремеслах населением.

Все разнообразныя производства сосредоточивались в известных местностях, образуя целыя улицы и городские кварталы, заселенные мастерами, составлявшими правильно организованные цехи. Эти ремесленники обогащали Ганзу, но не принимали никакого участия ни в городском управлении, ни в союзных делах.

Упадок Ганзы

В конце средних веков в судьбе ганзейскаго союза произошел поворот к ухудшению, и вследствие многих причин некогда могущественная городская федерация стала клониться к упадку. Сама природа оказалась враждебною ганзейским купцам. Сельди, которыя ловились в громадном количестве на юге Швеции и отличались превосходными качествами, изменили путь своего следования и направились к берегам Немецкаго моря. Когда в 1425 году купцы и рыбаки ганзейских городов по обыкновению явились осенью для ловли сельдей к берегам Швеции, то оказалось, что почти все сельди исчезли, и немецкия суда вернулись на родину без груза. Значительная прибыль, доставляемая ловлею сельдей, пришлась теперь на долю голландцев и фламандцев, зато ганзейские приморские города потерпели громадные убытки; не только купцы, но и ремесленники пострадали, так как тысячи рабочих людей, занимавшихся солением и упаковкою сельдей, остались без занятий. Открытие Америки и морского пути в Индию изменило направление торговли. Ганза, благодаря косности правителей купцов, не сумела приспособиться к новым условиям, и торговое значение ея начало переходить к голландским, португальским и испанским морякам и купцам. Понемногу на сеймах в Любеке можно было замечать, как редеют ряды некогда могущественнаго союза: там уже не было нидерландских депутатов, города, их посылавшие, из друзей превратились во врагов. Немецкий орден поссорился с Ганзой, и прусские города перестали участвовать в ея делах. Усилившаяся власть отдельных территориальных князей в Германии препятствовала городам, лежавшим в их владениях, принадлежать к чуждому союзу.

Возвышение герцогов бургундских, укрепление национальнаго сознания в скандинавских государствах, энергичная политика Тюдоров в Англии,—все это подрывало жизненныя нити союза; но первый решительный удар ганзейской торговле был нанесен на крайнем Востоке. Великий князь Московский Иоанн III уничтожил самостоятельность Новгорода, закрыл ганзейскую контору и изгнал ганзейских купцов из русской земли. От этого удара Ганза никогда не могла поправиться. В 1630 г. великий городской союз германских купцов и городов прекратил свое существование вследствие отпадения всех его членов, переставших посещать сеймы.

В. Михайловский.

LXII. Пржемысл II

Чехия в XIII веке

XIII-ое столетие представляет собою начало новой эпохи в чешской истории. Чешское государство пережило тяжелый период домашних неурядиц между членами княжескаго рода из династии Пржемыслов, благодаря которым к концу XII в. оно очутилось почти на краю гибели,—и теперь оно снова приобретает внутреннюю силу и крепость, а также получает вес и значение среди иностранных государств; оно даже становится на время первенствующим в средней Европе. Но что особенно важно, с этих пор меняется внутренней облик Чешскаго государства: начинается переворот во всех правовых, социальных и национальных отношениях, и этот переворот имел громадныя последствия во всей последующей жизни государства. Это двоякое развитие—рост границ, силы и блеска с внешней стороны и переворот в государственном устройстве с внутренней—достигает своей наивысшей точки в правление короля Пржемысла II (1253—1278). Поэтому 25-летнее правление этого государя составляешь один из замечательнейших периодов чешской истории; притом, интерес, естественно возникающей отсюда, усиливается еще самою личностью и трагическою судьбою короля, который сразу вознес свое могущество на великую высоту, но затем также сразу был приведет, к страшному падению.

В начале XIII в. Чешское государство заключало в себе Чехию, Моравию и Лужицу, которую однако Пржемысл II в начале своего правления уступил в ленное владение Оттону бранденбургскому. К Чехии в то время принадлежала также Кладская область, а на юге Виторазская (в нынешней нижней Австрии), к Моравии же нынешняя Опавская область с

Пособия: Важнейшим трудом об эпохе Пржемысла считается статья Палацкаго в его «Истории»—с чешской точки зрения; затем, соч. *Лоренца*: «Geschichte Konig Ottokars II von Bohmen und seiner Zeit» (Wien, 1866)—с точки зрения немецкой. Книга Лоренца написана во многих отношениях пристрастно. Ответом на нее служит статья *Калоуска* (Kalousek): «Die Behandlung der Geschichte K. Premysl Otakars II in Prof. O. Lorenz Deutscher Geschichte im 13 u. 14 Jahrh». (Prag, 1874), где подробно указаны и исправлены все ошибки Лоренца.

Что касается имени Premysl Otakar, то первое—настоящее чешское имя, а второе он присоединил по примеру своего деда Пржемысла I, когда получил владения в немецких землях. Чехи называли его Пржемыслом, немцы—Отакаром (см. Kalousek: «Premysl ci Otakar?»—в «Sborniku histor». 1883).

частью соседней прусской Силезии; область Хебская однако не причислялась к Чехии. Иными словами границы тогдашняго Чешскаго королевства, за небольшими отклонениями, совпадают с границами нынешней Чехии с Моравией.

Отношения Чешскаго государства к немецкой империи были узаконены привилегией императора Фридриха II от 1212 года, в том смысле, что Чехии была предоставлена полная самостоятельность и самоуправление. За правителем Чехии означенною привилегией утверждается на все последующия времена титул «короля», и он обязан исполнять по отношению к императору лишь некоторыя незначительныя повинности: выставлять 300 вооруженных на случай коронационнаго путешествия императора в Рим, или уплатить вместо этого 300 гривен серебра, являться на имперский сейм, если он будет назначен в Бамберге, Нюренберге или Мерзебурге, т. е. в одном из пограничных Чехии городов; зато, с другой стороны, впоследствии, в XIII же столетии, он получает важное право вместе с остальными шестью курфюрстами избирать германскаго императора.

В конце первой половины XIII ст. политика средней Европы сосредоточивалась, во-первых, на борьбе императора Фридриха II с папой, во-вторых, на споре из-за владений бабенбергских. Борьба с папою не касалась Чехии, и король Вацлав I (1230—1253), отец Пржемысла, не обращал на нее особеннаго внимания. Гораздо важнее был вопрос о наследии Бабенбергов, род которых прекратился со смертью герцога Фридриха II (1246), т. е. вопрос о владениях, заключавших в себе Австрию, Штирию и еще некоторый меньшия области, так как здесь являлась надежда на расширение чешских границ. Старший сын Вацлава, Владислав, женатый на Гертруде, племяннице последняго герцога австрийскаго, был, правда, признан владетелем Австрии, но уже 3 января 1247 г. он умер, так что с этой стороны надежды потомков Пржемысла рухнули. От дальнейших попыток король Вацлав был удерживаем внутренним междоусобием—борьбою со своим вторым сыном Пржемыслом, который теперь впервые выступает в истории.

Приобретение Австрии и борьба за Штирию

Пржемысл (около 1230 г.), как второй сын короля, был воспитываем первоначально для духовнаго сана, но смерть старшаго брата открыла ему дорогу к престолу. Это был юноша даровитый, дельный, получивший хорошее для того времени образование. Что именно было причиною его возмущения против отца, достоверно не знаем, однако, повидимому, эта причина лежала в безпокойстве из-за правления Вацлава. Этот король, правивший государством вполне хорошо до 1245 года, вдруг стал пренебрегать государственными делами, вести дурной образ жизни и позорить королевское имя, так что в государстве росло недовольство, и недовольные, вероятно, подтолкнули Пржемысла к возмущению (1248). Сначала Пржемысл имел успех: он принудил своего отца отказаться от правления, но папа Иннокентий IV, на стороне котораго в борьбе против императора стоял Вацлав I, объявил это отречение недействительным, а противников короля предал проклятию. Таким образом королю удалось подавить возстание. Пржемысл, после недолгаго заключения, был освобожден, помирился с отцом и получил в управление Моравию. Его называли также «молодым королем».

Теперь отец и сын стали вместе прилагать усилия, чтобы получить Австрию. Их планам сочувствовал не только папа, который сохранил за собою право распоряжаться этими зем-

лями, но и значительная часть населения, которое, после нескольких лет анархии и безпорядков, чувствовало потребность порядка и власти. Наконец, кстати пришлась смерть императора Фридриха II (1250) и начавшиеся безпорядки в империи. Представители от Австрии на сейме в Трюбензе избрали себе правителем Пржемысла (1251). Он отправился к ним с войском, созвал все власти в Нейбурге, принял от них присягу в верности (1251 г. 21 февр.) и отправился в Вену, где и вступил в управление страною, при чем своим приверженцам, особенно духовенству, роздал в виде благодарности много привилегий. Так как однако со многих сторон признавались наследныя права за княжнами из рода Бабенбергов, то он в 1252 г. (8 апреля) женился на сестре последняго герцога Фридриха II, Маргарите, хотя ей было 46 лет, а ему всего 22. Теперь Пржемысл всеми был признан в Австрии законным правителем, и с тех пор он принял немецкое имя Отакара.

Не так легко уладились дела в Штирии, которая с 1192 г. была в соединении с Австрией. Там Пржемысл встретил очень сильнаго соперника в лице венгерскаго короля Белы V (1235—1270), который мечтал завладеть этой областью. Он даже заставил вдову Владислава Гертруду отказаться от своих прав в его пользу. Дело дошло до войны между обоими претендентами. Бела в 1252 г. вторгся в Штирию, а в то же время отряды венгерскаго войска напали на Австрию и Моравию. В следующем 1253 году Бела нашел себе еще союзников: Оттона баварскаго, Даниила галицкаго, сыну котораго Роману он отдал в жены Гертруду, Болеслава V польскаго и Владислава опольскаго. Сам Бела пошел на Моравию, другие венгерские и куманские отряды напали на Штирию и Австрию, баварцы ворвались в Верхнюю Австрию, а поляки и русские—в Опавскую область. Король Вацлав оставил сына без поддержки. Пржемысл энергично вел дело в Австрии и Штирии, также и осажденные города Ольмюц и Опава оказали сильное сопротивление врагам: первый—венграм, второй—русским и полякам. Наконец, при посредничестве папскаго легата Веласко, который как раз в это время привез Пржемыслу разрешение на брак с Маргаритой, венгерския войска выступили из владений Пржемысла, и начались переговоры о мире. Папа хлопотал об этом главным образом из-за того, что он нуждался в поддержке обеих воюющих сторон для своей борьбы с приверженцами Гогенштауфенов в Германии. Пржемысл вынужден был дать клятвенное обещание помогать церкви, папе и королю немецкому Вильгельму. Прежде однако, нежели переговоры о мире с венграми пришли к концу, умер король Вацлав I (1253 г. 22 сентября) в Королевском Дворе, близ Берауна.

Пржемысл, узнав о смерти отца, тотчас поспешил в Прагу. Тело умершаго короля было тайком перевезено в пражский замок, и придворные, по соглашению с Пржемыслом, скрывали смерть короля. Между тем были извещены все те, которым покойный король роздал или заложил какия-нибудь имущества. Когда Пржемысл прибыл в Прагу, он учредил над ними суд и заставил их возвратить все полученныя от короля государственныя имущества.

Вскоре и мир с венграми был заключен в Будине и подтвержден при личном свидании обоих королей в Пресбурге (в начале мая 1254 г.). На основании мирнаго договора Пржемысл удержал за собою Австрию и соседнюю меньшую часть Штирии до водораздела рр. Мура и Эмса, но отказался от титула герцога штирийскаго. Остальная часть Штирии вся досталась Беле.

Первою заботою Пржемысла было возстановить порядок в новоприобретенных землях,

где в течение нескольких лет анархии и войн произошло много неурядиц. При обычной энергии ему удалось возстановить спокойствие и порядок в стране. Несколько лиц из шляхты, занимавшихся разбоями и грабежом в крае, были казнены. Впрочем особенных затруднений в управлении Пржемысл не встретил, и уже в том же году, как был заключен мир с венграми, он нашел возможным предпринять крестовый поход в Пруссию.

Крестовый поход

Пржемысл не был первым, отправившимся в подобный поход в Пруссию, для содействия немецкому ордену; походы эти предпринимались и раньше разными князьями со времени перваго утверждения здесь немецкаго ордена. Но поход Пржемысла своею пышностью, широкими размерами и важными последствиями отличался не только от всех предыдущих, но и был памятен надолго после. Пржемысл принял на себя крест, не столько из желания быть полезным немцам, сколько из стремления утвердить за собою папскую дружбу. Следуя его примеру, приняли крест и многие дворяне чешские и австрийские, ольмюцский епископ Бруно (1245—1281), Оттон бранденбургский, женатый на сестре Пржемысла, и другие. Поход был начат зимою в конце 1254 г. Пржемысл послал свое войско вперед, а сам с небольшою дружиною отправился позднее с большою поспешностью. В Холминске крестоносцы соединились с рыцарским войском, и отсюда было совершено нападение на Самбию; в скором времени часть Самбии без дальнейшаго сопротивления поддалась, и население приняло крещение. Для упрочения новаго завоевания в этой местности заложен был город, названный в честь Пржемысла Королевскою Горою (Mons Regius, впоследствии —Кенигсберг). После первой удачи король, наверно опять без войска, которое еще оставалось в Пруссии, тотчас вернулся назад, проведя в походе не более 6 недель[1]. Уже 6 января он был снова в Опаве.

Этот удачный поход доставил Пржемыслу большую славу в Европе, но прочных результатов орден от него не получил. Уже в 1260 г. началось всеобщее возстание пруссов.

Административныя и судебныя реформы

Следующий период правления Пржемысла был вполне мирный. Кроме одного столкновения с венграми в 1260 г., он не вел в эти годы никаких больших войн, которыя бы требовали значительнаго напряжения сил, или подвергали государство опасности. Благодаря этому он мог посвящать себя главным образом внутреннему управлению и реформам. Во всех своих владениях король старался о возвышении престижа королевской власти, заботился о хорошем управлении, о поддержании мира и порядка и об улучшении быта поддан-ных. Правда, в областях новоприобретенных он не делал пока никаких перемен в их внутреннем устройстве, зато в Чехии и Моравии вводил широкия преобразования, и его деятельность в этом направлении имела самыя важныя, самыя прочныя и глубокия последствия.

Но предварительно необходимо заметить, что в этом отношении Пржемысл II не был начинателем, а только продолжателем начинаний его предшественников Пржемысла I и

1 Этот краткий промежуток времени и преувеличение заслуг Пржемысла у позднейших хронистов дали повод Лоренцу усомниться в том, участвовал ли вообще Пржемысл лично в этом походе. Но неосновательность этого сомнения доказана Калоуском. Подробное исследование об этом и о другом походе в Пруссию (1267—8) представил Goll: «Cechy a Prusy ve stredoveku» (Чехия и Пруссия в средние века). Praha, 1897.

Вацлава I; но он систематично и с большою настойчивостью проводил то, что те начинали лишь в розницу в отдельных случаях, так что он все-таки остается «главным преобразователем правовых отношений чешскаго народа», как называет его Палацкий. Его реформы имели целью прежде всего, как уже было сказано, возвышение королевской власти, и умножение государственных доходов, а вместе с тем, поднятие народнаго хозяйства и культуры Чехии для уравнения ея с остальными западными государствами, так что по своим стремлениям он отчасти напоминает нам Петра Великаго.

Чехия и Моравия до XIII ст. разделялись на *области*, центрами которых были королевские города, средоточие областных властей[1]. Каштелян каждаго такого города был административным и военным начальником области; каждая область составляла вместе с тем и отдельный судебный округ, и этот областной суд назывался цудою (cuda). Большая власть, сосредоточенная в руках каштелянов, и ответственность сделали эту важную должность, равно как и другия земския должности наследственными в некоторых старых дворянских родах; отсюда произошло и то, что во время Пржемысла было основано много новых городов, прежние округа уменьшены и созданы новые, так что отдельныя области с этих пор имели большее число городов и были разделены в административном и военном отношениях. Управление новыми городами король поручал лицам менее состоятельным. В это время также бургграф пражский приобретает выдающееся положение среди остальных начальников городов; он бывает заместителем короля и становится главнейшим бургграфом Чешскаго королевства и, следовательно, важнейшим представителем земскаго управления.

В судебном устройстве также последовали перемены. Старинныя цуды остались, правда, неизменными в смысле границ судебных округов—и в этом отношении основание новых городов не вело за собою никаких изменений,—но было сделано то нововведение, что король назначал в каждую цуду несколько судей, именуемых «поправцами», из высшаго дворянскаго класса данной местности, и им принадлежала исполнительная часть по судебным делам, которая прежде была в руках каштелянов. При Пржемысле II была проведена также важная централизация в судебном отношении. Уже Пржемысл I начал выделять некоторыя особенно важныя дела для представления их к разсмотрению в пражском суде, где председательствовал он сам или его наместник; этот принцип проведен Пржемыслом II более последовательно, и право контроля над всеми судами в крае было предоставлено суду пражскому. Таким образом, пражский суд при Пржемысле II становится высшею судебною инстанцией, и из суда первоначально областного он делается впоследствии высшим земским судом. Заседают в нем уже не только дворяне из цуды пражской, но из всего государства, хотя порядок заседаний того времени нам пока неизвестен. В связи с преобразованием пражская суда в суд земский находится еще одно важное обстоятельство, именно развитие земских списков или таблиц (т. н. «земских досок»—desky zemske). Издавна при каждой цуде велись судебные списки или реестры («desky soudni») всех разсмотренных в данном суде случаев. А так как с этих пор пражский суд стал судом земским, то естественно, что и записи, которыя в нем велись, стали включать в себя дела всего государства. Развитие этого дела шло далее таким порядком, что записывались не только перечень дел и резолюции, т. е. чисто судебныя дела, напротив, сюда стали вноситься условия купли и продажи

1 Ср. об этом работу Ясинскаго: «Падение земскаго строя в чешском государстве» в «Киевских Университетских известиях», 1895, кн. 10-12.

недвижимаго имущества, добровольныя соглашения, доверенности, долговыя обязательства, закладныя расписки, завещания и т. п., наконец, даже постановления сеймов, потому что заседания последних происходили в то же время, как и судебныя: именно в так называемые «сухие (т. е. постные») дни[1]. Таким образом начинается уже при Пржемысле II развитие этих важных для всех последующих времен «земских досок», служащих источником для всего общественнаго и частнаго права в Чехии.

Колонизация и города

Более важным, чем указанныя реформы, было основание городов и колонизация края чужеземными насельниками. В Чехии и Моравии, как и в других странах на востоке, в то время не было городов в настоящем смысле. Несколько подходили к городам разве предместья королевских замков или крепостей (hrad), где селились ремесленники и торговцы, потому что эти пункты обыкновенно бывали местом ярмарок. Но того, что мы обыкновенно представляем себе под средневековыми городами, т. е. защищенных оградою мест с независимым населением, занимающимся, главным образом, ремеслами и торговлею, пользующимся самоуправлением и другими привилегиями, таких городов не было. Из вышеупомянутых предместий могли бы развиться города, но это не случилось по той причине, что в XIII ст. городовое устройство было перенесено в Чехию уже готовым из западных государств.

Города основывались еще Пржемыслом I и Вацлавом I, но только Пржемысл II повел это дело по определенному плану. Закладка города происходила таким образом, что прежде всего комиссия, специально назначенная королем, размеряла на избранном месте пространство для будущаго города, намечала улицы, дома и ограды, делила землю на участки, а в то же время, король заключал с каким-нибудь предпринимателем (locator) договор, в силу котораго последний обязывался в определенный срок найти поселенцев, распродать им земельные участки с условием, что они на них построятся как можно скорее, наконец, позаботиться об обнесении города оградою и пр. Но на местах незаселенных города строились редко; чаще обращались в города уже существовавшия поселения, но при этом из них выселялись прежние жители, и городу давалось новое наименование (напр.: Hradec—Nova domus, Neuhaus; Uncov—Nova villa, Neustadt и т. п.).

По примеру короля и более зажиточные из дворян основывали города в своих владениях, но должны были получить на это разрешение от короля. Эти города были подведомственны своим патронам и никогда не имели такого значения, как города королевские. Таким-то образом получили свое начало в XIII ст. почти все города Чехии и Моравии.

Новые города были заселяемы не местным, но пришлым населением, немецким, преимущественно из северной Германии и Нидерландов. Здесь уже с давних времен развилась в значительной степени торговля и промышленность, а на это, главным образом, льстились чешские короли и магнаты; с другой стороны, неурожаи и частыя наводнения в тех странах были причиною того, что население охотно переселялось в другия страны, куда их привлекали более выгодныя условий быта. Таким образом, в XIII ст. чужеземное население потоком устремилось в чешския области. Оно селилось не только в городах, но и отдельными

1 По католическому календарю это трехдневный пост, который бывает два раза в году: 1) перед Троицей—так называемые «крестовые сухие дни». 2) перед Успением—«квартальные сухие дни».

селениями, занимая до тех пор незаселенныя места; а таких мест, покрытых лесами, было тогда много в Чехии и Моравии, в особенности в пограничных гористых местностях, каковы: Шумава, Крушныя горы, Карконоши, Иесеник в Моравии и др. Король делил эти области между магнатами, которые с своей стороны должны были их заселять народом. В Моравии поселил много немцев на обширных епископских владениях ольмюцский епископ Бруно из Шауенбурга (в миру Westfal), главный германизатор Моравии, замечательный человек, один из первых советников Пржемысла, поднявший ольмюцкое епископство до высокой степени могущества.

Новые поселенцы не только в городах, но и в деревнях, были поставлены вне административной и судебной зависимости от местных властей, а подлежали ведению особаго королевскаго чиновника, который назывался «подкоморием» (podkomori). В судебном отношении новые поселенцы пользовались тем правом, какое принесли с собою, т. е. немецким, которое притом в различных местностях было неодинаково. На этом основании стало развиваться более или менее самостоятельно местное городское право. Городам были даны многия привилегии, напр., так называемое «милевое» право, по которому на разстоянии мили в окрестности города никому не дозволялось заниматься производством ремесл или предметов городского потребления. В деревнях пришлые поселенцы также не подчинялись местным властям. В противоположность местным обывателям, которые считались лишь наследственными арендаторами своих земельных участков, они были свободными владельцами своих имений, которыя могли когда угодно продать (немецкое право купли), были освобождены от всех земских повинностей, в мелких судебных делах ведались своим «рихтером», в уголовных—подчинялись суду ближайшаго королевскаго города. Такого выгоднаго положения вскоре стали домогаться и другие подданные, и таким образом, благодаря королевским привилегиям, все больше и больше распространялось немецкое право в стране, в ущерб своему областному управлению. Следствием этой широкой колонизации и основания городов были заметный материальный и культурный подъем страны, увеличение населения, развитие промышленности и торговли, вообще подъем богатства страны; но введение в страну другой народности и предоставление ей всяких преимуществ имели роковыя последствия для будущаго. Большое старание прилагал Пржемысл также к тому, чтобы возвратить в казну имения, отчужденныя благодаря нерасчетливости Вацлава I. Начало этому, как мы видели, было им сделано тотчас по смерти отца. Во все же время своего правления он не упускал из виду, чтобы постепенно выкупать королевския имущества, находившияся под залогом, а так как оценка закладываемых имуществ была обыкновенно низка, то легко понять, что временные их владельцы теперь неохотно соглашались на выкуп, и король своим усердием в этом отношении нажил себе врагов.

Наконец, заслуживает внимания то обстоятельство, что школа при капитуле пражском, закрытая во время неурядиц 1248—1249 гг., теперь значительно расцвела; она служила, именно, к изучению классической литературы, математики и философии.

Внешние успехи

Во внешней политике значение чешскаго государя сильно возросло, благодаря внутреннему подъему страны и расширению границ, а удачный поход в Пруссию доставил ему уважение и славу в Европе. Не удивительно поэтому, что чешский король занял важное положение по отношению к немецкому императору и имперским князьям, и что при тогдашней

борьба партий в империи чешский король имел большое влияние.

В Германии, после смерти императора Фридриха II (1250), претендентами явились два короля: Вильгельм Голландский, избранный папскою партией еще при жизни Фридриха II в 1247 г., и сын Фридриха Конрад IV (1250—54). Пржемысл держал сторону папы и в 1253 г. обязал себя клятвою помогать папе, церкви и королю Вильгельму. Но в действительности эта присяга не имела никаких последствий. Конрад умер уже в 1254 г., оставив после себя малолетняго сына Конрадина, а Вильгельм был убит в 1256 г. Уже в это время, как и большею частью впоследствии, более сильные князья не желали никому подчиняться.

Теперь явился вопрос об избрании новаго короля. В эпоху Пржемысла уже твердо установился обычай, что право избирать короля принадлежало семи сильнейшим князьям, в том числе и королю чешскому; это была так называемая курфюрстская коллегия. Старая рознь сказалась и при этих выборах: составились две партии. Претендентами на немецкий престол явились два иноземных князя: Альфонс X, король Кастилии, союзник Гогенштауфенов, и английский принц Ричард Корнваллийский. Избиратели обеих партий, как это обыкновенно и после бывало, хотели извлечь материальную выгоду из своего избирательнаго права: голоса покупались открыто. В июне 1256 г. прибыл в Прагу архиепископ кельнский Конрад и пробыл здесь около трех недель. По какому делу он приезжал, неизвестно; но уже тогда ходили слухи, что он предлагал немецкую корону самому Пржемыслу, но чешский король будто бы отказался. Этот слух, при всей его правдоподобности, не основан на достоверных свидетельствах, равно как и мнение, будто еще в 1254 г. подобное же предложение было сделано Пржемыслу со стороны Гогенштауфенской партии[1].

Пржемысл стоял за Ричарда, на сторону котораго склонялся и папа, и взял от него в лен бабенбергския владения. Но в сущности Пржемысл мало обращал внимания на этого короля, который в последнее время слишком мало имел влияния в Германии.

Родственныя связи с хорутанским (каринтийским) княжеским родом вовлекли Пржемысла в спор из-за архиепископства Зальцбургскаго. В 1246 г. назначен был архиепископом хорутанский княжич Филипп, сын дочери Пржемысла I, хороший вояка, но плохой духовный. Хотя он считался архиепископом, но не позволил себя рукоположить даже хотя бы в священнический чин. Наконец, дело дошло до того, что капитул избрал себе новаго архиепископа Ульриха (1256), перед тем епископа Секавскаго (в Хорутании), который тотчас отправился в Рим за утверждением своего избрания. Однако Филипп не думал так легко отказаться от своей бенефиции и начал борьбу против капитула. Пржемысл, который, как кажется, в молодости воспитывался с этим своим двоюродным братом, горячо отнесся к его интересам и обещал ему содействие. Но эта борьба приняла широкие размеры борьбы между Чехией и Баварией еще и по другим причинам: сюда примешались давнишние споры из-за некоторых пограничных областей. Пржемысл отправился походом из Австрии в Баварию и в августе 1257 года достиг Ландсгута, но был принужден отступить с великими потерями, так что все предприятие имело плохой конец, и Пржемысл должен был заключить с Баварией мир, по которому он отказался от всех спорных областей.

1 Об этом писал d-r Pekar в статье: «Kandidatury Premysla Otakara II na nemecky trun» (Casopis Matice Moravske, 1892).

Тем не менее борьба из-за архиепископства зальцбургскаго продолжалась дальше и имела еще более важныя последствия. Ульрих вернулся из Рима в 1258 г. и выпросил себе помощь у короля венгерскаго. В следующем (1259) году венгры двинулись на Зальцбург из Штирии через Хорутанию. Пржемысл вполне справедливо объявил это нарушением с их стороны мира, заключеннаго в 1254 г., потому что участником этого мира был и хорутанский герцог. Итак опять возгорелась война между Чехиею и Венгрией, особенно когда и штирийцы, недовольные господством венгров, воспользовавшись случаем, стали переходить на сторону Пржемысла. Таким образом зальцбургския дела повели к новой борьбе за владения бабенбергския.

К этому решительному бою оба короля приготовлялись с большою горячностью, так что уже в начале 1260 года с той и другой стороны были двинуты огромныя по тому времени войска. Бела в союзе с своими соседями—сербами, болгарами, валахами, Даниилом галицким, Болеславом краковским и даже татарами выставил 140,000 войска; у Пржемысла было своего войска, а также союзных сил маркграфов бранденбургскаго и мейссенскаго, герцога Ульриха хорутанскаго и брата его Филиппа—всего 100,000. Войска сошлись 12 июля в решительной битве у Крессенбрунна (в нижней Австрии, на нижнем течении Моравы). Венгры потерпели решительное поражение и были оттиснуты за р. Мораву, в пределы Венгрии. Предварительный мир был заключен тотчас после битвы, и Бела отказался от Штирии, а ко времени заключения окончательнаго мира должна была состояться помолвка сына его Белы с родственницею Пржемысла Кунигундою, дочерью Оттона бранденбургскаго. Мир был заключен и подписан на личном свидании обоих королей в Вене в конце марта 1261 г.

Так Пржемысл в 1260 г. прибрал к рукам все бывшия бабенбергския владения. Тотчас после Крессенбруннской битвы он вмешался в дела Штирии и в 1262 г. принял ее в ленное владение от императора Ричарда. Таким образом война с венграми, давшая в результате расширение Чешской державы, доставила Пржемыслу большую славу и значение. В 1260—70-х годах Пржемысл стоял на вершине своей силы и славы, а его государство в этот период было одно из первых в средней Европе. Татары за его военную силу называли его «железным королем», на западе за его пышность и богатство его называли «золотым королем». Роскошь и богатство явились в полном блеске в октябре 1262 г., во время великолепных празднеств по случаю вышеупомянутой свадьбы королевича Белы с княжною Кунигундою. В память своей победы при Крессенбрунне король заложил в 1263 г. монастырь «Золотая корона» около Крумлова[1], а на месте сражения в 1268 г. город Marchek[2].

Но, несмотря на всю эту славу, король не был свободен от тяжелых забот о будущем своего государства. В это время он оставался единственным представителем мужского потомства в своем роде, а его брак с 46-летнею Маргаритою был бездетным. Но у него было трое незаконных детей: сын Николай и две дочери; он задумал выхлопотать им законныя права и для сына—право престолонаследия. Донося папе о своей победе, он обратился к нему с просьбою признать его детей законными. Папа Александр IV удовлетворил его просьбу, однако с таким ограничением, что этим еще не дается право Николаю наследовать престол своего отца. Таким образом этим путем Пржемысл не достиг ничего и должен был

1 Нынешний Kruman—в южной Чехии.

2 Нынешний Marchegg в нижней Австрии (округ Gross-Eggersdorf).

искать иных средств для обезпечения будущности своего потомства. Он решил развестись с женою. Так как Маргарита, повидимому, не противилась этому, то причина развода была скоро найдена, именно вспомнили, что она будто бы когда-то по смерти своего перваго мужа (Генриха, сына императора Фридриха II) дала обет чистоты. Развод был получен без затруднения, и Маргарита разсталась с Прагою в октябре 1261 г. (ум. 1267 г. в Кремсе). Король же вскоре после того, 25-го октября, женился на внучке Белы Кунигунде, дочери галицкаго князя Ростислава Михаиловича, бана мачевскаго (в северной Сербии).

До сего времени Пржемысл все еще не был коронован королем чешским. При его вступлении на престол архиепископ майнцский, к епархии котораго принадлежала Чехия, был под папским проклятием, и хотя папа в 1254 г. уполномочил своего легата Бернарда, епископа неаполитанскаго, или разрешить архиепископа от проклятия для коронации, или уполномочить для этой церемонии одного из его суфраганов, но Пржемысл отклонил тогда это дело, при таких необычных условиях, и титуловался в первые годы своего правления просто владетелем Чешскаго королевства (Dominus regni Bohemiae). Теперь, с устранением прежних затруднений, он вместе с своею супругой был коронован с большою пышностью новым майнцским архиепископом на Рождестве 1261 г.

Последующия несколько лет Пржемысл жил в мире, отчасти даже в дружбе с венграми и с другими соседями. Только с Баварией однажды возникли недоразумения, окончившияся войною. Поводом послужил снова вопрос о зальцбургском архиепископстве, до сих пор все еще не разрешенный. Хотя Ульрих в 1264 г. отказался от своего сана, но папа Климент VI в ноябре 1265 г. решил вопрос так, что был назначен архиепископом родственник Пржемысла Владислав, принц силезский. Это назначение, сделанное явно в пользу чешскаго короля, побудило баварскаго герцога Генриха к новой войне, которую он начал опустошительным нашествием на архиепископство зальцбургское и пасауское; с своей стороны Пржемысл в том же году напал на Баварию и занял земли, уступленныя ей в 1257 г., и кроме того Хебскую область. В следующем году он пошел на Баварию с двух сторон (из Австрии и из Чехии), но за недостатком провианта немного мог сделать. При посредничестве папы был заключен мир на условиях statu quo. Пржемысл удержал Хебскую область.

В самом конце 1267 года Пржемысл предпринял второй поход на пруссов. Это предприятие заслуживает внимания не столько по своим результатами—он на этот раз ничего почти не успел сделать,—сколько по тем планам, с какими он его начинал. Еще в 1264 г. папа Урбан IV вызывал чешскаго короля против «схизматиков» русских и против литовцев, обещая ему, что все те земли, которыя ему удастся обратить в христианство или отнять у «схизматиков», будут подчинены его верховной власти. Но только в 1267 г. король решился выступить походом на помощь ордену против пруссов, которые с 1260 г. продолжали свое возмущение, а главным образом против литовцев, голядов и ятвягов. Тут-то, именно, и хотел он осуществить довольно странный свой план. Он имел намерение на этих окраинах выделить себе провинцию с тем, чтобы поручить управление ею польским князьям[1]. В тех же видах он думал повысить ольмюцское епископство в архиепископство и подчинить ему эти отдаленныя окраины. Об этом Пржемысл вел переговоры с папою, а с орденом условился еще в сентябре 1267 г., чтобы не мешать друг другу в завоеваниях. Но эти планы не удались, потому что самый поход окончился безуспешно. Едва войско перешло Вислу, как на-

1 В роде того, как позднее Иоанн люксембургский поручил Мазовию ведению чешской короны.

чалось быстрое таяние и дожди, и войско опять отступило за Вислу. Король не решился уже двигаться дальше и вернулся в Чехию, так что 16 февраля 1268 г. был уже в Праге. Наконец и курия не удовлетворила желаниям Пржемысла, и он отказался от своих замыслов относительно восточных окраин так же скоро, как и приступил было к их осуществлению, тем более, что ему открылась возможность с большею уверенностью распространить свою власть в другую сторону, именно на счет Хорутании.

Хорутанский герцог Ульрих, двоюродный брат Пржемысла, владевший также частью Крайны, Истрии и Фриульской провинции, был последним в роде, если не считать брата его Филиппа, который был лицом духовным. Поэтому, после его смерти, его владения, как ленныя имперския области, должны были отойти к империи. Однако, при тогдашних беспорядках в самой Германии, легко можно было ожидать, что любой новый владетель получит эти земли без особеннаго труда. Поэтому Ульрих задумал сам обезпечить себе преемника. В декабре 1268 г. он, в сопровождении нескольких дворян, прибыл в Чехию и назначил Пржемысла собственником всех своих владений и прав. При этом брату Ульриха Филиппу было обещано, что по смерти престарелаго аквилейскаго патриарха Григория он будет назначен его преемником, так как оба правителя, и Пржемысл и Ульрих, пользовались у тамошняго капитула большим значением. Действительно, когда вскоре Григорий умер в сентябре 1269 г., капитул избрал Филиппа. Спустя месяц, в октябре 1269 г., умер и воевода Ульрих, и его области безпрепятственно были присоединены к владениям Пржемысла.

Но вместе с тем у Пржемысла явился соперник; это именно был честолюбивый и жадный к светской власти Филипп хорутанский. Он опасался, что может и не получить утверждения в патриаршем сане, так как уже раньше достаточно доказал свою неспособность к духовному званию; притом и папский престол в 1269—71 годах оставался незамещенным. Поэтому, как только умер брат, он начал строить козни, чтобы получить владения брата. Некоторыя владетельныя лица в Крайне приняли его сторону; ему также удалось привлечь к себе Пржемыслова наместника в Хорутании Конрада, священника брюннскаго; таким образом вскоре он овладел всею Хорутаниею. Однако, не полагаясь на свои силы, он ходатайствовал о помощи у короля венгерскаго Стефана V (1270—72), у котораго кстати явился и свой предлог к войне: сестра его Анна, теща Пржемысла, несмотря на настояния брата, прибегла под покровительство зятя и отдала ему на хранение ценное казенное имущество венгерское. Война уже начиналась, но Стефан, не будучи достаточно приготовлен, вынужден был согласиться на мир, предложенный Пржемыслом. Сначала было заключено перемирие, а в октябре 1270 г. съехались оба короля на острове под Пресбургом, где окончательно был утвержден мир на два года на условиях, нам неизвестных. Но Филипп не был участником этого мира, и Пржемысл не чувствовал себя стесненным относительно его. В ноябре он выступил против него, взял Любляну (Лайбах) и еще некоторые города, после чего хорутанския власти поддались ему, и Филипп стал просить мира. Он отказался от всех претензий на владения своего покойнаго брата и взамен этого удовольствовался предложенными ему доходами с одного имения в Австрии. Несколько позднее он лишился и патриархата, так как новый папа Григорий X отменил избрание капитула и назначил собственною властью другого патриарха. Пржемысл с этого времени был общепризнанным владетелем Хорутании.

Шаткость могущества Пржемысла

В 1269—70 гг. счастье Пржемысла достигло апогея. Его владения простирались от Крушных гор до Адриатическаго моря; его влияние распространялось на Силезию, архиепископство зальцбургское, епископство пасауское и патриархат аквилейский; в верхней Италии некоторые города отдавали себя под его охрану. Но государство Пржемысла не было создано на народных основах; его деятельность не была продолжением попыток Святополка, Болеславов и Бржетислава. Пржемыслово государство было созданием чешско-немецким и династическим, управлявшимся даже и в это время не в чешском духе. Это было первое звено в новой цепи попыток к основанию Австрии. Это государство не имело прочной будущности; возникло оно при благоприятных обстоятельствах, отчасти и выросло благодаря тем же обстоятельствам и зависело опять-таки от внешних условий, именно от того, как сложатся политическия отношения в Германии. Пржемысл должен был ожидать каждую минуту, что перемена правительства в Германии нанесет удар его державе. Хуже всего при этом было то, что внутри его собственнаго государства усиливалось недовольство против него. Дворянство поголовно его не долюбливало, впрочем из эгоистических причин, за его энергическую деятельность, строгость и предпочтение, оказываемое им городскому устройству. Это отношение к нему замечалось не только в альпийских провинциях, где король мог считаться и считался чужестранцем, но даже в Чехии и Моравии. Это недовольство было сильнее, чем сам король мог предполагать, как это впоследствии сказалось с достаточною ясностью. Итак, все мнимое могущество Пржемысла и его широкая слава покоились на шатких основаниях.

Большим несчастием для Пржемысла было то обстоятельство, что в последнее время перед самым решительным моментом, который ему предстоял, он поссорился с венграми. 1270—73 годы все наполнены войнами с Венгрией, хотя и неунизительными для славы Пржемысла, но опасными для будущаго. Перемирие, заключенное на два года в октябре 1270 г., было нарушено уже в том же году королем Стефаном, который не пустил Пржемысла через Седмиградию, когда тот возвращался из Хорутании. Когда же Пржемысл пошел иным путем (через Maria-Zelle)[1], то Стефан напал на Австрию и 16,000 человек увел в плен. Впрочем, эта война была небезполезна: Пржемысл весною 1271 г. с большим 100-тысячным войском вторгся в пределы Венгрии, взял Пресбург и Нитру и перешел на правый берег Дуная. Здесь он выиграл сражение, но за недостатком провианта должен был вернуться и распустить войско. Этим воспользовался Стефан со своим союзником Генрихом баварским, и они двинулись на Австрию. Пржемысл приготовился дать им отпор, но, вследствие вмешательства зальцбургскаго архиепископа и нескольких епископов, был заключен 3 июля 1271 г. мир. Венгерский король, между прочим, отказался от своих претензий на Штирию, подтвердил права Пржемысла на Хорутанию и отрекся от тех ценных имуществ, которыя его сестра вверила опеке Пржемысла. Границы обоих государств должны были остаться такими же, как были при кончине короля Белы. С своим давнишним противником Генрихом, владетелем нижней Баварии, Пржемысл также весною 1273 г. заключил не только мир и взаимное соглашение относительно спорных областей, но и союз, в силу котораго оба государя обещали помогать друг другу против всякаго неприятеля. Это был уже шаг, который Пржемысл сделал в виду наступающих перемен в Германии.

1 Знаменитая святыня в нынешнем герцогстве Штирии.

Избрание Рудольфа Габсбургскаго

В апреле 1272 г. умер император Ричард, и курфюрсты готовились к новым выборам, от результата которых, на основании всего вышеизложеннаго, много зависело в делах Пржемысла. Но в эту важную минуту он неосмотрительно ввязался в новую войну с Венгрией (в самом начале 1273 г.). Обстоятельства были таковы: король Стефан умер в августе 1272 г., а наследник его Владислав IV был несовершеннолетний. Во время регентства его матери Елизаветы происходили различные безпорядки в стране; наконец, был убит Бела, брат чешской королевы Кунигунды. Поэтому Пржемысл объявил войну. Венгры первые сделали нашествие на Австрию, но вскоре и Пржемысл с 60-тысячным войском стал громить Венгрию и проник опять на правую сторону Дуная до Раба[1]. От дальнейшаго наступления он был удержан неприятным оборотом дел в немецкой империи. Именно, 29 сентября 1273 г. германским императором был избран Рудольф Габсбургский, при обстоятельствах для Пржемысла весьма важных. Он тотчас предложил мир венграм, и мир этот был заключен в мае 1274 г., но устроить с венграми военную коалицию против германскаго императора не удалось.

После смерти Ричарда германский престол мог считаться праздным. Правда, оставался еще в живых Альфонс кастильский, но на него никто в Германии не обращал внимания, точно так же, как и он никогда не показывался сюда. Печальное положение дел в империи в последние годы заставило князей понять, что она нуждается в энергичном государе, да и папа настоятельно торопил курфюрстов избранием императора. Кто бы ни был избран, Пржемысл мог ожидать, что наступит пересмотр прав на все те приобретения, которыя ему удалось сделать за последние годы. На владения бабенбергския он, правда, имел ленную запись от короля Ричарда, но на обладание Хорутанией и Хебской областью у него не было документальнаго согласия императора. Наилучшее решение вопроса с точки зрения Пржемысла было бы в том случае, если бы он сам мог сделаться императором. Пржемысл желал этого и, как кажется, хлопотал об этом перед курией; но он не мог разсчитывать, что все курфюрсты, или по крайней мере большинство их, подадут голоса за него, потому что для них Пржемысл был слишком силен, и в Германии все с завистью смотрели на быстрый рост его государства. Поэтому он и не заявлял курфюрстам о своем желании. Большим врагом Пржемысла был пфальцграф Людовик, брат Генриха баварскаго. Он употреблял все усилия, чтобы выборы были не в пользу чешскаго короля. С начала 1273 г. он совещался с архиепископами майнцским, трирским и кельнским об избрании новаго императора, и они вошли в соглашение 1 сентября 1273 г., что будут действовать заодно. К ним присоединились герцог саксонский и маркграф бранденбургский, и все остановились на графе Рудольфе Габсбургском; избрание объявили единогласным. Послы Пржемысла, против всякаго права, не были допущены к выборам, главным образом из-за того, чтобы они не могли возражать против тех условий, которыя были предложены новому императору и которыя во многом были направлены против Пржемысла. Речь шла ни более ни менее, как только о том, чтобы вопрос о бабенбергских владениях был вновь возбужден, и на этот раз в форме судебнаго процесса. Уполномоченный Пржемысла протестовал против избрания Рудольфа, и Пржемысл не признал новаго императора. Всю надежду Пржемысл возлагал теперь на папу. Но император Рудольф тотчас по вступлении в управление сделал папе Григорию X

1 В Венгрии, нынешний Raab—главный город одноименнаго комитата.

уступки во всех делах, какия когда-либо бывали спорными между курией и императором, и обязал себя по отношению к нему безусловным послушанием. Поэтому и папа признал Рудольфа императором безпрекословно, а на все жалобы Пржемысла отвечал обыкновенно советами, чтобы он постарался примириться с Рудольфом.

Чего можно было ожидать Пржемыслу от новаго императора и подчиненных ему немецких князей, это вскоре обнаружилось на первом сейме, созванном Рудольфом в Нюренберге 11 ноября 1274 г. Здесь князья предложили императору, чтобы он постарался возвратить империи все те владения, которыя ей принадлежали после отлучения от церкви императора Фридриха II (1245 г.), но потом были отчуждены. Это значило, что все то, что произошло после 1245 г., считалось недействительным, и что, следовательно, Пржемысл,—ибо против него-то именно и было направлено это постановление,—не по праву владеет приобретенными землями. На том же сейме было постановлено, что каждый вассал, который аккуратно в годовой срок не возобновит подтверждения своих ленных прав у императора, лишается всех своих ленов. Этим была найдена законная форма дальнейших действий против чешскаго короля. Пржемыслу было объявлено, чтобы он к 20 января 1275 г. явился за решением к пфальцграфу рейнскому, который был избран третейским судьею по этому вопросу. Однако Пржемысл оставили этот вызов без внимания и Рудольфа не признал императором. Поэтому второй имперский сейм в Аугсбурге объявил Пржемысла лишенным всех своих владений, даже Чехии и Моравии, так как он не обратился за подтверждением своих прав. Избирательный голос был также у него отнят и передан герцогу баварскому. Позднее против Пржемысла было еще возбуждено и судебное преследование.

Пржемысл не переставал ожидать помощи от папы и возлагал надежду на собор, который как раз в это время был созван в Лионе (1274). Он послал туда в качестве послов двух епископов: Бруно ольмюцскаго и Бернарда секавскаго, и заявил папе, что он в своей распре с Рудольфом подчинится его решению и, кроме того, в течение четырех лет совершит крестовый поход в Св. Землю, если папа устроит мир в Германии на шесть лет. Папа похвалил план Пржемысла, но опять дал только совет примириться с Рудольфом. Между тем для Пржемысла примирение означало полную покорность. А тем временем недовольство в собственной страна росло, и недовольные вступали в союз с внешними врагами. Король повсюду был окружен изменою, встречая ее даже и там, где он менее всего мог ожидать.

Что дворянство вообще было недовольно правлением Пржемысла и по каким причинам, об этом уже было сказано. С избранием Рудольфа все эти внутренние враги короля набрались больше смелости. Даже последние союзники короля начали отступать от него, напр., Петр, епископ пасауский. Генрих баварский довольно долго оставался верным уговору с Пржемыслом, но в 1276 г. и он, наконец, признал Рудольфа и перешел на его сторону. Что Филипп хорутанский в числе первых пристал к Рудольфу—это само собою понятно. Рудольф в 1274 г., будучи в Нюренберге, отдал ему в лен Хорутанию и Краинскую марку, хотя на самом деле Филипп никогда не получил этих земель во владение.

При таком положены дел началась война 1276 г.

Война с Рудольфом

Пржемысл сосредоточил главныя силы в западной части Чехии, ожидая с этой стороны нападения: об измене Генриха баварскаго он еще не знал. Но Рудольф через Баварию

вторгся в Австрию и осадил Вену. Хорутания, благодаря измене, досталась Менгарту, графу тирольскому; Милота дедицкий (из Дедиц) с трудом защищал Штирию; союзник Рудольфа Филипп, архиепископ зальцбургский, освободил свою паству от присяги в верности Пржемыслу. Узнав о нападении на Австрию, Пржемысл поспешно направился к югу. Вена, которой король всегда выказывал особую симпатию, энергично защищалась; северная Австрия еще была в руках чехов. Переправу через Дунай у города Клостернбурга охранял епископ ольмюцский Бруно, но Рудольф овладел этим местом, вероятно, вследствие измены Бруно, который в это время все более и более склонялся на сторону Рудольфа. Венгры вооружались на помощь немецкому императору. Последний удар нанесло Пржемыслу то обстоятельство, что сильнейший из владетельных родов Чехии, Витковичи, главою которых был известный впоследствии Завиш из Фалькенштейна (Zavis z Falkensteina), в эту самую критическую минуту отпали от Пржемысла и организовали возстание. Когда же, наконец, и Вена сдалась, Пржемысл вынужден был без битвы просить мира. Уполномоченные с обеих сторон (между ними со стороны Пржемысла был Бруно ольмюцский) поставили условие, что Пржемысл должен отказаться от всех новоприобретенных областей, в том числе и Хебской, и принять Чехию и Моравию во владение на ленных правах от германскаго императора; кроме того, были поставлены в условия два брака между детьми обоих государей и еще некоторыя менее важныя требования. Затем, 25 ноября произошло личное свидание Пржемысла с Рудольфом, и совершилась передача чешскому королю Чехии и Моравии в ленное владение. Не могло быть большаго унижения для Пржемысла, как принимать на ленных правах от императора свои собственныя земли, которыя никогда не были немецкими ленами.

Так одним ударом уничтожено было все, чего Пржемысл достиг за все время своего правления в деле расширения границ своего государства и превознесения своего могущества, и, что всего хуже, свои наследственныя земли, которыя он самостоятельно получил после своего отца, он теперь мог удержать за собою только в качестве лена. И это было только началом дальнейших несчастий, которыя его ожидали. Рудольф задался целью как можно глубже задеть и унизить побежденнаго противника. Он не захотел подтвердить старинных привилегий Чехии 1212 года и был бы очень рад освободить себя от некоторых условий мира, как напр., выдачи замуж своей дочери. Как это, так и другия, менее важныя разногласия повели к пересмотру мирнаго договора. Новыя условия были выработаны уполномоченными (между ними снова был еп. Бруно) 6 мая 1277 г.; они оказались во многом еще более невыгодными для Пржемысла, чем прежния. Помимо разных менее значительных обид, которыя он мог бы еще снести, Рудольф оставил за собою право охраны над подданными Пржемысла и личнаго суда в их недоразумениях с королем. Этого Пржемысл не мог потерпеть, потому что такое условие обратило бы в ничто самостоятельность Чешскаго государства, и он не согласился принять договор. Начались новые переговоры, но когда в сентябре 1277 г. были предложены новыя условия, не заключавшия таких крутых ограничений, тогда Рудольф не согласился их принять.

Когда, таким образом, все эти меры не привели к цели, Пржемысл убедился, что настала роковая минута, быть или не быть, и стал готовиться к решительному бою. Многие из тех, которые прежде оставили его, теперь начинали опять отступать от Рудольфа. В альпийских провинциях возникала партия, готовая отдаться под власть чешскаго короля; так-

же Генрих баварский, видя, что данныя ему обещания не исполняются, стал склоняться на сторону Пржемысла. Желая приготовиться к войне как можно лучше, Пржемысл приказал приводить города в более безопасное положение, изменников удалил из государства и старался заручиться помощью соседних князей. Интересно послание, писанное им к польским князьям; в нем Пржемысл напирает на родство чехов и поляков и указывает на ту опасность, которая грозит обеим народностям со стороны немцев, и на необходимость совместной обороны. Этот документ, писанный, так сказать, в духе нашего века, поражает тем более, что Пржемысл никогда не стоял на национальной точке зрения. Из Польши ему действительно пришла некоторая помощь; кроме того, он получил небольшую поддержку из Бранденбурга, Мейссена и Тюрингии. За Рудольфом шли венгры; немецкие князья не особенно его поддерживали. Но за ним стоял папа, грозивший проклятием всем его противникам.

К роковой битве дело дошло 26 августа 1278 г. в день св. Руфа, на Моравском поле, у деревни Durrenkrut. Пржемысл располагал гораздо меньшим количеством войска, чем Рудольф, и только геройством чехи могли бы, пожалуй, склонить успех на свою сторону. Но начальник резерва Милота дедицкий изменнически бежал и этим повернул дело не в пользу чехов. Пржемысл сам пал в битве вместе с 12.000 своих верноподданных. Тело убитаго короля было привезено в Вену и здесь было выставлено всенародно в течение 30 недель. Так как король умер под проклятием папы, то он не мог быть похоронен, пока не будет снято проклятие. Известие о смерти короля было принято в Чехии с глубокою скорбью, и действительно чехам было о чем жалеть, потому что для них наступило время многолетних страданий.

Пржемысл представляет собою интересное явление. Как уже в свое время, так и теперь, он находит у историков самую разнообразную оценку. Он был первым чешским королем, достигшим славы во всей Европе, и никто не отрицал, что это была действительно замечательная личность. Но это и все, в чем суждения о нем сходятся; в других отношениях мы слышим с одной стороны большую похвалу, с другой—большое порицание[1]. Самые тяжелые упреки ему ставятся с точки зрения народности, за то, что он распространял немецкий элемент в Чехии, сочувствовал немцам и ненавидел чехов. Несправедливо утверждать, что он был врагом чехов и не любил чешской народности, но он не был и ея другом. Управлял он по советам немцев, и немцам во всем давал предпочтение. Но едва ли можно говорить о каком-нибудь национальном сознании в те времена. Приглашение немцев в Чехию имело цели народнохозяйственныя и финансовыя, покровительственное отношение к альпийским немцам было следствием политики Пржемысла,—вопрос о народности был второстепенным, как и вообще в то время. Мало имеет значения и обращение к польским князьям, о

1 Недовольство дворянскаго сословия, бывшее главною причиной падения Пржемысла, сказывается и в тогдашней литература. Наибольшими противниками его из современников были штириец (немец) Оттокар и чех, по прозванию Далемил, оба—авторы рифмованных хроник. Но мотивами их вражды служат не притеснения дворянства со стороны короля, а национальный вопрос. Оттокар бранит Пржемысла за то, что он был чех и ненавидел немцев, Далемил—за то, что оп был друг немцев и ненавидел чехов. Из новейших историков большим противником Пржемысла выступил Лоренц. Палаций очень подробно разобрал деятельность Пржемысла, и относящаяся сюда его статья (II, 1, 158—201) является именно апологией этого короля, хотя и Палацкий в иных местах хвалит больше, чем следует. Дополнением к исследованию Палацкаго служит статья Ротта в «Чешском Часописе Историческом» (II, 297 и сл.: «Premysl Otakar II a verejue mineni jeho doby»).

котором можно сказать, что оно вызвано крайнею необходимостью. Если взглянуть на дело безпристрастно, то Пржемысл, безспорно, является типом рыцаря, храбраго, энергичнаго, отличающагося независимостью мысли и благородством. Он был одарен богатыми способностями и значительным по тому времени образованием, был прекрасный боец и хороший правитель, хотя в последнем отношении можно было бы указать в нем некоторые недостатки. Своим государством он управлял хорошо и справедливо, искренно заботился о благе своих подданных, внимательно следил за соблюдением порядка и грозно карал всех его нарушителей, хотя и не заслуживал упрека в жестокости, которую приписывало ему современное дворянство. Все его правление свидетельствует о том, что он принадлежит к числу знаменитейших государей Чехии и вообще может считаться знаменитейшим мужем своей эпохи.

Н. Гибль.

LXIII. Карл IV

Периоды в истории

Знаменитейший чешский историк и величайший чех нынешняго века Франц Палацкий, разсуждая о значении чешской истории и о ея периодах, разделил ее на три эпохи. Первая продолжается от древнейших времен до 1403 года, т. е. до перваго проявления в народе новых религиозных течений; средняя эпоха обнимает два столетия от означеннаго года до 1627 и составляет собою самый славный период чешской истории; от 1627 года, т. е. от времени страшнаго падения, начинается новая эпоха.

Пособия. Литература о Карле, на которую опирается наша работа, очень обширна. Было бы излишним приводить отдельныя монографии, касающаяся некоторых периодов его правления, а где это необходимо, подлежащия указания будут сделаны в своем месте. Из старейших работ о Карле в некоторых частях до сих пор имеет цену Pelzel: «Kaiser Karl IV, Konig in Bohmen» (Prag. 1780—81), с приложением многих документов,—первая трезвая и справедливая оценка Карла. После него более всего прислужились Карлу: Палацкий (Fr. Palacky. «Dejiny narodu ceskeho» dil II, 2; III, 1) и Томек (Tomek: «Dejepis Prahy» I, II, III; в т. II трактуется, между прочим, о церковных реформах, о чем см. Frind—«Kirchengeschichte Bohmens»). По случаю 500-летия смерти Карла выпустил свой труд Калоусек (J. Kalousek—«Karel IV otec vlasli», v Praze 1878), написанный в доступной и понятной форме, но основанный на глубоком знании источников и отличающейся критическим взглядом на вещи. Из немцев о Карле первый начал писать сочувственно Гёфлер (K. Hofler—«Aus Avignon». Abhandl. Bohm, gehehrten Gesellschaft. 1868, VI, 1; известны и другия его статьи, а также издания некоторых материалов для истории Карла). Интересную и ценную книгу издал в 1876 году в Вене H. Friedjung («Kaiser Karl IV und sein Antheil am geistigen Leben seiner Zeit»). Важному вопросу об отношениях Карла к Франции посвящено отдельное сочинение, которое издал в 1883 г. в Инсбруке A. Gottlob («Karls IV private und politische Beziehungen zu Frankreich»). Отдельными статьями и изданием многих ма-териалов известен F. Tadra, который изложил результаты своих и чужих исследований в книге: «Культурныя сношения Чехии с иностранцами до гуситских войн» (Kultnrne styky Cech s cizinou az do valek husitskych. Praga, 1896), в которой главы, посвященныя Карлу, принадлежат к лучшим сочинениям о нем. Самое обширное и подробное исследование о Карле печатает E. Werunsky («Geschichte Kaiser Karls IV und seiner Zeit». Innsbruck, 1880,—82,—86,—92). До сих поре вышло 4 выпуска до 1368 года. Это труде больших размеров, широко задуманный и иногда даже слишком растянутый, поэтому для краткаго обзора он непригоден. Гораздо более для этой цели может служить сочинение Th. Lindner'a, («Deutche Geschichte unter den Habsburgen und Luxemburgen»), живо и связно написанное с строго-научною подкладкою, с знанием всей литературы, которую авторе сам обогатил рядом небольших, но весьма ценных статей. Это сочинение вместе с трудами Калоусека, Верун-

Против обычнаго разделения всей истории на три периода, уже очень часто выставлялись возражения; но если даже признать долю справедливости в этих возражениях, все-таки в основании своем такое деление не было опровергнуто. Остается, все-таки, один момент первостепенной исторической важности, который оправдывает собою такое деление и пред которым возражения должны замолкнуть,—момент, которым также оправдывается и разделение Палацкаго, даже хотя бы мы и не приняли в точности тех предельных дат, какия он установил, поскольку вообще течение событий не может быть строго ограничено отдельными годами. Этим важным моментом является переворот в мировоззрении, а вместе с тем частью обусловливающий эту перемену, частью обусловленный ею, переворот в общественных, юридических и экономических отношениях, и эти перевороты, сделавшие людей совсем непохожими на представителей предшествовавшей эпохи, оправдывают собою отделение двух периодов одного от другого. Конечно, подобные перевороты не дело одного года, они приготовляются задолго раньше, и хотя неопытному человеку они кажутся наступающими неожиданно, однако опытный наблюдатель видит в них лишь дальнейшее звено длинной цепи историческаго развития.

Правление Карла IV, согласно разделению Палацкаго, принадлежит к древнему периоду чешской истории. Эпоха Карла еще не повела за собою той перемены во взглядах и учреждениях, какую впоследствии вызвали гуситския времена, но в ней мы найдем зачатки и первые шаги этого обновления. Невозможно эту эпоху отделять ни от предшествующей, с которой она тесно связана, как продолжение или заключение предыдущих событий, ни от последующей эпохи, для которой она подготовляла почву и условия возникновения и развития идей, получивших впоследствии преобладающее значение. Составляя переход от древняго периода чешской истории к среднему, правление Карла соединяет в себе черты того и другого периодов.

Но этою характеристикою еще далеко не все сказано. Эпоха Карла имеет, кроме того, свое самостоятельное важное значение. Она может быть названа замечательнейшим периодом древнечешской истории, причем, очевидно, главнейшая заслуга должна быть отнесена на долю короля, не считавшаго за честь проливать кровь невинных подданных, а обращавшаго свое внимание прежде всего на то, чтобы путем мирных отношений доставить своему государству возможность известнаго благоденствия и возвеличения.

Карл IV—не героическая личность; он никогда не отличался на поле сражения, хотя однажды как будто желал последовать примеру своего отца в военных предприятиях. Этим

скаго, Палацкаго, Томка, Фрид-юнга, Тадры и Готлоба послужило главною основою для нашей статьи.

Исторические материалы, преимущественно акты из разрозненных источников, лучше всего изданы Верунским в упомянутом сочинении. Много материалов, касающихся Чехии, содержит в себе «Codex diplomaticus Moraviae» и другия подобныя собрания соседних стран. Много новаго даль Верунский в своем издании «Excerpta ex registris Clementis VI et Innocentii VI, summorum pontificum historiam s. r. imperii sub regimine Karoli IV illustrantia» (Innsbruck. 1885). Сюда следует присоединить издание «Monumenta Bohemiae Vaticana», первая часть котораго, под редакцией L. Reichmann'a, оканчивается печатанием и посвящена понтификату Климента VI. Самый полный обзор актов Карла издал A. Huber («Regesten des Kaiserreiches unter Kaiser Karl IV». Innsbruck, 1877). Хроники и повествовательные материалы лучше всего изданы Верунским в первом из названных сочинений.—Для того, чтобы получить цельное понятие о научном и духовном значении эпохи Карла IV, следует познакомиться с книгою Бурдаха (Burdach: «Vom Mittelalter zur Reformation». Halle. 1893).

отчасти объясняется и то, почему Карл многим как современникам, так и потомкам не внушал должнаго уважения. Были, конечно, и другия причины, по которым Карлу так долго приходилось терпеть крайне несправедливое отношение к себе исторической литературы, так что новейшия изследования, посвященныя ему и проводящия более выгодные взгляды на его деятельность, являются настоящею апологиею этого правителя. Теперь он в подобной апологии не нуждается, и простой обзор его правления будет его апологиею.

Междоусобия в детство Карла IV

Карл был сыном чешскаго короля Яна (из Люксембургскаго дома), который в 1310 году получил чешский престол, женившись на дочери Пржемысла Елизавете. Он родился 14 мая 1316 г. первым сыном после двух дочерей, а 30 мая при торжественном крещении ему было дано имя Вацлав (почему впоследствии он переменил свое имя, будет объяснено в своем месте). Торжественный обряд крещения совершил майнцский архиепископ Петр фон Аспельт, главный советник короля Яна; из присутствовавших выделялись: Балдуин, архиепископ трирский, дядя короля[1] Ян из Дражиц, епископ пражский, викарный епископ Герман, из рода Вальдек, а также многочисленная местная знать. Но это было единственное торжественное и радостное событие в жизни слабаго ребенка за весь период его юнаго детства. Может быть, потому Карл впоследствии так избегал войны, что уже в колыбели звон оружия нарушал его спокойные сны.

Не далее как за месяц до рождения королевскаго сына был заключен временный мирный договор (12 апреля 1316 года) между королем Яном и его противниками, во главе которых стоял Генрих липский. Король Ян, вскоре после рождения сына, оставил правление, назначив вместо себя регентом майнцскаго архиепископа Петра. Как будто из опасения, чтобы в отсутствие короля противная партия не возстановила малолетняго сына против отца, молодой Вацлав в сентябре 1316 г. был вверен главе той партии, которая стояла за интересы двора, Вильгельму Зайцу из Вальдека. Под его охраною Вацлав находился в замке Кривоклате[2], который, в числе многих других, Вильгельм Заяц держал в закладе от короля. Но то, что этим так желали предупредить, все-таки случилось: опять разразилась буря междоусобий, и—странною игрою судьбы—вызвала эту бурю сама же королева Елизавета, отличавшаяся всегда любовью к родной стране и ея благу, но вместе с тем женщина чувственная, честолюбивая и неуживчивая.

В марте 1317 г. архиепископ Петр передал правление королеве Елизавете, а вскоре после этого и молодой королевич был перевезен из Кривоклата в Прагу. Не знаем, по какой причине королева приказала собирать войско за границею, но чешское дворянство хорошо понимало цель этого замысла и готовилось к новому отпору, который был тем серьезнее, что и сам глава придворной партии, Вильгельм Заяц из Вальдека, получивший за свою приверженность ко двору еще больше королевских имений, чем имел раньше Генрих липский, начал склоняться на сторону противников. Еще 20 июня 1317 г. он сопровождал королеву с ея сыном в замок Локет[3]. Но вскоре потом король, вернувшись в ноябре, вопреки его совету не пропустил иностранцев в свои пределы, и сам начал приготовления к войне;

1 Брат отца Яна, императора Генриха VII.

2 Krivoklat = Purglitz.

3 Loket-Elbogen.

когда же партия Генриха липскаго начала подумывать о вторичном приглашении Генриха хорутанскаго на чешский престол, то все чешское дворянство заключило между собою союз 2 февраля 1318 г. в Звикове[1]; к этому союзу присоединился и Вильгельм Вальдек.

По просьбе королевы в Чехию вернулся король Ян, который и устроил примирение с возмутившимся дворянством. При этом король одержал верх в том отношении, что план призвания другого князя был оставлен, и дворяне, отказались от условия не заключать мира без участия в нем герцога австрийскаго и императора Фридриха. Во всем остальном король Ян подчинился требованиям дворянства. Правда, ему возобновили присягу верности, но он должен был обещать, что не будет допускать иностранцев ни на государственную службу, ни в свой совет. О королевских имуществах, находившихся большею частью в руках дворян и уже давно служивших одним из главнейших поводов к спорам, не было вовсе речи. Генрих липский снова стал подкоморием, Вильгельм Вальдек, занимавшей ту же должность после перваго удаления Генриха липскаго, остался земским маршалком.

Главная заслуга в деле принятия этих условий принадлежала королю немецкому Людовику, которым в этом посредничестве руководил значительный личный интерес. Возставшее чешское дворянство было в союзе с Фридрихом австрийским, который, будучи избран одною партией в немецкие короли, стал с 1314 г. его соперником, а успехи возстания обещали Фридриху большую выгоду. Для короля Яна было весьма важно помешать успеху Фридриха и его единомышленников, иначе он должен был бы опасаться за свой престол. Фридрих был одними из сыновей короля Альбрехта, который по прекращении рода Пржемыслов наделили всех своих сыновей, сообразно старшинству, ленными владениями в Чехии, и вытекавшия отсюда нрава до сего времени не были уничтожены, несмотря на то, что император Генрих VII передал ленныя права на Чехию сыну своему Яну. Поэтому Ян по смерти своего отца выступил было сам кандидатом на императорский престол, но потом, потеряв надежду на избрание, отказался от своей кандидатуры, в противовес австрийской партии, в пользу Людовика баварскаго и сделался с тех пор его важнейшими приверженцем.

Но примирение, состоявшееся в Домажлицах, ненадолго сохранило свою силу. Несогласия опять возобновились еще в более острой форме. В этом случае отзыв о поведении Генриха липскаго будет довольно затруднителен. Многие из его поступков выставляют его личность симпатичною, другие же могут быть извинены в виду легкомыслия короля. Его можно, пожалуй, назвать ловким политиком, несомненно более ловким, чем Вильгельм Вальдек, который зато, как человек, конечно, стоит выше Генриха. Как бы то ни было, единомыслие их обоих продолжалось недолго, и Генрих воспользовался не особенно честными средствами для устранения своего противника. Он поспешил это сделать, потому что, благодаря все усиливавшемуся его влиянию на короля, он разсчитывал на удаление королевы Елизаветы, которая не могла отрешиться от основательнаго недоверия к этому вельможе, стремившемуся неуклонно к обезпечению своих личных выгод в ущерб общему благу.

Королева Елизавета, после домажлицкаго перемирия, жила вместе с королем в Праге, где у нея 22 ноября 1318 г. родился сын Пржемысл. Вскоре после этого она переехала к остальными детям в Локет. Вслед за нею поспешил туда и король Ян в начале февраля

1 Zvikov = Klingberg.

1319 г., поверив выдумками Генриха липскаго, будто королева имеет намерение удовлетворить желанию некоторых дворян и выдать им первороднаго сына, чтобы его именем они завладели властью. Первыми из таковых был назван Вильгельм Вальдек. Король безпрепятственно был пропущен в Локет, но тем не менее велел своим осадить город, и Елизавета должна была уехать в Мельник, а маленький королевич два месяца содержался в темнице, а потом хотя и был выпущен на свет Божий, но без права покидать город, сделавшийся его заключением на более продолжительное время. Королева Елизавета после некотораго времени совсем покинула Чехию и переехала в Баварию (1322 г.), где проживала в разных городах, часто преследуемая нуждою, так как ея имущество в Чехии король Ян отдал своим любимцам.

Воспитание во Франции

Когда же она, спустя три года, возвратилась в отечество, то сына ея Вацлава там уже не было: в 1323 г., 4 апреля, он был отправлен на воспитание к французскому двору в Париж, где он провел молодые годы при своей тетке, сестре Яна Марии, бывшей в замужестве с 24 августа 1322 г. за французским королем Карлом IV. Молодая тетка прилагала усиленныя заботы к тому, чтобы дать своему племяннику хорошее воспитание, но очень рано умерла (25 марта 1324 г.). Затем, вскоре после приезда во Францию, чешский принц, несмотря на свой семилетний возраст, был обручен с французскою принцессою Бланкою Валуа, дочерью Карла Валуа, сестрою будущаго короля Филиппа VI (15 мая 1323 г). Также в начале своего пребывания во Франции он был миропомазан папою, вероятнее всего—в одну из поездок в Авиньон, приблизительно в апреле 1324 г. При этом таинстве восприемником его был французский король Карл IV, давший ему свое имя, которым после этого вообще его называли во Франции и которое он и сам удержал.

У нас нет подробных сведений об успехах его образования, хотя дядя его, французский король, также прилагал к этому свои заботы. Сначала его учителем был духовник короля, который прежде всего упражнял его в отправлении молитвословий («годинок») к Деве Марии. Рядом с латынью Карл также прилежно изучал язык французский, который очень полюбил; чешский и немецкий языки он, несомненно, усвоил еще дома. По некоторым сведениям он учился также в парижском университете. Но наибольших успехов достиг Карл во Франции в политическом воспитании. Франция и сама после преждевременной смерти короля Карла IV (1328) могла быть хорошею политическою школой, благодаря своим неустановившимся отношениям, и королевич Карл оказался прилежным учеником, замечая уже в возрасте слабаго мальчика те различия, какия сказывались между правлением Карла IV и Филиппа VI, по крайней мере в придворном кругу; к тому же он имел и опытнаго учителя по этой части. Это был аббат бенедиктинскаго монастыря в Fecamp Петр Роже (Roger, иначе Pierre de Rosiers, de Rosariis). Занимая должность в университете, Петр должен был подолгу пребывать в Парижа, и тут однажды (17 февраля 1328 г.) Карл услышал его горячую проповедь, с полною силою раскрывавшую взгляды о верховенстве папы и направленную против Людовика баварскаго, короновавшагося недавно императорскою короною против воли папы. Карл выслушал эту проповедь с одушевлением и пожелал ближе познакомиться с проповедником. Вскоре он сблизился с ним, стал его учеником и получил от этого знакомства громадную пользу. Петр Роже был постоянным и ревностным поборником идеи о всемогуществе папы и церкви, выступал ли он в качестве блестящаго придворнаго

или опытнаго государственнаго деятеля.

Карл в Италии

В начале весны 1330 г. Карл был отозван отцом из Парижа и отправился со своею супругою Бланкою в Люксембург. Однако здесь ему пришлось пробыть недолго. Не далее, как через год, отец потребовал, чтобы он приступил к государственной деятельности, в чем Карл, еще будучи в Париже, имел случай испытать себя, вступившись за интересы лужицкаго города Згорельцев, обратившагося к нему с просьбою об охране против своего новаго владетеля. Карл принял город под свое покровительство и присоединил его к отцовским владениям.

Королю Яну следует поставить в заслугу то, что он много содействовал внешнему блеску своего государства, а также много приложил труда к его расширению и усилению. Он обладал значительными дипломатическими способностями, которыя по наследству перешли и к сыну его Карлу. Одним из доказательств этого служит тот факт, что уже в 1324 г. ему удалось заключить мирный договор с прежним своим соперником и предшественником на чешском престоле, Генрихом хорутанским. На основании этого договора была отпразднована в сентябре 1330 года свадьба младшаго десятилетняго чешскаго принца Яна-Генриха с дочерью хорутанскаго герцога Маргаритою, по прозванию Maultasch, за которою молодой жених должен был впоследствии получить владения тестя.

Когда король Ян по вышеизложенным делам находился в Тироле, к нему явилось посольство от города Брешии (Brescia) с просьбою о заступничестве против веронскаго синьора Мартина делла Скала. Ян благосклонно принял просьбу и, устроив дела в Брешии, был признан потомственным владельцем города. За этим успехом вскоре последовали новые. Многие города, разоренные внутренними раздорами, отправили к Яну послов с такими же предложениями, так что в короткое время его владения значительно расширились в северной, а отчасти и средней Италии. Для управления этими отдаленными частями государства Ян призвал своего 15-летняго сына[1].

Карл принял предложение отца и уже 19 марта 1331 г. был в Павии. Встреча, которая его там ожидала, была не особенно приятна. Здесь даже была сделана попытка отравить его, как полагают, по проискам Аццо Висконтильо, который перед тем признал над собою номинально власть Яна, приняв титул королевскаго викария. 15 апреля состоялся торжественный въезд Карла в Парму, и 2 июня он вступил в управление от имени отца, спешившаго уладить безпорядки в северной части Альп. В помощники ему был дан Людовик, граф савойский, тесть Аццо Висконтильо.

Опасность грозила молодому Люксембургскому правителю не столько со стороны внешних врагов, сколько со стороны внутренних. Молодое государство было основано на вулканической почве. Непостоянство итальянцев скоро сказалось в перемене отношений к правительству, за которое они только что стояли. Недовольство против податей и поборов, по необходимости налагаемых Карлом, все накоплялось, пока, наконец, не произошел открытый взрыв. 8 августа 1332 г. итальянцы составили большую лигу против иноземнаго владычества. Во главе возстания стали Висконти, и вскоре оно охватило всю Италию. Молодой

1 Об этом итальянском эпизоде чешской истории см. *Poppelmann*, Johann von Bohmen in Italien 1330—33. (Arch, osterreich. Gesch. XXXV).

наместник короля, как бы для испытания его мужества и умения найтись в трудных обстоятельствах, должен был остаться один с кучкою приближенных, не возбуждавших доверия, лицом к лицу с громадным большинством отпавших. Людовик савойский оставил город, назначенный ему для местопребывания, и соединился с партией своего зятя.

Слабое Люксембургское государство было доведено до крайняго стеснения возмутившимися, которые легко преодолевали выставляемыя им сопротивления. 3 октября 1332 г. был осажден город San-Felice близ Модены. Осажденные около трех недель отражали натиск врагов, но 27 октября вынуждены были вступить в переговоры о сдаче города, если от Карла не будет поддержки. Пришло 25 ноября, день св. Екатерины. Карл собрал довольно значительное войско и ударил неожиданно на неприятеля. Произошла горячая битва, длившаяся целый день до заката солнца. Карл сам участвовал в битве и проявлял твердое мужество, так что даже лошадь под ним была убита. Наконец, победа склонилась на его сторону. С тех пор он с особенною ревностью чтил память св. Екатерины, как о том свидетельствуют многочисленныя церкви, которыя он строил в честь этой святой (в Праге, Карлштейне и др.). Но победа не принесла тех выгод, каких можно было ожидать; Карл не сумел воспользоваться ею. Противников его это поражение не сломило; у них для дальнейшаго сопротивления оставался еще большой запас сил, который обезпечивал им успехи, тогда как Карлу не являлась ни откуда помощь, ни даже от отца, а между тем он видел, как надежнейшие до того времени столбы его власти начинали колебаться.

Король Ян в июне 1331 г. оставил Италию: его звали за Альпы неотложныя дела. Император Людовик был недоволен его успехом в Италии, а его безпокойство разделяли также остальные князья. На Италию зарились немецкие императоры, и предприятие Яна, совершенное без разрешения императора, считалось узурпациею. Дело шло уже о возбуждении судебнаго преследовали против Яна. До этого пока не дошло, но императору удалось найти союзников, которые готовы были затормозить рост государства Яна нападением на его собственныя земли. Это были прежде всего князья из Габсбургскаго дома в Австрии, завидовавшие особенно укреплению власти Яна в Тироле, а также короли польский и венгерский. Король Ян с замечательною дипломатическою ловкостью склонил императора Людовика к тому, что после трехнедельных переговоров было заключено перемирие в Резне[1] (13 августа), по которому оба государя должны были сообща владеть завоеваниями Яна в Ломбардии и Тоскане. Людовик сначала домогался гораздо большаго,—чтобы Ян отказался от всех приобретений; но потом он сделал уступку, хотя и за дорогую цену: король Ян обещал помирить его с куриею. Но прежде, чем попытаться это сделать, Ян поспешил выступить против остальных неприятелей. Быстрым нападением на Польшу и осадою Познани он склонил поляков к миру, после чего уже можно было и не обращать особеннаго внимания на моравско-венгерскую границу, где соединенныя силы австрийцев и венгров поспешили разойтись. Вслед за тем Ян обратился к Франции и, пользуясь временною дружбою короля Филиппа, устроил брак своей дочери Гутты с старшим сыном Филиппа, Иоанном брабантским (в январе 1332 г.). При этом оба государя вступили между собою в союз для военной обороны против кого бы то ни было. Здесь уже открыто высказывается заявление о том, чтобы король Ян, или сын его Карл, добивался немецкой короны; при этом формулируются связи и отношения на этот случай. Условленная свадьба была отпразднована 28 марта

1 Rezno—Регенсбург.

1332 г., но в результате испортились отношения короля Яна к немецкому императору Людовику. Потребовались новые переговоры, окончившиеся 23 августа 1332 г. подтверждением прежних условий договора.

Только по окончании всех этих дел Ян обратился в Авиньон (10 нояб. 1332 г.). При тогдашнем неудовольствии папы против императора Людовика нельзя было разсчитывать на какое-либо окончательное прекращение спора. Наоборот, папа негодовал и на Яна за его мир с Людовиком. Но назначение в Италию папскаго легата заставило его смирить свой гнев, и Ян, укрепив по крайней мере за собою благосклонность папы и окончив военныя приготовления, отправился 24 декабря 1332 г. из Парижа в Италию.

Прибытие его туда только на короткое время дало ему некоторый успех. Но скоро и он оказался безсильным, и после полнаго поражения соединенных сил папы и Яна у Феррары (14 апр. 1333 г.) ясно было, что Люксембургское государство не в состоянии устоять. Правда, король все еще думал продолжать борьбу и убеждал сына оставаться на прежнем месте. Но Карл не согласился. 24 августа 1333 г. он выехал из Италии в свое отечество после 10-летней разлуки с ним. Немного спустя за ним последовал и король Ян.

Карл приобрел в Италии опытность. В стесненных обстоятельствах он часто выказывал так много ума и разсудительности, что можно было удивляться им при его возрасте. Уже тогда сказывался в нем будущей Карл IV. В этом, пожалуй, была заслуга и французскаго воспитания, но Италия сама по себе была для него хорошею школой. Безпокойныя и враждебныя отношения отдельных итальянских областей и совершенное отличие местной жизни от немецкой в смысле правовых отношений и общественнаго устройства давали ему богатый материал для наблюдений и дальнейшаго политическаго воспитания. Карл видел еще расцвет автономии городов, отчасти уже начавших попадать в руки деспотов, познакомился с новым развитием юридических норм, научился ценить духовное богатство древних времен, к которым он уже во Франции имел влечение и которыя здесь возставали перед ним в многочисленных памятниках старины. Кроме того, здесь Карл был поставлен в самую середину бурной жизни и должен был противостоять этим бурям один, испытав непостоянство людей, видя, как те же люди, которые с таким восторгом звали его отца, потом с тем же одушевлением старались сбросить с себя добровольное иго, и будучи оставлен даже тем, кто должен был быть его руководителем и опекуном. Всего этого было достаточно для успешнаго его развития и укрепления характера, особенно при его врожденной наблюдательности. Последовательный ход его развития и его характер он сам дает нам возможность проследить (в его автобиографии). Даже в разгаре войны он умел находить свободную минуту, чтобы так или иначе отметить впечатление, получаемое им от отдельных происшествий. И именно здесь мы находим много примеров, доказывающих его глубокую натуру, направленную к плодотворной деятельности, от которой он временно был удерживаем веселою компанией отца. Он скоро успел выйти из-под влияния этой компании, и характерными для Карла являются мотивы этого происшедшаго в нем переворота. Разсказывают, что это было результатом видения во сне, которое предзнаменовало смерть французскаго дофина, как наказание за излишества: предзнаменование сбылось. Для Карла долго был памятен этот день, и как бы из чувства благодарности он учредил в память этого в 1343 г. общество нравственности (sbor mansionari) в Праге, равным образом в 1355 г. на месте видения, а потом в Нюренберге.

Положение Чехии

30 октября 1333 г. Карл торжественно въехал в Прагу, сделав незначительную остановку у гроба матери в Збраславе. Разсказы о его правлении в Италии предшествовали ему и возбудили наилучшия надежды в народе, страстно желавшем возвращения к порядку и законности после всех неурядиц и разрозненности, обусловленных долговременною отлучкой короля. После 10 слишком лет Карл снова возвращался в отечество, где даже никто из родственников не ожидал его, и сам он вначале чувствовал себя чужим между своими, с которыми даже не мог разговориться. Он владел языками латинским, французским, итальянским и немецким, но по-чешски совершенно разучился на чужбине; при своей даровитости он, однако, скоро опять припомнил родной язык.

В Чехии Карла ожидали неутешительныя дела. Страна находилась в большом упадке за все продолжительное время, пока король Ян искал по свету дружественных отношений, а свою страну оставлял в ведении наемников, которые обязывались лишь посылать вслед за королем определенныя суммы денег. Хозяйство страны было истощено необычайными платежами; в администрации царила повсюду распущенность. Личная безопасность терпела со стороны различных насильников низшаго и высшаго сорта, которые ничего и никого не боялись. Справедливость как будто покинула страну вместе с королем, правосудие совершать было некому и негде. Королевския имения и все места общественнаго управления и судебной власти были в руках отдельных вельмож. Даже сам Карл, возвратившись в отечество, не имел пристанища, так как пражский замок до сих пор не был реставрирован и оставался в развалинах после пожара, происшедшаго 30 лет назад. Поэтому Карл избрал своим местопребыванием бывший дом своей матери на «Старом Месте» (у Штупартов), а потом переселился в крепость (hrad), в дом бургграфа.

Плоды его разумнаго правления вскоре обнаружились повсюду. Прежде всего Карл старался выкупить и возвратить из-под залога королевския имущества. В этом отношении он нашел поддержку со стороны духовенства и городов, которые, будучи теснее всего связаны с королевскими имениями, больше всего терпели в период безвластия. Но и некоторая часть дворянства сочувствовала ему, так что в короткое время большая часть коронных имений были возвращены их законному владельцу.

В связи с этим стояло обновление областных судов и другия правительственныя реформы, давшия страна спокойствие, а где этого было недостаточно, там Карл достигал желаемаго с оружием в руках. Страна начала свободнее дышать после предшествующих несчастий. Отец дал Карлу титул маркграфа моравскаго (1334) и правителя Чехии, однако на тех же условиях, какия прежде предлагались земским наместникам: чтобы значительная часть доходов была посылаема ему за-границу. Все-таки Карл разумным хозяйничанием привел свои финансы в такое состояние, что еще мог предпринять наиболее нужныя постройки, именно в пражском замке, а также старался украсить, как можно лучше, главный храм замка. В 1334 г. и супруга Карла, Бланка, наглядно увидела благодетельныя последствия его деятельности, когда приехала с блестящею свитою в Прагу и была встречена с всеобщим одушевлением. Только ея незнакомство с чешским и немецким языками вначале служило для нея помехою, которую она старалась устранить, приобретя на первое время некоторый навык по крайней мере в немецком языке.

Король Ян в Чехии

30 июля 1335 г. вернулся из Франции и король Ян, женившийся там на дочери Людовика бурбонскаго, Беатрисе. Он также мог лично убедиться в успехе правления сына, что, однако, не доставило ему большой радости: наоборот, теперь он окончательно поверил наговорам тех лиц, который, не предвидя от разумнаго правления таких средств к обогащению, какия они получали при расточительном правлении Яна, уверяли легкомысленнаго короля, будто Карл хлопочет об усилении королевской власти только для того, чтобы укрепиться самому и захватить в свои руки всю власть. Еще в том же 1335 году король отнял у Карла все, что раньше ему дал, исключая только пустого титула маркграфа. При других условиях, наверно, Карл, при всей своей сдержанности, не снес бы такой обиды, но настоящий момент был слишком важен для того, чтобы личное оскорбление ставить выше блага всего рода. Уже 2 марта 1335 года умер Генрих хорутанский, тесть младшаго брата Карла, Яна-Генриха. Молодой наследник, опасаясь препятствий в наследовании трона со стороны многочисленных врагов, тотчас призвал на помощь короля Яна, котораго, однако, задержало в Париже лечение ран, полученных им на турнире. Между тем противники не дремали. Это были, именно, австрийские герцоги, давно мечтавшие о приобретении Хорутании, которою они таки овладели с согласия и по воле императора Людовика. Переговоры по этому поводу, давно начатые, пришли к концу во время свидания герцогов и Людовика в Линце 5 мая 1335 г., при чем император отдал им Хорутанию в ленное владение. Карл в это время вызвался хлопотать за отца. Однако, он с своим шурином Генрихом нижнебаварским слишком поздно прибыли в Линц. Тогда он постарался поскорее найти себе союзников для предстоящей вооруженной борьбы. Прежде всего он искал их на востоке—в Польше[1].

Отношения к Польше до того времени никогда не были особенно хороши. Король Ян все еще пользовался титулом короля польскаго, который когда-то достался Вацлаву II, хотя теперь он ничего не значил, как только то, что Ян не отказывается от своих притязаний. Поэтому личные интересы побуждали Яна к материальному содействию немецкому правительству, вражда котораго к Польше постоянно прорывалась. При основании Люксембургскаго государства в Италии король польский принял участие во враждебной коалиции. Теперь к этому присоединились дружественныя связи с маркграфом бранденбургским Людовиком, сыном императора. Тем не менее сближение с Люксембургами не могло послужить ко вреду Польши, особенно в виду отношений Яна к немцам, благодаря чему можно было ожидать благополучнаго оборота дел в случае столкновения Польши с немцами. Итак, уже 28 мая 1335 г. король польский Казимир условился с маркграфом Карлом относительно мирнаго договора. Но этот договор не имел прочных результатов, так как Казимир очень скоро заключил новый договор с Людовиком бранденбургским.

Среди военных приготовлений, которыми занялся король Ян тотчас по возвращении в Чехию, сын его Карл снова обнаружил большую практичность и проницательность, чем отец, успевший между тем получить согласие сына на свой новый брак (в августе 1335 г.); согласие было дано по необходимости, так как результатом этого брака являлось возвращение наследственных владений. Кажется, что это обстоятельство несколько улучшило отношения между отцом и сыном, по крайней мере на время. Кое в чем и отец отдавал должное

1 Отношения Карла к Польше и вообще отношения Чехии к Польше и к немецкому правительству лучше всего разследовал J. Goll, Cechy a Prusy (Praha, 1897).

сыну, напр., в его польской политике. Союз польскаго короля Казимира с Людовиком бранденбургским грозил опасностью, а это заставляло возобновить переговоры с Казимиром, окончившиеся предварительным соглашением, заключенным в Тренчине 24 августа 1335 г. По этому соглашению Ян и Карл отказались от титула короля польскаго и от всяких притязаний на земли, исключая того, что они имели или могли приобресть в Силезии: надежда на расширение границ на счет этой страны как раз вскоре им представилась. Казимир, с своей стороны, признал чешския права на Силезию. Вооруженнаго союза с Казимиром, правда, не пришлось заключить, но зато удалось это сделать с венгерским королем Карлом, который разсчитывал соглашением с Чехиею облегчить себе возможность расширить свои пределы на счет Польши (по смерти Казимира).

Но война, так долго готовившаяся, все-таки не начиналась, несомненно, опять-таки благодаря, во-первых, вмешательству венгерскаго короля, которому настолько же важно было чешское соглашение, как и мирныя отношения к императору, во-вторых, благодаря Генриху нижнебаварскому, зятю короля Яна. Вместо войны дело кончилось предварительным миром, заключенным в сентябре 1335 г. в Резне, при чем был назначен срок заключения окончательнаго мира.

Вскоре после этого король Ян отправил маркграфа Карла с частью войска в Силезию против князя Болька свидницкаго. Хотя военное счастье не особенно благоприятствовало Карлу, однако Болек, вследствие разорения страны, должен был признать себя вассалом чешскаго короля. Отсюда Карл с отцом тотчас поспешили в Вышеград (венгерский), где состоялся замечательный съезд королей чешскаго, польскаго и венгерскаго. Здесь был заключить окончательный мир между Чехиею и Польшей. За вознаграждение в размере 20,000 коп чешских грошей король Ян пожертвовал титулом короля польскаго; тут же были улажены некоторые пограничные споры. Для закрепления союза был предположен брак Яна, внука чешскаго короля от дочери Маргариты и Генриха нижнебаварскаго, с дочерью Казимира польскаго Елизаветою, которая незадолго перед тем была помолвлена с одним из сыновей императора Людовика.

Прямо с вышеградскаго съезда Карл опять направился в Силезию, чтобы принять в свое управление княжество Бреславльское, которое теперь, со смертью Генриха VI (в ноябре 1335 г.), должно было по наследству перейти к чешской короне. Отсюда, по вызову младшаго брата, он отправился в Тироль, чтобы там от его имени принять правление, так как здесь требовалась твердая рука. Карл уже с молодых лет был приучен хладнокровно приступать к трудным предприятиям, и на этот раз он решительно принялся за дело, пользуясь помощью некоторых главнейших вельмож тирольских, и скоро сумел водворить порядок. Но прежде, чем он успел тверже укрепить правительственные устои, деятельность его в этих краях была отвлечена в другую сторону. Мир, ожидаемый после резненскаго перемирия, не состоялся, и наступила таки угрожавшая война. Начал ее, после неудачных переговоров, сам Ян нападением на Австрию, настолько неожиданным, что в короткий срок овладел многими городами. Но воспользоваться своим успехом у него не нашлось средств, и он вскоре возвратился в Чехию. Союзники Австрии, особенно графы Горицкие, вынуждены были этим походом сделать нападение на Тироль. Карл выступил против них 1 апреля и овладел значительною частью горных мест по р. Драве, но в виду опасности, грозившей Тиролю со стороны Баварии и зальцбургскаго архиепископства, он не решился

итти далее. Между тем отец сколачивал деньги в Праге на дальнейшую войну. Евреи, споспешники правительства, должны были внести большие куши, а когда ни эти, ни другие сборы не были достаточны, король решил обратить в деньги серебряныя статуи апостолов в пражском соборе, который Карл сделал частью на собственныя средства, частью на сборы от частных лиц. С деньгами он тотчас пошел на Австрию, но скоро его воинственный пыл охладел при известии, что император Людовик пошел войною на его зятя Генриха нижнебаварскаго. Войска стояли некоторое время друг против друга в укрепленных лагерях, но до битвы дело не дошло. Когда же вскоре возникли недоразумения между императором и герцогами австрийскими, Ян воспользовался ими для заключения мира в Эмсе 9 октября 1336 г., при чем отрекся от Хорутании, исключая того, что было приобретено Карлом и что навсегда осталось за Тиролем; но зато он добился союза с Габсбургами против императора.

Эпоха приключений

Карл не одобрял этого мира и очень резко возставал против него, но совершившагося уже нельзя было переменить. Тогда он оставил Тироль и поспешил в Чехию, где все еще бодрый и воинственно настроенный отец готовил поход на Литву в помощь Немецкому ордену. Ян в начале марта вернулся в Прагу, но Карл уже не сопровождал его, а отправился в Брюнн, куда вскоре затем должна была последовать за ним и его жена Бланка по приказанию Яна, недовольнаго симпатиями народа к сыну и Бланке. Гнев Яна достиг таких пределов, что он конфисковал имения сына и запретил ему выдавать какия бы то ни было денежныя суммы. Этим Карл был лишен средств к жизни, и пребывание в отечестве стало для него невозможным. Он должен был искать себе..... пропитания.

В этот период Карл более всего является сыном своего отца, склоннаго к приключениям. В других отношениях он унаследовал от отца только дипломатическия способности, при чем превзошел отца в этом случае своею выдержанностью. Сначала Карл решил направиться в Тироль, где хотел упрочить положение брата участием в военных предприятиях против давнишняго врага Люксембургскаго государства в Италии, Мартина делла Скала, синьора веронскаго. Но в Италию пришлось ему ехать через Венгрию, так как вследствие непринятия австрийскими герцогами эмсскаго мира, он не имел права свободнаго проезда через их область. Во время плавания по Адриатическому морю он едва не был захвачен венецианцами: хотя они и сами были против синьора веронскаго, но их суда на море не пропускали чужих судов, из предосторожности, чтобы Мартину не была подаваема помощь. Он спасся бегством на рыбачьей лодке и дошел пешком до Аквилеи. Оттуда, добравшись до Тироля, он опять организовал поход против Мартина и на этот раз имел успех. Но при этом интересы его столкнулись с интересами других противников Мартина, особенно венецианцев. Карл успел отклонить конфликт, вступив в венецианскую службу, и в самой Венеции был радостно встречен после военных побед. Но потом, взяв город Фельтре, он отрешился от дальнейших приключений и, поставив за себя наместников, решил теперь поскорее вернуться в Чехию, где ему представлялась новая деятельность. В ноябре 1337 г. он уже был в Брюнне.

Второе правление Карла в Чехии

Король Ян покинул Чехию 8 июля 1337 г., и его отъезд вызвал возвращение Карла. Он тотчас взял в свои руки управление страною, хотя и неизвестно, с согласия ли отца, или без

его ведома. Но те шаги, которые он делал в дипломатии, вели по той дороге, по которой пошел бы и его отец, только Карл был более выдержанным и опытным политиком.

Несмотря на то, что отношения к Польше за последнее время много улучшились, но они не были надежными, потому что все еще оставался важный повод к раздорам—Силезия. Поэтому Карл хотел по крайней мере с венграми сойтись теснее. В феврале 1338 г. в Вышеграде (венгерском) он добился соглашения, по которому от имени своего рода обещал помощь венгерскому королевскому роду на случай приобретения Польши по смерти короля Казимира; взамен этого со стороны будущих правителей Польши подтверждены чешския притязания на Силезию. Для скрепления договора дочь Карла Маргарита была обручена с венгерским принцом Людовиком.

Возвратившись в марте, Карл должен был опять готовиться к войне—против Николая из Потштина (z Potstyna), медлившаго возвращением некоторых королевских имуществ, которыми владел незаконно. Карл заставил его подчиниться требованию, но на следующий же год должен был опять выступить против него, так как непокорный Николай, стал производить грабежи, разъезжая по своим границам. На этот раз борьба окончилась разорением Потштина, в развалинах котораго нашел себе смерть и его владелец.

Но перед этим Карлу еще раз пришлось доказать свои дипломатическия способности. В это время императору Людовику удалось сильно подкрепить себя союзом с королем Англии Эдуардом. Этот союз был направлен против Франции, а так как Люксембургский род издавна имел тесныя связи с Франциею, то успехи новой коалиции могли угрожать и Люксембургам. По этой причине король Ян вызвал своего сына в Люксембурга. Карл, действительно, отправился в путь в июне 1338 г. Во Франкфурте он встретился с императором Людовиком. Осторожность заставляла его в эту минуту задобрить и успокоить более сильнаго противника, и, находя себе в этом оправдание, Карл первый приступил к переговорам с Людовиком, которому он подавал надежду на примирение с отцом. Людовику всегда было важно привлечь к себе Люксембургский род, и он дал слово не заключать этого перемирия без ведома Карла. Вероятно, по этой причине Карл не пошел дальше, а вернулся обратно в Чехию. Необходимо было тверже установить дружбу с Габсбургами, особенно в виду того, что положению Людовика нашлось новое подкрепление.

Отношение Людовика к папе и вытекавшая отсюда малосильность его вначале были на руку курфюрстам. Но когда курия, увлеченная успехом, позволила себе унижать противника, в чем предвиделась опасность для государства, тогда обязанностью курфюрстов сделалось выступить против притязаний курии. 15 июля 1338 г. в Регенсбурге они сделали постановление, резко возстающее против притязаний курии, и объявили, что избранный курфюрстами римским императором становится таковым в силу этого самаго избрания, не нуждаясь в особом одобрении курии.

Отношения герцогов австрийских к императору Людовику, правда, не были дружественны, но к союзу с английским королем они охотно присоединились, особенно когда представилась надежда на выгодный политически брак сына герцога Оттона с дочерью Эдуарда. По этой причине Карл в 1338 г. поехал в Вену. Подробности уговора нам неизвестны, но, судя по тому, что Карл, наконец, дал свое согласие на мир, заключенный в Эмсе, можно предположить, что дело не обошлось без взаимных уступок. Подобное же путешествие с по-

литическою целью было предпринято Карлом в начале 1339 г. в Венгрию, результатом котораго было то, чего и король Ян и Карл долго добивались: 9 февраля 1339 года Казимир польский выдал желаемый акт отречения от Силезии.

Положение императора Людовика, несмотря на настояния папы, чтобы он устранил короля Эдуарда от союза с ними, нисколько не пошатнулось, и это главным образом побудило короля Яна. искать у него мира. Он прибыл во Франкфурт в марте 1339 г., и тотчас начались совещания. 20 марта пришли к соглашению не без значительных жертв со стороны Яна. По окончательным условиям он должен был признать Людовика императором и получить от него на правах леннаго владения Чехию, Моравию и остальныя земли, которыми он владел. Для себя же он выгадывали то, что со стороны императора было признано право Люксембургской секундогенитуры в Тироле. Карл узнал о происшедшем по возвращении из Венгрии и был этим очень огорчен. Он понимал, что необходимо делать уступки, но доводить их так далеко он не хотел. Особенно он был против признания Людовика императором, не упуская из виду плана курии насчет его свержения и вручения этого титула более приятному ей кандидату. Поэтому он доказывал, что император обманул короля Яна, и на этом основании отказался подтвердить этот договор отдельным актом, как это требовалось.

В середине лета 1339 года Ян и Карл вместе отправились в Бреславль с целью утвердить свою власть над Силезиею. Но вскоре короля Яна опять стал манить издали раздававшийся гром войны во Франции. В Будишине он поставил Карла земским наместником Чехии, а сам поспешил туда; за ним скоро отправился и Карл, соскучившись по военном шуме. По окончании этой войны оба они направились на юг Франции. Король Ян хотел полечиться в Монпелье от болезни глаз, которую получил во время давнишняго похода в Литву, но тамошние врачи совсем лишили его зрения. Карл думал оттуда направиться в Испанию на войну против мавров и собирал для этой цели войско, однако на этот раз отец удержал его от этого опаснаго предприятия. Оба вместе они отправились в Авиньон, где Карл встретился со своим старым учителем, теперь уже кардиналом, Петром Роже. В дружеской беседе кардинал предсказывал Карлу, что ему суждено быть императором, на что Карл ответил любезностью собеседнику, что скорее он будет папою. И то и другое предсказание было возможным в отношении их обоих, в виду их личных достоинств и в виду планов курии заменить Людовика кем-нибудь более желательным для нея.

Возвращаясь домой, Карл остановился в Тироле и уговорил младшаго брата повидаться с Казимиром польским. Это свидание, несомненно, имело и другую цель, а не одно только желание представить брата польскому союзнику. Повидимому, речь шла о браке Казимира с сестрою Карла Маргаритою, вдовою по Генрихе баварском (ум. 1339), что и было достигнуто. Отсюда они посетили еще Венгрию, где им пришлось принять участие в безпорядках, возбужденных в Тироле собственною женою Яна-Генриха Маргаритою, которая, будучи недовольна мужем, задумала избавиться от него. Ян-Генрих поспешил в Тироль, куда вскоре вслед за ним отправился и Карл. Уничтожив заговор, он заключил Маргариту в тирольской крепости. Во время своего пребывания при дворе брата он укреплял его владычество новыми завоеваниями в южной части страны; также охотно пошел он на помощь дружественному им патриарху аквилейскому, особенно против графов Горицких, и только после этого вернулся в Прагу в начале марта 1341 года. Отец был уже здесь, вернувшись несколькими месяцами раньше, в декабре 1340 г.

В том же 1341 г., по крайней мере хоть отчасти, были признаны важныя заслуги Карла, когда в июне без особеннаго сопротивления короля чешский престол был признан наследственным в роде Люксембургов, в потомстве Карла. В это время проживала в Праге старшая сестра Карла, вдова Маргарита, невеста Казимира польскаго, давшая свое согласие на брак после долгих уговоров. Казимир прибыл с многочисленною свитою на свадьбу, но невеста тяжко заболела, и вскоре вместо свадьбы ему пришлось устраивать похороны. Однако, над гробом Маргариты был закреплен оборонительный союз Чехии с Польшею, и, кроме того, Казимир обещал при выборе себе другой невесты руководствоваться советами Карла, как и оказалось нисколько времени спустя.

Рядом с этими успехами Люксембургов на востоке события на западе складывались не так благоприятно. Графиня тирольская Маргарита, наконец-таки, избавилась от ненавистнаго мужа и нашла себе защиту у императора Людовика, с сыном котораго, Людовиком баварским, она обручилась, объявив прежнее свое замужество недействительным. Против такого усиления императора надо было искать поддержки в другом месте, и король Ян искал прежде всего более теснаго сближения с австрийским герцогом Альбрехтом. Позднее к нему отправился и Карл и успел заключить если не наступательный, то по крайней мере оборонительный союз на случай войны с императором (15 декабря 1341 г.). Но еще более укрепилось положение Люксембургов по смерти папы Бенедикта XII с избранием Петра Роже папою под именем Климента VI (7 мая 1342 г.).

Папской курии следовало быть настороже своих интересов, потому что завладение Тиролем открывало Людовику путь в Италию, что не могло быть приятным для курии. Король Ян уже в июне 1342 года навестил новоизбраннаго папу в Авиньоне, чтобы завязать сношения. Перед этим он условился с сыном, что, получив от него 5,000 гривен золота, он в течение двух лет не будет показываться в Чехии. Карлу между тем удалось вскоре помирить отца с бреславльским духовенством, отчасти благодаря смерти епископа Наукера, место котораго занял человек более покладистый. Вслед затем Карл тотчас отправился в Венгрию к смертному одру своего союзника, венгерскаго короля Карла. При этом был возобновлен дружественный союз с молодым Людовиком и уговор относительно его женитьбы на дочери Карла.

Этот период правления Карла в Чехии ознаменовался снова рядом деяний, имевших целью укрепление его власти и подъем государства. На первом плане стоят разныя предприятия, которыми он хотел снискать себе дружбу и поддержку у духовенства. Особенно важна была закладка собора Всех Святых на пражском замке. Свою политику относительно папы Карл основывал большею частью на мирных отношениях, но для него также было очень важно, чтобы и важнейшия духовныя места были занимаемы лицами для него желательными. Удалось ему это раньше в Бреславле, удалось и теперь в самой Праге, после смерти епископа Яна из Дражиц. То знание людей, которое позднее так часто замечалось в Карле, в первый раз ясно сказалось при назначении Эрнеста из Пардубиц пражским епископом.

Агитация Люксембургов против Виттельбахов

После замещения тирольскаго престола сыном императора вместо Яна-Генриха из рода Люксембургов, казалось, что дело непременно разрешится войною между императором и Люксембургами. И Карл понимал, что в конце концов ему не избегнуть войны, но хотя ему

и очень была чувствительна утрата Тироля, однако из-за этого только он не хотел ввязываться в войну. Противник был еще слишком силен, чтобы можно было безошибочно разсчитывать на благополучный исход борьбы. Имелось в виду пока ослабить противника и укрепить себя. Людовик часто, иногда даже непонятно из-за чего, добивался мира с курией. При Бенедикте XII он тратился ради этого на поддержание невыгоднаго союза с Англией, от Климента же он надеялся получить полное прощение. Во время переговоров он надавал больше обещаний, чем позволял его сан и достоинство. В ответ на это курия требовала возобновления давнишних процессов папы Иоанна XXII против Людовика. Тогда Людовик решился искать помощи у того, кто после французскаго короля имел наибольшее влияние в курии—у короля чешскаго.

Итак, в 1343 г. пред нами опять неожиданное положение: противники стоят друг против друга не с оружием в руках, а с предложениями мирнаго договора. Король Ян, который всегда нуждался в деньгах, готов был пожертвовать для Людовика Тиролем за 240,000 гривен серебра, который должен был получить младший его сын Вацлав вместе с рукою дочери Людовика; Ян-Генрих должен был получить в награду Лужицы. Но рядом с королем Яном, а иногда и выше его стоял в этот момент сын его Карл, с которым поэтому он и предпочел вести переговоры. Еще раньше, чем Карл узнал о договоре его с отцом, Людовику удалось 13 сентября 1343 г. добиться по крайней мере того, что Карл обещал хранить мир с приверженцами Людовика, «который называется императором». Нарушение мира должно было быть заявлено вперед за полгода.

Затем Людовик продолжал переговоры с Авиньоном, то ободряемый надеждами, то жестоко в них обманываясь. Поэтому он с радостью принял известие, что Карл, сильно возставший против соглашения с отцом, желает вместо отца сам вместе с братом вести переговоры с императором. Переговоры начались в январе 1344 г. Людовик обещал Яну-Генриху выдать за него свою дочь и в духовном завещании признать его равноправным наследником, а пока до своей смерти дать ему Нижнюю Лужицу. Но при самом окончании переговоры были прерваны неожиданным известием от короля Яна, который, пробыв продолжительное время в Авиньоне, узнал, что давнишний план курии сменить Людовика близок к осуществлению. Поэтому он вызвал Карла, и тот послушался отца. Подробностей переговоров с папой на этот раз мы не знаем; достоверно известно, однако, что благодаря усиленным стараниям Карла и Яна им удалось воспользоваться минутным недоразумением между курией и архиепископом майнцским, от котораго Чехия до тех пор зависела в церковных делах, и исходатайствовать повышение пражскаго епископа в архиепископы (30 апреля 1344 г.), а это обстоятельство, при тогдашней тесной связи церкви с государством, имело весьма важное значение для укрепления политическаго единства и самостоятельности Чехии. Слава Карла в это время настолько возросла, что даже осторожные и так долго избегавшие ближайшаго общения Габсбурги искали союза с ним. Герцог Альбрехт обратился к нему с предложением женить своего сына Рудольфа на дочери Карла, и получил согласие 14 июля 1344 г.

Но чем более росла сила и слава Карла, тем быстрее его противник близился к падению. Папа Климент в ответ на вторичное посольство Людовика, после долгих колебаний, выставил грозное требование—отречься от императорской короны и от престола, если он желает получить полную абсолюцию. Весть об этом вызвала волнение между князьями, при чем

несколько раз было подтверждено давнишнее регенсбургское соглашение. Но недовольство направлялось и против императора, который так унижал свое имя. Когда около половины 1344 года состоялось собрание курфюрстов в Бахарахе, в нем участвовали и Карл с отцом. Главным предметом совещаний был вопрос о Тироле, по поводу котораго избиратели находили, что отношения к нему императора являются оскорблением одного из сильнейших членов их коллегии; за него-то и решили вступиться, хотя вообще этот вопрос во всей своей целости не был для всех ясен. Когда же во время обсуждения отношений императора к курии и плана дальнейших действий было высказано пожелание, чтобы ему был дан помощник по управлению в лице римскаго короля, то между кандидатами называлось уже имя Карла, как будущаго короля. Император выставил с своей стороны кандидатом своего сына, но это его требование вызвало еще большее недовольство избирателей, которые боялись ограничения своих прав, если престол сделается наследственным. Все это послужило к упрочению новаго положения Люксембургов, особенно Карла, чему также содействовал заключенный вскоре союз с маркграфами мейссенскими. Зато угрожал разрыв с Польшею.

Король Казимир польский принадлежит также к числу выдающихся государей своего времени и своего народа. Дружественныя связи, которыя он поддерживал с Люксембургами, порвав свою давнишнюю дружбу с Виттельсбахами, обезпечивали ему в общем меньше выгоды, чем Люксембургам. Однако то обстоятельство, что при его посредстве Карл чаще совершал выгодныя финансовыя спекуляции, едва ли могло быть достаточным поводом к расторжению дружественнаго союза. Скорее это было вызвано опасением перед возрастающею силой Люксембургскаго рода, которому Казимир волей-неволей должен был пожертвовать Силезиею. Возвращения этой области было возможно добиться только удачною войной с прежним другом. Венгерский король Людовик стоял на стороне Польши, благодаря политике курии по отношению к его брату Андрею, котораго папа не соглашался признать королем Сицилии.

При таком положении дел король Ян в 1345 г. предпринял третий поход в Литву на помощь Немецкому ордену; ему сопутствовал и Карл. Блестящий поход окончился неприятным инцидентом: на обратном пути Карл в городе Калише был захвачен поляками в плен. Скоро он был выпущен, но тем не менее это подало повод к войне. Чешское войско под предводительством короля Яна подошло к самому Кракову, после чего заключено было перемирие.

Избрание Карла в римские короли

Между тем план курии и Карла против императора Людовика близился к осуществлению. Один из сильных союзников императора, архиепископ майнцский, Генрих из Вирнебурга, был смещен курией вследствие некоторых несогласий, а 22 апреля 1346 г. состоялся окончательный уговор Карла с курией на довольно тяжелых, впрочем, условиях. Карл обязывался: 1) возобновить все клятвенныя обещания своего деда Генриха VII и все обещания прежних королей; 2) все порядки, введенные Людовиком в Италии, отменить; 3) не вмешиваться в дела областей и городов, принадлежащих курии; 4) до коронования не приезжать в Рим и тотчас после коронации выехать из него; 5) прекратить все процессы, начатые Генрихом VII против непокорных подданных в Италии; 6) вступить в управление Италией только после утверждения папы; 7) в течение 8 дней по получении утверждения формально подтвердить все эти обещания; 8) по желанию папы удалить всех прелатов, которые во вре-

мя неурядиц завладели местами без права. Остальныя условия касались отношений Карла к Людовику и к королям Сицилии, Венгрии и Польши.

В числе этих условий мало было новаго. Важнее других были: отречение от прав на области курии и обязательство не вступать в управление Италиею до получения папскаго утверждения. Но эти обязательства брали на себя уже многие предшественники Карла. Многия из этих условий принял и Рудольф Габсбургский после своего избрания, а Людовик почти на все согласился, желая получить прощение папы. В договоре с Карлом только та особенность, что все эти обещания он дал до своего избрания. Но если обещания Карла могли считаться за признание претензий курии, до того времени часто отвергаемых, то нельзя винить Карла, что он согласился на это. Он, как недавно было сказано довольно метко, купил себе дружбу папской курии за самую сходную цену, какая была возможна в то время, когда после избрания Филиппа швабскаго и Оттона брауншвейгскаго, после Фридриха II, дело дошло до избрания Людовика и Фридриха австрийскаго. Что же касается обещаний, данных перед избранием, то также была высказана остроумная мысль, что Людовик хотя и принял условия после избрания, однако потерпел крушение, а Карл выиграл. Карл должен был принять предложенныя условия, потому что, не имея сильной партии за собою в Германии, нуждался в помощи папы; он обещал много, пожалуй все, что было в его власти, но на этом и окончились его уступки; дальше этого он не хотел итти и никогда не шел. После этого папа созвал курфюрстов на выборы, происходившие в Регенсбурге 11 июля 1346 года. Карл получил избирательные голоса от Чехии, от Саксонии и от трех духовных курфюрстов (майнцский был против). Большинство голосов было куплено за деньги, как это издавна вошло в обычай[1]. Вскоре после избрания Карл, несмотря на то, что положение его еще далеко не было прочное, отправился с отцом в поход на помощь французскому королю против Англии. 26 августа 1346 года произошла битва при Креси (Crecy), в которой слепой король Ян, узнав, что союзники бегут, велел привязать своего коня к коням двух верных спутников и нашел себе смерть в самой ожесточенной сече. Карл также принимал участие в битве, но раненный спасся бегством. Этот поход задержал утверждение со стороны курии, по поручению которой он был коронован 26 ноября 1346 г. в необычном месте — в Бонне.

Положение Людовика не было особенно поколеблено избранием Карла; наоборот, задумав начать войну, он нашел себе многих союзников. От герцога австрийскаго Альбрехта он, правда, не получил согласия, но не получил его и Карл, когда прибыл туда в феврале 1347 г. Карл попытался было отнять у Виттельсбахов Тироль, но после незначительнаго успеха потерпел поражение и должен был вернуться в Чехию. Здесь он короновался новою, специально изготовленною короной, которая должна была находиться всегда на главе св. Вацлава и могла быть употребляема только для коронования королей, как того требовал подлинный чин коронования, составленный самим Карлом. Поэтому она носит название короны св. Вацлава (Svatovaclavska). Затем, снарядив многочисленное войско, он направился в Баварию, но у границы его застигло известие, что император Людовик умер от раны на охоте 11 октября 1347 года.

Смерть императора Людовика значительно укрепила положение Карла. До тех пор у

1 Об избрании Карла см. Worthmann, Die Wahl Karls IV zum romischen Konig. Breslau, 1875; Freyberg, Die Stellung der Geistlichkeit zur Wahl und Anerkennung Karls IV. (Dissert.). Halle, 1880.

него мало было сторонников, и те, которые ему не сочувствовали, легко могли во всякое время принять сторону Людовика, как законнаго императора, справедливо называя «поповскаго короля» (Pfaffen-Konig) Карла узурпатором. Но смерть Людовика облегчила узаконение прав Карла. Он тотчас предпринял объезд империи, повсюду принимая верноподданническия заявления или силою вымогая признание своей власти. Виттельсбахи не могли ему оказать серьезнаго сопротивления. Гораздо более представилось бы опасности для Карла, если бы сын Людовика, маркграф бранденбургский, захотел добиваться престола своего отца: на его стороне были бы, несомненно, симпатии всех друзей Людовика. Но со стороны Виттельсбахов было большой политической ошибкой, что они, очевидно, надеясь на помощь извне, 10 января 1348 г. избрали в Оберланштейне (Oberlahnstein) королем Эдуарда III английскаго, который однако, после некотораго колебания, отклонил избрание. Этот эпизод не помешал Карлу в дальнейших успехах, равно как после не помешали ему и переговоры о кандидатуре Фридриха мейссенскаго. Обе стороны, правда, были готовы к войне, но дело кончилось миром, благодаря посредничеству герцога австрийскаго. Герцог Альбрехт, после некоторой нерешительности, пристал к Карлу, при чем возобновлено было старое условие о браке сына его Рудольфа с дочерью Карла Екатериною. При его содействии произошло примирение с Виттельсбаховскою партией в Пассау; но когда это примирение было ею своевольно нарушено, то Карл не поколебался воспользоваться удобным случаем, чтобы нанести Виттельсбахам удар в их собственных владениях. В Бранденбургском маркграфстве нашелся какой-то мельник, выдававший себя за маркграфа Вальдемара, умершаго 19 лет назад. Поразительное сходство с умершим маркграфом и интриги некоторых князей, поддерживавших самозванца из эгоистических видов, были причиною того, что он скоро был признан за настоящаго Вальдемара. Этот соперник Виттельсбахов появился без участия со стороны Карла, но он воспользовался самозванцем, дал ему ленныя права на владение 2 октября 1348 г. и при этом удобном случае присоединил к Чехии Нижнюю Лужицу. Вскоре после этого Карлу удалось помириться с своим противником и прежним другом на востоке, Казимиром польским. Это произошло во время их личнаго свидания в Намыславе 22 ноября 1348 г.

Партия Виттельсбахов прибегла к последнему решительному шагу. 30 января 1349 г. ею был избран Гюнтер шварцбургский, верный приверженец партии и хороший боец, но не обладавший такою силою, которая теперь была необходима для борьбы с Карлом. Сторонники Карла ответили на это союзом курфюрстов и некоторых князей против всякаго претендента и в частности против Гюнтера (в Кельне, в февр. 1349 г.). Но еще более чувствительный удар был нанесен Гюнтеру и всей противной партии женитьбою Карла (овдовевшаго в 1348 г.) на дочери пфальцграфа Рудольфа Анне, благодаря чему самый видный из членов Виттельсбаховской партии вступил в связь с Карлом. Когда же еще на сейме в Шпейере приверженец Карла в архиепископстве майнцском получил преимущество пред Генрихом вирнебургским, тогда Карл мог уже с безошибочною уверенностью считать за собою победу над противником. Правда, на том же сейме Гюнтеру предлагали покончить дело миром, но когда он отверг это предложение, то началась война. Богиня военнаго счастья на этот раз оставила своего прежняго любимца, уже состаревшагося Гюнтера, и склонилась на сторону более молодого Карла. Положение Гюнтера с этих пор становится сюжетом для трагедии. Те, которые содействовали его возвышению до печальной роли слабаго соперника

короля, теперь оставили его, ища сближения с Карлом; а когда Карл осадил город Эльзвиль (Elsville), Гюнтер предложил мир, который действительно состоялся. Карл по отношению к противнику выказал себя великодушным; с Людовиком Виттельсбахом и его приверженцами также устроено примирение. После этого 25 июля 1349 г. Карл вторично короновался в обычном месте—в Цахах и, устроив некоторыя неотложныя дела, уехал в Чехию, чтобы там успешно продолжать свою деятельность.

Внутренния реформы в Чехии

Уже при своих неоднократных возвращениях из Германии на родину Карл выказывал заботы о развитии благосостояния своего народа и о поднятии его нравственнаго уровня. Из этой области его деятельности особенно памятна была закладка Новаго Места в Праге в 1348 г. Оно должно было захватить и прежнюю Прагу (Старое Место) на правом берегу Велтавы. Раньше здесь было несколько селений, объединенных теперь в одно городское общество одним городским правом. Прежнее население увеличилось в численности вследствие перенесения сюда из Стараго Места некоторых ремесленных заведений; отчасти стремилось сюда население также и из других мест. В истории городского устройства в Чехии этот факт составляет своего рода эпоху. Это первый пример допущения туземнаго населения к пользованию выгодами городского устройства, тогда как раньше этим преимуществом пользовались только пришлые чужеземцы. В числе многих причин основания Новаго Места можно было бы привести одну, стоящую в связи со всею деятельностью Карла на пользу народа. Можно было, именно, ожидать значительнаго прироста населения вследствие основания Пражскаго университета. Уже много времени пред тем Карл получил согласие папы на учреждение этого высшаго учебнаго заведения; в апреле 1348 г. была получена соответственная грамота на право закладки, подтвержденная 14 января 1349 г. Карлом, как римским королем. По мысли Карла, это учреждение должно было служить сынам Чешскаго государства, «чтобы им не приходилось побираться у чужих столов»; относительно же своего внутренняго строя университет должен был следовать примеру университетов Парижскаго и Болонскаго (хотя в сущности эти два образца трудно было соединить вместе). Университет имел четыре отделения, по народностям: чешской, баварской, саксонской и польской, так что три отделения предоставлены были немцам, так как и в польском отделении их было большинство[1].

Вместе с тем Карл старался точнее определить и узаконить отношения Чехии к империи в вопросах государственнаго управления; в этом смысле особенно важен был генеральный сейм, созванный весною 1348 г. На нем было выдано значительное количество актов, узаконявших отношения Моравии и Силезии к Чехии и признававших эти государства ленами, зависящими непосредственно от Чехии, а никак не от германской империи; отчасти же были подтверждены только относящиеся сюда древние акты. Кажется, на этом же сейме Карл представил проект закона, известнаго под именем Maiestas Carolina, который он частью сам написал, частью велел составить; о нем речь впереди.

1 Лучший труд по по истории Пражскаго университета принадлежит Томку (V. V. Tomek, Deje university Prazske. V Praze, 1849), в сокращенном виде: «Geschichte der Praga-Universitat» (там же, 1849). Некоторыя добавления за последующее время сделали V. Novacek и Tadra. В 1897 г. начал издавать свое исследование Винтер (Winter, Deje vysokych skol Prazskych), но оно посвящено главным образом новейшему периоду. Ср. также Denifle, Die Universitaten des Mittelalters.

Черная смерть и самобичеватели

Первоначальное правление Карла в Германии было для него неутешительно, как по указанным причинам, так и по некоторым другим. Как раз в это время была занесена сюда страшная эпидемия «черной смерти», распространившаяся с ужасною быстротой и безпощадно уничтожавшая население на обширном пространстве Германии, на ряду с южными государствами[1]. Народная молва, в приискании причин этого страшнаго мора, находила их в мнимом отравлении колодцев евреями, против которых и было направлено неукротимое бешенство народной массы. Эта безумная выдумка была, повидимому, сочинена позднее, потому что для всех было ясно, что мор не щадит евреев так же, как и христиан. Главная причина преследования евреев крылась в социальных условиях жизни. Многие князья и частные владельцы очень задолжали евреям, и им представлялась возможность легко избавиться от неприятных кредиторов. Преследования продолжались в течение 1348—51 годов. Карл не мог особенно резко вступаться за евреев, которые считались в ведении палаты королевских имуществ; у него недоставало для этого и военной силы. Хотя он не был ни сторонником, ни пособником слепой народной ярости и фанатическаго кровопролития, но он понимал проистекавшия отсюда последствия для своей финансовой политики. Имущество разоренных евреев оставлено было в руках разорителей, которые часто занимали высокое положение; этим имелось в виду приобрести и укрепить их расположение к королю. Рядом с этими двумя явлениями обнаружилось третье—появление так называемых самобичевателей. Свирепствовавший мор вызвал подъем религиознаго чувства, выражавшагося во всеобщем покаянии, в крестных ходах, при чем толпы самобичевателей, производивших сильное впечатление своим страшным покаянием, быстро увеличивались. Этому отчасти способствовала их оппозиция против духовенства. Эта оппозиция коренилась уже в слагавшемся постепенно враждебном взгляде народа на духовенство: враждебность эта особенно возросла, когда во время спора императора Людовика с курией народ был самоличным свидетелем недостойнаго поведения властолюбивой курии и тем легче замечал всякие непорядки в церкви. Но, возставая отчасти против церковнаго клира, самобичеватели распространяли свою оппозицию и на всю церковь в области догматических учений, как и вообще в средние века от аскетизма было недалеко до ереси. И это именно было причиною строгих запрещений против них. В Чехии они появились в 1349 г. и нашли сначала радушный прием, но вскоре были изгнаны архиепископом Эрнестом.

Карл все еще не мог надолго утвердить свое местопребывание в любимой Чехии, несмотря на то, что, вернувшись в последний раз из Германии, он прожил здесь довольно долго. Необходимо было добиться окончательнаго мира с Виттельсбахами. Своему брату Яну-Генриху он уже в 1349 г. выхлопотал разрешение на вторичный брак с Маргаритою, дочерью Николая опавскаго, по получении развода с Маргаритою тирольскою. От своих притязаний на Хорутанию и Тироль он давно отказался; оставалась еще марка Бранденбургская, в которой он недавно утвердил самозванца Вальдемара против Виттельсбахов. При посредничестве влиятельных князей, особенно тестя Карла, удалось начать переговоры в Будишине (Бауцене) в 1350 г., при чем 14 февраля были выработаны условия договора, а 16 февраля Карл утвердил ленныя права Виттельсбахов на все их земли и на марку. Вскоре

1 Этому вопросу недавно посвятил свои работы Лехнер (Lechner, Das grosse Sterben in Deutschland in den Jahren 1348—51. Innsbruck, 1884, и Die grosse Geisslerfahrt des Jahres 1349 (Histor. Jahrbuch, V).

после того, 21 марта 1350 г., были перевезены от них в Прагу императорския регалии, принятыя с большою церемониею. Помещенныя в Карлштейне[1], оне показывались только один раз в год.

Кола-ди-Риенцо

По перенесении императорских регалий Карл остался в Праге на более продолжительное время. К этому времени относится интересный эпизод посещения его Колою-ди-Риенцо. Этот мистически настроенный итальянский патриот-мечтатель, незадолго перед тем превознесенный на вершину власти римским народом, котораго он объявил владыкою мира, очень скоро убедился в непостоянстве симпатий этого владыки. В качестве римскаго народнаго трибуна он в 1347 году звал на свой суд двух враждующих между собою соперников, Людовика и Карла, но вскоре сам, низвергнутый вознесшим его народом, искал прибежища и успокоения в Абруццах среди отшельников, которые принадлежали к строгой секте «братьев» (fraticelli), возникшей среди францисканцев и отверженной церковью. Здесь-то явился и окреп план Колы-ди-Риенцо под влиянием пророчества «брата» Анджело, предсказывавшаго обновление испорченнаго мира через божьяго избранника и римскаго короля. Этим избранником Кола считал себя, поэтому он вскоре отправился к римскому королю. Постом 1350 г. он пришел в Прагу и там сначала был принят своим соотечественником Анджело, флорентийцем, который выхлопотал ему доступ ко двору. Но Карл не желал быть политическим мессиею для Италии, имея своим предтечею Колу. Он еще в молодости достаточно узнал всю ненадежность итальянскаго народа, который наверно готов был во всякое время закричать на своего мессию: «распни его!», по приказанию папы. Когда на королевском собрании Кола высказал свое желание, чтобы Карл отправился в Италию для постояннаго пребывания там, обещая при этом подготовить для него почву в Риме, Карл предложил ему изложить свои планы письменно. Между тем уже в то время среди духовенства слышались голоса, требовавшие, чтобы Кола за высказываемую им ересь был подвергнут инквизиции. В июне Карл внял этим требованиям. Кола был выдан в руки архиепископа Эрнеста и заключен в Руднице. Оттуда в послании к Карлу он просил освободить его, снова излагая свои планы, при чем ссылался даже на родство с Карлом, называя себя незаконным сыном Генриха VII. Карл опроверг его в ответном письме, полном цитат из Св. Писания, что дало повод Коле к составлению новаго обширнаго послания, которое, однако, осталось без ответа, как и все его письма к архиепископу Эрнесту. Об его арестовании Карл послал донесение в Авиньон, откуда было прислано требование о его выдаче. Хотя Карл не хотел и не мог принять фантастических планов Колы, равно как и не имел в виду пользоваться его личностью для полнаго достижения своих тайных замыслов по отношению к курии, тем не менее, имея Колу в своих руках, он надеялся добиться от папы уступок—разрешения на въезд в Рим и коронования императорскою короной. Уже в 1350 г. Карл задумал поездку в Италию, куда его звали многочисленные приверженцы, хотя он хорошо понимал, что ими руководят эгоистическия цели.

К голосам, вызывавшим Карла в Италию, в начале 1351 г. присоединился и знаменитый поэт Франческо Петрарка. Его восторженное послание к Карлу своим фантастическим содержанием очень напоминало мечтательные порывы Колы-ди-Риенцо. Карл очень высоко ценил Петрарку, но тем не менее ответил ему указанием несбыточности его планов. Но

1 Дворец, выстроенный Карлом на крутой скале, близ Праги.

вскоре ему были сделаны более реальныя предложения из Италии. Города: Флоренция, Сиенна и Перуджиа, бывшие до сих пор надежнейшими столпами папской партии гвельфов, теснимые миланскими Висконти, вздумали искать союза с Карлом, и он через своего посла Генриха, священника здеражскаго, вступил с ними в переговоры в начале 1352 г., а уже в апреле того же года было заключено условие, по которому Карл в том же году должен был прибыть в Италию. Известие об этом соглашении подало повод синьорам Висконти сблизиться с курией. Папа, ожидая по этому поводу неприятностей от Карла, старался поскорее отнять у него такой опасный элемент, какой представлялся в лице Колы, и в феврале 1352 г. еще раз категорически потребовал его выдачи. Карл удовлетворил требованию, и Кола был отправлен в Авиньон. Здесь его сначала судили, как еретика, но после преемник Климента VI (ум. 2 декабря 1352 г.) послал его в Рим, где он был замучен в 1354 г.[1]

Римский поход Карла

Переговоры с тосканскими городскими общинами затянулись, Карл долго готовился и долго не мог тронуться. Сперва его удерживали разныя дела дома и в Германии, куда он должен был ездить (в Пернау, в 1351 г.) по делу о Бранденбургской марке, потом сношения с преемником Климента VI, Иннокентием VI, и другие осложнения. Овдовев вторично и не имея наследника, Карл задумал еще вступить в новый брак. Из силезских князей один Болек свидницкий был независим от Чехии и в политических спорах часто становился на сторону ея противников. Наследницею его являлась 14-летняя дочь Анна. Карл еще в 1350 году искал ея руки для своего только что родившагося сына. Теперь, лишившись сына и жены, он предложил ей в мужья самого себя, и 27 мая 1352 г. была отпразднована свадьба в Будишине. 28 июля Анна была коронована в Праге чешскою короной, после чего новобрачные отправились в Германию. Здесь в числе прочих дел Карл был занят покупкою значительных пфальцских имений. Во время своего пребывания здесь он отпраздновал также коронацию королевы Анны в Цахах 9 февраля 1354 г., а вслед затем повысил Люксембург в герцогство, и первым герцогом назначил своего брата Вацлава.

Между тем приглашения из Италии все продолжались; к прежним городам присоединилась и Венеция, и Карл несколько раз давал обещания, но только 26 сентября 1354 г. он отправился в путь из Нюренберга. 14 октября в городе Удине (Udine) к нему присоединился незаконный сын короля Яна Николай, патриарх аквилейский, и здесь же получено было известие о смерти сильнаго противника Карла и курии Джованни Висконти. Для переговоров с представителями этой партии Карл должен был довольно долго пробыть в Мантуе, при чем, вопреки ожиданиям своих приверженцев, он оставил за членами этой фамилии их владения за 60,000 дукатов. В Милане он короновался лонгобардскою короной 5 января 1355 г. В Пизе он принимал посольства и дары от владетельных фамилий и от городов итальянских. Здесь же догнал его отряд в 4,000 всадников из Чехии, сопровождавший его в дальнейшем походе.

1 апреля он расположился лагерем перед Римом; на другой же день, в четверг на страстной неделе, он отправился переодетый в город и пробыл там до субботы ради церковных служб. В Светлое воскресение 5 апреля со всею пышностью во главе войска он вступил в вечный город. В соборе св. Петра он принял из рук кардиналов корону, которую возложил

1 О Коле-ди-Риенцо писали Pelzel и Pappencordt. Его письма издал Gabrielli, Cola-di-Rienzo. Epistolario (Roma, 1890).

себе на голову, после чего была коронована и его супруга. После пира в Латеране он в тот же день покинул Рим согласно обещанию, данному папе.

Не мало унизительнаго в этих поступках Карла, особенно если мы вспомним многих из его предшественников, которые достигали короны силою, против воли курии. Но больше мы видим здесь такого, что способно вызвать уважение. Особенно обращают на себя внимание не только его верность данному слову, которую его предшественники часто нарушали, но и редкое самоотречение и политическая прозорливость, с какою Карл готов был скорее снести насмешки современников (и Петрарка был недоволен им и после упрекал его в этом), чем самому нарушить мир и лишиться спокойствия, купленнаго дорогою ценою. Карл стоял во главе внушительной военной силы (около 14,000), и он легко мог выказать непослушание папе и дать отпор всякому противнику. Но он прежде всего спрашивал себя, каковы будут политическия последствия подобных поступков. Время было уже не то, что при Оттоне I и Генрихе III: это не помогло бы Карлу и насилие не повело бы ни к чему хорошему; поэтому он подчинил свое самолюбие более высоким требованиям времени и обстоятельств. После коронования он удалился даже из окрестностей Рима. На обратном пути в Пизе он имел случай еще раз убедиться в ненадежности итальянцев. На основании ложных слухов, будто Карл хочет продать Флоренции город Лукку, принадлежавший до тех пор Пизе, со стороны партии лиц, которых перед тем император лишил власти, составлен был заговор, зачинщиками коего были главным образом члены рода Гамбакорти. В ночь на 20 мая был подожжен дворец, в котором находился император, и Карл с супругою только быстрым бегством в ночной одежде спаслись от гибели. Но на другой день возстание вспыхнуло с тем большею силой, и оно было подавлено только благодаря обдуманным действиям Карла, которому удалось удержать одну партию от участия в возстании и воспользоваться ею для усмирения других. Зачинщики были отданы под суд. Дальнейшее отступление Карла из Италии было похоже почти на бегство и подало повод к многим насмешкам и осуждениям, которыя и до новейшаго времени повторяются в исторической литературе. Действительно, весь этот поход ничем не напоминал собою кровопролитных шествий его предшественников, и в нем не было ничего героическаго, но для укрепления власти императора он имел больше значения, чем имела бы завоевательная политика. Справедливо говорит об этом Линднер: «Император не приобрел славы и чести, но зато он достиг больших результатов, чем непосредственные его предшественники, которые брались за непосильный Сизифов труд. Он опять обновил достойным образом титулы императора немецкаго и римскаго... Папы должны были примириться с тою тесною связью, которая установилась между Италиею и немецкою империей. Вообще было достигнуто все, чего можно было достигнуть в Италии. Если Генрих VII хотел владеть обеими странами, а Людовик старался одолеть гвельфов при помощи гибеллинов, то Карл не без хитрости сумел пользоваться обеими сторонами. Правда, Пиза могла по праву быть недовольна его обхождением, но иначе и сам ангел напрасно бы искал прямого пути среди раздоров, которые терзали Италию»[1].

1 По вопросу об итальянской политике срв. следующие труды: *Werunsky*, Die italienische Politik Papst Innocenz's VI und Konig Karls IV in d. Jahr. 1353—54. Innsbruck, 1878; *его же*: Der erste Romerzug Kaiser Karls IV (ibid. 1878); *Th. Menzel.*, Italienische Politik Kaiser Karls IV, Th. I (1355—68), Dissert., Halle, 1880, Th. II (1347—68), Prag, Blankenberg, 1885; *Ungefroren*, Der erste Romerzug Karls IV (Dissert., Halle, 1894).

Устроение Чехии

Остановившись на короткое время, по возвращении из Италии, в южной Германии, Карл спешил в Чехию, где его ожидали многочисленные законодательные труды. К дню св. Вацлава в 1355 г. был созван генеральный сейм из представителей всех земель чешской короны, в лице их правителей или наместников. Здесь прежде всего утверждена неприкосновенность чешской короны подтверждением и расширением старых законов. Моравия, которою с 1349 г. Ян-Генрих владел на ленных правах, снова объявлена чешским леном, от котораго ничто не должно быть отчуждаемо, а по прекращении рода владельца она должна перейти в собственность чешскаго короля. Нечто подобное случилось и с Верхнею Лужицей. Кроме того, был установлен определенный порядок наследования чешскаго престола, который объявлен наследственным в роде Люксембургов по обеим линиям, т. е. по линии Карла, который до сих пор не имел сына, и Яна-Генриха. На случай прекращения династии Карл уже раньше (7 апреля 1348 г.) установил правило, что в таком случае представители Чехии и присоединенных к ней областей имеют право избрать себе короля. На этом сейме была также обсуждена так называемая Maiestas Carolina, которая имела быть обязательною для всего государства, но никогда не была принята в полном виде[1].

Во всей этой законодательной деятельности Карл является не столько проводящим новые, широкие законы, сколько организатором, упорядочивающим старые правовые обычаи, хотя его уложение не лишено и нововведений. Власть короля в Чехии в то время не была неограниченною; наоборот, она была связана различными правами дворянства, которыя, благодаря обычаю, вошли в законную силу. Карл не думал нарушать этих прав, но он хотел кодифицировать их, чтобы установить границы, которыя бы ни та, ни другая сторона не могла переходить. Очень важное нововведение сказывалось и в том, что Карл хотел определить законодательным порядком, какия королевския владения никогда не должны отходить от казны не только путем продажи, но даже хотя бы посредством временнаго залога. Этим имелось в виду прекратить на будущее время то унижение и ослабление королевской власти, какое застал Карл при первом вступлении в управление государством. Но это послужило главным поводом к сопротивлению дворянства, которое опасалось усиления королевской власти и ограничения своей силы. По причине этого сопротивления Карл отказался от своего уложения, и на сейме 1355 года не провел его во всей целости, но отдельныя его части были приняты, например, некоторыя распоряжения, касающияся реформы суда с предоставлением народу права обращаться в земский суд с жалобами на своих притеснителей-дворян, и многия другия. Иныя постановления не получили санкции на сейме, но уже издавна считались имеющими силу закона; так, против излишняго увеличения силы духовенства было запрещено давать ему земли без разрешения короля. Но более всего Карл старался о том, чтобы точно определить границы взаимных отношений между Чехиею и немецкою империей. Это установлена Золотою буллой, которая принята на имперских сеймах в Нюренберге 10 января и в Метах 25 декабря 1356 г.[2]

---

1 Maiestas Carolina издана лучше всего *Палацким* в латинском подлиннике с чешским переводом в «Чешском Архиве» (III). Литература о ней: *F. Pelzel*, Die Maiestas Carolina—в «Mitth. d. Vereines d. Gesch. d. Deutsch.» Bd. VI; *Werunsky*—в «Zeitschrift der Savigny-Stiftung», X.

2 Наилучшее издание Золотой буллы см. Harnack, Has Kurfursten-Kollegium (Giessen, 1883). Из литературы см. Lindner, Die Goldene Bulle und ihre Originalausfertigung—в «Mittheil. Instit. osterr. Geschichtsforsch.» V; Harnack. Die alteste Ausfertigung der Goldenen Bulle—в «Forsch. zur deutsch.

Золотая булла

Золотою буллой Карл хотел прежде всего дать немецкой империи прочный мир и порядок и предотвратить на будущее время возникновение раздоров. Калоусек говорит о ней: «Со всех сторон имелось в виду исправить все то, что в германской империи, разрушаемой в течение столетий несчастным сцеплением обстоятельств, еще можно было исправить»; а Линднер прибавляет к этому: «В основе своей Золотая булла содержит в себе мало новаго, но значение ея состоит в том, что она дала собрание важных законов, сохранившее навсегда свою цену. Этим самым она составляет эпоху в имперском законодательстве, основою котораго она всегда служила, пока существовала римская империя, и она является первым основным ея законом. Карл начал наверстывать то, что было упускаемо столетиями ко всеобщему вреду государства».

Карл, во-первых, стремился предотвратить распри, возникавшия от неправильных выборов. До сих пор при выборах требовалось единогласное избрание. Карл установил, чтобы выборы считались законными, если избираемый получит большинство голосов присутствующих курфюрстов, число которых, дошедшее с течением времени до семи, объявлено законным и предельным. Избирательное право до сих пор считалось принадлежностью рода каждаго курфюрста, что часто вело за собою несогласия и раздвоение при выборах. Теперь избирателем признан только тот, кто владел землей, дающею право избирательнаго голоса. Из светских курфюрстов на первое место поставлен чешский король, но привилегированное положение Чехии служило для других курфюрстов примером для достижения и себе уступок со стороны императора. И они получили постепенно то, что Чехия давно имела. Это именно было: право чеканить монету и разрабатывать рудники, право на евреев, privilegium de non evocando, т. е. чтобы подданный не был вызываем в иной суд, кроме местнаго, и др. Для обезпечения порядка Карл хотел, чтобы курфюрсты съезжались хотя бы один раз в год. В случае, если бы престол остался незанятым, пфальцграф должен взять на себя управление землями, пользующимися швабским правом (в южной Германии), а к курфюрсту саксонскому переходило управление землями, пользующимися саксонским правом (в северной Германии).

Особенно интересна Золотая булла в отношениях к папе. Перед своим избранием, как уже известно, Карл связал себя целым рядом уступок. В Золотой булле о папе ничего не говорится, но именно этим умолчанием высказано много. Учреждением звания викариев на случай смерти короля, очевидно, Золотая булла возстает против притязаний курии назначать от себя викариев в подобных случаях. Согласно с этим Золотая булла вовсе не признает, чтобы без конфирмации папы новоизбранный император не смел вступать в управление Германиею (как этого не признал и сам Карл в своей капитуляции); наоборот, она утверждает, что одно избрание уже дает избранному полное право принять на себя управление.

Отношения Чехии и Германской империи ясно определены Золотою буллой. Правда, Чехия всегда пользовалась привилегированным положением, но все-таки она считалась леном немецкой империи. Впрочем, обязанности правителя Чехии были меньше и иного характера, чем повинности прочих немецких вассалов, при том они иногда менялись в зависимости от политических влияний и от силы отдельных немецких государей. Эта связь

Gesch.» XXIV.

ослаблена и нарушена великою привилегиею Фридриха II от 1212 г., которою помимо остальных выгод прежния вассальския обязанности сокращались до исполнения таких повинностей, как снаряжение 300 всадников для сопровождения императора в Рим, или уплата взамен этого 300 гривен серебра, а также некоторыя еще менее важныя обязательства. Позднейшия события опять изменили и затемнили эти условия. Карл тотчас по достижении немецкаго престола подтвердил Фридрихову привилегию актом 7 апреля 1348 г., дав некоторым местам ея более ясное изложение. Окончательное узаконение отношений Чехии к немецкой империи дано Золотою буллой. Хотя она и в этом пункта не дает много новаго, но за-то ею узаконено то, к чему постепенно привело долголетнее политическое развитие, а некоторыя ея места своим возвышенным тоном парализуют те попытки, которыя делались со времени издания Фридриховой привилегии во вред самостоятельности Чехии. Правда, Чехия осталась в зависимости от немецкой империи, как ея первая составная часть; но эта связь сообщила ей больше выгод, чем обязанностей. Различие сказывается уже в отделе, трактующем о наследовали в отдельных курфюршествах. В то время, как остальные лены, в случае прекращения княжескаго рода, переходят к королю, который может их передавать новым правителям по своему усмотрению, для Чехии в таком случае оставлено в силе давнишнее право избирать себе короля; уступленное остальным вассалам право de non evocando в Чехии расширено привилегиею de non appellando, имеющею тот смысл, что от королевскаго суда нет аппеляции. По закону Золотой буллы Чехия перестает быть немецким леном, и хотя чешский король считается императорским вассалом, но только в смысле владения значительными землями в империи и наследственным правом курфюрста. Золотая булла вместе с остальными законами Карла положила основы чешскому государству. В области домашней, так сказать, деятельности Карла в этот период заслуживает внимания закладка монастырей св. Амвросия и св. Екатерины (1355 года), которыми увеличено значительное число монастырей, основанных им раньше на Новом Месте; в ряду последних выделялись монастыри в Карлове и Эмаусах (осн. в 1348 г.) с славянским богослужением, в чем, однако, нельзя усматривать желания воскресить в Чехии славянскую литургию, давно забытую.

В 1356 году посетил Чехию Казимир Польский. У него опять начались неприятности с немецким орденом, и он хлопотал о возобновлении намыславскаго договора. Среди занятий важными делами он не забывал и о развлечениях. Между прочим, ему понравилась одна вдова, пражская мещанка, Христина Рокичанская, которую он взял себе в жены, хотя и был женат. Интересен был также приезд в Прагу поэта Петрарки в 1356 году, о чем этот итальянский поэт и патриот впоследствии вспоминал с особенным удовольствием. В 1357 году совершено торжественное освящение Карлштейна и закладка пражскаго моста.

Интриги Рудольфа австрийскаго

Серьезная опасность стала вскоре угрожать со стороны Австрии. Герцог Альбрехт II умер в 1358 г. (20 июля), а после него принял правление его 19-летний сын Рудольф IV, зять Карла. Он отличался дарованиями и способностями к правлению, но еще более честолюбием, благодаря которому он не мог примириться с тем, что Золотою буллою за курфюрстами признаны права, добытая ими с течением времени, и этим они получили больше значения и силы, чем остальные князья. Стремление этого молодого честолюбца, который сумел оценить величие Карла и подражал его деяниям—основал, напр., в Вене университет,

привело его к некрасивым поступкам.

Не имея надежды достигнуть иначе своей цели, он прибегнул к подлогам. Он приказал изготовить ложныя грамоты от имени Генриха IV, Фридриха I, Генриха VI и Фридриха II, в которых будто бы давно было дано австрийским герцогам то, чего теперь добивался Рудольф. Некоторыя грамоты подделаны очень искусно, так что только в последнее время доказана неоспоримая их подложность; другия же тотчас возбудили подозрение в их подлинности, как, например, грамота Генриха IV, подтверждающая давнишния привилегии, данныя Юлием Цезарем и Нероном. Карл не сомневался в подложности ея, но все-таки показал ее Петрарке, который тоже отозвался о ней с негодованием. Имея основательное сомнение в одном документе, Карл не решился признать и остальные. Тогда Рудольф стал отыскивать другия средства, чтобы помочь себе. Заметив натянутыя отношения курии с Карлом, он стал проводить в Авиньоне мысль о необходимости избрания новаго короля.

Карл в своей политике стоял за мирныя отношения к церкви, которой он действительно был предан. Он был человек очень набожный, о чем свидетельствуют многочисленные вклады и наделение имуществами церквей и монастырей, постройка новых храмов и старательное, доходящее даже до смешного собирание мощей. Но в этой своей преданности церкви он не шел так далеко, чтобы потворствовать властолюбивым причудам курии во вред себе и своей империи. Что же касается его религиозности, то именно она и заставляла его стать в ряды тех, которые стремились к преобразованиям в церкви, необходимость которых постоянно сказывалась все более и более. А это именно стремление Карла к улучшениям в этой области и заволокло тучами его отношения к папе.

Когда на сейме в Майнце в марте 1359 г. папский нунций потребовал для папы подати с вновь замещенных епископств, то скрытое недовольство вырвалось наружу, и Карл, давая волю своему чувству, заявил нунцию, что лучше бы папа позаботился об улучшении нравственности духовенства, при чем высказал угрозу, что, если об этом не позаботится папа, то он сам принудит духовенство к исправлению путем секвестрации духовных имений. В этом же смысле он писал потом немецким епископам, повторяя угрозу.

Герцог австрийский снова выступил против Карла с надеждою добыть себе императорскую корону. В противовес этому Карл добился от курфюрстов обещания, что после его смерти ни Рудольф, ни кто-либо другой из Габсбургов не будет избран королем. Но дело обошлось без войны. Карл избегал ея, а, кроме того, кстати возникли некоторыя осложнения в Тироле.

Муж Маргариты Людовик из рода Виттельсбахов умер в 1361 г., оставив больного сына, который также умер через два года (1363). Тогда Рудольф австрийский, по соглашению с Маргаритою, завладел Тиролем. Это послужило поводом к сильному раздору в роде Виттельсбахов. Людовик и Оттон, владетели Бранденбурга, из ненависти к остальным, заключили в 1363 г. союз с Карлом на том условии, что в случае их смерти без наследников император становится собственником Бранденбургской марки. Недолго спустя после этого, Карл установил также мирныя отношения на востоке. Овдовев в третий раз 11 июля 1362 г., он искал руки Елизаветы, дочери Богислава Поморскаго, родственницы Казимира Польскаго, а следовательно, и Людовика Венгерскаго. Это предложение повело к миру, и на свадьбе, в мае 1363 г., присутствовал и король Людовик. В июне император отправился в Бранден-

бург, чтобы там, согласно уговору с Виттельсбахами, представить своего сына с должными церемониями, как будущаго владетеля. В феврале 1364 г. состоялся съезд в Брюнне для обсуждения условий мира. Карл получил здесь без войны то, что вряд ли могла бы дать ему даже успешная война. Рудольф, получив ленныя права на Тироль, приступил к составление наследственнаго договора, согласно которому по прекращении Люксембургскаго рода должен был наследовать род Габсбургов, и, наоборот, по прекращении родов австрийскаго и венгерскаго права наследства переходили в род Люксембургов. Несколько позднее, в 1366 г., Карлу пришлось возобновить договор уже только между своим родом и Габсбургским; это было уже после смерти Рудольфа, который умер в молодых летах в 1365 году.

Отношения к Урбану VI

Мир состоялся, главным образом, при содействии преемника Иннокентия (ум. 12 сентября 1362 г.) Урбана V, по личным качествам одного из лучших пап. Присутствием уполномоченнаго папы в Брюнне Карл воспользовался для того, чтобы ускорить исполнение своего давнишняго желания—возвращения папы в Рим. Всему свету было уже достаточно ясно, какия последствия имело для курии пребывание в Авиньоне: явилась почти полная зависимость ея от двора и от французской политики. Чтобы ускорить дело, Карл сам отправился в Авиньон[1].

Папа Урбан увлекался мыслью, которая уже целыя столетия не осуществлялась, именно мыслью о крестовом походе в Святую землю. Желая добиться своего, Карл дал обещание папе, хотя и понимал безполезность этого предприятия. Для этой цели имелось в виду воспользоваться прежним войском папы, которое было распущено и безпокоило Италию и окрестности Авиньона. Часть этого войска, вероятно, проведав о предполагаемом походе, удалилась в Германию, произвела там опустошения и опять вернулась.

Пребывание Карла в Авиньоне памятно еще возстановлением прав императора на Бургундию. Хотя королевство Арелатское причислялось к империи, но фактически к ней не принадлежало. 4 июня 1365 г. Карл короновался в Арле, чтобы наглядно возстановить права императора, изображение котораго с этих пор должно было чеканиться и на бургундских монетах. Но Карл не думал переменять насилием фактически существующих отношений и ограничился тем, что предоставил дофину Виеннскому и графу Савойскому титул императорских викариев и тем признал их силу.

Расходы на вторую поездку в Рим Карл имел в виду покрыть десятиною от доходов духовенства. Но в этом он встретил противодействие, которое замедлило поездку. Урбан VI уже в апреле 1367 г. выехал в Италию, и 16 сентября совершился торжественный въезд в Рим. Только 2 апреля 1368 г. Карл мог также выступить в путешествие. Состояние государства не было спокойно, но Карл не мог дальше откладывать исполнение своего намерения, тем более, что давнишнее неудовольствие между Варнавою Висконти и папою снова усилилось. В северной Италии в августе 1368 г. Карлу пришлось вести с Висконти вооруженную борьбу, не имевшую никаких последствий. Наконец 21 октября 1368 г. он вступил в Рим в сопровождении папы, которому он, по старинному обычаю, вел лошадь при въезде в город.

---

1 См. об этом *V. Novacek*, Cisare Karla IV pobyt pri dvore papezskem v Avignone 1365—в Casopise Cesk. Musea 1890. О сношениях Карла с курией в этот период см. *Stoy*, Die politisch. Beziehungen zwieschen Kaiser und Papst 1360—64. Dissert., Strassburg, 1888.

Среди изъявлений взаимной дружбы и торжеств Карл пробыл с папою в Риме два месяца[1]. На обратном пути он снова испытал легкомыслие итальянцев. В Сиенне вспыхнуло возстание, которое было подавлено, и город подвергнут строгой экзекуции. Также и другие города сильно поплатились, и приведение их к послушанию сопровождалось особыми контрибуциями. По удалении императора, папа не чувствовал себя безопасным в Риме и скоро уехал обратно в Авиньон, где вскоре и умер. В этой неожиданной кончине видели наказание за удаление из вечнаго города. Преемником его избран Григорий XI, родственник Климента VI, расположенный к Карлу.

Приобретение Бранденбургской марки

Возвращаясь из Италии, Карл вступал на почву, изрытую различными интригами. Одною из причин были бранденбургския дела. То утверждение, что будто его политика по отношению к Виттельсбахам была нечестная и что он с самаго начала задался тайною целью отнять Бранденбург, было недавно основательно опровергнуто[2]. Карл, действительно, задавался важными политическими целями, достижение которых требовало времени, но именно то обстоятельство, что он не упускал из вида этих целей даже и тогда, когда казалось, что он на время забывал о них, имело для него важное значение. Одним из таких стремлений, которому он всегда, особенно к концу, посвящал свои силы, было желание возвысить свой род, доставить ему больше силы и материальнаго обезпечения, для поддержания того положения, котораго он достиг. Приобретение Бранденбурга в этих видах имело для него большое значение, но все-таки нельзя сказать, чтобы это было издавна целью его стремлений. Карл и в этом случае показал себя искусным политиком, сумевшим воспользоваться данными обстоятельствами и слабость противников обращать в свою пользу. Мы не можем особенно хвалить его за это, но с объективной точки зрения мы не должны также ставить ему это в упрек. Виттельсбахи сами были виноваты в том, что своими постоянными ошибками они играли ему в руку. Когда в 1363 г. Карл заключил договор с Оттоном Виттельсбахом насчет уступки Бранденбурга, то он, несомненно, с полным правом думал о том, что обезпечил владение марками за своим родом. Если же потом Оттон вспомнил о своих нравственных обязанностях по отношению к своим родственникам, то было уже поздно: император имел право требовать исполнения договора, добровольно заключеннаго. В дальнейших действиях чаще обнаруживаются некрасивыя вещи, которыя могли бы служить упреком Карлу, если бы вообще дипломатам ставились в упрек ловкие поступки, с точки зрения человеческаго достоинства, может быть, и не совсем похвальные.

Во время вторичной поездки Карла в Италию умер Болек Свидницкий, и его владение по праву досталось императору, которому, однако, пришлось удовлетворить и других объявивших себя наследниками и кредиторами. Во время пребывания в Силезии Карл убедился, что его договор относительно Бранденбурга еще не так прочен, как казалось. Оттон еще при жизни за свои большие долги предоставил Карлу право распоряжаться в марке, но во время путешествия Карла в Рим имперские чиновники были изгнаны. В дальнейших отно-

1 См. об этом Matthes, Der zweite Romerzug Karls IV (Dissert., Halle, 1880); Varnecke— диссертация с таким же названием (Jena, 1881).

2 О Бранденбурге из новейших трудов см. следующие: Lindner, Karl IV und die Wittelsbachen—в «Mittheilungen des Instituts fur Oesterreichische Geschichte, XII; Scholz, Erwerbung der Mark Brandenburg durch Karl IV, Dissert. Breslau, 1874; Theuner, Der Uebergang der Mark Brandenburg von den Wittelsbachen an das Luxemburgische Haus. Gorlitz. 1887.

шениях Карл прибег к испытанному средству, в котором он был мастером своего дела, именно к политическому браку. Он привлек к себе баварскаго воеводу Альбрехта, женив на его дочери Иоанне своего сына Вацлава (в Нюренберге, 1370 г.). Случай помог в этом императору. Как раз в это время умер польский король Казимир, от котораго можно было ожидать сопротивления и поддержки противникам, а его преемник Людовик Венгерский, который также близко стоял к враждебной партии, был слишком занят и без того, чтобы вмешиваться еще в это дело. Вскоре после этого умер и архиепископ Майнцский, бывший в последнее время одним из членов союза, составлявшагося против Карла. В Майнце произошел раскол: капитул избрал Адольфа Нассаускаго, а папа дал свое подтверждение Иоанну де-Линь (de Ligne), родственнику Карла. Тем не менее ослабевшие противники не уступали, а напротив, именно теперь вражда выразилась открыто. 10 июня 1371 г. маркграф Оттон, высказывая свои жалобы против Карла, объявил свой договор с ним недействительным и назначил себе наследником брата своего Фридриха. В ответ на это Карл объявил ему войну. Но, кроме опустошения некоторых местностей, ничего больше не было сделано, и в октябре было заключено перемирие в Пернау. Карл воспользовался им, чтобы тем временем снискать дружбу Людовика, короля венгерскаго и польскаго. Тут опять должен был помочь брак дочери Людовика Марии со вторым сыном императора Сигизмундом. Правда, от своего союза с Виттельсбахами Людовик не отступил тотчас же, но фактически он не мог их поддерживать, а кроме того вскоре был отвлечен в другую сторону.

По окончании перемирия в июне 1373 г. Карл с войском вторгся в Бранденбург. Победа без войны оказалась на стороне Карла, и 15 августа подписан был мирный договор в Фюрстенвальде, по которому Виттельсбахи принуждены были отказаться от марки. Оттон удержал за собою только титул маркграфа и получил денежное вознаграждение. Все это дело обошлось Карлу в 500,000 золотых. Вслед затем покоренные князья навестили Карла в Праге, при чем Карл вручил Бранденбург в ленное владение своим сыновьям, а после них сыновьям брата.

Престолонаследие

С приобретением Бранденбурга Карл очутился на вершине своего могущества. Но вместе с тем его монархия была настолько велика, что необходимо было ее обезпечить. Сам собою являлся вопрос, не покажется ли эта монархия слишком велика будущему императору, если он не будет из рода Люксембургов, и не станет ли он подумывать об ея сокращении. Уже по этой причине признание наследником сына Вацлава должно было составлять последнюю цель политики Карла. Но насколько это было необходимо, настолько же и трудно. Один этот факт сам по себе уже должен был вызвать неудовольствие курии, для которой всегдашняя забота состояла в том, чтобы упрочить свои притязания на зависимость германской короны от церкви, а уже то обстоятельство, что император был лицо выборное: равно и его положение, в какое он становился после избрания относительно папы, давало последнему большия выгоды. Поэтому следовало ожидать, что папа вообще возстанет против назначения наследника при жизни императора, а в особенности против объявления наследником родного сына Карла. Карл хорошо понимал это, а потому добивался, чтобы избрание было единогласное. Что Чехия и Бранденбург будут за него, в этом он был уверен; но с некоторыми курфюрстами он был не в особенно хороших отношениях, и ему приходилось теперь искать их дружбы. Этот план его проглядывает уже в 1373 г., а в 1374 он стал

действовать еще более открыто. В это время умер его приверженец архиепископ майнцский Иоанн. Капитул снова избрал Адольфа, но Карл выхлопотал у курии назначение Людовика из рода маркграфов Мейссенских. Наконец, с большими затратами, Карл добился согласия всех курфюрстов. В дальнейших действиях он старался воспользоваться тем обстоятельством, что папа Григорий имел намерение перенести свою резиденцию в Рим, и для этого нуждался в дружбе императора.

В начале 1375 г. Карл заявил папе, что хочет предложить избрание Вацлава в короли. Папа, не зная положения дел в Германии, потребовал, чтобы прежде они оба, император и будущий король, явились в Авиньон; здесь они должны были подтвердить прежнюю присягу Карла и просить папу, чтобы он дал курфюрстам свое согласие на избрание. Дипломатические переговоры по этому поводу несколько затянулись, но в марте 1376 г. Карл прямо заявил курии, что 1 июня состоится во Франкфурте избрание, а вслед затем и коронование. На это курия, хоть и неохотно, ответила изъявлением пожелания, чтобы по крайней мере коронация была отложена до получения папскаго утверждения. Но Карл отверг это предложение и доказал папским послам прочность своего положения тем, что предложил послание папы курфюрстам, которые им были очень возмущены. Итак, 10 июня 1376 г. состоялось во Франкфурте единогласное избрание Вацлава на римский престол[1]. Только после этого курфюрсты объявили папе о совершившемся избрании и просили, чтобы избранный ими был коронован им в императоры. 6 июля Вацлав был коронован в Цахах. Так устроено было избрание и коронование Вацлава без участия курии и даже против ея воли. Однако Карл не хотел вызывать столкновения, не желая, чтобы сын его при вступлении на престол получил от него в дар гнев папы; поэтому он пошел на уступки: было изготовлено письмо, датированное задним числом, в котором излагалась просьба к папе о даровании аппробации, и папа дал ее в специальной булле, также подписанной задним числом.

После этого Карл, хотя уже удручаемый болезнями, предпринял еще одно путешествие в северную Германию, а оттуда во Францию, чтобы там представить своего сына Вацлава ко двору[2].

Но главною целью путешествия было желание обезпечить будущность своего другого сына Сигизмунда, обрученнаго с венгерскою принцессой Марией. Старшая сестра ея Екатерина была невестою сына французскаго короля Людовика Орлеанскаго, который в случае ея смерти должен был получить другую ея сестру. Такой случай теперь именно и представился, и этим планы Сигизмунда были затруднены. Подробности о ведении и окончании переговоров нам неизвестны, но в конце концов Карл достиг исполнения своих желаний, хотя и с большими жертвами. Дофин французский стал единственным викарием всего королевства Арелатскаго.

По возвращении из Франции Карл приступил к разделу своих земель. Сигизмунд получил Бранденбург, Ян—Згорельскую область, а Моравия досталась потомству брата, главным образом сыновьям его Иошту[3] и Прокопу. Чешским королем и, следовательно, верхов-

1 Об избрании Вацлава см. Henrich., De Wenceslai regie Romanorum electione dissertatio. Bonn. 1868; Lindner. Die Wahl Wenzels («Forschungen zur deutsch. Gesch. 14, XIV); Schmidt. Die staatsrechtliche Anwendung der Goldenen Bulle bis zum Tode Konig Sigmunds. Halle, 1894.

2 Срв. Scholz, Die Zusammenkunft Karls IV und Karls V von Frankreich im Jahre 1378. Brieg, 1877.

3 Iost=Iodokus.

ным властелином над всеми был Вацлав.

27 ноября 1378 года Карл скончался.

Общая оценка

По своему характеру Карл прежде всего был политик, дипломат и вовсе не отличался воинственностью. Поэтому, кто славу, окрашенную потоками человеческой крови, ставит выше мирных трудов и подвигов, тот легко может быть к нему несправедлив. Его правление не может похвастаться военными победами, он не шел к вершине своей славы по кучам человеческих трупов, часто пользуясь не очень похвальными средствами, которыя он ловко умел применять. Всемирная история немного может поставить рядом с ним людей, обладавших таким политическим смыслом. Его дипломатическия способности, его выдержанность, наконец, его развитие и широкий кругозор сделали его лучшим государем чешской земли и немецкой империи. Его заслуги для Чехии всегда были признаваемы, а заслуги для Германии были часто несправедливо унижаемы и отвергаемы, главным образом благодаря отзыву о нем Максимилиана, будто Карл был отцом земли чешской и вотчимом для германской империи. Однако новыя изследования ставят вопрос иначе и стараются возвратить Карлу отнятую честь. Теперь уже является общепринятым тот взгляд, что Карл сделал для Германии то, что можно было сделать, сделал много больше, чем большая часть его предшественников, работая над тем, о чем почти все они забывали в течение долгих веков. Он стремился водворить мир и порядок, и не его была вина, если Золотая булла не дала того, что должна была дать. Действительно, заботы о Чехии были на первом плане, но таков был долг каждаго князя по отношению к своей земле, а так как Чехия находилась в тесной связи с немецкою империей, что своими заботами о ней он косвенно содействовал и успеху империи.

Достижению всевозможных успехов много помогало Карлу его образование, равно как и другая важная черта—большое знание людей, с которым он выбирал себе советников и помощников. Между ними на первом месте стоит архиепископ пражский Эрнест (Arnost z Pardubic), почтенная особа рядом с величественною фигурою императора. Хотя он и был отчасти сторонником верховенства церкви, но не настолько, чтобы вредить императору, который в этом вопросе строго различал границы. Карл пользовался им неоднократно в дипломатических делах, из которых вспомним по крайней мере об одном. Когда в 1350 г. явилась надежда, что князь литовский примет крещение, то Карл выслал Эрнеста в Литву. Правда, эта поездка не имела желательных последствий, и план разрушился[1]. Заслуги Эрнеста в деле улучшения духовной и нравственной стороны чешскаго духовенства неоспоримы, хотя результаты его забот не везде были прочны. Ему обязаны своим происхождением так называемым «Libri erectionum», в которыя заносились вновь организованные приходы; при нем, а также и после него перемены в церковном управлении стали вноситься в особые списки, так называемыя «Libri confirmationum». Рядом с Эрнестом, отчасти даже выше его стоит его преемник Ян Очко из Влашима; искусный в делах правления, долголетний советники Карла епископ мюнхенский Дитрих из Портиц сделан был впоследствии архиепископом магдебургским; Ян из Среды (ze Stredy), епископ ольмюцкий, канцлер императора, был одним из первых приверженцев гуманизма, и т. д. Карл сам был большим поклонни-

1 См. Goll, Cesta Arnosta z Pardubic z Prahy na Litvu (Путешествие Эрнеста из Пардубиц, из Праги в Литву)—в «Cesk. Casop. Histor». I.

ком древне-римской славы, хотя и не разделяли фантастической политики главных почитателей и возстановителей италианской старины: его больше привлекали христианския древности. Эта его черта помогала ему яснее сознавать, как далеко уклонилась жизнь современнаго духовенства от христианскаго идеала. Этим объясняется, почему он так горячо сочувствовал деятельности проповедников, громивших нравственную распущенность, каковы были: Конрад Вальдгаузен, Ян Милич из Кромерижа, Матвей из Янова. Они своими горячими проповедями заронили семена, из которых впоследствии выросло на чешской почве реформационное движение, потому что они содействовали такому настроению народа, которое требовало повсюду осмысленной и деятельной жизни.

Не всегда, однако, знание людей помогало Карлу, но это уже не по его вине. Он приискивал себе историографа, но не нашел. Хронист Бенеш из Вейтмила, более всех выдающийся из этого круга, все-таки неспособен был достойно оценить великое значение деятельности Карла; неподходящими для этого дела оказались и другие, как например: пресловутый иностранец Иоанн из Масиньолы, или аббат Неплах, или, наконец, Пулкава из Раденина. Единственным выдающимся историком эпохи Карла был он сам. Его автобиография, которою более всего воспользовался Бенеш, как надежными источником, свидетельствует как о глубине его духовной природы, так и об его образовании и других выдающихся качествах его характера. Кроме того, Карл составил особенный чин коронования по образцу французскаго, легенду о св. Вацлаве и религиозныя размышления (Moralitates)[1].

Карл не желал оставлять в наследство сыну некоторые вопросы неразрешенными, но тем не менее так случилось.

К концу своей жизни он увидел исполнение своего давнишняго желания: папа возвратился в Рим. Но именно это возвращение перед самою смертью Карла повело к расколу, котораго не мог устранить ни он сам, ни его сын Вацлав, несмотря на все их старания. Удалось это сделать только второму сыну, Сигизмунду. Но в период продолжительнаго раскола всплыло много новых вопросов не менее важных, и Вацлав сделался их жертвою. Его свержение в 1400 г. и избрание пфальцграфа Рупрехта являются как бы местью истории на неповинном сыне за вины отца в отношениях его к Виттельсбахам. В судьбе Вацлава особенное значение имеет одно обстоятельство, которое косвенно также относится к Карлу. Простой в образе жизни и внешности Карл, однако, любил и поддерживал пышность в церковных обрядах и в церкви вообще, понимая, как много эта внешность значит для народа. Но при этом он забывал, что эта импонирующая народу внешность церкви может привести к ущербу светской власти. Руководимый своим искренно-религиозным чувством, Карл очень расширил духовныя владения, этим усилил значение духовенства и косвенным образом содействовал и без того всем известному падению нравственности клира. Настроение народной массы, требовавшей исправления недостатков, и сочувствие этому настроению со стороны Вацлава в духе Карла, а, с другой стороны, упадок нравственности и стремление к светской власти духовенства—все это вместе взятое привело к гибельному для Вацлава кон-

1 Хроники Бенеша, Масиньолы и Неплаха изданы в Fontes rerum Bohemicarum IV, Пулкавы—там же, V. Автобиография Карла—там же, IV, легенда—там же, I. Чин коронования см. *Loserth*, Die Konigsordnung der Konige von Bohmen—в «Archiv fur oesterr. Gesch. LIV. «Moralitates» издал *Woltke* в «Zeitschr. fur Geschichte Mahrens u. Schlesiens» 1 (1897). Чешский перевод всех сочинений Карла издал *Emler*. Spisove Cisare Karla IV (1878).

фликту сначала между королем и властолюбивым архиепископом, потом между преобразовательным течением и иерархией, и, наконец, между целым народом и церковью.

Зародыш этому движению был дан уже правлением Карла IV.

В. Новотный.Poppelmann

LXIV. Судьбы австрийских славян

Обзор славянских народностей Австрии

В пределах нынешней Австрийской монархии живут в значительном числе представители почти всех уцелевших до нашего времени славянских народностей, составляя преобладающую часть ея населения. Северныя области ея занимает чешская народность с ея подразделениями на собственно чехов (в Богемии), моравов и словаков (венгерских чехов); на северо-востоке обитают народности польская и малорусская (Галиция, Буковина); в южных частях живут довольно смешано сербы, болгары, хорваты и словенцы с их разными подразделениями.

Однако из перечисленных славянских народностей Австрии далеко не ко всем в равной мере можно прилагать термин «австрийские славяне». Одни из них, как чехо-моравы, успели и до сего времени, после многих исторических переворотов и невзгод, сохранить значительную самостоятельность, и история их заслуживает специальнаго изучения, отдельно от других славян Австрии[1].

Другия народности, как поляки и малоруссы, живущие в пределах Австрии, составляют, каждая сама по себе, лишь отдельныя части одного искусственно разъединеннаго историческаго и национальнаго целаго, и потому нельзя причислять их исключительно к так называемым австрийским славянам, а следует изучать их историю совместно с остальными частями той и другой народности, большими по количеству и принадлежащими географически, кроме Австрии, России и отчасти Германии. Наконец, что касается австрийских болгар и сербов в собственном смысле, то и они представляют собою в Австрии лишь оторван-

---

Пособия: *Иос. Первольф*, Славяне, их взаимныя отношения и связи; *Jac. Maly*, Jihoslovane. Obraz narodopisno-literarni. V Praze, 1864; *Jos. Erben*, Vevodstvi Korutany a Krajina v geograficko-statistickem i historickem prehledu. V Praze, 1865; *Slovnik nauchy*, под ред. Rieger'a (1867—68), статьи: Rakousko, Chorvatsko, Slovane; *Die Volker Oesterreich- Ungarus*, Bd. X: *Jos. Suman*, Die Slovenen; *Jos. Stare*, Die Kroaten; Bd. XI: *Th. Stefanovicz*, Die Sud-Slaven in Dalmatien; *В. Макушев*, Очерки Дубровника; *Н. Попов*, История славянских народов (лекции).

1 Начальная история чехо-моравов разсмотрена в сочинении *Феодора Успенскаго*: «Первыя славянския монархии на северо-западе». Спб., 1872.

ныя частицы, тяготеющия к своим центрам, лежащим опять-таки за пределами Австрии—в Турции.

Итак, собственно австрийскими славянами в тесном смысле можно считать только *хорватов* и *словенцев*, разделяющихся еще на более мелкия подразделения с различными названиями. Так, хорваты, составлявшие некогда одно племя с сербами и только впоследствии отделившиеся от них на запад, часто называются также «сербо-хорватами», «австрийскими сербами» и просто «сербами». Словенцы известны также под именем «виндов» и «вендов» (у немецк. историков), а еще чаще под именем «хорутан» в связи с названием занятой ими издавна провинции Хорутании (Каринтии). Вообще по поводу названий обеих этих народностей следует заметить, что на ряду с названиями племенными очень часто прилагаются к ним названия территориальныя. Это объясняется отчасти тем, что вследствие безконечных неурядиц, вызывавших постоянный перемещения и взаимныя смешения южных славян, нередко делалось затруднительным провести племенную грань между отдельными народностями, и тогда областное или территориальное название являлось более удобным и нередко единственно возможным. Так явились «кроаты» (в Кроации), «далматинцы» (в Далматии), «крайняне» (в Крайне) и пр.

Сербо-хорваты

Мы должны иметь в виду прежде всего племенное разделение австрийских славян на *хорватов* (живущих, главным образом, в Кроации, или Хорватии, также в Славонии, Далмации, отчасти в Штирии, Крайне, Военной границе и других местах Венгрии) и *словенцев*, прежних «хорутан» (в Каринтии, или Хорутании, также в Крайне, Штирии и некоторых местах Приморья или Береговой земли).

Древнейшая история хорватов и словенцев, как и всего славянскаго племени, остается в значительной степени загадочною. Великое переселение народов сдвинуло славян с их прежняго местожительства, каковое предполагается в прикарпатской стране, подвинуло их к югу вслед за германцами и заставило столкнуться с отживавшим свою историческую жизнь греко-романским миром. Это столкновение с культурно-историческими народами впервые выдвинуло славян на историческую арену.

В то время, как германцы устремили главныя свои силы на западно-римскую империю и в конце концов доконали ее, славяне обратили свои взоры на восточно-римскую империю и, появившись в VI в. из-за Дуная на Балканском полуострове, начинают сильно безпокоить византийских императоров, которые то с оружием в руках, то миром, то хитростью стараются останавливать их натиск. Тем не менее дикая сила славян, побуждаемая притом с севера гуннами, неудержимо стремится к югу, захватывает, пользуясь слабостью некоторых императоров, одну византийскую область за другою, и в конце концов славяне, оттиснутые в одних местах, утверждаются в других на более продолжительное время.

Передовым авангардом в этом наступательном движении славян были нынешние южные славяне, именно сербо-хорваты.

Утверждению сербо-хорватов на Балканском полуострове и по северными его окраинам помогли сами же византийские императоры. Вследствие нападения аваров, которых часто отожествляют с гуннами и которые занимали тогда не только Средне-Дунайскую или Паннонскую равнину (в нынешней Венгрии), но захватили на время и Далмацию, византий-

ский император Ираклий призвал к себе на помощь приальпийских славян, которые помогли ему прогнать аваров, но зато сами заняли опустошенныя аварами земли между притоками Дуная, Дравою и Савою, а вскоре подвинулись и за Саву до Адриатическаго моря и Балкан. Это и были сербо-хорваты. Они образовали на занятых землях два народных союза и отсюда стали распространяться, с одной стороны, на юго-восток, в глубь полуострова, с другой—на юго-запад, к берегам Адриатическаго моря и даже на его острова.

Это движение сербо-хорватскаго племени в двух указанных направлениях было началом позднейшаго резкаго разделения его на две народности, имевшия каждая свою отдельную историческую судьбу: юго-восточная отрасль, под именем собственно сербов, подчинившись Византии в религиозном отношении, долго терпела ея гнет, вынесла нашествие новаго, болгарскаго элемента и только с течением времени получила государственную организацию, образовав из себя довольно сильное Сербское княжество, сохранявшее независимость вплоть до покорения полуострова турками[1]; юго-западная же ветвь, под именем хорватов или сербо-хорватов, получив христианство из Рима, примкнула к западу, и хотя еще раньше сербов достигла политическаго единства, но не имела в истории такой видной роли, как Сербия, и в конце концов, хотя с меньшим кровопролитием, чем сербы, должна была также пожертвовать своею независимостью в пользу другого, пришлаго, инороднаго племени—венгерскаго, а впоследствии через его посредство—немецкаго в лице Габсбургов.

Хорваты

Оставляя теперь в стороне юго-восточных сербов, как не принадлежащих к славянам австрийским, мы остановимся несколько подробнее на дальнейшей судьбе *хорватов*.

Ограниченные первоначально Адриатическим морем на западе и реками: Цетиною на юге, В(е)рбасом на востоке и Савою на севере, хорваты, как по самой природе местности, так и по своему внутреннему устройству, благодаря мелкому дроблению на отдельныя родовыя единицы, не сразу могли образовать на новых местах одно сплоченное политическое целое. Правда, уже в первый век своего поселения здесь они довольно заметно разделились на две более крупныя общины: северную—Посавскую (по реке Саве) и южную—Далматинскую (в Далмации). Но в той и другой части продолжало существовать прежнее общеславянское родовое, или так называемое жупное устройство, с делением всего племени на родовыя единицы, или жупы, представителями которых являлись жупаны, державшие в своих руках власть гражданскую и военную.

Однако уже одно географическое положение хорватов между различными враждебными стихиями вскоре заставило их собрать воедино свои силы для более успешной борьбы с внешними врагами, посягавшими на их политическую и национальную самостоятельность. С севера все еще некоторое время не переставали их безпокоить жестокими набегами гунны; Запад предъявлял свои притязания на хорватския земли в лице франков и Венеции; с востока византийские императоры не оставляли их в покое всякий раз, как только забирали перевес над восточными сербами и болгарами и усиливали свое влияние в приморских, далматинских городах, зависевших еще долгое время то от Венеции, то от Византии. Так, уже в конце IX века византийский император Василий Македонянин подчинил себе далма-

1 Части той же сербской ветви обособились впоследствии в областях Боснии и Герцеговины, которыя только в недавнее время перешли к Австрии и потому не включены в статью об австрийских славянах.

тинские города и стал распространять свою власть и на хорватов, которые, вследствие этого, искали защиты в Риме и перешли под главенство папы. Правда, старый враг на севере в лице гуннов, по распадении их царства, ослабел, наконец, сам собою; но это только открыло франкам больше доступа к землям хорватов. Напав в IX в. сначала на северную, т. е. Посавскую Хорватию, франки встретили здесь сильнаго противника в лице великаго жупана Людовика (Людевита), который дал им временный отпор. Тем не менее, вследствие несогласия в действиях великих жупанов, далматинскаго и посавскаго, обе части Хорватии подпали под власть франков, которые, по описанию Константина Порфиророднаго, в своих жестокостях по отношению к славянам превзошли самих гуннов[1]. К счастью, неурядицы внутри самого франкскаго королевства помогли хорватам избавиться от ига франков в том же IX веке, и страна на время успокоилась со стороны внешних врагов. Зато внутри открылось новое несогласие по вопросу о славянском языке в богослужении, который подвергся гонению со стороны пап. Борьба эта в политическом отношении имела, между прочим, то значение, что у хорватских великих жупанов с этого времени вошло в обычай носить королевский титул, на который папа дал согласие жупану Томиславу (нач. X в.) в видах содействия латинизации края.

Таким образом явилось Хорватское королевство, которое усилилось еще отчасти вследствие того, что, благодаря нашествию мадьяров на северныя области Хорватии, уменьшилось значение Посавской жупании, чем как бы уничтожалось раздвоение Хорватии. Короли из рода Крешимиров, в особенности Петр Крешимир IV Великий, больше других способствовали усилению королевской власти (X—XI вв.). Они не только с успехом охраняли свои интересы против Византии и Венеции, но даже распространяли пределы своей власти к северу за р. Саву, на востоке на некоторыя соседния сербския земли, а в Приморье на далматинския городския общины, сохранявшия под покровительством Византии или Венеции свое обособленное положение и туго поддававшияся до того времени славянскому влиянию. Успеху Крешимира IV помогла его ловкая внешняя политика. С одной стороны, он умел поддержать хорошия отношения с Византией, с другой—он сблизился с папою, отчасти благодаря тому, что сам был воспитан своею матерью венецианкой в романско-католическом духе. Папа в то время дорожил всякими союзниками, потому что это было начало той завзятой борьбы духовной власти со светскою, которая разразилась при папе Григории VII. Кроме того, под конец своего правления Петр Крешимир успел заключить также дружественныя связи с Венгрией и тем обезпечить на время свою безопасность со стороны третьяго соседа.

Политику Крешимира поддерживал посавский бан Дмитрий Звонимир, женатый на дочери венгерскаго короля и возведенный папою Григорием VII на хорватский престол с титулом короля, после недолговременных внутренних раздоров. Время его правления протекло мирно и благополучно. По словам современнаго хрониста, «во время добраго короля Звонимира земля была спокойна и полна всякаго изобилия; города были богаты золотом и серебром. Бедный не боялся, что его обидит богатый, и слабый не боялся, что будет обижен сильным. Король защищал всех. Сам он не причинял никому несправедливости и другим

1 Византийский историк Константин Порфирородный (или Багрянородный) является важнейшим источником для истории сербо-хорватов. Разбору его известий (подчас сбивчивых) по этому вопросу посвящено сочинение *Конст. Грота*: «Известия Константина Багрянороднаго о сербах и хорватах» (Варшава, 1880).

не позволял. Страна никого не боялась, и никто не смел ее безпокоить».

Но все-таки и при королях племенное разделение среди хорватов удерживалось по традиции довольно твердо, и представители отдельных родов, или жупаны, не утратив своего влияния на дела страны, сильно стесняли королевскую власть и вызывали внутренния смуты. Это обстоятельство ослабляло политическия силы Хорватскаго королевства, а короли в борьбе за независимость против одних врагов должны были прибегать к помощи других, при чем эта помощь соседей (венгерцев, венецианцев) оплачивалась чувствительным уроном: к Венгрии вскоре переходит значительная часть северной, Посавской Хорватии, под особым именем Славонии (между Савой и Дравой), а Венеция, усиливая свое влияние в южной, Далматинской Хорватии, способствует оживлению здесь латинскаго элемента в ущерб славянскому; вместе с тем усиливаются городския общины с их особым управлением, при чем между далматинскими городами на первый план выдвигается выросший на месте древняго Эпидавра известный Дубровник (Рагуза), обособившийся впоследствии в знаменитую республику, которая прекратила свое существование только в нынешнем веке.

Подчинение Венгрии

Положение Хорватскаго королевства сделалось еще опаснее, когда в конце XI века со смертию Стефана II прекратилась в стране туземная королевская династия Держиславичей и начались споры из-за престола между хорватскими племичами (вельможами). А между тем натиск Византии с востока опять усилился; восточные соседи хорватов, сербы и болгары, по распадении Болгарскаго царства Симеона, подчинились ея власти; доходила очередь до хорватов, и их ожидала такая же участь. При таких обстоятельствах они прибегли к союзу с Венгрией и признали над собою верховную власть венгерских королей (Арпадовичей) в лице Коломана (1102 г.). С той поры Хорватское королевство и далматинския городския общины (отпавшия, впрочем, в XV в. к Венеции) в политическом отношении стали составлять нераздельную часть Венгерскаго государства, приобретавшаго все большее влияние на судьбы южных славян до появления турок в средней Европе.

Подчинение хорватов Венгрии было добровольное и носило характер как бы политическаго союза или унии. Коломан дал клятву охранять законом все обычаи, установления и права страны, при чем взаимныя отношения двух государств были изложены в обстоятельном договоре. Хорватия продолжала управляться особым королем, впрочем, с титулом rex junior—младший король. Выбор короля был предоставлен народному собранию, но утверждался королем Венгрии.

Хорватские короли, называвшиеся чаще банами, жили сначала в Книне, а потом в Загребе, который и до настоящаго времени удержал значение главнейшаго административнаго и умственнаго центра Хорватской земли. Власть банов по закону не была наследственною, но некоторые из них успевали упрочить ее на короткое время в своем роде и управляли Хорватией совершенно самостоятельно. Таковы были, напр., в начале XIV в. Шубичи, имевшие даже решительное влияние на избрание королей на венгерский престол. В течение двух веков потомки Арпада (родоначальника венгерской династии) считались королями Хорватии.

Этот период дал, между прочим, пищу усилению в стране класса родовитой знати (так наз. племичей), а также церковной иерархии, в которой короли и баны нередко искали

поддержки, причем они предоставляли духовным лицам важную роль в государстве. Так, напр., когда в 1215 г. венгерским королем был коронован Бела, то наместником короля в Хорватии был назначен магистр венгерскаго ордена тамплиеров.

К концу XIII в. прекратилась в Венгрии династия Арпадовичей, и хорваты, с своим баном во главе Павлом Шубичем, проложили дорогу к венгерскому престолу новой, неаполитанской династии в лице Карла Роберта Анжуйскаго, несмотря на то, что сами венгерцы обратились с предложением своей короны к королю чешскому (Вацлаву III). И впоследствии еще неоднократно происходило такое временное отпадение Хорватии, но к XV веку она была опять закреплена за венгерским королем Сигизмундом, а в следующем XVI в. она вместе с Венгрией переходит в руки Габсбургской династии.

Мы не излагаем подробно дальнейшей истории Хорватскаго государства, которая тесно связана с историей Венгрии и полна безконечных войн и раздоров политических, племенных и религиозных. Достаточно напомнить, что с XIV в. международныя отношения не только у славян, но и у других народов Европы совершенно потрясены и разстроены появлением на Балканском полуострове новаго грознаго врага в лице турок. Борьба с мусульманами, наполняющая собою тогдашнюю историю многих европейских государств, легла тяжелым бременем и на хорватов. Не одно столетие они своею грудью защищали среднюю Европу против потоков иноверцев (гуннов, монголов, турок), и в этом отношении Хорватия исполнила свою историческую миссию.

Связь Хорватии с Римом

В отношении своей духовно-религиозной жизни Хорватия, как уже было сказано, с самых ранних пор стала в зависимость от Рима и подчинилась влиянию Запада в культурном отношении.

Этому много способствовало ея близкое общение с итальянцами на юго-западе, а потом отчасти и связь с католической Венгрией на северо-востоке. Хотя хорваты имели на востоке в близком соседстве сродных им сербов, а далее болгар, принадлежавших как те, так и другие греческой церкви и принявших славянское кирилловское письмо и славянское богослужение, тем не менее, сами они силой исторических условий и географическаго положения должны были примкнуть к Западу и отказаться от тех славянских традиций, которыя сделались исключительным достоянием славян восточных. Правда, на первых порах хорватам разрешалось употребление родного языка в богослужении, и некоторые их епископы, из личных, впрочем, видов, отстаивали это право; но с разделением церквей настолько обострилась религиозная рознь между славянским Востоком и Западом, что у хорватов для выражения славянскаго языка на письме была введена особая азбука, так называемая «глаголица», которая в отличие от «кириллицы», употребляемой восточными православными славянами, сделалась на некоторое время как бы специальною принадлежностью католиков сербо-хорватов, пока, наконец, и она не была вытеснена латиницею, равно как и славянское богослужение большею частью должно было уступать место латинскому, когда в хорватские епископы стали назначаться иностранцы. К счастью, в светской письменности язык хорватский не только удержался, но и стал в скором времени заметно развиваться вместе с расцветанием светской литературы. Даже Дубровник, этот главнейший оплот романской культуры в славянском Приморье и усерднейшей поборник католицизма среди

южных славян, не только не изгнал хорватский язык из внебогослужебнаго употребления, но, напротив, сделался современем важнейшим центром развития хорватской письменности, так что дубровницкий период составляет высший расцвет хорватской литературы, какого она достигла к XVI—XVII векам. Это объясняется тем, что Дубровник, избегая участия во внешних политических делах, умел всегда завоевывать себе мирное положение, и в своей внутренней жизни достиг значительнаго благосостояния, благодаря своей обширной морской торговле почти со всеми тогдашними приморскими государствами Европы, Азии, Африки и даже Америки, в завоевании которой дубровничане помогали испанцам своими кораблями. Мореходством и судостроением Дубровник был известен всему миру. Уже в X в. византийский император просит у дубровничан 80 моряков для своего флота; впоследствии Карл IX выписывает во Францию кораблестроителей из Дубровника; на службе у императора Карла V состояло до 300 дубровницких кораблей и т. д. Достаточно сказать, что даже Петр Великий обратил внимание на искусство дубровницких мореходцев, и в нашем флоте служило немало дубровничан, из коих Петр Стулли дослужился до адмиральскаго чина.

Хорутане

Несколько иную историю имела другая ветвь австрийских славян, известная под именем *словенцев* (slovenci), иначе *хорутан* (виндов—у хронистов), осевших главною своею массою к северо-западу от сербо-хорватов, близ севернаго угла Адриатическаго моря, именно в южных частях нынешней Каринтии (попрежнему Хорутании) и Штирии, в северной части Истрии и в Крайне, составляющей теперь главное средоточие словенской жизни, с центральным городом Любляной (Лайбах).

Утвердившись в конце VI в. в этой приальпийской стране, куда они передвинулись вслед за германскими племенами, хлынувшими с севера на западно-римскую империю, хорутане очутились на своих новых местах не в более выгодных условиях, чем их соседи сербо-хорваты, о которых только что была речь. Если для хорватов, с одной стороны, не мало безпокойств причиняли притязания Византии, с другой—венецианско-итальянская романизация, то словенцы рано подпали влиянию новой стихии—германской, благодаря тому, что они непосредственно столкнулись с двумя уже организованными и сильными германскими государствами—Лонгобардским на юго-западе и Франкским на северо-западе; лонгобарды, впрочем, сами с течением времени подчинились франкам, которые, таким образом, сделались во время Каролингов опаснейшим врагом западных славян вообще, в том числе и словенцев. На востоке у последних был первое время общий враг с хорватами, именно авары, которые, распространившись в VII в. по правую сторону средняго Дуная, совершали дикие набеги на словенцев и сербо-хорватов. Последние, как мы видели, успешно боролись против них, отчасти при помощи Византии; словенцы тоже волей-неволей должны были искать помощи у сильных соседей, какими были в то время франкские короли, а эти последние, конечно, не замедлили воспользоваться этим обстоятельством в видах распространения своей власти на юго-славянския земли через посредство своих вассалов, герцогов баварских, примыкавших своими владениями непосредственно к области словенцев.

Первый князь словенский, или хорутанский, засвидетельствованный историею, был Борут. При нем и произошло уже в конце VIII века подчинение словенской Хорутании коро-

лям франкским. Не будучи в состоянии осилить нападения аваров, Борут призвал на помощь воеводу баварскаго, который, правда, избавил хорутан от ига аваров, но взамен наложил на них иго баварское. А так как Бавария находилась в вассальной зависимости от Пипина Короткаго, то Хорутанское (словенское) княжество очутилось, таким образом, под властью франкских королей, принявших вскоре титул западно-римских императоров.

Так произошел роковой поворот в истории словенцев, благодаря которому они были отдалены от остальных соседей-славян и обречены постепенной германизации. Для ослабления своего политическаго значения, земля словенцев, или Хорутания, была поделена на мелкия провинции (Штирия, Каринтия, Крайна и др.), управляемыя подручниками германских императоров.

Для большаго отчуждения словенцев от их северных собратьев чехо-моравов, пользовавшихся значительным политическим влиянием, германцами была выдвинута с этой стороны, к юго-востоку от Баварии, еще новая немецкая область, так называемая Восточная марка (зачаток нынешней Австрии). Когда умер последний хорутанский князь Хотимир, племянник Борута, управление отдельными частями бывшей Хорутании стало поручаться исключительно немцам, соседним маркграфам, графам, герцогам (баварскому, фриульскому и др.), которые, естественно, старались замещать и другия должности в стране своими соотечественниками и открыли широкий доступ немецкой колонизации в подчиненных славянских областях.

Сильную опору своей власти находили германские императоры в христианстве, которое они старались усердно распространять среди языческих славян не столько из религиозных, сколько из политических целей, видя в новой религии прочное объединяющее начало для скрепления самых разнородных элементов своей империи. Уже в самом начале подчинения Хорутании франкам христианство утвердилось при дворе князя Борута: его сын Карат и племянник Хотимир были отданы на воспитание герцогу баварскому и вернулись оттуда уже христианами, при чем Хотимир отличался особенною ревностью к благочестию и предпринимал ежегодныя путешествия к зальцбургскому немецкому архиепископу за получением от него пастырскаго благословения.

Немецкие епископы ведали все церковныя дела в славянских областях наравне с немецкими, и из них особенно сильное влияние на хорутанския, или словенския, земли имел архиепископ зальцбургский, вмешивавшийся неоднократно и в светскую политику и владевший огромными поместьями, между прочим из выморочных и конфискованных славянских имений.

С усилением немецкаго элемента в земле хорутан, славянское население мало-по-малу из свободнаго состояния перешло в зависимое, и это между прочим послужило главным поводом к тому, что уже с IX в. здесь понятие «славянин» смешивается с понятием «раб», и слова slave и (e)sclave начинают употребляться в качестве синонимов. Зато росло на счет этих «рабов-славян» благоденствие господствующаго немецкаго класса; появились в стране богатые дворцы и замки, как самих королей и императоров, так и их вассалов. Возросли также и города, существовавшие от времен римскаго владычества и получившие с течением времени немецкое устройство, каковы: Любляна (Лайбах), Целовац, Градец (Штирийский) и др. Наибольшее значение получила Любляна, сделавшаяся центральным рынком для об-

мена местных произведений на привозныя. Вместе с материальным благосостоянием росло ея значение и в других отношениях, что сделало ее важнейшим пунктом в южной части бывшаго Словенскаго, или Хорватскаго княжества. Северная часть бывшей Хорутании онемечилась еще более южной, так что память о славянах здесь сохранилась иногда только в искаженных топографических названиях.

В половине XIII в. область словенцев сблизилась было на короткое время с родственной Чехией. Энергичный Пржемысл Отокар II, король чешский, успел было присоединить словенския земли к своей монархии. Однако такое соединение не предвещало ничего хорошаго для славян. Отокар, воспитанный в немецком духе, еще более способствовал германизации края, возвышая, напр., немецкия городския общины разными привилегиями над другими классами коренного населения, особенно могущественной родовитой шляхты.

Впрочем, могущество Отокара, ослабленное войною с венграми, вскоре было сломлено новою немецкою династиею Габсбургов, которые отрезали юго-западных славян от чехов, не дав окрепнуть их временному союзу. Таким образом, Габсбурги с XIV в. сделались полными хозяевами словенских, или хорутанских земель, каковыми остаются и по настоящее время.

Правление Габсбургов на первых же порах окончательно утвердило немецкий элемент в земле словенцев; немцы захватили в свои руки не только политическое управление краем, но и городское и даже земельную собственность, которая поделена была между рыцарскими фамилиями и привилегированными городскими общинами; славянский же элемент укрылся преимущественно в селах и небольших местечках.

Лишь с конца прошлаго века начинает понемногу оживать среди словенцев национальная идея, а всеобщее движете славян к возрождению в нынешнем веке спасло эту отрасль великаго племени от той печальной участи, какая постигла другия его западныя ветви—славян полабских и прибалтийских.

Несчастие для словенцев в настоящее время в том, что они разделены на мелкия провинции, каждая с своим особым управлением, с своими сеймами. Кроме того, вследствие природы страны, имеющей так много контрастов, словенцы не могут представлять из себя одной национальной единицы, и в разных частях занимаемых ими областей резко отличаются между собою по характеру, образу жизни, одежде и языку. Собственно говоря, только в Крайне они преобладают над другими элементами и могут представить известную сплоченную силу, тогда как другия разрозненныя части этой народности оказываются безсильными против влияния германцев с севера и итальянцев с юга.

Н. Янчук.

LXV. Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше

I

Рабочее население княжеских имений и его повинности

В XII в. Польша представляла еще малонаселенную и маловозделанную страну. Лесныя заросли и болотныя топи покрывали большую часть ея пространства, редко населенныя местности выделялись оазисами среди болот и лесов. Повсюду ощущался недостаток человеческих рук, которыя бы могли собрать все дары, предлагавшиеся природою, недостаток секир и плугов, которые бы могли превратить лежавшия вокруг пустоши в пашни и сенокосы.

Пособия: *R. Roepell*, Geschichte Polens. Erster Theil. Hamburg, 1840; продолжение—*Dr. Jacob Caro*, Geschichte Polens. Zweiter Theil. Gotha, 1863.—*D. Zubrzyckiego*, Kronika miasta Lwowa. Lwow, 1844. —*М. Владимрскаго-Буданова*, Немецкое право в Польше и Литве в Журн. Министерства Народного Просвещения 1868, t. CXXXIX, CXL и отдельно.—*А. Павинскаго*, Разбор сочинения М. Владимирскаго-Буданова под заглавием «Немецкое право в Польше и Литве» в Отчете о тринадцатом присуждении наград графа Уварова, С.-Петербург, 1870.—*R. Rube*, Prawo polskie w wieku XIII Warszawa, 1874.—*M. Bobrzynskiego*, O zalozeniu wyzszego i najwyzszego sadu prawa niemieckiego na zamku Krakowskim (Rozprawy i sprawozdania z posiedzen wydzialu historyczno-filozoficznego Akademii Umiejetnosci w Krakowie, tom IV. Krakow, 1875.—*St. Smolki*, Mieszko Stary i jego wiek. Warszawa 1881. *M. Bobrzynskiego*, Geneza spoleczcenstwa polskiego na podstawie kroniki Galla i dyplomatow XII wieku. (Rozprawy i sprawozdania, tom XIV. Krakow, 1881).—*D-ra Fr. Piekosinskiego*, O powstaniu spoleczenstwa polskiego w wiekach srednich i jego pierwotnym ustroju (ibidem).—*St. Smolki*. Uwagi o pierwotnym ustroju spolecznym Polski piastowskiej z powodu rozpraw Bobrzynskiego i Piekosinskiego (ibidem).—*J. Szujskiego*, Krakow az do poczatkow XV wieku (Opowiadania i roztrzasania historyczne, pisane w latach 1875—1880. Warszawa, 1882. *Fr. Piekosinskiego*, O sadach wyzszych prawa niemieckiego w Polsce wiekow srednich (Rozprawy i sprawozdania, tom XVIII. Krakow, 1885).—O lanach w Polsce wiekow srednich (Rozprawy i sprawozdania, tom XXI. Krakow, 1888).—*J. Szujskiego*. Historyi Polskej, tresciwe opowiadanes, ksiag dwanascie. Warszawa, 1889.—*М. Бобржинскаго*. История Польши, т. I, в русском переводе под редакциею Н. И. Кареева. С.-Петербург, 1889.—*O. Balzera*, Reformy spoleczne i polityczne konstytucyi trzeciego maja.—Krakow, 1891.—*M. Bobrzyicskiego*. Karta z dziejow ladu wiejskiego w Polsce (Rocznik Akademii Umiejetnosci w Krakowie. Rok 1891—2).

Большая часть земель, залегавших невозделанными, принадлежала князьям. Впрочем, начатки культуры, попытки ея сделаны были князьями на своих землях. В стране можно было встретить известное количество княжеских *дворцов*, или усадеб, со всем хозяйственным обзаведением: с кладовыми, погребами, амбарами, хлевами, гумнами, с пашнями, сенокосами и др. угодьями. В этих дворцах жили княжеские приказчики, которые надзирали за работами на княжеских полях и угодьях, собирали с местнаго населения различные поборы, хранили и расходовали прибытки княжого двора. В их распоряжении находилась жившая в дворцах *челядь* (familia), рабы, употреблявшиеся для разнообразных служб по дворцовому хозяйству, иногда даже для обработки пашен, сенокосов и других угодий. Начало рабству в Польше, как и в других странах, положила война: рабами становились военнопленные. Дети рабов также становились рабами; кроме того, в рабство попадали преступники, осужденные на смерть и потом помилованные, неоплатные должники и свободные люди, от нужды продавшие свою свободу. Кроме челяди дворной, на княжеском хозяйстве работали так называемые *приписные* люди, невольные (homines adsripti, adscriptitii, obnoxii). Класс этот, по предположению ученых, произошел от тех же рабов, которых князья, как и частные землевладельцы, разселили по своим именьям, но не в усадьбах своих, а в селах, наделив их землею и предоставив им обрабатывать ее на себя в свободное от княжеской барщины время. Они пользовались гораздо большею свободою, чем челядь дворная, хотя и не такою, как свободные крестьяне, ибо не могли покинуть свои земли, не могли перестать работать на княжеских полях, лугах и угодьях. Это были крепостные княжеские крестьяне. Вместе с ними селились и работали на князей и разные пришлые люди, которым князья также давали земельные участки для собственнаго их прокормления, иногда даже вместе с хозяйственным инвентарем. Между ними бывали пришлые люди из за-границы (hospites), но чаще всего это были польские же бедные *кмети*, не могшие кормиться на своих земельных участках, иногда утратившие их. В княжеских имениях некоторые из них заживались подолгу, иногда несколькими поколениями, так что становились такими же старожилами, как и приписные люди. Впрочем, как свободные люди, они могли покинуть княжеския именья, исполнив свои обязательства (debitis restitutis) в отношении к князю. Многие из них пристраивались в княжеских именьях только на короткое время, переходили из одного имения в другое, от князей к частным владельцам и обратно. Таких людей впоследствии звали *лазенками*, гулящими людьми. Чаще всего это были *кмети* из больших бедных семей, не утративших еще своей земли. Им трудно было всем прокормиться дома, и часть их поэтому уходила работать на сторону, но от дома своего и земли окончательно не отрывалась. Были, разумеется, в этом классе и в собственном смысле гулящие, непоседные люди, беглые преступники и т. д. Челядь дворная, крепостные и пришлые люди, жившие на княжеских землях, исправляли большую часть работ по княжескому хозяйству, т. е. пахали, сеяли, косили, жали, молотили хлеб, рубили и свозили дрова на княжеские дворы, лес на хозяйственный постройки и т. д. Некоторые люди при этом, или же взамен этого, несли еще некоторыя особенныя обязанности. Там, где были большия озера или реки, существовали особые *рыболовы*, доставлявшие на княжие дворы свежую, соленую или вяленую рыбу; там, где водилось много пчел, *бортники* добывали для князей мед; *бобровники* били для них бобров по лесным рекам, речкам и ручьям; *ловцы* ловили зверей, *скотники* и *оборники* стерегли стада рогатаго скота и овец; *коняры* и *кобыльники* ухаживали за табунами лошадей, *псари*—за охотничьими собаками, *сокольники*—за соколами и

т. д. Особые люди—*пекари* пекли хлеб, *кухари* готовили кушанья для обитателей княжого двора, *медосытники* сытили мед, *пивовары* варили пиво и т. д. Знавшие какое-либо ремесло или искусство обыкновенно также служили своим князьям: *бондари* обивали и чинили разную деревянную посуду, *гончары* лепили глиняную, *плотники* строили избы и клети, *столяры*—мебель и разный хозяйственный орудия, *колесники*—телеги, *судники*—лодки и барки, *ковали* разныя железныя вещи и т. д. В некоторых работах и повинностях княжеским людям помогали люди частных владельцев и свободные кмети, крестьяне, жившие на собственных землях. Нужно было, например, переправить налегке и наскоро убитаго зверя, пойманную рыбу, пленника из одного дворца в другой или в столицу, и на этот *перевод* должны были снаряжаться с лошадьми в известной очереди все крестьяне, жившие в данном округе, или *ополье*. Переправа разных грузов из одного княжескаго дворца в другой, так называемый *повоз*, также был общею повинностью всех крестьян, а равно обязанность ставить *подводы* проезжающим князьям, их послам и разными слугам.

Княжеские дворцы были не только центрами хозяйственной деятельности, развивавшейся на княжеских полях, лугах и разных угодьях, но вместе с тем складочными местами, куда шли и где хранились различные натуральные поборы, взимавшиеся в пользу князей с крепостных княжеских и частновладельческих крестьян, с свободных крестьян, живших на своих или частновладельческих землях. Польские государи, кроме денежных податей (*поральнаго*,—от рало, плуг, в переносном смысле—крестьянский участок,—или *поволоваго*—с вола,—*подымнаго*, *подвороваго*, *строжи* на содержание караула при замках и дворцах), взимали с крестьян дань медом, куницами, рожью и овсом (отсыпной хлеб, *sep*, annona ducalis), разною живностью—коровами, овцами, свиньями и курами (так называемый *нарез*, narzaz) и т. д. Крестьяне даннаго ополья свозили все эти натуральныя дани обыкновенно в ближайший княжеский дворец, где оне хранились, расходовались или же пересылались по назначению из центра.

Рабочее население в церковных имениях

На ряду с княжескими дворцами в XII в. в Польше не мало уже было хозяйств епископских, монастырских, баронских и рыцарских. Польские князья дарили охотно епископам, монастырям и капитулам обширныя невозделанныя земли, на которых те поселяли купленных или подаренных рабов и заводили собственное хозяйство. К рабам, которые обыкновенно переводились на положение крепостных, приписных людей, с течением времени присоединялись вольные пришлые люди, получившие земельные участки от епископа, монастыря или соборной капитулы и за это обязавшиеся работать на владельца. Иногда князья жертвовали церкви и населенныя имения, бывали случаи, даже целыя каштелянии. Свободные крестьяне, жившие в таких округах, должны были часть податей и повинностей нести уже в пользу церкви, иногда даже подчинялись церковному суду. Вообще, при пожалованье имений епископам, монастырям и капитулам, князья отказывались от некоторых, а иногда даже и от всех своих сборов с наличных и будущих крестьян церковнаго именья, предоставляя новым владельцам собирать их в свою пользу. Таким путем церковныя учреждения получали право собирать в свою пользу поральное и подымное, отсыпной хлеб, разную живность, нарез и даже судебныя *гривны*, т. е. пени, взимавшияся на князя его судьями, воеводою и каштелянами. В последнем случае князья жаловали церковным учреждениям и самое право суда над людьми, жившими в их именьях, во всех или же, что было

чаще, в маловажных делах. Если в именье был заведен торг, князья предоставляли иногда владельцу собирать *торговое* (за право торговли) и *мыто* (пошлину с товаров) в свою пользу, держать корчмы на себя и т. д. Необходимо, впрочем, заметить, что полныя привилегии редко давались князьями. Чаще всего князья оставляли часть доходов с крестьян для себя, оставляли на крестьянах и некоторыя повинности в свою пользу, не выпускали их совсем и из своего присуда.

Панския именья и их рабочее население

Особенно это справедливо относительно крестьян, живших в именьях баронов и рыцарей. Такия именья стали появляться в Польше с конца XI в. Польские князья не в состоянии оказались содержать на жалованье и собственном иждивении своих сановников или, как их называли, баронов и военный люд— рыцарей. Все чаще и чаще взамен жалованья стали они раздавать им земли, предоставляя заселять их рабами или крестьянами, заводить на них собственное хозяйство и таким образом содержать себя и свои семьи. Впрочем, быть может, часть таких имений возникла и другим путем. В составе баронов могли находиться потомки давних мелких князей, властителей, правивших еще до объединения польских племен под властью Пястов. При объединении государства эти князья могли сохранить за собою свои земли и передать их своим потомкам. Как бы то ни было, но большинство баронских и рыцарских имений возникло вследствие пожалований князей Пястов. Владельцы извлекали доход из этих имений, поселяя в них купленных или доставшихся на войне рабов, а также разный пришлый люд, при чем князья в виде особой милости предоставляли им собирать княжеские доходы и судить своих людей.

Но как княжеския, так и частновладельческия имения не приносили их собственникам той пользы, которую можно было бы из них извлечь, не приносили именно по недостатку рабочих рук. Рабов и крепостных крестьян было немного, обыкновенно десяток-другой на большое имение; пришлых вольных крестьян было также мало. Большинство польских крестьян, живших по каштеляниям, обрабатывало свои собственныя земли, занятыя с незапамятных времен, и состояло из так называемых *дедичей* (haeredes) или *владык* (possessores). Правда, что некоторые из них, как было уже сказано, поселялись и в именьях князя, церкви и частных владельцев, но таких сравнительно было немного. Недвижимыя имущества князей, церкви, баронов и рыцарей, несмотря на свою величину, мало еще имели ценности, потому что большею частью залегали пустошами. Так, однако, не могло навсегда остаться. Собственный интерес побуждал владельцев увеличивать, во что бы то ни стало, доходность своих имений, иначе говоря, привлекать на них рабочий люд.

Вызов колонистов из Германии в XII в. и в начале XIII в.

В поисках за рабочими людьми монастыри первые обратились в Германию. Монастыри в Польше основаны были немцами, постоянно пополнялись братиею из Германии, и обращение их в Германию же и за рабочими было вполне естественно. Рабочий люд охотно шел к ним в имения, привлекаемый различными льготами и надеясь найти в новой стране более плодородную почву, больше свободы и безопасности для своего труда, чем у себя на родине. К концу XII в. колонизация монастырских имений из Германии приняла довольно значительные, заметные размеры (переселения из Германии в Польшу могли иметь место и ранее, но в незначительном, незаметном количестве). Примеру монастырей скоро последо-

вали князья, у которых пустых, невозделанных и даром пропадавших для них земель было еще больше, чем у монастырей. Силезские князья благодаря географическому положению своих владений[1] и установившимся политическим и родственным связям с Германиею ранее других польских князей начали эту колонизационную деятельность. Особенно стал известен в этом отношении князь Генрих Бородатый (ум. 1238 г.). Соединенный узами родства с Гогенштауфенами, поддерживая тесныя сношения с немцами, которыя завязал еще дед его Владислав II (ум. 1159 г.), проникаясь все более и более немецким обычаем и симпатиями, Генрих целыми массами вызывал колонистов из Германии, селил их не только в селах, но и городах, позволяя им устраиваться отдельными гминами (Gemeine, Gemeinde) на манер германских городских общин. Несколько новых немецких городов возникло при нем в Силезии—Шрода (Неймаркт), Гольдберг, Левенберг и Наумбург. Возникло множество новых сел как на княжеских, так и на владельческих землях, ибо князь давал охотно льготы в податях и повинностях и колонистам, селившимся в частных или церковных имениях. Но особенно широкие размеры приняла немецкая колонизация как в Силезии, так и в других частях Польши, после татарскаго погрома.

Татарские погромы и убыль населения в Польше

Зимою 1241 года дикия татарская полчища, разорив Киев и страшно опустошив всю юго-западную Русь, двумя потоками хлынули в Польшу и Венгрию. Разбившаяся политически и от того обезсилевшая материально и морально, Польша не могла сдержать этого разрушительнаго потока. В отдельных случаях поляки так же, как и русские, явили чудеса храбрости и самоотвержения, но так же, как и русские, оказались не в состоянии сплотиться воедино и общими силами противостать врагу. Каждая область, каждый город защищались отдельно, порознь, и татары в короткое время прошли через всю Польшу, подавляя массою всякое сопротивление. Сначала полегло пред ними малопольское[2] рыцарство в кровавой битве под Хмельником. Потом пал Сандомир, и подверглась страшному опустошению восточная часть Малой Польши—Сандомирская земля. Татары жгли, грабили, убивали, не щадя ни пола, ни возраста. Обезумевшее от страха население искало спасения в городах или хоронилось по лесам и болотам. Но татары легко брали самые укрепленные города, и скоро вслед за Сандомиром Краков, Вроцлав и другие города уже лежали в пепле и развалинах. Отдельные татарские отряды, или загоны, разсыпались по стране далеко в глубь Мазовии[3] и Великой Польши[4], истребляя и захватывая в плен прятавшихся по лесам жителей. Главныя силы татар, поразив при Ополье (в верхней Силезии) князей Болеслава сандомирскаго и Владислава опольскаго, направились на Серадзь, Ленчицу и, пройдя через Куявию, вторгнулись в нижнюю Силезию. Здесь при Лигнице они разбили на голову ополчения силезскаго князя Генриха Благочестиваго, павшаго в битве геройскою смертью. Появление чешскаго короля Вацлава, который с отборным войском прибыл, хотя уже и поздно, на помощь зятю своему Генриху Благочестивому, заставило татар отступить к югу на соединение с своими в Венгрии и Моравии, но на возвратном пути, после поражения под стенами Оломюца, татары вторично навестили верхнюю Силезию, истребили и разори-

1 Силезия лежала по бассейну верхняго и средняго Одера.

2 Малая Польша занимала бассейн верхней Вислы приблизительно до рр. Пилицы и Вепржа.

3 Мазовия занимала бассейн средней Вислы, нижняго Буга и Нарева.

4 Великая Польша вместе с Куявиею занимала почти весь бассейн Варты.

ли в ней все, что осталось еще от перваго погрома. Малую Польшу они навещали еще несколько раз после того, как утвердились в южной России. Особенно памятны были полякам нападения 1259 и 1287 годов. В 1259 году татарское войско, усиленное пруссами, литовцами, русскими и половцами, вторглось в Сандомирскую землю. По обыкновению татары жгли, грабили, пленили и убивали. Они обложили город Сандомир, куда сбежалось множество народа с женами, детьми и со всем своим имуществом; обманом склонили гарнизон к сдаче города и затем произвели страшную расправу с осажденными. Часть захваченных в Сандомире людей порезали, часть потопили в Висле, а остальные пошли в ясырь (полон). Такой же участи подвергся город Краков, и вся южная Польша в течение трех месяцев была жертвою татарских неистовств. Многия тысячи христиан пошли пленниками в орду. В 1287 году татары снова посетили Краковскую землю, и после того земли эти «лежали необработанныя, нетронутыя плугом и бороною, но запятнанныя невинною кровью». Так пишет современник, князь краковский и сандомирский Лешко Черный, в одной из жалованных грамот, выданной Тынецкому монастырю. Другой современник сообщает, что татары на возвратном пути во Владимире Волынском поделили более 30 тысяч девиц и ребят.

Конечно, Малая Польша более других областей пострадала от татарских разорений. Но и другая области после татарскаго погрома находились в плачевном положении. Край сильно обезлюдел. Села и деревни были снесены, скот угнан или перебит, поля оставались необработанными; уцелевшие крестьяне скитались по лесам, не имея никакой охоты приниматься за работы. Полное хозяйственное разорение царило всюду как в деревнях и селах, так и в немногочисленных городах. Торговля и ремесла, какия только существовали в Польше того времени, почти совершенно прекратились при всеобщем обеднении. Разорение постигло не только низшие классы общества, но и всех тех, на кого они работали, кто так или иначе пользовался плодами их труда.

Обеднение князей и других владельцев

На первом плане здесь надо поставить князей. Татарский погром лишил их множества рабочих рук, множества плательщиков податей и пошлин. По всем статьям княжеских доходов последовала убыль, и это в такое время, когда уже и без того наступали для князей стесненныя обстоятельства. Прошли уже давно те времена, когда был один князь в Польше, много—двое, трое. Теперь (в 1247—1249 г.) в одной Великой Польше было двое князей, двое в Мазовии, трое в Силезии, и только в Малой Польше был один князь. К концу XIII в. число уделов быстро растет, и в одной Силезии можно насчитать уже более десятка княжеств: лигницкое, свидницкое, вроцлавское, глоговское, сцинавское, жеганьское, опольское, бытомское, цешинское, козленьское, заторское и ратиборское. Так много потомков народилось у старшаго сына Болеслава Кривоустаго—Владислава. То же самое видим в уделе Конрада, внука Кривоустаго от четвертаго сына Казимира Справедливаго. В этом уделе, заключавшем в себе Мазовию, Куявию, а также Серадзь и Ленчицу, к концу XIII в. насчитывалось семь княжеств: серадзьское, иноврoцлавское, ленчицкое и добринское, а в Мазовии—плоцкое и черское. Только Великая Польша не дробилась на такия мелкия части; но зато вся Малая Польша после татарскаго погрома вряд ли стоила больше любого из упомянутых княжеств: так сильно она была опустошена. Татарское посещение дало себя тяжело почувствовать и другим землевладельцам—церковным учреждениям, баронам и ры-

царям, лишив их множества рабочих рук, множества плательщиков, ибо, как было сказано выше, и частные владельцы собирали в свою пользу разные доходы с живших в их именьях крестьянах (кое-где крестьяне взамен барщины или наряду с нею платили оброк, или *чинш*). И прежде случались разорения от княжеских усобиц, от нападения диких пруссов, литовцев, ятвягов, от вторжения западных соседей, которые пользовались обыкновенно разделением сил Польши и ея внутренними замешательствами. Можно даже сказать, что эти разорения постигали Польшу все чаще и чаще по мере того, как она дробилась в потомстве Болеслава Храбраго. Но такого общаго и страшнаго погрома, который произвели татары, не бывало прежде никогда. Когда миновала гроза, в Польше, как и в других странах, разоренных татарами, пробудилось сильное стремление к возстановлению разрушеннаго, к врачеванию полученных ран. История к тому времени подготовила и лекарство—в немецком осадничестве.

Усиленный вызов и прилив немецких колонистов

Князья, церковныя учреждения и частные владельцы принялись усиленно хлопотать о заселении своих земель выходцами с запада, из Германии. Особенно на этом поприще прославились Болеслав Стыдливый в Малой Польше и Болеслав Благочестивый в Великой. Стремления польских князей и землевладельцев счастливо совпали с эпохою междуцарствия в Германии, когда купцам, ремесленникам и крестьянам особенно тяжело жилось на родине, когда эмиграция из Германии должна была особенно усилиться. Немцы целыми массами устремились в Польшу. Нашлись и посредники между князьями и землевладельцами и прибывавшими колонистами. В этой роли выступило много немцев, которые ранее прибыли в Польшу и уже ознакомились с польскими условиями и отношениями. Они-то заключали обыкновенно с князьями или частными владельцами договоры на основание немецких *осад*, сел или мест. Князья и землевладельцы из своих земель назначали огулом известное число *ланов*[1] для имеющей возникнуть осады, уговаривались о правах и обязанностях колонистов, о привилегиях и положении *осадчиков* (locatores). Эти последние обязывались привлечь колонистов, урядить осаду и затем править ею. Обыкновенно эти осадчики сами вымеряли землю под будущую осаду, что требовало известнаго уменья и искусства. Не принимая в счет всю негодную землю, они вымеряли общее количество ланов по возможности в виде прямоугольника, так чтобы и самые ланы можно было вымерить регулярно, линиями, проведенными от одной *стены*, или границы, обмереннаго пространства до другой. Если осада предназначена была на *место*, осадчик вымерял сначала четвероугольную площадь для будущаго рынка, намечал улицы, в виде правильных линий, расходящихся в разныя стороны, отмерял землю под общественное пастбище, а затем отдельные ланы в нескольких загонах, или полях. После того мало-по-малу прибывали колонисты, и появлялись новыя села и новыя места. На рынках посредине места строились ратуша и купеческия лавки, с боку приходская церковь; на улицах появлялись дома, отделенные друг от друга огородами; все место окружалось рвом, валом и тыном. В селах по обеим сторонам широкой улицы выростали крестьянская хаты, отделенныя друг от друга также небольшими огородами; на больших, нарочно вымеренных огородах, селились разные деревенские

1 Лан малый-фламандский, называвшийся также хелминским и шродским, заключал в себе 30 моргов, или 15 с небольшим десятин, в трех полях; лан большой, франконский или немецкий,—43 1/5 моргов или 22 с небольшим десятины в трех полях.

ремесленники—резники, пекари, шевцы, корчмари, ковали и даже банщики, не бравшие обыкновенно ланов в пахотном поле. В какое же отношение становились к князю или частному владельцу пришельцы, какия были их права и обязанности?

II

Привилегии колонистов по части податей и повинностей

Начнем сначала с крестьян-колонистов, селившихся на княжеских землях. В грамотах или привилегиях, которыя получали осадчики, князья обыкновенно обещали колонистам полную свободу от всех податей и повинностей на первое время, пока колонист будет корчевать лес и устраивать пашни и все хозяйство; время это определялось по уговору. По истечении льготнаго времени колонисты должны были платить князьям определенную подать, или *чинш* (census), с своих ланов; кроме того, должны были уплачивать церкви *десятину* деньгами, в размере известной доли чинша (польские крестьяне обыкновенно отдавали десятый сноп, а для немцев этот десятый сноп заменен деньгами). От податей и повинностей, которыя несли польские крестьяне, колонисты обыкновенно освобождались или вовсе, или частью. Чаще всего освобождались прибывшие крестьяне от барщинных работ и от натуральных поборов, т. е. от дачи отсыпного хлеба, коров, свиней, овец и кур, а также от подвод, «перевода» и «повоза»; сравнительно реже от поральнаго и еще реже от обязанностей участвовать в постройке и ремонте укреплений, мостов и военных дорог и давать станции, т. е. кормы, князю, его послам и гонцам при переезде их чрез данную местность. Там, где уцелели княжеские дворцы и удержалось еще княжеское хозяйство, поселенцы обязывались работать известное число дней на княжеских полях, лугах и в лесах. Поселенцы обязывались нести все эти повинности, а равно платить чинш и другия подати столько лет, сколько продолжалась их льгота; по истечении этого времени они могли безпрепятственно покидать свои земли. Кто хотел уйти ранее срока, тот должен был выплатить чинш за все льготные годы и поставить на свое место другого, одинаково состоятельнаго крестьянина или же расчистить и разделать окончательно поле, засеять его ярью и озимью.

Устройство суда в селах и «местах» с немецким правом

Новые крестьяне получали обыкновенно льготу и в отношении подсудности. Князья освобождали их от суда воевод, каштелянов и всех своих урядников и предоставляли им судиться по своему немецкому праву у своих *солтысов* (scultetus, schultheiss) и *лавников* (по-немецки *шеффенов*, шафферов, по-латыни скабинов). Солтысами бывали обыкновенно те же самые осадчики, которые вызывали колонистов и устраивали осаду. Должность эта была наследственная и прибыльная, и потому осадчики нередко покупали ее у князей. Солтыс из общаго количества земли, предназначенной для осады, получал обыкновенно несколько ланов с освобождением их от чинша, чинш с каждаго шестого лана; кроме того, доходы с корчом, мельниц, рыбных садков, и третий грош[1] от судебных *гривен*. Он становился своего рода паном в деревне, и потому впоследствии даже шляхтичи-поляки не гнушались покупать себе солтысства, а еще позже установлено было даже законом, чтобы сол-

1 Грош—серебряная монета, вошедшая в обращение в Польше со времен чешскаго господства. В разное время грош был разнаго веса и ценности. В XIV веке по весу польский обыкновенный грош равнялся 22—16 коп. серебром; в XV в.—16—8 коп. и т. д. В конце концов грош спустился до $^1/_2$ коп. и с 1786 г. стал чеканиться из меди.

тысами были только шляхтичи. Солтыс вместе с упомянутыми лавниками, которых он назначал первоначально по выбору крестьян, а потом по выбору их же самих (per cooptationem), производил суд по законам и обычаям немецким. Судьи смотрели при этом обыкновенно в Саксонское Зерцало и в этой книге законов старались найти руководство при решении того или другого запутаннаго дела. Впрочем, не все дела князья предоставляли на разбор солтыса и лавников. Важныя уголовныя дела они обыкновенно оставляли за собою и для разбирательства их посылали по деревням раза три в год особых судей, которые вместе с солтысами и лавниками и вершили все такия дела. В XIV веке, когда польския княжества объединились в однех руках, и когда короли посажали в них своих наместников, или *старост*, важныя уголовныя дела—разбой и грабеж на проезжей дороге, нападение на дом, поджог и насилие над женщинами,—разбирали обыкновенно эти старосты. На солтысов жалобы приносились самим князьям, которые, придерживаясь немецкаго феодальнаго права, предписывавшаго, чтобы каждый судился равным себе, приглашали семь и более солтысов из соседних сел и деревень и вместе с ними судили обвиняемаго по немецкому же праву. Некоторые из князей вместо себя сажали на этот суд особых *судей надворных немецкаго права*. Эти надворные судьи под именем провинциальных судей или *провинциальных войтов* (advocatus provincialis) остались в княжествах и после того, как они объединились в руках королей. Перед ними ставились на суд не только сельские солтысы, но и войты мест.

Колонисты, селившиеся в местах княжеских, становились приблизительно в такое же положение, как и крестьяне, получали те же льготы и те же права. Не было еще большой разницы между местом и селом, и место было то же самое село, но только имевшее право держать у себя торг, корчмы и товарные склады; мещане были такие же земледельцы, как и крестьяне, но только сверх земледелия они занимались ремеслами и торговлею. Даже и в тогдашних оффициальных грамотах место и село строго не различаются, одно и то же имение называется и местом и селом, а иногда местом и селом вместе (civitas et villa). Точно так же не различаются строго и солтысы от войтов, так что по селам упоминаются войты, а по местам солтысы. Войты в местах пользовались теми же правами, как солтысы в селах, получали такие же доходы и так же, как солтысы, обязаны были выезжать на войну самолично и с известным количеством вооруженных слуг, смотря по количеству своих ланов и величине доходов. Так же, как и солтысы, войты покупали свою должность и держали ее наследственно. Не удивительно поэтому, если войты мест наравне с солтысами судились пред надворными судьями немецкаго права, или провинциальными войтами. Впрочем, многолюдныя и богатыя торгово-промышленныя места, заселившияся немецкими колонистами, получили и особыя права, которых у сел не было, и особое, более сложное устройство, которое было заимствовано ими у больших городов Германии.

Рада в больших «местах» с немецким правом.

В таких местах, кроме войта и лавников, чинивших суд по немецкому праву, существовали еще *бурмистры* (proconsules, Burgermeister), *радцы* (consules, Rathmanner), составлявшие местную *раду*, или городской совет. Бурмистров было обыкновенно двое: один—дворный, назначавшиеся государем или его уполномоченным (воеводою, старостою и др.), другой—городской, назначавшийся войтом из числа представленных ему кандидатов. Впоследствии бывало большее число бурмистров: 4, 6 и более, и каждый из них председатель-

ствовал поочереди. Точно также и радцев сначала бывало обыкновенно только шесть, а затем число их увеличивалось и доходило в некоторых городах, напр., в Кракове, до 24. Впрочем, они чередовались в отправлении должности, и ежегодно заседало обыкновенно шесть, а остальные, *старые* радцы, приглашались в раду только в экстренных случаях. Радцы первоначально назначались либо уполномоченными на то от князей лицами (воеводою, старостою и другими урядниками), либо войтами по представлению мещан. Впоследствии, когда в местах образовался патрициат из денежной аристократии, сложился круг знатных и богатых мещанских фамилий,—рада, выходившая из их среды, мало-по-малу присвоила себе право кооптации новых членов на место выбывших. Мало того, с течением времени рада во многих городах стала выбирать даже лавников и войтов, именно, когда места покупили себе войтовства. Вообще же рада была высшим правительственным учреждением в месте, и ведению ея подлежало все, что так или иначе связано было с общественным интересом и благосостоянием места. В ратуше, где она заседала вместе с писарем места, мещане записывали долговыя обязательства, поручительства, покупки-продажи, вексельныя сделки, духовныя завещания, различныя распоряжения по опеке, выдачи доверенности и т. д. Рада принимала сторонних людей в состав граждан. Она же устанавливала цены на съестные припасы и ремесленныя произведения, разрешала недоразумения, возникавшия из-за порченой монеты, назначала наказания за нарушение ремесленнаго устава, за неправые меры и весы, за оскорбление и насилие в суде, за безнравственные поступки и в частности за игру в кости. Полицейская компетенция ея была очень обширна, и рада издавала всевозможныя распоряжения и правила, так называемый Willkure относительно городского благоустройства и благочиния, и сама же судила и карала за их нарушение. В ея распоряжении находились полицейские чиновники, называвшиеся по-нашему *околоточными*, *квартальными*, *обходчиками* (Zirkelmeister, quartalienses, circumlatores) и состоявшее под начальством одного главнаго лица, которым бывал иногда даже войт. Рада заведывала и всем хозяйством места, доходами и расходами, и издавала распоряжения касательно тех и других. Большия места обыкновенно получали от князей право собирать на свои общественныя нужды *шос*, прямой налог на оборотный капитал и депозиты (лежачия деньги), на дома, лавки и различные товары. Количество шоса, порядок обложения им и взимания устанавливались обыкновенно вилькюрами рады. Точно так же рада устанавливала и величину косвенных налогов, которые в силу привилея местскаго шли в *скарб* (казну) места от общественных *весов* (большая и малая вага), на которых обязательно было взвешивать продаваемый товар, от общественных *мер*, которыми обязательно было вымерять жидкости и сыпучия тела, от *воскобойни* и *салотопни*, на которых обязательно было топить воск и сало, от *плавильни*, в которой обязательно было переливать серебро, от соляных камер, или общественных складов, из которых обязательно было продавать привезенную соль, от суконных *постригален*, на которых обязательно было стричь вытканныя сукна, и т. д. По разным местам, впрочем, были разные косвенные налоги, которыми распоряжалась рада. Более или менее общими были: *чоповое*, акциз с пива, меду, горелки и вин, две части котораго обыкновенно шли в княжескую, а позже в королевскую казну, а третья в пользу места (отсюда и латинское название этого местнаго дохода ternarium); вымелки с общественных мельниц, доходы с общественных бань, кирпичных заводов, известковых обжиган и каменоломен. Некоторыя места, напр., Львов, в составе своего общественнаго имущества имели даже села, подаренныя их князьями или возникшия на местской земле: подати

с крестьян шли также в общественную казну места. Все эти доходы шли на содержание укреплений, общественных зданий, мостовых, мостов, на уплату жалования местским чиновникам-писарям, подпискам, синдику, инстигатору, местским служителям и сторожам и т. д. Часть общественных доходов с течением времени присвоила себе рада и делила ее между своими членами. Здесь происходило множество злоупотреблений, возмущавших обывателей места—поспольство, и на этой почве возникла борьба рады с поспольством. В результате борьбы было учреждение *коллегии сорока*, которая должна была следить за ведением местнаго хозяйства, и без согласия которой нельзя было ни устанавливать налога, ни производить чрезвычайнаго расхода. Из коллегии сорока, составлявшейся из 20 купцов по выбору ремесленников и 20 ремесленников по выбору купцов, два члена входило в состав *лонгерии*, в которой заседали, кроме того, двое радцев и два лавника, и которая уполномочена была на непосредственное заведывание городскою кассой. Из четырех лавников и шести членов коллегии сорока составлялась ревизионная комиссия, или *комиссия десяти*, проверявшая доходы и расходы места по отчетам бурмистров, радцев и лонгерии. Впрочем, все эти учреждения в местах возникли в XVI и XVII вв., когда уже успело с полною ясностью обнаружиться своекорыстное и безчестное хозяйничанье мещанскаго патрициата в лице бурмистров и радцев. Раде принадлежала и опека над промышленностью и торговлею места. Она издавала вилькюры, обязательные для ремесленных корпораций и цехов, относительно качества и цены ремесленных изделий, сожигала все плохия изделия и штрафовала за них мастеров цехов, следила за тем, чтобы никто не занимался ремеслом, не вступив в известный цех и не получив звания мастера, чтобы ни один цех не отнимал работы у другого и не занимался ничем, кроме своей специальности, утверждала и санкционировала постановления мастеров известнаго цеха и соглашения, в которыя цехи вступали между собою, разрешала все недоразумения между ними, издавала общия постановления об отношениях между мастерами и их учениками, о цеховых собраниях и т. д.

Разделение ремесленнаго труда в польских местах, как и в немецких городах, было очень дробным, вследствие чего и происходили постоянныя столкновения между цехами, родственными по ремеслу; эти столкновения и улаживала местная рада. Она же издавала различныя распоряжения относительно торговли и заботилась о расширении ея, для чего, наприм., отряжала агентов для установления торговых сношений, снаряжала так называемые купеческие *рейсы*. Даже в частный, домашний быт мещанства простиралось законодательное и полицейское вмешательство рады. Краковская рада, напр., издавала распоряжения, чтобы мужья под страхом смертной казни и лишения имущества не калечили своих жен, чтобы жены под страхом потопления не нарушали супружеской верности, чтобы мещане не прогуливали понедельника, чтобы жены ремесленников и рабочия девки не носили черевиков, а только трепки (в роде сандалий), чтобы девицы не надавали покрывал, долгих плащей, коронок, поясов серебряных ценою выше 3 гривен, жемчугов и т. д.; чтобы на крестинах и свадьбах не ставилось более 30 полмисок, каждая полмиска на три человека, не включая сюда ксендзов, девиц и чужестранцев; чтобы новобрачные брали с гостей подарки не выше 2-х грошей, с жен их также не выше 2 грошей, а с дочерей не выше одного гроша; чтобы на пирах не ставилось более пяти перемен, не было более восьми шутов, более четырех музыкантов и т. д. Духом опеки над гражданами проникнуты все вилькюры, все распоряжения местских рад, служащая вместе с тем наглядным показателем той креп-

кой общинной и особной организации, которую получили основанныя или заселенныя немцами польския места и которую они принесли с собою из Германии. Торговопромышленныя поселения, существовавшия в Польше до немецкой колонизации, не имели ничего подобнаго. Эти селения не отделялись даже от окрестных сел, с которыми они сообща управлялись княжескими урядниками, сообща несли различныя повинности и вместе с ними составляли одно *ополье*. Немецкие колонисты, заселявшие место, прежде всего выхлопатывали себе обыкновенно освобождение или отделение от этого ополья, с которым они ничего не хотели иметь общаго ни в повинностях, ни в законах. Так же поступали и села, возникавшия на немецком праве и получавшия, как мы видели, свой особый суд и свои законы, хотя такой крепкой общинной организации, какая была в местах, сельския гмины не достигали никогда. Наследственный войт с пожизненными лавниками, которых он же главным образом и назначал, заведывал в селах не только судом, но и всем вообще управлением. Этот войт в сущности мало чем отличался от польскаго пана, и крестьянское самоуправление под ним не могло достигнуть сколько-нибудь значительнаго развития.

С течением времени, когда к немцам в гмины присоединилось множество польских крестьян, и сами немцы ополячились, крестьяне перестали судиться и рядиться по немецким законам, которые к тому же и устарели. Гораздо дольше продержались немецкие законы и обычаи в местах, хотя и туда в конце концов переселилось множество поляков, а сами немцы ополячились.

Положение колонистов в имениях церковных и панских

Разсмотрим теперь положение, в которое стали колонисты, поселившиеся в именьях монастырских, епископских, церковных и панских. Если князья уступили владельцам свои права над населением их имений, в таком случае поселенцы становились к владельцам в то же отношение, в каком находились колонисты на княжеских землях к князьям. Необходимо заметить, что в разгар колонизации князья довольно часто отказывались от своих сборов и других прав в частных имениях. Землевладельцы, намереваясь привлечь в свои именья немецких колонистов, выпрашивали обыкновенно у князей освобождение будущих поселенцев от княжеских сборов и повинностей, от подсудности княжеским чиновникам, от ополья, т. е. от круговой ответственности за преступление при неотыскании преступника, и т. д. Князья охотно выдавали в этом смысле жалованныя грамоты, потому что в сущности ничего не теряли в настоящем, ибо имения были пустырями и осуществлять свои права в них им не приходилось. Кроме того, князья могли надеяться на косвенное вознаграждение за эти уступки от увеличения военных сил и финансовых средств своих княжеств. Войты и солтысы из частных имений так же, как и войты и солтысы из княжеских мест и сел, должны были выезжать на войну. Колонисты, увеличивая собою население княжества, увеличивали и торговопромышленный оборот, совершавшийся в нем, а следовательно, и княжескую казну, которая начинала получать более, чем прежде, мыта, торговаго, чоповаго и тому подобных пошлин. Гораздо чаще, однако, князья отказывались не от всех своих прав в частных именьях, а только от некоторых, чаще всего—от натуральных поборов, подвод, повоза и перевода и других барщинных повинностей; эти последния вместе с чиншем уступались владельцами. Но колонисты наравне с польскими крестьянами должны были обыкновенно платить князьям поральное, давать им стации при проезде, строить и чинить укрепления, мосты и дороги. Что касается суда, то низшая юрисдикция, т. е. суд по мало-

важным делам, в немецких осадах частных владельцев отдавался так же, как и в княжеских именьях, войтам и солтысам, которые покупали свои должности у владельцев и даже у князей. Но юрисдикцию по делам первостепенной важности князья или удерживали за собою, или же всецело отдавали владельцам, которые в свою очередь или удерживали за собою, или,—что случалось редко,—отдавали полностью войтам и солтысам. Как войты и солтысы, так и сами владельцы могли судить колонистов не иначе, как по немецкому праву, с лавниками и непременно на той же земле, которую заселили колонисты. В тех случаях, когда высшая юрисдикция была в руках землевладельцев, они три раза в год наезжали в места и села или посылали своих приказчиков, которые вместе с войтами или солтысами и лавниками разбирали все оставленныя на эти великие «*роки*» дела. В некоторых крупных имениях установлен был для этого один главный, генеральный судья или войт, который в течение года периодически объезжал все села и места имения и отправлял великие или генеральные роки. Если же высшую юрисдикцию в частном именье удерживал князь, то на великие роки являлся его посол, называвшейся генеральным судьею или войтом, иногда провинциальным войтом (если у князя в руках было не одно княжество, так что для каждаго из них он имел особаго генеральнаго судью). Это был тот же самый судья, который периодически объезжал и княжеския села. В XIV веке, когда польския княжества объединились в руках короля, и король назначил по ним своих наместников, или старост, суд по важнейшим делам над владельческими крестьянами, как и над королевскими, перешел к старостам. Сами войты и солтысы из частных имений по жалобам на них отвечали в надворном суде пана, который составлялся из него самого или его надворнаго судьи и семи лавников из войтов и солтысов или равных им по общественному положению лиц. Надворными судьями немецкаго права в крупных имениях, напр., монастыря Тынецкаго, бискупств Краковскаго, Перемышльскаго и Куявскаго, бывали обыкновенно те же генеральные судьи или войты, которые судили по селам на великих роках.

Надворные суды немецкого права.

В тех случаях, когда владельцы не давали суда и управы над войтами или солтысами, обиженным предоставлялось жаловаться в надворный княжеский, позже королевский суд немецкаго права, куда поступали жалобы и на княжеских войтов и солтысов. Владислав Локоток и в особенности «хлопский» король Казимир Великий в своих грамотах, выдававшихся частным владельцам на устройство осад по немецкому праву, предоставляли часто колонистам жаловаться на своих войтов и солтысов прямо в королевский суд, минуя панов. Этот суд по немецкому праву производился в присутствии их самих или их судей и семи лавников из войтов и солтысов. Кроме надворнаго суда в собственном смысле, отправлявшагося там, где пребывал в данное время король, при Владиславе Локотке и Казимире Великом были организованы постоянные надворные суды в Кракове, Сандомире, Сонче и Познани, называвшиеся замковыми судами немецкаго права. В этих судах председательствовали провинциальные войты, особо для того назначенные, с лавниками из войтов и солтысов окрестных мест и сел. Эти суды должны были облегчить работу королю и отвлечь от собственнаго надворнаго суда массу дел по жалобам королевских и частно-владельческих мещан и крестьян на своих войтов и солтысов.

Замковый суд немецкаго права в Кракове

В шестидесятых годах XIV столетия замковый суд немецкаго права в Кракове, удержи-

вая свою прежнюю компетенцию, получил еще новое назначение. Лавы, судившия мещан и крестьян по немецкому праву, в сомнительных случаях, когда затруднялись произнести приговор, обыкновенно обращались к какой-нибудь лаве, более сведущей, и от нея старались получить разъяснение права. Так же поступали и все недовольные решением своей лавы, ища на стороне более справедливой оценки и решения своего дела. Обращение за приговорами, или *ортелями* (urtheil), на сторону в XIII веке и первой половине XIV века было очень распространено в Польше, при чем обращались обыкновенно в те места, по образцу которых устроена была данная осада: в Магдебурге, если осада была на магдебургском праве, в Шроду, если на шродском, в Кульм, если на кульмском и т. д. Много денег уходило таким образом из Польши, так как ортели не давались даром, а покупались: судьи брали хорошее вознаграждение за свой труд, для них сторонний и необязательный, и чем более славилось известное место своими юристами, тем дороже были его ортели. Сутяги разорялись иногда в конец в поисках за справедливым ортелем. Происходила страшная волокита, при которой трудно было добиться на суде справедливости, в особенности бедняку. Хлопский король Казимир Великий и на этот раз выручил бедный люд. После продолжительных совещаний с рыцарством в Вислице в 1356 году, с духовенством в Калише в 1357 году, с войтами и радцами мест, с солтысами сел, король издал указ, коим запретил обращаться за ортелями за границу. В замковом Краковском суде немецкаго права положена была книга права немецкаго, т. е. Саксонское Зерцало и Магдебургския узаконения, и до этой книги рекомендовалось апеллировать от приговора лавников. Замковый суд немецкаго права в Кракове стал высшим, всеобщим судом немецкаго права в Польше. Чтобы он был наиболее безпристрастным, в лавники взяты были войты и солтысы не только королевские, но и монастырские. От приговора этого суда можно было апеллировать к самому королю и взять от него *судей-комиссаров* из радцев шести мест: Кракова, Сонча, Бохнии, Велички, Казимира и Илькуша, по два от каждаго места, и только приговор этого комиссарскаго суда был уже окончательным.

Значение немецкой колонизации в культурной истории Польши

Благодетельным лекарством была для Польши немецкая колонизация. Заселился в значительной степени опустошенный и обезлюдевший край, стали возделываться брошенныя поля и разрабатываться новыя, оживились ремесла и торговля, стала пополняться княжеская казна, появились капиталы у землевладельцев. Колонисты принесли с собою множество практических знаний, неизвестных до того Польше. Их предприимчивость, трудолюбие и неутомимая энергия благотворно повлияли примером и на польское крестьянство, в эпоху продолжительных смут и безпрестанных разорений почти утратившее всякую охоту к труду, вялое и апатичное, жившее днем. Лазенки, гулящие люди, прекращали свои безпрерывныя скитания, присаживались к немцам в их колонии, принимались на ряду с ними корчевать лес, расчищать луга, обзаводиться домом и всем хозяйством. Поляки ревностно подражали немцам, заимствовали от них разныя сведения, перенимали разные их порядки. Даже землевладельцы, видя цветущее состояние немецких гмин, принялись вводить гминное устройство среди своих польских крестьян, принялись переводить их на чинш, давать им те же льготы, что и немецким колонистам, надеясь получить больше дохода от освобожденнаго и облегченнаго труда своих крестьян. В городах появилась интеллигентная среда, через которую немецкие вкусы и немецкия знания быстро стали распространяться в

Польше. Готический стиль вытеснил из них стиль романский; проникла средневековая схоластика, римское право и древне-классическая литература и возбудили умственную деятельность там, где прежде не замечалось почти никаких духовных интересов и стремлений.

М. Любавский.

LXVI. Польский король Казимир Великий

I

Состояние Польши при восшествии на престол Казимира

Второго марта 1333 года лежал на смертном одре престарелый, семидесятитрехлетний польский король Владислав Локоток. У ложа его находились двадцатитрехлетний королевич Казимир с женою Анною Гедиминовной и малопольские паны. Король умирал с тяжелыми думами, с тревожною заботой о своем сыне и о будущности государства. Только присутствовавшие паны, его испытанные друзья и сподвижники в бурной, исполненной превратностей жизни, подавали некоторое утешение, некоторыя надежды его опечаленной душе. Обращаясь к ним, король говорил: «Милостивцы вы мои и радетели мне и моему роду! Дай Бог, чтобы сын мой, примером моим руководствуясь, жил с вами так, как я жил, и чтобы вы любили его так же, как и меня. А если будет не то—полагаюсь на вашу мудрость и верность».

И было над чем призадуматься умиравшему старцу, было чего страшиться. Он оставлял в наследство своему сыну польскую корону, которую сам едва держал на своем челе. Первый рыцарь Европы—чешский король Ян оспаривал у него эту корону и не раз пытался силою сорвать ее с головы Локотка. До Локотка польскую корону носил чешский король Вацлав III, и Ян не без основания полагал, что этой короне уместнее находиться на его голове, чем на голове удельнаго брестско-куявскаго князя, вассала Вацлава III. В виду этого притязания даже папа Иоанн XXII, симпатизировавший Локотку, не осмелился дать ему явнаго разрешения на коронацию, и Локоток короновался 21 января 1320 г. по тайной папской инструкции. Только своему необычайному мужеству, неустанной энергии и полному напряжению всех сил Владислав обязан был тем, что удержал до конца жизни поль-

Пособия: *D-r. J. Caro.* Geschichte Polens, T. II, Gotha 1863. *M. Bobrzynskiego.* Dzieje Polski w zarysie, tom I, Warszawa 1887. *J. Szujskiego.* Historyi polskiej tresciwie opowiedzianej ksiag dwanascie. Warszawa 1889. *J. Szujskiego.* Charakterystyka Kazimierza Wielkiego (Opowiadania i roztrzasania historyczne. Warszawa 1882). *R. Hube.* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego. Warszawa. 1881. Хроника Яна из Чарикова во 2 т. Monuments Poloniae historica, ed. Bielowski.

скую корону и передавал ее теперь своему сыну вместе с государством. Но что это было за государство, какая громадная разница была между ним и тем, чем была Польша впоследствии! Со стен стольнаго города Кракова видны были границы Силезии, решительно тяготевшей к чехам и повиновавшейся Яну. За Пилицею простиралась Мазовия, независимая, завистливая, соединявшаяся с Орденом против Польши. Серадзьскою областью Краковская земля связывалась с Великою Польшей, но за Нотецью (правым притоком Варты) владели уже крестоносцы, господа оторваннаго от Польши восточнаго Поморья. С занятием ими Куявии (области между верхнею Нотецью и Вислою) уже не было более естественных границ между Польшею и владениями Ордена, и в самом сердце старой Польши—в Крушвице сидел теперь командор крестоносцев. Но территориальные пределы далеко еще не все говорят о государстве, которым владел Локоток, и которое он же сам и создал.

Элементы междоусобия и разделения бродили еще в неокрепшем организме этого государства. Не потухла еще вражда немецкаго мещанства к новой власти, утверждавшейся в лице Локотка,—вражда, так ярко обнаружившаяся в памятные дни краковскаго бунта. Не помирилась с новою властью и Великая Польша, до 1309 года предпочитавшая Локотку глоговскаго князя, недовольная коронациею в Кракове. С 1327 года не окрепшее, мало сплотившееся польское государство пребывало в постоянной войне с Орденом. Война эта, веденная то с помощью Литвы, то с помощью королевскаго зятя, венгерскаго короля Карла Роберта, решительно склонялась не в пользу Польши. Видно было, что Польше не справиться с Орденом, что меч Локотка безуспешно тупится о каменныя твердыни орденских городов. Одно из самых страшных опустошений, которое можно приравнять только татарскому погрому, постигло в 1331 году Великую Польшу, Куявию и земли Ленчицкую и Серадзьскую (по верхней Варте и Висле). Все почти замки и места, кроме Калиша и Познани, все костелы дымились после того пожарищами и лежали развалинами. Стольный город Краков спасся, быть может, потому только, что на помощь Ордену не прибыл во-время чешский король Ян, уговорившийся вести войну сообща. Вторжение носило характер истребительный, было какою-то оргией самаго неистоваго варварства. Рыцари жгли, разоряли, грабили, убивали с безпощадною жестокостью, с какою-то злобной методичностью, как будто хотели стереть с лица земли Польшу. Папское вмешательство только на время прекратило войну, и старый Локоток умирал в разгар ея, передавая ее по наследству сыну вместе с разоренным дотла и истощенным государством, которое растратило свои силы, не успев еще порядком и набрать их.

Молодость Казимира

Мало надежд было у умиравшаго и на сына. Все, что мы знаем о молодых годах королевича Казимира, обнаруживает глубокую пропасть между ним и рыцарством Локотка, между отцом и сыном. Муж дикой дочери Гедимина, всему на свете предпочитавшей свои литовския песни и пляски, попадает со двора своего отца, простецкаго, чисто солдатскаго, скучнаго, на блестящий и веселый двор своей сестры, венгерской королевы Елисаветы, куда отец посылал его по дипломатическим поручениям. Молодой человек совершенно слепнет от блеска цивилизации и, гостя подолгу у сестры, глубоко проникается цивилизованными вкусами, симпатиями и привычками, а также и легкими нравами Анжуйскаго королевскаго дома. За время пребывания своего при венгерском дворе он успевает ославиться на весь свете любовным приключением, имевшим трагический исход. Его легкомысленная

сестра королева Елисавета сблизила его тесно с дочерью венгерскаго дворянина Фелициана Заха. Оскорбленный отец, не помнивший себя от гнева, мечем порубил королеве руку и за свое дерзновение заплатил страшною смертью, своею собственною и всех своих родных. Рядом с этим некрасивым эпизодом становится другой: с поля битвы под Пловцами (27 сентября 1331 года), в самый разгар сражения, когда бешеная ярость крестоносцев и дикое отчаяние поляков слились во взаимном смертоубийстве, молодой Казимир бежал малодушно, распространяя всюду весть о поражении отца и народа. Мягкий характером, женственный, распутный, гоняющийся за иноземным и свысока смотрящий на свое родное, Казимир не мог заслужить доверия и расположения своего отца, мужественнаго и храбраго вождя, горячаго, но довольно узкаго польскаго патриота, сурово-воздержнаго и строгаго к самому себе человека.

Время показало, однако, что напрасно тревожился умиравший Локоток, напрасно боялся за своего сына и за будущность своей горячо любимой Польши. Как оказалось после его смерти, Казимир, если и уступал отцу в отваге и военной доблести, в прямодушии и чистосердечии, в теплоте патриотическаго чувства, зато неизмеримо выше его стоял по своему политическому инстинкту, по трезвости своей мысли, по уменью приноравливаться к обстоятельствам и извлекать из них для себя и своего государства то, что было наилучшим не только для даннаго момента, но и для отдаленнаго будущаго.

В молодом Казимире, вступившем на самостоятельное жизненное поприще, широко раскрылись все свойства политическаго таланта первой величины, которыя стяжали ему уже у ближайших потомков прозвище Великаго, стяжали славу, которая затмила все его личные пороки, все прегрешения его распущенной молодости и сластолюбивой старости.

II

Стремление к замирению государства

25 апреля 1333 года произошла его торжественная коронация в Кракове, и в тот же день Казимир заключил перемирие с Орденом до Троицына дня следующаго года, перенося свой спор с Орденом на третейский суд королей чешскаго и венгерскаго. На следующий год он продолжил перемирие до дня св. Яна 1335 года. Казимир ясно понимал, что разоренная и истощенная Польша не в состоянии более бороться с Орденом, и потому, во что бы то ни стало, стремился доставить ей мир на возможно продолжительное время. Зять, венгерский король, помогал ему в этом и под предлогом различных затруднений и препятствий оттягивал срок третейскаго разбирательства и продолжал таким образом перемирие.

Стремясь к миру извне, король старался успокоить Польшу и внутри, обезпечить ей домашний мир и безопасность. Первые годы его правления ознаменовались энергическим преследованием своевольной шляхты, истреблением разбойников, выходивших из среды той же шляхты, иногда даже из высших ея слоев. Современник разсказывает, что король нередко, пируя с родителями, в то же время карал суровыми казнями их детей. Между тем перемена в политическом положении Европы доставила ему случай войти в приязнь и союз с бывшим врагом своего отца, Яном чешским.

Мир и союз с Чехиею

Ян чешский поссорился с императором Людовиком из-за наследия в Каринтии, Тироле

и Крайне. Земли эти следовало получить по жене его сыну, а между тем император поделился ими с герцогами австрийскими. Ян после того стал искать союзников и нашел такового прежде всего в лице Карла Роберта, короля венгерскаго, непримиримаго врага императора. Теперь дело было за королем польским: в 1334 году, во время путешествия в Великую Польшу, Казимир помирился с Людовиком бранденбургским, сыном императора, и явно склонялся на сторону последняго. Но сын короля Яна, маркграф моравский Карл, родственный по духу Казимиру, и венгерский король Карл Роберт перетянули Казимира в лагерь чешский. 28 мая 1335 года Карл моравский заключил в Сандомире перемирие с Казимиром на год и приостановил пограничную войну, которая велась между чехами и поляками.

Перемирие положило начало дипломатическому сближению Казимира с чешским королем, которое поддержал и продолжил Карл Роберт, отрядивший к шурину специально для этого одного из венгерских епископов. Казимир охотно пошел на зов к миру и союзу и выслал своих уполномоченных на съезд, назначенный в Тренчине с очень широкими и растяжимыми инструкциями, с предложением во всем доверять и полагаться на венгерскаго короля.

24 августа 1335 года польские послы заключили договор, в силу котораго Ян чешский отрекался за себя и за своих потомков от прав на польскую корону, а Казимир, с своей стороны, отрекался от прав на Силезию и княжество плоцкое, уступленное его владетелем Васильком Яну чешскому и обязывался заплатить Яну 30 тысяч гривен, или 20 тысяч коп пражских.

Вышеградский приговор по делу Польши с орденом

Условия эти были, конечно, тяжелы для Польши; но не нужно забывать, что таким путем Казимир избавлялся от опаснаго соперника, «предприимчиваго и изворотливаго, который задолго пред тем соединился с Орденом для того, чтобы выжить совершенно Пястов из Польши. Вскоре после того, накануне Рождества Богородицы, подписан был союзный трактат между королями венгерским, польским, чешским и сицилийским, а в ноябре сам Казимир прибыл к зятю в Вышеград, чтобы лично покончить дело о союзе; сюда же прибыл и Ян чешский, а также и уполномоченные Ордена. Между шумными пиршествами и обильными угощениями состоялась ратификация союза и произнесен был (19 ноября) третейский приговор по делу Казимира с Орденом. Казимира обязали отступиться в пользу Ордена от Поморья, земель Хельмской и Михаловской (по правому берегу Вислы, рядом с Куявиею), от Орлова, Муринова и Нешавы (в Куявии), которыя оставались за Орденом в качестве вечной милостыни (perpetua eleemosyna). Но земли Добринская (рядом с плоцким княжеством, по правому берегу Вислы) и Куявская, за исключением вышеупомянутых имений, должны были возвратиться к Польше, как скоро папа, вельможи польские и наиболее значительныя места подтвердят решение, а венгерский король его подпишет.

Таковы были первые шаги Казимира на дипломатическом поприще. Успехи были не велики, но больше и трудно было что-нибудь сделать при наличных средствах и силах Польши. Казимир, впрочем, и не думал останавливаться на них, но, пользуясь обстоятельствами, стал всячески стараться о том, чтобы как можно более изменить Вышеградский приговор в пользу Польши.

Осуществление этого приговора натолкнулось на множество препятствий со всех сторон. Крестоносцы оттягивали очищение Добринской земли и Куявии, требуя подтверждения приговора папою и польскими чинами. Казимир медлил выдачею отступного документа на Поморье, так как народ пришел в негодование по поводу добровольной уступки Поморской земли, из-за которой пролито было много польской крови. Папа Бенедикт XII не давал своей санкции приговору королей чешскаго и венгерскаго, с которыми он был тогда в неладах. Дело дошло даже до нарушения перемирия, и Казимир вторгнулся было в землю Михаловскую, пользуясь тем, что рыцари воевали с Литвою. Скоро, однако, он счел за лучшее возобновить перемирие и объявить Ордену, что подчиняется Вышеградскому приговору. На деле тем временем он вел переговоры с папским нунцием Гальярдом, пребывавшим в Польше, и сулил курии 15 тысяч гривен, если только удастся провести папский декрет 1320 года, приговоривший Орден к возвращению Поморья Польше и к уплате 30 тысяч гривен.

Чешский король Ян заставил было его прервать эти переговоры и серьезно приняться за выполнение даннаго обещания. В 1337 году король Ян со множеством немецких рыцарей и силезских панов ходил в крестовый поход на Литву. На возвратном пути он занялся умиротворением Ордена и Польши. Гарантировав Ордену обладание Поморьем, он взял у него Брестскую (Куявию) и Добринскую земли и отдал во временное управление своему старосте Оттону Бергау. Староста должен был сдать земли Казимиру, как скоро Орден получит отступной акт на Поморье. С самим Казимиром Ян свиделся в Иновроцлаве и настаивал на выполнении договора. Тогда Казимир созвал на сейм высшее духовенство и панов и предложил принять Вышеградский приговор. Сейм, однако, и слышать не хотел об уступке Поморья и отправил в Авиньон епископа краковскаго Яна Грота хлопотать перед папою о новом суде с Орденом. После того и сам Казимир прекратил свои настояния; венгерский король Карл Роберт также не спешил своею подписью, повидимому, по уговору с Казимиром.

Тем временем папа Бенедикт XII назначил нунция Гальярда и каноника Петра Гервасия судьями с обширным полномочием разобрать в окончательной инстанции тяжбу Польши с Орденом о неправом присоединении Поморья и других земель польских и о злодействах, поделанных в 1330—1332 годах. Орден пустил в ход все средства, чтобы разстроить этот суд. Сначала была принесена папе жалоба на вероломство Казимира. Но, так как папа не тронулся ею, крестоносцы отдались под покровительство императора Людовика. Людовик, в качестве императора мнивший себя главою всех государей и верховным владыкою всех христианских земель, настоящих и будущих, щедрый на грамоты с громкими словами, но без реальнаго содержания, выдал Ордену дарственный акт на Литву, Жмудь и Русь и затем, в послании от 22 июля 1338 года, наистрожайше запретил являться на чей-либо суд или уступать что-либо из своих владений, ленов императорских. Но вскоре после этого, напуганный союзом королей чешскаго, венгерскаго, сицилийскаго и польскаго, завязал сношения с Казимиром и начал вести переговоры о союзе и даже высказал намерение породниться с Казимиром. Крестоносцам ничего после того не оставалось, как только апеллировать против приговора назначеннаго над ними суда. Суд этот происходил в Варшаве и продолжался с февраля по 15 сентября 1339 г. Со стороны Казимира дело вели архидиакон варшавский Ярослав Богорыя, магистр права Бертольд из Ратибора и бохненский пробощ

Альберт. Великий магистр прислал уполномоченных с протестом против папской буллы, учредившей суд, и против самаго суда, как неправильнаго и несвоевременнаго. Вызвано было 123 свидетеля, среди которых было много духовных сановников и светских должностных лиц—судей, подсудков, подчаших, мечников, крайчих, подкоморих и т. д. Им предложено было 30 вопросов, касавшихся жалоб на Орден. Показания всех их, данныя под присягою, дышали озлоблением и ненавистью к Ордену и подтверждали все жалобы ужасающими подробностями о зверствах немцев в Польше в 1330—1332 г. Суд приговорил Орден к возвращению всех решительно земель, захваченных у Польши, и к уплате 194,500 гривен вознаграждения за причиненные убытки и 1,600 гривен судебных издержек. Представитель Ордена магистр права Бандо протестовал вновь и апеллировал к папе, который был настолько непоследователен, что назначил для разбора тяжбы особую комиссию из епископов краковскаго и хельмскаго, как представителей противных сторон, и епископа мейссенскаго, как третьей, нейтральной стороны. Дело, таким образом, затянулось.

Тем временем Казимир сблизился еще теснее, чем прежде, с Яном чешским и его сыном. По смерти Генриха баварскаго, зятя короля Яна, император Людовик стремился овладеть всею нижнею Баварией, а король Ян старался не допустить его до этого. Казимир, незадолго пред тем овдовевший, обратился к Яну с просьбою выдать за него дочь Маргариту, вдову Генриха баварскаго, и заключить договор о взаимной помощи. Маргарита, однако, и слышать не хотела о браке с распутным польским королем и вскоре умерла. Тем не менее обоюдный интерес сблизил королей, и они заключили между собою в Праге договор о взаимной помощи. Чешский король, однако, хотел привлечь и Орден на свою сторону, а потому стал настаивать на скорейшем прекращении вражды Польши с Орденом и склонял обе стороны к уступкам. Новый папа, заступивший умершаго Бенедикта XII, Климент VI с своей стороны напоминал о мире, и Казимир, хотя и заключил 28 февраля 1343 года оборонительно-наступательный союз с князьями западнаго Поморья—Богуславом, Барнимом и Варцславом, не счел возможным оттягивать далее выполнение Вышеградскаго приговора. Крестоносцы, побуждаемые со стороны Чехии и обезпокоенные союзом Казимира с поморскими князьями, с своей стороны пошли на уступки. Карл моравский, приехавши в апреле 1343 г. в Краков с целью позанять денег у Казимира и мещан краковских, подвинули дело к концу.

Калишский мир с Орденом

В первых числах июля Казимир с духовными сановниками и панами поехали в Калиш, куда вскоре прибыл и союзник его щетинский князь Богуслав. Великий магистр Людольф Кениг тем временем прибыл в Муринов и отсюда переслал свои предложения Казимиру. Казимир 8 июля принял эти предложения: он уступил Ордену земли Хельмскую и Михаловскую, оставил ему Нешаву, Орлов и Муринов в земле Куявской, а взамен получил Куявию, землю Добринскую и Быдгощскую. Король дал обещание добиться подтверждения договора от своего наследника, Людовика венгерскаго, и от польских чинов. И действительно, договор подтвердили князья мазовецкие—Земовит визненский, Земовит черский, Болеслав плоцкий, а также Казимир гневковский, Владислав ленчицкий и добринский, подтвердили съехавшиеся паны и места—Познань, Калиш, Владислав, Брест, Краков, Сандомир и Сонч. Одно только духовенство ограничилось констатированием своего присутствия при совершении акта, который оно считало позорными для Польши. В селе Вербне, между Муриновом

и Владиславом, съехались король и великий магистр с блестящими свитами и утвердили договор взаимною присягой. Акт договора вслед затем отослан был для окончательной санкции к папе, по получении которой Орден должен был выплатить Казимиру 10,000 гривен, полученных будто бы с Куявии и Добринской земли в виде доходов. Так удалось Казимиру изменить несколько Вышеградский приговор в пользу Польши. Во всяком случае Калишский мир принеси истощенной и обезсиленной продолжительною борьбою Польше успокоение со стороны самаго опаснаго и лютаго врага и развязали руки самому Казимиру в его внешней политике и внутренней, направленной к устроению государства, деятельности. Можно даже сказать, что открывшиеся вновь политические виды и потребность устроения государства внутри заставили Казимира поскорее кончить свою распрю с Орденом.

Попытка овладеть Галициею

В это время внимание Казимира привлекла к себе Галицкая Русь. Княживший в ней по прекращении Романова дома мазовецкий князь Болеслав Тройденович в 1340 году был отравлен галичанами, и галицкий стол опустел. Казимир, как только узнал о смерти Болеслава Тройденовича, немедленно вступил с войском в Галицию и занял Львов. Хотя один из галицких бояр—Детко, призвав на помощь князя Даниила острожскаго и татар, выгнал польские гарнизоны из Галиции, Казимир не отступился от своего намерения, и присоединение бывшаго Галицко-Владимирскаго королевства стало его заветным желанием, жизненною задачей его политики. Паны и шляхта в этом случае шли за своим королем: всем им плодородный и богатый русский край сулил поживу. Открывшаяся заманчивая перспектива отвлекла их внимание от Поморья и охладила совершенно к делу, за которое они прежде так горячо ратовали. Центр тяжести польской политики вместе с этим переместился с низовья Вислы на ея верховье, точнее—на течение Сана и Западнаго Буга. По временам он сходил отсюда, но вскоре снова возвращался и крепче всего держался в этом именно крае. Достигнутые успехи, если не были полными, то все-таки были огромными. То, чего добилась здесь Польша, не может итти ни в какое сравнение с тем, чего достигла она по Калишскому миру.

Разрыв и война с Чехиею

Однако целыя пять лет по заключении Калишскаго мира Казимир не занимался Галицкою Русью. Экскурсия 1340 года, хотя и разожгла аппетит поляков, но вместе с тем показала, что голыми руками нельзя захватить лакомый кусок. Необходимо было собраться со средствами и ждать благоприятных обстоятельств. Тем временем испортились отношения Казимира к Яну и Карлу чешским, и необходимо было так или иначе разделаться с Чехиею. В 1339 году в самый разгар дипломатической борьбы с Орденом, Казимир выдал чешскому королю Яну и сыну его Карлу акт отречения от своих верховных прав на Вроцлав, Глогов и княжества: лигницко-брестское, жеганское, кросненское, опольское, фалькенбергское, олесницкое, стрелицкое, тешинское, козленское, бытомское, ратиборское и освецимское в Силезии и на плоцкое княжество в Мазовии. Но чешские государи не удовольствовались этою уступкой, постоянно безпокоили Болка свидницкаго, единственнаго силезскаго князя, оставшагося верным Польше, и старались покрепче утвердить и расширить свою власть в Мазовии. Отношения между ними и Казимиром сделались натянутыми. Наконец, Казимир, по внушению Болка свидницкаго, задумал захватить в плен Яна и Карла, возвращавшихся с крестоваго похода на Литву, с тем, чтобы вынудить от них уступки.

Ян, поехавши другою дорогой, ускользнул от засады, а Карл был задержан в Калише под тем предлогом, что не платил своих долгов Казимиру и краковским мещанам. Ему удалось тайком достать верховых лошадей и провожатых из Вроцлава и убежать из Калиша, вскочивши на коня, поставленнаго у самых городских ворот. Казимир вслед за тем немедленно напал на Всхову и Ценяву и присоединил к Великой Польше эти владения, оторванныя от нея вассалом чешским—Генрихом глоговским. Началась открытая война с Чехиею.

Ян вторгнулся во владения Болка, опустошил их и занял Свидницу. Болко заключил перемирие для того только, чтобы хитростью отбить Свидницу: скрывши в возах с соломою вооруженных людей, он въехал с ними в город и занял его. Казимир продолжал войну уже в союзе с императором Людовиком, венгерским королем Людовиком и Литвою. Союз этот организовал император, соперничавший с чешским королем по поводу наследия в Тироле, и подкрепил его браком сына своего Ромера с Ядвигою, дочерью Казимира. Опираясь на союзников, Казимир вступил в Силезию и осадил одно местечко во владениях князя опавскаго. Ян поспешил на выручку и заставил Казимира отступить к Кракову и осадил этот город. Престарелый король-рыцарь был уже слепой, но недостаток зрения не уменьшил нисколько его отваги и храбрости. Современники разсказывают, что Казимир в насмешку над этою отвагою и храбростью не по летам вызвал Яна на поединок. «Дай себя прежде ослепить»,—ответил ему старик. Под стенами Кракова, однако, ему не повезло, и он должен был отступить, при чем потерпел два поражения. Тогда папа Климент VI употребил все старания, чтобы разорвать союз против чешских государей. Он находился тогда уже в открытом разрыве с императором Людовиком, отлучил его от церкви и предназначил его корону Карлу моравскому. Казимир получил от него приглашение порвать союз с отлученным и помириться с Яном. Когда и сам император Людовик, спасая свою корону, сблизился с детьми Яна чешскаго, Яном и Карлом, Казимир, опасаясь остаться без союзников, заключил было союз с Владиславом бытомским, но затем последовал папскому увещанию—перенести спор на его суд. При посредничестве папы враждующия стороны помирились: Казимир отпустил Карлу моравскому 10 тысяч гривен долга, но зато удержал всховскую землю. Мало того, когда Карл, провозглашенный императором на место отлученнаго от церкви Людовика, искал повсюду союзников, чтобы утвердить за собою корону, Казимир заключил с ним даже союз. Обе стороны обещали вечную приязнь друг другу и положили все недоразумения возносить на разбирательство Альберта австрийскаго; Карл обещал Казимиру помогать в возвращении занятых крестоносцами и бранденбургскими маркграфами польских земель.

Присоединение Галицкой и Бельзско-Холмской земель

Договор этот состоялся в Номыслове 22 ноября 1348 года. На заключение его, несомненно, повлияли открывшиеся Казимиру новые виды на востоке. В этом году крестоносцы нанесли поражение литовским князьям, и Казимиру представлялся удобный случай, пользуясь ослаблением Литвы, занять Галицко-Владимирское королевство. Ему удалось это почти вполне: Любарт Гедиминович удержал за собою только Луцкую землю. Через три года литовские князья, оправившись от поражения и собравшись с силами, почти совершенно вытолкнули поляков из Галицко-Владимирскаго королевства: Казимир удержал за собою одну только львовскую землю. Он пустил в ход все свое дипломатическое искусство, чтобы вернуть потерянное. По его ходатайству папа Климент VI провозгласил крестовый

поход на Литву. Когда этот призыв не нашел нигде отклика, Казимир обратился за помощью к Людовику венгерскому. Но этот союзник был сам заинтересован в деле: со времен Андрея и Коломана короли венгерские домогались галицкаго стола, и Людовик, по примеру предков, величался королем Галиции и Лодомерии. Казимир за 100,000 гривен купил у Людовика его мнимое право на Галицко-Владмирское королевство и получил от него помощь. Польско-венгерския войска заняли было Владимир и захватили в плен Кейстута. Но вскоре эти успехи сошли на ничто: Кейстут убежал из плена, а Любарт вытеснил поляков из Владимира, Бельза и Холма. Только в 1366 году, воспользовавшись новым угнетением Литвы крестоносцами, Казимир занял Владимирскую и Бельзско-Холмскую земли и утвердил их за собою договором с литовскими князьями. Его преемник утратил землю Владимирскую, но Галиция и Бельзско-Холмская земля оказались прочным приобретением Казимира и оставались за Польшею до конца ея самостоятельнаго политическаго существования.

Эти приобретения с избытком вознаграждали ту потерю, которую понесла Польша на нижней Висле, и сделались базисом дальнейшаго наступления ея на востоке, в плодородные русские края. Казимир употребил все меры, все старания, чтобы теснее соединить новоприобретенныя земли с Польшею. Он почти не тронул их политической старины, их учреждений и законов, но предоставил им управляться и жить так же, как и прежде, поставив на место князя или короля своего наместника-старосту. Он выхлопотал у царьградскаго патриарха особаго митрополита для Галицкой Руси, чтобы уничтожить всякую связь приобретенных земель с остальною Русью; учредил для поляков и прибывших в большом количестве немцев католических епископов в Перемышле, Владимире и Холме с архиепископом галицким во главе; давал различныя льготы и привилегии разноплеменным, но богатым и влиятельным горожанам и т. д. Лаская и взыскивая своими милостями местное население, Казимир в то же время не забывал и польскую шляхту и щедро раздавал ей имения в новоприобретенном крае, хорошо понимая, что это наилучшее средство сделать его польским. К числу положительных успехов Казимировой политики надо отнести и уничтожение чешскаго суверенитета в Мазовии.

Уничтожение чешскаго суверенитета в Мазовии

Выше было сказано, что по договору 1339 года Казимир уступил свои верховныя права на плоцкое княжество чешскому королю. Несмотря на это, плоцкий князь Болеслав Ванькович был верным другом и союзником Казимира в его войнах с Литвою. В 1351 году он умер бездетным, и император Карл IV, король чешский, присудил Плоцк князю Генриху жеганско-глоговскому, женатому на сестре Болеслава—Анне, вопреки польскому обычному праву, исключавшему женщин из наследия княжеств. Ближайшее право на Плоцк имели князь черский Земовит Тройденович и брат его Казимир, князь варшавский. Они уступили свое право на Плоцк королю Казимиру и получили от него взамен землю Сохачевскую в ленное владение с условием получить и Плоцк в удел, если Казимир умрет, не оставив наследника. Казимир поручил Людовику венгерскому, как будущему наследнику, уладить дело с императором. Это оказалось не трудным. Карл IV женился в то время на дочери князя яворскаго Генриха, племяннице вышеупомянутаго Болка свидницкаго, не без задней мысли унаследовать после Генриха и Болка их княжества, который одни только в Силезии не зависели от Чехии. Людовик отказался в пользу Карла от прав на Свидницу и Явор, а

император—от прав своих на Плоцк. Казимир сначала было не подтвердил этого соглашения, но когда дело стало уже клониться к войне, Казимир поспешил дать ратификацию. Таким образом, он отрекся от последней пяди земли в Силезии. Но этот онемеченный край и без того был уже потерян для Польши. Зато Казимир отыскал важный Плоцк и освободил от чешской зависимости Мазовию, которая отныне должна была войти в политическую солидарность с Польшею, что имело чрезвычайно важное значение для последней в ея отношениях к Ордену.

Общий характер внешней политики Казимира и ея результаты

Внешняя политика Казимира свидетельствует о его чрезвычайной разсудительности, точном знании политических отношений и мудром употреблении собственных сил. Свои задачи он всегда ограничивал пределами возможнаго по тем силам и средствам, которыми располагал в данную минуту, и не шел подобно отцу на риск, на удачу. В нем не было и тени рыцарскаго геройства, коим была полна натура его отца: сын Локотка был холодный, разсчетливый и изворотливый политик. Такого именно короля и требовало в то время молодое, неокрепшее, но уже истерзанное и помятое жизнью польское государство. Если справедливо вообще, что время родит великих людей, то на Казимире это видно с особенною ясностью. Горячее патриотическое чувство, рыцарская отвага и воинская доблесть Локотка и его сподвижников нужны были для того, чтобы освободить Польшу от чужеземной власти, вывести ее из политическаго ничтожества, в каком она пребывала вследствие удельнаго дробления и измельчания. Но этих качеств оказалось недостаточно, чтобы поддержать Польшу на высоте того бытия, к которому она возродилась. Тяжелыя испытания, постигшия Польшу в последние годы правления Локотка, постепенно перерабатывали политические инстинкты в польском обществе в новом направлении и пробуждали сознание, что одной отваги и храбрости далеко не достаточно в борьбе за существование. Казимир в данном случае шел впереди современников отчасти по особенностям своего характера, но главным образом потому, что имел случай ближе и яснее других видеть, как и чем строятся чужия государства. Сделавшись королем, он оставил политику приключений, загасил воинственный пыл и задор и, воздерживаясь от безполезных и разорительных войн, щадил народныя силы. Почти исключительно дипломатическими средствами ему удалось воротить часть того, что потеряла Польша при Локотке, и установить мирное сожительство Польши с двумя опасными соседями, из которых каждый порознь был сильнее ея. Но когда можно было вполне разсчитывать на успех, Казимир не колебался начинать войну и действовал так же стремительно, как и его отец. Так было в деле присоединения Галицкой Руси, которое было самым блестящим успехом, хотя и не самою важною заслугой его пред Польшею.

Последнюю по всей справедливости надо видеть в сохранении Польши, как самостоятельнаго государства, в ея внутреннем устроении и укреплении ея материальных и духовных сил.

III

Отзыв Яна Чарниковскаго о внутренней деятельности Казимира

Уже ближайшие современники Казимира высоко ценили эту сторону его политики. Вот как, напр., характеризует правление Казимира его вице-канцлер, диакон гнезненский Ян

из Чарнкова. «Украшенный царскою диадемою, правил он Богом врученным ему государством твердо и с пользою (viriliter et utiliter), ибо, по пророку, возлюбил паче всего мир, истину и суд. Был он благочестивейшим покровителем и защитником добрых и честных, лютым преследователем злых разбойников, грабителей и клеветников. Тех, кто совершал разбои или кражи, как бы знатны они ни были, приказывал обезглавливать, топить или морить голодом и в то же время ел, пил и спал с их братьями и родственниками; имея Бога помощника, он не боялся того, что сделает ему человек. А клеветников, которых открывал, приказывал клеймить по лицу раскаленным железом. В его время никакой можный пан или шляхтич не смел учинить насилие бедняку, но все направлялось на весы справедливости. Так как в королевстве Польском польские суды совершались по праву обычному, подвергшемуся порче, при чем разныя лица, толкуя по разному обычаи, наносили обиды и взводили поклепы, то Казимир, ревнуя о правосудии, созвал со всего своего государства прелатов и знатных панов и, отвергнув все обычаи, противные разуму и справедливости, все другие, согласные с разумом и справедливостью, по которым всякому может быть оказана равная справедливость, с общаго согласия всех прелатов и панов редактировал письменно для соблюдения на вечныя времена».

«Возлюбил он, по слову псалмопевца, и благолепие дома Господня: в Краковской кафедральной церкви покрыл свинцом хор и украсил его свод золотыми звездами; в той же церкви отстроил капеллу Успения Пресвятой Девы Марии, другую у отцов-предикантов и многия другия церкви—в Сандомире, в Вислице, в замке Краковском (церкви св. Михаила и св. Георгия), госпиталь в Рупелле между Краковом и Казимировом, в Неполомичах, Корчине, Каргове, Шидлове, Стобнице, Солечи, Опочке, Петрокове; монастырь в Ленчице отстроил из камня и украсил изваяниями, живописью и чудными крышами; большинство названных церквей он одарил даже драгоценностями, позолоченными чашами и книгами. И хотя сам лично был непостоянен, как человек рожденный в изяществе и всем в изобилии снабженный, однако весьма любил клириков, которых знал за людей целомудренных и хорошаго поведения, и из какого бы сословия они ни происходили, давал им прелатуры, пребенды и бенефиции в своих церквах предпочтительно пред знатными и своими слугами. Прелатов и каноников всех церквей он всегда уговаривал оставаться при своих церквах. Вообще этот король из всех польских государей наиболее деятельно управлял своею землею. Как другой Соломон, он прославил свои дела, отстроив из камня места, замки, дома. Во-первых, украсил он Краковский замок чудными домами, башнями, скульптурными работами и разноцветными узорами, чрезвычайно красивыми крышами. Также напротив Краковскаго замка за Вислою, около церкви, называвшейся Рупеллою, обстроил камнем место, которое назвал по своему имени Казимировом. И много других мест обстроил он камнем, как-то: Величку, Скавину, Лянцкорону, замок Олькуш, Бендзин, Лелов, замок и место Чорштын, замок Неполомичи, замок Отечь, замок Крепицы, замок и место Сандомир, Вислицу, Шидлов, Радом, Опочно, Вонволницу, место Люблин, место и замок Сепехов, Солечь в Завихосте, замок в новом месте, называемом Корчином, в Польше—места Калиш, Пыздры, Ставишин, место и замок Конин, замки Накель, Велюн, Межиреч и Острешов, место Велюнь, замок Болеславец; в земле Серадзьской—крепкий замок Петроков, место Березницу; в земле Ленчицкой—Иновлоцлав, замок и место; в Мазовии—место Плоцк, а замок, который прежде был обведен одною стеною, окружил второю; в земле Русской—место

Лемберг, иначе Львов, и два замка при нем, замок Перемышль, место и замок Санок, место Кросно, замки Любачов, Теребовль, Галич и Тустань. Все эти места и замки он обстроил крепчайшими стенами, домами и высокими башнями, глубочайшими рвами и другими укреплениями во славу, убежище и защиту народу королевства Польскаго. При этом король в лесах, рощах и кустарниковых зарослях так много осело сел и мест, как еще никогда прежде не бывало».

Борьба с кулачным правом; учреждение старост

Внутренняя деятельность Казимира еще более, чем внешняя политика, обнаруживает его практический смысл и глубокое понимание государственных потребностей не только данной минуты, но и отдаленнаго будущаго. Казимир ясно сознал, что для того, чтобы сделать Польшу устойчивым и сильным государством в отношении к соседям, необходимо дать ей внутренний мир, порядок и материальное благосостояние, необходимо обезпечить внутри и извне население, необходимо всячески поощрять его рост. Предшествовавшие века удельнаго дробления, безсилия государственной власти, внутренних смут и неурядиц оставили по себе массу всяческаго безправия и произвола, вошедшаго в плоть и кровь всех сильных людей. Разбои, грабежи, нападения на дома, поджоги, насилия над женщинами были в то время обычными явлениями. Особенно отличались в этом отношении военные люди, паны и шляхтичи. Казимир с первых же лет правления энергически принялся за искоренение этого зла. Кроме единичных преследований и казней, о которых упоминает Ян Чарнковский, необходимо указать здесь и на общую меру для искоренения зла. Пользуясь примером, данным чешским королем Вацлавом, Казимир в отдельных землях, или уделах, из которых состояло его королевство, поставил своих *старост*, или наместников, которым поручил общий надзор и управление королевскими имуществами, сбор королевских доходов и поддержание общественнаго спокойствия в областях. В их распоряжение отданы были местныя военныя силы с целью подавлять всякие бунты, всякая волнения в области, а также обуздывать произвол и насилия. Старосты, таким образом, должны были стать органами центральной власти, представителями и поборниками интересов государственнаго единения и благоустройства. Этим-то своим наместникам Казимир предоставил не только преследовать, но судить безапелляционно и наказывать смертью разбойников, грабителей, поджигателей, учинивших нападение на дом и насилие женщин. Таким путем он создал себе массу помощников и мог широко развернуть свою деятельность по искоренению названнаго зла.

Издание статутов

Безправие и произвол царили до Казимира и в судах, отправлявшихся по польскому праву, как об этом говорит тот же Ян Чарнковский, указывая и на причину их—на господство неписаннаго, обычнаго права, дававшаго простор злоупотреблениям как самих судей, так и тяжущихся. Статуты, изданные сначала для Малой и Великой Польши отдельно и соединенные впоследствии, в 1368 году, в один общий для всей Польши статут, должны были положить конец судебным злоупотреблениям. Но Казимир не ограничился в статуте одною редакцией обычаев, согласных с разумом и справедливостью, как можно было бы заключить из слов Яна Чарнковскаго. Его законодательная работа пошла гораздо дальше, создала ряд новых узаконений для блага общественнаго, которыя заменили или изменили устаревшие обычаи, пополнили то, чего недоставало в польском обычном праве. Недаром в

составлении статута принимали участие такие правоведы, как Ярослав Скотницкий, архиепископ гнезненский, ученик и бывший ректор болонскаго университета, и Януш Стрелецкий, доктор прав и канцлер краковский. Статут определяет места и время заседания судов, стремится строгими карами охранить их порядок и спокойствие; каждому обжалованному предоставляет защитника в особе прокуратора; стремится ограничить волокиту уничтожением апелляции от приговоров, состоявшихся в присутствии государя, и вообще затруднением ея чрез уплату так называемаго *кочa* или *коцоваго* судье; отменяет старинный принцип родовой солидарности, ответственности сына за отца и наоборот; дозволяет кметям покидать своего пана в случае отлучения его от церкви и в случае насилий с его стороны, запрещает грабить имущество кметя за панский долг, ограничивает право пана на возвращение бежавшаго кметя одним годом; ограничивает промышленную деятельность евреев ссудами под залог и отказывает им в законном взыскании денег, взятых у них юношами для азартной игры; определяете наивысший денежный штраф—«семьдесят» за порчу межевых ям, бортных и плодовых деревьев и т. д.

Личное участие в судопроизводстве

Казимир очень хорошо понимал, что одного издания законов недостаточно для того, чтобы водворить правосудие в стране, и что многое тут зависит от самих людей, которые чинят суд. Поэтому, объезжая край, он много раз лично присутствовал на судебных *рокаx*, или вечах, а если веча не было, то вызывал к дворцу судью земскаго, подсудка и писаря и с их помощью на так называемых *надворныx* судах решал все важнейшия судебныя, а также и административныя дела той земли, в которой пребывал в данную минуту. Таким путем он знакомился с судьями и контролировал их деятельность. Желая на будущее время составить контингент судей и чиновников из образованных юристов, Казимир с благословления папы Урбана V основал в 1364 году университет в Кракове по образцу Болонскаго. Наука права выдвинута была в преподавании этого университета на первый план, и для изложения ея назначено было семь профессоров, вызванных из-за границы.

Вообще наука и просвещение нашли в лице Казимира покровителя и усерднаго благотворителя. При нем по всему краю распространились те приходская школы, которыя прежде существовали только в столицах, и в которых преподавались так называемыя свободныя науки—грамматика, реторика, диалектика (trivium), арифметика, геометрия, астрология и музыка (quadrivium), долженствовавшия подготовлять людей, способных изучать право и богословие в высших школах. В его время появилось уже много людей, владевших и устно и письменно латинским языком и бывших в состоянии отправлять должности писарей в судах местских и земских. Много поляков при нем стали отправляться за границу ко дворам иностранных государей с целью отполироваться в настоящих рыцарей или присмотреться к искусству управления, много ездило и в университеты Болонский и Парижский слушать право и богословския науки. Казимир не только не запрещал этого, но всячески поощрял и образовавшимся за границею лицам предпочтительно пред самыми знатными и родовитыми раздавал духовныя и светския должности, в особенности должности судей.

Покровительство немецкому элементу

В своих заботах о правосудии он не обошел и пришлое немецкое население, поселившееся на землях королевских и частновладельческих. Как уже было сказано в своем месте

(см. статью «Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше»), Казимир установил по областям провинциальные суды немецкаго права, в которых должны были разбираться жалобы королевских и частновладельческих мещан и крестьян на своих войтов и солтысов, и которые должны были охранять их от обид и притеснений не только со стороны этих последних, но и со стороны самих владельцев. В Кракове Казимир установил высший суд немецкаго права, который должен был решать дела по апелляции от немецких судов со всего государства, при чем позаботился и о снабжении этого суда наиболее полным и исправным кодексом действовавшаго в Польше немецкаго права. Многочисленные уставы и привилегии, регулирующие отношения мещан (напр., постановление о том, чтобы половина радцев выбиралась из купцов, половина из ремесленников)—и даже их промышленныя занятия (устав суконнаго производства) и домашнюю жизнь (устав против расточительности краковских мещан), показывают, какими попечениями окружал король немецкий элемент в Польше. О том же свидетельствует и его устав о платеже церковной десятины, который он уложил по соглашению с архиепископами Бодзантою и Ярославом, и которым он облегчил крестьянам, в особенности вновь прибывшим, несение этого тяжелаго бремени; об этом же свидетельствуют и трактаты с соседями, в которых он выговаривал различныя льготы и преимущества купцам своих немецких мест; о том же говорит и дарование наиболее значительным из этих мест права склада, в силу котораго иностранные товары, шедшие транзитом через Польшу, обязательно должны были продаваться купцам этих мест и перепродавались далее уже этими купцами, получавшими от того немалые барыши. Если сверх того принять во внимание все, что сделал Казимир для обороны края, неудивительно в заключение характеристики его правления, данной современником, прочитать, что при нем осело в Польша так много новых мест и сел, как никогда ранее. Увеличение народонаселения, развитие промышленности и торговли обогащали казну Казимира и давали ему в руки могущественныя средства для ведения внешней политики согласно с выгодами Польши. Выше были приведены указания на то, какую важную роль играли деньги Казимира в его внешней политике, напр. в присоединении Галицкой Руси. К ним нужно добавить, что в 1364 году Казимир купил за 1000 золотых червонных княжество гневковское от его владетеля Владислава Белаго, который после долгих скитаний поступил в бенедиктинский монастырь в Дижоне. Хорошие финансы сослужили свою службу и при постройке многочисленных замков и укреплений, за что, как мы видели, сильно хвалит Казимира его современник и сотрудник, вполне подтверждающий позднейший отзыв: Казимир получил Польшу деревянную, а оставил каменную. Здесь одно стояло во взаимной связи с другим: приведение края в оборонительное состояние привлекало население и в свою очередь подвигалось вперед вследствие увеличения населения.

Военная организация

Казимир не оставил без внимания и организации войска. В своем статуте он постановил: на войну должны являться не одни только шляхтичи, но решительно все, кто владеет землею—духовные, шляхта, мещане и солтысы; у кого много земли, тот должен являться не один, а с соответствующим величине именья числом вооруженных рыцарей или слуг. На первый и второй королевский «виц», т. е. зов, все должны готовиться на войну, на третий итти под начальство каштеляна своего повета, который должен вести собравшихся в сборный пункт воеводства и ставить их под знамя воеводы, а этот—вести их уже на театр воен-

ных действий под команду главнаго военачальника (гетмана).

Краковский съезд 1363 года

По мере того, как крепла и богатела Польша под хорошим управлением Казимира, возрастал и авторитет ея короля у соседних монархов. Краковский съезд 1363 года показывает, что Казимир был в то время одним из самых уважаемых государей. В 1362 году Людовик венгерский жестоко поссорился с императором Карлом, который в присутствии венгерских послов неприлично отозвался о его матери. Дело клонилось уже к войне, и Людовик заключил с этою целью союз с Альбертом австрийским и Казимиром. Тогда император через посредство Болка свидницкаго обратился к Казимиру с просьбою уладить дело миром, и Казимир, присяжный противник войны, стал склонять враждующия стороны к миру. Вмешался и папа Урбан V, который в то время сообща с королем кипрским Петром хлопотал о крестовом походе против турок, уже приблизившихся на десять миль к Константинополю. Вследствие этого съехались в Кракове в декабре 1363 года король датский Вальдемар, Петр кипрский, Людовик венгерский, Болко свидницкий, Владислав опольский, Земовит мазовецкий, Оттон баварский, император и Казимир; папа прислал своего легата. Сначала шумно отпраздновали свадьбу императора с внучкою Казимира Елизаветою, дочерью Богуслава, князя щетинскаго, за которою Казимир дал приданаго 100,000 золотых червонных. Торжества и пиры продолжались двадцать дней. При этом краковский мещанин Вирзинг, выходец из Рейна, королевский подскарбий, пригласил к себе высоких гостей на дом, угостил их по-королевски и преподнес подарки, стоимостью в общем не менее 100 тысяч золотых червонных. По окончании празднеств гости совещались о походе на турок, при чем Казимир окончательно помирил Людовика венгерскаго с императором. Но средние века уже миновали. Если государи легко помирились из-за чести женщины, то не поддались и красноречивым увещаниям папскаго легата. Поговорив о том, как бы хорошо было предпринять сообща поход на турок, они разъехались по домам.

К концу Казимирова правления польское королевство было уже такою политическою величиной, которая стала притягивать к себе другия, меньшия величины. В 1365 году поддались Казимиру Дрезденко и Санток, некогда оторванные от Польши маркграфами бранденбургскими. Их владетели добровольно присягнули в подданство Казимиру, желая служить лучше своим, чем чужим. Кто знает, быть может, Казимир тем или другим путем отыскал бы и восточное Поморье. Мы знаем, что это было заветным его желанием, целью, которой он никогда не упускал из вида. Неожиданная смерть положила конец всем его мечтам и стремлениям.

Смерть Казимира

Великий король, так хорошо управлявший своим королевством, не во всем и не всегда умел управлять собою. В начале сентября 1370 года Казимир, еще крепкий и бодрый мужчина, несмотря на то, что ему стукнуло уже 60 лет, отправился на охоту за четырнадцать миль от Кракова в сильную непогоду и распутицу, хотя его и отговаривали от этого. В погоне за оленем он упал с коня и переломил себе ногу. Несмотря на лихорадочное состояние, происшедшее вследствие увечья, король ел грибы и орехи, вопреки всем просьбам и настояниям своего врача, магистра Генриха, и сходил даже в баню. Лихорадка после того усилилась, что не помешало королю отправиться в дорогу на Сандомир, в гости к каштеляну лю-

блинскому Гроту, жившему под Сандомиром. У него он чуть было не умер и должен был перебраться в аббатство Кропивницкое, где было больше удобств для пребывания больного короля. Пробыв здесь восемь дней и оправившись немного, король не послушался врача и пустился далее на Осек. Здесь он с разрешения другого врача Матвея напился меду и снова расхворался. Не дожидаясь окончательнаго поправленья, король отправился отсюда в Краков и прибыл домой еле живой. 3 ноября его уже не стало.

Казимир не оставил после себя мужского потомства, а только двух малолетних дочерей от третьей жены—Ядвиги, княжны глоговской, на которой он женился в 1365 году, при жизни второй жены Аделаиды гессенской. Аделаиду он не любил и заключил ее в монастырь вскоре после того, как женился на ней в 1341 году. Польское королевство после его смерти должно было перейти к племяннику его, Людовику венгерскому, в силу договора, заключеннаго с отцом его Карлом Робертом в 1339 году и подтвержденнаго договором польских панов с самим Людовиком в 1355 году.

М. Любавский.

LXVII. Нешавские статуты Казимира Ягеллончика, их место и значение в истории государственнаго развития Польши

Эпоха народовластия в Польше

Некогда в Польше, как и в других славянских землях, верховная власть и управление принадлежали всему народу, собиравшемуся на вечах. Так было в те времена, когда польский народ еще не сплотился в одно государство, когда он представлял несколько племен, из которых каждое имело свое особенное политическое средоточие в центральном городе, находившемся в его земле. Сюда и сходились на вече (wiec) все единоплеменники для решения разных вопросов, которые задавала им совместная жизнь. Существовавшие в эту эпоху князья и племенные старейшины занимали по отношению к вечу подчиненное положение, были только исполнителями его решений. Предводительство на войне и начальство на суде, производившемся на вечах, были главными их обязанностями. Такой порядок прекратился одновременно с объединением полян, хорватов (краковяков), слезаков (силезцев), поморян, кашубов, мазуров под властью полянскаго князя,—иначе говоря, одновременно с образованием Польскаго государства.

Пособия: *М. Бобржинскаго.* История Польши, т. I, русский перевод под редакциею Н. И. Кареева. С.-Петербург, 1889.—*J. Szujskiego.* Historyj Polskiej tresciwe opowiedzianej ksiag dwanascie. Warszawa 1889.—*Dr. Jacob Caro.* Geschichte Polens. Theil V, Gotha 1886, 1888.—*M. Bobrzynskiego.* O ustawodawstwie nieszawskiem Kazimierza Jagiellonczyka. Krakow 1873.—*R. Hube.* Statuta nieszawskie z 1454 roku. Warszawa 1875.—*Н. Кареева.* Исторически очерк польскаго сейма. Москва, 1888.—*St. Smolki.* Mieszko stary i jego wiek. Warszawa 1881.—*M. Bobrzynskiego.* Geneza spoleczenstwa polskiego na podstawie kroniki Galla i dyplomatow XII wieku (Rozprawy i sprawozdania z posiedzen Wydzialu historyczno-filozoficznego Akademii Umiejetnosci w Krakowie, tom XIV. Krakow. 1881.—*D-ra Fr. Piekosinskiego.* O powstaniu spoleczenstwa polskiego w wiekach srednich i jego pierwotnym ustroju (ibidem).—*St. Smolki.* Uwagi o pierwotnym ustroju spolecznym Polski z powodu rozpraw pp. Bobrzynskiego i Piekosinskiego (ibidem).—*D-ra Fr. Piekosinskiego.* O dynas-tycznem szlachty polskiej pochodzeniu. Krakow 1888.—*R. Hube.* Prawo polskie w wieku XIII. Warszawa 1874. Prawo polskie w XIV wieku. 1) Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego. Warszawa 1881. 2) Sady, ich praktyka i stosunki prawne spoleczenstwa w Polsce ku schylkowi XIV wieku. Warszawa 1886.—*D-ra Oswalda Balzera.* Geneza trybunalu koronnego. Warszawa 1886.—*A. Pawinskiego.* Sejmiki ziemskie. Warszawa. 1895.

Объединение польских племен и возвышение княжеской власти

Этому событию предшествовали долгие годы частых войн польских племен с соседями и между собою. Самое объединение польских племен вызвано было, по всем данным, натиском на них со стороны соседей, главным образом, немцев. Слабейшия племена стали примыкать к более сильному племени полян, признавать над собою власть его князя, чтобы сообща бороться против врагов. Иногда князь сильнаго племени оружием принуждал то или другое племя к покорности, к признанию своей власти. Среди постоянных войн значение князя, как главнаго военачальника, поднялось, его власть над народом усилилась. Из среды народной массы выделился теперь особый класс, который сделался опорою княжеской власти, главным источником ея мощи и силы. То была княжеская дружина, воины по ремеслу, которых князь набирал себе на службу из среды своих подданных и даже чужеземцев, и которым он давал от себя содержание в той или другой форме. Такую дружину мы видим, например, у перваго исторически известнаго польскаго князя—Мешка I. Арабский писатель XI в. Аль-Бекри со слов еврея Абрагима, путешествовавшаго в Польше в конце X века, сообщает о Мешке: «Он имеет 300 рыцарей, способных к бою, которых сотня равняется иным десяти сотням. И дает он им одежду, коней, оружие и все, что им нужно. А когда у котораго из них рождается дитя, он приказывает немедленно назначить ему жалование, уродился ли то сын или дочь. А когда дитя дойдет до зрелаго возраста, он женит его, если это сын, и платит за него свадебный подарок отцу девицы, а если дочь, то выдает ее замуж и платит свадебный подарок ея отцу». Непрерывныя войны и постоянныя опасности нападений извне, возмущений внутри страны, рано или поздно должны были вызвать к существованию особый военный класс. По условиям своей экономической жизни польския племена не могли в полном составе быть постоянно под оружием, жить непрерывною лагерною жизнью. Они кормились от земледелия, скотоводства, охоты и рыбной ловли, которыя привязывали рабочий люд к селу, деревне, а никак не лагерю или городу. Да притом же в борьба с войсками западных соседей, хорошо вооруженными и приобретшими боевую ловкость и опытность, крестьянския ополчения Польши не могли успешно действовать. Поэтому князья стали привлекать на военную службу преимущественно те общественные элементы, которые мало или даже вовсе не были связаны мирным трудом. Таковы были прежде всего богатые, состоятельные люди, имевшие рабов или наемников, от труда которых кормились. Сюда же присоединялись и те члены многолюдных семей и родов, которые были лишними в них, присутствие которых не было необходимым для хозяйства семьи или рода. Наконец, воины набирались и из всех тех, которые почему-либо отбились от своей семьи, от дома и мирнаго труда, в частности—разные выходцы и пришельцы со стороны. Эти воины, или рыцари, как стали звать их в Польше, и защищали страну от нападений извне; с ними же князья в свою очередь нападали и на соседей. Общенародное ополчение стало собираться только в редких, экстренных случаях, когда стране грозила какая-нибудь большая опасность. Но как только выделился из народной массы особый военнослужилый класс, так изменились и отношения между князем и народом.

Падение народовластия; княжеский совет и новыя веча

Опираясь на постоянную и организованную вооруженную силу, князь поработил народную массу, обложил ее различными податьми, налогами и повинностями в свою пользу,

а также и на содержание многочисленнаго военнослужилаго люда, объявил все незаселенныя еще пустыя земли своею собственностью. Из должностного лица, исполнявшаго решения народнаго веча, он сделался государем, приказания котораго должны были безпрекословно выполняться. Правда, во многих случаях ему приходилось руководствоваться не только собственным разумением, но и общественным мнением. Но это мнение подавал теперь уже не весь народ в полном составе, как было встарину. С объединением племен в одно государство общенародное вече стало невозможностью уже в силу одного разстояния, за дальностью котораго множество народа не могло прибывать на вече. Но и помимо того, раз народная масса стала в подчиненное положение по отношению к князю, сосредоточилась почти исключительно на экономической деятельности, раз управление и защита государства легли на плеча князя и его дружины, незачем стало и собирать народ для совещаний. Поэтому и первые польские государи спрашивали совета только у своей дружины, чаще всего у сановников и различных должностных лиц, которыя помогали им в управлении государством и собственным двором. Таковы были: *воевода*, заступавший государя в командовании над войском, а также и на суде, *канцлер*, приготовлявший грамоты государевы и помогавший государю в дипломатических делах, *скарбник*, заведывавший государевою казной, *чашник* (чесник) и *стольник*, заведывавшие напитками и кушаниями государева стола, *мечник*, *хоружий*, *коморники* и др. Таковы были *каштеляны*, сидевшие по городам, начальствовавшие над местными вооруженными силами и чинившие суд и управу жителям своих округов. В совещания приглашались также и высшия духовныя лица в силу того нравственнаго авторитета, которым они пользовались, как служители церкви и образованные люди. Обыкновенно не все эти сановники и должностныя лица призывались на совет, а лишь только те, которыя в данное время были у государя под рукою. По временам, однако, государь собирал к себе всех или большинство сановников и должностных лиц, иногда даже и рыцарей, и с ними сообща решал важнейшия дела, между прочим разбирал доходившия до него судебныя тяжбы. Такия собрания по старой памяти назывались *вечами* (по-латыни colloquia, conventiones, conciones), хотя с прежними вечами имели мало общаго. В редких и исключительных случаях государи привлекали на вече и простой народ, но не со всего государства, а лишь из той местности, где пребывали в данное время. Таким образом, например, Болеслав Кривоустый во время распри своей с вельможею Сецехом призывал на сходку (in concionen) сначала старейшин краковскаго места, а потом и весь народ. Но, повторяем, это были лишь редкие и исключительные случаи, которые не составляли общаго правила. Обыкновенно же на веча собирались первейшие люди государства (primates), *магнаты* (magnates), ближайшие дружинники (comites), люди почетные (viri probi et honesti), а также рыцарство (militia Poloniae). Простые рядовые рыцари (milites gregarii) сравнительно редко участвовали в государственных совещаниях и так же, как простой народ, собирались не со всего государства, а лишь из той местности, где в данное время происходило вече.

Перевес князей над обществом

Какия же отношения существовали между государем и его советом и вечем в только что разсмотренной второй его формации? На этот вопрос можно ответить, что в разное время и при разных государях отношения эти были различныя. Вообще можно сказать, что первые

государи Польши имели решительный перевес над вельможами и рыцарством и управляли в духе и характере абсолютных монархов. *Бароны* (так назывались тогда сановники и должностныя лица) и рыцарство не успели еще консолидироваться и утвердиться прочно, как известный общественный класс. Государи возводили в звания и должности, приближали к себе всех, кто им был люб, без различия. Бароны, как и простое рыцарство, получали от государя жалованье из тех доходов, которые шли ему с населения в виде различных денежных и натуральных податей, в виде пошлин торговых и судебных и, наконец, от эксплоатации дворцовых земель и угодий. Они не имели еще крепкой связи с землею, которая могла бы давать им опору и влияние среди местнаго населения, не имели еще экономической независимости от князей, которая могла бы обусловить их политическую самостоятельность.

II

Возвышение баронов или панов

Мало-по-малу такое положение вещей стало изменяться. Политическия обстоятельства вызвали к самодеятельности баронов и рыцарство уже вскоре после смерти Болеслава Храбраго (1025 г.), Известно, что между сыновьями Болеслава происходила усобица, во время которой бароны и рыцарство должны были определять свое положение по собственному благоусмотрению. По смерти Мечислава II (1034 г.) народное возмущение, представлявшее собою языческую реакцию, едва было не смело с лица Польши весь класс, который служил опорою государственной власти и утверждавшагося ею христианства. За этим последовало занятие Польши чешским королем Бретиславом и господство чужеземцев в стране. Все эти невзгоды только теснее сблизили и сплотили польских баронов и рыцарей, заставили их энергично действовать в целях самозащиты и укрепления своего положения.

Когда появился на польской территории молодой Казимир, сын Мечислава II, бароны и рыцари, по словам летописца, собравшись воедино, порешили во что бы то ни стало отыскать и возвратить на престол изгнанника, князя Казимира. Им удалось это сделать, удалось также помочь Казимиру отстоять государство от внешних врагов и устроить его внутри. Казимир Обновитель выполнил свое дело, несомненно только при сочувствии и усердном содействии ему со стороны баронов и рыцарства. Политическая самодеятельность баронов и рыцарства проявилась с особенною силою при сыне и преемнике Казимира—Болеславе Смелом (1058—1082). Во время похода на Русь, сельское население в Польше, обремененное разными поборами в пользу рыцарства, возстало, заняло рыцарские города, пограбило имущество и захватило рыцарских жен и детей в неволю. Как только дошла об этом весть до войска, рыцари покинули Болеслава, несмотря на все его просьбы и угрозы, воротились на родину и подавили мятеж сельчан, сопровождая усмирение разорением и страшными жестокостями. За такое своеволие горячий и деспотичный по натуре король жестоко расправился с вожаками рыцарства, баронами. Бароны и рыцарство воспользовались первым удобным случаем, чтобы отделаться от такого государя. Когда Болеслав в пылу гнева убил краковскаго епископа св. Станислава, знатные люди земли,—говорит летописец,—собравшись воедино, хотели схватить короля, и он, опасаясь смерти, бежал в Венгрию, где и умер (в 1082 г.). При Владиславе Германе (ум. 1102) бароны также не раз выступали решитель-

но против короля и заставляли его подчиняться их желаниям. Владислав тесно приблизил к себе краковскаго воеводу Сецеха, который сделался при нем всесильным министром, всем правил и распоряжался. Он возбудил против себя неудовольствие вельмож тем, что, пользуясь своим влиянием на безхарактернаго государя, понижал людей знатных и выносил на верх людей низкаго звания и происхождения, а также тем, что с безпощадною жестокостью преследовал людей противной ему партии. Поэтому бароны не раз выступали решительно против Владислава, направляемаго советами Сецеха, возбуждали и поддерживали против него сыновей его, которых Сецех стремился обездолить (Збигнева), и, наконец, добились изгнания Сецеха, а самого Владислава принудили поделиться государством с сыновьями. Болеслав Кривоустый (ум. 1139) в состоянии был стать выше отдельных влиятельных лиц из среды магнатов, но не в силах был стать выше всего этого класса. Он держал в покорности возвратившагося Сецеха, арестовал и ослепил краковскаго воеводу Скарбимира, который поднял бунт против короля, другого воеводу Вшебора, показавшаго себя трусом в венгерской войне, опозорил присылкою прялки в подарок и, наконец, посадил в вечное заключение Святополка Грифита за мятеж. Но с другой стороны Кривоустый не делал никакого важнаго дела, не судил судов без совета с окружавшими его сановниками и должностными лицами. Можно сказать, таким образом, что по смерти Болеслава Храбраго бароны или магнаты, опираясь на рыцарство, мало-по-малу сделались политическою силою, равною королю. Некоторое время происходило колебание между этими равными силами, брала верх поочереди то та, то другая, пока, наконец, при Кривоустом не установилось между ними некотораго равновесия.

Их политическое преобладание в удельную эпоху

По смерти Кривоустаго, с установлением в Польше удельнаго порядка, это равновесие надолго нарушилось, и при том в пользу баронов, с которыми тесно соединилось по своим интересам и высшее духовенство Польши. Князья по обыкновению завели распри и междоусобия, интриговали друг против друга, отнимали владения и даже изгоняли один другого из удела. В ожесточенной борьба друг с другом они искали поддержки местных баронов и рыцарства, которым теперь приходилось решать вопрос, кому быть князем в данном уделе. По безпотомственной смерти князя, новаго всегда выбирали бароны и рыцарство. Таким образом, напр., когда в княжестве краковском и сандомирском умер князь Болеслав Стыдливый (1270 г.), преемником ему сделался Лешко Черный, сын куявскаго князя Казимира, по избранию вельмож, как говорит один летописец, по избранию рыцарей, как говорит другой. Оба летописца говорят правду: активная роль в избрании принадлежала, конечно, вельможам, но вельможи опирались в этом случае, как и во всех других подобных, на рыцарство. В редких только и исключительных случаях в избрании князей принимали участие и мещане стольнаго города. Так, напр., избран был в 1290 году Генрих Благочестивый князем бреславльским. Бароны и высшее духовенство держали в своих руках и все руководство и направление внешней и внутренней политики княжеств. Князья, желавшее жить в мире с ними, желавшие прочно держаться в своих княжествах, во всем спрашивали их совета и согласия, старались ни в чем не выходить из их воли. Князь Лешко Белый, напр., желая порадеть стране,—по словам летописца,—созывал на вече всех начальников своих земель и всех вельмож. На вече он принимал даже иноземных послов; напр., чтобы при-

нять посла венгерскаго короля, он отправился сам и созвал на вече в Розегрох своих баронов. Владислав Ласконогий дал на вече формальное обещание судить только по совету с епископом и баронами и суд этот обязательно приводить в исполнение. Одним словом, удельная эпоха по справедливости может быть названа эпохою *можновладства*, политическаго преобладания баронов или магнатов. Простое рыцарство, как уже сказано, хотя и выступает на ряду с баронами, но в подчиненной и зависимой от них роли.

Социально-экономическая основа можновладства

Но не одно только раздробление княжеской власти и княжеския усобицы обусловили политическое преобладание баронов или магнатов. Оно обосновалось главным образом на том, что бароны к тому времени успели обезпечить за собою высшее положение в польском обществе, успели отделиться в нем, как известный социальный класс, и твердо определить свои отношения к другим слоям населения. Едва ли бы баронам принадлежала такая выдающаяся роль, если бы они, как при Мешке I или Болеславе Храбром, набирались князьями из людей разнообразнаго происхождения и состояния и жили преимущественно на жалованье князей. Скорее всего в таком случае можно было бы ожидать, что раздробленная на мелкия части Польша перейдет снова к народовластью, что в уделах по старому будут собираться общенародныя веча, как это было, например, при подобных обстоятельствах на Руси XII века. В крайнем случае можно было бы ожидать, что господином положения сделается весь военный класс—рыцарство. Так, однако, не случилось.

Уже в XI веке бароны стали выхлопатывать себе и получать от князей крупныя земельныя имения, где и селили рабов, доставшихся им в числе военной добычи, купленных или попавших в рабство за долги и преступление. Эти рабы положили начало классу их крепостных крестьян (в источниках, писанных на латинском языке, они называются обыкновенно servi, homines illiberi, adscripti, adscripticii). Так как подобный же класс существовал и в княжеских именьях, то бароны нередко вместе с землею получали и этих невольных, приписанных к земле крестьян. Недовольствуясь барщинным трудом и различными денежными и натуральными поборами, собиравшимися с этих крестьян, желая всячески увеличить доходность своих имений, бароны стали селить на своих землях различных вольных людей под условием несения известных барщинных повинностей и платежа известнаго оброка. С конца XII в., в особенности же с половины XIII в., бароны вслед за монастырями и князьями стали селить на своих землях выходцев из Германии. Таким образом, бароны превратились в класс крупных землевладельцев, которые вместе с богатством и знатностью передавали своим детям по наследству и свое политическое влияние и силу.

Князья не могли теперь окружать себя кем угодно, а должны были выбирать себе сановников и должностных лиц из известнаго круга богатых и знатных фамилий. Нельзя было обходить людей этих фамилий, потому что они располагали большою вооруженною силой и, кроме того, всегда могли найти поддержку у известной части рыцарства. Чем богаче был магнат, чем крупнее и населеннее было его именье, тем более вооруженных людей он выводил на войну. В случае надобности, эти вооруженные люди, составлявшиеся из различнаго рода слуг, всегда были к услугам магната и могли защищать его действительныя или мнимыя права, поддерживать его притязания.

Магнат мог всегда увлечь за собою и часть рыцарства. Рыцари в то время, подобно баронам, стали также землевладельцами. Сначала, как мы видели, рыцари находились отчасти на иждивении князя-короля, получая от него коней, оружие и все необходимое; отчасти на содержании местнаго населения, которое обложено было различными поборами и повинностями в пользу рыцарской дружины, стоявшей в городе даннаго округа. Такой порядок, однако, скоро оказался неудобным. Население тяготилось содержанием рыцарских дружин, позволявших себе притеснять и угнетать местных жителей, и один раз, как мы видели выше, произошло даже всеобщее возстание против рыцарства. С другой стороны, и князьям после Болеслава Храбраго стало трудно содержать дружину на жалованье. Денежные доходы их уменьшились отчасти вследствие опустошений и разорений, постигших страну по смерти Храбраго, но главным образом благодаря сокращению внешней торговли. В IX и X в. Польша вместе с Русью вела оживленную торговлю с Востоком и Византиею, сбывая туда свое сырье—меха, кожи, воск и мед и получая драгоценные металлы, одежды и разные предметы роскоши. С половины XI в., благодаря натиску на западную Азию и восточную Европу тюркских племен (турок-сельджуков и половцев), торговое движение, развивавшееся в восточной Европе и захватывавшее собою и Польшу, значительно ослабело. Оскудела вместе с тем и казна польских государей, в которую до этого времени поступало не мало денег и разных ценностей в виде торговых пошлин и прибыли от продажи сырья, находившагося в распоряжении князей. Современник Болеслава Кривоустаго, Мартин Галль, в своей хронике косвенно отмечает обеднение польскаго государя, разсказывая чудеса о богатствах Болеслава Храбраго, о блеске и роскоши его двора. Обедневшие польские государи стали переводить своих рыцарей на землю, стали раздавать им, как и баронам, пустыя и населенныя земли с обязанностью военной службы на собственный счет. Кроме того, много рыцарей-землевладельцев появилось вследствие того, что с расширением горизонта внешней политики, с увеличением военных потребностей, польские государи вынуждены были многих богатых крестьян сделать рыцарями, заменить им почти все повинности военною службою оставляя их на земле. Так создался класс *владык* (scartabelli), составлявший слой рыцарства ниже *шляхты*, т. е. коренных рыцарей благороднаго, знатнаго происхождения, предки которых искони пребывали в этом звании. Наконец, в рыцари стали производиться кмети и солтысы сел, устроившихся на немецком праве, и в составе рыцарства заняли низшее место, ниже даже владык, которые к этому времени (XIII в.) уже успели до известной степени нобилитироваться, сделались на половину шляхтичами (medii nobiles). За убийство рыцаря, произведеннаго в это звание из солтысов или кметей, платилась головщина вдвое менее, чем за убийство полушляхтича, который, в свою очередь, оплачивался головщиною вдвое меньшею, чем настоящий шляхтич (nobilis, miles famosus), пользовавшийся полным рыцарским правом (plenum jus militale supremae nobilitatis). Бароны или магнаты находили себе опору и поддержку преимущественно в той части рыцарства, которая называлась в собственном смысле шляхтою. Этот слой рыцарства и по родственным связям, и по состоянию, и по интересам и стремлениям ближе всех примыкал к сановной аристократии. Многия шляхетския фамилии имели родоначальника общаго с фамилиями магнатскими, были только младшими линиями одного размножившагося рода. Родовая солидарность крепко держалась между этими фамилиями, чему наглядным выражением служит обычай носить общие *гербы* и иметь общия *прокламации* (гербовыя фами-

лии, как, например, Топорчик, Старж, Лелива, Одровонж и т. д.). Это было средством сохранять в потомстве традицию общаго происхождения, а вместе с тем и средством являть свое благородное происхождение. Очень правдоподобно предположение одного польскаго ученаго, что знатное рыцарство, или шляхта, некогда располагалось в войске родовыми группами, откуда и возник обычай носить гербы, т. е. родовые знаки на щитах (на шлемах носились клейноты). Так ли это было или нет, но одногербовники имели много причин и поводов поддерживать своих старших (seniores), т. е. магнатов. Имея в составе правительственнаго класса своего представителя, шляхтичи даннаго герба упрочивали тем свое знатное положение и обезпечивали себе если не в настоящем, то в будущем различныя материальныя выгоды, как, например, получение от князя имения, какой-либо должности и т. д. Вообще надо сказать, что круг сановных, дигнитарских, фамилий не выделялся редко из шляхетских фамилий, пополнялся нередко новыми из их среды и в свою очередь отделял от себя младшия фамилии в эту среду. Естественно, следовательно, что и в политической деятельности шляхтичи выступали солидарно с баронами или магнатами. Рыцарство низших рангов, состоявшее из мелких земледельцев, по большей части находилось в экономической зависимости от богатых баронов и шляхтичей, владевших крупными имениями в данном округе. Бедные рыцари, их сыновья и родственники, толпились обыкновенно на дворах вельмож в чаянии получить какое либо доходное местечко по управлению имениями или просто в качестве домашних слуг (familiares), дворян, исполнявших различныя поручения. Благодаря всему этому, бароны держали рыцарство в своих руках, и этот военный класс служил в удельное время опорою не столько княжеской власти, сколько можновладства.

Княжеская власть землевладельцев

Ко всему этому надо прибавить, что бароны в XII и XIII вв. успели стать в отношении к населению своих имений на положение князей. В разгар колонизационной деятельности, пользуясь своим влиянием, они легко выхлопатывали у князей освобождение своих крестьян от княжеских податей и повинностей и от юрисдикции княжеских судей, иначе говоря,—получали в свою пользу почти все подати и повинности с своих крестьян вместе с правом суда над ними (за исключением немногих дел особой важности). Князья охотно поступались в пользу баронов тем, что по большей части не принадлежало им в действительности, так как имения были пустыя, только что заселялись. Вслед за баронами и рыцари, особенно же шляхта, выхлопатывали себе подобныя же права, и в конце концов это стало общим явлением, содержанием рыцарскаго права (jus militale). Таким путем бароны и рыцарство с течением времени приобрели над доброю половиной, если не над большинством, сельскаго населения политическую власть большую, чем князья. Известный противовес могуществу баронов князья могли бы найти в торговопромышленном и богатом классе, населявшем «места». Но этот класс в то время состоял преимущественно из неуспевших еще полонизоваться выходцев, которые устроились в новом отечестве совершенно особняком от туземнаго населения (по своему немецкому праву) и не принимали почти никакого участия в польской политической жизни. Приняв все это во внимание, мы вполне и окончательно уясним себе, почему удельное время было эпохою можновладства, почему бароны и на деле и по имени стали панами, каковое имя в древней Польше обозначало «государя». Вместе с тем станет очевидным, что Польша ни в каком случае не могла возвратиться к бы-

лому народовластию: под действием экономических и политических факторов в ней осуществилось такое социальное разделение, которое уже не допускало народовластия.

III

Временное возвышение королевской власти при Казимире Великом

В XIV веке произошло объединение уделов Великой и Малой Польши под властью Владислава Локотка. Объединение это совершилось таким образом, что удельныя княжества, не теряя каждое своей особности, своих местных учреждений, прав и обычаев, признали над собою власть одного князя-короля. Объединение получило, следовательно, характер личной унии. Попрежнему в каждом княжестве, каждой земле должностныя лица— воевода, каштеляны, судья, подсудок, стольник, подстолий, мечник, хоружий, подкормий и т. д. набирались из круга местной аристократии, и бароны попрежнему занимали в местных обществах политически преобладающее положение. Но в отношении к королю значение их несомненно понизилось. Они выступили перед ним не в виде тесносплоченнаго и солидарнаго класса, а в виде можновладства отдельных земель. Удельная эпоха разбила этот класс на местныя группы, и пока совместная государственная жизнь не сблизила эти группы, короли могли действовать авторитетно и властно в отношении всего класса. Они всегда могли найти поддержку в можновладстве одной земли против можновладства другой и повелевать разделяя. С объединением государства появился центральный пункт управления вне границ уделов, создался особый штат общегосударственных и придворных должностей, помимо удельных, на которыя короли стали назначать людей из аристократии разных земель, по собственной воле и выбору. Таковы были: канцлер, подканцлер, подскарбий, конюший, писарь и др. Благодаря всему этому королевская власть в первой половине XIV в. возвысилась и преобладала над можновладством, особенно при Казимире Великом. Тем не менее Польше еще далеко было до абсолютной монархии. Казимир Великий издавал свои статуты и важнейшия отдельныя распоряжения сообща с баронами (una cum baronibus nostris), с их совета (de consilio) и по воле их (de voluntate), как они решили (visum fuit baronibus), по их авторитету (statuit nostrorum baronum auctoritas). Высшее духовенство пользовалось при этом тем же значением, как и светские бароны, и участвовало в решении государственных вопросов сообща и заедино с ними.

Усиление можновладства по смерти Казимира Великаго.

С половины XIV в. обстоятельства сильно благоприятствовали баронам и повели к необычайному усилению их значения. Благодаря щедрой раздаче имений на Руси Галицкой и в присоединенных к Польше частях Волыни и Подолья, значительная часть сановной аристократии увидала себя во владении огромными состояниями. Бездетная смерть Казимира Великаго и отсутствие мужского потомства у Людовика венгерскаго отдавали судьбы всего края полностью в руки прелатов и баронов, как правительственнаго, самаго богатаго и влиятельнаго класса. Хотя прелаты и бароны не оставались без королей и скоро призывали их со стороны, но эти призванные короли не были людьми энергии и инициативы и мало обнаруживали забот об общественном благе, чем, как известно, усиливали свою власть западно-европейские монархи в конце средних веков. Владислав Ягелло, напр., по словам историка XV в. Длугоша, жил не своим, а чужим умом, был туп в разумении и не-

подвижен в деятельности. Всем этим бароны, уже сомкнувшиеся и сплотившиеся в один согласно действующий класс, не преминули воспользоваться в своих интересах. Им не приходилось, впрочем, добиваться власти выше той, которая силою обстоятельств была уже в их руках. Длугош, сообщая о важнейших правительственных распоряжениях и постановлениях, состоявшихся в правлении Людовика венгерскаго и Владислава Ягелла, говорит обыкновенно, что это делалось при участии прелатов и баронов, с их согласия. Мало того, прелаты и бароны даже в отсутствие короля на своих съездах, или сеймах, издавали разныя важныя постановления, как, напр., на Петроковском съезде 1406 года и Вартском 1423 г. Бароны держали в своих руках и все судопроизводство края, так как судьи назначались из них же, и сам король судил при участии баронов. Баронам и шедшим с ними заодно прелатам недоставало только юридической санкции их положения, формальных грамот на права и вольности, которыя могли бы навсегда упрочить их положение. К получению всего этого бароны и прелаты и стали стремиться с тех пор, как на польском престоле сели монархи, правившие, кроме того, и другими государствами, имевшие силы и средства на стороне, вне пределов Польши. Если не в отношении к наличным королям, то в отношении к их преемникам надо было выяснить и окончательно закрепить свое положение, обезпечить себя по возможности большими гарантиями, благо что лица, от кого приходилось требовать этих гарантий, были податливы. Этим и объясняется появление целаго ряда так называемых «привилеев», или грамот на права и вольности, выданных Людовиком венгерским и Владиславом-Ягеллом.

Привилеи на права и вольности, данные королями

Этот ряд открывается Кошицким привилеем 1374 г., в котором король Людовик обещал, что все почести и достоинства (honores et dignitates), раздаваемыя пожизненно, как-то: воеводы, каштеляна, судьи, подкомория, не будут раздаваться никому, помимо уроженцев той земли, где откроется вакансия; что все сановники останутся при тех же правах, которыми они пользовались при Владиславе Локотке и Казимире. То же самое выговорили себе бароны и от Владислава Ягелла в 1386 году (Новокорчинский привилей) и в 1388 году (Петроковский привилей). Король обещал оставить в неприкосновенности права и вольности церкви, права и обычаи, наблюдавшиеся при назначении на светския должности, обещал также без согласия баронов не назначать так называемых юстициариев, судей для решения важных уголовных дел в окончательной инстанции. В Червинском привилее 1422 года король обещал не бить новой монеты без ведома и согласия прелатов и баронов, без их согласия не присуждать никого к конфискации имений. Все эти обещания и другия гарантии, данныя в вышеупомянутых привилеях, суммировал в себе привилей Едлинско-Краковский, данный в 1433 году за согласие баронов признать одного из сыновей Владислава—Ягелла наследником престола. Хотя привилей выражается обще, без специальнаго указания на баронов, но, так как большая часть содержащихся в нем гарантий и обещаний касается высшаго духовенства и баронов, то его по справедливости можно считать *хартиею вольностей сановной аристократии*. Бароны энергично отстаивали всякия попытки к нарушению этих вольностей. Паны Спытко Мельштинский, Аврам Збоншинский и Ян Страж Косцельницкий не хотели, напр., допустить коронации Владислава III на том основании, что многия лица знатнаго происхождения (ex patriciis orti) не получили отцовских должно-

стей (patrios non essent assecuti magistratus). Ко всем укреплениям, которыми окружила себя дигнитарская аристократия, присоединилось еще следующее. В 1453 году бароны принудили короля Казимира Ягеллончика подтвердить присягою свое согласие на то, чтобы из среды их были приданы ему четыре постоянных советника (consiliarii), без согласия которых ему не было бы вольно предпринимать что-нибудь в более или менее важных делах (in rebus gravioribus).

Союз можновладцев с рыцарством

Но не только для себя выхлопатывали бароны и прелаты разныя гарантии, а также и для рыцарства. Вышеупомянутые привилеи поэтому даны в общей форме, которая во многих деталях обнимала также и рыцарство. Это было вполне естественно. Если еще в удельное время бароны искали опоры и поддержки в рыцарстве (без этой опоры и поддержки вряд ли они и могли удерживать свое положение), тем более должны они были заискивать в рыцарстве теперь, когда приходилось править одним, без государя, или с монархами, имеющими силы и средства на стороне, вне пределов Польши. Поэтому в конце XIV и начале XV вв. происходили постоянно *съезды* или *сеймы* прелатов и баронов с рыцарством по поводу всех важнейших государственных вопросов. Таким образом, напр., в 1382 году великопольские сановники, съехавшись в Радомске, с наиболее видными лицами из шляхты составили (25 ноября) торжественный акт, в котором за себя и все великопольское рыцарство обещали баронам и рыцарству малопольскому избрать на престол одну из дочерей умершаго короля Людовика и быть ей верными. 6 декабря того же года происходил по поводу того же сейм малопольских баронов и рыцарства. В 1392 году собирались все бароны, шляхты и рыцарство королевства (universa communitas baroniae, nobilium ac militum) на совещание по поводу политических затруднений с Орденом. В 1401 году бароны вкупе с рыцарством составляли торжественный акт, в котором обещали баронам и рыцарству литовскому выполнить свои обязанности относительно Ягелла, как государя литовскаго. И по отдельным землям в то время происходили совещания баронов с рыцарством. Так, в 1414 и 1419 году бароны земли ленчицкой с согласия всего рыцарства (ex consensu totius communitatis) на вечах издали несколько законов местнаго характера, имеющих силу только для земли ленчицкой.

Скоро и сами короли, видя положение вещей, стали привлекать рыцарство к участию в решении важнейших государственных дел. Так, Владислав-Ягелло в 1404 году созывал прелатов, баронов и рыцарство по вопросу о выкупе Добринской земли. Собрание постановило собрать для этой цели чрезвычайную подать, оговорившись, что это не должно быть прецедентом на будущее время. Чтобы добиться этого постановления, король пробыл все лето в Великой Польше и приглашал рыцарство на частныя собрания (conventiones particulares), чтобы заблаговременно подготовить его и настроить благоприятно к своему замыслу, и затем уже созвал на общий сейм (conventio generalis) в Корчин. В 1424 году он назначал съезд панам и общинам (dominis et communitatibus), т. е. рыцарству земель Краковской, Сандомирской, Русской и др. для обсуждения средств к подавлению распространявшейся по государству гуситской ереси. В 1447 г. король Казимир Ягеллончик объявлял, что изданные на общем собрании в Петрокове статуты установлены с согласия прелатов, баронов и шляхты королевства.

Приведенные факты указывают, что рыцарство было политическою силою и ценилось, как эта сила. На пока эта сила действовала по импульсу со стороны, под чужим руководством, и притом не постоянно и правильно, а урывками. Участвуя в решении важнейших государственных вопросов, рыцарство не имело, однако, правильно организованнаго представительства на общих съездах, или сеймах. Насколько можно заключать по скупым указаниям источников на этот счет, рыцарство представляли либо лица, специально приглашенныя баронами, либо особы, прибывшия на съезд добровольно. Призыв на сейм от имени короля или баронов земель обыкновенно обращен был ко всем вообще. Но на деле приезжали только наиболее знатные и состоятельные или наиболее подвижные, искавшие случая выдвинуться или, наконец, те, кому было близко. Встречаем, впрочем, некоторыя попытки организации настоящаго представительства. На сеймах 1424, 1433, 1434 гг. рыцарство представляли послы (nuncii), по два от каждаго герба.—Душою совещаний на этих сеймах были бароны; от них исходила инициатива, они указывали средства, ведущия к достижению намеченной цели. Участие же рыцарства было большею частью пассивное. Поэтому и в актах, выходивших с таких сеймов, упоминаются одни только дигнитарии, составлявшие, так сказать, *коло* (круг), совещавшееся и постановлявшее.

Впервые рыцарство приняло деятельное участие, хотя и не по собственной инициативе, в совещаниях на Петроковском сейме 1453 года. Казимир Ягеллончик долгое время уклонялся от подтверждения прав и вольностей, данных подданным королевства Польскаго его предшественниками, несмотря на неоднократныя настояния вельмож. В 1453 году назначен был, наконец, сейм, на котором король должен был присягнуть в соблюдении прав и вольностей своих подданных и выдать подтвердительный привилей. Но когда и тут король под разными предлогами стал уклоняться от присяги и подтверждения, бароны стали советоваться, что предпринять в таком положении. Некоторые из них предлагали даже отказать королю в послушании. Но архиепископ гнезненский Збигнев Олесницкий, вождь магнатов духовных и светских при Владиславе-Ягелле, Владиславе Варненском и в первые годы Казимирова правления, посоветовал, не прибегая к такой крайней мере, разбиться на два «кола»—коло сановников (primores) и коло рыцарское, выработать окончательныя условия и представить их королю. Олесницкий, очевидно, разсчитывал таким путем сильнее подействовать на короля и в своем расчете не ошибся. Казимир, которому Олесницкий представил результаты совещаний обоих «кол», склонился на принятие предложенных ему условий и присягнул в соблюдении их перед самим Олесницким и в присутствии высших сановников и двенадцати делегатов от рыцарства. Так положено было начало отдельным легальным совещаниям рыцарства, которое до этого времени присутствовало на совещаниях прелатов и баронов, а вместе с тем положено было начало и сенату, как особому учреждению, в котором заседали первейшие сановники государства и высшия духовныя лица.

IV

Развитие политическаго самосознания шляхты

Итак, рыцарство привлечено было магнатами к отдельному, деятельному и до известной степени самостоятельному участию в разрешении крупнаго государственнаго вопроса. Но раз это случилось, раз рыцарству дано было ясно понять и оценить свою силу, можно было

ожидать, что оно вскоре выступит с своими желаниями и требованиями и само по себе, без содействия баронов и даже отчасти против них, в обороне своих интересов. Ожидать этого тем более надлежало, что рыцарство, по замечанию Длугоша, созревало и все более и более всматривалось в свое положение и отношение к королю и баронам, все более и более эмансипировалось от влияния тех, кого оно считало отцами отечества и стражами народных прав и свободы. И действительно, уже в следующем 1454 году рыцарство, пользуясь благоприятными обстоятельствами, самостоятельно выступило с собственными политическими требованиями и сумело настоять на их удовлетворении. В результате появились Нешавские статуты короля Казимира, которые открыли собою новую эпоху государственной жизни Польши.

Ея требования в 1454 г.

В 1454 году, по настоянию призванной на совещание шляхты, объявлен был новый поход в Пруссию. В лагере под селом Цереквицею (неподалеку от Торуни) на призыв короля собралось все великопольское рыцарство (включая и куявское). 14 сентября перед королевским шатром поднялся шум и смятение. Шатер окружила шляхта и громко требовала от короля, чтобы он подтвердил права и вольности рыцарства, присоединяя к требованию угрозу, что в противном случае рыцарство не будет сражаться. По словам историка Длугоша, современника описываемаго события, рыцарство требовало не только подтверждения старинных прав и вольностей, но и дарования некоторых новых (confirmationem jurium et largitionem novorum). Король уступил и выдал так называемый Цереквицкий привилей. Происшедшая затем битва под Хойницами кончилась поражением поляков. Король объявил новый поход и призвал рыцарство всех польских земель, за исключением русскаго, которое оставлено было для охраны восточных пределов. Местом сбора назначено было местечко Опоки, неподалеку от Нешавы, где в конце октября и собралось рыцарство разных земель. Когда малополяне узнали о том, что произошло под Цереквицею, и какия права и вольности даны были великополянам, то и с своей стороны предъявили королю просьбы о подтверждении и даровании таких же прав и вольностей. Король обещал, но медлил выдачею самаго привилея. Привилей выдан был позже под Нешавою, и при том отдельно для малополян (11 ноября), великополян (12 ноября) и земли Серадзьской (16 ноября). Великополяне выхлопотали себе новый привилей, потому что данный им под Цереквицею был только временный, запечатанный малою печатью подканцлером. Кроме того, они желали получить и некоторыя новыя права и вольности, которыя выговорили себе малополяне. 11 декабря получило свой статута и рыцарство земли Хельмской в Радзине.

Требования, которыя предъявило рыцарство под Цереквицею и Опоками, были подсказаны ему самою жизнью. В общем они клонились с ограждению рыцарства от королевскаго произвола и притеснений магнатов, к обезпечению его легальнаго и постояннаго участия в государственном управлении и, наконец, к возвышению его положения в отношении к низшим классам общества. Некоторыя из этих требований,—главным образом те, которыя имели в виду ограничение королевскаго произвола, предъявлялись и ранее того баронами, которые действовали в данном случае и в интересах рыцарства. Тем не менее и несмотря на то, что соответствующия им постановления уже находились в изданных статутах королевства Польскаго, рыцарство повторило эти требования. Это вполне будет понятно, если мы

примем во внимание, каков был Казимир, как государь. С самаго начала своего правления Казимир обнаружил наклонность действовать самовластно, вопреки существующим законам и обычаям, и потому далеко было нелишним связать его новым торжественным обещанием. Не менее, если не более, чем от королевскаго произвола рыцарство терпело от неправосудия баронов или панов, в руках которых находились главныя судебныя должности. Судопроизводство их отличалось безпорядочностью и партийным пристрастием, от котораго всегда страдали меньшие люди. Своим приятелям, напр., которые по делу были ответчиками, судьи давали постоянно отсрочку, безчисленное число раз откладывали разбирательство, так что истцы часто бросали свои претензии, потеряв надежду добиться справедливости. Угнетали тяжущихся также и частые, произвольно назначаемые сроки явки в суд, так, что держали тяжущагося в постоянном безпокойстве и, при неаккуратности вручения судебнаго «позва» (повестки), лишали нередко самой возможности стать на суде. Беднейшие рыцари благодаря многочисленным и громадным судебным пошлинам, падавшим на тяжущихся, часто даже отказывались от судебной охраны и возстановления своих прав. Против несправедливаго приговора судей, особенно в тяжбе с богатым и знатным человеком, почти не было никаких средств. Можно было жаловаться прежде всего в областные судебные съезды, или веча, называвшияся также генеральными судилищами, генеральными «роками» (colloquia, judicia generalia, termini generales). На эти веча съезжались местный епископ, главные судьи: воевода, каштеляны, старосты, судья, подсудок и низшие судебные урядники. Хотя число последних количественно превышало аристократический элемент веча, но дела решало «не количество голосов, а важность персон» (gravitas personarum, non multitude vocum). Бароны господствовали на вечах и мирволили на суде своей братье, а низшие чины, обязанные своею должностью тем же баронам, покорно шли за ними. Можно было на несправедливый приговор судьи жаловаться и самому королю. Но и на решения короля оказывали могущественное влияние те же бароны. Особенно много терпело рыцарство вместе с низшими классами народа от произвола и неправосудия королевских старост, которые поставлены были по областям в качестве королевских наместников, с широкими правами и полномочиями, между прочим с правом суда в окончательной инстанции по важнейшим уголовным делам. Державцы, т. е. временные владетели королевских имений, надеясь на покровительство короля и «можных» панов, с которыми они состояли по большей части в родстве (потому они и получали державы), также позволяли себе обижать рыцарей, имевших по соседству имения, и все им безнаказанно сходило с рук. Вообще, магнаты, опираясь на свою власть, богатство, влияние и связи, позволяли себе чинить всякия обиды и несправедливости в отношении рыцарей и тем мало-по-малу возстановляли против себя класс, на который они опирались, и подготовляли конец своему политическому преобладанию. Правда, что в XV веке и в среде магнатов были такие люди, как Ян Остророг, который осуждал злоупотребления и неурядицы и предлагал меры к их искоренению. Но это были единицы, а в целом классе этого сознания не было, не было и стремления к нужным реформам. Рыцарство силою вещей вынуждено было домогаться государственных улучшений и постояннаго легальнаго участия в государственной жизни, чтобы впредь республика лучше управлялась (ut respublica in posterum sanius dirigatur). В сознании своей силы и значения, сознании, быть может, несколько преувеличенном, рыцарство выступило и с такими требованиями, которыя его интересам приносили в жертву интересы других, низших

классов. «Шляхетское законодательство в Нешаве,—говорит известный польский историк Вобржинский,—уже переступает границы собственнаго шляхетскаго сословия и земянских отношений (земяне=шляхта) и стремится стать законодательством всего народа и государства. Шляхта при первом выступлении своем на политическое поприще усматривает в себе целый народ. Другия сословия оно стремится или вместить в себя и соединить их с собою до неразличаемости, или лишить независимости и сделать их собственным орудием!»

Итак, чего же пожелало и что получило рыцарство под Нешавою?

Нешавские статуты

С короля было взято обещание соблюдать права и вольности жителей Польскаго королевства, данныя им его предшественниками, никого не сажать в тюрьму и не лишать имений без суда и следствия, не давать так называемых запретительных грамот (litteras prohibitorias) для приостановки или отсрочки судебнаго разбирательства и перенесения его от обыкновеннаго суда на суд королевский, не отказывать никому в разграничении его имения с королевским; великополяне, кроме того, выговорили для себя, что король по окончании войны непременно разберет все нерешенныя еще судебныя дела. Кроме того, король обещал уплачивать по пяти гривен на каждое копье в случае похода за пределы государства, вознаграждать рыцарей за все убытки и плен. В связи с этим малопольское рыцарство выставило требование, а король согласился, чтобы замки и главныя королевския имения, в которых существуют староства, не отдавались в «заставу», т. е. в аренду в форме залога: кто возьмет, лишается своих денег. Мотивом выставлено то, что столовыя королевския имения предназначены не только для особы короля, но и для оберегания и охранения всего государства. Косвенным образом это постановление направлено было и против магнатов, которые обыкновенно брали в заставу королевския имения и страшно наживались на них. Кроме того, соединение в одном лице арендатора и старосты могло вести к притеснениям местных обывателей. В аренду отдавались обыкновенно не только разные хозяйственные доходы, но и государственные, которые еще не различались от частных доходов короля. Интерес арендатора состоял в том, чтобы набрать этих доходов как можно больше, и тут открывалось обширное поле для разных злоупотреблений, в особенности, если взять во внимание те широкия полномочия, которыя даны были старостам. После короля рыцарство старалось оградить себя больше всего именно от этих старост—королевских наместников. Во избежание увеличения их и без того огромной власти и значения, рыцарство добилось постановления, чтобы воевода и каштеляны не были одновременно и старостами в своей земле; исключение сделано было только для каштеляна краковскаго, который мог быть и старостою краковским. Старостам вменено было в обязанность отправлять свои суды не чаще, как через шесть недель, вручать обвиняемому «позов» за неделю до открытия суда, заранее (в Великой Польше—за неделю) объявлять об этом открытии и о месте суда, судить только свои «старостинские артикулы», т. е. дела об ограблении на большой королевской дороге, по которой ездят купцы, о поджоге, нападении на дом и изнасиловании женщин; запрещалось им сажать вместо себя на своем старостинском суде своих бургграфов, если бургграфы не владели имением в том же округе или повете, а в Великой Польше и вовсе запрещалось заменяться бургграфами; при наложении взысканий на имущество по приговору суда или за неуплату королевскаго побора старостам запрещалось брать что-либо для

своих служебников, производивших взыскание. Чтобы еще полнее обезпечить себя от произвола и притеснений старосты, рыцарство обязало короля пред выездом из той или другой земли непременно выслушивать жалобы земян на старосту.—Статуты постановляли затем, чтобы каштелянства и разныя другия достоинства и уряды не раздавались никому, кроме уроженцев той земли, где открылась вакансия. Это было давнишнее требование, предъявленное королям можновладством и нашедшее себе удовлетворение в постановлениях предшествующих статутов. Но рыцарство, с своей стороны, выставило желание, чтобы достоинства и уряды давались людям заслуженным, почтеннаго возраста, понимающим дело и разумным (benemeritis, aetate, intellectu et prudentia bene vigentibus et indigenis). В этом нельзя не видеть оппозиции установившемуся порядку назначения на должности лиц знатных фамилий, без внимания к их годности. Мало того, великопольское рыцарство выхлопотало, чтобы ему самому предоставлено было выбирать четырех кандидатов на должность земскаго судьи и подсудка, при чем король должен был назначить непременно одного из этих кандидатов. Все судьи должны судить писанным правом, по статутам королей Казимира и Владислава, не должны брать пошлин выше тех, которыя определены в этих статутах. Великопольский статут установил, кроме того, обязательность записи судебных решений в особыя книги (praejudicata), в тех целях, чтобы эти решения могли служить руководством и для будущих судей. Далее в статутах находим постановления о том, когда, сколько раз в году и где должны отбываться судебныя веча, кто на них должен присутствовать, сколько раз в году должны происходить обычныя заседания земскаго суда («малые роки»), сколько раз можно пропускать срок явки на суд и по каким уважительным причинам, как вести самое судоговорение, что делать с заведомыми кляузниками, которые за деньги нанимаются вести на суде неправыя дела, и т. д. Рыцарство сочло нужным внести в свои требования и давнее постановление Казимирова статута о наказании штрафом в три гривны того, кто примет и не возвратит беглаго человека по требованию пана его. Очевидно, что рыцарство в этом отношении много страдало от магнатов, которые, усиленно заселяя свои обширныя имения, переманивали льготами крестьян из рыцарских имений и не выдавали их, опираясь на свою силу и влиятельность. Рыцарство страдало и от притеснений державцев королевских имений, вследствие чего было постановлено, что державцы за обиды, причиненные соседнему рыцарству, обязаны будут отвечать перед местными земскими судьями. Таким путем устранялось возможное заступничество за них и потворство со стороны короля, а, кроме того, и жалобщикам облегчалась возможность преследовать их судом.—Ограждая себя от разных притеснений в сфере экономических отношений, рыцарство вызвало постановление о том, чтобы евреи не пользовались большими правами, чем христиане, чтобы подлежали закону трехлетней давности, не имели права принимать под залог недвижимыя имения. Все права и вольности, данныя им после коронации короля Казимира, в силу новых статутов отменялись. Против мещан направлено было постановление о том, что каждому, прибывшему на рынок, вольно покупать и продавать; если мещане будут препятствовать, староста может оштрафовать их тремя гривнами. Великопольский статут добавляет к этому, что воевода и каштеляны будут регулировать цены на изделия ремесленников и взимать за нарушение таксы штрафы, какие установит король. Желая обезпечить себя в тяжбе с мещанами, малопольское рыцарство выхлопотало постановление, противоречившее общему правилу, в силу котораго истец жалуется туда, куда подсуден ответ-

чик (actor forum rei sequat): теперь шляхтич, раненый мещанином или плебеем, мог уже жаловаться в земский суд. Малопольское рыцарство добилось и других постановлений, ставивших его в привилегированное положение в отношении низших классов общества: сборщики пошлин не должны брать «цло» (пошлину) с духовных и земян, везущих соль на свои нужды; земяне могут покупать соль на свои нужды в Бохнии и Величке по уставной цене. Великопольский статут, уничтожая окончательно юрисдикцию каштелянов, вместе с тем окончательно передал рыцарству и суд над его крестьянами. Он постановил, чтобы каштеляны не привлекали к суду своему земян-шляхту или их людей, не штрафовали их за неявку, не брали «головного» за убийство крестьянина, так как это «головное» должно итти дедичу той земли, на которой жил убитый.

Установление сеймиковаго правления

Но самое главное, чего добилось рыцарство, это—торжественное обещание короля, что отныне ни новые законы не будут издаваться, ни война не будет начинаться без согласия рыцарства на общем земском съезде (absque conventione communi terrestri).—Так становилось постоянным и легальным участие рыцарства в издании новых законов и назначении военных походов,—участие, до сего времени бывшее более или менее случайным. Правда, что вышеупомянутое обещание короля дано было только великопольскому рыцарству. Но, дав это обещание великополянам, король не мог обходить в данном отношении, как и в других, малополян и на деле применял и к ним свое постановление. Известнаго рода соперничество, существовавшее между отдельными землями, не могло допустить, чтобы привилегия или льгота, данная одной земле, не распространилась и на другия. Поэтому, хотя статуты 1454 года, выданные разным землям, и различаются между собою отдельными статьями, на деле это различие почти совершенно сглаживалось. Скоро даже и забыли, что Казимир издавал отдельные статуты для земель, и смотрели на постановления 1454 года, как на статут, выданный всему королевству польскому. Такая точка зрения ясно обнаруживается уже в Петроковском статуте Яна Альбрехта, коим он подтвердил и дополнил Нешавския постановления. Факты из истории Казимирова правления указывают на то, что обещание, данное великополянам, он выполнял в отношении рыцарства всех вообще земель своего королевства. Так, в 1455 году, решившись по совету прелатов и баронов продолжать войну с Пруссией наемными войсками, Казимир созвал на местныя собрания, или *сеймики*, рыцарство не только Великой, но и Малой Польши (particulares conventiones in singulis terris, по выражению Длугоша), чтобы получить его согласие на сбор чрезвычайной подати. Сеймики после некотораго сопротивления согласились на предложение короля. Любопытно, что на обращении к сеймикам в таких случаях настаивали даже сами прелаты и бароны. Когда в следующем 1456 году в Петрокове Казимир советовался с ними о военных делах и предлагал назначить новый побор, малопольские прелаты и бароны прямо заявили, что они не имеют права этого сделать здесь, на сейме, но что дело рыцарских общин соглашаться на чрезвычайныя подати. Вследствие этого назначены были съезды малопольскаго рыцарства, т. е. земель Краковской, Сандомирской, Люблинской и Русской, на 7 октября, в Новом Корчине, а великопольскаго рыцарства, т. е. земель Познанской, Калишской, Ленчицкой, Серадзьской, Куявской и Добринской в Коле, две недели спустя. Малопольское рыцарство согласилось на сбор чрезвычайной подати, но заставило короля, присутствовавшаго на со-

брании, дать заверение, что отныне не будет назначена общая мобилизация против Пруссии, прежде чем не созваны будут для совещания об этом рыцарские сеймики земель Краковской, Сандомирской, Русской и Подольской. Так формально было признано и за малопольским рыцарством право, которое утверждал за великопольским рыцарством Нешавский статут. И позже этого, до самаго конца Казимирова правления, встречаемся с сеймиками рыцарства, собиравшимися по поводу разных государственных вопросов, например, по поводу поддержки кандидатуры одного из Казимировых сыновей на венгерский престол (в 1490 г.). Первое время король лично посещал все местныя собрания рыцарства. Но затем, по желанию короля, рыцарство несколько соседних земель стало выбирать для совещания с королем уполномоченных послов, и высылать их в назначенное королем место (великополяне высылали обыкновенно послов в Коло, малополяне в Новый Корчин, русские в Судовую Вишню), куда прибывало также не мало рыцарства добровольно. Казимир пробовал даже собирать с этих «генеральных сеймиков» послов к себе в одно место, обыкновенно в Петроков. Но либо послы не оказывали особаго расположения являться на этот зов, либо своим упорством и несогласием заставляли короля обращаться снова непосредственно к сеймикам, так что при Казимире из собрания земских послов не выработалось еще особаго учреждения. Впрочем, образование так называемой «посольской избы» на польском сейме было уже делом недалекаго будущаго. В 1496 году на сейме, который созвал в Петроков преемник Казимира Ян Альбрехт, кроме прелатов и баронов, присутствовали и послы от рыцарства всех земель, которые, по выражению королевской грамоты, подтверждавшей права и вольности, представляли государственное целое по уполномочию отсутствовавших (corpus regni cum plena facilitate absentium repraesentabant). Преемник Яна Альбрехта, брат его Александр, Радомскою конституциею 1505 г. узаконил существование посольской избы, признав, что ни сам он, ни его преемники не будут установлять ничего новаго без согласия своих советников (т. е. прелатов и баронов) и земских послов (nihil novi constitui debeat per nos et successores nostros sine communi consiliariorum et nunciorum terrestrium consensu). Этим узаконено было и существование польскаго сената, как особаго совещательнаго учреждения из прелатов и высших сановников государства.

Но хотя в виде посольской избы и образовалось своего рода представительное учреждение для рыцарства, рыцарство тем не менее продолжало принимать непосредственное (viritim) участие в политической деятельности. Нешавское законодательство осталось в силе, и важные государственные вопросы решались на сеймиках, которые собирались до сейма. Выбранные на сеймиках послы являлись на сейм с готовыми инструкциями или обращались за таковыми в те же сеймики. Несмотря на просьбы правительства присылать послов с неограниченными полномочиями (z wladza niezamierzona), сеймики обыкновенно давали им инструкцию, коею стесняли их деятельность, до известной степени предрешали самые вопросы. Рыцарство хорошо понимало, что в противном случае послы поддадутся давлению короля или магнатов и могут дать свое согласие на что-либо, для него невыгодное. Сами послы чувствовали себя гораздо свободнее и действовали смелее, как скоро имели от своей братии готовую инструкцию. Поэтому-то, как скоро на сейме возникали какие-либо непредвиденные вопросы и комбинации, послы предпочитали обращаться к сеймикам за указаниями. Так, в главных чертах обстояло дело почти до самаго конца существования

Польскаго государства.

После всего сказаннаго легко будет обозначить место и значение Нешавскаго законодательства в истории государственнаго развития Польши. В этой истории можно различить три эпохи. Одновременно и вслед за образованием государства на короткое время в Польше установилась сильная, самодержавная монархия; за нею наступила эпоха можновладства, политическаго преобладания магнатов, а за этою эпохою—эпоха шляхетскаго «гмино-владства», т. е. политическаго преобладания шляхетских сеймиков. Эру новой эпохи и открыли собою Нешавские статуты, заложившие прочный базис политическому господству шляхты.

М. Любавский.

LXVIII. Стефан Душан (1331—1354)

Значение Душана

Имя сербскаго царя Стефана Душана принадлежит к числу самых громких имен во всей юго-славянской истории.

Слава Душана, проникшая в свое время далеко за пределы Сербской земли, основывалась на его завоеваниях, поднявших весьма сильно международное значение Сербскаго государства. Для сербов и для исторической науки имеет немалое значение и его законодательная деятельность.

При Душане Сербия достигла наибольшаго территориальнаго распространения и внешняго могущества, но по внутренним и внешним причинам это могущество было кратковременно: несмотря на обширныя завоевания, Душан не объединил всех сербских земель, не доставил сербскому племени национальнаго единства; тем менее удалось ему сплотить с сербами разноплеменное население областей, отвоеванных у Византии, а между тем в его именно время появился новый и страшный враг политической независимости народов Балканскаго полуострова—турки.

Сербы до Душана

Хотя сербы прожили шесть веков на Балканском полуострове до времен Душана, но политическая самостоятельная жизнь их начинается только со второй половины двенадцатаго века. Сербы, как и ближайшие их родичи хорваты, пришли из-за Карпат на место их настоящаго жительства в VII веке и поселились в пределах Византийской империи с согласия императора Ираклия (610—641). Признавая верховную власть Византии, хорваты и сербы живут сначала разрозненною племенною жизнью, отдельными жупами, мало связанными между собою; хотя один из жупанов и носил титул великаго жупана, но его значение было небольшое, при том этот титул носили жупаны разных племен, разъединению которых много способствовали географическия условия пересеченной горами местности. Хорва-

Пособиями при составлении настоящей статьи служили изследования проф. *Т. Д. Флоринскаго*: 1) Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в., в. 1 и 2. Спб. 1882 г. 2) Памятники законодательной деятельности Душана. Киев, 1888.

ты, находившиеся первоначально, подобно сербам, в зависимости от Византии, не слились с последними в один народ; они ранее сербов перешли от племенной жизни к государственной, образовали свое Хорватское королевство, но полной политической самостоятельности не достигли; порвавши связи с Византией и принявши католичество, они в начале XI в. утратили политическую независимость, сделались составною частью Угорскаго королевства.

Ко времени первых попыток объединения сербы размещались по следующим главным землям: 1) *Зета* или Дукля по берегу Адриатическаго моря от устья Дрина и Бояны на север до города Котора (почти то же, что теперешняя Черногория); 2) *Требинье* или Травуния—севернее Зеты до Дубровника; 3) *Захолмье* или Холм (по-сербски Хум); по берегу моря эта земля простиралась от Дубровника на север до устья реки Неретвы, внутрь же страны на северо-восток она обнимала большую часть позднейшей Герцеговины; 4) *Босна* —на восток от рек Унны и Сары до Дрины, на север до р. Савы; 5) *Раса*, *Рашка* или *собственная Сербия*—между Дриной и болгарскою Моравой; северную границу составляли реки Сава и Дунай, хотя береговыя области не всегда принадлежали Сербии; на юге Сербия простиралась приблизительно до горы Шара-Планины. Сербами же было заселено Подгорье или горная страна (с вершинами Ком и Дормитор), откуда берут начало реки Морача, Зета, Пива, Лим. Все эти земли находились под верховною властью Византии, но по временам жупаны отдельных областей пытались добиться политической независимости. Так, в XI веке зетские жупаны Бодин и Вукан не только освобождают от византийской власти приморская сербския области, но переносят свою деятельность и внутрь страны, в область реки Ибара, в Расу. Рашские жупаны со второй половины XII века являются действительными создателями Сербскаго государства.

Стефан Неманя

Стефан Неманя (1159—1195), получив от византийскаго императора Алексея Комнина не только сан великаго жупана, но и военную помощь, подчинил своей верховной власти Требинье и Захолмье, а потом, ставши в враждебный отношения к Византии, он не только объединил уделы собственной Сербии, или Расы, но стал отвоевывать у Византии на юге и востоке провинции, населенныя сербами, именно он присоединил Зету и соседнее с ней приморье к югу и северу, на восток же распространил свои владения до Ниша включительно; на юге его завоевания простирались до Призренской области и Полога (местность на юг от Шар-Планины), но этих областей он не удержал; походы его простирались и на болгарския земли. Из всех сербских земель только Босна осталась в стороне от объединительной деятельности Немани, но она уже с 1120 года находилась в зависимых отношениях к Угрии.

Стефан Первовенчанный

Преемник Немани, сын его Стефан (1195—1224), получил прозвание Первовенчаннаго, так как он первый из сербских государей венчался королевским венцом. Укреплению и развитию независимаго Сербскаго государства не мало содействовало то обстоятельство, что Византийская империя находилась тогда в самом угнетенном положении с 1204 г. Константинополь был занят крестоносцами, учредившими здесь латинскую империю, греческие же императоры начали возстановление своей империи из малоазиатскаго города Никеи. Брат

Стефана, Савва, от Никейскаго императора и патриарха получил сан автокефальнаго архиепископа сербскаго и право венчания своего брата в сербские короли; возникновение Сербскаго православнаго государства под покровительством Византии было для последней выгодно даже в виду тех завоеваний, какия делались на Балканском полуострове латинами. Архиепископу сербскому св. Савве принадлежит заслуга организации сербской церкви; он же принимал деятельное участие в создании на Афоне сербской Хиландарской лавры, которая приобрела потом заслуженную славу центра юго-славянскаго просвещения.

В течение XIII в. преемники Стефана Первовенчаннаго, однако, не только не подвинули вперед дело объединения сербских земель, но даже не могли, благодаря усобицам, воспрепятствовать захватам Угрии: так, Угрии подчиняется Захолмье; побережье Савы и Дуная (Мачва) то непосредственно, то вместе с Босной находится во власти той же Угрии.

Милутин

Сербский краль Милутин (1282—1320) снова поднял значение Сербии. Правда, и он не присоединил к своим владениям северо-западных сербских земель Босни и Захолмья, но зато на юго-востоке он значительно распространил границы на счет болгарских и византийских земель: на востоке Сербия теперь простиралась до города Кратова и реки Брегальницы, а на юге почти до городов Штипа, Велеса, Прилепа и Охриды; в походах же своих Милутин достигал иногда до берегов Архипелага и Фессалии. Возвратившиеся вновь в Константинополь византийские императоры не могли оказать достаточнаго отпора Милутину: Михаил Палеолог умер во время похода против сербскаго короля, а новый император Андроник Старший, находясь в затруднительных внутренних и внешних обстоятельствах, искал примирения и союза с Милутином, который, будучи сорока пяти лет, женился на несовершеннолетней дочери Андроника. Вступив в близкия отношения к византийскому двору, Милутин оказал помощь Андронику в борьбе с турками, при чем особенно отличался в Малой Азии сербский вождь Новак Гребострек.

Стефан Дечанский

Преемником Милутина был сын его от перваго брака Стефан Урош Дечанский, женатый на дочери болгарскаго царя. От этого брака около 1308 г. родился Душан. Между Милутином и Стефаном Дечанским, еще до вступления последняго на престол, произошла усобица; побежденный сын послан был Милутином в виде наказания к византийскому двору; с ним был в ссылке и малолетний Душан, большая часть детства котораго прошла, таким образом, при византийском дворе (с 3-х до 10-ти лет). В 1317 г. по ходатайству афонских монахов и других духовных лиц из сербов и греков Стефан Урош был возвращен Милутином на родину и по смерти Милутина, последовавшей в конце 1320 года, Стефан Дечанский венчался на кралевство вместе с десятилетним сыном Душаном (6 января 1321 года), по примеру византийских императоров. Десятилетнее правление Стефана Дечанскаго не отмечено никакими важными событиями. Только в конце его царствования произошло столкновение с болгарами, кончившееся торжеством сербов и доставившее им громкую славу.

При Милутине сербы отвоевали у болгар несколько областей. При Дечанском болгарский царь Михаил, женатый на сестре сербскаго краля, стремится возвратить утраченное: он прогоняет свою жену Неду и женится на сестре Андроника Младшаго. В византийской

усобице между двумя Андрониками, старшим и младшим, принимают участие оба славянские государя: болгарский держит сторону младшаго, сербский—старшаго. В 1330 г. образовался греко-болгарский союз для похода на сербов. Столкновение произошло близ Вельбужда на р. Струме. В болгарском войске в качестве союзников и наемников были румыны, присланные валашским воеводой Иванком Бессарабом, черные татары и ясы, или аланы (из Молдавии); с юга на границах Сербии стоял союзник болгар Андроник Младший. Сербы также подготовились, союзников у них не было, но при посредстве Дубровника они получили новое вооружение и наемное германское войско. Выбравши удачно момент, сербы неожиданно напали на болгарское войско и разбили его на-голову. Сам болгарский царь Михаил был смят, и Стефан Душан собственноручно отсек ему голову. Весь лагерь достался в руки сербов, которые двинулись затем в Болгарию, но она сопротивления уже не оказывала и готова была признать власть сербскаго краля. Стефан Дечанский, однако, не решился подчинить Болгарию, он ограничился возстановлением на болгарском престоле сестры своей Неды с ея малолетним сыном Шишманом II. Андроник, узнавши о поражении болгарскаго войска, поспешил отступить. Эта победа доставила сербам преобладание на Балканском полуострове. Как в подготовлении к войне, так и во время похода и битвы главная роль принадлежала двадцати-двух-летнему Стефану Душану. Но за этим славным делом последовало другое, легшее черным пятном на память Душана. Подобно тому, как в конце царствования Милутина произошла усобица между отцом и сыном, так и теперь: Душан, побуждаемый некоторыми из бояр, поднял возстание против отца, но исход борьбы был иной: сын одолел отца и заключил его в городе Звечане, там Стефан Дечанский вскоре (11 ноября 1331 г.) и умер от задушения. Смерть Стефана Дечанскаго произошла, конечно, не без ведома его сына.

Коронование Душана. Его завоевания

Еще до смерти отца Стефан Душан поспешил короноваться, имея около 23-х лет от роду. Сделавшись сербским королем, Душан сейчас же обнаружил завоевательныя стремления. Но свои завоевания он направил не на северо-запад для присоединения чисто сербских земель, а на юго-восток, в пределы Византийской империи. Под предлогом мести за помощь Андроника Младшаго болгарскому царю Михаилу, Душан двинул войска в Македонию и в течение трех лет завоевал всю ея западную часть на восток до реки Стримона и города Амфиполя. Душану охотно сдавались один за другим македонские города, так как гарнизоны их были малочисленны, а армию свою император не мог выставить исключительно против сербов, ибо ему приходилось защищать ближайшия к Константинополю провинции Европы и Азии от болгар и турок. У Душана находились пособники в местном населении; предлагали свои услуги и византийские перебежчики. Так, предводитель Душановых войск был половчин Сиргиан, служивший ранее в Византии и бежавший к Душану, будучи уличен в замыслах против империи. Он, как человек хитрый и хорошо знавший положение дел в западной части империи (так как здесь он был ранее стратегом), особенно был опасен и страшен византийцам, и потому они постарались отделаться от этого врага, подославши к нему одного храбреца, притворившагося византийским изменником. Потеря любимаго полководца очень опечалила Душана, и он охотно согласился на предложенный Андроником мир, который и был заключен при личном свидании обоих государей, византийскаго императора и сербскаго короля, близ Солуни, на речке Галике (26 августа

1334 г.); к этому могли побуждать и другия обстоятельства, именно значительная победа византийцев над высадившимися около Сермилии турками и движение на Сербию угорскаго короля Карла Роберта. По этому миру отошли к Сербии следующие значительные города: Охрида, Прилеп, Кастория, Струмица, Водена и некоторые другие. В следующем году условия мира подтверждены были снова, для чего Андроник нарочно приезжал для свидания с Душаном в сербские пределы.

Помирившись с Византиею, Душан, однако, продолжал свои завоевания: он взял Драч, принадлежавший анжуйцам, и к 1340 году покорил всю среднюю Албанию до города Янины и принял даже титул албанскаго короля. Успехам Душана затем много содействовали новыя междоусобия, возникшия в Византии. По смерти Андроника Младшаго (15 июля 1341 г.) важнейший из деятелей последних лет этого царствования, Иоанн Кантакузин, вставши во враждебныя отношения к вдовствующей императрице Анне и малолетнему сыну ея, новому императору Иоанну Палеологу, сам провозгласил себя императором, но должен был оружием бороться с партией законнаго императора и для этой цели искал себе помощи не только среди византийцев, но и на стороне. Так он явился в Сербию, чтобы вступить в союз с Душаном. Последний принял его с почетом, оказал все знаки почтения, как императору, и согласился действовать с ним заодно против владевшей Царьградом партии Иоанна Палеолога; давая военную помощь Кантакузину, Душан оставлял себе право присвоить те византийские города, которые ему подчинятся. Правда, во время союза с Кантакузином, несмотря на несколько походов, Душан не сделал новых больших приобретений, но он укрепил за собою долину средняго Стримона с городами Мельником и Струмицею. Здесь утвердился было знаменитый своими военными подвигами сербский вельможа Хреля, отложившись от Душана, но теперь он снова признал его власть и вскоре потом умер. Кантакузин вскоре убедился, что союз с сербами мало ему помогает, сманил наемный немецкий отряд сербскаго войска, захватил с ним гор. Веррию в Вотиее и оттуда стал уже самостоятельно действовать против партии Палеолога. Душан между тем нашел выгодным сблизиться с противниками Кантакузина, давно добивавшимися его содействия. Вступив в соглашение с турками Омура, Кантакузин с помощью сильных турецких отрядов стал действовать с большим успехом; военныя действия его перенесены были во Фракию, и западная часть империи осталась без защиты. Пользуясь этим обстоятельством, Душан стал доканчивать завоевание Македонии. Ему удалось, наконец, после нескольких опытов осады принудить к сдаче укрепленный и весьма важный по своему положению город Серес на Стримоне; удалось ему также вытеснить гарнизоны Кантакузина из Вотиеи. К 1345 г., в течение пятнадцатилетних усилий, Душану удалось таким образом овладеть обширною страной от Христополя до Драча и Канины и на юг—до Янины и северной Фессалии. Только приморский и хорошо укрепленный Солунь остался в руках Византии.

Политическия стремления Душана

Взятие Сереса было важнейшим моментом в завоевательной деятельности Душана. После этого события Душан сразу обнаружил свои политическия стремления. Уже в Сересе в конце 1345 г. он титулует себя в письме к венецианскому дожу «кралем Сербии, Дуклы, Хлума, Зеты, Албании и Поморья, владетелем не малой части Болгарскаго царства и господином почти всей Византийской империи». В том же году он титулует себя «кралем и самодержцем Сербии и Романии» и «царем и самодержцем Сербии и Романии». Провозгласив-

ши себя царем не только сербов, но и греков, Душан окружил себя обстановкой византийских императоров, ввел придворный византийский церемониал, учредил должности и чины по византийскому образцу и с греческими названиями. Занявши восточную Македонию, населенную преимущественно греками, он оставил при своих должностях греческих чиновников с их титулами и жаловал новые; управление в новоприобретенных областях оставлено было старое, византийское. В восточной Македонии было много поместий, принадлежавших знатным византийским фамилиям, и оставление за ними прежних прав и привилегий должно было служить к успокоению местнаго населения. Равным образом за греческим духовенством утверждены были права их на владение населенными имениями и сделаны новыя пожалования. Близ Сереса находился знаменитый монастырь Иоанна Предтечи на Меникейской горе; ктиторами его были византийские императоры и богато его украсили и наделили землями; Душан и в отношении его не хотел уступить византийским императорам и, подтвердив прежния права, с своей стороны щедро одарил. Афон с его многочисленными и влиятельными монастырями оказался теперь во владениях Душана и был осыпан милостями новаго царя.

Учреждение сербской патриархии и венчание Душана на царство

Принявши титул царя сербов и греков, Душан постарался укрепить его за собою выполнением всех тех формальностей, какия практиковались в Византии. Требовалось венчание на царство патриархом. Так как сербская церковь имела только архиепископа, то первою заботой Душана было возведение сербскаго архиепископа в патриархи. Ни принятие титула царя греков, ни возведение архиепископа в патриархи не было новостью в истории Балканскаго полуострова: еще в X веке Симеон болгарский провозглашал себя царем болгар и греков; то же делали и государи второго Болгарскаго царства; последние учредили болгарский патриархат в Тернове, при том с благословения вселенскаго патриарха (и др. восточных) и собора (в Лампсаке, в 1335 г.) из греческаго и болгарскаго духовенства. То же предстояло сделать и Душану. Но при данных обстоятельствах, не владея Константинополем (при учреждении болгарскаго патриаршества Константинополь был в руках латинян), Стефан Душан не мог разсчитывать на согласие цареградскаго патриарха и вынужден был ограничиться только согласием того греческаго духовенства, которое находилось в его владениях; привлек он и болгарское духовенство, во главе с патриархом терновским; этого достигнуть было не трудно, так как царем болгарским был Александр I, родной брат жены Душана Елены; при том же после победы при Вельбужде Сербия имела сильный перевес над Болгарией, и с царем Александром Душан находился постоянно в мирных и дружественных отношениях. 16 апреля 1346 г. состоявшийся в столице Сербии—Скопии церковный собор, на котором присутствовал болгарский патриарх Симеон со своими епископами, автокефальные архиепископы сербский и охридский и епископы сербских и греческих областей Душанова царства, наконец, прот, игумены и старцы от всех афонских монастырей, возвел сербскаго архиепископа Иоанникия в патриархи сербские, а новый патриарх при торжественной обстановке венчал на царство сербов и греков Душана по византийскому ритуалу. Конечно, цареградский патриарх не мог признать действия собора законными и произнес на сербскую церковь отлучение (в 1352 г.), снятое лишь гораздо позже, при царе Лазаре (в 1375 г.). Душан этим обстоятельством, впрочем, не смущался, он разсчитывал добиться признания себя императором, когда сделается фактическим обладателем Константи-

нополя. Теперь же он спешил вознаградить сербское и греческое духовенство за оказанную услугу и приобрести его расположение и на будущее время раздачей земель и утверждением прежних владений. Особенно щедро одарены были греческие и сербские монастыри Афона и основанная им самим задушбина (церковь для поминовения души строителя)— ц. св. архангелов Михаила и Гавриила около Призрена; он делал также богатыя пожертвования в разныя церкви в Иерусалиме. Свое внимание и благодарность пользовавшемуся огромным авторитетом на всем Востоке Афону Душан выразил и личным путешествием туда: в 1347 г. он вместе с супругой своею Еленой и значительною свитой провел на Афоне около четырех месяцев, посещая разные монастыри и делая богатыя приношения.

Подражание Византии

Провозгласивши себя царем (василевсом), Душан создал вокруг себя и царскую обстановку: важнейшие его сотрудники и вельможи получали титулы и должности по византийскому образцу; так, шурин его Оливер получил титул деспота, другия лица получили титулы кесаря, себастократора, протобестиария, логофета и т. д. В провинциях с греческим населением в административных делах и в церкви оставлен был греческий язык, управление совершалось по греческим законам; Душан издавал грамоты (хрисовулы) на греческом языке и сам подписывался по-гречески. Он старался также привлечь к себе греческую аристократию и покровительствовал брачным связям сербских вельмож с греческими фамилиями, близкими к царствовавшим династиям; вследствие подобнаго брака знаменитый полководец Душана, деспот Оливер, получил даже прозвание Комнина.

Новыя завоевания

С принятием титула царя сербов и греков, Душан не прекратил своих завоевательных войн, напротив—он с новою силой продолжал свои завоевания на юге: вслед за Македонией он в несколько походов отнял у византийцев Эпир, Акарнарию, Этолию и Фессалию. В то же время он усиленно хлопотал о союзе с Венецией, прямо указывая на то, что главною своею целью он ставит завоевание византийской столицы, но сделать этого не может, так как не имеет флота. Он не раз пользовался услугами Венеции по доставке оружия, наемных войск и разных товаров, давая с своей стороны право свободной торговли венецианским купцам и обещая оказывать и военную помощь в борьбе Венеции с ея врагами. Но Венеция, удовлетворивши давнишнюю просьбу Душана о даровании ему с семейством прав венецианскаго гражданства (на тот случай, если бы обстоятельства заставили его оставить родину), решительно отказалась от союза с предлагаемою целью, ибо она сама имела виды на византийския владения, и быстрое возрастание могущества ближайшаго соседа дорогого для Венеции далматинскаго побережья не могло не быть для нея опасным.

Борьба с Кантакузином

Пока во Фракии продолжались междоусобныя войны византийских партий Палеолога и Кантакузина, Душану легко было производить завоевания на западе. Но когда Кантакузин занял престол в Константинополе, Стефан Душан лишился уже прежней свободы действий на западе; его попытка овладеть Солунем, этим важнейшим городом в западной части империи, кончилась полною неудачей. Кантакузин, правда, также не обладал большим войском, но он был искусный дипломат. Так, вступивши в борьбу с хозяйничавшими в Галате генуэзцами, он вступил в союз с вечными врагами последних—венецианцами. Кроме

того, Кантакузин давно уже для достижения своих целей пользовался услугами турок-османов, выдал даже дочь свою за эмира Орхана. Опустошения турецких полчищ, вызывавшихся византийскими партиями, не ограничивались византийскими провинциями: они простирались не раз и на владения Душана. Особенно сильно пострадали сербския новыя владения на юге в 1350 г., во время предпринятаго Душаном (в отместку венецианцам за отказ в союзе) похода на Босну, когда Кантакузин, с помощью турок, отвоевал юго-западную часть Македонии, всю Вотиею, проник в Албанския земли и в Фессалию.

Союз с турками

Видя грозную силу, которую представляли турки, Душан, по примеру Кантакузина, сам захотел воспользоваться их помощью для достижения своих целей; он завел сношения с Орханом и предлагал свою дочь в замужество за одного из сыновей Орхана. Орхан был не прочь вступить в сношение с сербским царем, но ловкий Кантакузин успел разстроить эти планы. Испытав эту неудачу, Душан попытался было вмешаться в византийския усобицы, он предложил свои услуги зятю Кантакузина, Иоанну Палеологу, в достижении престола и послал семитысячный отряд сербскаго войска, но этот отряд был весь истреблен на берегу Марицы близ Димотики неожиданным нападением турок, шедших на помощь Кантакузину под предводительством храбраго сына Орхана, Сулеймана (осенью 1352 г.).

Отношения к Западу

Последние годы своего царствования Душан посвятил деятельности на северо-западе. «Быстрый рост могущества Душана явился для Запада неожиданностью, весьма неприятною. Завоевание Македонии, венчание в цари сербов и греков, присоединение Эпира, Фессалии, Этолии и Акарнарии, победоносное вторжение в Босну и Захолмье, все эти события, следовавшия чрезвычайно скоро одно за другим, естественно встревожили тех латинян, которые непосредственно были озабочены утверждением своего владычества на полуострове. Анжуйцы были совсем стеснены в Албании, Венеция боялась за свои владения в Евбее, Греции и Далмации, ахайский и афинский герцоги считали небезопасными от сербскаго завоевания свои земли в Элладе и Пелопоннесе, угорский король безпокоился за Босну и Захолмье. Для всех их становилось ясно, что вместо Византийской империи, дележем которой были они заняты вместе с другими западными народами, создалось новое сильное государство, угрожавшее обнять весь полуостров. Государство это в полном смысле слова готовилось стать второю Византией, оно выступало носительницею идеалов и стремлений, которыя в течение многих веков отстаивались восточною империей. «Став царем, он резко заявлял себя государем православным». «Он не счел нужным, подобно своему предку Стефану Первовенчанному или болгарскому царю Калояну, искать на Западе, у папы, санкции совершенной им политической узурпации, а постарался найти эту санкцию в пределах греко-славянскаго мира» (Южн. слав, и Виз. II, 247—248). Интересы католическаго мира прямо затронуты были некоторыми мерами внутренняго управления Душана. В сербских землях царства Душанова издавна существовало много католических церквей; католическое духовенство ревностно занималось пропагандой. Душан ограничил свободу действий католическаго духовенства: законом был воспрещен переход из православия в латинство, а совращенные «в азимство», т. е. латинство, обязаны были возвращаться в православие под угрозой наказания. Пришлые же латиняне сохранили свободу богослужения и церковнаго управления. Папский престол не мог оставить без внимания таких мер сербскаго царя и

постоянно обращался к соседним с Сербиею латинским государям и владетелям с побуждением принять меры в защиту латинства. В 1353 году на защиту католической веры против Душана выступил король венгерский Людовик Великий. К этому побуждала его не одна ревность к католической вере и интересам папства, но и боязнь за судьбу Босны, подунайских областей и далматинских городов. В Босне же был центр латинской миссионерской деятельности: явившиеся сюда для борьбы с богомильством францисканцы и доминиканцы старались, и не без успеха, обращать в латинство и схизматиков, т. е. православных. Людовик требовал от Душана принятия католической веры и признания верховной власти угорскаго короля. Душан, разумеется, на такия условия не согласился, и в Босне произошло столкновение, сопровождавшееся большими потерями с той и другой стороны. На следующий год Людовик готовился к новому походу, но Душан отвратил его посредством дипломатической уловки: он отправил торжественное посольство к папе с заявлением своей готовности признать главенство римской церкви и возвратить полную свободу латинству в своем государстве; кроме того, он просил папу «назначить его от имени церкви капитаном против турок», т. е. благословить его на крестовый поход против неверных. Обрадованный этим папа отклонил Людовика от новаго похода на Сербию, но со стороны Душана обращение к папе было только коварною дипломатической уловкой; на деле он и не думал исполнить те обещания, какия давал папе. Мстителем за этот обман явился тот же Людовик, с благословения и поощрения папы объявивший крестовый поход против сербов, но вследствие смерти Душана поход этот не состоялся теперь: Людовик решил воспользоваться случаем, чтобы отнять у Венеции Далмацию, что ему и удалось. Расправа с сербами последовала уже при преемнике Душана.

Смерть Душана

Сербския народныя песни и поздния историческия свидетельства говорят, что Душан умер во время похода с большим войском на Царьград. Но в такой форме народ, очевидно, лишь выразил свой взгляд на Душана, как на государя, конечную цель котораго составляло завоевание Константинополя, ибо достоверныя историческия известия говорят, что Душан умер 20 декабря 1355 г. в пределах своих владений, именно в Призрене. Он умер, не достигши объединения сербских земель, к которому он и не очень стремился: все его усилия употреблены были на завоевание византийских провинций, заселенных отчасти сербами, но главным образом болгарами, албанцами, валахами (румынами балканскаго полуострова) и греками. Он умер, не приобретши Сербии надежных союзников, а, напротив, создавши врагов во всех своих соседях; ему не удалось привлечь на свою сторону и турок, которые теперь утвердились на европейском материке в Галлиполи, откуда постепенно стали расширять свои владения, являясь грозною силой на Балканском полуострове. Все планы Душана стать царем сербов и греков после его смерти разлетелись в прах; они не соответствовали той фактической силе, культурной и материальной, какою владели сербы. Современный византийский историк Никифор Григора так отзывается о стремлениях Душана после взятия им Сереса: «Теперь краль, превзойдя самого себя и усвоив слишком неумеренную надменность, думал, что уже ничто не остановит распространения могущества и верховной власти над остальными греческими землями вплоть до самой Византии, и провозгласил себя царем ромеев и варварский образ жизни переменил на обычаи ромеев и торжественно возложил на себя тиару и все особенныя одежды, усвоенныя этому высокому

сану. И предоставил он сыну управлять по сербским законам страною от Ионическаго залива и реки Истра до города Скопия, определив границею его владений реку Аксий (Вардар); себе же взял греческия земли и города до Христопольских проходов для управления ими по установлениям и обычаям ромеев». Итак, образованное Душаном государство во внутреннем устройстве отличалось двойственностью; славянский и византийский элементы стояли рядом, при чем сам Душан симпатизировал последнему и, конечно, в случае достижения своих конечных целей он доставил бы ему полное господство.

«Законник» Душана

Распространив границы своих владений, Душан позаботился законодательным путем упорядочить внутреннюю жизнь. Памятником его законодательной деятельности является его известный «Законник», редактированный на соборе в 1349 г. и дополненный впоследствии; он служит одним из важнейших источников для ознакомления с внутреннею жизнью Сербии того времени, с внутреннею политикой Душана. Законник Душана не содержит никаких коренных преобразований, но лишь подтверждает и узаконяет тот порядок вещей, который сложился ранее, внося лишь некоторыя частныя улучшения. Из этого памятника и из других источников видно, что внутренний строй Сербии не отличался совершенствами, напротив—в социальной жизни было много темных сторон. В Сербии видим резкое деление населения на сословия. Властели, великие и малые, и духовенство являются привилегированными сословиями; исключительно в их руках находится власть и политическия права в стране. На соборах для решения законодательных и других государственных вопросов, кроме царя и патриарха, присутствуют властели и церковники, великие и малые. От участия в таких делах устранены *себры*, т. е. свободное население невластельскаго происхождения; Законник отнимает у них даже право собираться на общинныя сходки или соборы по древнему обычаю. Местное управление передается кефалиям, т. е. царским чиновникам или землевладельцам из дворянства (властелей) и духовенства. Властели владели огромными населенными землями на правах *баштины*, или наследственной собственности, и *прони*, или временнаго привилегированнаго пользования. Баштинники, напоминающие западно-европейских феодалов, получили в Законнике установление полной неприкосновенности владений баштиной, которую ни царь, ни царица, ни краль не могли насильно ни отнять, ни купить, ни выменять; баштины освобождены были от всех работ и царских повинностей. Баштинники платили однако *сок*, т. е. поземельную подать, и обязаны были служить в войске. Все повинности, лежавшия на населении, поступали в пользу владельца баштины. Властели, кроме того, пользовались некоторыми льготами при вызове в суд, при судебных наказаниях и взысканиях. Себры, не имея политических прав, стояли гораздо ниже властелей и в других отношениях. За убийство себра властелин наказывался пеней в 1000 перперов, а себр, убивший властелина, лишался обеих рук чрез отсечение и сверх того уплачивал 300 перперов; за оскорбление себра властелин платил 100 перперов, а себр, оскорбивший властелина, сверх такой же пени, подвергался клеймлению. С развитием баштиннаго права себров становилось гораздо меньше; они переходили в состояние *меропхов*, или людей зависимых, живших на чужих землях; они платили баштиннику или прониару повинности, отправляли на него барщину, подчинены были его административной власти, а иногда и суду. Законник лишил их последней льготы—права перехода, он обратил их в полных крепостных. Впрочем в Законнике есть статьи, ограждающия ме-

ропхов от насилий землевладельцев: определяется размер повинностей меропхов относительно баштинников и прониаров, запрещается требовать что-либо сверх определеннаго законом. Существовало в Сербии и полное рабство, *отроки*; они составляли частную наследственную собственность властелей; только в приданое не мог быть отдан отрок; отроки лишены были права искать суда перед царем. Другия статьи Законника касаются весьма разнообразных предметов: монастырей, в которых вводится общежительное устройство, нецерковных браков, судопроизводства с целью обезпечения в судах правды и законности, утверждается независимость судей от верховной власти в судебных делах, статьи против самоуправства, поборов кефалий и судей, устанавливалась такса судебных пошлин; были статьи относительно грабежей, разбоев, воровства и др. насилий, в которых часто были виноваты и властели.

Торговля

Законник, как и другие памятники, содержат интересныя известия о положении торговли и промышленности. И та и другая были довольно развиты в Сербии, но находились в руках иностранцев, которые не только являлись на время, но заводили постоянныя и многочисленныя колонии. Торговля почти вся принадлежала дубровчанам и отчасти венецианцам. Дубровчане пользовались большими привилегиями. Главною отраслью промышленности, процветавшею в Сербии, была разработка рудников, которою занимались немецкие поселенцы—саксы. В Законнике установлены были ограничения и запрещения относительно рубки лесов и занятия расчищенных земель новыми немецкими переселенцами. За иностранными торговцами и промышленниками шла латинская пропаганда, о мерах против которой упомянуто было выше. В Законнике есть статьи, выражающия заботу правительства о бедных и убогих: заботиться о них предписывается судьям и настоятелям церквей.

Влияние византийскаго права

Хотя Законник является выражением правовых отношений, ранее выработавшихся в Сербии, но во многих статьях его видно прямое влияние византийскаго права. При Душане последнее получило в Сербии еще большее распространение и применение. Кроме издания Законника, Душану принадлежит официальное издание переводных византийских законодательных сборников. Как раз в то время появился в Византии труд Матвея Властаря «Синтагма»—обстоятельный систематический сборник византийских церковных и гражданских законов; из него и было сделано большое извлечение в сербском переводе по преимуществу законов гражданских. Другая переводная компиляция законов, появившаяся в то время, носит название Закона царя Юстиниана и содержит переделку некоторых статей так называемаго «Земледельческаго закона», Прохирона Василия Македонянина или так называемаго в Кормчих «Градского закона».

Значение законодательной деятельности Душана

Законодательная деятельность Душана делает ему большую честь, как государю. Несмотря на недостатки, изданные им законы должны были служить утверждению гражданственности и свидетельствуют о значительном культурном движении в Сербии в его время. О том же говорят и многочисленные памятники письменности того времени. Значительное литературное движение, возникшее в его время преимущественно на Афоне, разви-

валось в Сербии и после, когда историческия обстоятельства быстро лишили Сербию того политическаго значения и могущества, котораго она достигла при Душане. Как известно, политическая независимость Сербии пала после знаменитой Косовской битвы 1389 г.

М. Соколов.

LXIX. Косовская битва

I

Урош Стефанович

Чтобы успехи, достигнутые Сербией при Стефане, могли навсегда упрочиться, страна нуждалась в мудром и осторожном, отважном и дальновидном государе, который мог бы достигнуть теснаго слияния новых земель со старыми и в силах был преодолеть внешния невзгоды, начинавшия обнаруживаться в только что созданной державе.

Не таков был сын его Урош, 18-летним юношей занявший сербский престол, котораго летописец сербский характеризует словами: «был он молод умом, необыкновенно милостив и кроток». Последствия перемены на сербском престоле не замедлили обнаружиться.

Распространяя границы Сербии далеко за ея пределы, Душан принужден был в каждой из вновь присоединенных областей поставить своих наместников. И в собственных сербских землях успели выдвинуться своим влиянием и положением отдельные вельможи.

Мощная рука Стефана умела держать в повиновении всех этих правителей. Не то стало при Уроше. Тотчас же по его воцарении начались в Сербии смуты. Синиша, правитель Этолии, дядя Уроша, выступил против племянника, быть может, во имя прав старейшинства. Хотя он и не имел успеха в этом предприятии, но Фессалия и южный Эпир навсегда отпали от Сербии. В верхнем Эпире самостоятельными властителями явились Карл из дома Топия, завоеватель Драча, и Балша.

Греки в Царьграде точно также поняли, что настало удобное время возстановить свою власть в отнятых Душаном провинциях. Они старались привлечь на свою сторону сербских вельмож в Македонии, что и удалось им в области между Струмой, Местом и Егеем.

Те же стремления к независимости от единой государственной власти стали обнаруживаться и в коренных сербских землях. Рядом с Балшей и его сыновьями в Зете, захватил власть в соседних Требинье и Хлуме жупан Войслав, сын Война. При самом Уроше получили силу бывшие его советниками вельможи. Самым влиятельным из них был Вукашин.

Его значение при дворе Уроша было столь велико, что в 1361 году дубровицкое вече в спорном деле с Сербией вынуждено было обратиться не только к Урошу, но и к нему, как лицу, от котораго вполне зависел успех дела. В 1366 году Вукашин принял титул короля Сербии, как его величают дубровницкие памятники этого года. С того времени фактически он был правителем Сербии, Урошу остался один титул царя. До недавняго времени Вукашину приписывалась насильственная смерть Уроша, изследования новейших историков оправдывают Вукашина от обвинений в цареубийстве. Но уже тем самым, что Вукашин принял королевский титул, был нанесен сильный удар основам, на которых до тех пор покоился сербский престол.

В то время как Сербия в течение 15 лет распадалась, росла сила турок.

Ни Византия ни Болгария не могли дать им отпора. В Византии господствовали раздоры и междоусобия, при чем одна сторона призывала турок на помощь против другой. В Болгарии происходило то же, что и в Сербии. Рядом с царем Александром Иоанном в области Камчии самостоятельно владел воевода Добротич, в области Видинской племянник царя Иоанн Срацимир.

При таких обстоятельствах сын Орхана, воинственный Мурат, сокрушив в Азии сельджуков и завоевав Ангору, перешел в 1360 году Геллеспонт и в течение пяти лет овладел Фракией от Мраморнаго моря до Балкан и от Понта до Родопа и перенес столицу в Адрианополь на берега Тунджи.

Таким образом, скоро после смерти Душана Сербия на своих восточных границах встретилась с Турцией лицом к лицу. Столкновение между сербами и турками стало неизбежно, являлся лишь вопрос: кто начнет.

Брат Вукашина *деспот*[1] Иван Углеша убедил предупредить нападение турок. Соединенное сербское войско с Вукашином, деспотом Углишей и воеводой Гайком двинулось во Фракию с целью изгнать турок из Европы. Мурат с главными силами находился в это время в Малой Азии. На реке Марице, между Черноменом и Херманли, вождь турецкаго отряда Илбек врасплох напал ночью на сербов и, несмотря на меньшия силы, разбил сербское войско 26 сентября 1371 г. Вукашин с братьями и множество сербских вельмож погибли в битве.

Княжение Лазаря

Вскоре после этого поражения скончался Урош. С его смертью прекратилась династия Неманичей. Явились два претендента на сербский престол. Одним был сын Вукашина Марко, другим Лазарь Гребляновић. Верховная власть перешла к Лазарю, который еще молодым был приведен ко двору Стефана, был женат на дочери князя Вратка из рода Вуканова и приходился сродни Неманичам, а при Уроше был влиятельным советником. Но Лазарь уже не носил ни царскаго ни королевскаго титула и подписывался только «князь и самодержец всей Сербской земли».

Со смерти Уроша правители сербских областей еще более стали стремиться утвердить свою независимость и распространить границы своих владений на счет государственнаго

1 Титул придворнаго сановника, заимствованный сербами у византийцев. Позднее после падения Сербскаго царства его носили и сербские государи, напр., Стефан деспот (сын Лазаря).

единства.

В западных областях в этом духе действовали Балша и Николай Алтаманович.

В юго-восточных областях владели наследники Душанова *севастократора*[1] Деяна, супруга его Евдокия и сыновья Иван Драгаш и Константин, который чеканил монету с своим именем. Так как эта область граничила с Самоковым и Ихтиманом, которые были заняты турками, то Деяновичи первыми принуждены были покориться Мурату с обязательством платить ему дань и помогать войском. Таким образом, после 1371 г. восточная половина Македонии была потеряна для Сербии.

Западная часть Македонии также была самостоятельной. В ней господствовал сын Вукашина—король (как видно из монет с его именем) Марко с братом Андреем. Столицей их был Прилеп. В Охридской области владел жупан Ропа, который также чеканил свою монету.

Во власти Лазаря оставались таким образом сербския земли по течению Дрина, Лима, Ибра и Моравы и по верхнему течению Вардара. Но и здесь с запада к Дрине и Лиму простиралась власть жупана Николая. Задачей Лазаря было упрочить государственную власть в этих исконных сербских землях. Здесь Лазарю нужно было подчинить себе Николая Алтамановича и Юрия Балшича. В 1374 г. Лазарь разбил перваго и занял его владения, но земли Балшича перешли к боснийскому бану Твердку, который стал владетелем приморья до Котора.

В 1376—7 г. Твердко провозгласил себя королем не только Боснии, но и Сербии, предъявляя притязания на королевский титул, как родственник Неманичей. Таким образом, после 1377 г. в сербских землях мы видим короля и князя, которые оба ведут свой род от Неманичей. Несмотря на это, Твердко и Лазарь оставались в мире друг с другом, действуя один в западных, другой в восточных краях Сербии. В Сербии Лазарь нашел вернаго помощника в своем зяте Вуке Бранковиче, сыне Душанова севастократора Бранка Младеновича.

Пользуясь слабостью христианских государств Балканскаго полуострова, которыя страдали от разложения государственнаго единства, турки с успехом распространяли свою власть на Балканском полуострове. Их завоевания шли в двух направлениях: с одной стороны, из Македонии в Албанию и приморье, с другой—из Фракии в придунайския земли. Движение турок облегчалось тем, что их нередко призывали на помощь один против другого мелкие областные правители. Так Фома, сын Прелюба, призвал Тимурташа на помощь против албанских вельмож. В северном Эпире Карл Топиа призвал турок в борьбе с Балшей II. Тимурташ, пробиваясь к Адриатическому и Ионическому морям, занял города Щип, Прилеп, Битоль.

Два последние лежали в области Марка. Когда между Марком и жупаном Ропой открылась борьба из-за Котора, Марко призвал на помощь турок. Таким образом со времени битвы на Марице турки успели подчинить своему влиянию юго-западныя области Душановой Сербии от Родопа до Адриатическаго моря. Македония и Эпир еще не были присоединены к Турции, но их правители уже находились в вассальной зависимости от султана. С такою

1 Точно также заимствованный у византийцев придворный титул «*σεβαστοκρατωρ*».

же быстротой распространяли свою власть турки и в Подунавье. Здесь задачей турок было воспрепятствовать сближению и единодушным действиям Сербии и Болгарии. Клином врезались турки среди двух соседних держав. Особенно сильный удар нанесен был Сербии и Болгарии занятием Софии. После этого Лазарь принужден был выступить на защиту сербских земель по течению Моравы; во главе турок против него стал сам Мурат. В 1386—7 годах кровавая борьба происходила около Нишавы и Топлицы, двух притоков Моравы.

На Нишаве лежала очень важная крепость Ниш, откуда через два балканских прохода шел путь в Видин, тогда столицу Срацимира. Сам Мурат руководил осадой этого города, который после долгаго сопротивления должен был сдаться (1386 г.). После сдачи Ниша Лазарь двинулся на защиту топлицкой линии, которая открывала путь в самое сердце его владений. В 1387 г. ему удалось разбить Мурата около Плочника на Топлице, но эта победа не надолго остановила турок. Поражение на Топлице было для турок лишь новым побуждением напасть на Сербию с еще большею силой, что и случилось на Косове.

Битва на Косовом поле

Ближайшие по времени источники дают о Косовской битве весьма скудныя сведения. Из письма дожа к венецианскому посланнику в Царьграде и Адрианополе видно, что, спустя месяц после Косовскаго боя, в Венеции было известно только то, что погиб султан Мурат, о судьбе Лазаря в нем умалчивалось, равным образом не было упомянуто ни о месте, ни о дне битвы.

Боснийский король Степан Твердко письмом извещал трогирскую общину о победе, одержанной им над турками 15-го июня 1389 г. Так же он писал и флорентийской общине.

Последняя, собрав сведения из устных разсказов, в ответном письме приветствовала короля с одержанною им победой. Из двух последних писем видно, что на Запад тогда дошли вести, что бой с турками, которыми предводительствовал Мурат с двумя сыновьями, происходил 15 июня в Видов день[1], на Косовом поле, что бой был кровавый, что двенадцать вельмож, поклявшись погубить султана, проникли в султанский шатер и один из них заколол Мурата мечем, вследствие чего остальные были умерщвлены над трупом султана, и, наконец, что турецкое войско, потеряв вождя, было разбито. В этих двух письмах победа приписывается боснийскому королю, а не князю Лазарю. Вероятно, эти вести шли от самого Твердка, который считал себя королем Боснии и Сербии и случившееся на Косовом поле вменял себе в заслугу.

Более точныя сведения о Косовской битве находим у русскаго путешественника дьякона Игнатия, который сопровождал в Царьград митрополита московскаго Пимена, вместе с которым был и смоленский епископ Михаил. На обратном пути из Царьграда 12—13 дней спустя после битвы русские путники узнали, «что царь Мурат пошел с войском на сербскаго князя Лазаря, и, как слышно, оба пали на поле битвы. Сначала обманом убил Мурата верный слуга Лазарев Милош, тогда турки выбрали царем Баязета, одержали верх над сербами, Лазаря захватили живым в плен, а с ним и многих его воевод и бояр, одних убили, других захватили живыми. По приказанию султана, Лазарь был усекнут мечем. Битва происходила на Косовом поле».

1 15 июня—день памяти мученика Вита, по сербскому произношению Вида, откуда прилагательное Видов.

Из турецких источников *фирман*[1] султана Баязета, данный *кадию*[2] Бруссы, куда было перенесено с Косова тело Мурата, сообщает следующия подробности: «Когда дойдет до вас настоящий фирман, да будет известно, что после победы, одержанной волей Божиею на Косове, мой отец султан Мурат, котораго жизнь была счастлива, а смерть мученическая, несмотря на то, что после виденнаго им сна он молил Всевышняго даровать ему мученическую кончину, цел и невредим вернулся с поля битвы в шатер, высоко поднимавшийся к небу; и в то время, как мы испытывали величайшую радость, смотря, как отрубленныя головы банов валялись под конскими копытами; как одни стоят с связанными руками, а другие с пробитыми мышцами; вдруг совершенно неожиданно некто, по имени Милош Кобилич, с лукавством и притворством сказал, что он принял ислам, умоляя принять его в ряды победоноснаго войска. И когда был допущен поцеловать ногу светлаго государя, вместо того, чтобы это исполнить, неустрашимо направил он в славное тело пресветлаго царя отравленный нож, спрятанный в рукаве, и, нанесши им тяжкую рану, напоил его мученическим шербетом[3]. После того как сказанный Милош это дело исполнил, он бежал перед воинами, которые блистали как на небе ясныя звезды, но был настигнут храбрыми воинами и на куски изрублен. Услыхав о случившемся, я направился к одру мученика, но застал его уже мертвым; в то же время случилось, что и брат мой Якуб-бег отправился в вечность. С надежными людьми отправил я носилки с телом моего отца, чтобы предать его погребению в Бруссе. Когда прибудет тело, вы его предадите погребению, никому не сказав о случившемся, напротив покажете перед народом знаки победы, чтобы неприятели не могли ничего заметить».

Из этого фирмана узнаем, что прозвище Милошу было «Кобилич», а не «Обилич» (последнее встречается не ранее XVIII в.). Узнаем подробности о смерти Мурата, что он был убит в шатре в отсутствие Баязета. Узнаем, что брат Баязета также умер на Косове (Баязет не говорит отчего, но позднейшие историки говорят, что он был убит по приказанию брата). Наконец, интересен тон фирмана: в нем не превозносится до небес победа турок, умалчивается о покорении Сербии; до некоторой степени этим объясняется взгляд на Косовскую битву на Западе. Все упомянутые источники согласны в существенных пунктах. Согласны относительно места битвы, дня и года, имен и смерти главных противников, Мурата и Лазаря, из которых первый был убит Милошем, второй усекнут по приказанию султана; согласны и в том, что дорогою ценой купили турки победу, так что на Западе она была приписана христианскому оружию, чем и гордился король боснийский.

Позднейшие источники, как сербские, так и иноземные, передавая по существу те же сведения, отличаются лишь более или менее частными подробностями. В некоторых из них приводятся новыя имена участников боя, напр., Юг Богданович, Милош Омилевич, Степан Мусич, Милан Косанчич (позднейшия сербския летописи), Вук Бранкович, Влатко Вукович (дубровницкая летопись). Иногда сообщаются цифры, определяющия численность противников: 300,000 турок против 100,000 сербов (житие Стефана Лазаревича).

Чем далее, тем более в исторический разсказ начинают проникать народныя предания. Так, напр., у итальянскаго переводчика византийскаго писателя Дуки, вероятно, родом

1 Турецкое слово—приказ, грамота султана.

2 Турецкое слово—судья.

3 Сладкий напиток турок.

дубровчанина или далматинца, в первый раз неудача сербов приписывается измене, в которой обвиняется Драгослав Прибишич.

Позднее в этой измене, вопреки исторической истине, стали обвинять зятя Лазаря Вука Бранковича; в первый раз это обвинение встречаем у Мавра Орбини. Из турецких источников подробностями, заимствованными, по всей вероятности, из устнаго предания, сохранившагося у турок, отличается разсказ Нешри. У него говорится о поводе к войне (борьба из за Пирота), подробно описывается ход войны и движение турецкаго войска. Нешри преувеличивает силу сербов, насчитывая в их войске 500,000. В числе союзников сербов называет он: немцев, волохов, арнаутов, венгров, чехов и болгар.

Согласно турецким источникам выходит, что Лазарю удалось составить союз христиан, которым после сербов всего более грозила опасность со стороны турок. Но не так было на деле. Даже и сербския войска не были в полном составе под знаменами Лазаря.

Македония была, наоборот, в противном лагере. Константин, правитель восточной ея половины, вероятно, не один был в войске Мурата. Король Марко, как можно заключать из молчания источников, не был на стороне сербов.

В Фессалии, Эпире и Албании господствовали смуты. Болгарский царь Шишман, зять Лазаря, не мог прийти ему на помощь; в 1388 г. он признал вассальную зависимость от турок. Молдавия и Валахия в это время отстаивали свою самостоятельность против Венгрии. Воевода молдавский Петр и валашский Мирча искали себе защиты в Польше и в самый год Косовской битвы заключили союз с королем польским Владиславом. Венгрия не могла быть в союзе с Сербией: в 1389 г. король Сигизмунд собирался итти в поход против Лазаря. Хотя до столкновения дело и не дошло, но не могло быть и речи о союзе. Итак, очевидно, что на Косовом поле с сербами не было отрядов ни болгарских, ни албанских, ни валашских, ни венгерских. Этот союз вымышлен турками, чтобы в большем блеске представить свою победу над неверными.

Весьма вероятно, что босняки сошлись вместе с сербами на Косовом поле. Боснийский король Твердко был в согласии с князем Лазарем, который в свою очередь поддерживал его в защите независимости Босны от Венгрии. Вождем босняков в этой битве был воевода Влатко. Вместе с босняками, очень возможно, был на Косовом поле и отряд хорватов под предводительством Ивана Хорвата, который был около того времени в Босне.

Поражение сербов на Косове имело роковыя последствия для политической и духовной жизни сербскаго народа. Правда, и после Косовской битвы продолжалось существование сербскаго государства. Баязет признал наследником Лазаря его старшаго сына Стефана. Но Стефан должен был признать вассальную зависимость от турецкаго султана, платить дань туркам и помогать им войском. «И Стефан, поставленный по воле Баязета господарем Сербской земли, свято хранил данную ему клятву верности—говорит про него историк Сербии,—и, спасая свою личную честь, губил отечество. Милица правила за него Сербией, а он терял цвет сербскаго народа, сражаясь с христианами и неверными в рядах турецкаго войска и в пользу Турции».

Потеря политической самостоятельности неблагоприятно отразилась и на успехах просвещения в Сербии. Будучи отрезана от западной Европы, с которою до сих пор она находилась в постоянных сношениях, Сербия лишилась возможности воспринять идеи гуманиз-

ма и возрождения, которыя вызвали такой сильный переворот в духовной жизни Запада. При иных условиях и Балканский полуостров мог бы принять участие в этом движении, для котораго в Сербии представлялась достаточно подготовленная почва.

II

Сербские воеводы в песнях

Неудивительно, что событие, имевшее такое важное значение в истории Сербии, должно было оставить глубокие следы в сознании сербскаго народа. В превосходных эпических песнях народ воспел борьбу с турками на Косовом поле. Главный герой ея, князь Лазарь, стал центральным лицом целаго круга косовских песен, который от него получил и самое имя «Лазарицы». Мы перескажем содержание этих песен, пользуясь сборником Вука Караджича.

Дух эпохи в общих чертах нашел верное отражение в народной поэзии. События косовския и в народных песнях стоят в связи с предшествующею порой славы и могущества Сербии при царе Душане. Умирающий Стефан перед смертью созывает к себе в столицу Призрен сербских бояр выслушать его последнюю волю. Во главе вельмож оплакивает царя Вукашин. Его оставляет Стефан опекуном своего малаго сына Уроша: «Милый кум, король Вукашин,—говорит он ему,—даю тебе мое царство со всеми городами и воеводами, вручаю тебе моего *слабаго*[1] Уроша, четырнадцати-дневнаго младенца в колыбели; царствуй, кум, в продолжение семи лет, на восьмой год передай царство Урошу».

Вукашин отказывается от этой чести, ссылаясь на безпокойный характер своего сына королевича Марка. «Милый кум, король Вукашин,—отвечает ему Душан.—Если я держал в своих руках всех воевод моего царства, то ужели тебе не справиться с родным сыном?»

Шестнадцать лет царствовал Вукашин; народ страдал от насилия; кто носил шелковое платье, оделись в суконное.

Подрос и молодой Урош. Призывает он к себе старую мать и просит у нея наследство, «отцовский кусок хлеба». Мать ему отвечает: «Есть хлеб, да у другого, у кума Вукашина. Твой отец на смертном одре поручил царство куму, королю Вукашину, чтобы семь лет царствовал, а на восьмой год передал царство. А он продолжает царствовать 16 лет».

В этом поэтическом образе в народной памяти сохранилось вполне согласное с историей воспоминание о той властной роли, какую Вукашин играл при слабом Уроше.

Но народ в то же самое время считал эти притязания бояр незаконными; Сербское царство, по его воззрению, могло принадлежать лишь законному наследнику из дома Немани-чей.

Вукашин с своими братьями, деспотом Углешей и воеводой Гайком, и царевич Урош спорят о том, кому достанется Сербское царство, на Косовом поле у церкви Самодрежи. Каждый из соперников себе присвоивает царскую власть, молчит только слабый царевич Урош. Решить спор должен протопоп Неделько, который исповедовал и причащал Душана на смертном одре, у котораго в руках староставныя книги.

---

1 По-сербски народная песня дает Урошу эпитет «Неяк»—безсильный, слабый, прекрасно характеризуя характер этого государя.

Посылают в Призрен к протопопу, но он дает послам уклончивый ответ: «Мои дети—четыре гонца! Я причастил и исповедал славнаго царя, но спрашивал я его не о царстве, а о содеянных им грехах. Ступайте лучше в Прилеп к королевичу Марку. Он был при царе *писарем*[1], у него старо-ставныя книги. Марко скажет вам правду, никого он не боится, только истиннаго Бога». Гонцы уходят к Марку.

Марко отправляется в путь. На прощанье его мать Евросима заклинает сына не быть пристрастным ни к отцу, ни к дядям и говорить одну правду: «лучше лишиться жизни, чем погубить свою душу». Марко исполняет завет матери. Отец и дядя надеются, что он выскажется в их пользу. Но Марко в присутствии всех бояр, глядя в старославныя книги, обращается к соперникам с такими словами: «Отец мой, король Вукашин! или мало тебе твоего королевства, что ты домогаешься чужого царства? А тебе, мой дядя, деспот Углеша, разве мало твоего деспотства, что ты домогаешься чужого царства? А тебе, мой дядя, воевода Гайко, разве мало твоего воеводства, что и ты ищешь чужого царства? Книги говорят: Урошу следует царство, от отца осталось сыну».

В этой песне прекрасно выражены народныя симпатии к заслуженной династии Неманичей, и высказано осуждение властолюбивых притязаний сербских вельмож.

Князь Лазарь

Герой Косовской битвы князь Лазарь, согласно с историей, и в народных песнях является при дворе Стефана Душана.

Песня говорит о его женитьбе на Милице, дочери воеводы Юга Богдана, которую ему сватает сам Душан. Старославныя книги предсказывают, что Милица—суженая Лазаря, что ему достанется царство, что с нею Лазарь будет царствовать в Крушевце на берегу Моравы. Согласно преданиям сербской истории, сербские государи являлись верными сынами православной церкви. Каждый из них ознаменовал свое царствование построением какого-либо монастыря или храма.

И Лазарь является в песне строителем Раваницы. По одному варианту, начать постройку этой церкви склоняет Лазаря жена его Милица. Перечисляя ему *задужбины*[2] других Неманичей, она упрекает Лазаря, что тот до сих пор еще не успел построить церкви на помин по своей душе. Тронутый словами жены, Лазарь дает обещание построить великолепную церковь Раваницу на Ресаве у реки Равана: «Я выведу основание из олова, построю стены из *белаго*[3] серебра, покрою церковь *жженым*[4] золотом, унижу мелким бисером, разукрашу драгоценными камнями». Милош воевода останавливает Лазаря от намерения построить церковь с таким великолепием. Ссылаясь на старославныя книги, он предсказывает, «что близко последнее время. Турки завладеют царством, разрушат великолепные монастыри; выроют они тогда оловянное основание, сольют из олова пушечныя ядра и будут громить наши города; сломают они серебряныя стены, сольют из серебра сбрую коням, раскроют церковную кровлю и употребят золото на ожерелья своим женам; разнижут бисер и унижут им ожерелья своих жен, вынут драгоценные камни и насадят их на рукоятки своих сабель

1 Один раз встречается и в грамоте, но обычно в грамотах царский дьяк носит титул логофета.

2 Т. е. постройка на помин души, за-душу, откуда и объясняется этимология слова.

3 Эпитет к слову серебро, у нас «чистый».

4 Эпитет к слову золото, у нас «красный».

и на перстни своих жен. Послушай меня, славный князь Лазарь! Построим лучше церковь из мрамора; возьмут турки царство, а задужбина наша будет стоять вечно невредимою до Божьяго суда, от камня не достанется никому ни камешка». Лазарь благодарить Милоша за его совет.

Предсказанья староставных книг, наконец, сбываются, настает время турецкаго нашествия, близок час страшной борьбы с грозными врагами христианства. «Царь Мурат занял войсками Косово поле, он пишет *мелкое письмо*[1] и шлет в город Крушевац сербскому князю Лазарю: «Лазарь, владыка Сербии. Не бывало, да и быть не может, чтобы в одной земле да были два государя, чтобы одна рая платила двойную подать; не можем царствовать оба вместе. Пошли мне ключи и дани, золотые ключи от всех городов и дани за 7 лет. Если же не пошлешь, чего я требую, выходи на Косово поле, поделим землю саблями».

Получив такое письмо, Лазарь ручьем льет горькия слезы.

Косовский бой в песнях

Начинаются приготовления к бою. Лазарь призывает к борьбе с врагом всех сербских воевод. Кто не откликнется на призыв, тому грозит страшным проклятием: «кто не придет в бой на Косово, тому не дождаться плодов от труда своих рук; не уродится у того в поле белая пшеница, на горе виноградная лоза».

Пока идут приготовления к бою, один из воевод сербских Иван Косанчич, отправляется разведать силы турок. На разспросы своего побратима Милоша Обилича: «много ли войска у турок, можем ли мы вступить в битву с турками, можем ли одолеть турок?» Иван Косанчич отвечает: «сильное войско у турок, если бы все мы обратились в соль, и тогда бы не хватило соли на обед туркам; целые 15 дней ходил я по турецкому войску, нет ему конца и счета». Перечисляя занятыя турками места Косанчич изображает несметность турецких сил следующим сравнением: «конь наталкивается на коня, юнак на юнака, боевыя копья подобны лесу, словно облака движутся турецкия знамена, как снег белеют турецкие шатры; если бы ливень хлынул с высоты неба, ни одной капли не пришлось бы упасть на землю, все упало бы на добрых коней и юнаков».

Милош уговаривает Ивана не говорить правды князю Лазарю, «а то, пожалуй, встревожится наш князь и устрашится наше войско».—«Скажи лучше так: довольно войска у турок, но мы в силах вступить с ними в бой и легко можем их победить; ведь у них не боевое войско, а все старые *ходжи*[2] и поклонники, ремесленники и торговцы, никогда не видавшие боя, они пошли в поход, только чтобы прокормиться».

Собравшееся из разных краев сербское войско готово выступить против турок. За ужином Милица обращается к князю Лазарю с просьбой оставить с нею кого-нибудь из своих слуг: «Царь Лазарь, сербская золотая корона. Ты уходишь завтра на Косово, уводишь с собою слуг и воевод, никого из них не оставляешь при дворе, с кем бы можно было послать тебе письмо на Косово и получить от тебя ответ; ты уводишь и девять моих дорогих братьев, девять братьев, девять Юговичей: оставь мне хоть одного брата, кем бы я могла поклясться при случае»[3]. Лазарь спрашивает, кого из братьев желает она оставить в *белокаменных* па-

1 Эпитет к слову письмо, т. е. мелко написанный. В наших песнях: «ярлыки скоропечатые».

2 Ходжа—слово турецкое, значит священник (мусульманский).

3 Сестра у сербов клянется именем брата.

латах. Узнав, что Милица желает иметь при себе Бошка Юговича, Лазарь говорить ей: «Госпожа моя царица Милица! Когда завтра разсвенет белый день, разсвенет белый день и засветит солнце, отворятся городския ворота, выйди ты к городским воротам, там пойдет войско, выстроенное полками, все конные с боевыми копьями, перед ними Бошко Югович, он несет крестчатое знамя, передай ему мое благословение: пусть он отдаст знамя кому угодно, и останется с тобою во дворце». На утро Милица выходит провожать выступающее в поход сербское войско. «Вот едет Бошко Югович верхом на ретивом коне, весь одет в золотыя латы, до самаго коня, покрыло его крестчатое знамя, на знамени золотое яблоко, над яблоком золотые кресты, от них висят золотыя кисти, ударяют Бошка по плечам». Милица останавливает за узду коня брата, обнимает его и передает слова князя Лазаря. Нерадостный ответ ждет ее из уст брата: «Ступай, сестра, в белокаменную башню, не вернулся бы я к тебе и не отдал бы из своих рук крестчатое знамя, если бы царь подарил мне Крушевац. Что скажет мне остальная дружина: Вот трус Бошко Югович! Он побоялся пойти на Косово, пролить кровь за честной крест, умереть за свою веру». И с этими словами погнал коня к воротам. Так проехали и остальные братья Юговичи, каждаго из них упрашивала Милица остаться с нею, и все напрасно. Когда проехал последний из них, Войно Югович, «пала Милица на холодный камень, пала и лишилась чувств». Увидел это славный князь Лазарь, и слезы потекли ручьем по его лицу. Оглядывается он справа налево и призывает слугу Голубана: «Голубан, мой верный слуга, сойди с коня-*лебедя*[1] возьми госпожу на белыя руки и отнеси ее в башню. Именем Бога прощаю тебя, не ходи в бой на Косово, останься в белокаменном дворце». Со слезами исполнил Голубан царское приказание. Отнес царицу во дворец, но не в силах был сдержать сердце, чтобы не пойти в бой на Косово, вернулся он к коню-лебедю, оседлал его и поскакал на Косово.

Накануне Видова дня, в день памяти пророка Амоса, Лазарь празднует славу, с ним пируют все его слуги, старый Юг Богдан и 9 Юговичей, Вук Бранкович, Милош Обилич, Иван Косанчич и Милан Топлица. Когда пошла круговая чаша, Лазарь подает ее храбрейшему из своих героев Милошу Обиличу, но при этом держит к нему такую речь: «Будь здоров, Милош, прежде мой верный слуга, а теперь неверный. Завтра ты предашь меня на Косове и бежишь к турецкому царю Мурату; будь здоров, выпей заздравную чашу, а кубок да будет тебе от меня в подарок».

Вскочил Милош на резвыя ноги, кланяется царю до сырой земли: «Спасибо тебе, славный князь Лазарь! Спасибо тебе за твою здравицу, за твою здравицу и твой подарок, не спасибо за твою беседу; клянусь я своим честным словом, никогда я не был неверным изменником, никогда таким и не буду; завтра утром на Косовом поле положу я голову за веру христианскую, а изменник сидит с тобою рядом и пьет холодное вино, проклятый Вук Бранкович[2]. Завтра светлый Видов день, на Косовом поле увидим, кто сохранит верность и

---

1 Кличка коня (в народных песнях), быть может, такого, который бел, как лебедь (объяснение Вука Караджича, издателя сербских песен).

2 Вук Бранкович несправедливо обвиняется народным преданием в измене князю Лазарю. Приведу о нем слова академика Рачкаго: «Итак, 6 лет спустя после Косовской битвы сошел со сцены зять Лазаря Вук Бранкович, пав жертвою тяжкаго положения, в каком находилась Сербия. Как может заблуждаться в суде об исторических лицах народное предание, доказывают Вук и Марко (сын Вукашина), из которых перваго народная песня заклеймила как изменника, второго, наоборот, превознесла как главнаго борца за родную землю, а на деле было наоборот; Вук боролся на Косовом поле и

кто изменит. Клянусь великим Богом, завтра я пойду на Косово, убью турецкаго царя Мурата, стану ему ногой на шею, если мне Бог даст вернуться невредимым в Крушевац, схвачу я Вука Бранковича, привяжу его к боевому копью, как женщина привязывает кудель к прялке, унесу его на Косово поле».

15 июня в день св. Вида перед битвой причастилось сербское войско. Лазарь построил его в боевой порядок. Началась битва, турки ударили на Косово. Двинул войско старый Юг Богдан с девятью сыновьями, девятью Юговичами, у каждаго из них 9 тысяч войска, у Юга двенадцать тысяч; бились они с турками, убили 7 пашей, а как начали бить восьмого, погиб старый Юг Богдан, погибли 9 Юговичей как девять сизых соколов. Двинули войско три Мрнявчевича: Бан Углеша и воевода Бойко, с ними и Вукашин король, у каждаго 30,000 войска, бились и рубились с турками, убили 8 пашей, начали бить девятаго, погибли два Мрнявича, бан Углеша и воевода Гойко. Вукашин получил страшныя раны, турки затоптали его конями, и погибло все его войско[1].

Двинул войско герцог Стефан, у герцога сильное войско 60,000. Бились они с турками, убили девять пашей, начали бить десятаго, и погиб герцог Стефан, с ним погибло и все его войско.

Двинул войско сербский князь Лазарь; было у него 77,000 сильнаго войска, гонят они по Косову турок, не дают им осмотреться. И одолел бы Лазарь турок, но покарай, Боже, Вука Бранковича! Он выдал тестя на Косовом поле. И погиб сербский князь Лазарь, с ним погибло все его войско 77,000.

Песня упоминает подвиги отдельных героев в битве на Косовом поле: «кто это был тот славный юнак, что раз взмахнет острою саблей и сразу отсекает 12 голов?—Это Банович Страхинья[2].—Кто это был тот славный юнак, который двоих сразу поражает копьем и бросает через себя в реку Ситницу?—Это—Серджа Злопогледжа[3].—Кто это был славный юнак на огромном коне с крестчатым знаменем в руке, что согнал турок в толпу и загнал их в реку Ситницу?—Это—Бошко Югович».

Особенною красотой отличаются те песни, в которых речь идет о роковом исходе Косовскаго боя.

Роковой исход боя

Милице приносят весть с поля битвы два черных ворона и слуга Милутин, весь в ранах, возвращающийся с Косова: «На утро после Косовской битвы прилетели с широкаго Косова поля два черных ворона и пали на белую башню славнаго Лазаря, один каркает, другой говорит человеческим голосом: «Эта ли башня славнаго князя Лазаря? Или в башне никого нет?» Никто не слышал этого из башни, слышала лишь царица Милица, она выходит перед белую башню, спрашивает черных воронов: Скажите мне два черных ворона, откуда приле-

позднее, сколько известно, не воевал под знаменами турок, между тем как Марка не было на Косовом поле, он помогал туркам, как их вассал, и погиб в их войске в битве на Ровинах 10 октября 1394 г., когда турки были разбиты Волохами».

1 Обычный в народной поэзии анахронизм. Вукашин погиб в 1371 г. Ср. выше.

2 Между косовскими песнями есть особая песня об этом герое, в которой разсказывается о нападении турок на Баньску и о единоборства Страхинича с одним турецким богатырем Влахом Алией. Эту песню, как представляющую отдельный эпизод, в своем пересказе мы опускаем.

3 Эпическое имя героя: сердитаго взора.

тели вы этим утром? Не с Косова ли поля? Видели вы два сильных войска? Вступили ли в бой войска? Чье войско одержало верх? Отвечают ей два черных ворона: Царица Милица, мы летим этим утром с Косова поля ровнаго, мы видели два сильных войска—вчера вступили в бой оба войска, оба царя пали в битве, из турок некоторые уцелели, а из сербов, которые и уцелели, все ранены и окровавлены». Так говорили вороны; возвращается и слуга Милутин; несет в левой руке правую руку, на нем 17 ран, весь конь его в крови. Говорит ему госпожа Милица: «Несчастный слуга Милутин, или ты изменил царю на Косовом поле?» Говорит слуга Милутин: Сними меня, госпожа, с коня, умой меня холодною водой, дай мне выпить краснаго вина, одолели меня тяжкия раны!»

Исполнив просьбу Милутина, Милица предлагает ему ряд вопросов: «Что было, слуга, на Косовом поле? Как погиб славный князь Лазарь? Как погиб старый Юг Богдан? Как погибли 9 Юговичей? Как погиб воевода Милош? Как погиб Вук Бранкович? Как погиб Банович Страхинья?» Стал разсказывать слуга: «Все, моя госпожа, остались на Косовом поле. Где погиб славный князь Лазарь, там поломано множество копий, больше сербских, чем турецких, защищая своего государя, славнаго князя Лазаря. А Юг Богдан, госпожа моя, погиб в самом начале битвы, погибли с ним и восемь Юговичей, не хотели выдать братья один другого. Остался еще Бошко Югович, развевается по Косову его крестчатое знамя, еще гонит он толпы турок, как сокол птиц-голубей; где пролилась кровь до колен, там погиб Банович Страхинья. Милош, госпожа моя, погиб у холодной реки Ситницы, где пало множество турок; Милош убил турецкаго царя Мурата и 12,000 турок, Бог прости его родителя! Оставил память сербскому племени, не перестанут ходить о нем разсказы, пока стоит белый свет и Косово. А что спрашиваешь о проклятом Вуке, прокляты и его родители, прокляты его род и потомки. Он изменил царю на Косовом поле и увел, госпожа моя, 12,000 войска.»

В другой песне оставшаяся в Крушевце Милица ждет вестей с поля битвы. Раз вышла она с двумя дочерьми, Вукосавой и прекрасною Марой, и видит, подъезжает к ним Владета воевода. Весь в поту белый конь воеводы. Спрашивает Владету и Милица: «Заклинаю тебя Богом, княжий воевода, что ты так взмылил своего коня? Не с Косова ли поля возвращаешься ты? Не видал ли ты там честнаго князя? Моего и твоего господина?»—Говорит ей Владета воевода: «С Косова поля возвращаюсь я, царица Милица, но не видал честнаго князя, а видал княжаго «*зеленка*»[1], гонят его по Косову турки, а сам князь, думается мне, погиб».

Услыхала эти слова царица Милица, и слезы полились по ея белому лицу. Опять спрашивает она воеводу: «Скажи мне еще, княжий, когда ты был на Косовом поле ровном, не видал ли ты девять Юговичей и десятаго Юга Богдана?» Отвечает воевода: «Прошел я через ровное Косово поле и видел девять Юговичей и десятаго стараго Юга Богдана: они были на Косовом поле, по самыя плечи в крови их руки, до рукоятки в крови их зеленые мечи, уходились их руки, рубя турок на Косовом поле». Снова спрашивает его царица Милица: «Стой, подожди, княжий воевода! Не видал ли ты двух моих зятьев Бранковича и Милоша Обилича?» Отвечает ей воевода: «Проехал я Косово поле ровное и видел Милоша Обилича, он стоял на Косовом поле, оперся на боевое копье, сломилось боевое копье, напали на него турки, теперь, мне думается, он уже погиб. Но не видал я Вука Бранковича, не видал я его,

1 Кличка коня, сравни у нас «сивко, бурко» и др.

чтоб не смотреть ему на белый свет, изменил он честному князю, моему и твоему государю». Особенною силой отличается песня: «Смерть матери Юговичей» , в которой мать девяти братьев Милицы узнает о судьбе своих сыновей и мужа. «Боже милосердый, великое Чудо! Когда сошлось на Косовом поле сербское войско, было в нем девять Юговичей и десятый старый Юг Богдан. Молит Бога мать Юговичей, чтобы дал ей Бог очи сокола и белыя крылья лебедя, чтобы полететь ей на Косово поле ровное и увидать девять Юговичей и десятаго стараго Юга Богдана. Услышал Бог мольбу матери: дал ей очи сокола и белыя крылья лебедя, полетала она на Косово поле ровное, мертвыми нашла девять Юговичей и десятаго стараго Юга Богдана, над ними девять боевых копей, на копьях девять соколов, возле копей девять добрых коней, с ними рядом девять лютых львов. Заржали тогда девять добрых коней, залаяли девять лютых львов, запищали девять соколов: и тут выдержало сердце матери, не дала она слезам воли, берет она девять добрых коней, берет девять лютых львов, берет девять соколов и возвращается в белокаменныя палаты. Издали увидали ее снохи, вышли к ней навстречу, подошли к ней ближе, и подняли вой десять вдовиц, зарыдали девять сиротинушек, заржали девять добрых коней, залаяли девять лютых львов, запищали девять соколов; и тут мать сдержала сердце, не дала слезам воли. Настала ночь, было за полночь; заржал вдруг Демьянов зеленко. Спрашивает мать Демьянову жену: «Сноха моя, жена Демьяна! Отчего это ржет Демьянов зеленко? Или захотел он белой пшеницы, или воды со Звечана?» Отвечает жена Демьянова: «Свекровь моя, мать Демьянова! Конь не просит белой пшеницы, он не хочет пить воды со Звечана. Приучил его Демьян до полночи есть мелкий корм[1], а после полночи ездит в путь-дорогу, вот он и тоскует по своем господине, тоскует, что не принес его на себе». И тут сдержала мать сердце, не дала слезам воли. Когда настало утро и разсвел белый день, летят два черных ворона, до плеч в крови их крылья, их клювы покрылись белою пеной. Несут они руку юнака, на руке золоченый перстень, бросают руку на грудь матери. Взяла руку мать Юговичей, ее повернула и зовет жену Демьяна: «Сноха моя, жена Демьянова! Узнала ли ты, чья это рука?» Говорит ей жена Демьяна: «Свекровь моя, мать Демьяна! Это рука нашего Демьяна, узнаю, мать моя, я по перстню, был он со мной при венчанье». Взяла мать Демьянову руку, потрогала ее, повертела и так руке тихо говорила: «Рука моя, зеленое яблоко. Где ты росло, где ты сорвано? Росла ты на моей груди, сорвана на Косове ровном поле». Не вынесла больше мать Юговичей: надорвалась она и испустила дух от скорби по девяти сыновьях своих Юговичах и десятом старом Юге Богдане.

В песне «Косовка-девонка» народная поэзия дает нам еще один прекрасный образ девушки, отыскивающей на поле битвы своего жениха. «Раным рано в воскресенье, во воскресенье до восхода краснаго солнышка, отправилась в путь Косовка-девушка, засучила она белые рукава, засучила до белых локтей, на плечах несет белые хлебы, в руках у ней две золотыя чаши, в одной холодная вода, в другой красное вино. Идет она на Косово поле ровное и ходит, молодая, по побоищу, по побоищу честнаго князя, переворачивает лежащих в крови юнаков, кого из них найдет еще в живых, омывает холодною водой, поит красным вином и кормить белым хлебом.

Встретила она Орловича Павла, молодого княжаго знаменосца, нашла его еще в живых: отсечена у него правая рука, до колен отрублена левая нога, переломаны витыя ребра, вид-

1 Разумеется, вероятно, зерновой (овес).

ны из-под них легкия. Вытаскивает она его из ручьев крови, умывает его холодною водой, поит красным вином, кормить белым хлебом. Когда забилось у юнака сердце, говорит Орлович Павел: «Дорогая сестра, Косовка-девушка, что тебя привело сюда переворачивать лежащих в крови юнаков? Кого ищешь, ты молодая, на побоище? родного брата или двоюроднаго? или *по грехам*[1] стараго родителя?»

Отвечает Косовка-девушка: «Дорогой брат, неизвестный мне воин! не ищу я никого из своих родных, ни родного брата, ни двоюроднаго, ни по греху стараго родителя. Известно ли тебе, незнакомый мне воин, как причащали целых три воскресенья сербское войско 30 монахов у прекрасной Самодрежи церкви. Все войско причастилось, последними были три воеводы: один был Милош Обилич, другой Иван Косанчич, третий Милан Топлица. Я случилась у ворот в ту пору, когда шел воевода Милош, прекрасный юнак на этом свете, сабля его тащилась по земле, на голове у него шелковый колпак с перьями, на нем надет был пестрый плащ, ворот был повязан шелковым платком; оглянулся он и посмотрел на меня, снял с себя пестрый плащ, снял с себя и дал его мне: на, девушка мой плащ, чтобы было чем помянуть меня: я иду, моя душа, сложить голову в стане честнаго князя, моли Бога, моя дорогая, чтобы здоровым вернуться мне из стана, и тебя ждет тогда счастье: возьму я тебя за моего Милана, за Милана моего побратима, с которым мы побратались во имя вышняго Бога и святого Ивана. Я буду твоим венчанным кумом». Затем следует такое же описание Ивана Косанчича: у него в руке позлащенный перстень, он снимает с руки этот перстень и дает его девушке, обещая, если вернется цел и невредим, быть на свадьбе ея дружкой. Затем следует описание в тех же выражениях Милана Топлицы: у него на руке златотканный платок, снимает он его с руки и обещает девушке-Косовке в случае благополучнаго возвращения взять ее замуж. «И ушли три воеводы, вот их-то и ищу я на поле битвы». Не радостная весть ждет бедную невесту: «Сестра моя, дорогая Косовка-девушка,»—говорит ей Орлович Павел,—«видишь, душа моя, эти боевыя копья, где их всего больше, где они видны чаще, там пролилась кровь юнаков добрым коням по стремя, а юнакам по шелковый пояс, здесь погибли они все трое, ступай же назад в свой белый дом, не мочи в крови рукава и полы платья.» Как услыхала эти слова Косовка девушка, пролились слезы по ея белому лицу, пошла она в свой белый дом, причитая, как кукушка: «Увы мне горемычной! выпала мне доля горькая! Если схватиться мне, горемычной, за зеленый бор, и он зеленый посохнет».

Этими песнями заключается созданная народною фантазией картина Косовскаго боя.

П. Лавров.

1 Вук Караджич замечает по поводу этого места, что «по греху отец» значит настоящий отец. Этим высказывается народное воззрение, что грех жениться. Вук Караджич приводит выражение одного отца о сыне: «Он мой по греху сын, а теперь приходится его слушать».

LXX. Турки в Европе и падение Византии

Тюрки

Название «турок» имеет для большинства очень ясное и определенное значение: так называют жителей нынешней Турции, главным образом азиатской ея половины. Но с этнографической точки зрения такое определение было бы совершенно не точно. С одной стороны, оно слишком широко, так как население Турецкой империи представляет очень пеструю смесь народностей, и османские турки составляют в ней только господствующий класс. С другой стороны, османы лишь одно из множества турецких племен, разбросанных на огромном пространстве азиатскаго материка и в восточной части Европы. Якуты в Сибири, узбеки в Средней Азии, туркмены в нынешнем Закаспийском крае и наши казанские и крымские татары, наравне с османами, все ведут свое происхождение от одного корня,—от народа, кочевавшаго в первые века нашей эры у подошвы Алтая и известнаго китайским летописям под именем Ту-Киу. От этих Ту-киу пошли три группы «тюркских» племен. Северная группа заняла Сибирь, восточная распространилась вдоль границ западнаго Китая (около Кашгара),—наконец, западныя племена, гузы и туркмены, заняли область между Аму-и Сыр-Дарьей—нынешний Туркестан. Северные турки не играли исторической роли, западные же и восточные два раза, одни за другими, завоевывали переднюю Азию и, отчасти, юго-восточную Европу. Первый раз это было самостоятельное движение гузов и туркменов, захвативших в X—XI веках нынешнюю Персию, Армению и Малую Азию; к этой ветви турецких племен принадлежат сельджуки и османы. Другое турецкое наводнение те же страны—и, кроме того, вся восточная Европа—испытали в начале XIII века; это было нашествие *восточных* турок.

Столкнутые с места движением монголов, восточные турки, под предводительством монгольских князей из дома Чингис-хана, покорили на юге своих западных единоплеменников,—а на севере, как известно, подчинили себе на некоторое время и русский народ. В нашей истории эти турки известны под именем татар: они основали могущественное государ-

Пособия: Общая история Турции: *Hammer* (Geschichte des Osmanischen Reichs). *Zinkeisen.*—Об осаде Константинополя: *Georgios Phrantzes* (боннское издание). *Погодин*, (статья в Журнале Министерства Народнаго Просвещения за 1891 г.). *Vast. H.* (статья в Revue Historique 1878 г.).

ство Золотой Орды и были предками нынешних узбеков, а также крымских и казанских татар. Таким образом, покорители Византии в XV веке были родственниками, хотя и очень дальними, завоевателей России в XIII, и войны с турками, со всемирно-исторической точки зрения, можно разсматривать, как продолжение борьбы Руси с татарами в средние века. Из всех этих племен только сельджуки и османы сохранили родовое прозвище «турок». Остальные скрываются в истории под различными другими именами, в которых лишь изредка, как в имени туркменов,—просвечивает их генеалогия. Имя «Турции» становится известно византийцам, а через них и западной Европе, уже во второй половине средних веков, в эпоху крестовых походов. Оно прилагалось сначала к государству сельджуков, которое зародилось в начале XI века и быстро охватило все страны передней Азии. Сельджук был предводителем одной орды гузов, поселившейся в половине X века на берегах Сыр-Дарьи, к северо-востоку от нынешней Хивы. Постепенно увеличиваясь, благодаря приливу новых сил с востока, его племя стало понемногу расширять свои владения в сторону нынешней Закаспийской области. Сельджуки занимались сначала тем же, чем и современные туркмены до подчинения России,—грабили богатыя и плохо защищенныя персидския области, особенно Хорасан, самую восточную из них. В то время они не могли встретить здесь никаких серьезных препятствий. Персия была разделена между множеством мелких князей, которые правили в качестве наместников багдадскаго халифа, уже утратившаго тогда светскую власть; на деле они ни от кого не зависели и постоянно между собою воевали. Сами халифы больше сочувствовали сельджукам, принявшим Ислам от правоверных суннитских миссионеров, чем своим оффициальным наместникам, которые придерживались шиитской ереси. При таких условиях война, начавшаяся простыми разбойничьими набегами, в очень короткое время привела к систематическому завоеванию всего халифата. В 1035 году Тогриль-и Чакир-беги, внуки Сельджука, вторглись в Хорасан, а уже в 1055 г. Тогриль-бег занял Багдад и сменил в качестве эмир-аль-омара—светскаго государя халифата, прежняго шиитскаго наместника.

В завоеваниях сельджукских султанов обращает на себя внимание одна черта: они первые стали держаться той политики, которая впоследствии с таким успехом применялась османами. Собираясь присоединить к себе страну, они ее жестоко опустошали. Но раз она была завоевана, султан уже не давал жителей в обиду ни соседям, ни своим солдатам. Таким образом, подчиниться туркам значило—избавиться от очень сильнаго врага и приобрести не менее сильнаго защитника. Очевидно, что чем скорее сдавались жители, тем меньше им приходилось страдать от грабежей: это очень облегчало завоевания сельджуков. Но, захватив в короткое время огромную территорию (на востоке до Сыр-Дарьи, на западе, после отнятия у Византии малоазиатских провинций, почти до Архипелага и Мраморнаго моря), они не имели возможности установить на ней прочный и однообразный государственный порядок. Отдельные эмиры-наместники скоро стали совсем независимы в своих областях; к тому же у сельджуков не выработалось определеннаго закона престолонаследия, так что каждая перемена государя неизбежно сопровождалась войной между его сыновьями, а война часто оканчивалась разделом наследства между соискателями. Уже в XII веке, менее чем через сто лет после завоевания, империя Тогриль-бега и Альп-Арслана представляла три совершенно независимых государства. Одно из них составилось из обломков восточных владений Византийской империи. Западные писатели (например, Вильгардуэн) его по пре-

имуществу и называют Турцией (la Turquie). Сами турки называли его Румом, римским, т. е. отнятым у «ромеев». Самый крайний на западе эмират этого государства послужил ядром для новой, более долговечной турецкой империи—для государства *османов*.

Османы

Во второй половине XIII века одна турецкая орда, принадлежавшая тоже к племени гузов, как и сельджуки, кочевала в Хорасане. Нашествие монголов сдвинуло ее с места; подхваченная потоком восточно-турецких племен, она направилась к западу и перешла Евфрат. Здесь кочевникам не понравилось, и вождь их, Сулейман-шах, решил было сначала вернуться на старыя места. Но во время обратнаго похода он утонул в Евфрате, и его подданные разделились: большая часть ушла на восток, меньшую, всего 400 кибиток, младший сын Сулеймана, Эртогрул, повел на запад, к Малой Азии. Здесь, несмотря на временные успехи крестоносцев, продолжали еще держаться многие сельджукские эмиры, номинально признававшие верховенство султана Конии (древний Иконium, в самой средине полуострова). Султан, теснимый в то время татарами, охотно принял на службу Эртогрула и его турок и дал им для поселения места по реке Сангаре (на западе, у границ древней Вифинии). В 1288 г. Эртогрул умер; его место занял его сын Осман (ум. 1325 г.), по имени котораго поселившиеся на Сангаре турки и стали называться османами.

Поле действия новаго эмира было очень узко. С востока и с юга были владения других сельджукских наместников, из которых каждый в первое время был сильнее наследников Эртогрула; на севере было Черное море: османам с самаго начала была открыта дорога только на запад. Это определило всю последующую историю племени: народ азиатский по происхождению и нравам, османы невольно сделались европейцами в силу своего географическаго положения. Большая часть последующих завоеваний сделана ими уже из Европы, с берегов Босфора. Их, так сказать, толкали из Азии, и притом все в одном направлении: это дало им ту сосредоточенность действия, которой всегда не хватало основателям сельджукской монархии.

Положение Византии в XIII в.

Византийския владения, с которыми на западе граничили османы, были в то время легко доступною добычей. Один из государственных людей Никейской империи, канцлер Михаила Палеолога, узнав, что Константинополь завоеван обратно греками[1], воскликнул: «Ну, теперь все пропало!» В минуту общаго торжества такое восклицание было довольно странно; но последствия показали, что он был прав. Войны с анжуйскими королями Неаполя, у которых нашли себе убежище изгнанные латинские императоры, с сербами, с болгарами, с удержавшимися на Балканском полуострове французскими баронами—все это заставило забыть на время о турках, а они-то и были самым грозным врагом. К ним привыкли; в воинственном населении турецкой Малой Азии видели род запаса византийской армии, где всегда можно было набрать достаточно солдат на случай войны. Во время усобицы между Кантакузином (1347—54) и Иоанном V Палеологом (1354—76) на обеих сторонах сражались толпы сельджуков, которым оба претендента, каждый с своей стороны, дали разрешение грабить и уводить в плен подданных противника: так что, в сущности, турки во всей империи распоряжались, как в завоеванной стране.

1 У франков, в 1261 г.

Греческая Малая Азия была предоставлена собственным силам; но и эти силы не были сосредоточены в однех руках. Самым гибельным последствием кратковременнаго владычества франков было укрепление и развитие греческаго партикуляризма, стремления отдельных областей и их правителей к полной самостоятельности. Феодализм нашел в Византии богатую почву (см. статью во II томе «Четвертый крестовый поход»): и даже туда, куда собственно не проникли самыя феодальныя учреждения, проникли обычаи и привычки, принесенныя французами. Правители различных малоазиатских округов смотрели на себя, как на самостоятельных владетелей; они заключали союзы и ссорились между собою и с турецкими эмирами, соображаясь с своими местными интересами, а вовсе не с выгодами империи; их права переходили по наследству, иногда даже по женской линии: когда при осаде Никомидии комендант города был убит, турки вели переговоры о сдаче с его сестрой, которая и заключила капитулянт. Когда появились османы, у мелких греческих владетелей одним соседом стало больше—и только. Османы того времени вовсе не были тою грозною силой, которая наводила ужас на западную Европу XVI века. Это было кочевое пастушеское племя, относившееся с большою терпимостью к своим греческим соседям,—там, разумеется, где их интересы не сталкивались.

Первые султаны

Султаны женились на гречанках и позволяли им держаться своей старой религии. Одна из них, Феодора (по другому Мария) дочь императора Иоанна Кантакузина и жена султана Урхана, прославилась даже, как покровительница христианских подданных султана; она выкупала греков из турецкаго плена и отправляла их на родину. Турецкий фанатизм рос постепенно, вместе с военными успехами османов, и дал себя почувствовать только в позднейшую эпоху.

Один эпизод биографии эмира Османа,—за историческую точность котораго нельзя, конечно, ручаться,—хорошо рисует отношения турок и христиан тогдашней Малой Азии. Осман, угоняя на лето свои стада в горы, имел обычай оставлять свое имущество на попечение греческаго правителя города Белокомы, или (по-турецки) Биледжика. Грек как-то позавидовал богатству своего турецкаго приятеля и захотел воспользоваться его именьем, а чтобы избавиться от возмездия, решил кстати покончить и с хозяином. Эмира предупредил об этом во-время его другой добрый знакомый,—тоже грек,—и он принял свои меры. Было условлено из предосторожности, что привозить турецкую казну в Биледжикский замок должны женщины, а не мужчины. Осман нарядил в женское платье 40 лучших своих воинов, а вместо сокровищ дал им несколько мешков с оружием. Переодетые турки были беспрепятственно впущены в замок, быстро вооружились, перебили стражу и завладели крепостью. А эмир в это время пировал на свадьбе своего коварнаго греческаго друга, куда его пригласили нарочно, чтобы после пира захватить его врасплох. Узнав об успехе своего замысла, Осман, конечно, поспешил удалиться; греки, услыхав о том, что случилось в Белокоме, бросились в погоню. Но Осман заблаговременно собрал свои войска; маленький отряд правителя Белокомы был окружен превосходными силами и изрублен после короткаго сопротивления. Его земли Осман присоединил к своим, а его невесту, которая попала в плен, он выдал замуж за своего сына, знаменитаго впоследствии Урхана. Эта гречанка была матерью султана Мурада, победителя на Косовом поле.

Эти мелкия пограничныя стычки, продолжавшияся много десятков лет без видимых ре-

зультатов, легко могли усыпить внимание византийскаго правительства. Много-ли значения имело для империи то, что вождь небольшого турецкаго племени захватил владения такого же мелкаго греческаго феодала? Но скоро османы стали обнаруживать в своей деятельности выдержку и последовательность, которых совсем не было заметно у других турецких племен. Их образ действий очень напоминает ту систему ведения войны, которой некогда придерживались доряне при завоевании Пелопоннеса. Наметив какой-нибудь город, они прежде всего старались занять выгодную позицию в его ближайших окрестностях, строили там замок и помещали в нем небольшой постоянный гарнизон. Отсюда они начинали безпокоить обитателей города: нападали на подгородныя деревни, опустошали поля, уводили в плен жителей, грабили торговые караваны и т. д. Скоро появлялись другой и третий замок: город оказывался в совершенной блокаде, т. е. все входы и выходы из него были в руках турок. Начинался голод, и жителям приходилось завести переговоры о сдаче. Турки обыкновенно ставили довольно мягкия условия и хорошо их выполняли. Низшие классы населения, крестьян и ремесленников, они оставляли в покое, ничего не требуя от них, кроме дани. Чтобы турки их не грабили, султаны придумали очень простое и действительное средство. Участок земли с поселенными на ней крестьянами отдавали в непосредственное заведывание какому-нибудь мелкому турецкому начальнику, и дань с этого участка поступала прямо к нему, в виде жалованья ему и его воинам. Таким образом, для этого начальника создавался прямой интерес заботиться о благосостоянии населения его участка: если бы его крестьяне были разорены, он не получил бы своего жалованья. Конечно, дело не обходилось без насилия в отдельных случаях; но в общем простонародью жилось под властью султанов не хуже, чем под властью мелких греческих деспотов. Когда пала столица азиатской части империи Никея (около 1330 г.), по условиям капитуляции дозволено было желающим уйти в Константинополь. Этой льготой воспользовался только греческий губернатор города с его свитой: население предпочло стать подданными Урхана. Только к высшим классам населения турки относились недоверчиво: знатныя семейства они обыкновенно переселяли вглубь своих владений, а на их место переводили зажиточных турок, которые и составляли аристократию покоренной страны.

В этой разумной, последовательной политике султанов нельзя не видеть влияния их христианских соседей. При всем своем (нравственном) упадке, греки все же были самым образованным народом средневековой Европы. Выше было отмечено, насколько выгодно было положение турок на Сангаре, как военная позиция: нужно прибавить, что и в культурном отношении они были поставлены очень удачно, с географической точки зрения. Брусса, Никея, Никомидия,—города, прежде всего попавшие в их руки, были очагами греческой цивилизации в Малой Азии.

Военная организация турок

Было высказано предположение,—и оно вполне вероятно,—что и своим замечательным военным устройством Османы обязаны греческому влиянию,—по крайней мере идея постоянной регулярной пехоты могла прийти всего скорее отсюда. Турецкая летописи называют творцом этого военнаго устройства брата Урхана (1325—1359 гг.), Ала-Эддина, перваго *визиря* османскаго государства. Его военная реформа прошла две ступени. Сначала он устроил турецкое войско на началах «ленной системы», как говорят европейские историки,—правильнее было бы назвать это устройство «служилым землевладением». Оно заключа-

лось в в том, что каждому офицеру и солдату турецкой армии давался участок земли, на которой он и жил в мирное время; доход с этого участка заменял ему жалованье. Войско собиралось только в случае войны, и тотчас по окончании ея распускалось. Оно состояло главным образом из конницы, называвшейся «моселиман», т. е. «освобожденными», потому что земли служилых людей были свободны от податей. Был, впрочем, и отряд пехоты, недостаток в которой сильно давал себя чувствовать при осаде городов, но эта пехота больше доставляла султанам хлопот, чем выгоды. Главное неудобство этой системы заключается в том, что поселенное войско трудно собирать и еще труднее поддерживать в нем порядок и дисциплину. Эти недостатки очень скоро обнаружились и в турецком войске. По всей вероятности, знакомство с регулярными византийскими войсками внушило Ала-Эддину мысль сформировать постоянное *наемное войско*, которое всегда было бы в распоряжении султана. Оно также состояло из конницы и пехоты. Но только кавалерия этого корпуса, так называемые «сипаи» (всадники) и «силигдары» (буквально «оруженосцы») набирались из турок; опыт показал, что для службы в пешем строю османы, природные кавалеристы, совсем не годились. Поэтому решено было в пехоту набирать солдат из числа тех христианских подданных султана, которые согласились бы принять ислам: это были знаменитые впоследствии *янычары* («иени-чери», значит «новое войско»). Каким образом пополнялись ряды янычарскаго отряда,—для нас очень неясно.

Современные христианские писатели, а следом за ними и некоторые новейшие историки (Гаммер и Герцберг) говорят, что турки насильственно отбирали у христиан детей, заставляли их принять ислам и затем готовили в военную службу. Что турки вербовали своих солдат в очень юном возрасте, это справедливо; они находили, что люди, воспитанные при султанском дворе, будут больше привязаны к своему государю, чем люди, поступившие на службу уже взрослыми. Но относительно способа набора турецкие летописцы резко расходятся с христианскими писателями. Турки утверждают, что христиане поступали в войско вполне добровольно, и что родители, соблазненные выгодами янычарской службы, сами приводили своих детей к производившим набор офицерам. Обращение в мусульманство было необходимо потому, что у турок, как и у других магометанских народов, только принадлежность к исламу давала человеку гражданския права. Все не мусульмане—«райа»—были как бы общею собственностью; их щадили, как плательщиков налогов, но никаких прав они не имели и поступать на государственную службу не могли. Если христианин был честолюбив, ему в Турции не оставалось другого средства сделать себе карьеру, как принять ислам. Известно, что большая часть знатных сербов и босняков перешли в магометанство после турецкаго завоевания. Так что, с этой стороны, известия турецких летописцев не представляют собою ничего невероятнаго, гораздо невероятнее, напротив, разсказы христианских писателей о том, например, будто янычар заставляли избивать мирных жителей для упражнения в кровопролитии, и т. п.

Как бы то ни было, значение янычар обусловливается не их происхождением, а их организацией: это было *регулярное* войско. Они были разделены на батальоны, роты и взводы в 1,000, 100 и 10 человек, имели одинаковое вооружение и одинаковую одежду; в строевом отношении они превосходили не только нестройныя ополчения сербов и болгар, с которыми им пришлось помериться прежде всего,—но и лучшия европейския войска, как это доказали сражения при Никополе (1396 г.) и Варне (1444). Из западно-европейских госу-

дарств раньше других завела постоянную армию Франция; это было не раньше XV века, при Карле VII. В это время янычары существовали уже около ста лет—турецкия летописи относят их учреждение приблизительно к 1330 г. Этого не следует упускать из виду, следя за борьбой турок с Европой в XIV—XVI веках. В наши дни турки—народ отсталый, а в то время, правда, только в одном отношении, в военном, они шли впереди других народов, и здесь главная причина их успехов; с постепенным развитием регулярных армий на континенте Европы в XVII веке, военное могущество турок все более и более падает.

Турки и Византия в XIV в.

Янычары были сначала немногочисленны; еще при Магомете II, в 1453 г. их было всего 15,000 человек; а при Урхане—всего 1,000. Но их ближайший неприятель, византийцы, были еще слабее. Главныя завоевания Урхана приходятся на третье десятилетие XIV века: в 1326 г. пала Брусса, в 1328—Никомидия, в 1329 турки обложили Никею. В это время византийский престол был спорным: против стараго Андроника II (1282—1328) поднялось возстание. Главною причиной были непомерно высокие налоги: как и при Комнинах, в XIV в. европейская политика разоряла империю.

Мятежники провозгласили царем внука Андроника II, по имени тоже Андроника. Междоусобие длилось шесть лет и поглощало в это время все военныя и финансовыя средства империи. Когда Андроник III (1328—1341) утвердился на престоле, большая часть азиатских владений была уже безвозвратно потеряна. Только Никея еще держалась. Император двинулся к ней на выручку всего с 2,000 челов.,—больше в то время Византия не могла выставить. В Азии к нему присоединилось несколько тысяч кое-как вооруженнаго ополчения. При Филокрене, в трех днях пути от Босфора, произошла первая встреча с османами. Днем греки держались довольно бодро, но когда турки возобновили нападение ночью, ополчение разбежалось и увлекло за собою регулярныя войска; император едва спасся. После этого Никея должна была сдаться (1330 г.). Десять лет спустя Андроник III умер, и вскоре началось новое междоусобие. Наследник престола, Иоанн V, был еще ребенком и управлять не мог; притязания на власть заявили, с одной стороны, его мать, с другой—первый министр, Иоанн Кантакузин. Империя снова распалась на два военных лагеря (1341—1347). Наконец, Кантакузин победил и заставил провозгласить себя соправителем, а затем и императором; но к тому времени подрос Иоанн V и в свою очередь вмешался в борьбу. Тогда Кантакузин обратился к помощи османов, с которыми он еще раньше завязал дружественныя отношения, выдав свою дочь за Урхана (1346). Кантакузина этот союз не спас: он все-таки был принужден отречься от престола и постричься в монахи; но Византию он погубил. Турки воспользовались своими правами, как союзников, чтобы занять Галлиполи, на европейском берегу Дарданелл (1354); все усилия Кантакузина добиться от них возвращения этого важнаго пункта были тщетны. Раз утвердившись в Европе, турецкое господство распространилось необыкновенно быстро. Одна за другою соседния провинции империи и независимыя государства полуострова прошли две обычныя стадии турецкаго завоевания: сначала они были ограблены, потом, чтобы избавиться от грабежей, согласились платить дань, чтобы в конце концов слиться с непосредственными владениями султанов. При Баязете (1389—1402) непосредственныя владения османов в Европе простирались от Эгейскаго моря до Дуная. Они включали в себя всю Болгарию, всю Македонию и Фракию, за исключением только Халкидики и области, окружающей непосредственно Константинополь. Сербия и

Валахия представляли зависимыя государства, равно как и сама империя. Центральная и южная Греция, Босния, даже Штирия, подвергались постоянным грабежам. Турки уже появились в самом Константинополе, пока еще в качестве гостей, а не хозяев. У них был особый квартал в городе, пользовавшийся самоуправлением; был свой магометанский судья (кади) и была мечеть. Турецкия поселения придвигались все ближе и ближе к византийской столице; уже в начале XV века мы встречаем деревни с турецкими названиями (Дугунчи, Киникли) почти под стенами Константинополя. Греки уже платили султану 10,000 дукатов ежегодной дани; около 1400 года Баязет потребовал полной сдачи. Как известно, дальнейшее наступление турок было прервано нашествием Тимура; Баязет умер в плену у татар, а его сыновья начали между собою войну. Падение Царьграда было этим отсрочено на пол-столетия.

Уния

Византийские императоры воспользовались этою отсрочкой для того, чтобы испробовать последнее средство спасения своего государства. Они добились соединения восточной церкви с западною,—вернее сказать, подчинения восточной церкви Риму. Мысль,—пожертвовать церковною независимостью Византии, чтобы упрочить ея политическое положение,—давно уже носилась в воздухе. Еще Алексей III (Ангел)[1], чувствуя, что почва колеблется под его ногами, завел переговоры об унии с Иннокентием III. Дело тогда ничем не кончилось, потому что Алексей был свергнут с престола своим племянником при содействии крестоносцев. Эти последние ввели затем унию насильственно,—благодаря чему самая мысль о соединении с Римом стала противна грекам. Но через несколько десятилетий франкское владычество было свергнуто (1261 г.), латинский патриарх должен был оставить Константинополь, и обе церкви стали в прежнее положение. Тогда опять появилась на сцену мысль об их соединении и—опять на политической почве. Балдуин II, изгнанный греками латинский император Константинополя, нашел себе сильнаго защитника в лице неаполитанскаго короля Карла Анжуйскаго. Михаил Палеолог в свою очередь стал искать союзников и, между прочим, завязал переговоры о соединении церквей с папой Григорием X (в 1274 г.), надеясь на помощь с его стороны в борьбе против Карла Анжуйскаго. Византийские послы явились на собор в Лион и от имени императора дали торжественное обещание —признавать на будущее время верховенство папы. С дипломатической стороны такой шаг оказался удачным:—папы, особенно Николай III (в 1277 г.), в самом деле вмешались в анжуйскую политику, в смысле благоприятном для Византии. Но среди греческаго общества началось брожение, совсем неблагоприятное для Михаила VIII. Дело дошло до заговоров со стороны ревнителей правоверия, к числу которых принадлежала родная сестра императора, Евлогия. Многие знатные греки бежали в Трапезунд и к другим независимым греческим владетелям, которые не замедлили объявить себя защитниками православия. Со стороны духовенства намерение Михаила VIII также встретило ожесточенное сопротивление. После неудачной борьбы император должен был отказаться от своего проекта. Но мысль об унии не исчезла,—напротив, можно сказать, что уния стала очередным вопросом византийской политики в XIV—XV веках: к ней возвращались и Андроник III (1339 г.), и Кантакузин (1348), и Иоанн V (1355). Очевидно, помощь западной Европы была настоятельно необходима восточной империи, и эта необходимость хорошо сознавалась в Византии, но сознава-

1 1196-1203.

лась очень своеобразно. Нужна была *политическая* поддержка западных держав, императоры хлопотали о *церковной* унии. Внешняя политика Палеологов была прежде всего церковною политикой,—и это не случайность; это логически вытекало из всего миросозерцания византийскаго общества того времени.

Церковь и государство в Византии

Церковь и церковные интересы всегда занимали видное место в византийской жизни, и никогда не оставались без влияния на политику. Так должно было быть уже по самому устройству восточной империи. Император был одновременно главою государства и главою церкви, по крайней мере, в административном отношении; от него зависело назначение на церковныя должности, в том числе и замещение патриаршей кафедры. У светской и у церковной политики был один центр,—это должно было связывать их неразрывно. Внешния обстоятельства еще более укрепили эту связь. Византийская империя не была национальным государством: славяне, греки, армяне, потомки древних фракийцев и иллирийцев жили бок-о-бок на ея территории Не только не было естественной национальности, не могло образоваться даже искусственной, государственной национальности, как в Австрии. За тысячу лет существования империи ея границы менялись не один раз, особенно в Европе, то сжимаясь почти до окрестностей Царьграда, то расширяясь до Дуная и до Евфрата. Славянския племена Балканскаго полуострова то выходили из подданства империи, то опять подпадали ея власти.

За ту же тысячу лет империя сменила не одну династию, так что и династическое чувство не имело возможности развиться. Цементом, который связывал эту пеструю этнографическую смесь, была религия: почти все подданные восточной империи были православные. Можно сказать, что православие и было, в сущности, господствующею национальностью Византийскаго государства.

Восточная церковь была естественным и необходимым основанием восточной империи. Эти два учреждения были так тесно связаны, что нелегко было решить, кому из них принадлежит первое место, кому второе. В Византии были две партии в церковных вопросах. Одни, так называемые, «политики»,—к ним принадлежало большинство государственных людей империи,—требовали первенства для государства и светских интересов. Другие, «зилоты» как их называли тогда, т. е. «ревнители» православной веры, ставили выше всего интересы церкви, требовали подчинения светской политики религиозным потребностям. В вопросе об унии обнаружилось такое же раздвоение.

Помощь западной Европы была необходима для спасения политической самостоятельности Византии; но для зилотов ея церковная самостоятельность была выше политической. Масса греческаго простонародья была в этом случай на их стороне. Для этого простонародья уния была тождественна с господством франков; она напоминала ему о грабежах крестоносцев, о наглости латинских купцов, об осквернении св. Софии,—словом, о всем, что испытал Константинополь при латинских императорах. Можно было заранее предсказать, что, когда сторонникам унии понадобится содействие народа, они встретят с его стороны лишь недоверие и отвращение. Это уравновесило бы даже те серьезныя выгоды, на которыя они надеялись, подчиняясь папскому престолу. Крестовый поход всей Европы против турок не спас бы государства, которому отказало в поддержке его собственное населе-

ние. Но возможность такого похода существовала только в воображении византийских политиков. Слишком светские люди для Византии, они были недостаточно светскими для западной Европы XIV века. В то время, как они надеялись, что слово римскаго первосвященника вооружит Европу против турок, этот первосвященник едва мог защищать свои собственные интересы от христиан.

Положение западной Европы

В Константинополе все еще видели ту западную Европу, какая была в дни Иннокентия III. Но с той поры все давно успело перемениться. Сила папскаго престола была в том, что он был всемирною, международною властью, своего рода третейским судьей средневековой Европы, при том судьей, вооруженным могучими карательными средствами. Иногда он встречал сопротивление, но случайное, несистематическое: в средние века бывали иногда сильные государи, но не было сильных государств. С XIII века начинает выдвигаться новая сила, сила национальности в отдельных странах,—раньше всего во Франции,—вырабатывается постоянная центральная власть, сильная не случайным скоплением материальных средств, а своею организацией, своим постоянством и, прежде всего, сочувствием народных масс. В борьбе Филиппа Красиваго с Бонифацием VIII папство впервые столкнулось с национальным королевством,—и потерпело поражение. В результате этого поражения международная власть сама должна была пойти в службу к национальной: папы переселились в Авиньон и стали, в сущности, французскими епископами. Тут уже исчез весь смысл папства, как универсальнаго учреждения; это и не замедлило обнаружиться в борьбе Иоанна XXII с Людовиком Баварским. Немецкий император и немецкие князья отказались повиноваться французскому папе. Среди самой церкви уже не было согласия. Подчинившись мирским интересам, папство утратило всякий авторитет в глазах людей, смотревших на церковь, как на царство «не от мира сего». Нищенствующие монахи, францисканцы, проповедовавшие отречение церкви от всего мирского, стали на сторону противников Иоанна XXII; многие представители богословской учености в борьбе церкви и государства приняли сторону последняго. Этим был дан толчек к разложению, которое достигло своей высшей точки в великом расколе, когда папа должен был подчиниться цензорской власти собора. Ко времени Флорентийской унии (1439) спор между папой и собором заметно начал склоняться на сторону перваго; но этот папа уже не был похож на Григория VII или Иннокентия III. Это был итальянский князь, хлопотавший больше всего о том, чтобы устроиться поудобнее у себя дома, в Италии, и достать побольше земли для себя и своих родственников. На свою всеевропейскую власть он смотрел больше как на средство получать с европейских народов деньги для потребностей своей туземной политики; с европейскими государями он находился в хороших отношениях именно потому, что уже не имел на них никакого влияния. Как ни огорчало это тех немногих людей, которые еще мечтали о соединении христианской Европы под одною властью, они должны были признать, что Европа это—«тело без головы, республика, в которой нет ни законов ни должностных лиц». «Папа и император»,—продолжаете тот же современник (Эней Сильвий Пикколомини, впоследствии папа Пий II)—«гордятся своим высоким положением, но они не что иное, как блестящие призраки; они неспособны повелевать, и не хотят повиноваться; *каждое государство имеет особаго монарха и у каждаго из этих монархов особые интересы*. Чье красноречие было бы в состоянии соединить под одним знаменем столько несходных и враждую-

щих друг с другом народов?»

Только эти особые политические интересы могли двинуть ополчения европейских государств на Восток.

Неудача крестоваго похода

Но какое было дело Англии или Франции до того, что делалось на Босфоре? Какое было до этого дело даже Германии, пока турки стояли еще по ту сторону Дуная? До падения Царьграда два раза начиналась на Западе проповедь крестоваго похода, и оба раза не без последствий. Но это не был поход всех западных христиан,—главную роль в обоих случаях играло то государство, которое имело «особый интерес» в борьбе с османами. Главную силу крестоносцев составляли венгры, с конца XIV столетия непосредственные соседи турок. Правда, к ним присоединялись отряды французских и немецких рыцарей, но как будто нарочно для того, чтобы показать наглядно упадок рыцарства. В 1396 г. в армии Сигизмунда венгерскаго было 1,000 французских и несколько тысяч немецких рыцарей. Но они очень мало походили на крестоносцев: во время похода они представляли собою живое отрицание всякой дисциплины, проводя все время в пирах и попойках; а когда дело дошло до битвы (28 сентября 1396 г. под Никополем на Дунае), французы, не соблюдая боевого порядка, бросились вперед, прорвали своим неудержимым натиском две первых линии турок, но были окружены отборными войсками третьей линии и почти все попали в плен. Поход кончился полною неудачей. В 1439 году, когда уния двух церквей наконец состоялась на Флорентийском соборе, папа опять велел проповедовать поход против неверных. Снова только ближайшие соседи, Венгрия и Польша, приняли в нем деятельное участие. Поход, как известно, в первый раз был удачен: христиане заключили очень выгодный *Сегединский мир*; но потом, по настоянию папскаго легата Юлиана Цезарини, военныя действия были возобновлены, и на этот раз христиане потерпели решительное поражение под Варной (1444 г.). Главныя силы венгерско-польской армии состояли из тяжеловооруженных всадников, с ног до головы закованных в броню. Турецкая конница не выдержала их натиска и обратила тыл; но янычары, построившись в каре (четырехугольником), удержали за собою поле сражения. Спор между регулярною пехотой и феодальною конницей был решен в пользу первой. Случайная смерть короля Владислава окончательно лишила христиан бодрости; однако турки понесли такую потерю, что не решились преследовать бегущаго врага. Благодаря этому удалось спастись лучшему венгерскому полководцу, Яну Гуниаду. Но силы Венгрии были уже сломлены, и с этой поры она ограничивается обороной своих владений. Таким образом, самый главный из естественных союзников Византии покинул поле битвы.

Венеция и Генуя

Были еще два государства, которыя их особенные интересы заставляли поддерживать восточную империю: Венеция и Генуя. Обе имели торговыя поселения в Византии, для обеих было очень важно поддерживать хорошия отношения к тамошнему правительству. Палеологи были слабы и нуждались в помощи итальянцев, султаны, напротив, были сильны; первым можно было диктовать условия, от вторых приходилось принимать те, какия им будет угодно предложить. Само собою разумеется, что ни в Венеции, ни в Генуе не могли желать покорения Константинополя османами. Но республики постоянно соперничали между собою; восточная торговля была для них яблоком раздора уже со времени крестовых похо-

дов. Оне не только не могли соединиться для борьбы с османами,—напротив, стоило одной вооружиться против турок, чтобы другая стала на их сторону.

В 1351 году, во время войны Генуи с Венецией, корабли обеих республик долгое время находились близ владений Урхана. Венецианский адмирал не нашел нужным входить в сношения с османами; начальник генуэзскаго флота, напротив, поспешил представиться Урхану и заключил с ним торговый договор. Этот случай хорошо рисует отношения двух республик к возникавшей Оттоманской империи. Венеция, как более сильная, держала себя гордо и независимо: тщательно избегая открытой вражды, она в крайних случаях всегда становилась на сторону христиан. Венецианския галеры оба раза, и в 1396 и в 1444 г., поддерживали крестоносцев со стороны моря; правда, что в обоих случаях им как-то не пришлось встретиться с турками. Но зато, когда султан Магомет I вздумал грабить венецианския колонии в Архипелаге, венецианцы дали ему чувствительный урок: в кровопролитном сражении при Галлиполи адмирал Лоредано совершенно уничтожил турецкий флот (29 мая 1416 г.). И в другой раз, когда приходилось спасать Фессалонику, вторую по значению торговую гавань полуострова после Царьграда, венецианцы не задумались начать борьбу с Мурадом II (1421—1451). Но когда Солунь все-таки принуждена была сдаться, Венеция поспешила заключить мир; одна из статей мирнаго договора предоставляла венецианцам право торговли во всех владениях султана. Это давало достаточное удовлетворение коммерческим интересам республики: больше ей ничего не требовалось.

Генуя была в гораздо менее выгодном положении; внутренние раздоры до такой степени ее ослабили, что она даже утратила политическую самостоятельность и должна была подчиниться французскому королю (в 1396 г.). Бороться с Венецией собственными силами генуэзцы не могли; им нужен был сильный союзник,—поэтому они старались дружить с султанами. После несчастной для Баязета битвы при Ангоре с Тамерланом (в 1402 г.), генуэзские корабли помогли спастись остаткам турецкой армии в Европу. В 1444 г. они же перевезли через Босфор войска Мурада II, спешившаго на встречу королю Владиславу под Варну. Это не значит, конечно, чтобы генуэзцы желали торжества османов; и для них господство христиан в Константинополе было гораздо выгоднее. Им нужна была не победа турок, а поражение Венеции; но одно не могло быть без другого. В Венеции, в свою очередь, не могли не понимать, что окончательный разрыв с турками означает переход восточных рынков в руки генуэзцев,—и старались действовать как можно осторожнее. Венеция выказывала большое сочувствие к делу византийских императоров; ея дипломатия работала в пользу Флорентийской унии; Иоанн V Палеолог (1425—48 г.) отправился в Италию, на собор, под охраной венецианских галер, отряд венецианских наемников охранял в его отсутствие Константинополь, и вернулся он на венецианском корабле. Когда посольство последняго восточнаго императора, Константина XI (1448—1453 г.), просило у венецианскаго сената помощи против Магомета II, венецианцы обещали сделать все возможное. «Но,—прибавили они,—объявить войну туркам мы можем лишь в том случае, если другия европейския государства сделают то же». Ставка была слишком крупная, и разсчетливые адриатические купцы решались играть только наверняка. Но западная Европа оставалась глуха к призывам из Византии. В одной только Франции сохранилось рыцарскаго чувства настолько, чтобы сделать что-нибудь хотя ради приличия. Мы уже упоминали, что в походе 1396 г. участвовала тысяча французских рыцарей, под начальством графа Иоанна Неверскаго,

сына герцога бургундскаго; в начала XV века в Константинополе находился небольшой вспомогательный отряд французов (им командовал известный маршал Бусико); кроме того, Палеологи получали иногда от Франции денежныя субсидии. Но все это было так ничтожно сравнительно с надвигавшейся опасностью, что помощь Франции никакого влияния на ход дел иметь не могла. Не на Востоке были в это время национальные интересы Франции, а на Западе, где ей приходилось отбиваться от англичан.

В решительную минуту у Византии не оказалось ни одного союзника. Папы были бессильны; Венгрии было достаточно дела у себя дома. Торговое соперничество удерживало Венецию и Геную, связывая руки одной и делая другую невольною союзницей турок. Прочия европейския государства были заняты своими местными делами и не обращали внимания на Восток. С точки зрения внешней политики, Флорентийская уния была безплодна. Но в самом Константинополе она принесла плоды очень горькие.

Отношение греков к унии

Когда греческие епископы, подписавшиеся под актом о соединении церквей, вернулись домой, народ встретил их очень неприветливо. Огромную популярность приобрел, напротив, епископ эфесский Марк, отказавшийся признать главенство папы. В своих полемических сочинениях он жестоко нападал на «азимитов»[1] и «полулатинян»,—как противники называли униатов. Скоро отвращение православнаго населения к своим окатоличившимся пастырям стало так очевидно, что большая часть греческих архиереев опять отреклась от унии. На соборе всего православнаго духовенства, собравшемся в 1450 г. в св. Софии, униатский патриарх Григорий Мамма был низложен, и на его место избран православный епископ Афанасий. Собор разошелся, составив обширный обвинительный акт против католической церкви, где в 25 статьях перечислялись все неправильности, допущенныя папами. Марк эфесский уже умер (в 1447 г.); его место во главе православной партии занял Георгий Схоларий, в монашестве Геннадий, на соборе во Флоренции подписавший унию, но потом отрекшийся от нея под влиянием увещаний Марка (после завоевания Царьграда турками Геннадий стал патриархом). Только один император оставался верен решению Флорентийскаго собора, но и он не осмеливался поддерживать унию открыто. Уния была торжественно провозглашена только 12 декабря 1452 г., как последнее средство получить какую-нибудь помощь с Запада. Это была простая формальность, исполненная только ради Рима, потому что настроение греков не допускало никакой надежды в этом отношении.

«Лучше я готов видеть в Константинополе турецкий тюрбан, чем папскую тиару!»—восклицал один из вождей православной партии, начальник византийскаго флота Лука Нотара. Другие не ограничивались словами: родной брат императора Иоанна, деспот Димитрий, ревностно защищавший независимость восточной церкви, ушел к туркам и вместе с ними подступал к Константинополю в 1442 г. Главную силу противников унии составляли монахи, пользовавшиеся огромным влиянием в народе. Они давно уже примирились с мыслью о господстве турок; Афонский монастырь еще в 1430 году, после падения Солуни, отдался под покровительство султана и получил от него охранную грамоту. Позже один из афонских монахов, Критобул, написал даже нечто в роде панегирика Магомету II. Масса народа была глубоко убеждена в невозможности одолеть османов светским оружием; когда

1 От *αζνμος*=неквашенный; католики, как известно, употребляют для причащения опресноки.

турки подступили к городу, они нашли на стенах греческой столицы больше франков, чем византийцев.

5 февраля 1451 г. умер султан Мурад II, победивший венгров при Варне. Это был способный и деятельный государь, возстановитель могущества османов, поколебленнаго усобицами сыновей Баязета. Но, по своему личному характеру, он совсем не был завоевателем; его идеалом была тихая монашеская жизнь; два раза он удалялся от дел, и оба раза дела принимали такой оборот, что ему приходилось снова брать управление в свои руки.

Магомет II

Его наследник был совсем не похож на него. Если способность сосредоточивать свои силы можно считать отличительною чертой политики султанов, то Магомет II был олицетворением турецкой политики. Ни в ком из его предшественников не доходило до таких размеров умение добиваться раз намеченной цели, несмотря ни на какия препятствия; раз обдумав предприятие, он шел напролом, совершенно не стесняясь в выборе средств, лишь бы они были пригодны. Нравственныя колебания, угрызения совести были для него, повидимому, совершенно неизвестны. Он начал свое царствование тем, что велел утопить своего младшаго брата Ахмеда, опасаясь, что тот впоследствии может стать его соперником; а потом казнил раба, который исполнил его приказание. Так же беззастенчив он был и в своей политике. Завоевание Константинополя было его заветною мечтой; но ему пришлось отложить ея осуществление: против него начали войну малоазиатские сельджуки, подчиненные его предшественниками, но не терявшие надежды вернуть свою самостоятельность. Чтобы вернее покончить с ними, Магомет обезпечил себе мир со всеми прочими соседями, в том числе и с Византией. Он обещал даже платить императору значительную сумму денег на содержание своего дяди, Урхана, проживавшаго при византийском дворе. Для этой цели должны были служить богатыя имения султана на берегах реки Стримона, где и поселились греческие чиновники, чтобы собирать доход. Оградив себя от возможных нападений в Европе, Магомет со всеми силами двинулся в Азию. Быстро покончив с сельджуками, он вернулся назад и прежде всего велел прогнать греческих сборщиков из своих имений. Затем он принялся строить укрепленный замок на самом узком месте Босфора, немного к северу от Константинополя. Цель была совершенно очевидна: держа Босфор в своих руках, Магомет мог выморить голодом Константинополь, получавший хлеб из Крыма. Император отправил к султану послов, требуя объяснения таких поступков, совершенно противоречивших мирному договору.

«Я могу делать все, что мне угодно,—ответил Магомет.—Оба берега Босфора принадлежать мне: тот, восточный, потому что на нем живут османы; этот, западный, потому что вы не умеете его защищать. Скажите вашему государю, что если он еще вздумает прислать ко мне с подобными вопросами, я велю с посла живьем содрать кожу». В августе 1452 г. замок был готов. Султан дал ему название «Богар-Келен» (=перережь горло)[1]. По странной фантазии,—удивительным образом соединявшейся в Магомете с глубоким здравым смыслом,—он сделал из этого укрепления нечто в роде ребуса. Его постройки должны были изображать 4 арабских буквы имени султана MHMD (Mohamed). Но этот архитектурный ребус отлично достигал своей специальной цели: ни один корабль не мог теперь пройти из Чернаго

1 Теперь Румили-Гиссар (=европейский замок).

моря в Константинополь без согласия султана. Договор был нарушен; обе стороны стали готовиться к решительной борьбе. Целые дни Магомет был занят приготовлениями к осаде. Он чертил планы города и его укреплений, назначал заранее места атаки, располагал отряды своей армии, намечал будущее положение своих батарей и осадных машин, указывал места, откуда нужно было вести подкопы, не упускал ни одного случая ознакомиться с положением города и его оборонительных средств. Иногда ночью он вдруг вызывал к себе своих министров. Они заставали султана неспящим и одетым, занятым все одною и тою же мыслью—завоевать Царьград.

Приготовления к осаде

Главным препятствием был недостаток осадной артиллерии, которая могла бы пробить брешь в исполинских стенах города. На эту сторону дела Магомет обратил особенное внимание. Один венгерец, по имени Урбан или Орбан, прежде служивший греческому императору, но ушедший от него, потому что ему не платили жалованья, предложил свои услуги султану. Он отлил для турок более сотни орудий, в числе которых была и знаменитая пушка, стрелявшая ядрами в 1,200 фунтов, от которой, впрочем, больше было шуму, чем вреда. Эта работа заняла довольно много времени. Враждебныя действия открылись в сентябре 1452 г., и только 6 апреля следующаго года турки начали правильную осаду. Константин XI имел достаточно времени, чтобы принять с своей стороны все необходимыя меры. Он собрал большие запасы провианта, исправил укрепления и тоже запасся артиллерией, хотя более скромных размеров, чем турецкая. В одном чувствовал город большой недостаток: в людях. В начале войны произведена была перепись константинопольскаго населения: в городе оказалось от 30,000 до 35,000 человек, способных носить оружие. Но когда началась осада и было созвано ополчение, всех вооруженных греков оказалось 4,973 человек. Таким образом, только небольшая часть способных сражаться действительно явилась на службу. Так же неохотно давались и денежныя пожертвования. Когда Константин попытался сделать заем у богатых людей города на военныя надобности, многие,—и в том числе Лука Нотара, *μεγας δουξ*, начальник византийскаго флота,—зарыли свои деньги в землю, чтобы не отдавать их императору. Завоевание казалось неизбежным, город спасти было нельзя, а жертвовать ради спасения народной чести никто не был, повидимому, способен, кроме самого Константина XI. Он нашел себе помощников, но не среди греков. Около 3,000 иностранцев, главным образом венецианских и генуэзских наемников, усилили гарнизон. Ими командовал генуэзец Джиованни Джустиниани, правая рука императора в обороне на сухом пути.

Со стороны моря к слабому византийскому флоту примкнуло 12 тоже по большей части итальянских кораблей. Всего было по большей мере 30 судов, к которым во время осады присоединилось еще 4.

Большая часть византийских пунктов обороны была доверена иностранцам, кроме генерал-адмирала Луки Нотары и кардинала Исидора (бывшаго русскаго митрополита); описания осады упоминают только трех греческих военачальников: двух Палеологов, Никифора и Феодора, и Димитрия Кантакузина. Зато итальянския фамилии: Минотто, Каттанео, Корнаро, Контарини, Мочениго, Тревизано, пестрят страницы. Это не случайность—именно итальянцам Константинополь был особенно дорог. Не говоря уже о сплошном генуэзском

поселении, Галате, составлявшем совсем особый город, в самом Царьграде целыя улицы были заняты домами итальянских купцов. Уже в конце XII века седьмую часть населения города составляли итальянцы. Во время франкскаго владычества число их еще возросло, и положение дела не изменилось после обратнаго завоевания города греками в 1261 г. Венецианцы были изгнаны; но они ушли лишь для того, чтобы уступить место союзникам Палеологов, генуэзцам. С тех пор как эти последние приобрели владения на южном берегу Крыма (во второй половине XIII века), Константинополь стал для них главною морскою станцией по пути из Чернаго моря в Средиземное. Но и венецианцы опять вернулись и заняли прежнее положение; они были для императоров необходимым противовесом генуэзцев. В критическую минуту обе республики оказали Византии поддержку: Венеция, по своему обыкновению, более открыто, хотя, тоже по обыкновению, ея флоту не пришлось встретиться с турками; Генуя на словах соблюдала нейтралитет, но на деле генуэзцы составляли большинство среди итальянских защитников города.

Положение города

Соперникам по торговле пришлось теперь сражаться рядом, против общаго неприятеля; но старинная вражда на каждом шагу давала себя чувствовать. Стоило венецианцам потерпеть неудачу,—насмешки, упреки и оскорбления градом сыпались на них со стороны генуэзцев. Венецианцы, разумеется, не оставались в долгу; начинались ссоры, которыя императору с трудом удавалось уладить. Одно только объединяло всех итальянцев—общая ненависть к ним греков, ненависть, доходившая до того, что когда Джустиниани стал просить помощи у Нотары, византийский адмирал отказал на-отрез, иронически заметив, что такие храбрые люди, как генуэзцы, не нуждаются в помощи.

Но и сами греки недружелюбно смотрели друг на друга. Простой народ считал турецкое нашествие наказанием за грехи «азимитов»,—сторонников унии. Когда император проходил по улицам, ему нередко приходилось слышать горькия укоризны, а иногда и грубую брань. Последняя связь, некогда соединявшая в одно целое разноплеменное население Византии, было разрушена унией 1439 года. Государственная власть, перестав быть православной, перестала быть властью в глазах народа. Собственно говоря, Византия уже пала; сопротивлялся город Константинополь, и если бы даже туркам не удалось его взять в 1453 г., империя все же не была бы возстановлена. Но неудача турок была почти немыслима. Их силы, сравнительно с силами греков, были громадны. По самому умеренному,—и самому близкому к истине исчислению, у Магомета II было не менее 200,000 человек. Правда, что в это число входили крестьяне, согнанные для осадных работ, и толпы всякаго сброда, кое-как вооруженнаго, привлеченнаго надеждой на добычу. Янычар было 15,000 человек. Флот состоял из 250 судов, но в нем было только 14 больших галер, при том же экипаж был плохо обучен, неопытен. Зато сухопутная армия была так дисциплинирована, как, наверное, ни одно европейское войско того времени. В турецком лагере все безпрекословно подчинялось железной воле Магомета II. В ту минуту, когда была объявлена война и затворены ворота Константинополя, несколько турецких солдат, зашедших что-то купить на городском рынке, не успели уйти и попали в плен. Греки, не желая пользоваться их оплошностью, хотели отпустить их на другой день в турецкий лагерь. «Отпустите нас сейчас», сказали турки, «или убейте, султан все равно велит нас казнить, если мы опоздаем к вечерней перекличке».

Против такого войска разъединенное население города не могло долго устоять. Если Константинополь мог продержаться два месяца, то это нужно объяснить крепостью его стен и особенно его благоприятным географическим положением. Царьград представляет собою треугольник с периметром около 17 верст. Самая длинная сторона треугольника обращена была на юг, к Мраморному морю; самая короткая, северо-восточная часть города шла по берегу константинопольской гавани, так называемаго Золотого Рога, длиннаго и узкаго залива, длиною около 4 верст. По ту сторону Золотого Рога находилось поселение генуэзских купцов, Галата,—теперь константинопольское предместье, а тогда совершенно самостоятельный город с независимым управлением. Во время осады Галата, как и ея метрополия, соблюдала нейтралитет, т. е. не пристала ни к той, ни к другой стороне. На деле генуэзцы служили обеим сторонам: в то время, как одни из них переправлялись ночью через Золотой Рог, чтобы сражаться на стенах города, другие были шпионами турецкаго султана.

Осада

Таким образом, с юга, с востока и с севера город был неприступен. Золотой Рог запирался массивною железною цепью, и в него турки не могли проникнуть; приступ со стороны открытаго моря представлял еще больше трудностей. Оборонять приходилось только одну сторону,—западную, обращенную к материку. Здесь была двойная стена с башнями; в средине находились ворота св. Романа,—самое крепкое и самое важное место всей ограды. Против этих ворот были направлены главныя усилия Магомета; здесь действовала громадная пушка Урбана,—отчего у турок эти ворота получили название «пушечных»—Топ-капу. Здесь были расположены главныя силы греков (до 3,000 челов.) под личным начальством Константина XI; его непосредственным помощником был Джустиниани.

Огонь турецкой артиллерии был успешнее, чем обыкновенно думают, хотя орудия иногда лопались,—в том числе разорвало и большую пушку Урбана; но тогдашния пушки действовали слишком медленно: в день из одного орудия можно было сделать не более 8 или 9 выстрелов. Чтобы усилить атаку, Магомет прибегнул к старым, средневековым военным машинам. Турки выстроили подвижную башню на колесах, в несколько этажей, и подкатили ее к городскому рву. Она была покрыта тремя рядами бычачьих кож, в предупреждение пожара; однако осажденным все-таки удалось сжечь ее при помощи знаменитаго «греческаго огня». Турки стали вести подкопы, но здесь встретили умелаго и энергичнаго противника в лице немецкаго инженера Иоганна Гранта, который повел контр-мины и взорвал подкоп на воздух. Между тем оказалось, что флот турецкий, негодный для наступательных действий, неспособен исполнять даже обязанностей караульщика: 20 апреля четырем галерам—трем генуэзским и одной византийской—удалось войти в гавань перед всеми турецкими кораблями. В происшедшем сражении вполне оправдалось турецкое изречение: «Аллах даровал землю правоверным, а море неверным»; несмотря на громадное численное превосходство, турки потерпели значительно больше христиан.

Магомет понял, что пока греки владеют гаванью, осада не будет полной, и Константинополь постоянно будет получать подкрепления с моря. С этой минуты главною целью его нападения сделался Золотой Рог. 23 апреля началась колоссальная работа: так как вход в порт был заперт цепью, султан решил перетащить туда корабли по-суху, сзади Галаты. Был устроен досчатый помост, длиною около 3 верст, намазанный салом, чтобы уменьшить трение; по этому помосту, 19 мая, 60 небольших галер были передвинуты в бухту. В то же вре-

мя на высотах Перы, к северу от Галаты, были устроены сильныя батареи, вдоль и поперек обстреливавшия залив. Христианский флот должен был укрыться от выстрелов под стены Галаты, которая турками не осаждалась, и стал совершенно безполезен. Турки навели через Золотой Рог мост на судах, позволявший им штурмовать ограду со стороны гавани. Нападения с двух сторон город, очевидно, выдержать не мог.

Приступ

Теперь султан стал готовиться к решительному приступу. Ворота св. Романа были, наконец, разрушены его пушками. 29 мая начался общий штурм. Вперед были посланы отряды плохо вооруженных добровольцев: лучшия войска Магомет берег для решительной минуты. Подгоняемыя сзади палками, эти нестройныя толпы спустились в ров, но не могли овладеть стенами. Второе и третье нападение также были отбиты. Между тем ров наполнился трупами; силы христиан стали упадать; густое облако дыма от залпов огнестрельнаго оружия и греческаго огня покрыло город, застилая глаза осажденных. Тогда султан двинул на брешь своих янычар. Джустиниани был перед этим смертельно ранен, и Константин остался без помощника. Окруженный небольшою кучкой уцелевших греков и генуэзцев, император защищался еще некоторое время, но был, наконец, оттеснен от ворот. Янычары ворвались в город. Константин был убит в схватке среди густой толпы турок; подробности его смерти остались неизвестны, и это дало некоторым повод думать, что он спасся. Но его труп был найден; его признали турки по золотым орлам, нашитых на красных императорских сапожках. Его голову принесли к Магомету, и пленные греки признали своего императора. Тогда султан велел выставить ее на высокой колонне, увенчанной конною статуей Юстиниана. Голова Константина была положена между ногами лошади,—жестокая ирония, если припомнить, что у народов Востока пожелание победы выражается словами: «пусть головы твоих врагов падут под ноги твоего коня».

Битва у ворот св. Романа решила судьбу этого дня. Сопротивление продолжалось еще кое-где, но оно не имело более смысла,—турки были хозяевами города. Впрочем, масса населения не принимала участия в битве; она столпилась около храма св. Софии, ожидая исполнения древняго пророчества. Говорили, что когда турки войдут в город и достигнут колонны Константина, ангел сойдет с неба и истребит их. Ожидание было, разумеется, напрасно; турки безпрепятственно проникли в храм и захватили всех, кто там находился. Начался грабеж, продолжавшийся трое суток; особенно пострадали церкви и монастыри, откуда турки забрали всю драгоценную утварь. Множество народа было уведено в плен, большею частью из лучших, зажиточных семейств города; турки старались брать тех, кто мог дать за себя хороший выкуп. Простонародье осталось нетронутым, как и при других турецких завоеваниях.

Около полудня султану донесли, что город в его власти. Окруженный своими визирями, пашами и телохранителями, Магомет II торжественно въехал через ворота св. Романа в Константинополь. Он отправился прежде всего к св. Софии. Внимательно осмотрев храм, он удивлялся его размерам и красоте; особенно ему понравились великолепныя мозаики, изображавшия Богоматерь, евангелистов и апостолов: Магомет далеко не был лишен художественнаго вкуса. Он жестоко разгневался на какого-то турка, который вздумал портить паперть храма, выламывая мраморныя плиты из пола. Султан ударил невежественнаго ревнителя ислама саблей так сильно, что того унесли за-мертво.

«Довольно дал я вам добычи»,—сказал Магомет,—«а это принадлежит мне». Когда султан окончил свой осмотр, из рядов его свиты выступил муэззин и призвал правоверных к молитве. В величайшем храме православнаго востока водворился культ Магомета.

Главными врагами турок были униаты; султан счел себя обязанным, поэтому, показать свое благоволение к православной партии: он прежде всего посетил дом Луки Нотары и обошелся с греческим адмиралом довольно милостиво. Но эта милость длилась недолго. На другой день султан праздновал победу. Во время пира он позабыл о предписании своего пророка; вино лилось рекою. В припадке пьянаго гнева султан велел казнить Нотару и его сыновей. Головы казненных принесли к Магомету; он велел их положить на стол. Этот дикий пир был грубо-наглядным доказательством совершившейся перемены. Константинополь был уже теперь Азией, а не Европой; восточное варварство завладело наследством ромейских кесарей и по-своему справляло по ним поминки.

Падение Царьграда представляют себе как катастрофу, страшно разрушительную в материальном отношении. Это не совсем верно. Турки разрушали гораздо меньше, чем французские рыцари в 1204 г. Сколько погибло народа во время приступа,—нет никакой возможности определить. Показания современников колеблются между 4,000 и 60,000 убитых со стороны греков. Последняя цифра совершенно невероятна: в Константинополе вряд ли было более 100,000 населения, между тем, турки взяли до 50,000 пленных,—и после этого город вовсе не опустел. Во всяком случае, по числу человеческих жертв любое из больших сражений новой истории гораздо ужаснее Константинопольскаго приступа.

Последствия падения Константинополя

Значение события не в его внешних размерах, а в его историческом смысле. С лица земли исчез последний уголок античнаго мира. По свидетельству современника (гуманиста Филельфо), в Константинополе еще в XV веке говорили на чистом греческом языке. Много образованных греков бежало теперь на запад, унося с собою остатки «эллинской мудрости», античной философии и литературы. Они дали сильный толчек уже начавшемуся гуманистическому движению; падение Константинополя стало для западной Европы меткой культурнаго перелома. Это культурное движение не пошло дальше запада, и однако же для востока Европы победа Магомета II, может быть, имела еще больше значения. После смерти Константина XI единственным независимым православным государем на земле остался государь московский. На него перешло представительство восточнаго православия. По теории московских книжников, должно было существовать три Рима; первый завоевали германцы, второй турки; третьим была Москва, а четвертому не быть. Эта вера глубоко вкоренилась в умах московских людей: в их глазах московски царь был прямым наследником кесарей ромейских.

М. Покровский

LXXI. Жанна д'Арк

Франция в эпоху Труаскаго договора

Война, которая почти непрерывно продолжалась между Францией и Англией с половины XIV века и до половины XV-го и известна под названием Столетней, привела Францию в начале XV века в полное разстройство. Царствование Карла VI, душевнобольного, продолжавшееся около 40 лет, представляет собою печальныя страницы в истории Франции. В это время Франция была раздираема междоусобною борьбой двух партий—орлеанской и бургонской, желавших одинаково пользоваться властью над страной и управлять от имени больного короля. К внутренним бедствиям присоединилось нашествие англичан, руководимое таким выдающимся политическим деятелем и полководцем, каким был Генрих V, король английский. Не получив удовлетворения своих притязаний на французскую корону, он снарядил экспедицию и в 1415 году высадился во Франции. Через два месяца он одержал над французами знаменитую победу при Азинкуре. Эта победа, поставившая Францию на край гибели, не прекратила, однако, междоусобной вражды партий. Во главе одной партии в это время стояли герцог Бургонский Иоанн Безстрашный и королева Изабелла, жена больного короля; во главе другой стоял граф Арманьяк: он руководил дофином Карлом, младшим сыном короля, сделавшимся за смертью старших братьев наследником престола. Борьба этих партий и постоянныя междоусобныя войны дали возможность английскому королю занять Нормандию, завладеть Руаном и распоряжаться в северной Франции на правах законнаго государя.

Взятие Руана встревожило Францию. Патриоты требовали примирения партий: только их взаимное согласие могло спасти страну от порабощения. Мир между партиями был, повидимому, возможен. Дофин Карл (графа Арманьяка в это время уже не было в живых) и герцог Иоанн Бургонский примирились, заключили между собою союз и обещали общими силами отражать нападение англичан. Но союз этот оказался непрочен. Приближенные дофина вооружили его против Иоанна и непременно желали отмстить последнему за смерть герцога Орлеанскаго. Во время свидания с дофином Иоанн Бургонский был вероломно

Пособия: *H. Wallon.* Jeanne d'Arc; *H. Martin.* Jeanne d'Arc.

убит. Несомненно, что это убийство произошло не без участия дофина, так как герцог был вызван им самим на свидание. Это гнусное преступление принесло ужасные плоды для Франции: сын и преемник Иоанна Филипп, раздраженный убийством отца, вступил в союз с англичанами, чтобы отмстить дофину. Филипп признал права Генриха V на французскую корону и обещал помогать ему приобрести ее. Генрих обещал жениться на дочери Карла VI Екатерине и оставить королевский сан за Карлом VI до самой его смерти. Королева Изабелла признала этот договор, и в городе Труа торжественно было отпраздновано обручение Генриха с Екатериною; все присутствовавшие французские вельможи и прелаты дали клятву соблюдать условия договора, заключеннаго с Генрихом, который был признан наследником французскаго престола и правителем французскаго королевства до смерти душевнобольного Карла VI. Париж, страдавший от голода и болезней во время междоусобной войны, с восторгом принял Труаский договор и прославлял короля Генриха, обещавшаго сохранить неприкосновенными все права французов, соблюдать французские законы, охранять права французских трибуналов и, в частности, парижскаго парламента, и тем самым поставить законный порядок на место произвола и тирании. Генриху V не удалось воспользоваться правами, приобретенными по Труаскому договору. Через два года, в 1422 году, он умер, а вскоре после него умер и Карл VI. Теперь все права, приобретенныя Генрихом V, переходили к его сыну (младенцу 10 месяцев), Генриху VI. Ребенок был объявлен королем Франции, и регентом за него был назначен дядя его герцог Бедфордский. Власть Генриха VI признала вся северная Франция до самой Лоары (Нормандия, Иль-де-Франс и др. области). Положение дофина, лишеннаго престола Труаским договором, становилось критическим: оттесненный за Лоару, он жил в Бурже (почему его в насмешку называли «буржским королем») и, благодаря своей неспособности и легкомыслию окружавших его, не мог представлять серьезнаго соперника твердому и энергичному герцогу Бедфордскому. Франция должна была бы подчиниться иноземному игу, но ее спасло национальное чувство, пробудившееся в народе среди таких тяжелых обстоятельств. Как ни призрачна была власть Карла VI, как ни ничтожна была его личность, все же он был для французов предметом религиознаго уважения: он был представитель законной власти, освященной преданием и церковью, он был представитель исконной национальной династии Эти чувства уважения и преданности национальному королю должны были естественно перейти и на дофина Карла, сына короля, законнаго наследника престола. К этому присоединялось и чувство ненависти к англичанам, к иноземному гнету, иноземной власти, основанной на насилии, на завоевании. Бедствия, обрушившияся на Францию, не пощадили ни одного сословия, и более всего терпели, конечно, жители городов и крестьяне. Среди междоусобий и нашествия иноземцев горожане теряли все свое благосостояние, торговля и промышленность были в полном разстройстве, а крестьяне, поля которых подвергались опустошению и дома разрушению, вынуждены были или бежать в леса, ища себе безопаснаго убежища, или с оружием в руках защищать свое скудное достояние. Постоянные поборы для содержания наемных солдат, контрибуции победителей и грабежи как своих, так и чужих войск, совершенно разорили народ.

Народное настроение

В такая эпохи всеобщаго бедствия народ всегда делается особенно склонным к мистицизму. Не находя уже никакой помощи на земле, он ожидает помощи свыше. Так было и

теперь. Появились пророки, которые бичевали грехи общества, указывая на них, как на причину всех бедствий. Кармелитский монах Фома Куэт прошел всю северную и восточную Францию и всех возбуждал своею обличительною проповедью. Разсказывали, что какой-то ясновидящей, по имени Марии Авиньонской, были видения, в которых ей предлагали оружие, но она убоялась. Тогда ей было откровение, что это оружие предназначается для молодой девушки, которая придет и спасет Францию от врагов. Вспоминали и старинное пророчество Мерлина, который говорил, что дева нападет на стрелка (при чем он разумел смешение звезд в конце мира), и это пророчество применяли к современному положению. «Придет», говорили, «девица и покорит себе под ноги людей, стреляющих из лука». К этому вспоминали и еще пророчество, что дева должна прийти из дубоваго леса с границ Лотарингии.

Таково было настроение народа, когда его охватила великая идея спасения независимости родины под священною властью законнаго короля. Выразительницей этой идеи, спасительницей Франции и престола явилась простая крестьянская девушка, по имени Жанна д'Арк.

Призвание Жанны д'Арк

Жанна д'Арк родилась 6 января 1412 года в селении Домреми, принадлежавшем аббатству св. Ремигия Реймсскаго; селение это лежало на границе между Лотарингией и Шампанью. Отец ея был простой крестьянин. С малолетства Жанна занималась всеми сельскими работами наравне с своими сестрами и братьями. Это была крепкая, здоровая и красивая девушка, развившаяся не по летам. С детства отличалась она серьезным и сосредоточенным характером, сторонилась веселой молодежи и проявляла экзальтированное и религиозно-мечтательное настроение. Это настроение в ней поддерживала вся окружающая обстановка: и старая церковь, отделенная от дома ея отца небольшим садом, и кладбище, окружавшее церковь, и росший недалеко на поляне «заветный» дуб, где, по преданию, жили феи и духи, и под которым она любила сидеть.

Жанне было 15 лет, когда английские и бургонские отряды проникли до ея родных мест и стали опустошать берега Мааса. Сердце ея обливалось кровью при разсказах о страданиях народа, о бедствиях короля, о тягости иноземнаго английскаго ига, лежавшаго на Франции.

Постоянные толки о том, что некому защитить народ, что сам король прогнан за Луару, что вся надежда на Бога и Его чудесную помощь,—не остались для нея без следа. Она молилась в это время св. Екатерине и Маргарите, в честь которых была построена недалеко от ея дома часовня, о ниспослании народу помощи в бедствиях. И под влиянием всего этого она прониклась идеею посланничества и почувствовала в себе силы и уверенность совершить подвиг. Сама Жанна после на суде разсказывала, что ей стали являться видения, и слышались голоса, говорившие: «Иди во Францию[1], спасай дофина, который через тебя возвратит себе королевство». Первый раз эти голоса послышались Жанне, когда ей было 14 лет; затем являлся ей архангел Михаил с пламенным мечем, воодушевлял в ней воинственное мужество и посылал во Францию. Три года продолжалось так: небесные голоса все чаще и чаще слышались ей и все настойчивее посылали ее на войну. Она сама вполне уве-

1 Так называли жители Лотарингии всю страну к западу, считая своею родиною только Лотарингию.

ровала в свое призвание и постоянно упрекала себя за медлительность и нерешительность. Когда же в 1428 году бургонские отряды снова стали опустошать берега Мааса, и даже самое селение Домреми подверглось разрушению, решимость повиноваться небесному голосу овладела душой Жанны с неодолимою силой.

Она пошла в селение Бюре к брату своей матери, попросила его провести ее к Бодрикуру, коменданту ближайшаго города Вокулёра, убеждая своего дядю, что на ней исполняется старое пророчество о том, что Франция, погубленная женщиной, будет спасена девушкой. «Эта женщина—королева Изабелла, а девушка—я». Так говорила Жанна. Дядя, убежденный ею, отправился в Вокулёр к Бодрикуру и просил конвоя провести Жанну к дофину, но Бодрикур прогнал его с насмешкой. Тогда Жанна явилась сама к Бодрикуру и говорила ему о своем призвании, но он и к ней отнесся с насмешкой и счел ее помешанною. Жанна осталась жить в Вокулёре. Скоро там распространился слух о ея видениях. Твердость ея веры и искреннее, примерное благочестие обратили на себя внимание жителей города; они прониклись к ней уважением, и Бодрикур, наконец, согласился исполнить ея требование. Жанна послала сказать опечаленным отцу и матери, что она уезжает и просит у них прощения. Сами жители Вокулёра и дядя Жанны собрали деньги на покупку ей коня и на путевыя издержки. Она надела платье воина и в сопровождении нескольких рыцарей и солдат отправилась в замок Шинон, близ Буржа, где была тогда резиденция дофина Карла.

Дофин Карл

Карлу VII в то время было 26 лет. Это был безхарактерный и легкомысленный человек, проводивший все время в наслаждениях и удовольствиях, неспособный ни к какой энергической деятельности. Несмотря на свои молодые годы, он чужд был всяких увлечений: его нисколько не привлекали военные подвиги и слава героя, защитника отечества; он, напротив, избегал всякаго безпокойства, желая проводить время в праздности и удовольствиях. Его очень трудно было подвинуть на какое-либо решение, и если даже он поддавался чьему-либо убеждению и решался действовать, то отступал от своего решения тотчас же, как только видел, что от него требуют напряжения сил и некотораго риска. Окружавшия его лица были по большей части ничтожны, мелочны, заботились только о своих выгодах, и лишь немногие готовы были стоять за дело Франции и побуждали дофина. К этим последним Карл относился подозрительно и недоверчиво, и их прямота была ему неприятна.

Напротив, ничтожные льстецы пользовались его большим доверием и вниманием. Естественно, что при таком характере трудно было разсчитывать на успех дела Карла. Повидимому, все было против него. Нужны были твердая решимость и непоколебимая вера крестьянской девушки, чтобы поднять дух окружавших короля и внушить им надежду на успех.

Самое путешествие из Вокулёра в Шинон к двору Карла VII, предпринятое Жанной с такою решимостью, было для того времени уже геройским подвигом: нужно было проходить через местности, занятыя бургонцами и англичанами; дороги были испорчены, мосты разломаны, но ничто не устрашало Жанну. Приблизившись к Шинону, она остановилась в местечке Фьербуа, усердно молилась в церкви св. Екатерины, которую считала своею покровительницей. Здесь она ждала от Карла разрешения явиться в Шинон. Карл велел ей прийти, но все же колебался принять ее. Любимец его Тремуль и другие придворные не

желали допустить до него девушку, возбуждавшую в народе энтузиазм, опасаясь, что она повредит их влиянию на короля. Только благодаря настоянию герцогини Анжуйской, Жанна спустя некоторое время была принята королем в присутствии всего двора. Для простой деревенской девушки, какою была Жанна, личность дофина, представителя исконной королевской династии во Франции, была предметом религиознаго уважения. Проникнутая этим чувством, она сумела найти его среди придворных, когда он, желая испытать ее, спрятался в толпе. Она смело подошла к королю и громко сказала: «Я послана Богом помочь Вам и Вашему королевству и воевать с англичанами... Говорю Вам, что Бог сжалился над Вами, над Вашим королевством и над Вашим народом, потому что св. Людовик и Карл Великий молят Его за Вас». В дальнейшей беседе с королем, как бы отвечая на тайныя сомнения короля в его праве, как законнаго наследника, искать французскую корону, она «именем Бога» уверила его, что он истинный наследник престола Франции и законный сын короля Карла VI.

Этим она убедила короля в своем посланничестве свыше. Нужно было убедить и других, в особенности духовенство, которое, по средневековому суеверию, склонно было видеть в Жанне проявление козней злого духа; нужно было испытать ея правоверие.

Для этого в Пуатье были созваны епископы и доктора богословия, и Жанна на все предложенные ими вопросы отвечала вполне удовлетворительно. Они требовали знамения в удостоверение того, что она истинная посланница Бога;—она говорила: «Дайте войско, я пойду в Орлеан, сниму осаду и проведу короля в Реймс». Духовенство признало ее праворверною, и король согласился послать ее с отрядом войска на помощь Орлеану. Ей дали свиту, как полководцу, и она повела войско из Блуа в Орлеан с обозом съестных припасов и оружия для осажденных. Готовясь в поход, Жанна объявила, что под престолом в церкви св. Екатерины в Фьербуа лежит в земле меч, с которым она должна итти на войну. Этот меч нашли и вручили ей. По ея указаниям для нея было сделано белое знамя с золотыми лилиями (лилии—герб французских королей) и с изображением Спасителя.

Обращение к герцогу Бедфордскому

С этим знаменем в руках она двинулась во главе войска к Орлеану. Перед войском ея шли священники с пением гимнов. Народ смотрел на нее с энтузиазмом: он верил, что она спасительница Франции. Отправляясь в поход, Жанна послала герцогу Бедфордскому и другим английским военачальникам следующее письмо:

«Иисус-Мария! Вы, король английский, и Вы, герцог Бедфордский, именующий себя регентом королевства французскаго, (дальше идет перечисление полководцев английских) —покоритесь Царю Небесному: возвратите Девственнице, посланнице Бога, Царя Небеснаго, ключи всех городов, которые вы силою захватили во Франции. Она послана Богом, чтобы возстановить права царственной крови. Она готова заключить с вами мир, если Вы ее послушаетесь, возвратите Франции ея права и заплатите за все, что вы у нея отняли. Вы все, стрелки, воины, дворяне и все, которые стоите под Орлеаном, возвращайтесь с Богом в свою страну; в противном же случае ждите вестей от Девственницы, которая скоро появится между вами, к вашим великим бедствиям.

Король Англии, сим объявляется Вам, что если Вы так не поступите, то я, как военачальник, выгоню ваших воинов из Франции, где бы их ни настигла, и они уйдут из нея во-

лей или неволей. Если они не захотят повиноваться, то я их всех истреблю. Я послана Богом, Царем Небесным, чтобы изгнать вас из Франции. Если же вы повинуетесь, я помилую вас. И не упорствуйте долее в желании овладеть Францией, ибо она под покровительством самого Бога, Царя Небеснаго, Сына св. Девы.

Ею будет владеть король Карл, законный наследник, ибо так хочет Бог, Царь Небесный, и Карлу об этом уже было откровение через Девственницу....» Дальше говорится в письме: «Вас, герцог Бедфордский, Дева просит и убеждает ничего не разрушать. Если Вы ей повинуетесь, будете вместе с нею там, где французы совершат великия дела во имя христианства.[1]

Дайте знать, если хотите заключить мир в Орлеане. Если же так не сделаете, великия бедствия заставят Вас пожалеть об этом. Написано сего 22 марта, во вторник на Святой неделе».

Освобождение Орлеана

Отважное предприятие (помощь осажденному Орлеану), исход котораго должен был показать, что Жанна—посланница Бога, имело полный успех. Не встречая сопротивления, Жанна 28-го апреля вступила в Орлеан, восторженно приветствуемая народом. Она ехала на белом коне, одетая в латы, волосы ея по тогдашнему обычаю были коротко подрезаны. 6-го мая она повела осажденных и свой отряд на вылазку и после упорной битвы, в которой была ранена в плечо, взяла форт Турнель, одно из сильнейших укреплений англичан. Этот успех еще более воодушевил ея войско. В стальных латах, с шлемом на голове и со своим знаменем в руках, она водила воинов на битву и всегда была впереди их, вселяя неприятелю суеверный ужас. При всем своем увлечении и энтузиазме, вследствие природной силы ума своего, она всегда отличалась трезвою разсудительностью и политическою проницательностью. Она участвовала в сражениях, которыя давали англичанам Дюнуа и Лагир, лучшие полководцы Карла VII, и ея советы всегда им оказывались полезны.

7-го мая произошла кровавая битва под Орлеаном, англичане были разбиты на-голову и на другой день сняли осаду и удалились от города. Жители Орлеана приписывали свое освобождение исключительно Божьей помощи и посланнице его Жанне и установили праздник Девственницы (8 мая), который праздновали из года в год, из века в век.

Впечатление событий под Орлеаном было поразительно: те, которые стояли за национальную идею, теперь одушевились, кто колебался между партиями, кто склонялся к иностранному влиянию, поняли величие этой идеи и готовы были служить возрождению Франции, веря, что сам Бог посылает своего ангела спасти и возстановить национальную власть.

Коронация в Реймсе

Исполнив одно обещание, как знак своего посланничества, Жанна не медлила исполнением другого. На следующий день после того, как англичане ушли из-под Орлеана, она двинулась обратно к Карлу, чтобы поторопить его итти в Реймс. Карл и весь двор оказывали сопротивление и не верили в возможность достигнуть Реймса; говорили, что у них нет достаточнаго количества войска, а враги Франции сильны. Жанна возражала: «Я с помо-

1 Эти слова Жанны свидетельствуют о ея мечте устроить крестовый поход.

щью одной моей палки проведу короля безпрепятственно и безопасно в Реймс, и вы увидите его коронованным». Карл под влиянием своих советников противился, и Жанне едва удалось выпросить у дофина позволение отправиться к войскам Дюнуа и герцога Алансонскаго, предпринявших завоевание городов, подвластных англичанам.

Несмотря на малочисленность французскаго войска, оно в нескольких битвах разбило врагов: большая часть английских солдат была перебита, полководцы, с Тальботом во главе, попали в плен и были выпущены за большие выкупы; Фальстаф, герой английских войск под Орлеаном, бежал. Такие успехи французскаго войска нужно объяснить не только его энтузиазмом, возбужденным присутствием Жанны, но и полным нравственным перерождением. Орлеанская дева совершила чудеса, ея влияние совершенно преобразовало французскую армию: из деморализованной армия стала примерною по дисциплине; пороки были изгнаны, грабежи и насилия прекращены, и солдаты, взирая на Жанну, как на святую, повиновались ей безпрекословно. Теперь поход в Реймс стал необходим: это было общее желание,—народный крик призывал короля в Реймс. Карл, уступая требованию народа, с 12 тысячами войска двинулся в путь, но несколько раз с дороги хотел возвратиться. Особенно поколебалась его решимость, когда город Труа, опасаясь его мщения, запер перед ним ворота. Но Жанна стала готовиться к приступу, и испуганные жители города вышли к королю и упали к его ногам; он ободрился и после того безпрепятственно через Шалон прошел в Реймс. В Реймсе произошла коронация по всем формам того времени. Во время этой церемонии Жанна, держа свое знамя, стояла у алтаря, присутствуя, по выражению одного писателя, как ангел Божий при возрождении Франции. Когда Карл был провозглашен королем и получил от архиепископа священное помазание, Жанна подошла к нему и, павши на колени, сказала: «Теперь исполнилось желание Бога,—вы коронованы, и тем исполнено указание, что вы истинный король, которому должно принадлежать королевство».

Поход на Париж

Слава Жанны достигла высшей степени. Не только во Франции взирали на нее с надеждою, но и Германия, Италия и Нидерланды ждали от нея многаго. Сама она считала задачу свою еще далеко неоконченною: она должна была вернуть Карлу Париж и прогнать англичан за море. Мало того, она мечтала во всем христианстве водворить мир, поколебленный гуситскими войнами и, наконец, завоевать Святую землю. Теперь в руках 18-тилетней девушки была судьба государств, и наверху этого счастья, этой славы не враг-англичанин был ей страшен,—он не мог бы устоять против поднятой ею народной массы, он не мог бы устоять перед нею и потому, что верил в ея сверхъестественную силу и считал ее несокрушимою силой ада,—для Жанны страшны были не враги на войне, а враги-предатели при дворе короля. Коронование Карла произвело сильное впечатление на северную Францию. Шампань готова была признать его власть; Лан, Суассон, Шато-Тьери, Компьен отворили ему ворота; из города Бове был прогнан епископ Кошон, приверженец англичан; Пикардия и Иль-де-Франс волновались, и если бы король пошел немедля к Парижу, война быстро кончилась бы в его пользу. Жанна старалась склонить короля к походу на Париж, но все ея усилия встречали препятствия со стороны боязливаго и вялаго короля и разстраивались интригами придворных. Между тем герцог Бедфорд собирал значительныя силы для обороны: он возобновил союз с Филиппом Бургонским и возбуждал в Париже низшие классы против партии короля. Он послал Карлу оскорбительное письмо, называя его «Карлом Ва-

луа, несправедливо называющим себя королем», упрекал его, что он при содействии женщины, ведущей дурную жизнь и носящей мужское платье, вводит народ в суеверное заблуждение, и возлагал на него всю ответственность за кровопролития и другия бедствия, которым он подвергал Францию. На такую обиду следовало бы отвечать энергичным отпором и итти прямо на Париж, но король медлил и тратил время на попытки заключить мир с герцогом Бургонским. Только тогда, когда герцог Бедфорд удалился в Нормандию, король наконец согласился итти на Париж. 27-го августа войска заняли С.-Дени и 8 сентября подступили к Парижу. Город был снабжен хорошо съестными припасами, и в нем был сильный гарнизон. Парижане ненавидели «Карла Валуа, труса и тиранна», как они его называли, и боялись мести его партии. Жанну они считали, как и англичане, колдуньей, орудием диавола, и потому ея боялись. Жанна сделала нападение на Париж, но встретила сильное сопротивление; король оставался в С.-Дени и не принимал участия в приступе; его полководцы, сопровождавшие Жанну, были ея врагами. Несмотря на все препятствия, Жанна проникла в предместье С.-Онорэ и вошла было в город, но во время стычки была ранена; она отступила, думая на другой день возобновить осаду—тем более, что могла уже разсчитывать на поддержку в Париже: на ея сторону перешел Монморанси с 50 вельможами,—но король велел войску отступать. Жанна опечалилась, негодовала и, положив в С.-Дени на церковный престол свое оружие, хотела покинуть короля, но убежденная им, осталась и поехала с ним в Бурж. С этих пор, после первой неудачи под Парижем, обаяние Жанны начинает ослабевать: достаточно было одного нерешительнаго шага, одной неудачи, хотя бы зависевшей от побочных причин, чтобы поколебать веру в ея непобедимость, а вместе с тем поколебалось то безпрекословное повиновение, тот внутренней порядок, который был водворен Жанной во французском войске. После отступления из С.-Дени войско уже не проникалось энтузиазмом при виде ея, и она видела, как исчезала водворенная дисциплина, и на место ея снова распространялись буйство и разврат. Если таково было настроение среди войска, то атмосфера, царившая среди знати, была еще хуже. Жанна хорошо сознавала, что развратный, вечно интригующий двор не место для нея, она понимала также, что влияние ея на короля ослабело, что он уже начал тяготиться ея присутствием в войске. Кроме того, начали появляться подражательницы, что, конечно, еще более подрывало ея авторитет.

Плен

Нисколько месяцев Жанна провела в Турени, Пуату; военный действия французских войск ограничивались в это время мелкими стычками у Лоары. Наконец стали приходить известия, что англичане и бургонцы одолевают французов в Иль-де-Франсе и Пикардии. Тогда Жанна решилась покинуть неблагодарнаго короля и враждебный ей двор и итти с небольшим отрядом преданных ей воинов против англичан и бургонцев. Она пошла на север, где англо-бургонское войско осаждало Компьень. При Линьи французское войско одержало победу и ночью проникло в осажденный город. На другой день была сделана вылазка, и Жанна достигла селения Мариньи, где стоял сильный бургонский отряд. Отряд Жанны был подавлен многочисленностью бургонцев и начал отступать; она мужественно прикрывала отступление, но когда уже большая часть воинов скрылась в город, неприятельский отряд оттеснил ее к берегу реки, и она была взята в плен рыцарем Жаном Люксенбургом, вассалом герцога Бургонскаго. Ее отослали в замок Бальё и держали там под

крепкою стражей. Плен Жанны произвел самое различное впечатление: англичане были в восторге, что колдунья попалась в руки герцога Бургонскаго; двор Карла VII не скрывал также удовольствия, что отделался от девушки, которая хотела делать по-своему и направлять согласно своим желаниям политическия события; только бедные жители деревень и городов, преданные Жанне и ожидавшие, что она своею деятельностью, своими успехами снимет с них невыносимую тягость войны, были поражены ужасом при этом известии. В Орлеане, в Труа, в Блуа,—всюду служились молебны, совершались торжественныя религиозныя процессии, и молились о спасении Жанны.

Разсчетливый герцог Бедфорд хотел воспользоваться неожиданным счастьем. Вскоре после коронования Карла в Реймсе, он короновал своего племянника Генриха VI в Винчестере королем английским и французским и привез его во Францию, чтобы здесь повторить коронование. Герцог был в Руане, когда разнеслась весть о плене Жанны, и он разсудил, что для англичан очень важно иметь ее в своих руках. Но Филипп не хотел выдать свою важную добычу. Парижский инквизиционный суд и университет требовали выдачи Жанны, чтобы предать ее суду за ересь. Филипп отказал. Герцог бедфордский нашел себе союзника в бывшем епископе бовеском Пьере Кошоне, изгнанном из своей епархии народом при сдаче города Карлу VII. Пьер Кошон готов был на все услуги англичанам, чтобы получить вакантную архиепископскую кафедру в Руане. Кошон требовал, чтобы Жанна была выдана ему, потому что была взята в плен в его епархии; это требование он поддерживал обещанием Жану Люксенбургу от имени короля английскаго и французскаго 10.000 золотых. Жан согласился и уговорил Филиппа согласиться, так как тот нуждался в дружбе англичан, чтобы установить свою власть над Брабантом. Нормандский сейм собрал эти деньги, и Жанна была куплена англичанами на французския деньги. Жанна очень тосковала в плену и два раза пыталась бежать; второй раз она, спускаясь с башни, упала, ее подняли без сознания, но она не разбилась. Ее выдали англичанам, которые заковали ее в цепи и отвезли в Руан. Герцог Бедфордский и его помощники желали подвергнуть Жанну казни, зная, что, пока она жива, вера в ея посланничество будет ободрять французов. В декабре ее заперли в одну из руанских башен и приковали цепями за шею за руки и за ноги к стене. В январе епископу Пьеру Кошону поручено было подвергнуть ее на церковном суде допросу относительно ея веры; к этому было прибавлено, что если духовный суд найдет ее невинною в ереси, то должен возвратить светскому начальству (тогда ее судили бы за мятеж против законнаго короля Генриха VI-го).

Процесс

Был сформирован церковный трибунал для суда над Жанною; членами его были назначены низкие люди, подобранные из профессоров парижскаго университета и нормандских духовных сановников. Суд начал свои заседания 21 февраля в герцогском дворе под президентством гнуснаго Пьера Кошона и его помощника Ле-Метра, исправлявшаго должность инквизитора Франции. Этот процесс—вечный позор для французскаго духовенства. Монах Николай Уазелёр коварно вкрался в доверие Жанны, выманивал у нея хитрыми вопросами такие ответы, которые можно было перетолковать во вред ей; шпионы ловили каждое слово ея, замечали каждое движение; английские солдаты, день и ночь стоявшие на страже подле нея, наносили ей оскорбления; а самый процесс был поруганием над правосудием. Богословы и юристы, набранные Кошоном, были усердными слугами англичан или действовали

по страху перед ними. Чтобы спутать Жанну, они по несколько человек вдруг засыпали ее вопросами, так что она просила, чтобы они говорили один за другим. Ответы, которые могли служить ей оправданием, не были записываемы. Кроме допросов на суде, Кошон и его помощник делали Жанне тайные допросы в темнице, стараясь запутать ее в противоречиях фальшивыми истолкованиями ея ответов на коварные вопросы. Некоторые из судей протестовали против беззаконнаго ведения дела; их заставляли угрозами молчать или вовсе удаляли. Когда доминиканец Изамбар посоветовал Жанне апеллировать к Базельскому собору, граф Варвик пригрозил бросить его в Сену, если он станет давать советы подсудимой. Жанна была изнурена страданиями в темнице; но не раз она смущала врагов своими наивными, искренними и умными ответами, уничтожая все попытки судей запутать ее в средневековых богословских толкованиях. Жанна непоколебимо продолжала говорить, что все видения и голоса, о которых разспрашивали ее, происходят от Бога, что она получает эти откровения и в темнице и в зале суда, что они подкрепляют и утешают ее, что она делала все во имя Божие, по повелению Божию. Ей ставили в вину то, что она носила мужское платье; она отвечала, что и это было повелено ей Богом. Судьи спросили ее, на знамя ли свое она возлагала уверенность в победе или больше на самое себя. Она отвечала: «я возлагала надежду на Бога и только на Него». От нея требовали ответа, каким средством она внушила королю веру в ея божественное посланничество; она отказалась отвечать; ей угрожали пыткой, велели палачу показать ей орудия пытки и объяснить, как они действуют. Она спокойно отвечала: «если боль вырвет у меня ложныя показания, то я скажу, что говорила только по насилию». Ее спросили, уверена ли она в спасении души своей. Это был коварный вопрос: уверенность в спасении души считалась по средневековой догматике ересью; а если бы она сказала, что не уверена в спасении своей души, это было бы принято за ея собственное признание в союзничестве с диаволом. Жанна отвечала благочестиво и умно: «если я не принята в благодать Божию, то молю Бога принять меня в нее, а если принята, то молю сохранить меня в ней, потому что я лучше хочу умереть, чем быть вне любви Божией». Весьма характерно высказалось желание судей заставить Жанну признать авторитет католической церкви так, как понимали это средневековые теологи, или если она его не признает, объявить ее еретичкой. Судьи ее спросили, подчиняется ли она церкви, и при этом объяснили, что есть церковь торжествующая, где Бог, его ангелы, все святые его и души спасенных, и есть церковь воинствующая, которую составляют папа, наместник Бога на земле, кардиналы, прелаты и духовенство, а также все верующие и добрые католики. Эта церковь, говорили они, вполне благоустроенная, является непогрешимою и управляется Духом Святым. Ее спрашивали: «как относитесь вы к церкви воинствующей, повинуетесь ли вы ей?»—«Я, говорила она, вручаю себя Царю Небесному, Божьей Матери и всем святым, пребывающим в раю. Я полагаю, что наш Господь Спаситель и святая церковь—одно и то же. Зачем же вы стараетесь доказать, что это не одно и то же. Я посланница Бога, святой Девы Марии, всех святых рая и победоносной церкви и действую в силу их указаний. Этой-то церкви я отдаю отчет во всех своих деяниях, которыя я совершила и имею совершить».—«Подчиняетесь ли вы церкви воинствующей?»—«Больше я ничего не отвечу».

Судьи никак не могли допустить, что она имела откровения от Бога. Кошон находил это невозможным уже потому, что она была простолюдинка. Но они принимали за несомненное, что она была одарена сверхъестественною силой, совершала чудеса, и объявили их

действием диавола. От нея требовали обещания, что она не уйдет из темницы без согласия Кошона; она отвергла это требование и сказала, что «уйдет из темницы, если будет на то воля Божия». Жанна не теряла веры в свое избавление, говорила, что до истечения трех месяцев французы одержат победу; небесные голоса предвещали ей, что она будет освобождена. Вероятно, она ожидала, что король сделает все, чтобы освободить свою спасительницу; но он не подумал ничего для нея сделать. Впрочем, англичане едва ли согласились бы взять за Жанну какой бы то ни было выкуп: они хотели отмстить ей, запугать ужасающим делом нацию, начинавшую сбрасывать с себя иноземное иго.

Процесс Жанны длился несколько недель, участь ея становилась все мучительнее. Ей говорили, что она преступница, потому что возбуждала к войне, к пролитою крови. Она желала утешений религии, но ей не дозволяли молиться в церкви, не давали св. Причастия, пока она не снимет мужского платья. Хотели обвинить ее в ереси, но ея правоверие выдержало все испытания. Около Пасхи ея здоровье изнемогло от невыносимых физических и нравственных мучений, она впала в тяжелую болезнь; и английские военачальники уже опасались, что жертва, купленная за такую дорогую цену, будет отнята у них смертью, но ея молодость преодолела болезнь. Англичане хотели опозорить ея память, сжечь ее, как ведьму, чтобы уничтожить ея влияние на умы народа.

По окончании допросов епископ бовеский с несколькими товарищами составил 12 пунктов обвинения, извлеченных, как он говорил, из актов процесса; в них слова Жанны были искажены, было выпущено все, сложившее для ея оправдания, перетолковано во вред ей все неясное; обвинение было написано на латинском языке; Жанне не сообщили его содержания; списки его послали на разсмотрение другим членам суда, некоторым членам руанскаго капитула и парижскаго университета, некоторым представителям других духовных или ученых корпораций, но послали только обвинительный акт, без подлинных актов процесса. Ответы были получены, какие были желательны. В них говорилось, что Жанна действительно заслуживает строгаго наказания, процессом ея действительно доказано, что откровения, о которых говорит она, или лживо выдуманы ею, или произведены диаволом, что она хулила Бога и святых, отпала от истинной веры, призывала злых духов, совращала людей в идолопоклонство, возбуждала к пролитию крови; потому, если она не отречется от своих заблуждений и не покорится приговору церкви, то, как «подозреваемая в еретичестве», должна быть передана светской власти для наказания.

Жанну привели 24 мая (1431 г.) на двор Сент-Уанскаго аббатства. По дороге туда ее убеждали отречься, обещали ей, что в этом случае ея наказание ограничится заключением в монастырь, где будут поступать с ней кротко. Она продолжала говорить о Боге, о своей покорности папе; ей говорили, что этого недостаточно, что она должна отречься от всех своих слов и дел, осужденных руанским трибуналом. Ее взвели на эшафот для выслушания приговора. Проповедник стал говорить речь; когда он говорил, что грешно и постыдно Карлу Валуа быть приверженцем еретички, Жанна с горячностью прервала его: «Говорите обо мне»,—сказала она,—«а не о моем короле, потому что он самый благочестивый из всех христиан». Начали читать приговор, подъехал палач с телегою, чтобы везти Жанну на костер. Она оробела и отреклась. «Если духовные люди решили, что тем видениям и откровениям, какия, по моим словам, я имела, не должно верить и об них не должно говорить, что они истинны, то я не буду говорить этого», сказала она. Ей прочли формулу отречения, пере-

числявшую ея грехи, богохульства и преступныя заблуждения; с улыбкой и выражением лица, похожим на помешательство, она произносила подсказываемыя ей слова. Она не умела писать и вместо подписи должна была поставить под актом своего отречения крест.

Пьер Кошон прочел приговор, осуждавший ее провести всю жизнь в темнице «на хлебе печали и воде огорчения, чтобы каяться в своих грехах и не впадать в них снова». Англичане, бывшие тут, изумились, вознегодовали на Кошона, называли его изменником, говорили, что король понапрасну истратил деньги, но один из судей сказал графу Варвику, коменданту Руана: «Не безпокойтесь, мы поймаем ее».

Французское духовенство достигло своей цели: оно унизило Жанну в глазах народа собственным ея сознанием, из святой сделало ее колдуньей, богохульницей, представило ея дела действиями диавола. Теперь оставалось отнять у нея жизнь. Она надеялась, что покорность церкви освободит ее из-под власти ненавистных англичан, что она будет отдана под надзор духовенства; но когда она потребовала, чтобы исполнено было данное ей обещание, Кошон закричал: «Отведите ее туда, откуда привели!» Ее снова заперли в темницу, одели в женское платье, обрезали ей волосы, заковали в тяжелыя цепи.

Казнь

При ней день и ночь находились три англичанина, два другие стерегли дверь снаружи. Она дала клятву никогда не надевать мужского платья; этою клятвой и воспользовались, чтобы приговорить ее к смерти. Ночью положили ей рыцарскую одежду и унесли женское платье, так что ей было необходимо надеть мужское платье, чтобы встать с постели. После некотораго колебания Жанна надела мужское платье, и можно было сказать теперь, что она впала в преступление, от котораго отреклась. На третий день (28 мая) пришли судьи в темницу Жанны, нашли ее одетою в мужское платье. Она была очень взволнована тем, что ее принудили снова носить это платье. Судьи подвергли ее допросу. Ее спросили, слышала ли она прежния голоса по своем отречении.

Она сказала, что святые снова являлись ей, упрекали ее за то, что она для спасения жизни сама осудила себя. Ей сказали, что она перед духовными сановниками отреклась от своих видений и откровений, как от обольщений диавола. Она отвечала: «Это я сказала против истины от страха перед огнем. Но лучше мне подвергнуться смерти, чем дальше выносить то, что я терплю здесь в темнице». Она прибавила, что не понимала формулы отречения, отреклась только по предположению, что это угодно Богу; говорила, что ее осудили за слова, которых она не говорила, за поступки, которых она не делала; что, впрочем, если судьи хотят, чтобы она надела женское платье, то она будет носить его, кроме же этого, она не уступит ни в чем. Кажется, ее оставили в том убеждении, что будет пощажена ея жизнь; но Кошон, выходя из ея темницы, весело сказал сопровождавшим его англичанам: «Прощайте, дело с нею покончено, будьте спокойны».

На другой день духовный суд собрался в руанском архиепископском дворе. Кошон изложил свой разговор с Жанной; все судьи, кроме одного, объявили, что обвиняемую должно признать впадшею в прежний грех и передать светской власти для того, чтобы та подвергла ее обычной казни, т. е. сожжению.

Нашли неудобным снова призвать Жанну в публичное заседание суда и утром 30 мая послали к ней в темницу доминиканскаго монаха Лавеню объявить ей приговор. Лавеню

исповедовал ее и причастил, чего она очень желала, потом сказал ей, что настал ея последний час; она заплакала, и когда к ней пришел Пьер Кошон, она сказала ему: «Епископ, я умираю через вас». В девятом часу утра посадили ее на телегу и под большим конвоем повезли на площадь Стараго рынка. Там были поставлены эстрады, одна для нея, другая для судей; посредине была третья эстрада для заведующаго полицией в Руане, а против средней эстрады был сложен на высоком помосте костер. Когда Жанну привезли на площадь, Николь Миди произнес проповедь, кончавшуюся словами: «Жанна, иди в мире, церковь уже не может защищать тебя». Она слушала внимательно, по окончании проповеди стала на колени, благоговейно помолилась и сказала, что прощает своим врагам. Кошон прочел приговор, объявивший, что она, как гнилой член, извергается из лона церкви и передается светскому правосудию.

На Жанну надели шапку осужденной на сожжение; на шапке была надпись: «Еретичка, впавшая в прежний грех, отступница, чародейка». Когда Жанну возвели на костер и привязали к столбу, она просила, чтобы ей дали крест: какой-то сострадательный англичанин связал две лучинки крестом и подал ей. Она благоговейно поцеловала этот крест и прижала его к своей груди; потом попросила доминиканскаго монаха Изамбара, во время процесса выказывавшаго ей большую симпатию, чтобы он взял из соседней церкви распятие и держал перед нею, пока она не умрет. Когда пламя вспыхнуло, монах, провожавший Жанну на костер, сошел с помоста; он слышал ея восклицания, что откровения ея были от Бога; последнее слово, которое она произнесла на костре, было «Иисус!»

Многие из присутствовавших при ея сожжении плакали, многие из судей, осудивших ее, с раскаянием ушли с площади, говоря; «Мы убили святую». Жанна погибла, но не погибло ея дело. Прошло 20 лет, и все почти англичане были изгнаны из Франции,—в их руках остался только один город Калэ. Карл VII теперь был полный властитель всей Франции. Политический расчет и благодарность требовали очистить память Жанны от обвинений. Карлу нельзя было оставить на себе самом пятно, что коронование его в Реймсе было делом дьявола, и когда мать Жанны обратилась к духовенству с просьбой пересмотреть дело Жанны, он поддержал ее, и в 1456 году был назначен новый суд в Руане. Все дело было пересмотрено, и Жанна была объявлена осужденною невинно. Это решение было отпраздновано религиозною процессией, и был поставлен крест на том месте, где она была сожжена.

В 1894 году католическая церковь признала Жанну блаженною (beata). В Париже эта беатификация была отпразднована торжественным богослужением 10 апреля в Notre-Dame de Paris. Находящаяся в Париже конная статуя Жанны, этой национальной французской героини, служит теперь предметом всеобщаго обожания.

С. Анцыферов.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ....2
L. Завоевание Англии норманнами....3
LI. Происхождение парламента в Англии....34
ГЛАВА I. Короли и общество в Англии до 1215 г....34
ГЛАВА II. Великая Хартия Вольностей....44
ГЛАВА III. Симон де-Монфор и бешеный парламент....52
ГЛАВА IV. Парламент 1265 года. Парламент при Эдуардах....60
LII. Возстание Уота Тайлера....71
LIII. Филипп II Август....81
LIV. Генеральные штаты во Франции в половине XIV-го века....91
LV. Людовик XI....103
LVI. Арабы в Испании....115
LVII. Господство Медичи во Флоренции....127
LVIII. Прибалтийские славяне....153
I. Быт прибалтийских славян....153
II. Борьба прибалтийских славян с германцами за независимость....161
III. Колонизация Прибалтикой страны....172
LIX. Бранденбургское маркграфство при первых Гогенцоллернах....178
LX. Город Кельн в средние века....191
I....192
II....199
III....207
LXI. Ганза....218
LXII. Пржемысл II....230
LXIII. Карл IV....247
LXIV. Судьбы австрийских славян....282
LXV. Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше....291
I....291
II....298
LXVI. Польский король Казимир Великий....306
I....306
II....308
III....315
LXVII. Нешавские статуты Казимира Ягеллончика, их место и значение в истории государственнаго развития Польши....322
II....325
III....330
IV....333
LXVIII. Стефан Душан (1331—1354)....341
LXIX. Косовская битва....353
I....353
II....359
LXX. Турки в Европе и падение Византии....367
LXXI. Жанна д'Арк....386
Оглавление....399